

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

*Дом
князя Гагарина*

Сборник научных статей и публикаций

Выпуск 5

Одесса
ЗАО «ПЛАСКЕ»
2009

ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6

Д 66

УДК 069.02:82(477.74-21)

Д 66 **Дім князя Гагаріна**: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. – Вип. 5. – Одеса: ЗАТ «ПЛАСКЕ», 2009. – 432 с.: ілюстр.

ISBN 978-966-8692-18-5

Українською та російською мовами

У збірнику представлені роботи з історії літературного життя Одеси: перші публікації рукописів українських та російських письменників XIX – XX ст., матеріали до біографій діячів культури, опис раритетних експонатів з фондів Одеського літературного музею.

Сборник содержит работы по истории литературной жизни Одессы: первые публикации рукописей украинских и русских писателей XIX – XX вв., материалы к биографиям деятелей культуры, описание раритетных экспонатов из фондов Одесского литературного музея.

***Книга издана при содействии
народного депутата Украины С.Р. Гриневецкого***

Редакционная коллегия:

Липтуга Татьяна Ивановна, директор ОЛМ

***Семыкина Галина Георгиевна, заведующая отделом
научно-исследовательской и экспозиционной работы ОЛМ***

***Яворская Алена Леонидовна, заместитель директора ОЛМ
по научной работе***

Иллюстрации, кроме особо оговоренных, из фондов ОЛМ

ISBN 978-966-8692-18-5

© Одеський літературний музей, 2009
© ЗАТ «ПЛАСКЕ», 2009

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл
свою деятельность одесский
Литературно-художественный клуб!*

А. М. Дерибас

СОДЕРЖАНИЕ

С.Р. Гриневецкий. Приветственное слово	5
М.Г. Соколянский. Предисловие	7

Статьи

С.В. Оржиховский. Неизданный дневник периода Отечественной войны 1812 года	10
А.М. Нирша. Семейные реликвии брюссельских Пушкиных	56
Л.С. Хивренко. Еще раз о рукописи воспоминаний А.И. Арнольди	71
О.И. Губарь. Первый «Гамбринус»	94
В.С. Фельдман. История одного книжного собрания (библиотека А.Г. Строгонова)	100
Е.А. Каракина. «Белый спаситель»	114
С.З. Луцик. Собиратели «летучих изданий»	120
Е.М. Голубовский. Из одесской «Зеленой лампы»	144
И.М. Федорков. Портрет Велимира Хлебникова	158
А.Л. Яворская. Письма Семена Кирсанова	161
Д.Я. Бондаренко, А.Н. Катчук. Неопубликованное из архива Анатолия Катчука ...	192
Н.Н. Панасенко. О «Зеленом фургоне» и его авторе	215
А.Л. Яворская. Письма А. Козачинского	240
Л.А. Мельниченко. Нотэ Лурье. Биография на фоне анкеты	261
А.А. Панков, А.Н. Полторацкая. «Ловец людей, их спутник и учитель...» (К 100-летию со дня рождения Н.А. Полторацкого)	274
А.Н. Полторацкая. «Ну вот, допрыгался» (Николай Полторацкий)	287
Т.И. Заярна. «...Хто хоче жити, не сміє займатися мистецтвом...»	298

Публикации

С.С. Кушковской. «Военной журнал. О движениях и военных действиях, 32-го егерского полка, в большую и достопамятную французскую компанию! С 1812 года»	13
З.К. Шишова. Пенаты. Стихи	148
С.И. Кирсанов. Письма	162
И.Ф. Рубанец. «Страна чудес»	195
А.В. Козачинский. Письма к Е. Петрову	242
Н.А. Полторацкий. Письмо к Л.А. Успенскому	290
Б.А. Нечерда. Священный мрець. Роман	303
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	428
ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ	429

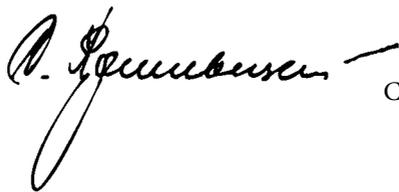
Верность традиции всегда являлась для меня одним из главных приоритетов. А если прибавить любовь к родному краю, великолепное знание его истории, огромный научно-исследовательский потенциал – то это и будет сборник статей и публикаций «Дом князя Гагарина», пятый выпуск которого я держу сегодня в руках.

В былые времена все было просто – писатель или авторский коллектив приносил рукопись в издательство, ее ставили в план, и на полках библиотек и книжных магазинов появлялись книги. Сейчас времена другие. Издатель считает деньги, гонится за конъюнктурой. А писатель, учёный, исследователь по-прежнему пишет, потому что это его профессия, жизнь и судьба. Шансы автора научной публикации выйти к читателю сегодня резко уменьшились. Поэтому я считаю своим долгом одессита и политика делать все возможное, чтобы издания именно местных авторов, учёных, исследователей, краеведов увидели свет и пришли к читателям.

Актуальность и ценность этой работы обусловлены для меня двумя главными причинами: во-первых, книга обращает читателя в прошлое – к немалому накопленному опыту добрых и важных дел, совершенных на благо нашего Отечества и ставших огромным вкладом в духовное развитие Одессы. Во-вторых, это издание являет собою не просто дань памяти. Оно даёт нам возможность осмыслить и широко использовать это наследие в нашей нынешней жизни. Оно отсылает нас в будущее – к поиску путей, подходов и технологий выведения современной социальной и духовной политики на качественно новый уровень. Представленный вашему вниманию сборник – не мертвая, неодушевлённая вещь; он содержит в себе семена жизни, духовного развития, исторической памяти. В нём сконцентрированы энергия и экстракт того живого разума, который создал эту книгу. Ведь среди авторов – такие известные имена, как журналист и культуролог Евгений Голубовский, историк и краевед Олег Губарь, библиофил Сергей Лущик, исследователи и литературоведы Елена Каракина, Алла Нирша, Анна Полторацкая, Алёна Яворская.

Так пусть же не увянет научный и творческий потенциал всех создателей этой книги, пусть хранит Бог Одесский литературный музей, а высокий дух Дома князя Гагарина помогает вашему коллективу и вдохновляет меценатов на помощь!

Искренне Ваш

Сергей Гриневецкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло всего двенадцать лет со времени появления первого выпуска сборника научных статей и публикаций Одесского литературного музея под общим названием «Дом князя Гагарина». Срок не такой уж большой, однако сделано за это время немало: вышедшие четыре тома (в пяти книгах) названного продолжающегося издания, успевшего обрести своё лицо, вполне заслуживают отдельной полки в любом собрании краеведческой одессики. Теперь читатели открывают очередной, пятый том.

По традиции костяк авторского коллектива книги составляют научные сотрудники Литературного музея. Однако это, по сути, лишь ядро, вокруг которого объединилось для решения поставленных немаловажных задач значительное число научных работников, опытных библиографов, архивистов, журналистов, коллекционеров. Расширение круга авторов закономерно повлекло за собой и большую широту исследовательских интересов, а также жанровое и стилевое разнообразие публикуемых материалов.

Тексты, составляющие сборник, неоднородны ни по объёму, ни по стилю изложения, ни по строгой принадлежности к той или иной науке либо научной дисциплине. Есть статьи на темы социальной и культурной истории, есть литературоведческие и краеведческие очерки, есть черновики и намётки незавершённых художественных произведений, документы и даже не предусмотренные научным подзаголовком книги выходы в откровенную журналистику... В разысканиях своих авторы использовали по преимуществу фонды Одесского литературного Музея, но, кроме того, есть здесь сообщения, базирующиеся на материалах одеских научных библиотек, областного архива и, что зачастую не менее ценно, частных архивов и коллекций.

При всём видимом разнообразии источников, тем, жанров, содержание этого сборника, как и предыдущих выпусков, консолидирует одно общее качество – связь публикуемого, описываемого и исследуемого фактажа с историей и культурой родного города. Иногда это связь биографическая (когда речь идёт о писателях, художниках или мемуаристах, связанных целыми периодами своей жизни с Одессой), иногда тематическая или – когда речь идёт об истинно художественных произведениях – творческая.

В историко-литературных сообщениях особое внимание способны привлечь новые сведения о жизни и творчестве известных писателей. Таковые содержатся, например, в письмах поэта Семёна Кирсанова, систематизированных и прокомментированных А. Яворской, или в малоизвестных стихотворениях Зинаиды Шишовой, предваряемых вступлением Е. Голубовского.

Внимание профессиональных историков, равно как и всех, кто серьёзно интересуется историческим прошлым, несомненно, задержится на неизданном дневнике, относящемся ко времени Отечественной войны 1812 г. (публикация С.В. Оржеховского), и на документе совсем иной эпохи - повествующем о трагическом периоде национальной истории XX века памфлете «Страна чудес», автор которого, учитель из Котовска И.Ф. Рубанец, был репрессирован в конце 1930-х гг. (публикацию подготовили Д. Бондаренко, А. Катчук).

В историко-культурном блоке можно выделить – и по научной целесообразности тематики, и по уровню описания и осмысления – статьи С.З. Лущика и В.С. Фельдмана. В очерке С. Лущика «Собиратели "летучих изданий"» описан, систематизирован и проиллюстрирован поистине богатый материал, включающий программы литературных вечеров, каталоги художественных выставок, театральные афиши и другие «летучие издания», дающие представление о культурной жизни города на протяжении солидного периода его истории. Известный знаток именных фондов в научной библиотеке Одесского университета В.С. Фельдман описал библиотеку графа А. Строгонова, уделив внимание и личности собирателя, бывшего генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии в 1855-63 гг. да к тому же президентом Одесского общества истории и древностей на протяжении более чем двадцати лет. Богатейшее книжное собрание Строгонова составило второй по размеру и значению фонд в научной библиотеке, принадлежащей старейшему вузу города и края.

Некоторые публикации в пятом томе, пересекаясь по затронутому материалу, в какой-то мере и дополняют друг друга. К примеру, статья А. Панкова и А. Полторацкой «Ловец людей, их спутник и учитель...» является, по сути, вполне уместным развёрнутым предисловием к публикации письма Н.А. Полторацкого – преподавателя Одесской духовной семинарии, прошедшего значительную часть своей жизни в эмиграции – во Франции. Публикуемое письмо адресовано другу Полторацкого Л. Успенскому и содержит рассказ о первых впечатлениях репатрианта от встречи с послевоенной Одессой. А. Яворская представляет часть эпистолярного наследия талантливого писателя Александра Козачинского, свидетельствующую об истинной трагедии обречённого на умирание и страдающего в последние годы жизни от болезни и от чиновничьей чёрствости человека. Тому же писателю посвящена и статья Н. Панасенко «О "Зелёном фургоне" и его авторе».

Собственно название упомянутого материала явно шире, чем его содержание. Автора статьи интересует разве что биографическая основа сюжета известной повести А.В. Козачинского, причём интересует не как литературоведа, а скорее – как архивиста. В своё время выяснению этой проблемы (на основании серьёзных архивных разысканий) отдал дань видный историк Украины профессор А.Д. Бачинский. Некоторые из его публикаций послу-

жили Н.Панасенко своего рода лодией в море архивных материалов. Последующие исследователи неординарной сюжетной первоосновы «Зелёного фургона» смогут учесть и её предположения.

В сообщении видного одесского коллекционера, полковника медицинской службы И.М. Федоркова «Портрет Велимира Хлебникова» представлен графический портрет знаменитого поэта, выполненный широко известным художником Юрием Анненковым. Портрет воспроизводится в книге, подробно рассказано о том, как попал он в личное собрание одесского коллекционера.

Особое место занимает в сборнике впервые публикуемый неоконченный роман одесского поэта Бориса Нечерды (1939-1998) «Священный мрец» (публикация и вступительная статья Т. Заярной). В предыдущем, четвёртом выпуске «Дома князя Гагарина» тем же публикатором были представлены последние стихи Б. Нечерды, предназначенные для его сборника «Остання книга»; новый выпуск даёт возможность познакомиться с главами последнего произведения Нечерды-прозаика. Что касается собственно незавершённого и не обработанного автором романа, то он наверняка заинтересует знатоков и любителей творчества покойного поэта, но и не только их. Роман даёт дополнительный материал для изучения истории украинской художественной литературы конца предыдущего столетия, позволяет заглянуть в лабораторию так называемой постмодернистской прозы, у которой есть немало заинтересованных читателей.

В кратком вступлении невозможно охарактеризовать с достаточной полнотой всё разнообразие публикуемых статей и материалов. Хочется подчеркнуть главное. Во-первых, в подавляющем большинстве содержание сборника является достойным откликом на ту востребованность в историческом и литературном краеведении, которая присуща сегодня читательскому сообществу, во много раз превышающему скромные числа, обозначающие нынешние тиражи научных изданий. Во-вторых, выход очередного сборника есть результат *систематической* научно-литературной работы, центром которой является Одесский литературный музей. Регулярность выхода сборников «Дом князя Гагарина» вселяет оптимизм: думается, что книгой, предваряемой этими замечаниями, полезная серия ни в коем случае не завершится. Продолжение, надо полагать, следует.

М.Г. Соколянский,
доктор филологических наук, профессор

С.В. Оржеховский

НЕИЗДАННЫЙ ДНЕВНИК ПЕРИОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года

Ничто так живо не доносит до нас дыхание дней прошлого, как мемуарная литература. Она дает возможность ощутить не только время, человека, но и сблизить эпохи, сблизить поколения в любви к Отечеству.

«Время от 1812 до 1815 годов было великой эпохой для России» – отмечал В.Г. Белинский. Оно отразилось в многочисленных произведениях искусства, музыки и, особенно, литературы.

Корпус мемуаров о войне 1812 года, по свидетельству А.Г. Тартаковского, «...включает в себя более 450 самых разнообразных по объему, манере повествования и идейной направленности памятников, главным образом опубликованных, но также и рукописных...».

К числу последних можно добавить небольшую по объему рукопись, хранящуюся в одном из частных собраний нашего города и, по имеющимся сведениям, ранее не публиковавшуюся.

Автор записок, Сергей Кушковской, озаглавил их «Военной журнал. О движениях и военных действиях, 32-го егерского полка, в большую и достопамятную французскую компанию! С 1812 года».

На обороте титульного листа посвящение:

«Его высокоблагородию Григорию Сергеевичу Кушникову Милостивому Государю с глубочайшим почтением и преданностью посвящает сочинитель, отставной штабс капитан и кавалер Сергей Кушковской».

Рукопись заключена в полукожаный переплет, оклеенный цветной бумагой с «разводами». Число страниц [4]+89+[1]; 18,5×15,5 см. Чернила темно-коричневые, местами выцветшие, бумага плотная, желтоватая, на некоторых листах имеются филигранные У Ф К П К (Угличская фабрика купцов Попова [и] Кузнецова), датируемая Клепиковым 1818 г.

В левом верхнем углу обратной стороны первого нумерованного листа надпись карандашом: «Из собр. Линниченко».

Дата написания «Военного журнала» отсутствует. Однако по ряду признаков, важнейшим из которых является время изготовления бумаги, а также по некоторой ретроспективности оценки событий (например,

запись от 20.1.1814 г.), можно утверждать, что написан он в середине 10-х годов XIX века. Судя по заносимым почти ежедневно записям с указанием городов и местечек, в которых дневал или ночевал полк, по множеству отмечаемых мелких подробностей, мы предполагаем, что публикуемый документ написан на основе более раннего, который велся на протяжении 1812-14 годов. На это же косвенно указывают аккуратность и тщательность заносимых в дневник фраз, каллиграфически выведенных уверенным, иногда бисерным почерком без помарок и исправлений.

Имя автора записок, Сергея Кушковского, мы узнаем из посвящения. Военная судьба, ограниченная 1812-14 годами, становится известной из текста «Журнала». В начале войны автор служил юнкером и первый офицерский чин получил за храбрость в ноябре 1812 года. Войну окончил подпоручиком. За отличия был награжден орденами Св. Анны 4 и 3 степеней. О дальнейшей судьбе его стало известно после запроса в Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР.

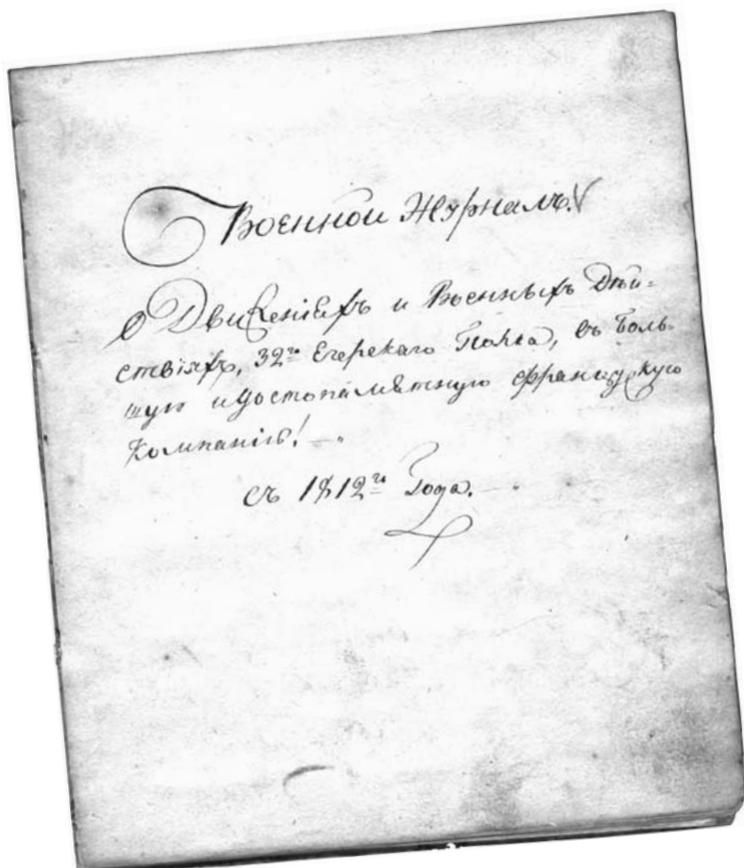
Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность старшему научному сотруднику Государственного исторического музея В.А. Дурову и старшему научному сотруднику ЦГВИА СССР А.М. Вальковичу, оказавшему помощь в получении копии послужного списка.

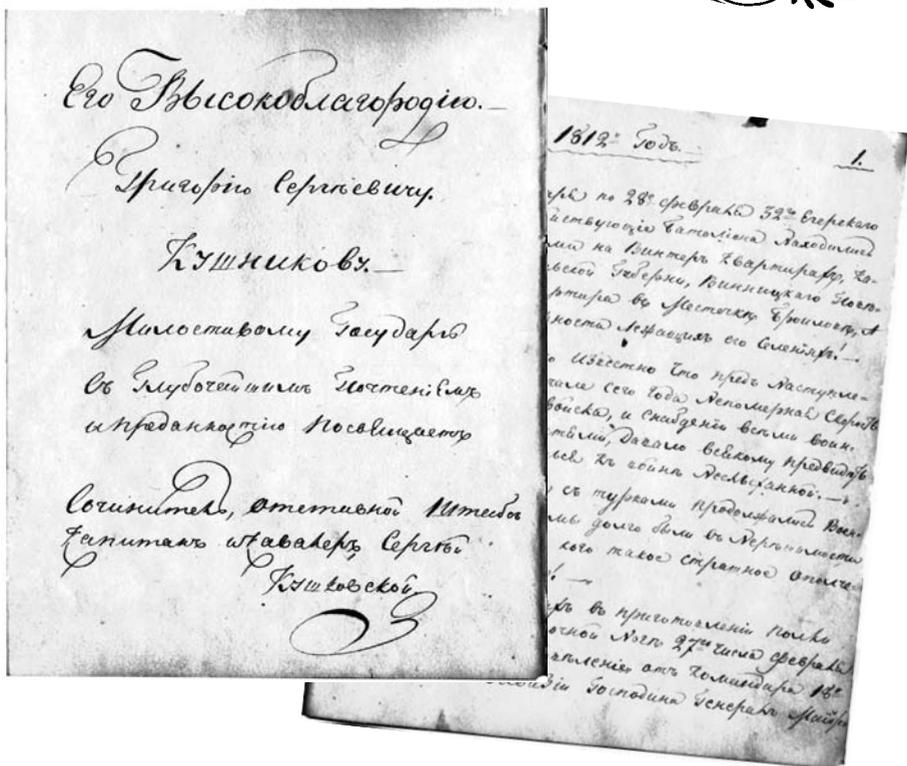
Сведениями об адресате посвящения, Григории Сергеевиче Кушникове, мы пока не располагаем. Предположительно, по совпадению фамилии и отчества, он мог состоять в родстве с С.С. Кушниковым (1755–1839), Санкт-Петербургским губернатором и сенатором, в начале 10-х годов XIX века председательствовавшим в Диване княжеств Молдавии и Валахии. О занимаемом им положении можно судить лишь очень приблизительно, на основании титулатуры «высокоблагородий», принятой в то время как к штаб-офицерам, так и к гражданским чиновникам соответствующих классов.

Благодаря полученным архивным данным можно с уверенностью считать, что рукопись была написана между декабрем 1817 и февралем 1819 года, то есть тогда, когда автор находился в отставке. Очевидно, в это же время рукопись была подарена Г.С. Кушникову.

Местонахождение дневника до начала XX века не прослеживается. Затем он попадает в собрание профессора И.А. Линниченко (1887–1926), работавшего в Новороссийском университете в конце XIX – начале XX века известного историка, собирателя литературы по истории славянских народов. По сведениям старожилов, Линниченко был дружен с наследниками знаменитого одесского коллекционера И.И. Куриса (1841–1898). Не он ли был предыдущим владельцем рукописи?

Надпись «Из собрания Линниченко» могла быть выполнена самим профессором или, вероятнее, последующим владельцем рукописи дневника. Судьбу библиотеки Линниченко проследить не удалось, книги с его экз-либрисами или владельческими записями в Одессе не обнаруживаются. Сам профессор в 1921 году перебрался в Симферополь, где и умер. Архив И. А. Линниченко в настоящее время хранится в ГА Крымской обл. (ф. 538) и в ГА Одесской обл. (ф. 153). Нами была предпринята попытка разыскать сведения о «Журнале» среди документов профессора, находящихся в Одесском архиве. Однако, в сохранившейся переписке с членами семьи Курис, с редакциями журналов «Голос минувшего» и «Исторический вестник», а также в перечне опубликованных в печати статей Линниченко какие-либо упоминания об интересующем нас документе отсутствуют.

Военной журнал. О движениях и военных действиях, 32-го Егерскаго полка, в большую и достопамятную французскую компанию! С 1812-го года*

Его Высочеством
Григорію Сергеевичу
Кушникову
Милостивому Государю
с глубочайшим почтением
и преданностью посвящает
сочинитель, отставной штабс-
капитан и кавалер Сергей
Кушковской

* Публикуется с сохранением орфографии и пунктуации автора.

1812 год

С 1-го января по 28-е февраля 32-го Егерского полка два действующие батальона находились расположенными на Винтер квартирах, Каменец Подольской Губернии, Винницкого Повета, штаб квартира в Местечке Броилове, А роты в окружности лежащих его селениях!

Всем было известно что пред наступлением и в Начале сего года непомерная скорость в образовании войска, и снабжении всеми воинскими Потребностями, давало всякому предвидеть что оно клонится к войне неслыханной.

В то время с турками продолжались Военные действия, и мы были в нерешимости судить, против кого такое страшное ополчение готовиться!

Среди Сует сих в приготовлении полка к походу на прочной ноге 27-го числа февраля получено было повеление от командира 18-й пехотной Дивизии Господина Генерал Майора и кавалера князя Щербатова, чтоб по получении онаго выступить из квартир в 24 часа.

Февраля

28-го Полк из Местечка Броилова выступил и следовал по Данному ему маршруту чрез уездные города, Летичев, Староконстантинов, Заслав и Остроги.

В назначенные кантонир квартиры [кантонир-квартира – место временного расквартирования войск – С.О.] Дубенского повета, в местечко Козин, куда и прибыл 12-го Марта! по 17-е число тогож Марта, Штаб квартира полка находилась расположенною в самом Местечке, А роты по близости в 9-и селениях

Марта

17-го По повелению же дивизионнаго командира из Местечка Козина полк выступил и прибыл на вновь назначенные ему кантонир квартиры Волинской губернии Владимирскаго повета в Местечко Локачи, 20-го Марта в коем расположен был штаб, а роты в селениях по 18-е Маяя.

Маяя

18-го Полк из Локач выступил Ковельского повета в селение Богушовку, где и был расположен по 31-е число по клуням.

31-го Из Богушовки выступил полк Владимирскаго повета в местечко Озеряны, в коем расположен был по клуням. 28-й Егерский полк стоял тутже.

Июля

3-го Полк из Озерян выступил и следовал чрез город Ковель, до Местечка Камен-Каширска где и поступил в отряд Генерал Майора Мелисино.

6-го Полк с отрядом из Камен-Каширска выступил, и прибыл в Местечко Любашев Пинскаго повета, в коем находился по 11-е число!

11-го Из Любашева выступили в Селение Мохры!

11-е, 12-е Июля были в перестрелке с Австрийцами при Селении Кужеличинах, и 13-е что на реке Пыне, роты 3-е гренадирская, 2-е, 7-е и 9-е егерские.

- 14-го Занято было селение Кужеличин
16-го Была командирована 7-я Егерская рота в отряд полковника князя Жевахова в Местечко Янов, в коем 17-го числа была перестрелка с отрядом Саксонских войск. И из Янова обратно прибыли к полку.
18-го Отражены были 8-я и 9-я Егерская роты в Местечко Антополь.
19-го Полк с отрядом прибыл в Местечко Дорогичин, в коем находился по 23-е июля.
23-го Полк выступил в Местечко Янов.
24-го В селение Обров
25-го В город Пинск
26-го В селение Озаричи
27-го В селение Колонска [?]
28-го В селение Великой Гати.
29-го Обратно к Пинску, в которой и прибыли 31-го числа, оставя 8-ю Егерскую роту в местечке Лагойшине, которая имела перестрелку близ онаго Местечка с австрийцами.
- Августа
4-го Из Пинска выступили в селение Дубовую.
5-го В Кужеличин.
6-го В Дольск.
7-го В Любляви – в коем и находились по 14-е число! В бытность сию при оном Местечке была перестрелка с Австрийцами, куда были посланы 2-я и 7-я Егерская роты, также была перестрелка при селении Шлаузнаго.
14-го Из Любляви выступили до Червиц.
15-го До Маневич.
16-го В Местечко Колки, при коем и расположен был биваком по 13-е сентября. В бытность сию при Колках отражены были роты, для содержания постов в селение Годолича, Майоничка, и Местечко Рафайловку, при Годоличах были в перестрелке с Австрийцами рота 3-я гренадирская, 3-я и 6-я Егерская.
- Сентября
9-го Полк из отряда Генерала Милисино вышел и остался с 4-мя орудиями легкой роты № 34-й, с двумя эскадронами Лубенскаго полка гусар, и 96-ю казаками, при оном же Местечке Занев все посты отрядом занимаемые и стоял по 13-е число!
13-го Полк по предписанию Начальника Главного Штаба Господина Генерал Майора и кавалера Инзова, из расположения выступил с оными командами для присоединения к Армии выступившей в поход на Местечко Торчин из под Луцка. И следовал чрез Местечко Торчин, Киселин, Турчин, и Любаиль, а 19-го числа в селение Згорем [?], где и присоединился к Армии.
30-го Полк выступил в Авангарде к Генерал Майору и кавалеру Чаплицу, с коим выступил в поход.
- Октября
4-го В городе Пружаны.
5-го В Местечко Сельцы, где разставлен был по квартирам.

- 6-го В Ружанах, где и имели ночлег.
- 7-го До розсвету часа за два выступили из Ружан к городу Слониму, в коем был польской Генерал Конопка, и формировал Литовскую Гвардию; Но в тот же день прибывший к Городу козачий Дячкина полк, ворвавшись в Город по некотором сопротивлении принудил всех Гвардейцев сдатьсся Военнопленными, их было взято до 3000-х Человек – с штаб и обер офицерами, Словом! весь штаб генерала Конопки, самже он ускользнул было из города с Кузнецой [?] в которой было 8000 червонных Но настигнут, и добыча же сия досталась победителям, с фамилиею своей и Матерью также попался в плен! Потом вошли в Город 28-й и 32-й Егерские полки, где и были по 10-е число в квартирах!
- 10-го Возвратился опять полк в Ружаны, где и квартировал по 21-е число.
- 21-го Полк выступил с отрядом в город Слоним, где и был по 24-е число.
- 24-го Выступил по Новогрудской Дороге до селения Исавич.
- 25-го До Местечка Дварца.
- 26-го Из онаго обратно чрез Исавичи до Слонама в которой и прибыли 27-го числа.
- 30-го Поход до Местечка Полонки.
- 31-го До Местечка Новый Свержен.
- Ноября
- 1-го Поход до Селения Малово.
- 2-го До Местечка Несвиж.
- 7-го В Городе Минске.
- 8-го В Селение Прилепы.
- 9-го В Местечко Зембин.
- 10-го Прибыл к городу Борисову не доходя коего имел ночлег биваком при реке Березе, во время дня погода была теплая, с полдня же шол сильной и мокрой снег, шалашов зделать было не из чего, и вночь было жестоко холодно, потому что ноги были обмокши, а потом зделался мороз. В тот же день французы заняли город Борисов.
- 11-го От Борисова авангард выступил чрез Стахов к селению Крупщих [?], что на реке Березе, где и расположился биваком.
- 14-го Полк отступил обратно к Борисову, не доходя коего остановился при селении Стахове. В половине того дня после отступления Авангарда, Неприятель начал переправляться при селении Крупцихе [?], и составленными 28-го Егерскаго полка стрелками началась перестрелка. Неприятель усилившись преследовал наших до половины лесу, находящегося между Крупцихом и Стаховым. В подкрепление их послан был от 32-го Егерскаго полка 1-й баталион, а перед вечером вступил и 3-й баталион в дело. Сражение продолжалось до 8-го часу вечера в лесу, и по окончании Авангард имел ночлег при селении Стахове на поле без шалашей, неприятель же не отступив нисколько также имел ночлег в лесу!
- 15-го Авангард и неприятель ничего не предпринимали!

- 16-го Началось сильное сражение где вступил в дело весь корпус графа Ланжерона, сражение продолжалось с утренней зари и до самой ночи неприятель отступил или по справедливости отогнали верст на 5-ть, как он ни старался усиливаться.
Во весь тот день шол сильной и мокрой снег с погодою, – наш Авангард и неприятель ночевали в лесу!
В сих сражениях убиты порутчики Татаринов, и Кравков – ранены майор Соколов, штабс капитан Крутых, прапорщик полковой адъютант Лушковской, баталионной Крыжов, шефской Порутчик Шилин 1-й, подпорутчик фон Гус, и прапорщик Филатов. Нижних чинов убито и без вести пропало фельтфегель один, унтер офицеров шесть, рядовых сто тридцать один, ранено более двух сот человек! Во время сих сражений по обеим сторонам дороги и по дороге лежало столь много тел и оружия что с трудом можно было проходить обозом – и лес оной да предбудет вечным памятником страшной битвы сей!
За сии два дела то есть: За 14-е и 16-е число я произведен за отличие в прапорщики.
- 17-го Полк с Авангардом выступил сночлега до селения Брыли, неприятель же начал ретироваться, того дня мороз был крепкой и ночь провели крайне безпокойно, потому что соломы и дров достаточно не было!
- 18-го Полк проходил чрез Местечко Зембин в котором имел ночлег 9-го числа, оно было неприятелем сожжено, А какие остались дома те были наполнены множеством, умершими, замерзшими, ранеными и больными французами!
- 19-го Полк следовал по большой Виленской дороге и Местечку Илии, где были в перестрелке 3-я и 9-я Егерские роты. Неприятель по приближении Авангарда из местечка Илии по дороге к Молодечну отступил в самой уже ночи.
- 22-го Поход до Молодечна где неприятель разломал на реке мост, и тем остановил стремление войск наших. Остановясь в Местечке делал из орудий канонаду по нас, в тот день посланы были в перестрелку 2-я и 7-я Егерские роты, где и убит порутчик Черкасов! Во время дня было тепло, к вечеру же погода настала холодная и мороз жестокий, бивак был самой безпокойной Дров и соломы не было!
Днем была видна ужасная картина. – Женщина французенка без обуви и теплаго платья кроме как в летнем, изнуренная от неимения пищи, и от холоду, Держала на ознобленных руках своих младенца застывающего в глазах ее, не лзя смотреть было без сострадания на помочи дать ни какой возможности не было, огни были малы всякому была своя жизнь дорога, не знаю какие были последствия, но кажется она должна погибнуть и с младенцем своим от холоду!
- 23-го На разсвете неприятель ретировался и Авангард перешед чрез переправу, и чрез Местечко Молодечно, следовал до Местечка Сморгони. Переход был верст с 40-к и Мороз сильной. По дороге попадалось множество французов, особенно в селениях, где их

- чрезвычайное множество умирало от холоду, голоду, и без презрения. Пушек же на сем переходе французами было брошено до 40-а и множество зарядных ящиков.
- 28-го Полк прибыл в город Вильно в коем были остановлены неприятелем, и по некотором супротивлении от него вступить Авангарду было не возможно, наконец посланными 2-ю Егерского и 3-ю Гренадирскими ротами неприятель был выгнат, а потом весь Авангард вступил в город Вильно. Там было найдено множество Аммуниции и оружия; В предместии на дороге столько было навалена обозу, и пушек, что с трудом могли пройти!
- 28-го Жители Города Вильны Эвреи встречали войска с живейшею радостию, потом полки были разставлены по квартирам; – Во время марша, до Вильны от Города Борисова с 17-го ноября по 28-е число, по дороге везде видны были во множестве трупы мертвых тел французов от стужи либо от болезни, пушки с нарядами, ящики, коляски, и разные повозки с Воинскими потребностями, многие тысячи полумертвых французов и другие Нации бывшие в войске французском идущих без всякого присмотра на нашу сторону без пропитания и среди жестоких морозов, и ныне греясь у зажженной хаты обжигали себе головы, руки и ноги, иные среди болезни не имея хлеба, и воды терзались мучительною смертию, и из отчаянности бросались сами в огонь. Все это, и тому подобное представляло ужасную картину погибающего человечества!
- 30-го В город Вильно изволил прибыть в вечеру Его Светлости Главнокомандующий Генерал фельдмаршал князь Голенищев Кутузов, Эвреи кричали ему несколько раз Ура!
- Декабря
- 1-го Полк выступил в Местечко Новые Троки, где и имел ночлег по квартирам.
- 2-го В селение Смолишки.
- 3-го В местечко Стехлишки.
- 4-го В селение Копаны.
- 5-го Дневал.
- 6-го Полк выступил из Кошин и перейдя реку Неман вступил в Герцогство Варшавское, Пройдя Местечко Прен, прибыл в назначенные кантонир квартиры в селение Инговинки, Шавлишки и Поневлишки, в сей последней расположен был штаб по 17-е Декабря!

В Герцогстве Варшавском

- 17-го Полк из Поневлишки выступил и имел ночлег в селении Иглишанцах.
- 18-го Полк следовал на Местечко Мариумполь и имел ночлег Штаб квартира в селении Гжи.
- 19-го Полк следовал на Местечко Волковиск и Имел ночлег в селении Ильвить
- 20-го Поли имел ночлег Штаб квартирой в селений Шаксневой.

- 21-го Полк перешол чрез границу Княжества Варшавского в Границы Пруссии, и имел ночлег Штаб квартирою в селении Бильдервейге.
- 22-го Полк следовал на Город Стулувены мимо коего пройдя имел ночлег в городе Гумбине!
Город Гумбин стоит на ровном месте. Город довольно обширен, и всем может нравиться своим построением, В нём очень мало домов высоких но низменные, и улицы широкие со вкусом зделаны, среди Города ратуша, и можно с уверительностию сказать, что Город с огромными Зданиями не так может быть приятен как сей!
- 23-го Полк дневал.
- 24-го Полк из Гумбина выступил и имел ночлег в местечке Дарнемонт.
- 25-го Полк следовал на селение Гроз-Тырхен, и имел ночлег Штаб квартира в селении Рейшефедре!
- 26-го Полк имел ночлег в Местечке Бартен.
- 27-го В Местечке Шипенбейне.
- 28-29-е В оном Местечке полк дневал.
- 30-е Полк имел ночлег в городе Бартенштейне.
- 31-го В Местечке Гельсберге!

1813 год

Генваря

- 1-го Полк имел ночлег в городе Воршдите.
- 2-го В селении Шмаухе.
- 3-го Дневал
- 4-го Полк следовал на Кантонир Квартиры в селение Купен, и имел ночлег в селении Гагенау.
- 5-го Полк прибыл в селение Купен и был расположен Штаб квартирою по 9-е Генваря.
- 9-го Полк выступил из селения Купен, и Имел ночлег в Местечке Дейч-Эйляу.
- 10-го Полк вступил в Герцогство Варшавское и Имел ночлег в Местечке Курентнике.

В Герцогстве Варшавском

- 11-го Полк имел ночлег в городе Страстбурге.
- 12-го Из Страстбурга полк выступил и Имел ночлег в Местечке Березник.
- 13-го Полк дневал.
- 14-го Прибыл в Местечко Кульмзею, в коем и был по 26-е число.
- 26-го Выступил полк к селению Стругау где и имел ночлег биваком.
- 27-го Полк вступил к Крепости Туруню, и обратно возвратился к селению Стругау на ночлег.
- 28-го Полк дневал.
- 29-го Выступил, и перейдя реку Вислу имел ночлег в местечке Шульце.
- 30-го Из Шульца полк выступил и прибыл в город Бромберг – в сем городе есть сахарная и бумажные фабрики!

31-го В оном городе полк дневал.

Февраль

- 1-го Полк из Бромберга выступил и прибыл в селение Колочково, где и была Штаб квартира по 6-е февраля.
- 6-го Полк выступил и пройдя местечко Шубин имел ночлег Штаб квартирой в селении Сламбово.
- 7-го Полк выступил и следовал на местечко Жерники, Яковец, и Лопенко[?], до селения Лопово, где и ночлег имел!
- 8-го Полк выступил и прибыл в селение Кршисницу где и стоял по 15-е число.
- 15-го Полк завывбором в 28-й Егерской полк 349-и человек выступил по поведению начальства обратно в Россию на формирование полка, и предписано по прибытии в Бромберг ожидать о дальнейшем следовании повеления – и имел ночлег в Местечке Жнины.
- 16-го Полк имел ночлег в Местечке Жнины.
- 17-го Выступил и имел ночлег в местечке Любашине. где есть суконная фабрика. 18-го Прибыл полк в город Бромберг, где и были по 27-е число.
- 27-го Полк выступил к местечку Гнеткову в отряд Генерал Лейтенанта Чаплица, и для принятия из 28-го Егерскаго полка обратно зданных людей – и следуя на Селение Сальвах, имел ночлег в селении Набути!
- 28-го Полк выступил к Местечку Гнеткову, не доходя коего у Карчмы Юрка-Круг называемой получено повеление по коему полк прибыл в назначенные квартиры. селение Лишково, где расположен был Штаб по 13-е число марта мца.

Марта

- 13-го Полк выступил из разположения выступил и прибыл к селению Подгуржу, что против Крепости Туруня, для содержания караула где и пробыв по 16-е число.
- 16-го Полк прибыл обратно в селение Лашков в коем и был разположен Штаб квартирою по 23-е число!
- 23-го Полк выступил к крепости Туруню, и предписано было переправясь чрез мост реки Вислы при селении Катринке ожидать повеления, А как мост еще не был зделан, то и имел ночлег биваком при оном селении.
- 24-го Полк дневал потому что мост небыл зделан.
- 25-го Полк переправясь по Мосту чрез Вислу прибыл под Турунь, и разположился Биваком позади селения Мокраго о полками 27-м и 28-м Егерскими, в отряд Генерал Майора Мещерикова.
- 26-го рота 3-я Егерская и 3-я Гренадирская под командою капитана Загорскаго, содержало пост в селении Мокром.
- 27-го 256-ть человек под командою Майора Вильбиха были в прикрытии рабочих, при закладывании траншей на левом фланге.
- 29-го 256-ть человек под командою капитана Лаппы были на работе в траншеях на левом фланге. Под командою Штабс капитана

- Зайцова 100-о человек были у прикрытия на оном же фланге, и 50-т человек находилось в резерве у Майора Котляревского. Шеф Генерал Майор Мещериков командовал всеми Траншеями; В ретраншементе убит черепом роты 1-й Егерской Эгерь один.
- 31-го 390-о человек под командою майора Вильбиха были у прикрытия на правом фланге, ранено в сие число, порутчик Масюгин, 7-й Егерской роты, юнкер Бельской, рядовых 1-й Егерской один, 2-й-Егерской три, 7-й Егерской два, и 8-й Егерской один, убит 1-й Егерской один.
- Апреля
- 2-го 400-о человек под командою Майора Котлеревского были у прикрытия на левом фланге, ранен 3-й Гренадирской роты унтер офицер один; из них 56-ть человек 1-й Гренадирской роты было на Бекете в Мокром!
- 4-го 370-т человек под командою Майора Вильбиха были у прикрытия Леваго фланга;
- 5-7-го Полк находился под Крепостью Турунью, и крепость здалась на капитуляцию.
- 8-го Полк прибыл в селение Литково.
- 9-го В оном же, А роты имели ночлег близ Любашина.
- 10-го Поход до местечка Кцина, в коем и был разположен полк штаб квартирою по 16-е число, где 13-го числа праздновали Пасху!
- 16-го Полк выступил и имел ночлег в местечке Голоничах.
- 17-го Полк выступил и имел ночлег в местечке Венгровяцах.
- 18-го В местечке Гослин.
- 19-20-го Дневка в оном же Местечке.
- 21-го Поход до города Познани где и имел ночлег. Сей город велик и торговой.
- 22-го Поход до местечка Бук.
- 23-24-го В оном местечке дневка.
- 25-го Поход до местечка Лвовичь, а по немецки Нейштат.
- 26-го Поход до местечка Тирштигель иди Тетиль [?]

В Силезии

- 27-го Поход до местечка Ливейбль.
- 28-го До местечка Лейтерздорф.

В Саксонии

- 29-го Поход до местечка Кроссен, чрез которое пройдя имели ночлег в селений Чауедорф.
- 30-го До местечка Губина.
- Мая
- 1-го До местечка Форса.
- 2-го До местечка Моска
- 3-го До селения Фирийхтет
- 4-го До города Бауцына, где была Главная Квартира
- 5-го Полк дневал

- 6-го В ночи выступили из разположения.
- 7-го Прибыли к местечку Кенигсварту, что в право от Бауцына 4-е мили.
По прибытии к Кенинсварту 18-я Дивизия была с леваго фланга, и открыт был в сильной колонне неприятель стоявший близ местечка на долине.-Против коего посланы были в штйки 32-й Егерской и Костромской пехотные полки, при встрече неприятель открыл сильной ружейной и пушечной огонь, но храбростию и быстротою был опрокинут и гнат за местечко!
В сем деле взято 3-м Егерским полком пять пушек и много пленных, убит Майор Вильбих, ранен капитан Лаппа I-й. Поручик Сербсавич, прапорщик Лазинской и полковой Адъютант Лушковской, тогож числа до окончания дела, полк возвратился на старой Лагерь, т.е. под Бауцын и прибыл 8-го числа по утру.
- 8-го Неприятель открыл огонь против Бауцына, и старался обойти правой наш фланг, для чего часу в 5-м по полудни войска правого фланга стояли до самой ночи в боевом порядке, а 28-й и 33-й Егерские полки были в сражении удерживая переправу, в сем сражении убит прапорщик Савостьянов, ранены Майор Котляревской, капитан Загорской, поручики Микулин, Масютин, Сотников, и прапорщик Ильинской, до наступления ночи сражение кончилось.
- 9-го Неприятель открыл огонь на правой наш фланг, и в 9-ть часов с обеих сторон открыт был огонь, наши отступили, А неприятель старался обойти наш правой фланг, в тот день до сумерек рано: штабс капитан Зайцев, Барон Людевик, подпоручик Золотницкой, прапорщик Надольской, Тюнеев, и Житков! Осталось после сражения поручик Рукин, и Лапицкой. Унтер офицеров двенадцать, музыкантов, двадцать один, Рядовых сто восемьдесят шесть, А Майя 7-го числа вступало в сражение штаб офицеров три, обер офицеров 20-ть унтер офицеров 38-мь Музыкантов 31-й. Рядовых 438-мь За сии три дела то есть: За 7-е 8-е и 9-е я награждён орденом Св. Анны 4-го класса!

Отступление всей Армии

- Тогож числа в ночи пройдя местечко Рейхенбах.
- 10-го до города Герлицы
- 11-го до – Ляубан
- 12-го до города Бунслау.
- Майя
- 13-го до – Гейнау.
- 14-го до города Легниц он стоит ровном месте и не велик, но приятно смотреть что строение зделано со вкусом и улицы чисты.
- 15-го до местечка Мерц-Шуц
- 16-го Дневка авночь поход.
- 17-го Дневка, и перемена была лагеря.

- 18-го Дневка
19-го Поход до крепости Швейдница, где была расположена вся Российская и Прусская Армии.
- 20-21-го Дневка
22-го Поход до Деревни Гейдерсдорф, где была квартира корпусного командира Графа Ланжерона.
23-го В ночи до местечка Стрельно.
24-26-го Дневка
27-го Поход до деревни Гейдерсдорф.
28-го Полк по повелению Начальства прибыл в селение Томиц, и расположился весь по квартирам где стояли по 11-е число.
- Июля
5-го Полк был собран в селение Рудерздорф, где была квартира Князя Щербатова на смотр к главнокомандующему.
11-го Полк по доведению Графа Ланжерона из оных квартир выступил, и прибыл на вновь назначенные ему Цегерсдорф, Тифензе, и Пудигай.
12-го Получено повеление о выступлении с квартир!
13-го В час по полуночи выступил и следовал на Клейн Эзеричь, до Рудерздорфа, а оттоль по собранию корпуса до крепости Швейдниц полк следовал, куда прибыв расположился Биваком при селении Тольцине.
14-го Полк обратно возвратился на старые квартиры Цегерсдорф, Тифензе, и Пудигай. в коих и квартировал по 27-е число Июля.
26-е Полк ходил на Смотр к Государю.
27-го Поход чрез Рудерздорф к Швейдницу, куда прибыв расположился при селении Полцине.
28-го Поход до Селения Яурник.
- 29-31-го
Августа Полк дневал
1-го
2-го Поход до Местечко Стригау
3-го Дневка
4-го Поход до Бальтенгейма.
5-го Дневка
6-го Поход до Рейхсвальда.
7-го До Цобтена где Авангард имел с неприятелем дело, А в 32-м Егерском полку когда он стоял в колонне ранен ядром рядовой один и получил контузию от ядра рядовой один.
9-го На правом фланге Корпуса близь местечка Ливенберга неприятель переправясь чрез реку Бобр открыл огонь, против коего были в сражении, 7-й и 37-й Егерские полки, а между тем весь корпус отступил за деревню Цолен, где и имели ночлег.
10-го Корпус отступил и следуя на местечко Гольтберг пройдя оное расположение при селениях Сейгау, и Гинерздорф.

- 11-го В час по полуночи выступили обратно по дороге к Гольтбергу, при коем началось с правого фланга прусаками, а с Леваго нашими Сражение. К вечеру возвратились мы опять на старой лагерь.
- 12-го Корпус отступил к селению Гроз-Розен, где и ночлег имели.
- 13-го Корпус выступил на прежний Лагерь, Т. е. к селениям Сейгау, и Гинерздорф где и ночлег имел.
- 14-го По утру прусаки и наш корпус начали сражение кое и продолжалось до самой ночи, в сем деле 32-го Егерского полка убит рядовой один, ранено штабс капитан Сербса-вич, порутчик Лапицкой, подпорутчик Бучевской, прапорщик Козерецкий и Карева, унтер офицеров семь, барабанщиков три, рядовых девяносто, без вести прапало шесть.
14-го числа дождик шел день и ночь.
- 15-го С розветом дня неприятель ретировался в беспорядке. Наш корпус его преследовал. По дороге с Гольтбергу попадались отбитые пушки и брошенные обозы, дождик шол день, и ночь, и обойдя на право Местечко Гольтберг 6-й корпус имел ночлег в садах.
- 16-го Корпус из разположения выступил и преследовал неприятеля до селения Пильгремздорф, при коем остановясь имел ночлег, А дождик шел день, и ночь.
- 17-го Корпус выступил и имел направление к местечку Ливенбергу, впереди с права был Авангард, а левее не доходя Местечка полмили к реке Бобр были полки 11-й, 36-й, 28-й и 32-й Егерские, неприятельской ариергард по слухам состоит из 6000 тысячь конницы, и пехоты – от коего на Торе в узком проходе /или Дефили:/ поставлена была батарея, которая защищая большую дорогу от Гольтберга препятствовала войскам идти, потом сказанные Егерские полки Атаковали и взяли оную батарею. далее стеснен был неприятель и весь Ариергард к самой реке, некоторые бросаясь в реку утопали с отчаянности. А некоторые бросаясь од того чтоб переплыть также утопали, большая ж половина здалась военнопленными.
В сем деле ранен тяжело прапорщик Козаков, и рядовых шесть. Взято полком три пушки. Погибель неприятельская произошла от того что он не успел переправиться чрез реку Бобр, которая от трех суточных без прерывных дождей разлилась и зделала переход невозможным.
- 18-го Дневка, а в 5-м часу по полудни отступили к селению Цобтен, где было 7го числа сражение, переход был не более 3-х верст, где и ночлег имели.
- 19-го Корпус выступил и следовал на переправу что при Местечке Ливенберге чрез которое пройдя остановился при селении Зейферздорф.
- 20-го Дневка
- 21-го Поход чрез Местечко Ляубан в Саксонии до Герлиц, коего не доходя за милю имели ночлег.
- 22-го Поход чрез город Горлицы, до селения Шляурот. Близ онаго селения стоит курган, называемый Ланскрон высочайший в Саксонии на коем поставлен монумент как сказывают в память Победы над французами, Фриедро [?] Короля Прускаго.

- 23-го Поход до Кохкирха, не доходя коего мимо имели большой привал. Тогож числа с Вечера отступили и следовали всю ночь на старой лагерь к селению Шляурот.
- 24-го После обеда отступили чрез Горлицы верст за 7-мь и имели ночлег.
- 25-го С ночлега следовали на местечко Ляубан чрез которое пройдя расположились пред самым местечком биваком.
- 26-го Дневка
- 27-го Поход до Местечка Острицы, недоходя коего 4-е версты имели ночлег.
- 28-го Поход до местечка Беривтата, которое пройдя расположен был на высотах в лесу.
- 29-го Дневка.
- 30-го В 3-и часа по полудня поход до местечка Нейзальц к которому я прибыли в 1-м часу по полуночи.
- 31-го Дневка
- Сентября Дневка
- 1-2-го
- 3-го По полудни в 2-а часа выступили к городу Бауцыну к коему и прибыли в 11-м часу.
- 4-8-го Квартировал полк.в сем город
- 9-15-го В оном же городе полк квартировал
- 16-го Поход до селения Шмидефельда.
- 17-22-го Полк дневал.
- 23-го Полк имел ночлег на позиции Авангарда.
- 24-го Полк по повелению начальства поступил в отряд Генерал Майора Мещерикова. Составленной из 11-го 32-го Егерских, Донскаго козачьего Исаева 2-го полка, 2-х Ескадронов 3-го Украинскаго полка 50-ти драгун Тверскаго полка, и 2-го орудий конной донской 2-го роты, отряд сей кроме 32-го Егерскаго полка находился при местечке Радиберге и селении Фижбаз. А полк прибыл в Местечко Радиберг.
- 25-го Дневка.
- 26-го Отряд Генерал Майора Мещерякова по данной ему дизпозиции выступил к Дрездену по большой Радибергожой дороге в 10-ть часов утра! для поправления Мостов шол впереди баталион 11-го Егерскаго полка, под командою подполковника Васильева, перейдяж мост версты за 3-и встречен был неприятель коего и гнали за все засеки зделанные по дороге до самых их укреплений что у самого Дрездена. В это время неприятель в двух колоннах предпринял было обойдти правой фланг, то в подкрепление баталиона командированы были 32-го Егерскаго полка две роты 3-я и 7-я Егерские, с ними были Штабс капитан Крутых, Порутчик Микулин, прапорщик Кушковской и Валицгаузер. Рота 3-я Егерская была в перестрелке и выстрелено 364-е патрона раненых же и убитых не было! С горы виден был Дрезден, стоит на лощине и разделяет его речка Эльба, казалось что город не столько велик как думали. Сражение продолжалось до 7-го часа до полудни, потом возвратились обратно в местечко Радиберг.

- 27-го Отряд был при Радиберге.
- 28-го Соединился с Авангардом Генерал-Лейтенанта Пандчулидзева, и выступил из Радиберга до местечка Радибурга через которое пройдя ночевали при селении Надер-Редерн.
- 29-го Поход до Стауде, лежащего на дороге от Гроссенгейна к Мейсену.
- 30-го Поход до Селения Блюмберга.
- Октябрь
- 1-го Поход до селения Пурцели, проходили Местечко Анабург.
- 2-го До селения Дитрихсдорф, проходили через местечко Швейдниц, и Эльстер.
- 3-го До селения Малтергаузеи, лежащего на дороге от Иортербака к Бельциху.
- 4-6-го При оном селении полк дневал.
- 7-го Поход до местечка Цани.
- 8-10-го При оном местечке Авангард дневал
- 11-го Поход через местечко Козваго до селения Ключен по дороге к Рослау, местечко Козваго Княжества Ангальт-Дессау, стоит на берегу реки Эльбы.
- 12-го Поход через Местечко Рослау, Княжества Ангальт-Кетен, и перейдя реку Эльбу и местечко Акен при коем была переправа, до селения Клейн-Цербстен.
- 13-го Поход через город Ангальт-Кетен, до селения Вискау. Сей город граничит с Княжеством Ангальт-Кернбург! Город Ангальт-Кетен Главной Княжества тогож имени, стоит нарвном и красивом месте. Сам собой невелик однакож со всех сторон довольно красив, достопамятного с наружи ничего нет.
- 14-го Поход до города Галле Гернбургского Владения, город довольно велик, с одной стороны от Ангальт-Кетени стоит за горою, улицы в нём узки, и нечисты, строение по большей части Старое, Костиолов до шести площадь же среди города больше нежели в Вильне.
- 15-го Полк выступил поблизости в селение Мецлих [?] и имел ночлег по квартирам.
- 16-го Полк выступил по дороге к Ангальт-Кетену до селения Гедериц.
- 17-го Полк выступил в квартиры, неподалеку в Местечко Гребцих где ж был по 20-е число.
20. Поход через город Галле и переправясь реку Сале [?] до местечка Ляуштат. На половине дороги от Грейдциха до Галле, есть гора род кургана на коей поставлен замок за несколько веков пред сим называемой Прокальц-бех, с коего во все стороны видать можно тридцать два местечка и городов, да несколько сот деревень.
- 21-го Поход через Местечко Квернерурт до селения Цигельрутау, местечко Квернерурт стоит на горе, и вид имеет по дороге от Ляуштата прелестной, не велик, а по среди есть Замок род крепости!
- 22-го Поход через Местечко Шеневердо и Гельдрунген до местечка Кельденбрукен, в местечке Шеневерде есть соляной рудник из коего по средством машин достают воду соленую и ее переваривают, завод достоин примечания многосложностями в доставании воды

- и варении. От селения Цигельбрутау до местечка Кильдентбрюкен Место положение гористо, и между возвышенными холмами есть долины по коим усеянные селения представляют вид очень простельной. Жаль что идиом осенью.
- 23-го Поход чрез Местечко Гроз Эрих, до Местечка Шлот-Гейм.
- 24-го До города Мильгаузена, Город Мильгаузен окружен со всех сторон горами и стоит на долу, от Местечка Шлот-Гейма виден он за 3-и часа ходу, вестфальского владения, в нем более 19-я Костиолов, собою пространен, построение посредственно так как в Галле, улицы узки и народ уже не так чисто ходит как в Саксонии, здесь люди низкаго состояния и крестьяне, в дорогу или в ненастную погоду, надевают на себя сверх обыкновенного платья, холщовые рубашки разного цвета, коими и прикрывают няжные платье, по улицах выкладены из камня узкие каналы по коим бежит вода которая и уносит с собою нечистоту с улицы, и в ней же от нужды можно мыть платье., была дневка
- 25-27-го Поход чрез город Эшwego до селения Рейкеншксен. Город Эшwego стоит у подошвы гор, и от Мильгаузена вид представляет очень красивой, в нам сеть Костиолов 5-ть собою не велик.
- 28-го Поход до города Горшфельда! По дороге и сему городу до селения Бебра поход был скучен потому что шли чрез горы, но по приближении к оному Селению представляется между гор долина до самого Города Горншвельда! Не лъзя умолчать того что чувствуешь приятнаго. После труднаго Марша по горам, видишь еще с высот долину, по коей река Фульта, излучинами своими и наводнением от дождей оную делает прелестною, и тем кои умеют ценить природу устаток делается нечувствителен. Далее! Пройдя от селения Бебра часа два с половиною по берегу реки Фужьты, достигаем сказаннаго города Эшеваго. Он стоит у подошвы гор, мы в него вошли ночью, а вышли рано по утру.
- 30-го Поход до селения Крефенау, что по дороге к городу Альсферду.
- 31-го В оном селении была дневка.
- Ноября
- 1-го Поход чрез город Альсферд, до Местечка Швейнебург. Город Альсферд, стоит на долине и окружен садами, в нем есть четыре или 5-ть костиолов, строением своим и чистотою не заслуживает никакого внимания, доход до Швейнберха был 9-ть часов, сполдня и во всю ночь шол сильной дозжик.
- 2-го Поход чрез город Марбург, до селения Лиоре. Не доходя Города часа за 3-и в праве от местечка Швейнберха на горе, по справедливости можно сказать не приступной со всех сторон, как вышиною так и крутизною, стоит Местечко называемое Миреберг, оно видно от самого города Алсферда, не смотря на то что продчие горы препятствуют величественному виду его, в нем поставлен монумент в память заключения в оном Мирнаго контракта, между Россиею, Прусиею, Франциею, и Англиею, после 7-ми летней с Прусаками и Россиею войне, из дали представляется

в место местечка гряда камней; Далее! Город Мирбург стоят на реке Лая, в ущелине гор косвенно, собою довольно велик, окружен садами, в нем видно было костюлов до 7-и. Проходили с музыкой, жители кажутся встречали и провожали нас с живейшею радостью, что и на лицах их можно было заметить. Город показался многолюден, или потому что было воскресенье, в трех местах сделаны из Эльнику триумфальные ворота, и подомам в окошках сделаны венки: Пройдя город во дороге к Лиоре, представляется между гор величественная долина, по коей пробегает река Лан, напаяет своими разливами долину, и тем придает путешественнику более охоты к дальнейшим обозрениям Германи.

- 3-го Полк дневал.
- 4-го Поход до города Газен, Герцогства Гесен дармштатскаго!» Не доходя города за час, впереди селения Клиотздорф, есть две горы не в дальнем одна от другой разстоянии, на коих поставлены замки, и судя по их развалинам, оне сотворены в древние времена, и представляя собою величественной вид, привлекают путешественника к подробному изследованию; первая из сих гор называется Клейнберх, а последняя Фесбург, во время марша на горах виден был снег! далее!» Пройдя чрез гору Клейнберх виден город Газе, он стоит на долине, и ничего привлекательнаго не имеет, собою не велик церковей 5-ть Архитектура не заслуживает ни малаго внимания, однако есть Университет и Училища Военных Наук!
- В здешних местах рабочие женщины носят на своих головах удивительную тягость, наподобие российских ушатов только ниже но по шире ведра в три или четыре налив воды, или наклав большую корзину с хлебом или чем другим, подымает на голову, и подложу подушечку, идиот куда ей угодно недотрагиваясь даже и рукой. В городе жители кажутся любят науки, потому что с утра и до вечера, безпрестанно видишь юношей, и довольно возмужалых, ходящих с книгами, и даже солдат кои здесь формируются!
- 5-7-го дневка в Городе Газе.
- 8-го Поход до Города Фридерга, сей город стоит на горе и обнесен стеною, вид представляет веселой. Марш сей достопамятен тем что по большой дороге селения чрезвычайно хороши строением каменным, идаже в некоторых есть по несколько улиц, а по обеим сторонам дороги до половины уставлен тополью, а другая половина дороги фруктовым деревом. Не доходя за час до Фришберга при Селении Навгейме есть соляной завод, здесь сделаны такие ветреные мельницы, посредством коих машин почерпают из текущей здесь маленькой речки воду.
- 9-го Полк дневал в селении Клейн-Кирхен.
- 10-го По приказу корпуснаго командира Графа Ланжерона, полк расположился на кантонир квартирах в Местечке Ресельзгайм, и Селениях Вегельзгайм, Гагельзгайм, и Лайдекель!
- 18-го Из сего разположения полк выступил до Селения Вейс Кирхен Герцогства Нассау, во весь день было холодно и идти сухо потому

- что замерзло, в левой стороне был Город Франкфорт, а в правой горы покрытые уже снегом, у подошвы коих стоит небольшой Городок Кронебург!
- 19-го Поход до Селения Ресельзгайм не доходя коего версты за две при Селении Флорсгейм переправлялись чрез реку Майн, которая за милю от Селения Рессензгайм в падает в Рейн! Тогож числа полки не останавливаясь в оном Селении, следовали до Селения Битовсгейм, для содержания Аванпостов против укреплений Кассель лежащего на берегу Рейна и Майна против крепости Маякса где и пробыл по 22-е число.
- 22-го Полк возвратился обратно в селение Ресельзгайм и расположился по квартирам. Река Майн не широка и берега имеет отлогие, я для того здесь упоминаю чтобы поместить здесь замечание мое; Стоящие на оной реке Селении, как то Ресельзгайм и Бишовзгайм, чрезвычайно могут нравиться своим красивым положением и пристаням особенно Весною! Виноградного произрастания здесь по Рейну достаточно, особенно продчих фруктовых садов как за Дунаем.
- 25-го В 3-и часа по полуночи полк выступил для содержания Аванпостов в Селение Бишовсгайм.
- 29-го Прибыл обратно в Селение Ресельзгайм и расположился по квартирам.
- 24-го Шеф Генерал Майор Мещериков отбыл по повелению Графа Ланжерона в 7-ю пехотную дивизию для командования оной и был расположен в селении Массенгайм.
- Декабря
- 5-го Полк выступил для содержания аванпостов в Селение Бишовсгайм, на смену 28-го Егерскаго полка.
- 9-го Полк прибыл обратно в селение Ресельзгайм где и был расположен по 11-е число.
- 11-го По повелению вышняго начальства полк выступил в назначенные кантонир квартиры Селение Кенигштейн, Баушгейм, Наугайм, и Гассель-Лиог, по прибытии куда расположился Штаб квартира в Кенигштайне.
- 18-го По приказу Корпуснаго командира Генерала Барона Сакина, полученному в 3-и часа по полуночи, полк выступил из расположения в 6-ть часов до местечка Гернсгайм что на Рейне, во весь день был туман.
- 19-го В 6-ть часов по полуночи выступил по дороге к городу Мангейму, и по данной диспозиции имел ночлег биваком, При Местечке Ламбурх, в разстоянии от Мангейма в 3-х часах. Поход был 10-ть часов.
- 20-го В час по полуночи полк выступил к городу Мангейму, на переправу чрез Рейн, куда и прибыл с разсветом дня. Переправа была в следующем порядке.
Версты за две ниже Мангейма на приуготовленных лодках в ночи на 20-е число были переправлены 8-й и 49-й Егерские полки и Белостоцкой пехотной, с тем чтоб завладеть на той стороне неприятельскою батареею, кои переправясь начали перестрелку,

- на правой же стороне Рейна, поставлена была против неприятельской батареи наша Артилерия и действовала на оную, в след же за теми полками первые переправились 6-го Корпуса 11-ой и 36-ой Егерские полки и вступили также в перестрелку, тут в скорость Атакована была неприятельская батарея и в виду всех взята штурмом, по взятии же как на той так и надругой стороне войска кричали Ура! и в это самое время изволил проезжать мимо войска Его Величество Король Прусской, а по приближении его к каждому полку кричали не однократно Ура! в стороне после сего изволил переправиться на лодке на ту сторону Рейна, потом переправлялись 7-я, 16-я, 10-я, 16-я и 27-я пехотные дивизии, и кавалерия, а переправясь разположились биваком, против Мангейма, А полк 28-й и 32-й надороге к Нанси, при селении Гюльем. Переправа сия особенно в присутствии Короля Прусского не должна быть забвенна у всех и каждого солдата! Я бы желал описать живейшими красками Етот день, но признаюсь смыслу недостаёт, только то скажу что полки переправлялись с музыкою и песнями как бы на гуляньи, а переправясь поздравляли друг друга с счастливою переправою чрез столь знаменитую реку, А жители Гогемские последуя нашему примеру, поздравляли нас криком Ура! и виват Александр.
- 21-го Поход всем Войскам в низ по Рейну до Города Вормса. На половине до онаго проходили чрез Местечко Франкентон, А после и Город Вормс! Город Вормс стоит на ровном месте и заслуживает внимание своею порядочною Архитектурою, довольно велик и обведен каменною стеною и рвами, жители встречали нас с живейшею радостию, дамы одна перед другою оспаривали в убранстве, и стоя в окнах кланялись, по выходе из города мальчики провожали с криком Ура, и виват АЛЕКСАНДР, держа длинные палки до примеру солдат под приклад; как не труден был поход по сухой и каменистой дороге но такая встреча добрых жителей нечувствительно обলেখчили устаток наш.
- 28-й и 32-й Егерские полки не останавливаясь следовали верст за 10-ть до Селения Рейтек-Тырхен на Рейне, неприятель по приближении сих полков отступил по дороге к Опенгейму.
- 22-го Дневка.
- 23-го Полк выступил к городу Альцею, и имел ночлег в Селении Шпизгайм где и две роты 28-го полка. По выступлении из Селения Рейхен-Тырхен где была дневка, пройдя часа два близ Селения Бехтейн имели полки 28-й и 32-й не большой привал, жители онаго селения, из любопытства посмотреть Руских, выбежали старой и малой, а генерал наш в одобрение их вящей привязанности к руским приказал играть музыкантам, а солдатам петь песни. и они, казалось с сожалением с нами расставались провожая глазами, до тех пор пока скрылись мы из виду!
- Отсюда началась земля гористая и селении вообще перейдя Рейн представляют бедность населяющих оные, скрылись уже те любопытные предметы, коими мы наслаждались в походе до Рейна, где кажется все сотворено без недостатка для благоденствия германцов!

- 24-го Полк из селения Шпазгайм выступил в 7-мь часов по полудни и следовал чрез город Альцей до города Кирхайме куда прибыл в 12-ть часов, шли по большой Парижской дороге, и оба оные города небольшие и впротчем замечания никакого незаслуживают.
- 25-го В 7-м часов по полуночи, полк выступал по большой Парижской дороге, и имел ночлег недалеко местечка Оттерберг в Селении Кацван. Поход сей достопамятен там, что во весь день шел дождь и снег по переменно, а шли близ 12-и часов и дорога была претрудная и грязная.
- 26-го Поход до селения Обер-Моор, шли 4 1/2 часа дорога была хорошая, хотя впротчем и гориста.
- 27-го Поход до селения Обер-бечбах в расстоянии от города Гамбурга в 1 1/2 час, шли 5-ть часов.
- 28-го Поход до селения Эршвейлер расстоянием от Местечка Цвейнбрикен 3-и часа, поход был 5-ть часов.
- 29-го Поход на сборное место 6-го Корпуса в селение Бебельсгайм, откуда выступили к городу Заргеминден недоходя коего 1/2 часа имел ночлег с 28-м Егерским полком в селении Кан-Кирх.
- 30-го Поход чрез Город Загреманден до селения Бужбах!
Город Загреманден французской и был Границею с Германиею, стоит напровам берегу реки Сар. Собою довольно велик однако не красив Проходили чрез него с музыкой.
- 31-го Поход в 12-ть часов по полудни до Селения Виллер.
Поход сей весьма был труден, шли во всю ночь в продолжении коей снег и сильной ветер збили с настоящей дороги, и в место вышеозначеннаго селения прибыли на разсвете в селение Веник где ночевали прусаки!

1814 год во Франции

Генваря

- 1-го Поход до селения Темонвиль, шли 4-е часа, чрез целый день сего новаго года шол безпрерывно снег, и ветер был сильной.
- 2-3-го дневка.
- 4-го До селения Эрбевиллер чрез местечко Шато-Сале.
- 5-го Поход чрез губернской город Нанс, до селения Лешу. Город сей стоит на Лощине, на весьма красивом месте, город можно сказать велик и заслуживает внимания как архитектурую так и улицами. Здесь протекает река Мерта и сим именем называется департамент. Кругом сего города видим возвышения усаженные виноградником, и гордящиеся своим красивым и выгодным местоположением, загородные дома лучшей архитектуры; судя до величине города можно было ожидать что встретим пышность в уборе жителей, но напротив видим мужиков и купцов в одном и том же уборе. Где стоит какие нибудь дама одетая хорошо, там рядом стоит и трубочист, чтож касается до карет в которых обыкновенно в больших городах во множестве разъезжают. Здесь: не видел ни одной.
- 6-го Поход до селения Шавинье, сегодня, и ночью шол пресильной дождь.

- 7-го Поход чрез город Туль, до селения Шарм.
Город Туль довольно велик, укреплен со всех сторон. В нем был неприятельской корпус Маршала Нея, который оставя там гарнизон ретировался. Наш 6-й корпус в 9-т часов утра был на зборном месте, откуда выступили к означенному городу, не доходя коего известились что город взят авангардом приступом, где находившейся Гарнизон в числе 400 чел. здался военнопленными, поверх того победителям достались в добычу два знамя и две пушки. От сего города до селения шли по колено в грязи.
- 8-9-го дневка
- 10-го Поход чрез город Дуа, до селения Моневиль-орон, в сем селении по военным обстоятельствам жителей было мало.
- 11-го Поход до города Ланги, по приближении к сему городу встречен был неприятель, но был опрокинут, А потом и выгнан из города, в коем расположились половина пехоты 6-го корпуса по квартирам, в сем деле были полки 7-й дивизии, и потерями убитыми и ранеными до 300-т человек.
Неприятель выступал из города ночевал на высотах, и перед светом отретировался к городу Сент-Дизие.
- 12-го Растых [?]
- 13-го Поход до города Сент-Дизие а по прибытии к оному полки 28-й и 32-й следовали до селения Ланевиль где и ночлег имели.
- 14-го Поход до селения Мон-Моранси где имели ночлег 28-й 32-й и Костромской пехотные полки.
- 15-го Поход чрез местечко Пуфи до селения Монидье где имели ночлег 28-й 32-й Егерские полки.
- 16-го Поход был назначен до селения Лекотес Манилье, но с половины дороги полки были обращены к Местечку Пужи, по прибытий куда имели ночлег биваком сподня и до следующего утра был снег, и дождь.
- 17-го Полки 28-й 32-й по отступлении Корпуса к городу Бриен ле-Шато были оставлены в Ариергарде, и когда прошла тяжелая кавалерия и конная Артилерия вто время и полки следовали к сказанному городу, но недоходя онаго версты за три были неприятелем отрезаны, но подполковник Бланов [?] своротив с большой дороги повел вправо чрез гору, шли чрез виноградник, и поколено в грязи но к щастию недолго. И не было обозов кои были прежде отправлены впереди корпуса; потом вышли на другую дорогу которая не была ещё отрезана, но коей не минуемо должно было проходить частью города и приближал к оному, неприятель делал по нас канонаду, но полки прошли столь щастливо что не потеряли ни одного человека, присоединились к дивизии которая стояла за городом по дороге к Шалю! Сражение началось с полдня 9-м корпусом, А когда 6-й корпус подоспел то и он вступил в дело, полки 28-й и 32-й построясь в две колонны, но приказанию князя Щербатова вночи штурмовали город и очистили оной совершенно. Неприятель во всю ночь старался опять занять город но был прогоняем, где взято 32-го полка гренадёр Комаровым одно знамя.

- 32-го Егерского полка убит поручик Петушков, унтер офицер 1 рядовых 4-е. без вести пропало барабанщиков 3-и рядовых 6-ть ранено штабс капитаны Крутых и Сербсавич, унтер офицер 1. рядовых 43. из числа коих 12-ть осталось на месте сражения.
- 18-го Весь корпус отступил по дороге к Шато, и расположился биваком на возвышении при селении Гоп-Кирж. Тогож числа корпус перешел на другое место и стал в боевом порядке не далее онагож селения.
- 19-го Корпус стоял на том же месте, сего числа изволил прибыть в корпус Генерала Сакина Государь Император, и за ним пришла главная Армия, а войска кричали ему Ура! В вечеруж изволил он возвратиться в Шато.
- 20-го Весь корпус Генерала Сакина подкрепленной частию соединенных войск, приближался к селению Ларотье и вступил в дело с главными силами Наполеона где он сам командовал, в 3-и часа по полудни полки 28-й и 32-й по приказанию князя Щербатова штурмовали неприятельскую батарею, истоль щастливо что ни останавливаясь ни мало взяли 17-ть пушек с одним 32 Егерским полком, а всего в сей день неприятель оставил нам на поле сражения 73-и орудия и более 3000-чь пленных. Государь император изволил находиться во весь день при войсках. За сии два дела то есть за 17-е и 20-е число получил я за отличие и рану орден Св. Анны третьяго класса.
- 21-го Неприятель ретировался за город Бриен-ле-Шато, а преследовало его Австрийско-Баварское войско. сего числа весь корпус Генерала Сакина имел ночлег при городе Брион-ле-Шато.
- 22-го Поход до селения Броленонт, где и расположен был 6-й корпус биваком.
- 23-го Поход чрез селение Гумбовиле, Сомтой, Суде-сент-куде, по дороге к Фершемпенот, я в селение Квиантре имели ночлег биваком. вся 18-я дивизия.
- 24-го Поход до селения Судром, где 6-й корпус имел ночлег биваком
- 25-го до Живр, где имели ночлег 28-32 Егерские и Костромской пехотные полки, а корпусная квартира в местечке Вертю.
- 26-го Поход до селения Маншебр, где имели ночлег 28-й и 32-й Егерские полки.
- 27-го Поход до селения Вандиер где имели ночлег 28-й 32-й егерские полки, а корпусная квартира в местечке Монмиран.
- 28-го Поход до города Ляферте не доходя коего верст за 9-ть встречен был неприятелем с коим началось сражение 7-ю дивизиею со 2-го часа по полудни, и продолжалось до 9-го часу, город был удержан неприятелем во всю ночь, а перед светом выступил, и войском нашим город был занят.
- Движением к Ляферте намерение корпуснаго Командира было отрезать корпуса Магдональда у коего полагали не более как 5000-чь, и следовательно в надежде разбить, но в противность сего, неприятельские силы простирались до 18000-чь и дрались с упорностию, однако отбито 7-й дивизией 4-е пушки. Егерские ж полки 28-й и 32-й были при начатии сражения посланы на левой фланг вниз по реке Марне для удерживания переправы.

- 29-го По отступлений неприятеля полки 28-й и 32-й Егерские перешли с означенного места, и перешед реку Марну, вступили в селение Жуар. где 18-я дивизия имела дневку. Это селение расстоянием от Ляферте в 3-х верстах, а от Парижа в 14-и часах, того ж числа в ночи выступили обратно к городу Монмиран к коему прибыли 30-го числа. Не доходя до города за час, встретил нас неприятель с Главною Армиею и одрезал дорогу на Монмиран; Сражение началось с полдня, и по упорном сопротивлении корпуса генерала Сакина при наступлении ночи, начал отступать по дороге к городу Шатотиери. В сем сражении потеря нашего корпуса состояла из двух Генералов, Алсуфьева, и Гейденрейха кои взяты были в плен 98-и штаб и обер офицеров, 18-и орудий и 3690-и человек рядовых в том числе убитые без вести пропавшие, и взятые в плен
- 31-го Поход до Города Шатотиери, неприятель преследовал до самого города, где однако был остановлен. За сие дело я произведен за отличие в подпорутчики! Город Шатотиери от стороны Монмираня стоит на чрезвычайно красивой и пространный долине, окруженной со всех сторон возвышенными местами, посреди коего протекает река Марна, которая и в Ляферте, город довольно велик, но строение старое и не имеет ничего привлекательного, при проходе Прусских и наших войск весь опустошен, по выходе из города корпус был расположен биваком на возвышении. В оба сии числа ранены штабс капитан Латицкой и прапорщик Тулубеев, рядовых 16. без вести пропало унтер офицер 1. рядовых 16. музыкант 1, нестроевых 4-е а по случаю худой и грязной дороги, отбита неприятелем лазаретная карета и пагронной ящик с лошадьми.

Февраля

- 1-го Поход по дороге к Реймсу, до селения Морен
- 2-го Поход до селения Жоншир.
- 3-го До города Реймса известного по коронации Бурбонов. Он стоит не на красивом но впротчем на ровном месте, величиною может равняться с Нансом, или ещё и более, народ вообще не чист, и неопрятно ходит; вступили в город с музыкой и в нём имели ночлег, В Реймсе есть соборная церковь достойна замечания своею огромною величиною и архитектурою, с наружи; есть также много заводов и фабрик.
- 4-го Поход до города Шалон, недоходя коего за два часа имели ночлег биваком, при селении Лефевр.
- 5-го Поход до города Шалон прикоем и расположились биваком.
- 6-го Дневка.
Город Шалон, стоит на реке Марне, довольно велик но не красив, строение старое и низменное, улицы узкие.
- 7-го Поход до селения Сальку, что по дороге к городу Арсису где имела ночлег вся армия фельдмаршала Блюхера.
- 8-го Поход до селения Армс.
- 9-го до местечка Мери, посредине коего протекает река Сена.
- 10-го Наши войска из местечка выступили и стали в боевом порядке, при коем имели ночлег.

- 11-го При оном же! В сии числа морозы была довольно сильные, и стояли без шалашей, а дров было мало.
- 12-го Поход в 3-и часа по полуночи до селения Аиглюр, при коем переправлялись через реку Он (Эн-С.О.)
- 13-го до города Сезан, здесь проходили все русские войска с музыкою. Город сей стоят в ущелине гор, и не мал.
- 14-го до города Колпомье и сей город не мал стоит также в ущелине гор.
- 15-го до селения Трипон, что по дороге ж городу Мо. Сей город виден был с возвышения и казался чрезвычайно красивым своим местоположением, в нем видны были три костiola из коих один посредине города казался велик, и город пространен.
- 16-го до местечка Лиози не доходя коего за версту полки 28-й и 32-й имели ночлег, при селении Мори, сегодня переправлялись чрез реку Марну, при городе Леферте, в коем были 29-го генваря.
- 17-го до местечка Круа.
- 18-го Поход чрез местечко Леферте-Миолион до селения Уши, в которое пришли в 4-е часа утра 19-го числа.
- 19-го Поход в 4-е часа по полудни к городу Соасону, и проходили чрез него о музыкой, а отошед верст 5-т по дороге к Леону имели ночлег!» Город Соасон есть укрепленной и большой в нем французской гарнизон 18-го числа сего мца здался военнопленным в числе 4000-чь человек и с артилериею Генералу Винценгроде. Соасон пространен стоит на лощине, окружен со всех сторож горами, и судя по величине его должен быть многолюден, стоит на реке Эн, строением некрасив и улицы чрезвычайно узки!
- 20-го С наступлением ночи выступили к селению Масси.
- 21-го Дневка.
- 22-го Поход чрез местечко Вилли, до селения Бра или Кран.
- 23-го Полки 28-й и 32-й были у прикрытия во время сражения батареинной роты подполковника Пащенко, и после прикрывали ретираду, до дороге к городу Леон до селения Шаваньон. В сей день во время канонады убит рядовой один.»
- 24-го Поход до города Леон, город Леон стоит на горе, как бы нарочито насыпанной со всех сторон ровной высоты, и тем представляет крайне очаровательной вид, он виден с возвышений Соасонских за 8-м часов, довольно велик строени ж не хорошо и улицы узки, в низу же города во круг есть селения или предместия.
- 25-го При оном же, сегодня вся армия фельдмаршала Блюхера была в действии против армии командуемой самим Наполеоном, сражение началось с утра и продолжалось до самой ночи, при наступлении ж ночи французы потеряли 50-т пушек, и 6000-чь пленных.
- 26-го Выступили к местечку Варбени где был назначен ночлег, но с половины дороги корпус генерала Сажена возвратился обратно к Леону, ибо Наполеон возобновил было атаку.
- 27-28-го при оном же.
- Марта
- 1-го Поход до города Соасон, по приближении к коему встречен был неприятель с коим весь полк был в перестрелке. Сего числа ранены.

- подпоручики Панов и Надольской, унтер офицер 1. рядовых 12, Убито рядовых 14. без вести пропало унтер офицер 1. рядовых 3
- 2-го при оном же. На аванпостах сего числа ранен штабс капитан Зайцев.
- 3-го Поход обратно к городу Леону.
- 4-5-е При оном же.
- 6-го Поход до местечка Корбени, что ко стороне Реймса!
- 7-го до селения Пантовер. что на реке Эн.
- 8-го до местечка Вилли чрез которое проходили 22-го февраля.
- 9-го до местечка Брен, в Вилли переправлялись чрез означенную реку.
- 10-го При оном же, сего числа слышна была канонада под Соасоном.
- 11-го Поход чрез местечко Фим, до селения Тыллой, что близ города Реймса, переход был 10-ть часов.
- 12-го Поход до города Шалон, проходили чрез Реймс с музыкою, шли более 10-и часов.
- 13-го Поход чрез Шалон, по малой парижской дороге до селения Шеймос что подороге к местечку Монмирань! Переход был более 10-и часов.
- 14-го до местечка Монмирань, шли 8-и часов.
- марта Поход до местечка Леферте Су Фуар где соединились с главной армиею.
- 15-го Здесь припомнить надо что корпус генерала Сажана чрез Реймс, Малой, и Монмирань. проходил два раза а к Леферте Су фуар пришли в третий раз.
- 16-го Поход чрез город Мо до селения Шармонти, что по большой дороге к Парижу.
Сего числа при селении Триполь переправлялась чрез реку Марну по пантонному мосту, бывший же при оном селении каменной мост, прошедшаго февраля 15-го числа при ретиреде французов был подорван; А переправясь с наступлением ночи проходили чрез город Мо. Он стоит на реке Марне, величиною будет меньше Реймса, но строение вообще имеет огромное; так что при отступлении из предместия в самой город, воображаешь себе что идиешь чрез большой и густой лес потому что улицы узки, посредине города стоит чрезвычайно огромной костюол, которой должен в мешать в себя до несколько тысяч людей. и потому только один во всём городе.
- 17-го дневка. Сего числа корпус смотрел Главнокомандующий Армиями Генерал граф Барклай де Толли.
- 18-го Поход до города Мо. Пред коим на высотах расположились биваком.
- 19-20-го при оном же.
- 21-го Поход до селения Лявалет что близ Парижа. с половины дороги селения чрезвычайно веселы, и красивы своим строением. Далее; начинается лес не большой и оканчивается перед упомянутым селением, по сторонам ближе к Парижу также усеяны селения, загородные дома и тому подобные увеселительные виды, дают

знать что приближаемся к столице. Пройдя оное селение остановились биваком возле предместия.

Здесь разсматриваны высоты Парижские и место сражение, где победоносные наши воины подобно львам 18-го числа сего мца за любезное отечество сражались, на местах сих видны на милую и более множество воинов падших и зделавшихся жертвою от картечь и пуль.

- 22-го По полудни в 5 часов выступили и проходили чрез Париж всем Корпусом Генерала Сакина, и остановились в предместий Барьер-Данфер что по дороге на Версаль. где и пробыли по 31-е число Апреля, при вступлении в предместие широкая и чистая онаго улица порядочное строение обнадеживало нас что в Париже увидим еще и лучшее. Но как обманулись! Пройдя ворота представляется вам улица как проселочная дорога чрез большой и густой лес, строение вообще исключая и дворца не имеет никаких наружных видов к чему бы привлекало чужестранца, чрез весь Париж проходили отделениям а в отделениях было по 7-и и 6-и рядов и то шли с трудом. Вдоль Парижа протекает река Сена, чрез нею сделано 7-м мостов из коих есть два железные, один против зверинца в память Аустерлицкаго сражения, а другой против Наполеонова дворца – они искусством своим заслуживают внимание; Против Наполеонова дворца под названием Тюлери, есть площадь называемая Пляс де Вандам, на которой поставлен медной столб, из взятых неприятельских пушек во время Царствования Наполеона, в память выгранных сражений, во круг коего и избображены примеры баталиев, наверху онаго поставлен во весь рост бюст Наполеона зделанной из белаго мрамора. На голове котораго была французская корона, в правой руке герб Франции, а в левой земной шар. Подле дворца есть огромной сад со множеством разнообразных статуй зделанных из белаго мрамора; чистыя с алеями дороги; приятная зелень, фонтаны, и тому подобные романтические виды, коих изчислить нельзя привлекают множество зрителей; другой сад что в предместии Барьер-данфер называется Короля Гишпанскаго, потому что сей находился в плену в Париже, долгое время, в нем также много статуй, пруды и аллеи; Тредтий или Зверинец подле реки Сена где Аустерлицкой мост, также велик обработан прекрасно только нег статуй, А в нем есть: первое с приходу показыва-ет зверей чрез железную решетку, львов со лвицами; тигров, Американских медведей черных, волков разных родов, лисиц, бобра и других зверей, далее; По дороге к Куцкамеру или кабинету Наполеона посажаны в ямах медведи, зрители много бросают к ним хлеба, а они из благодарности показывают свое проворство, влезают на поставленные в ямах с суками деревья, и опять спускаются проворно и легко, чем не мало забавляют зрителей; далее; поворота в противную сторону видеть можно; в сарае слона чрезвычайно тучнаго, близ его в решетках разных родов обезьян и птиц. Второе Куцкамер или кабинет Наполеона,

двуетажной дом стоит в улице в месте с продчими, Во внутренность его ходят из сада, ивсякому не запрещается, здесь можно видеть всего света разные редкости коих и описать не возможно.» Тредтие: Возвышенность довольно обширная усажена густо сосянаком по коей извивистыми дорошками можно очень спокойно прохаживаться во время солнечного зноя. Четвертое: Есть среди сада небольшой домик, где продают разные напитки, утолившие садятся подле онаго на скамейках за столами и пьют, потом пред наступлением вечера все разходятся; Французы всякого состояния как мы заметить могли любят жить очень прохладно, каждой день в праздник и простой вы видите по всем улицам и в садах чрезвычайное множество прохаживающихся после полдня, обоего пола людей, из них не узнаешь кто дворянин, кто купец, мастеровой, или подьячий все хорошо одеты, и представляют себя учеными, обходительны и учтивы, на солдат наших смотрят как на чудаков, дивились руским песельникам что громко кричат и чрезвычайно им нравились. Словом французы не упустили осмотреть нас с головы до ног со вниманием; ходили к нам в бивак продавали водку и съэстные припасы другие женщины у нескольких солдат шили рубашки без всякой за то заплааты, напротив мы обходились с ними вежливо так как долг велит руским, и безденежно насильно ни укого ничего небрали; и за наше хорошее с ними обращение были и мы ими любимы. И так желание наше совершилось и за труды наши пробыли мы в Париже столько сколько хотелось нам, и даже сверх хотения. С прибытием в Париж всию [всё] утихло, всию начало успокаиваться, французы бежали из Армии своей толпами – их принимали не так как пленных, но так как и протчих союзников, в последствии прибегли под покровительство Монарха нашего. Маршала Ней и Мармонт в месте с их Войсками; везде по всему городу раздавались радостные возклицания виват Александр, сей то великий ИМПЕРАТОР с севера пришедший обলেখить участь Франции, низложить врага общаго спокойствия, низложил его в ничтожество. Дал законы Франции, и посадил на трон несчастнаго отца сына, Людовика 18-го. Боже наш! Что думают теперь в России, что думает и вся Германия угнетаемая долгое время игом рабства; не должно ли всию, и позднее потомство приносить Всемогущему Богу жертвоприношение. Не должно ли вспоминать Великого Александра за свободу Германии. Сей Ангел наш хранитель, помазанник Богом; кротостию своею и Миролобивым обхождением своим заставил самых врагов наших иметь к Нему Любовь! Любовь священною и привязанностью. Как приятно для Русскаго вспоминать великие его произшествия! Какая слава! Какая радость! Россия отечество Наше! Мы к тебе привержены, родные наши мы спешим вас обнять и поздравить с общемою радостию, вы должны нас принять. и принять с рукоплесканием. Милое наше отечество. Мы не изменяла тебе; служили как нежные

дети, претерпели всию, и возвращаемся в Твои объятия! Отечество Наше! ты не должно однако забыть положивших за тебя главы свои великих мужей, генералов и воинов в отдаленных [странах] сих!

Мая

- 1-го весь 6-й Корпус из занимаемых бивак выступил и следовал чрез Париж церемониалом, на кантонир Квартиры в Ретельской округ . Того числа полк имел ночлег не доходя Мо: За два часа до селений Марери, А корпусная квартира в селение Кле, шли 6-т часов.
- 2-го В селение Конфи что близ местечка Лиози корпусная квартира в Лиози, шли 10-ть часов.
- 4-го В селение Туртерон близ местечка Фим, корпусная квартира местечко Фим; шли 9-ть часов.
- 5-го Полк дневал.
- 6-го В город Реймс, которой мы проходили 3-го февраля, и 12-о марта шли 7-м часов.
- 7-го Поход до города Ретеля, от него к стороне местечка Шато до селения Сен Жерман Мо. Сего числа зделали переходу за извлечением привалов 13-ть часов что и составляет более 50-и верст.
- 8-го В сем селении расположены были оба полка 28-й и 32-й Егерские.
- 9-го Полк расположился кантонир квартирами. Штаб и 3-я Егерская рота в оном же селении, 3-я Гренадирская и 7-я Егерская в селении Блензи, 8-я и 9-я в селении Эр, 1-я Гренадирская, 1-я и 2-я Егерская в селении Гомон. По другому назначению 19-го числа роты 1-я Гренадирская, 1-я и 2-я Егерские из Гомон выступили, и расположились 1-я Гренадирская в селении Банон, 1-я Егерская в Рису-Оран. 2-я Егерская в Сент-Кантен-Лепети.
- 27-го По получении повеления о выступлении с квартир в Россию, Сказанные три роты, перешли на ночлег, в сказанное выше сего селение Гомон!

Поход в Россию

- 28-го Полк изо всех оных деревень выступил, а пройдя мимо города Ретеля имел ночлег, штаб в селе: Ангина и 1-й бата-лион, в Шурфильи 8-я-9-я и 7-я Егерские роты, в Рош Мери 3-я Гренадирская, шли 9 часов, корпусная квартира в местечке Вузиер.
- 29-го Поход до селения Брикен и Тернон, шли 9 часов. Корпусная квартира в Бюзанси.
- 30-го до селения Сези и Дуза, шли 6-ть часов, сии селения от города Стен в 3-х часах где была Корпусная квартира.
- 31-го до селения Домбри, что близь местечка Мервилля, где была Корпусная квартира. Шли 6. часов.
- Июня
- 1-го Полк в оном дневал.
- 2-го Поход до селения Лекси и Реон что близь крепости Лангай. Шли 6 часов.
- 3-го до селения Каспрингейн что близь крепости Люксенбурга Шли 9 часов. Сего числа проходили милоу крепости Лангай.

- Она стоит на скале крутых гор кои здесь отделяют Францию от Немецких народов. В сей крепости кроме казарм и гошпиталей других строений очень мало было, башня есть достойна примечания своею вышиною, она видна за 8-мь часов.
- 4-го Полк дневал. В селении Каспрингейн есть развалины бывшего с лишком как 300 лет тому назад замка. Герцога Бадемскаго где он жил, судить можно что он вел жизнь уединенную, ибо то селение стоит между гор где протекает небольшая речка.
- 5-го Поход до селения Бербург шли 6. часов, А корпусная квартира в местечке Гревенмахер.
- 6-го Поход чрез город Треер, до селения Лионких, Риоль и Кирхен, что на реке Модель, шли 8 часов. Город Треер стоит между гор на реке Мозель, довольно велик в нем есть кирок 5-ть или 6-ть строение хорошо и опрятно, он славится хорошею суконною фабрикою. А в селении Риоль которое разстоянием от города в 3-х часах, и стоит у подошвы высокой горы, есть минеральная или кислая вода!
- 7-го дневка.
- 8-го Поход чрез горы, до селений Маньгейма, Фельденца, Бурген, и Тусмант, Корпусная квартира в Гельцероте. Поход сегодня весьма был труден и скучен, потому что шли с горы на гору кои здесь чрезвычайно высоки и каменисты. Селении кои между их есть очень бедны и хлебопашество скудно. Шли с 5-го по 4-е часа по полудни. При селении Маньгейм есть одна гора, из которой выделяются самые лучшие Мозельские вина, не уступающие Бурбонским. Мозельские называются по реке протекаемой здесь Мозель, она не широка течет меж гор, камениста, по ней ходят небольшие барки. Можно ли быть неблагодарным, не оставив здесь упомянуть о блаженстве [?] селения Маньгейма, и населяющих его добрых жителей. Оно стоит на долине, и на самом берегу реки, окружен садами и виноградником. Хлебопашества хотя и мало, но зато с избытком награждены другими произрастаниями, от него до самого селения Фельденца версты на две есть самая прелестнейшая долина орошаемая небольшим ручайком, по обим сторонам коей не высокие горы, насажены виноградником. Жители промышляют на реке торговлею, добры и вежливы, и останутся у нас в доброй памяти!
- 9-го Поход до селения Ляйцферсвайлер, и Круменау, поход был 6-ть часов чрез горы но не так трудные, Корпусная квартира местечко Трарбаж; На половине дороги видели каменной столб, довольно высокой называемой Тупая башня. Он доставлен еще как сказывают сами жители до Рождества Христова, при городе построен Римлянами во время Юлиана Кесаря, которой и назывался Гелиополь, ныне не видно даже и развалин Его, сказывают что он разорен Германцами, кои делали набеги на Римлян, и та башня служила сим последним ведютом! Кроме сей есть во многих местах таковые же башни для предосторожности бывших Римских лагерей от набегов; Здесь горы от и до Майнса называются Гундерик, по истории ретирады Гугенотов из под Шалиона!

- 10-го Поход до селения Геминден и Загрентот шли 3-и часа. А Корпусная квартира местечко Кирберг.
- 11-го Полк дневал; Здесь в 1794-м Году был театр войны между Австрийцами и французами.
- 12-го Поход чрез местечко Штрумберх, до селения Винесгейм, и Генгайм, шли 5-ть часов, А Корпусная квартира в Бинген. Местечко Штрумберг стоит в ущелине гор, около коего каменные утесы чрезвычайны. Над сим местечком на возвышении есть развалины древняго замка с высокою башнею, которая как и развалины, из дали представляют вид величественной и привлекательной.
- 13-го Поход до селения Буценгейм, что близь Маянса на Рейне. Шли 7-м часов Корпусная квартира в Майнсе, сего числа проходили чрез город Бингейн он стоит у подошвы гор, и на самом берегу Рейна, довольно велик, от него шли по берегу в верх к Майнсу и проходили несколько селений кои здесь чрезвычайно красивы и велики.
- 14-го Полк в оном селении дневал.
- 15-го Поход чрез крепость Маянс, Герцогства Гессен-Дармштатскаго до селения Астгайм шли 6-т часов. Крепость Маянс стоит на самом берегу Рейна, он имеет в себе костюлов до пятнадцати, улицы выключая одной чрезвычайно узки, и не чисты, строение также не завидно, однакож велик и славится своим укреплением, напротив его чрез Рейн есть местечко Кассель которое укреплено также хорошо, и защищает Маянс от стороны Дармштата.
- 16-го Поход чрез местечки Гроз-Герау где была Корпусная квартира. до селения Крысгайм что близ Дармштата, шли 4-е часа, А Корпусная квартира в городе Дармштат.
- 17-го Полк дневал.
- 18-го Поход чрез город Дармштат, до города Дибурга, а от сего до селения Эперцраузен, и Гарперегаузен, шли 7-мь часов. Город Дармштат главной Герцогства Гессен-Дармштатскаго окружен со всех сторон лесами, и следовательно стоит на выгоднейшем месте, по дороге от Маянса не доходя его версты за 3-и встречает густой и чистой сосновой лес, пройдяего по правую сторону видишь квадратной чистой и равной луг, способной для обучения полков, отсель виден город, предместье и пространныя площадь могут нравиться всем; Герцогской дворец двух этажной, наружных видов никаких не имеет! Прочие части города от дворца до дороге на Дибург не занимательны, улицы узки, и строение не лъзя сравнить с предместием. Выходя из города встречаешь снова приятной чистой и густой лес которой и продолжается верст на 15-т! Близь Герцогскаго дворца есть сад довольно обширной, в нем ни статуи ни плодоносных деревьев, прищепт и беседки зделаны просто, по среди есть пруд с рыбою, сад сей или может всякому казаться предпочтительней Тюллери Парижских, простотою, зеленью, густотою деревьев, и извивистыми дорожками, особенно приятно прогуливаться в солнечное время, в нем можно ходить всем кто только захочет. Я видел много

- Гессенских солдат прохаживающихся с дамами и потом сидевших в месте в беседках, и наслаждающихся разговорами свободно.
- 19-го Поход чрез город Ашафенбург, до селения близ онаго Гваубах, Унтер-Афенбах и Гольтбах шла 7 часов. Город Ашафенбург довольно велик, и стоит на косогоре, окружен лесами, дорога до него версты на 3-и усажена тополюю, в нем есть замок на горе чрезвычайно огромной и виден из далека, далее, в самом городе почесть можно одну только улицу, которая порядочным строением и чистотою может нравиться!
- 20-го Полк дневал.
- 21-го Поход чрез город Ашафенбург до селения Ратенфелс что на Майне, сего числа шли чрез горы и леса более 12-и часов, Корпусная квартира селение Рарбрун.
- 22-го до местечка Гейденфельс, при нем переправлялись чрез реку Майн и шли не более 5-и верст, Корпусная квартира в Трифенштейн.
- 23-го Поход чрез город Вирицбург, до селения Рондесахрен [?], и Таильгайм Шла от 6-и до 7-и часов. Город Вирицбург стоит на реке Майне, на прекраснейшем и прелестном месте, с сухих сторон обнесен широким рвом и каменною стеною. Пред ним в право на высокой горе есть укрепленная цитадель или преогромной замок церковей довольно, пройдя предместье, встречаешь каменной мост чрез Майну, по местам коего высечены из камня изображения святых. далее! Чрез город проходил весь 6-й Корпус церемониалом, Здесь встретил Князь Щербатов, и полки кричали ему Ура! ура! ура! При походе чрез город как можно было заменить он показался многолюден, жители чисто и опрятно ходят, строение хотя не огромно но приятно; улицы широки и чисты, есть две площади или рынки довольно обширны и чисты, дворец огромной и представляет более приятных видов нежели в Париже, а подле его хороший сад! Оной город славится всем как в просвещении наук так и художеств, есть также и натуральной кабинет! Здесь люди в округе Вирицбургском как было приметить можно очень набожны, потому что в селениях, и на дорогах очень много Изображений Святых.
- 24-го Полк дневал.
- 25-го Поход до селения Таильгайм, и Швейнфельд, шли 5-т часов Корпусная квартира селения Вернер.
- 26-го Поход чрез город Швейнфорт, до селения Кохсгаим, и Зейфельд. Шли 6 1/2 часов.
Город Швейнфорт, где была Корпусная квартира довольно велик, строение хорошо, улицы чисты и широки стоит на реке Майне.
- 27-го Поход чрез помянутой Город, до селения Витфинген, Султ-Здорф, и Альтшинстер в коих и расположились, шли от 5-и до 6-и часов. Корпусная квартира местечко Кенигсшфен!
- 28-го дневка

Вступление в Саксонию

- 29-го Поход до селения Гляйхервизен, Глейхомберг, и Земерзгаузен. Шли 7 часов, Корпусная квартира город Рингольд.
- 30-го Поход чрез город ГальтбургГаузен, до селения Валдау, Ротшер, Обер-Рот, и Гехельтрейт, шли 8 часов Корпусная квартира город Шлайсинген.
Город Гальтбургаузен главной Княжества Веймарскаго не велик, и стоит на весьма некрасивом месте, в нем одна только большая улица, кирки 4-е строение однако хорошо!
- Июль
- 1-го Полк имел Дневку.
- 2-го Поход до селения Белен, шли 6 часов, Корпусная квартира в городе Ильменау.
- 3-го Поход чрез город Кенигс, местечко Плянкенбург, и город Зальфельд до селения Ляусниц, Элькен, Вельздорф, Добичен, и Сейсла, шли 10-т часов! Корпусная квартира город Заафельд! Поход сегодня до самого Заафельда был между гор ущельями, дорога узкая и каменистая. Город Кенигс строением порядочен стоит в ущелье, Плянкенбург местечко малое стоит также в ущелье гор. Здесь между Плянкенбургом и Заафельдом, прошедшею компанию Прусаков с французами, при селении Билякс первое было сражение где убит Конным егерем Прусской принц Люи. Тело его погребено подле самого того селения под мною, тут мы имели привал, и читали надпись Высеченною на белом камне! Напоследок проходили город Заафельд, он стоит на ровном месте, но со всех сторон закрыт возвышениями, довольно велик но строение не привлекательно, улицы однакож чисты, и широки, кирок есть от 5-и и до 6-и.
- 4-го Полк дневал.
- 5-го Поход до селения Мозбак, Кондиц, Линде, и Труан, шли от 6-и до 7-и часов!
Корпусная квартира Нейштат, что на Арле.
- 6-го Поход чрез местечко Аум, и Вейда до селения Ракершдорф, Райст, Линде, Браунихсвальде, Шли от 8-и до 9-и часов Корпусная квартира город Гора. Местечка Аум и Вейда небольшие, из них первое стоит на горе, другое в ущелье или в яме, оно разделяется на два и гораздо больше Аума. Отсюда немцы или Саксонцы низкаго состояния от протчих большую имеют отмену в одежде; Мужчины носят широкие шировары по большей части из кожи, и по колению, шляпка небольшие, волосы обрезаны во круг и походят на Молдаван или Булгар, у женщин и девок волосы стрижены под гребенку, головной убор как прежняя гренадирския каски, на грудях щиты, и [неразб.] по колению!
Поход чрез Местечко Шмелли и город Альтенбург, где была Корпусная квартира до селения Пешвиц, Требанц, Потендорф, Гасельбах, и Сервиш, шли 7 часов. Город Альтенбург велик, строение хорошо, улицы широки, многолюден, на месте стоит не так красивом, полк

- 7-го проходил чрез него церемониалом и в самой сильной дождь! до него от самого ночлега дорога усажена плодоносными деревьями, А при предместий зделаны из эльнику [ельника] триумфальные ворота очень изрядно, в честь дворянству бывшему во Франции
- 8-го Полк дневал.
- 9-го Поход чрез местечко Гейдехин и город Рахлиц, он стоит на реке Мульте в ущелье гор не велик, но строение хорошо и улицы широки, бывшей при нем каменной мост при ретираде подорван Французами, пройдя город расположились в селениях, Франкенау, и Топельсагим, шли 8-и часов. Корпусная квартира город Рахлиц.
- 10-го Поход чрез город Вальдгейм, в Добелин, где была Корпусная квартира до селения Авторвиц, Швальниц, и Мишиц, шли 8-м часов. Оба оные городечка стоят в ущельи гор, на реке Мульте, не велики но последний то есть Дебелин предпочтительней перваго, порядочным строением, хорошими и чистыми улицами.
- 11-го Поход чрез местечка Ломать до селения Раскачен, Приси, Мертиц, Кайпшиц, Рослиц, Сайлиц, шли 3-и часа, Корпусная квартира город Мейсен!
- 12-го Полк дневал.
- 13-го Поход до селения Вакау, и Зейфершдорф, Корпусная квартира Местечко Радибург, шли 12 часов. Сего числа проходили чрез город Мейсен, он стоит на берегу Эльбы, в нем есть огромная фарфоровая фабрика, и славится искусством высокой работы во всем свете, городочик не велик, два костюла и улицы узки, стоит же на косогоре. От него на половине дороги к Радибургу при селении Эйзельберг, шли мимо дворца Короля Саксонскаго, он поставлен в густоте леса, и ведут к нему со всех сторон густые Алеи из Мушкатнаго дерева, подле его есть зверинец и прекрасной сад со множеством разных родов птиц. Сад сей на возвышении а подле его пруд довольно обширной, посредине коего зделаны два островка, оне загрунтованы камнем, и в мещают на себе галлерейки с густым деревом, на коих водяные птицы имеют свое пристанище. Сверх сего в оном саду по берегу пруда есть много беседок и других-украшений, А в пристани стоит не большой галиот; На коим сказывают Король прогуливался по пруду!
- 14-го Поход чрез Местечко Пульцниц и город Каменц где была Корпусная Квартира до селения Часвиц, Часковичь, Гадлиц, Учковиц, и Боки, шли 7-и часов. Город Каменц стоит на косогоре, и не велик строение посредственно. Кирок есть две!
- 15-го Полк дневал.
- 16-го Поход мимо города Бауцына, до селения Дрезы, Родиц, Вавиц Водиц, Помрыц, и Кушлиц, поход был 7-и часов, Корпусная квартира город Бауцын.
- 17-го Поход до местечка Рейхенбах и селения Дифманздора, Корпусная квартира город Лобау.
- 18-го Полк дневал.
- 19-го Поход до Города Герлиц, где полк и был разположен ночлегом в месте с Корпусной квартирой. Сего дни проходили селение

- Маркиредорф где в Кирхе при ретираде наших войск прошла-го 1813-го года Майя 10-го дня к крепости Швейдницу, нашей Артиллерией ядром убиты французские Маршал Юрок, Генерал Кирчинев [?] и Адъютант Наполеона!»
- 20-го Поход до города Ляубана.
- 21-го Поход до местечка Бонслау, от самага Ляубаха начинается Силезия, на нынешнем переходе по дороге пред каждым селением в честь Руских поделаны Триумфальные ворота, убранные цветами, и украшенные Венками! Город Ляубан стоит на реке Бобр, не велик, Прусской комендант онога, нашего Генерала встретил за городом и провожал до квартиры, А на другой день от города зделан был бал!
- 22-го Полк Дневал.
- 23-го Поход до местечка Хайнау.
- 24-го До города Лигниц! Город сей на ровном месте, довольно велик, строение красиво, улицы широки и чисты, пред входом зделаны двое триумфальные ворота украшенные венками с надписью вверху золотыми литерами, на первых ЗДРАВСТВУЙТЕ ПОБЕДИТЕЛИ, на вторых, НА ВСЯКОМ МЕСТЕ СЛАВА ВАША. все дома и окошки украшены были венками из цветов. Слава Богу! и мы дожили до таких времен как и Римляне, в древности возвращаясь с победами в свое отечество Были принимаемы, с радостыми возклиданиями и осыпаемы венками!
- 25-го Полк дневал
- 26-го Поход до Местечка Неймарк шли 8-и часов. При входе в Триумфальные ворота зделана надпись золотыми литерами ХРАБРЫМ РУСКИМ! Того ж числа в 11 часов по полудни полк выступил к Бреславлю, и прибыл к оному 27-го числа в 6-т часов утра. шли 8-и часов. В город вступили всем Корпусом, где встретили Прусской Маршал Йорк, и князь Щербатов. Город сей стоит на реке Одер, в мещает в себе 8-и костюлов Заслуживает внимание своею Великоною, и огромным Зданием, улицы довольно широки и чисты, он также славится своею Торговлею, Строениеж все старинное, квартира моя была у трубочиста, здесь мы увидели жидов, тех отвратительных людей, кои отягожая мерзостию своею Землю, особенно Польшу, подают довод к всегдашней с ними ссоре. Их здесь много живут домами, и приезжают по торговле.
- 28-го Полк дневал.
- 29-го Поход до города Эльс шли 8-м часов. Город сей стоит на ровном и красивом месте. Строение хотя старинное но хорошо, и улицы широки, в нем есть три кирхи!
- 30-го Поход чрез местечко Ватенберг, где была Корпусная квартира, до селения Шлейзи, и Гроз-Иозель, шли 8-ь часов.
- 31-го Поход до местечка Компю, где и корпусная квартира шли 6-ь часов.
- Августа
- 1-го Полк дневал.
- С сего местечка начинается Польша, в коей мы 8-й уже год влечем бедственную жизнь! При вступлении в сию Землю ужасная мысль представилась глазам нашим, во всем ея пространстве, где мы были! и куда идиом, давно ли были в Риме! Давно ли были

- приняемы и угощаемы как победители, ныне что видим! начто не взглянешь, к чему не косниосся, всио отвратительно, голод и скотская жизнь поляков как равно и бедственная, не могут ли поколебат сердца людей кои начинали уже быть благородными, как в обхождении, так и в поведении с благородными немцами. Как бы мы были рады! Как прославляли Бога! ежелиб после сего, пройдя ету пустыню. Бог привиол нас в любезное наше отечество, в коем мы 7-и лет как небыли, и став по среди друзей и родственников началиб им разказывать свои путешествия о начала и до конца, а они бы нас стали подчивать и угощать, А нам чегоже больше!
- 2-го Поход чрез местечко Вырушов, где была Корпусная квартира, до селения Мелешини, Пусткова, и Пшиворы, шли 5-ть часов!
- 3-го Поход до селения Свертковице, и Дибраслив, шли 6. часов Корпусная квартира селение Чернижилъ.
- 4-го Дневка. Полку.
- 5-го Поход до селения Домброво, Свирусово, Зборов, и Конты, шли 10-ть часов, Корпусная квартира селение Нахлерово.
- 6-го Поход чрез местечки Видаву, до селения Вилли-Бучковской, Попатки, Горчenea, и Ческова, Шли 8-и часов, Корпусная квартира селение Домброво.
- 7-го Полк дневал.
- 8-го Поход до селения Лишины, Тонзова, Большие-Горки, Малые-Горки и Тижиминь, шли 6. часов, Корпусная квартира селение Понстенколица.
- 9-го До селения Чарнотик, Тыков, Берживоды, Котилны, и Дальково, Корпусная квартира местечке Пертков.
- 10-го Полк дневал.
- 11-го Поход чрез местечко Вольбанс, до селений Свойшевицы, Дужой, Свойшевицы Малой, Нагоржиц, и Ведерна, сии селении на реке Пыльсниц, шли 8-и часов.
- 12-го Поход вниз по реке Пимниц, до селения Гротовице, Любони; Бражик, и Ковенчик, шли 10. часов. Корпусная квартира селение Любахни.
- 13-го Поход чрез местечко Бяло, до селений Нарты, и Красцев, шли 8-и часов, Корпусная квартира в местечке Рава.
- 14-го Полк дневал.
- 15-го Поход до селений Старый Гуты, Новый Гуты, Буды студены, Буды Велериански, Буды бернарски, Буды Дилгохонты, и буды пияка, шли от 9-и часов утра до 6-и по полудни. Корпусная квартира в селении Рава. оставалась.
- 16-го Поход до селений Хитров, и буды Хаински; Шли 6 часов Корпусная квартира в местечке Мщонове.
- 17-го Полк дневал!
- 18-го Поход до селений Млохов, Старавесь, Зановиц, и Краковяны.
- 19-го Полк вступил в Варшаву. где весь поставлен был в Пустом и Ветхом доме! Примечанае! в больших городах всегда такое счастье! Сей город называемой Польскою Столицею, обширен и многолюден. По большой части населен жидами, в нем можно

почесть за порядочную одну только улицу иод названием Новый свет. Строение хорошего очень мало, в протчем город весь стоит на ровном месте над рекою Вислою, и со стороны Праги вид имеет веселой, предместьеж Прага кое прежде составляла часть лучшего Города Варшавы, славившаяся хорошим строением и укреплением, ныне вмещает в себе несколько только карчим, в протчем не видно даже и следов хорошего строения.

- 20-го Полк дневал. – в Варшаве.
21-го Поход до селения Колин, А Корпусная квартира была в местечке Окуневе.
22-го До селений Конды-бялицкой, Мленчик, и Рудзенки, в сей последней была штаб квартира. А корпусная в Станиславове.
23-го Полк дневал.
24-го Поход до селении Скаржин, Нойсsev, Вырзини, Сульки, и Юзефов. Корпусная квартира в селение Мановец.
25-го До селений Сикорн-Мали, Бельки, Коссерады, Красав, и Карбабе, в Малых Сакарах была штаб квартира, А Корпусная квартира в местечке Венгрове.
26-го Полк дневал.
27-го Поход до селения Олубля, Кранки, Уземблы, Отрусь, в первом была штаб квартира, А дивизионная в местечке Константинове.
28-го до селения Хоудинов, Шажков, Шавли, Петрусы, Рудня, Ленки, и Вочолка, все сии селении между собою были смежны, в первом из них расположен был штаб, а дивизионная квартира в местечке Лосице.
29-го Полк был осматриван инспекторским смотром сего полка Шефом, командовавшим в то время 18-й пехотной дивизией.
30-го Полк дневал.
Сентября 1-го Полк имел ночлег в селениях в окружности местечка Янова.

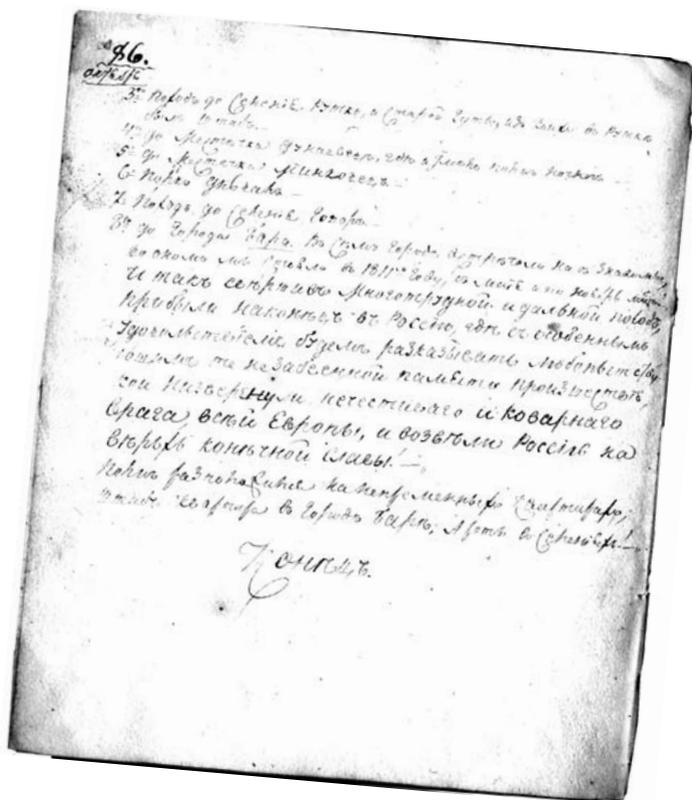
В России

- 2-го Поход до Бреста Литовска, пред вступлением в оной был отправлен пред всей дивизией, благодарственной молебн, причем находился сам князь Щербатов. После молебна проходили чрез Брест с церимонией, сего числа полк имел ночлег в селения Муховцах, в 4-х верстах от Бреста!
3-го Полк дневал.
4-го Поход до селения Пожежни.
5-го Чрез селение Мокраны, до селения Бирки Заблотье, и двора Леперы, в сем последнем был штаб, а в Заблотье весь полк.
6-го До местечка Ратно, и селение Комарове, в первом были штаб и 1-й баталион, а в селении 3-й баталион.
7-го Полк дневал.
8-го Поход до селения Качина, и Вульки, А дивизионная квартира в селение Висамги.
9-го Поход чрез местечко Несухоиж, до селения Доротица, дивизионная квартира в местечке Несухоиже.

- 10-го до города Ковле.
11-го Полк дневал.
12-го Поход до селения Свидник Малых, и больших Порск.
13-го До местечка Рожища, где расположен был весь полк.
14-го До города Луцка.
15-го Полк дневал.
16-го Поход до селения Чехно, и Якович, в первом была штаб квартира.
17-го До селения Пекалов, Смрдви, и Беряги, в первом была штаб квартира.
18-го До города Дубно, где и расположен был весь полк.
19-го Полк дневал.
20-го Поход до местечка Вербы.
21-го До города Кременца, где и расположен был весь полк.
22-го Полк в оном дневал.
Сей город стоит в ущелья каменистых гор, и совершенно справедливо назван Кременцом! Надним есть гора довольно высокая и крутая, на ней есть развалины замка в древности бывшего царицы Бонны, где она имела Жительство, в развалинах есть колодезь чрезвычайно глубокой, которой при всем старании не могли насыпать! Сей замок по местоположению был обширен, удивительно при том, что в замок сей никак нельзя думать чтоб была где нибудь дорога, ибо со всех сторон круто выключая одной вышедший мысом, Кременецкие жители сказывают что королева при набожности своей имела реткой выезд, на случай же проезда употребляла мост зделанной из кожи на против лежащую гору, А после снимался с сей горы. Город представляется ничтожным, в нем есть монастырь построенной оною королевою, в коем можно видеть и портрет сий! В Кременце есть гимназия, много студентов или учеников
- 23-го До местечка Вишниц, где имел полк ночлег.
24-го До селения Карначовки, Орешковцев, и Янковцов, из коих в первом была штаб квартира.
25-го Полк дневал.
26-го Поход до селения Щостновки, где расположен был весь полк.
27-го До селения или местечка Ток, Тарнопольской области.
28-го До местечка Волочиск, и селение Маслово, в коих и имел весь полк ночлег.
29-го Полк дневал.
30-го Поход до селения Бруновки, Сарков, и Куровячек, из коих в первом была штаб квартира.
31-го До селения Хонтияцов, Веселец, Журавлинцы, и Калитинцы из коих в Весельце была штаб квартира.
- Октябрь
1-го До местечка Грудок, и селения Людвитель.
2-го Полк дневал
3-го Поход до селения Ругни, и Старой Гуты, из коих в Рутке был штаб.
4-го До местечка Дунаевец, где и имел полк ночлег.

- 5-го До местечка Минковец.
 6-го Полк дневал.
 7-го Поход до селения Говор.
 8-го До города Бара. В сем городе встречали нас знакомые, в оном мы стояли в 1811-м году, с мая по ноябрь месяц. И ТАК СВЕРШИВ МНОГОТРУДНОЙ И ДАЛЬНОЙ ПОХОД, НАКОНЕЦ В РОССИИ, ГДЕ С ОСОБЕННЫМ УДОВОЛЬСТВИЕМ БУДЕМ РАЗКАЗЫВАТЬ ЛЮБОПЫТСТВУЮЩИМ ТЕ НЕ ЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ ПРОИЗШЕСТВИЯ, КОИ НИЗВЕРГНУЛИ НЕЧЕСТИВАГО И КОВАРНАГО ВРАГА, ВСЕЙ ЕВРОПЫ, И ВОЗВЕЛИ РОССИЮ НА ВЕРХ КОНЕЧНОЙ СЛАВЫ!
 Полк разположился на непременных квартирах, штаб квартира в Городе Баре, А роты в селениях!

КОНЕЦ

Приложение: ЦГВИА СССР, фонд 395, оп. 30, д.685.

- л.10 Формулярный описок о службе и достоинстве старшего адъютанта Главного Штаба Действующей армии, состоящего по кавалерии Майора Кушковского,
Февраля 1-го дня 1839 года.
- л. 10 Майор Сергей Сергеев сын Кушковский
об Исповедания Грекороссийского
Кавалер Св.Анны 3-й и 4-й степени. Имеет серебряные медали в память 1812 года и за взятие города Парижа 19-го марта 1814 года.
/лет от роду / сорока шести
/из какого звания/ из дворян Волынской губернии
/недвижимое имение/ не имеет
В службу вступил юнкером 810 года октября 10 (в 32 егер-
ском полку)
Португей-юнкером 811 года ноября 3 (там же)
За отличие в сражении произведен прапорщиком (там же)
1813 года января 1 дня от роду тогда имел двадцать лет.
За отличия в сражении подпоручиком 814 года января 30 (там же)
«—————» поручиком 816 года августа 25 (там же)
- л.11 Из онаго [егерского 32] от службы за ранюю с чином штабс-капитана и с мундиром 817 года декабря 14
По высочайшему приказу принят из отставки прежним поручичьим чином во 2-й Гренадерский (что был впоследствии Луцкий) полк 819 февр. 3 1812 года 14-го и 16-го ноября против французов при о.Стахове и Бриле (что близ Борисова) в действительных сражениях находился, где за отличия произведен в прапорщики, с 16-го в преследовании, 19-го в сражении под м.Ильи[?], 22-го Молодечном, 26-го под г.Вильно и при прогнании из онаго французов, прикрывавших ретираду; декабря с 6-го в Герцогстве Варшавском, Пруссии, Саксонии, потом в Силезии, 13-го года мая 7 под м.Кенигсвартом, 8 и 9 под м.Бауценом в действительных сражениях, августа 14 под Гальдбергом на реке Кацбах, 17 при разбитии неприятеля под Левенбергом на реке Бобре; сентября 26 в сражении на большой Родибергской дороге к г.Дрездену, на коей устроены были до самых укреплений города засеки, и при прогнании из онах, декабря 20 при переправе через Рейн, и при вступлении во Францию, 814 года января 11 при взятии штурмом г.Линьи, и 17 в сражении при г.Бриен-Лешато, где получил от разорвавшейся гранаты в левую руку выше локтя сильную контузию с раздроблением кости, позже превратившуюся в рану, для пользования коей находился при полку неотлучно и с оной был в делах против неприятеля, 20 при с. Ларотьер, где за оказанное отличие награжден орденом св.Анны 4-й степени, 28 при м.Лафорте-Суоуар, 30 при Монмирале, 31 при Шатотьеры, где за отличие произведен в подпоручики, с сего числа по 1 апреля при взятии города Парижа, и оттуда на обратном марше в Россию чрез княжества Баденское Дармштадтское, Франкфуртское, Королевство Виртембергское, герцогство Саксонское, Силезию и Польшу по 22 августа того же года находился. В плену не был.
- л. 12. [продолжение перечня полков, в которых служил, см. л.10об – 11]
Из онаго [2-го Гренадерского] переведен за ранюю в Рижский гарнизонный батальон 821 года ноября 28.

- л. 12. Прибыл к баталиону и зачислен налицо 822 января 17.
По высочайшему приказу назначен к бригадному командиру 1-го округа внутренней стражи бригадным адъютантом 822 июля 27
К своему месту прибыл до зачисления приказом.
Из оною переведен по воле начальства в Псковский пехотный /что ныне Фельдм.кн.Кутузова-См-го полк/ 823 ноября 21.
Прибыл и зачислен по полку 823 декабря 15.
А с сего числа командирован в высочайше учрежденную в г. Митаве секретную экспедицию для открытия контрабанды, где и находился по 9 ноября 1824 г, [далее продолжение о прохождении службы, см. л.11].
Особых поручений по высочайшим повелениям не имел.
Во время нахождения бригадным адъютантом... и далее, уже в Псковском полку командирован для открытия и на пути поимки контрабандистов, за что получил денежное вознаграждение.
1828 года за бывший смотр и маневры 3-го резервного кавалерийского корпуса при г.Елисаветграде 3 и 4 числа мая, в присутствии Е.И.В. объявлено в числе прочих эскадронных командиров Высочайшее благоволение.
За смотр и маневры, произвел, в прис. Е.И.В.
- л.13
1830 года мая 26 и 27 числе при г.Елисаветграде войскам 3-го резервного кавалерийского корпуса, с его резервом в числе прочих объявлено высочайшее благоволение.
Того ж года июля 5 за отлично усердную службу, начальством засвидетельствованную, награжден орденом Анны 3-й степени, на что и грамоту имеет. Всемиловитейших рескриптов и похвальных листов от своего начальства не получал.
[продолжение перечня чинов которых служил]
- л.12
об. По высочайшему приказу, состоявшемуся 1 ноября 824 года произведен в штабс-капитаны со старшинством 824 г. 17 мая
Ротмистром 827 г. 7 декабря
За отличие по службе произведен майором 838 года 25 июня.
[далее прохождение по полкам]
- л.13
Из оною (Псковского) переведен по воле начальства в Новгородский кирасирский (что ныне кирас. Е.И.В. В.кн. Елены Павловны) полк с переименованием штабс-ротмистром 826г. марта 3.
Прибыл к полку и зачислен налицо 26г. сентября 7.
Назначен старшим адъютантом в Главный штаб Действующей армии 836 года 31 октября.
Отправлен из полка 837 31 января.
Прибыл к должности 837 февр. 27.
В ротмистры произведен с состоянием по кавалерии и с оставлением в при прежней должности.
- л.13
об. Российской, французской, немецкой и польской грамоте читать и писать умеет, курс полный арифметики знает.
- л. 14
Женат на дочери помещика гвардии прапорщика Колесницкого Анне Николаевне, у них дети сыновья Александр 16-ти, Николай 10, Владимир 5 лет и Сергей 1-го году, дочери Мария 12, Александра 10, София 9 и Елена 3-х лет.
[в настоящ. время] находится Старшим адъютантом в Главном штабе действующей армии с 31 октября 1836 года.
По выборам дворянства не служил.

ИЗ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА
о службе и достоинстве Исправлявшего должность
Военного Начальника Августовской Губернии, Состоявшего
по Армейской Кавалерии Полковника КУШКОВСКОГО
июня 22 /июля 4/ дня 1855 года

ЧИНЫ	Назначен помощником военного начальника Плоцкой губернии	1839 февраля 24	По сдаче письменных дел, 2-го Отделения Главного армии Дежурства, получил отправление 1839 апреля 10
	Подполковником	1844 января 16	В сей должности. Высочайшим приказом назначен в сие же звание, к Военному начальнику Августовской губернии 1848 сентября 3 Отправлен к оной 1848 октября 24 Прибыл 1848 октября 29
	За отличие по службе полковником	1849 июля 11	В сей доверенности
	Высочайшим приказом назначен исправляющим должность Военного начальника Августовской губернии	1851 августа 9	Умер 1855 июля 21/июля 3/

Был женат на дочери помещика Гвардии прапорщика Колесницкого Анне Николаевой, у них дети: сыновья родились: Александр 13-го ноября 1822 года, по служению в Пехотном покойного Генерал-фельдмаршала, князя Варшавского, графа Паскевича Эриванского полку, в звании портупей-прапорщика, убит на Кавказе 21 июля 1846 года, при взятии штурмом неприятельских завалов на горе Тлия в Кейсерухском обществе; Николай мая 4 дня 1828 года состоит на службе в Государственном контроле в Департаменте гражданских отчетов, в чине губернского секретаря; Владимир 30 июня 1833 года, состоит на службе юнкером в Витебском егерском полку; Сергей февраля 19 1838 года, состоит на службе в Канцелярии Наместника в Царстве Польском; Евгений 31 июля 1839 года, воспитывается во 2-м Кадетском корпусе. Дочери: Мария 14 декабря 1826 года, находится в замужестве за командиром Витебского егерского полка, генерал-майором Верховским; София 18 августа 1829 года и Елена 1 августа 1836 года, находятся при матери, Елена и дети вероисповедания православного.

Аттестовался достойным.

БЫЛ ЛИ В ОТПУСКАХ ... в 1855 году, с высочайшего разрешения государя императора, сообщенного в отношении г.Военного министра князю Наместнику от 2 июня того года за № 8502-м уволен в отпуск на 28 дней в г. Берлин, для пользования от болезни, где и скончался.

(Подлинный подписал) Наместник генерал-фельдмаршал, князь Варшавский
 ф. 395, оп. 162, д. 674, л. 13-15

Перевод с немецкого

Из книг об умерших в Доротеийской кирхе видно: что Императорско-Российский Полковник Сергей Кушковский, 60-ти лет от роду, 3-го июля 1855 года (по новому стилю) по полудни в 4-ре часа, от водяной болезни умер, а 6-го того же месяца похоронен. Верность этой выписи свидетельствует – г. Берлин июля 8 дн. 1855 г.

(подписано) Брунеман
Эвангелический Священник Фридрих-Вердерской и
Доротеийской кирхи.

(М.П.)

Что это свидетельство действительно выдано Священником Фридрих-Вердерской и Доротеийской кирхи г. Брунеманом, для общего сведения, и собственноручно им подписано, в том свидетельствует – г. Берлин июля 9-го дн. 1855 г.

(М.П.)

Королевская Консистерия Бранденбургской Провинции.

(подписал) Кобер

Верность печати и подписи Королевской Консистерии Бранденбургской Провинции, свидетельствует – г. Берлин июля 9-го дн. 1855 г.

(М.П.)

Министр просвещения, Духовных и Медицинских дел

(подписано) Кауниц

Верность высшей подписи свидетельствует – г. Берлин июля 10 дня 1855 г.

Министр иностранных дел

(М.П.) (подписал) Гельвих в отсутствие Министра

Верность перевода свидетельствую: г. Варшава июля 13/25 дня
1856 г. Переводчик Военного Отделения Канцелярии Наместника
в Царстве Польском, Титулярный Советник Отлевский

ф.395, оп. 162, д. 674, л. 6-7

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛКА

Полк был сформирован в августе 1806 года. К началу военных действий с Францией в 1812 году он входил в состав 18 пехотной дивизии генерал-майора Щербатова, которая, в свою очередь, входила в состав 3-ей Резервной обсервационной армии под командованием генерала-от-кавалерии Тормасова. Начальником штаба армии был генерал-майор Инзов, будущий начальник А.С. Пушкина во время южной ссылки поэта.

«В воздаяние отличным подвигам, оказанным в сражениях бывшим под Городечной, Кенигсвартом, Баудином в Силезии и под Бриенном Всемилостивейше жалуются полкам: ...егерскому 32 серебряные трубы с Георгиевскими крестами» (из рескрипта Александра I от 5.I.1815 г.).

«В воздаяние отличных подвигам, оказанным в сражениях бывших прошлого 1814 года генваря 17 при Бриен-Лешато и 20 при селении Ларотьер, Всемилостивейше жалуются полкам ... егерским: ...32 серебряные трубы» (из рескрипта императора от 25.IV.1815 г.).

С 1819 года полк входил в 16 пехотную дивизию под командованием генерала М.Ф. Орлова и располагался в Аккермане.

В результате реорганизации в 1833 году полк был упразднён, слившись с Тульским, получил наименование 72 Тульского полка, просуществовавшего до 1917 года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Барклай де Толли Михаил Богданович (1761-1818) – выдающийся русский полководец. С 1810 г. военный министр, в 1812 г. командующий 1-й Западной армией. После смерти Кутузова в 1813-1814 гг. командовал соединенной русской и прусской армиями. В марте 1814 г. за взятие Парижа получил чин генерал-фельдмаршала

Блюхер Гебхард Леберхт (1742-1819), прусский генерал-фельдмаршал, князь Вальштатт. В 1815 г. командующий русско-прусской Силезской армией, в 1815 г. главнокомандующий прусско-саксонской армией, успешно действующей при Ватерлоо.

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770-1818), барон, генерал от кавалерии. Участник Итальянского похода Суворова. В 1812 г. командовал под Москвой отдельным отрядом, прикрывавшим петербургского направление. В 1813-1814 гг. командовал кавалерийскими соединениями.

Гейндрейх Иван Григорьевич (1769-1839), генерал-майор. В 1812 г. командовал Костромским пехотным полком в армии Тормасова.

Дьячкин (Дьячкин) Григорий Андреевич. Войска Донского. Произведен в генерал-майоры в ноябре 1812 г. Находясь в армии адмирала Чичагова, с отличием действовал при Любомле, Слониме, где «своеручно сбил с лошади и полонил генерала Кнопку».

Жевахов (Жевахишвили) Иван Семенович (1765-1837), князь, генерал майор. Участник русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и кампании 1807 г., командовал Серпуховским драгунским полком в армии Тормасова.

Инзов Иван Никитич (1768-1845), генерал от инфантерии. Участник штурма Измаила в 1790 г., Итальянского похода Суворова в 1799 г. В 1812 генерал-майор, начальник штаба 3-й армии. С сентября 1812 – начальник 9 пехотной дивизии. С 1820 г. – наместник Бессарабии. В 1820-1823 гг. под его началом служил А.С. Пушкин.

Йорк Ганс Давид Людвиг (1756-1828), прусский генерал, командовал в 1813 г. 1-м Силезским корпусом Силезской армии в составе союзных войск против Наполеона. Впоследствии генерал-фельдмаршал.

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745-1813), граф, позже князь Смоленский, генерал-фельдмаршал. В начале Отечественной войны был избран начальником Петербургского, а затем Московского ополчения. 8 авг. 1812 г. был подписан указ о назначении М.И. Кутузова главнокомандующим русской армии. В 1813 г. главнокомандующий русско-прусскими войсками.

Ланжерон Александр Федорович (1763-1831), граф, генерал от инфантерии. Француз, на русской службе с 1790 г. Участник штурма Измаила, кампании

1805, боевых действий на Дунае 1809-1812 гг. Во время Отечественной войны командовал корпусом в армии Чичагова. Впоследствии – херсонский военный губернатор и градоначальник Одессы.

Макдональд Этьен Жак Жозеф Александр (1765-1840), герцог Тарентский, выходец из Шотландии, маршал Франции, командовал 11-м корпусом, впоследствии пэр.

Мелиссино Алексей Петрович (1759-1813), генерал-майор. Участник штурма Измаила. В 1812 г. командовал кавалерийской бригадой в армии Торماسова. Убит в сражении под Дрезденом.

Мармон Огюст Фредерик Луи Витесс де, герцог Рагузский (1774-1852), маршал, пэр Франции. В 1813-1814 гг. командир VI корпуса. В марте 1814 г. вместе с маршалом Мортье подписал акт о капитуляции Парижа.

Ней Мишель (1769-1815), маршал Франции, герцог Эльхигенский, князь Московский. В 1799 г. временно командовал Рейнской армией, в 1811-1814 гг. – III пехотным корпусом. При Бородино командовал центром армии Наполеона. Отличился в сражениях 1813 г. при Люцене, Бауцене, Дрездене и Лейпциге. В период «ста дней» перешел на сторону Наполеона, за что был расстрелян.

Панчулидзева (1-й) Иван Давыдович (1759-1815), генерал-лейтенант. Участвовал в штурме Очакова, в сражении под Шенграбеном. В 1812 командовал кавалерийской бригадой в армии Багратиона, под Бородином – кавалерийской дивизией.

Сакен (Остен-Сакен) Фабиан Вильгельмович фон дер (1752-1837), барон, впоследствии граф. В 1812 г. командир корпуса, действовавшего в Варшавском герцогстве, позднее командир корпуса Силезской армии, в 1814 г. за отличие в битве при Кацбахе произведен в генералы от инфантерии. Позднее генерал-фельдмаршал.

Тормасов Александр Петрович (1752-1819), генерал от кавалерии. Участник русско-турецкой войны 1787-1791 гг. В 1808-1811 гг. главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии. В 1812 г. командовал 3-й Западной армии. В 1814 г. – московский военный губернатор.

Чаплица Ефим Игнатьевич (1768-1825), генерал-лейтенант. Участвовал в осаде Очакова и штурме Измаила, в боевых действиях на Кавказе в 1796 г., в сражениях при Шенграбене, Аустерлице, Прейсиш-Эйлау и Фридрихсвальде. В 1812 г. состоял шефом Павлоградского гусарского полка, командовал кавалерийскими отрядами в армии Торماسова.

Щербатов 1-й Алексей Григорьевич (1776-1848), князь, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор.

Участник кампании 1806-1807 и боевых действий на Дунае в 1810 г. В 1812 г. командовал 18-й пехотной дивизией в армии Тормасова, затем корпусом. В 1813 г. отличился при осаде Торна и под Кенигсвартом.

Юрок (правильно Дюрок) Жерар Кристоф Мишель (1772- 1813), герцог Фриульский, маршал Франции, друг Наполеона. Убит в бою у Вуршена 10(22) мая, на следующий день после Бауцинского сражения.

А.М. Нирша

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ БРЮССЕЛЬСКИХ ПУШКИНЫХ

*Гордиться славою своих предков не только можно, но и
должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.*

А.С. Пушкин

Он победил и время, и пространство.

А.А. Ахматова

Старинное пушкинское древо, уходящее корнями в многовековое прошлое, дало раскидистую крону благодаря двум ветвям. Из четырех детей Пушкина лишь Александр и Наталья имели детей. Многочисленные потомки великого русского поэта ныне живут в разных странах. В прошлые годы одесский музей Пушкина посещали Григорий Григорьевич (правнук) и Юлия Григорьевна (праправнучка) Пушкины – потомки по линии сына; Клотильда и Грегор фон Рихтлен-Меренберг – потомки по линии дочери Пушкина. В июньские дни 2007 года в Одессу из Брюсселя на празднование дня рождения Александра Сергеевича прибыла необыкновенная супружеская пара – Александр Александрович и Мария Александровна Пушкины.

Александр Александрович – праправнук поэта, последний прямой потомок по мужской линии; его жена, Мария Александровна, в девичестве Дурново – прапраправнучка, приходится своему супругу троюродной племянницей.

С брюссельскими Пушкиными у музея установились самые дружественные отношения. Неоднократно посещая Россию, Александр Александрович и Мария Александровна передавали Пушкинским музеям Москвы и Петербурга ценнейшие документы из семейной коллекции. Познакомившись с одесским музеем Пушкина, они выразили желание пополнить также и наше собрание.

Сотрудничество с музеями в традиции семьи Пушкиных, начало было положено сыном поэта Александром Александровичем Пушкиным. Ученые, писатели, работники музеев, издатели – все обращались к нему как к главному хранителю отцовских реликвий. Он сберег многие вещи Александра

Сергеевича, начиная от знаменитой чернильницы с арапом до рукописей и черновых бумаг. Во время Пушкинских торжеств 1880 года в Москве он отдал на Пушкинскую выставку, устроенную обществом любителей российской словесности, черновые тетради отца, а после закрытия выставки подарил их Румянцевскому музею. Ему же Наталья Александровна Меренберг отослала в 1882 году хранившиеся у нее письма отца к матери для передачи в музей.

Теперь и в коллекции одесского музея находится около 30 единиц хранения, в основном времен эмиграции, из собрания потомков великого поэта.

К дореволюционному периоду относятся два экспоната: раритетное «Собрание сочинений А.С. Пушкина» 1912 года и маленькая, пожелтевшая от времени фотография. На ней изображены молодой человек в мундире земского чиновника и молодая девушка, сидящие на скамейке возле деревянного дома. Это Николай Александрович Пушкин (внук поэта) и Надежда Алексеевна Петунникова. На обороте надпись карандашом: *1904 или 1905 год, Тула [?]*.

В 1883 году овдовевший генерал-майор А.А. Пушкин сочетался вторым браком с Марией Александровной Павловой. 3 апреля 1885 года в Петербурге у них родился сын Николай. Получив хорошее домашнее образование,

Николай Пушкин поступил на юридический факультет Московского Императорского лицея и успешно окончил его.

26 мая 1905[?] года он женился на Надежде Алексеевне Петунниковой, с которой у них было двое детей – Наталья (1907) и Александр (1909) – оба родились в Туле. В сентябре 1907 года Николай Александрович записался вольноопределяющимся в 3-й драгунский Сумской полк. Позже он писал: «По окончании Императорского Московского лицея я стремился к военной службе и воинскую повинность, так сказать, по родовой традиции тоже отбывал гусаром... Преклонные года отца вынудили, однако, меня заняться нашими значительными и порядочно разбросанными именьями. Началась моя гражданская и очень успешная служба...». Николай Александрович становится земским начальником в Веневском уезде Тульской губернии, выполняет ряд общественных поручений. Он член уездного училищного совета, присутствует на выпускных экзаменах в земских школах. В те времена

*Н.А. Пушкин и Н.А. Петунникова. Тула.
1904 или 1905*

он начал глубоко интересоваться историей Отечества и своего рода. Уже в эмиграции в письме к писателю И. Лукашу Н. Пушкин признался, что еще до октябрьского переворота начал работать над историей рода Пушкиных «Предки и потомки А.С. Пушкина». И эту работу он вел на протяжении всей своей жизни, собирая документы, портреты, виды и фотографии предметов, относящихся к его великому деду. Пробыв три года земским начальником, Пушкин получил должность предводителя уездного дворянства. Неизвестно, кем бы в России стал внук Пушкина, но грянула первая мировая война, а спустя три года и революция. «После революции, – писал он Лукашу, – я бежал с женой и двумя детьми в Крым. Около 70 верст мы тащились на крестьянских телегах. Ночью около Суджи перебрались через красный фронт». Отправив семью (мать, сестру и детей) в свое ялтинское имение, Пушкин вступил в отряд особого назначения, охранявший вдовствующую Императрицу Марию Федоровну и Великих князей.

В 1920 году Н.А. Пушкин вместе с семьей оказался в Константинополе; прожив там некоторое время, они переезжают в Сербию. В 1923 году,

*Полное собрание сочинений
А.С. Пушкина. Берлин. 1921-1922*

благодаря знакомству с бельгийским архиепископом кардиналом Мерсье, перебрались в Брюссель. Именно во время всех этих страшных мытарств, переездов, оказавшись вдали от Родины, Николай Александрович заказывает по подписке полное собрание произведений Александра Сергеевича Пушкина.

Оно было выпущено в 6-ти томах книгоиздательством «Слово», в Берлине, в 1921-1922 годах. Для многих русских эмигрантов великая литература была главной духовной отдушиной и связью с покинутой Россией. И в этом состоит основная ценность данного дара.

Композиционный принцип, взятый издателями за основу, был предложен еще П.В. Анненковым. Полное собрание сочинений Пушкина, изданное П.В. Анненковым, вышло в свет в 1855-1857 годах. По богатству документов, глубокому текстологическому анализу это издание было уникальным и не утратило своего значения до сих пор. Издание Анненкова дважды перепечатано Г.Н. Геннади, в 1858-1860 и 1869-1871 годах, с некоторыми дополнениями и изменениями.

С 1870-х годов начинается редакторская работа над сочинениями Пушкина П.А. Ефремова. Они выходили в свет в 1878-1881, 1882, 1887,

1900 и 1905 годах. Здесь появились некоторые незавершенные произведения поэта, черновые редакции, в последнем (седьмом) томе издания 1882 года были впервые напечатаны письма Пушкина.

Много разнообразных изданий стало появляться после 1887 года, когда прекратилось право собственности семьи на произведения поэта, и их печатание значительно облегчилось. Однако сколько-нибудь серьезного научного значения эти издания не имели.

Наиболее полным для своего времени было издание собрания сочинений под редакцией П.О. Морозова (1903-1906).

Издание сочинений Пушкина, готовившееся Академией наук при участии Л.Н. Майкова, Н.А. Котляревского, В.Е. Якушина, П.О. Морозова и других известных ученых (его обычно называют «первое академическое»), осталось незавершенным.

Особенно необходимо отметить «Сочинения» в шести томах под редакцией С.А. Венгерова, выпущенное в серии «Библиотека великих писателей» издательством Брокгауза-Ефрона в 1907-1915 годах. Огромная роль в этом издании уделялась комментариям. «Мы хотели сделать из будущего издания своего рода пушкинскую энциклопедию, где должно найти место все, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта», – говорится в предисловии.

Берлинское издание 1921-1922 годов включает:

Том 1 – стихотворения 1812-1828 и биографический очерк Н.В. Яковлева.

Том 2 – стихотворения 1829-1836 и поэмы: Руслан и Людмила. – Кавказский пленник. – Братья-разбойники. – Вадим. – Гавриилада.¹ – Бахчисарайский фонтан. – Цыганы. – Граф Нулин. – Полтава. – Домик в Коломне. – Родословная моего героя. – Анджело. – Медный всадник. – Галуб.² – Песни западных славян.

Том 3 – Евгений Онегин; драматические произведения (Борис Годунов. – Сцена из Фауста. – Скупой рыцарь. – Моцарт и Сальери. – Каменный гость. – Пир во время чумы) и сказки.

Том 4 – Арап Петра Великого. – Повести Белкина. – История села Горюхина. – Дубровский. – Капитанская дочка. – Пиковая дама. – Кирджали. – Путешествие в Арзрум.

Том 5 – Художественные отрывки (Египетские ночи. – Рославлев. – Сцены из рыцарских времен и др.). – Наброски и планы. – Исторические труды (История Пугачевского бунта. – Материалы для истории Петра Великого и др.).

Том 6 – Критические и полемические статьи. – Заметки. – Дневники. – Указатель к сочинениям А.С. Пушкина. – Вышел в 1922 г.

На форзаце каждого тома экслибрис – родовой герб Пушкиных.

Обосновавшись в Бельгии, Николай Александрович стал работать служащим одного из банков. Ему был оказан теплый прием не только в аристократических кругах, но и в литературных. Пушкин продолжает свои литературные и исторические труды. Он переводит на французский язык повести своего деда для «Revue Belge». Николай Александрович успешно осуществил перевод на французский язык биографии А.С. Пушкина, написанной известным пушкинистом Модестом Гофманом.

Во времена событий 1937 года – года памяти А.С. Пушкина – брюссельские наследники поэта оказались в центре внимания. С Пушкинными подружился страстный поклонник поэта Серж Лифарь. Главные юбилейные мероприятия проходили в Париже, куда были приглашены брюссельские Пушкины. В состав особого французского комитета, проводившего чествование великого русского поэта, входили известные деятели государства и культуры: министры иностранных дел и просвещения И. Дельбос и Ж. Зей, ректор Сорбонны Шарлетти, ректор Лионского университета Лирондель, писатели Жак Кокто, Поль Валери.

26 января 1937 года в Большом амфитеатре Сорбонны состоялось торжественное заседание, посвященное памяти А.С. Пушкина, о котором «Иллюстрированная Россия» сообщала: «Вообще весь пушкинский вечер в Сорбонне прошел с большим подъемом и торжественностью, и уходившая с него иностранная молодежь уносила с собой лучезарный образ великого русского поэта, ставшего гением мировым».

Чествование поэта в Париже продолжалось и в феврале, выступали известные русские писатели И. Шмелев, Д. Мережковский. Большую Пушкинскую выставку организовал в Париже Серж Лифарь. В состав организационного комитета включили таких известных деятелей искусства, как художники М. Ларионов и его жена Н. Гончарова, Л. Бакст, К. Коровин, З. Серебрякова, А. Бенуа, поэт В. Ходасевич, пушкинист М. Гофман и др. Открытие выставки состоялось 16 марта 1937 года. Журнал «Иллюстрированная Россия» сообщал: «Выставку открыли приветственными словами приехавший специально для этого торжества из Брюсселя внук поэта Н.А. Пушкин, С.М. Лифарь и М.Л. Гофман. На открытии

Пушкинский праздник в Гранд Опера. Париж, февраль 1937 г. Слева – Н.А. Пушкин, справа – Серж Лифарь

были представители литературно-художественного и дипломатического мира Парижа, была вся русско-эмигрантская знать».

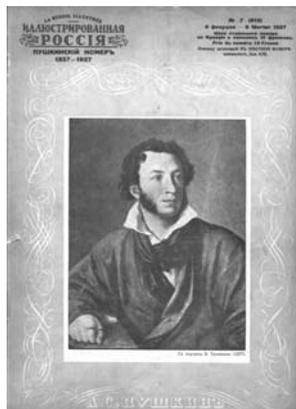
Пушкинскому празднику во Франции посвящен целый блок подаренных экспонатов. Это Пушкинский номер журнала «Иллюстрированная Россия», вышедший в феврале 1937 года, раритетная книга «Почтение Пушкину», две фотографии праздника в Парижской Гранд Опера.

Журнал «Иллюстрированная Россия» издавался в Париже с 1923 года. В год выходило 52 богато иллюстрированных номера журнала, здесь печатались произведения русских и иностранных авторов, рассказы, очерки, воспоминания, репортажи, карикатуры, обильный фотографический материал из жизни Советской России и всего мира.

Ежегодно выходили литературные приложения: собрания сочинений русских писателей. Интересен даже отдел рекламы, который дает представление о деятельности и жизни русских эмигрантов во Франции. Все подписчики 1937 года получили бесплатные премии: том писем А.С. Пушкина и специальный, многокрасочный, большого формата юбилейный Пушкинский номер.

Пушкинский номер «Иллюстрированной России», № 7 (613), вышел 6 февраля 1937 года. В него вошли следующие материалы: «Жизнь и творчество Пушкина» – очерк с множеством иллюстраций, подписанный инициалами Б.Г.; хрестоматийная статья В. Белинского «О Пушкине»; публикации о Пушкине русских писателей Д. Мережковского, З. Гиппиус, И. Бунина, Lolo (В.Н. Мунштейна), И. Шмелева, Б. Зайцева; автографы и рисунки поэта; план «Евгения Онегина»; иллюстрации к произведениям Пушкина и др.

Серж Лифарь предоставил для публикации оригинал партитуры М.И. Глинки «Пью за здоровье Мери...» и письмо к невесте № 7 от 11 октября 1830. Также впервые был репродуцирован портрет Пушкина работы Е.К. Фаберже, ныне находящийся в семейной коллекции Александра и Марии Пушкиных. В разделе «Потомство Пушкина» рядом с известными портретами сыновей поэта Александра и Григория опубликованы редкие фотографии правнуков: Григория, Светланы, Екатерины с сыновьями Сашей и Мишей, а также правнучки по линии Меренберг – графини Ольги Лорис-Меликовой.

Журнал «Иллюстрированная Россия», № 7(613), 1937

Пушкинский юбилей стал особой вехой в истории русской эмиграции. Как писал Б. Зайцев, «...эмиграция, которую правильнее называть зарубежной Россией, выстроилась вся, как боевая семья, под знаменем Пушкина, как бесспорным, для всех наглядным и каждому понятным символом той России, к которой считают себя принадлежащими русские эмигранты». Пушкин стал наиболее популярной и распространенной идеологией эмиграции. Именем Пушкина беженцы освящали свои деяния, пушкинские мысли превращали в стратегические и тактические лозунги, в рецепты на все случаи жизни, в сердцевину не только культурной политики, но и общеэмигрантской политики в целом.

Зарубежная Россия в эти годы внесла весомый вклад в дело создания Пушкинианы. Трудно переоценить вершинные образцы публицистики, историко-литературного анализа творчества великого поэта. В этом ряду стоит и книга, выпущенная к юбилею поэта в Бельгии «Hommage à Pouchkine. 1837-1937. Série anthologique. Collection 1937 № 28 – 5 février. Les cahiers du journal des poites» («Почтение Пушкину. 1837-1937. Серия антологий. Коллекция 1937 № 28 – 5 февраля. Изд. Поэтические тетради»).

В сборник вошли статьи Модеста Гофмана «Жизнь Пушкина», Зинаиды Шаховской «Пушкин в русской литературе», Глеба Струве «Пушкин и европейская литература», Владимира Вейдле «Стих и поэтический стиль Пушкина», а также 19 избранных стихотворений в переводе на французский язык: «Вольность», «Сеятель», «Подражание Корану», «Пророк», «Анчар», «Элегия», «Памятник» и др. Большинство переводов были опубликованы впервые – например, замечательный перевод Владимиром Набоковым-Сириным «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы».

Всего было выпущено 605 экземпляров этого раритетного издания. Из них 5 эксклюзивных экземпляров книги были изданы на бумаге Hollande и маркированы буквами от А до Е. 50 пронумерованных люкс-экземпляров со значком коронованного сердца отпечатаны на бумаге Featherweight

Почтение Пушкину.
1837-1937. Серия антологий.
Коллекция 1937,
№ 28 (на фр.)

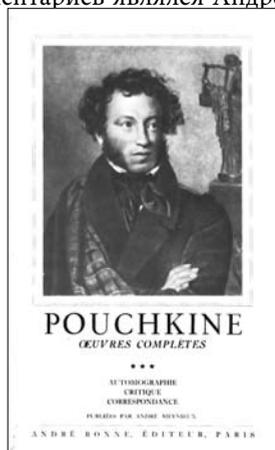
fort. Подаренная музею книга относится к этой серии и имеет номер 43. 150 пронумерованных ординарных экземпляров на бумаге Featherweight lüger были резервированы для подписчиков 1937 года, а также 400 ординарных не пронумерованных экземпляров.

На форзаце автограф составителя сборника Зинаиды Шаховской: «Дорогим Надежде Алексеевне и Николаю Александровичу Пушкиным. Память пушкинского юбилея». На фронтисписе гравированный портрет Пушкина работы Елизаветы Ивановской.

В послевоенное время интерес к Пушкину не угасал, особенно усиливаясь в юбилейные годы. Так, к 150-летию со дня рождения поэта вышла книга бельгийского поэта и драматурга Рене Лира «Пушкин. Поэт народа, певец свободы» (Брюссель, Национальное издательство, 1949). С этой лекцией он выступил на праздновании юбилея великого русского поэта во Дворце Искусств бельгийской столицы 7 июня 1949. Торжества проходили под эгидой общества бельгийско-советской дружбы, что, по-видимому, и повлияло на интонации и акценты текста, изобилующего цитатами классиков марксизма-ленинизма и пролетарских писателей.

В 1953 году парижское издательство «Андре Бонн» выпустило первый том «Полного собрания сочинений А.С. Пушкина» в переводе на французский язык. Источником послужило Академическое издание в 10-ти томах, выпущенное Институтом литературы в 1949 г. В этот том вошли драматические произведения и вся проза. Предисловие было написано Анри Труайя. Инициатором, составителем и основным переводчиком пушкинских текстов, а также многочисленных комментариев являлся Андре Меньё. Некоторые из вошедших в издание переводов были ранее опубликованы во Франции. Так, перевод «Капитанской дочки» был осуществлен Раулем Лабри, а великолепный перевод «Пиковой дамы» – еще в XIX веке Проспером Мери́ме. Остальные переводы были опубликованы впервые.

Ко времени выхода в 1958 году следующего тома «Автобиография. Критика. Переписка» поэтические произведения А.С. Пушкина, которые должны были составить 2-й том «Полного собрания», не были готовы к публикации. Это объясняется невероятной сложностью перевода пушкинской поэзии и большой ответственностью составителей. Огромную поддержку и помощь в подготовке

А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Париж. 1958

тома переписки и критики оказали крупнейшие пушкинисты Советского Союза: Б.Л. и Л.Б. Модзалевские, Н.В. Измайлов, Б.В. Томашевский, М.П. Алексеев, В.В. Виноградов.

Если в первый том вошли все прозаические произведения Пушкина, то в данном случае необходим был определенный отбор. Из 784 писем, опубликованных советским изданием 1949 года, было отобрано 464, а также еще одно, обнаруженное в 1956 году и ранее не публиковавшееся. В основном это письма, в которых Пушкин выражает свое отношение к литературному процессу, в частности, высказывается о французских и русских писателях, и 78 писем к невесте. В отличие от советского издания нет тематического разделения на переписку, критические статьи, заметки и т.д. Однако скрупулезно соблюдена хронология, что, по мнению Андре Меньё, позволяет лучшим образом представить творческую и личностную эволюцию поэта. Особая ценность французского издания в подробнейших комментариях.

Еще одно интересное издание, пополнившее музейную коллекцию, – «Евгений Онегин» на французском и русском языках, выпущенный издательством AUBIER, Париж, в 1979 г. в серии Collectioin bilingue (двуязычная коллекция). Авторы перевода – Марк Семенофф и Жак Бур, ими же написаны предисловие, хронология и комментарии.

Многочисленные переводы Пушкина, более или менее удачные, малопомалу приоткрывают французскому читателю до сих пор неразгаданную гармонию великого поэта.

Сохранению памяти и духа поэта ныне посвящена вся деятельность Александра и Марии Пушкиных. Их стараниями создан Международный Пушкинский фонд, а к двухсотлетию юбилею одна из площадей Брюсселя была переименована в Пушкинскую, здесь же был воздвигнут памятник поэту (скульптор – Г. Франгулян, 1999 г.). Они являются организаторами выставок и спектаклей, занимаются благотворительностью, с честью несут великое имя великого прадеда.

-
1. До революции «Гаврилиада» печаталась: 1. Русская потаенная литература XIX ст. Лондон, 1861; 2. Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1864 (отрывки); 3. Пушкин А.С. Сочинения. В 6 т. / Под редакцией С.А. Венгерова. Т. 2. СПб., 1908 (текст с пропусками).
 2. Неоконченная поэма о Тазите при жизни Пушкина напечатана не была. При первой публикации в 1837 году в «Современнике» было неверно прочитано имя старого горца *Галуб* вместо Пушкинского *Гасуб*. Этим ошибочным именем была названа и вся поэма. Ошибка повторялась во всех изданиях и была исправлена только в 1930 году в сочинениях Пушкина издания «Красной нивы».

Вейдле Владимир Васильевич (1895-1979) – историк литературы, критик, профессор Русского Богословского института в Париже. Статьи: «Вновь открытое письмо Пушкина» – «Звено» (Париж, 1927. № 5); «Пушкин и Европа» – «Современные записки» (Париж, 1937. № 63) и др.

Гофман Модест Людвигович (1887-1959) – историк литературы, пушкинист, поэт, критик, мемуарист. Накануне его эмиграции в Советской России в издательстве «Атеней» выходит книга М. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине». Чуть позже вышла книга «Пропущенные строфы “Евгения Онегина”». С 1922 г. в эмиграции; автор множества книг и статей о Пушкине, вышедших в Зарубежной России, член Центрального Пушкинского Комитета в Париже. Член парижского Союза русских писателей и журналистов.

Зайцев Борис Константинович (1881-1972) – прозаик, переводчик, публицист, драматург, литературовед и биограф. С 1923 г. жил в Париже. Редактор журнала «Перезвоны», член редакционной коллегии журнала «Иллюстрированная Россия». С 1945 г. председатель парижского Союза русских писателей и журналистов.

Лифарь Сергей Михайлович (1905-1986) – танцовщик, балетмейстер, балетный педагог, историк танца, художник, прозаик и биограф. С 1923 г. жил в Париже. С 1923 по 1929 – солист труппы «Русский балет Дягилева». Балетмейстер парижской Большой Оперы. Преподавал в Сорбонне историю и теорию танца. Член Центрального Пушкинского Комитета и организатор юбилейной Пушкинской выставки 1937 г. в Париже.

Меньё Андре (1910-1968) – французский филолог, исследователь русской литературы, пушкинист, переводчик. Странник перевода пушкинской поэзии верлибром.

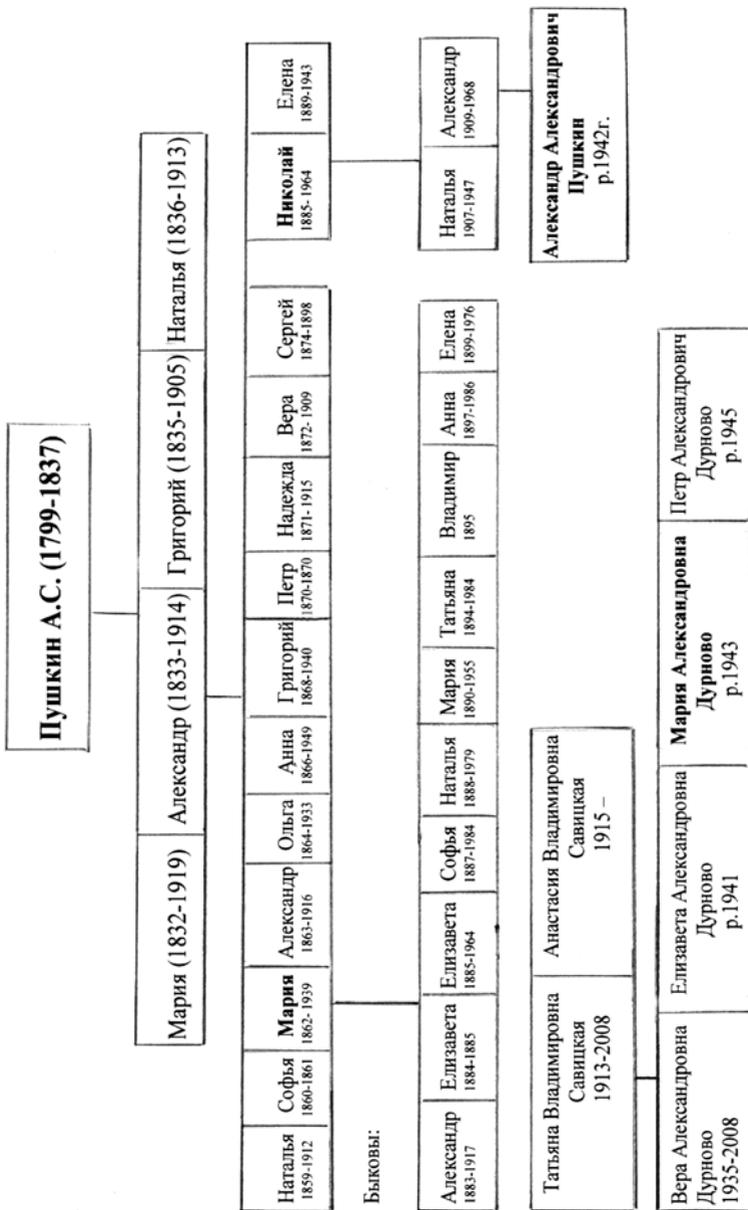
Струве Глеб Петрович (1898-1985) – литературовед, литературный критик, публицист, поэт, переводчик и биограф.

Труайя Анри (1911, Москва – 2007, Париж) (наст. имя Лев Тарасов) – французский писатель. Член Французской Академии, лауреат многочисленных литературных премий. Создатель серии беллетризованных романов-биографий русских писателей (в том числе А.С. Пушкина, 1965 г.) и серии исторических романов.

Шаховская Зинаида Алексеевна (1906, Москва – 2001, Париж) – французская писательница, участница движения Сопротивления. Военный корреспондент на Нюрнбергском процессе. Награждена орденом «Почетного легиона». Главный редактор газеты «Русская мысль» в 1968-1978 гг. Единственная книга, написанная на русском языке и предназначенная, по ее словам, «для тогда еще воображаемого русского читателя» – эссе «В поисках Набокова».

Библиография

1. Пушкина А.С. Полн. собр. соч. Тт. 1-17. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937-1959.
2. Кедрова М.М. Анненков // Русские писатели: Биогр. словарь. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1990.
3. Филин М.Д. Пушкиниана Русского Зарубежья. 1918-1940: Материалы для библиографии // Московский пушкинист – II: Ежегод. сб. – М.: Наследие, 1996.

4. Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М.: Языки рус. культуры, 1999.
5. Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. – СПб.: Алетейя, 2007.
6. Фатов И.Н. Специальный курс о Пушкине: История изданий сочинений Пушкина. – Черновцы, 1959.
7. Образ совершенства: Из наследия первой эмиграции. – М.: Моск. учебники, 1999.
8. Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции. – М.: Эллис Лак, 1998.
9. Фризман Л. Семинарий по Пушкину. – Харьков: Энграм, 1995.
10. Подушин В.Л. Потомки великого древа. – Красноярск: Бонус, 1999.
11. Черкашин А.А., Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. – М.: Либерия, 1998.

Комментарий к древу потомков А.С. Пушкина

Быков Александр Николаевич (1883-1917). Правнук поэта. Окончил императорский лицей. Товарищ прокурора в Симферополе (1913). В начале марта 1917, потрясенный отречением Николая II от престола, покончил жизнь самоубийством.

Быков Владимир Николаевич (1895-1921). Правнук поэта. Родился в Полтаве. В годы гражданской войны воевал в армии Н. Юденича. Умер от тифа. Похоронен в Нарве.

Быков Николай Владимирович (1856-1918). Муж Марии Александровны Пушкиной, внучки поэта. Родной племянник Н.В. Гоголя.

Быкова Анна Николаевна (1897-1986). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. Эмигрировала во Францию, жила в Париже. Талантливая пианистка. Была замужем за графом Апраксиным Николаем Евгеньевичем, потомком Ф. М. Апраксина, сподвижника Петра I.

Быкова Елена Николаевна (1899-1976). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. Окончила Полтавскую гимназию с золотой медалью. В 1920 вышла замуж за Писнячевского И.А. В 1930-х – научный работник биологического факультета Киевского университета. После войны жила во Франции, затем в США.

Быкова Елизавета Николаевна (1884-1885). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. Умерла в младенчестве.

Быкова Елизавета Николаевна (1885-1964). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. Эмигрировала во Францию после 1917. Была замужем

за Савицким Владимиром Андреевичем. В семье две дочери, Татьяна и Анастасия.

Быкова Мария Николаевна (1890-1955). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. Работала классной дамой Полтавской гимназии. В течение 20 лет заведовала детским садом в Киеве. Помогала воспитывать своих племянников, пятерых детей сестры Софьи Николаевны Данилевской.

Быкова Наталья Николаевна (1888-1979). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. В годы первой мировой войны была медсестрой. В 1919 эмигрировала в Югославию. Профессиональная певица. За концертную деятельность награждена орденом Югославии. В 1950 переехала во Францию.

Быкова Татьяна Николаевна (1894-1984). Правнучка поэта. Дочь Быкова Николая Владимировича (племянника Н.В. Гоголя) и Пушкиной Марии Александровны. Родилась в Полтаве. Преподавала французский язык в Полтавской гимназии. Обладала красивым голосом, участвовала в музыкальных спектаклях Полтавской оперы. Собирала биографические сведения о потомках поэта. Жила в Москве. Была замужем за Галиным А.В.

Быкова Софья Николаевна (1887-1984). Правнучка поэта. Окончила Полтавский женский институт. Организовала первые в Полтаве детские ясли. Была замужем за С.Д. Данилевским.

Дурново Вера Александровна (1935-2008). Потомок в 6-м колене. Жила в США. Была замужем за Джеймсом Вестом. Дети: Барбара, Маргерит, Джеймс и Сюзанна.

Дурново Елизавета Александровна (р. 1941). Потомок в 6-м колене. Живет на Гавайских островах, в Гонолулу. С 1958 в браке с Родни Лиу. Дети: Екатерина, Даниель, Рэчел, Надежда и Александр.

Дурново Мария Александровна (р. 1943). Потомок в 6-м колене. Живет в Бельгии. С 1969 в браке с Пушкиным Александром Александровичем. Приходит-ся мужу троюродной племянницей.

Дурново Петр Александрович (р. 1945).

Потомок в 6-м колене. Живет во Франции. Хирург-кардиолог. С 1972 в браке с Марианной Тибо. Дети: Наталья и Юлиан.

Пушкин Александр Александрович (1833-1914). Сын поэта. 1851 – камер-паж, затем корнет лейб-гвардии Конного полка. 1861 – полковник в отставке.

*Т.В. Савицкая (Дурново)
с дочерью М.А. Пушкиной.
Брюссель. Сентябрь 2007*

- 1877 – командир 13-го гусарского Нарвского полка, участвовал в войне с Турцией. 1878 – награжден золотым оружием за храбрость. 1880 – генерал-майор, командир 13-й кавалерийской дивизии. 1890 – генерал-лейтенант. С 1891 – в отставке. Первая жена – Софья Александровна Ланская. Вторая жена – Мария Александровна Павлова. Похоронен в Лопасне.
- Пушкин Александр Александрович* (1863-1916). Внук поэта. Учился в Пажеском корпусе. Корнет 44-го драгунского полка (с 1883). Земский начальник Бронницкого уезда (1890). Председатель земской управы (с 1897). Камергер (1913). Первая жена – Решетникова Ольга Николаевна (брак в 1887). Вторая жена – Зейлих Анна Петровна (урожденная Савицкая), гражданский брак с 1902.
- Пушкин Александр Александрович* (р. 1942). Последний прямой потомок поэта по мужской линии в 5-м колене. Сын Александра Николаевича Пушкина. Живет в Брюсселе. Специалист по электронике. Сейчас на пенсии. Жена – Мария Александровна Дурново.
- Пушкин Александр Николаевич* (1909-1968). Правнук поэта. Жил в Брюсселе. Работал бухгалтером в редакции бельгийской газеты «Спорт». Собрал большую коллекцию книг, журнальных статей на многих языках мира о своем великом прадеде.
- Пушкин Григорий Александрович* (1835-1905). Младший сын поэта. В 1853 – камер-паж, затем корнет лейб-гвардии Конного полка. 1860 – ротмистр. 1864 – подполковник при министре внутренних дел. 1895 – статский советник в отставке. С уходом в отставку жил большей частью в родовом имении Михайловском. Занимался садоводством и охотой. Женился в 1883 на Варваре Алексеевне Мельниковой. Детей не имел. В 1899 передал Михайловское государству для устройства в нем дома престарелых литераторов и библиотеки-читальни имени А.С. Пушкина. Умер в Маркучае, имении жены под Вильно.
- Пушкин Григорий Александрович* (1868-1940). Внук поэта. Полковник. С 1911 был женат на Юлии Николаевне Бартеневой.
- Пушкин Николай Александрович* (1885-1964). Внук поэта. Был женат на Надежде Алексеевне Петунниковой (1878-1974). Эмигрировал из России. Обосновался в Брюсселе.
- Пушкин Петр Александрович* (1870-1870). Внук поэта. Умер в младенчестве.
- Пушкин Сергей Александрович* (1874-1898). Внук поэта. Корнет. Покончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Погребен в Лопасне.
- Пушкина Анна Александровна* (1866-1949). Внучка поэта. Друзья и близкие называли ее «живой пушкинской энциклопедией». Замуж не выходила.

- Пушкина Вера Александровна* (1872-1909). Внучка поэта. С 1901 брак с Сергеем Петровичем Мезенцовым.
- Пушкина Елена Александровна* (1889-1943). Внучка поэта. В 1919 году вместе с родителями эмигрировала в Турцию, где вышла замуж за Николая Алексеевича фон дер Розенмайера. Жила и умерла во Франции.
- Пушкина Мария Александровна* (1832-1919). Старшая дочь поэта. Окончила Екатерининский женский институт. 1852 – фрейлина императорского двора. С 1860 была замужем за генерал-майором Леонидом Николаевичем Гартунгом (застрелился в 1877). После смерти мужа жила в основном в Москве. Была попечительницей городской аудитории-читальни. Похоронена в Донском монастыре.
- Пушкина Надежда Александровна* (1871-1915). Внучка поэта. Сестра милосердия во время русско-японской войны 1904-1905.
- Пушкина Наталья Александровна* (1836-1913). Младшая дочь поэта. Первый брак с 1853, с полковником Михаилом Леонтьевичем Дубельтом. Дети: Наталья, Леонтий, Анна. Развелась и вышла замуж (1867) за принца Николая-Вильгельма Нассауского. Получила титул графини Меренберг. Дети от второго брака: София, Александра, Георг Николай. Жила в Германии. Похоронена в Висбадене.
- Пушкина Наталья Александровна* (1859-1912). Внучка поэта. С 1881 брак с Павлом Аркадьевичем Воронцовым-Вельяминовым. Имела шестерых детей.
- Пушкина Наталья Николаевна* (1907-1947). Правнучка поэта. Дочь Николая Александровича Пушкина и Надежды Алексеевны Петунниковой. Замужем за бароном Александром Николаевичем Гревеницем. Жила в Бельгии.
- Пушкина Ольга Александровна* (1864-1933). Внучка поэта. Жила в Москве, потом во Франции. С 1881 брак с Николаем Николаевичем Павловым.
- Пушкина Софья Александровна* (1860-1861). Внучка поэта. Умерла в младенчестве.
- Савицкая Анастасия Владимировна* (р. 1915). Праправнучка поэта. Живет во Франции. Муж Василий Кузьмич Солдатенков.
- Савицкая Татьяна Владимировна* (1913-2007). Праправнучка поэта. Родилась в Киеве. Жила во Франции. Муж Александр Иванович Дурново.

Л.С. Хивренко

ЕЩЕ РАЗ О РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ А.И. АРНОЛЬДИ

В третьем выпуске сборника научных статей и публикаций «Дом князя Гагарина», издаваемого Одесским литературным музеем, были опубликованы извлечения из рукописи А.И. Арнольди «Семейная хроника и мои воспоминания. Часть II»¹. Дальнейшее изучение текста этой рукописи позволило продолжить ее публикацию.

Александр Иванович Арнольди (1817-1898) известен историкам литературы, в основном, как сослуживец М.Ю. Лермонтова по Гродненскому гусарскому полку и как брат Александры Осиповны Смирновой-Россет (по матери) и Льва Ивановича Арнольди, известных мемуаристов, оставивших интересные воспоминания, в частности, о Н.В. Гоголе.

Об истории семьи Россет-Арнольди, связанной в первой половине 19 века с Новороссийским краем и с Одессой, мы рассказывали в предыдущей публикации². А.И. Арнольди оставил после себя записки, которые хранились у одного из его сыновей и никогда не издавались. Впервые отрывки из первой части его воспоминаний, посвященные М.Ю. Лермонтову, были опубликованы в 1952 г. Ю.Г. Оксманом в «Литературном наследстве»³, по машинописной копии.

Мемуары А.И. Арнольди, публикацию которых (с оригинала рукописи) мы начали в 3-м выпуске сборника «Дом князя Гагарина» и завершаем сейчас, охватывают события жизни автора с 1842 по 1865 год. Писалась вторая часть воспоминаний с 1876 по 1884 год. Приписки и дополнения датированы, в основном, 1888 годом.

В ранее опубликованных нами фрагментах исследуемой рукописи рассказывается о некоторых событиях 1842-1852 годов – об участии А.И. Арнольди в Военных экспедициях против горцев на Кавказе, о службе в Гродненском гусарском полку, расквартированном в Нижегородской губернии, о поездках к родным в Кременчуг, Москву, Калугу, Санкт-Петербург, Одессу.

Публикуемые в настоящем сборнике фрагменты рукописной семейной хроники А.И. Арнольди рассказывают о событиях его жизни 1852-1865 годов.

Итак, в середине мая 1852 года Александр Иванович Арнольди, продолжавший в то время службу в Гродненском гусарском полку, получил отпуск и вместе с отцом, генералом Иваном Карловичем Арнольди, выехал из Петербурга на юг. На пятые сутки они прибыли в имение Адамовку, между Николаевом и Одессой (дорога проходила через их земли), в 72 верстах от Одессы. Еще через 3 дня они отправились в Одессу, где поселились в Петербургской гостинице напротив памятника дюку Ришелье на бульваре. Оставив отца принимать теплые морские ванны, сам Александр Арнольди отправился, впервые морем, на Кавказские минеральные воды: через Евпаторию, Севастополь, Феодосию, Керчь, Тамань, Екатеринодар, Ставрополь, а потом «знакомую дорогою до Пятигорска, столь памятного мне еще с 1841 года». Через 2 недели он переехал из Пятигорска в Ессентуки, затем в Кисловодск и, недолго пробыв там, тем же путем, через Тамань и Керчь, вернулся в Крым. Рассказывая о пребывании в Феодосии, он пишет об Айвазовском, который уже приобрел известность: «Айвазовский – армянин, ребенком был вызван на это поприще совершенно случайно градоначальником одесским, который однажды застал его рисующего на воротах родительского дома какие-то кораблики... Просвещенный градоправитель отправил Айвазовского в Академию Художеств. И там-то наш славный маринист усвоил себе всецело дар внутреннего зрения в своих воздушных облаках и вообще воздушной перспективы и неподражаемой верности своих вод, в различном ее состоянии...». Описывая свое путешествие по Крыму, Арнольди рассказывает о посещении Ливадии, Гаспры, дворца Воронцова в Алушке. «Набросал три вида, которые уже на пароходе отделаю, храню поныне в моем альбоме.»

Вернувшись морем в Одессу, он застал отца почти совсем излечившимся, и, снова побывав в Адамовке, они вернулись в Петербург к 17 сентября – дню именин мачехи Софии Карловны и сестры Софии Ивановны (по мужу княгини Ухтомской)⁴.

Следующие страницы посвящены событиям Крымской войны 1853–56 годов. А.И. Арнольди не принимал участия в военных действиях в Крыму; Гродненский гусарский полк, в котором он служил с 1837 года, в 1854 году был направлен в Финляндию и оставался там до конца года. Провожал полк сам государь Николай II, в его присутствии был отслужен молебен. Прощальный вечер Арнольди провел в семье Александра и Юлии Миллеров. «Вечер этого последнего дня я провел у Миллеровых, на Васильевском

Генерал И.К. Арнольди – отец А.И. Арнольди. Первая пол. XIX в.

острове, в доме Шмидта, которые пригласили меня к себе и хотели по-видимому оставить во мне самые приятные воспоминания дружбы своей. Признаюсь ныне, что это им вполне удалось, так как в ногах очаровательной Julie, теперешней жены моей, я оставлял и свое сердце, и все помыслы души моей. В уютной гостиной, при ярком освещении, у пылающего камина, провели мы время до поздней ночи за ужином с бокалами шампанского в руках. Неумолимый долг службы вырвал меня наконец из очарованного круга... Вскоре мы перешли границу Финляндии...»

Расстояние от нового места службы до Петербурга было не слишком большим, изредка Александру Ивановичу удавалось отлучаться из полка в столицу. Он описывает, как приехав к 8 сентября поздравить от всего своего полка с днем рождения Наследника престола, остановился у Миллеров.

«Я превесело проводил свое время после 7-месячных всевозможных лишений и катался как сыр в масле в эти 12 дней, что провел в Петербурге. Славное было времечко! Все мне улыбалось, я был здоров, молод, и надеялся на блестящую будущность! К увеличению нашего семейного счастья брат мой Лев, женившийся в июне месяце в Москве на дочери Дмитрия Николаевича Свербеева Варваре Дмитриевне, привез в Петербург свою молодую прехорошенькую жену, чтоб познакомить ее с новыми родственниками. Я ездил их встречать на железную дорогу и привез во временную квартиру отца моего, на Васильевском острове, на углу 9-й линии и набережной, в доме Лермонтова. Надобно сказать, что в это время еще летом батюшка собирался ехать в отпуск в деревню, но Государь удержал его и назначил начальником Невских батарей, в числе 18-ти, сооружаемых для защиты Петрополя в случае падения Кронштадта. Само собою разумеется, что вся эта игрушка была разыграна как для успокоения народонаселения столицы, так и для назидания ополчившейся на нас Европы, тем не менее, как правительство, так и батюшка серьезно принялись за дело и отцу моему с адъютантом Языковым и 18 батарейными командирами было немало работы и хлопот!»

К концу осени 1854 года лейб-гвардии Гродненский гусарский полк вернулся в Петербург. «Все офицеры наши поместились в квартирах конногвардейцев, и я занимал три-четыре комнаты, выходящие на бульвар... В это время профессор живописи Сверчков занимал под свою мастерскую деревянный павильон, в котором прежде помещался детский театр, а ныне воздвигнута Лютеранская церковь, и я много у него в мастерской писал фоны на портретах лошадей завода Дивова, которые он сделал летом. Так как отец мой жил поблизости, у Синего моста, то я и проводил свое время на службе в манеже, в мастерской Сверчкова и у отца.

Занятия полка в манеже были как-то урывчаты, потому что внутренние караулы во дворце, в которых мы чередовались с конной артиллерией и казаками, множество людей отвлекали ежедневно от кавалерийской настоящей службы. Кроме того, особенно часто эскадроны полка были наряжаемы на похороны даже отставных генералов, имевших орден Георгия, которых как-то особенно много умирало в эту зиму... Мы часто видались с Государем, так как не раз он посещал и конюшни наши, содержимые особенно чисто и щегольски».

Далее Арнольди описывает неожиданную кончину в феврале 1855 года императора Николая II. «До сих пор, несмотря на прошедшие 21 год со дня кончины Николая, быстрый переход его к вечности составляет для всех, за малыми исключениями, непроницаемую тайну, и он унес ее в могилу... Тем не менее, так как глас народа есть глас Божий, то приходится верить молве, что наш обожаемый Государь ускорил свою смерть, не найдя в себе достаточно энергии и веры, чтобы долее переносить позор и унижение своей России... Кроме того, надо полагать, что покойный Государь, обманутый друзьями, которые удивили мир своею неблагодарностью, предоставленный самому себе, не видел исхода неравной борьбы с целой Европой и, как кажется, принес себя в жертву для горячо им любимого царства Русского, развязав руки своему наследнику для заключения унижительного мира».

А. Арнольди подробно рассказывает о похоронах Николая II, он был в числе полковников, дежуривших в Петропавловском соборе в дни прощания народа с государем. «Теперь протекло 21 год с этого печального события. Камня на камне не осталось от прежнего порядка. А я, рассуждая в тиши кабинета и проходя мысленно всю мою жизнь николаевского царствования и нынешнего, и не отрицая абсолютно некоторых успехов, сделанных Россией на пути преуспевания, не могу уверить себя, чтобы нынешнее положение ее было лучше прежнего и скорей склонен думать, что во многом оно ухудшилось». Не будучи противником последующих реформ, Арнольди все же сожалеет о том хаосе, который, как он видел, принесли с собой следовавшие поспешные перемены.

Летом полк был за городом в лагерях и Александр Иванович большей частью проводил время в Павловске на даче, которую снимали Миллеры. 26 августа 1855 года он узнал, что Севастополь взят. Вскоре было заключено перемирие, а затем и мир. «Надломленная Россия вынуждена была отдохнуть и сосредоточиться, чтобы снова обновленную и перерожденную стать на подобающее ей первенствующее место в сонме европейских государств. Так говорили тогда все, не носившие мундира. Но мы, военные,

сильно были сконфужены и чувствовали глубоко унижение славы нашего оружия. Впрочем, я не пишу истории, а потому обращаюсь лучше к моим воспоминаниям. Герои минувшей кампании, оставшиеся в живых, стали возвращаться в столицу. Русские люди повсеместно встречали их с уважением и силились отблагодарить, чем могли», – пишет мемуарист, переходя от рассуждений об исторических событиях, свидетелем которых он был, к рассказу о своей жизни и о своих близких.

«В этом же году [1855], в половине ноября, я ездил недели на две в отпуск к брату Льву, который из советников Московской Губернской Палаты был назначен вице-губернатором в Калугу, где губернатором был тогда Петр Петрович Булгаков, тот самый, который был губернатором в Тамбове, за несколько лет пред сим, назначенный душеприказчиком умиравшею помещицею Языковой, (теткой Димитрия Егоровича, бывшего адъютанта моего отца в Петербурге), сумел смастерить подложную духовную в свою пользу, и послужил фабулою для пьесы Гоголя «Тяжба». Жена Петра Петровича в заграничной жизни своей была в связи с Дюма-сыном, как тогда говорили, и корчила из себя Жорж-Зандовскую женщину. ... Свидание мое с братом и невесткою было самое радостное, и я превесело провел у них две недели, ездив знакомиться к Булгаковым и отобедав даже у них однажды.

4 декабря в день святой Варвары, т.е. именин жены брата, весь город с архиереем во главе был у нее с поздравлением и на пироге! Дом, нанимаемый братом, был старинной постройки и имел за собою какое-то историческое воспоминание, об котором я ныне забыл, но мне кажется, что существование его относили ко временам Лжедмитриев, и именно к "тушинскому вору", который будто бы в нем жил. Отделявая его для себя, брат мой со вкусом устроился, воспользовавшись старинною, времен Екатерины, мебелью, белую с золотом, и маленькими подзеркальными столиками с мелкой резьбой, и огромными зеркалами в таковых же рамах, и только обзавелся новомодною мебелью для спальни и будуара жены. Обладая вкусом, брат мой, впрочем, всегда умел отлично устраиваться. Я помню, что я срисовал тогда перспективу из будуара на спальню, гостиную и залу, и она должна находиться и поныне у невестки моей.

Когда в 1859 году князь Барятинский, наместник Кавказский, пленил Шамиля и тем окончил 80-летнюю борьбу русских с вольными сынами Кавказа, начинавший видимо стариться имам, с семейством своим, отправлен был в Россию и, побывав в Петербурге, поселен был в Калуге, где дом, занимавшийся братом, и послужил жилищем-тюрьмою знаменитому пленнику. Академик Тимм в своем "Художественном листке" поместил, не помню в котором году, фасад и рисунок сего дома, с подробным описанием

расположения его и даже с обозначением комнат, занимаемых тремя женами Шамиля и его сыновьями с женами. Гроза Кавказа сначала дичился и никуда не выходил, но потом освоился и скоро понял всю прелесть цивилизации и стал посещать калужские балы, хотя по склонности и для поддержания своего звания главы духовенства магометанского предался совершенно религии и проводил все свое время в молитве с четками в руках. Через несколько лет, отпущенный Государем нашим в Мекку на богомолье, он скончался в Константинополе, почти одновременно с Абдель-Кадыром, другим предводителем правоверных против гяуров.

В это же время пребывания моего у брата, сколько мне помнится, он стал жаловаться на боль в груди и кашель, которые развили у него чихотку, сведшую его в могилу в 1861 году⁵...

После поездки к брату в Калугу Александр Арнольди вернулся в полк. В этот период его полк размещался в Селищенских казармах в 50 верстах от Новгорода, и он «частенько ездил в Петербург, так как имел много свободного времени». Летом 1856 года А.И. Арнольди выступил вместе с полком в Москву на коронацию нового государя Александра II, «после долгих сборов и снаряжений, которыми тщились блеснуть как отборное войско в глазах всей Европы, присутствовавшей в лице своих представителей на этом торжестве». Пространное описание празднеств очевидцем представляет значительный исторический интерес, но мы опускаем его, упомянув лишь один небольшой эпизод. В день коронации первые чины двора обедали в Грановитой палате «и получили каждый на память по золотой большой медали, в том числе и мой отец. После его смерти при безденежьи я продал ее ювелиру в Одессе за 450 рублей, но свою – такой же величины, только серебряную – храню доселе».

В начале следующего 1857 года⁶, чувствуя себя обойденным по службе, А.И. Арнольди подал прошение об 11-месячном отпуске – «до более благоприятных обстоятельств». Он был разочарован в службе, отношения с новым командиром полка не складывались. К тому же, будучи опытным, «наиболее сведущим» офицером, прослужив в полку 20 лет и будучи уже 5 лет полковником, он считал в душе, что достоин получить должность полкового командира. Многие эпизоды его тогдашней жизни, в том числе отношения в полку, заставили его пережить «много грустных минут, вырвав из моей любвеобильной души еще одно разочарование в людях».

«Перевезя весь свой скарб в Петербург», он поселился в северной столице в снятой им квартире на Грязной улице, в душе, конечно, надеясь почти ежедневно бывать в семье Миллеров, у ног обожаемой Юлии Яковлевны.

Тогда же в семействе Арнольди произошел давно назревавший скандал. Александр Иванович и его брат Лев потребовали у отца передать им имение их покойной матери Адамовку, доходами от которой много десятилетий распоряжался Иван Карлович, практически не выделяя средств сыновьям. «Брат Лев как-то изворачивался и обходился без субсидий, а я, с выходом из полка и с лишением казенного содержания, вовсе не мог существовать... Вот причина некоторых моих столкновений с мачехой, хотя весьма почтительных, но все-таки столкновений, которых я не допускаю в порядочном семействе, воспитанном в наше время на началах строгих и патриархальных, по которым не допускалась возможность судить даже, а не то, что осуждать поступки отцов наших!..» И все же Александр Арнольди наконец поднял этот вопрос (за себя и за брата Льва), считая, что отец поступил с ними «несправедливо, когда он бесконтрольно, по завещанию матери нашей, владеет достоянием, оставленным нам матерью».

Справедливые доводы подействовали и «решено было, что я поеду с отцом на юг, в нашу Адамовку, и он передаст нам, двум братьям, имение в полное наше управление. Кажется, в конце мая мы были уже там. Формальным актом отец мой отказался от пожизненного владения и я вступил в управление Адамовкой, согласившись с братом делиться пополам годовыми доходами. Адамовка наша заключала тогда, как и во время первого замужества моей матери (она была за Иосифом Россетом, лейтенантом нашей службы), 3900 десятин земли и до 200 душ, наполовину хохлов и наполовину русских, приобретенных и переведенных из Тамбовской губернии моим отцом, как кажется, в 1817 году.

По межевому плану 1805 года, хранившемуся в деревенском доме, видно было, что покойный Россет, быв другом устроителя Новороссийского края дюка де Ришелье, приобрел этот кусок земли в дар от казны за службу свою, и что ценность десятины в то время, и долго еще после сего, была не выше 4-х рублей ассигнациями за десятину. Благодаря не слишком-то притязательному управлению, так сказать патриархальному, во многие годы под управлением какого-то г. Новицкого, которого и я помню в 1842 году, не забывавшего себя, вероятно, в отсутствие настоящих хозяев, а потом и в мое время, военнопоселянина Никиты Заховаева, Адамовка, принося порядочный доходец, сохранилась в том же девственном виде, в каком была и во времена моей матери! Тот же каменный господский дом в 7 комнаток, среди огромного двора с круглым палисадником посреди и весь окруженный акациями, вербами и фруктовым садом, красовался в пологом овраге при речонке Сосыке, которая иногда зарастала камышом в рост человека на коне и пересыхала во многих местах. Хотя

всесокрушительная рука времени и не коснулась Адамовки, но и благодаря поправкам домовитого хозяина, однако, точно также не привились к ней ни многопольное хозяйство, и ни одно новое подспорье настоящего века в хозяйственных орудиях и машинах. Хозяйство велось так же, как велось оно нашим праотцем Ноем. Хотя волы, коровы и рабочие лошади были свои, доморощенные, но хорошей породы. Да и были шпанские (т. е. мериносы) и простые овцы. Невежественные управляющие и недосмотр занятого по службе отца моего ничего не прибавили к благосостоянию имения... Но надобно благодарить Бога и за то состояние, в котором я нашел наше достояние. Дом снабжен был изрядною мебелью, посудой и домашним скарбом остатков прежнего, давно прошедшего обитания близлежащих мест Вознесенска, Елисаветграда, Киева и Кременчуга, где отец мой прослужил почти весь свой век и откуда все свозилось. Порядок был заведен такой, что зажиточные крестьяне, которых было у меня человек 10, и даже владевшие какою-либо парюю волов и плугом, запахивали на свою долю и в свою пользу сколько хотели земли в отведенном им углу. А остальные, неимущие, приставали к богатым в виде батраков. При том отработывая помещику три дня в неделю и исполняя все хозяйственные наряды и полевые работы. Крестьяне не платили поземельных, подушных и проч. - за все народонаселение деревни помещик уплачивал их. В благоприятные годы, т.е. когда лето не было чересчур жаркое, т.е. не пекло солнце до 42 градусов жару и перепадали своевременные дожди, или не появлялся в крае индийского происхождения бич – саранча (что вообще случалось лет в 5 раз), имение давало 10-12 тысяч серебром доходу. Обыкновенно же, за вычетом расходов по управлению, поправкам (или так называемый ремонт) и проч., оканчивалось суммой в 5-6 тысяч. Состояние не Бог знает какое, однако же жить было можно, и я волею и неволею должен был вникать во все подробности сельского хозяйства. На первых порах мне много помог помещик Одесского уезда Игнатий Малаховский, брат моего однополчанина Ричарда Малаховского, считавшийся одним из передовых помещиков губернии и даже всего южного края. По примеру его, я разделил всю землю свою на ланы (т.е. квадраты в 10 десятин), как на плане, так и в натуре, и правильной очередной обработкой заменил те разбросанные куски пахотной земли, которые Бог знает по какому соображению управляющих и старост, как заплаты на платье, пестрили до сего всю мою землю. Тогда же я нанял хорошего садовника, накупил молодых фруктовых деревьев, и вообще много занимался садом, само собою разумеется больше для своего удовольствия, нежели для прибыли, хотя при жизни матери моей сад наш был одним из первых насаждений в Новороссии и в то время приносил

небольшой доход от продажи винограда, слив, абрикосов и различных груш и яблок. В последние годы все это было запущено. От винограда остались одни застарелые корни, фруктовые деревья одичали. Я продолжал насаждение тенистых деревьев и достиг того, что в 1866 году, когда я продал имение, вся усадьба моя стояла в саду и в тени!

В доме в 6-ти огромных шкафах хранилась вся библиотека отцовская, тысячи в 4 книг, (ныне перевезенная в Петербург), и служила мне немалым развлечением в те жаркие дни, которые я должен был проводить в комнатах с закрытыми ставнями и в костюме Адама... С наступлением сумерек только я объезжал верхом дневные работы, при жатве проверял копны, при свозке на гумно хлеба считал снопы, присутствовал при молотье или при косовице и появлялся везде как неутомимый хозяин. По вечерам с управляющим поверял его счета, получал отчеты, с его совета делал наряды рабочим и вообще не скучал этою новою для меня деятельностью. По субботам, когда кончались работы, ходил на охоту по болотистой речке Сосыку и бил дупелей, которые, не так, как у нас на севере, садились кучками, как бы стаями, в полужидкую грязь. Старый повар Моисей, живший на пенсии с женой своей Марьей в одной из служб усадьбы, готовил мне непрехотливый обед мой, так как в молоке, яйцах, зелени, домашней птице и прочем недостатка никогда не было, только за говядиной приходилось посылать верст за 17 в имение князя Барятинского Анатолиевку, и за рыбой верст за 8 на лиман, т.е. на взморье. Охота моя кончалась обыкновенно на границе сада и усадьбы вдовца Федора Григорьевича Зарина, отставного моряка. У него я напивался чаю, развлекался звуками фисгармонии, на которой хозяин препорядочно играл, припевая дребезжащим голосом разные песенки, и прелестною тихою ночью верхом возвращался к себе. Кроме библиотеки из старинных книг состоящей, начиная с эпохи Карамзина, первых опытов Пушкина, Булгарина, Сенковского, в шкафах были все романы и книги 20-х – 30-х годов и даже переплетенные журналы "Северная пчела", "Телеграф" Полевого, "Библиотека для чтения", "Современник" и проч. и проч., все книги, по которым я учился читать в юности. С большим интересом перечитал я многое множество книг и возобновил в памяти своей.

Само собою разумеется, что и другие статьи дохода, кроме хлебопашества, не были мною забыты, как-то отара овец в 4 тыс. голов, наполовину шпанских, т.е. мериносов, наполовину простых, валахских, стадо коров штук в 50, с телятами, небольшой табун лошадей рабочих и разъездных, молочный погреб и шинок на аренде у еврея, приносявший мне дохода рублей до 1000 в год. В Одессе я имел фактора, который по сборе хлеба

и требованиям заграничных контор, уведомлял меня о ценах на базаре и продавал мое зерно, так что мне редко приходилось самому ездить за 72 версты в этот в тогдашнее время исключительно коммерческий город, и я был, кажется, там раза два во все лето, и то более за тем, чтобы покончить счета по имению с казначейством. 57-й год в южном краю был вообще одним из счастливых годов, и цены на хлеб, по случаю неурожаю вообще за границей, доходили до баснословных размеров...

Кроме формального акта отречения от пожизненного владения Адамовкой нашей матери, весь акт передачи имения состоял в том, что посещение отцом этого имения в 1857 году было последним, и я с братом Львом уже в 1858 году были введены во владение и с этого года уже не нуждались более в средствах к жизни, получая тысячи по 4 на брата. В своём месте я скажу об участии этого материнского достояния и единственного нашего...

В Одессе я видался тогда с семейством графини Коскуль, урожденной княжны Щербатовой, двоюродной сестры жены брата Льва, и это был единственный дом семейный, в котором я коротал свои вечера... Посещая графиню Коскуль в Одессе каждый свой приезд сюда, я был однажды свидетелем или мастерской мистификации, или действительного действия магнетизма, сомнамбулизма что ли, которым не совсем-то верю, правду сказать. В то время в Одессе славился как обладатель этой непостижимой силы князь Гагарин». Придя однажды вечером с бульвара к графине, Арнольди стал свидетелем, как он писал, сеанса усыпления «магнетизмом» графини, которую князь Гагарин усыпил мгновенно, проведя рукой перед ее лицом, и спустя некоторое время так же мгновенно пробудил, причем после этого она почувствовала себя удивительно бодрой и здоровой...»

Возвратившись после пребывания на юге в Петербург, Арнольди предстояло снова окунуться в дела службы, т.к. его одиннадцатимесячный отпуск заканчивался. Служебные обстоятельства, из-за которых он брал отпуск, не изменились, поэтому возвращаться на службу он не хотел и попросил продолжительный бессрочный отпуск, формально все же оставаясь на военной службе, – в основном из-за отца, который не мог даже допустить мысли об уходе его из армии. Отпуск он получил, и следующие несколько лет «протекали для меня приятно, беззаботно, хотя и однообразно, между родных и хороших знакомых. Средства мои были достаточны для скромной жизни, т.к. я ни экипажа, ни своего стола не держал, и обедал то у отца, то у сестры Ухтомской в Царском селе, то у зятя Смирнова, бывшего тогда губернатором петербургским, то у Миллеровых и других моих знакомых. В мае обыкновенно я уезжал в деревню, хозяйничал, собирал деньги, делился с братом и осенью возвращался в Санкт-Петербург...».

В это время брат Александра Лев Арнольди «из-за болезни отказался от вице-губернаторского места и добивался места попечителя учебного округа в Одессе, климат которой, как говорили доктора, был бы ему полезен». В очередную поездку на юг в имение, в мае 1859 года, А. Арнольди встретился в Одессе с находящимися там братом Львом и его женой Варварой Дмитриевной, сестрой Варвары Дмитриевны Екатериной Дмитриевной Свербеевой «и знаменитым диктатором декабристов князем Трубецким (тогда уже возвратившимся из Сибири), которого дочь, рожденная в снегах Сибири, Зинаида Сергеевна, вышла замуж за брата моей невестки Николая Свербея. Мы провели несколько времени вместе в Одессе, и брат даже заезжал ко мне в Адамовку, чтобы взглянуть на наше общее достояние. Вскоре мы с ним расстались, и он направился в Москву, а я, покончив годовой отчет по управлению имением нашим, за ним вскоре последовал».

Льву Арнольди так и не удалось получить место попечителя одесского учебного округа. По возвращении в Петербург, Александр Иванович Арнольди, узнав в декабре о резко ухудшившемся здоровье брата Льва, срочно выехал к нему в Москву «и убедился, что милый брат мой не жилец уже мира сего...». Последующие несколько месяцев А. Арнольди провел у постели умирающего брата, который скончался 28 марта 1860 года. Умирая, брат благодарил Александра «за братскую любовь и дружбу нашу и поручил моим попечениям свою вдову... Брата похоронили в Новодевичьем монастыре рядом с сестрой нашей Ольгой, бывшей замужем за князем Петром Оболенским, которую в 1851 году брат же и хоронил. Неутешная вдова его, милая Варвара Дмитриевна, и поныне не забывает мужа своего и весьма часто приезжает на могилу его и в молитве и сладких воспоминаниях проводит там часы и дни...».

Впоследствии, в 1866 году, когда Александр Иванович продал свое имение, он отдал Варваре Дмитриевне, выполняя нравственные обязательства перед покойным братом, 45 тысяч рублей «из денег, полученных от колонистов, купивших у меня Адамовку за 80 тысяч».

В этот период, в конце 1850-х – начале 1860-х годов, оставив службу, занимаясь в летние месяцы имением на юге и имея достаточно свободного времени в остальное время года в Петербурге, А. Арнольди много занимается живописью, которой он всегда увлекался, возвращается в круг художников, посещает вечера в зале Академии художеств. Среди его знакомых, с которыми он встречается на известных в то время «пятницах» за ужином – Зичи, Беггров, Тимм, Айвазовский, Премацци, Лагорио, Эрасси, Сверчков, Бруни, Львов...

И, конечно же, он продолжает часто бывать в семье своего троюродного брата и друга Александра Миллера, в жену которого Юлию

Вид Торжка. Гравюра по рисунку А.И. Арнольди. Сер. XIX в.

Яковлевну он давно страстно влюблен.

Вскоре после смерти брата Льва, в июле 1861 года скончалась мачеха Александра Арнольди – София Карловна, а в октябре 1861 года – и отец⁷.

После смерти отца Александр Иванович наконец подал прошение об отставке (о чем он не мог и думать при жизни отца), и вскоре полу-

чил её. «Помню живо те чувства и ощущения, которые испытывал, выйдя в первый раз на улицу в гражданском платье... Переход был довольно резкий! Но... я стал чувствовать себя гораздо свободнее и, как бы сказать, счастливее. Все знакомые находили, что штатское платье мне идет и что я его хорошо ношу. По истечении года жгучее горе моё стало утихать, в особенности в сообществе Миллеровых, где я проводил все свои свободные минуты, и даже абонировался с ними пополам в бенуар итальянской оперы. Но среди этих приятельских и можно сказать родственных отношений налетела туча. Случилось ли это нечаянно и ненамеренно, или показалось ли мне в то время, только на одной неделе мои милые знакомые против своей обыкновенной привычки накануне сообщать мне, обедают ли они дома или званы куда-нибудь, оставили меня вовсе без обеда. И я, возмущенный такою бесцеремонностью, перестал к ним ходить вовсе. Само собою разумеется, что я страдал один, хотя мне и казалось тогда, что я их-то и наказываю... Добрый Александр Миллер скоро заметил моё продолжительное отсутствие и даже заезжал не раз ко мне, протягивал руку примирения и просил забыть невольную ошибку их. Но я был непреклонен, как бы наслаждался своей неумолимостью и гордился твердостью своего характера, хотя признаюсь, страдал невыносимо! Не знаю, чем бы это кончилось, ежели б не пришла на помощь милой женщине врожденная способность покорять своим прихотям, своей воле и не таких строптивых зверей, как я! Как они умеют отыскивать слабую струну своей жертвы! Это было в 1862 году, в конце зимы, и сколько мне помнится, я уже более месяца не видал своих милых знакомых. Вдруг, однажды утром получаю записочку от жены моего

троюродного брата, которую она сообщает мне, что по часовому поезду с мужем едет в Павловск нанимать дачу и желает после сего, помолившись на могиле моего отца, украсить её венком из цветов и просит, чтоб я ей сопутствовал. Затронув мои самые нежные чувства, эта милая женщина сломила мою гордость, и я к назначенному сроку явился на Царкосельскую железную дорогу и с моими друзьями отправился сначала в Павловск, а затем на Царкосельское кладбище, где мы отслужили панихиду...

Полный мир был заключён между нами. Увы, непрочен он был! Раз утраченного блаженства доверчивости не вернешь. Все это время я был как бы в чаду. Прежние наши свободные дружеские отношения утратились и положение было натянутым. Обе стороны сторонились и мне вместо радости и успокоения причиняли горе. Я чувствовал, что я лишний в их домашнем быту... Приближалось время моей обычной поездки в деревню и я с радостью ухватился за этот предлог, чтобы с честью вырваться из этого заколдованного круга, и надеялся, что время и разлука, по крайней мере для меня, будет служить лучшим лекарством. 13 марта холодно простился я с моими знакомыми и уехал через Москву, где оставался несколько дней, в деревню, где намеревался заняться посерьёзней своим хозяйством...»

Но и в деревне у Александра Ивановича не все складывалось удачно. «Вообще, мне в качестве помещика не везло и в семилетнее управление мое имением мне не раз приходилось испытывать удары судьбы там, где другие, более счастливые, нежели я, могли бы нажиться».

В Одессе фактор обманул его с продажей пшеницы. К концу лета А. Арнольди, и так переживающий душевный кризис, еще более впал в апатию, решил сдать имение в аренду, и чуть было этого не сделал, но съездив к дяде Дмитрию Ивановичу Лореру для совета, отказался от своего намерения. И все же он не спешил возвращаться в Петербург и решил зимовать на юге, в Адамовке. Но с приближением зимы одиночество стало тяготить его. «Моё жительство в имении мне начинало страшно надоедать и я в ноябре месяце решил зиму провести у родных, как у дяди Дмитрия Ивановича, так и у двоюродного брата Дмитрия Артемьевича Вороновского, так и у сестры Софии Ухтомской, которой муж был в то время окружным начальником военных поселений».

«Распорядившись в имении всеми работами на зиму», Арнольди выехал к своему двоюродному брату (сыну сестры матери) Д. А. Вороновскому в его имение Пондик под Вознесенском. Поздно вечером он проехал Вознесенск, где бывал в детстве и где умерла его мать. «Вид этого города, хоть и при лунном освещении, напомнил живо мне детство. Я узнал площадь,

еще со времен графа Витта существовавшую, на которой помню учащих-ся кантонистов-улан, огромный госпиталь в саду, и дом где скончалась моя матушка в 1825 году. Часов около 11 я подкатил к крыльцу усадьбы двоюродного брата при громком лае дворовых собак. Старый ключник и старуха экономка встретили меня и приютили в спальне брата, так как его не было дома и проживал он в это время в другом своем имении Ананьевского уезда. Хотя мне не довелось бывать в сих местах с 1825 года, т.е. в продолжение 38 лет, однако я нашел всё в прежнем виде: тот же деревянный столб, поддерживающий потолок залы, те же черные силуэты родных на золотом фоне по стенам, и та же "роща", клеевыми красками писанная по стенам гостиной... Экономка кормила меня галушками, коржиками с маком и поила наливками, а между тем в лихорадке я провел более недели один-одинешенек и промучился с ногой изрядно». Перед самым отъездом из Адамовки Александр Арнольди случайно поранил ногу, в рану попала инфекция, началось воспаление. Из-за болезни ему пришлось несколько дней пробыть в Пондике, надеясь на облегчение.

Здесь, в родовом имении Пондик, ранее принадлежавшем сестре матери, была похоронена его мать Надежда Ивановна Арнольди, урожденная Лорер, в первом браке Россет.

«После 38-летнего отсутствия со дня погребения моей матери, когда мне исполнилось 7 лет⁸, я в первый и последний раз посетил могилу ее, в Пондике находящуюся, и отслужил панихиду. Памятник, т.е. часовня, над ее прахом воздвигнутая, была в приличном виде, исключая решетки чугунной, ее окружающей, которая частью была похищена, а частью поломана. Ключ от входной двери и склепа хранился у дворни – крепостных брата, а вокруг похоронены были как тетка Катерина Ивановна, так и муж ее Артемий Ефимович Вороновские, так и двоюродные братья Константин и Иван, а впоследствии и сам хозяин Пондика Димитрий Артемьевич.

В часовне над могилой на стене вделана была чугунная доска с надписью золотыми буквами и образ Божией Матери с Предвечным Младенцем, хорошего письма (кажется, копия с Сикстинской мадонны), с неугасаемой лампадой. Корыстная дворня раздула значение образа и стала привлекать множество калек и больных, получавших исцеление и облегчение, так что полиция уездная, уведомив епархиальное начальство, вывезла образ в Одессу и поместила его в Соборе, где я его и видел. Раньше моего посещения часовни брат Димитрий писал мне о сем происшествии и заставил ходатайствовать у Архиепископа Димитрия, бывшего тогда в Синоде, но из этого ничего не вышло, и я полагаю, что чудотворный образ этот до сей поры хранится в левой стороне придела одесского собора.

Едва-едва мне полегчало, я сделал переезд на Водяную к дядюшке Димитрию Ивановичу, где тетушка Варвара Григорьевна лечила мою большую ногу разными домашними средствами, и все безуспешно...

Через несколько дней я переехал к сестре в Новую Прагу, где намерен был провести зиму. Мне отвели отдельную комнату, где я спокойно провел несколько месяцев, первое время в постели, а впоследствии среди семьи сестры, где много читал, и, между прочим, тогда только что вышедший роман Виктора Гюго, который я, можно сказать, проглотил в один присест. Кисти не были забыты, я рисовал – и дома, и ездил помогать дьякону, богомазу-самоучке, на образах в церковь Новой Праги, воздвигнутую попечением зятя и иждивением доброхотных жертвователей поселения. После скромного обеда обыкновенно вся семья сестры собиралась в кабинете с библиотекой, где много читали, и где сестра, большая музыкантша, постоянно занималась музыкой, и частенько устраивались концерты...»

Далее Александр Арнольди рассказывает о полученном им тогда письме, которое ошеломило его, не оставив и следа от уныния и апатии.

«В начале февраля [1863 г.] между небольшим числом писем, мною получаемых, я получил одно от двоюродной сестры моей Лизы Стелловской, в котором она, после описания разных спектаклей, опер и пьес (которые все видела, потому что по званию мужа своего, как издателя театральных афиш, имела всегда и везде даровую ложу), вскользь пишет мне, что 13 января была на похоронах Александра Миллера (т.е. мужа того существа, которое занимало меня более всего на свете), который, как мне тогда казалось, и был помехой моему полному блаженству в обладании женщиной мною страстно любимой. Не постигаю и до сих пор, как я тогда остался жив, после такого неожиданного удара?» На полях страницы он делает приписку: «Впрочем, от радости не умирают!!». Слова не очень тактичные по отношению к покойному другу, но Александр Иванович старается не лукавить перед собой в своих записках. «Проверяя себя, и теперь еще, по прошествии 18 лет, я умею, к оправданию себя, находить в душе своей много теплоты к этому милому человеку, которого знал коротко с самого выхода его из Дерптского университета, до женитьбы его в 1845 году на Юлии Яковлевне Фогтс, и потом, в семейной его жизни, до описываемого мною дня. Не скажу, чтобы порой не находили на меня эгоистические мысли – отчего не я на его месте, отчего ему именно досталась в удел женщина-совершенство и проч. Но подобные бредни свойственны, полагаю, всем влюбленным, и я конечно, не делая исключения, часто грешил против заповеди "не пожелай жены ближнего"!»

Само собою разумеется, что с минуты, в которую я узнал, что г-жа Миллер свободна, я стал строить на твердом фундаменте целое здание

фантастического стиля – моей будущности. Но торопиться было нечего, т.к. волшебница, тотчас же после смерти мужа, с детьми своими отправилась за границу, где в то время находились и все ее родные. Да кроме того необходимо было дать ей время успокоиться после такой неожиданной потери, и привести свои дела в порядок, и главное, узнать ее будущее местопребывание, т.к. я решился повергнуть всю свою жизнь боготворимой мною женщине, желал просить ее руки, так как знал, что сердце ее принадлежит уже мне давно. Февраль, март я провел еще у сестры в самых розовых мечтах, т.к. скрыл от всех мои планы, и в апреле поехал в Адамовку и стал хозяйничать. Вскоре я получил от Эмиля Лауэрбаха, женатого на сестре моего кумира, извещение, что лето г-жа Миллер проведет со старшей сестрой своей, вдовой Фирс в Швейцарии, в Кларансе. Купив себе путеводитель, я все свободное время свое проводил мысленно в путешествии и, конечно, рисовал в своем воображении и все блаженство первого свидания, и мое любовное объяснение, и согласие моей будущей жены! Так протекло лето, а в августе я еще раз съездил и к сестре в Новую Прагу, и к дядям Лорерам на Водяную, чтобы признаться в своем намерении и проститься с ними может быть навсегда, так как я мог предполагать наверное, что моя будущая подруга жизни никогда не решится поселиться в наших херсонских степях.

В начале сентября я был уже в Одессе, снабженный изрядным количеством денег на путешествие и большою дозой предприимчивости и отваги. 8 сентября двоюродный брат мой Димитрий Артемьевич Вороновский проводил меня на большой пароход Черноморского Общества, отходивший на Галац, так как я намеревался Дунаем подняться до Вены и чрез нее достигнуть Швейцарии, Женевского озера и маленького городишки Кларанса».

Далее А. Арнольди описывает свое путешествие по Дунаю. Несколько раз он делал зарисовки новых, ранее не виденных мест. «Я был так погружен в свои заветные мысли и мечтания, что ни с кем не сообщался и проводил все время один...» Дунай все мельчал, и приходилось то и дело пересаживаться на мелко сидящие суда. Немного не добравшись до Вены, путешественник пересаживается в вагон железной дороги, затем в дилижанс, «чтобы налюбоваться великолепными видами горной дороги... С высоты между двумя скалами открылось передо мною Женевское озеро, окаймленное громадными лиловыми зубчатыми горами... Веве, Монтре, Шильон быстро проскочили мимо...». В маленьком Кларансе Александр Иванович находит дом, в котором, как он надеется, проживают Ю.Я. Миллер и ее сестра Д.Я Фирс. «Лечу в указанный мне

домишко, при входе сталкиваюсь со старшей дочерью Дарьи Яковлевны, лет 12, которая меня, конечно, с бородой и в статском платье не узнает. На верхней ступеньке стоит сама Дарья Яковлевна и отдает какое-то приказание. Минутное молчание и созерцание! Наконец Д.Я. первая вскрикивает: "Месье Alexandre!"» Выяснилось, что Юлии Яковлевны в Кларансе нет, она находится в Штутгарте, ее ребенок опасно болен, и Дарья Яковлевна сейчас едет к ней. Естественно, Александр Иванович тоже немедленно отправляется в Штутгарт.

«Конечно, дорогой я сообщил добрейшей Дарье Яковлевне все мои заветные притязания и мечты насчет ее обворожительной сестры. Не скажу, чтобы она была очень удивлена, но не скрою, что она тогда же предупредила меня о преждевременности просьбы руки и сердца милой вдовушки. Она уверяла меня, что г-жа Миллер, сильно потрясенная потерю добрейшего мужа, не намерена, как кажется, легко расстаться со свободой! Признаюсь, мне казалось тогда невозможным какое-либо малейшее сопротивление или отказ со стороны существа, которому я отдал, хотя мысленно, все мои помыслы, всю мою жизнь.

На третий день мы приехали в Штутгарт и остановились в гостинице Марквартца, я в бельэтаже, возле принца Александра Дармштадского, брата нашей императрицы, мадам Фирс наверху с детьми. По условию добрейшая Дарья Яковлевна тотчас же пошла на улицу Неккерштрассе, где жила мадам Миллер, а я стал готовиться к свиданию с предметом моей души.

Дарья Яковлевна вскоре вернулась с известием, что больная дочь Юлии Яковлевны скончалась, и что сама она находится в замке сестры своей графини Рейшах в нескольких милях от Штутгарта. Решено было, «что Дарья Яковлевна поедет к ней с моим письмом, в котором я выскажусь вполне и буду умолять своего счастья. В настоящее время, т.е. 19 лет спустя, я еще живо помню то мучительное настроение, в котором я находился в продолжение 3-х – 4-х дней по отъезде любезной Дарьи Яковлевны. Я слонялся из угла в угол как тень... и ничего даже не ел в это тревожное для меня время». Чтобы занять себя, Александр Арнольди отправился в местный музей и проводил свободное время «в пустых залах собрания искусств». Он описывает, как бродил по залам вместе с забавной супружеской парой французов, проживавших в одной с ним гостинице: «Чуть кто-нибудь из супругов остановится перед какой-либо картиной, как тотчас другая или другой припоминает ему, что подобную они видели там-то, или прочитывает в гиде целую историю про рассматриваемую вещь. Таким образом я, не раскрывая своего путеводителя, только прислушивался к их разговору и был достаточно удовлетворен».

Коллекция показалась ему довольно бедной, особенно в скульптурном отделе. Увидев гипсовую копию мраморной скульптуры, оригинал которой находился в дворцовом саду в Царском селе, Арнольди с гордостью обратил на это внимание своих спутников-французов.

«В ожидании возвращения милейшей покровительницы моей по части сватовства Дарьи Яковлевны, я совсем изнемог, и не знаю, чем бы это кончилось, ежели б продолжилось. К счастью моему она возвратилась на третий день и... прислала мне ответное письмо моего кумира». В письме содержался отказ принять его предложение. «Считаю лишним описывать здесь все мое отчаяние... У меня и теперь, в настоящую минуту, холодеют все оконечности, и кровь приливает и в голову, и в сердце при одном воспоминании об этой страшной ночи! Встав рано и делая свой утренний туалет, я себя не узнал в зеркало, до того лицо мое было искажено. Я видимо постарел, осунулся, и первые седые волосы в бороде ярко серебрились!»

Арнольди хотел немедленно уехать, но Дарья Яковлевна, всячески стараясь помочь ему, уговаривала остаться и встретиться с ее сестрой, которая вскоре должна была приехать в Штутгарт. Он «страдал невыносимо, но сердце не камень, и я уступил как просьбам Дарьи Яковлевны, так и своему любопытству увидеть после двухлетней разлуки мою прелестную мучительницу...».

Долгожданная встреча состоялась за обедом, «я не прикоснулся ни к одному блюду и не проронил ни одного слова... Мадам Миллер сама обратилась ко мне. "Ежели Вы хотите говорить о Вашей любви, то на это не стоит терять времени, потому что после принятого мной однажды решения, и Вам сообщенного, я не переменю его". Тут язык у меня развязался и я был красноречив как какой-нибудь оратор, потому что Дарья Яковлевна рыдала во все время моей жаркой речи...».

Здесь записки Александра Ивановича прерываются и он полгода не прикасается к ним. Именно в это время, когда он подошел в своих воспоминаниях к самым драматическим событиям своего любовного романа, в его жизни произошла трагедия.

«Я давно не принимался за свои воспоминания, как и ни за что другое. Описывая полгода тому назад произошедшие за 20 лет пред сим события, мешавшие моему полному счастью, я никак не предполагал, что мне придется продолжать мой роман после того совсем в другом положении... Скоро после сурового отказа неумолимая смилостивилась, я был женат и счастлив, насколько может быть счастлив в здешнем мире человек. Трех сыновей подарила мне жена. 28 января 1882 года ее не

стало, и я, 65-летний старик, остался влачить свои дни в этой юдоли печали и скорби...»

Проходит время, и Александр Иванович находит в себе силы снова продолжать вспоминать и писать. Возможно, чтобы отвлечься от боли потери...

«Но надобно рассказать все подробно, хотя бы только для детей, меня, конечно, переживущих! Переносясь мысленно в Штутгарт на улицу Некерштрассе, я вижу предмет моей страсти в обмороке, после того как я закончил свой длинный монолог напоминанием той клятвы не принадлежать никому другому как мне, которую моя прелестница мне дала по пути от царскосельского кладбища, где оба мы молились на могиле отца моего, там похороненного. Добрая Дарья Яковлевна вскоре привела ее в чувство, а она лишь несколько оправившись, хладнокровно произнесла... свои прежние слова. Это окончательно меня убило. Я встал, взял шляпу, церемонно откланялся и, не помню как, вернулся в свой номер. Не знаю, что было причиною – или физическое и моральное истомление, или полное непреложное разочарование в моей жестокой очаровательнице, только наступившая ночь, после пяти проведенных мною без сна, была первою, что я спал мертвым сном до 8 часов утра, когда, уложившись и пред самым отправлением на поезд, отходящий в Россию, простившись с госпожой Фирс, уехал в Россию. Бедная женщина, сама не понимая поступков своей сестры, старалась утешить меня как могла. Утром рано, не помню в котором часу, я мчался на всех парах в Питер, на Берлин, и нигде не останавливаясь и не вылезая по своей охоте из вагона, 13 октября был уже в Малой Морской, в доме Татищева, в квартире зятя моего Н.М. Смирнова, который был в отсутствии, кажется в Англии, у своей семьи, проводя там лето и осень. Заведующая всем домом зятя моего Катерина Андреевна Танненберг приняла меня, по родственным отношениям нашим с Николаем Михайловичем, очень хорошо, и я поселился в небольшой задней комнатке его огромного помещения. Вскоре зять вернулся и, узнав все со мной случившееся, употреблял все возможное, чтоб развлечь меня и утешить. Я оставался неутешен и по целым неделям не выходил из дому. Мудро сотворен человек, и ежели б Творец не дал бы ему между всеми прекрасными качествами души забвения, то не постигаю, как бы мог прожить человек, носясь со своим горем. Время уносит все!

Я много рисовал, имея под рукой богатую коллекцию картин зятя, и стал незаметно пристращаться к театру, куда ходил с зятем вместе и на его счет. Так прошли ноябрь, декабрь и январь.

Однажды, совершенно для меня неожиданно, меня посетил лейб-гусар Всеволод Сипягин, старый товарищ по Пажескому корпусу, с которым мы, однако, давно не встречались. Между разговором и воспоминаниями о товарищах Всеволод Сипягин предупредил меня, что 4 февраля предстоит обычный обед кавказский, на котором можно встретить лиц, с которыми мы оба в 1842 году делали Ичкеринскую экспедицию на Кавказе, и взял с меня слово участвовать на этом обеде по подписке. Впоследствии я только раскусил хитрые маневры моего прелестнейшего зятя! Дело в том, что Сипягин состоял при главном штабе и, также еще по Пажескому корпусу, был в очень близких отношениях с дежурным генералом Федором Логиновичем Гейденом, и вот зять мой задумал втянуть меня снова на службу, как противоядие моему отчаянию, и все это ему удалось, как увидит читатель, наипростейшим образом!

4 февраля я входил в обеденную залу гостиницы Демута, великолепно освещенную, в пиджаке, с огромной бородой, и застал там в самом деле много товарищей и знакомых...» Товарищи по службе, «старые кавказцы», радостно приветствовали Александра Ивановича, было провозглашено много тостов, все «стали допытываться отчего я не служу и, наговорив мне много комплиментов про старую мою службу, повторяли, что в таких военных деятелях, как я, служба нуждается в настоящее время, что я могу сейчас же получить один из кавалерийских полков и проч., и кончили тем, что взяли с меня слово, что я это исполню...».

«Все это происходило 4 февраля 1864 года», – продолжал Арнольди. «Пораздумав немного, я верно рассчитал, что обладая крепким здоровьем и полным знанием всего относящегося до военной кавалерийской службы, и притом оскорбленный до глубины души отказом моего кумира, я вывел заключение, что горше жизни для меня не будет, и решился снова окунуться в сферу, в которой захлебывался 23 года, и 8 февраля, во фраке (в первый и последний раз надетом), в белом галстуке и во всех регалиях был у графа Гейдена и официально представился военному министру...»

В тот же день, в 6 часов вечера, когда Александр Иванович обедал дома со своим зятем петербургским губернатором Н.М. Смирновым, принесли пакет из главного штаба с сообщением, что Государь дал соизволение и завтра выйдет приказ о зачислении полковника Арнольди в армейскую кавалерию, с внесением его в список кандидатов, ожидающих вакансии командира кавалерийского полка.

Таким образом, судьба Александра Ивановича в очередной раз резко изменилась, и он снова окунулся в армейскую жизнь и в дела службы. Правда, не сразу. Весну 1864 года он провел в ожидании вакансии,

которая все не открывалась. «И так, в ожидании этого, я стал жить прежнюю уединенную жизнью и много рисовал да шлялся по театрам», – писал он об этих месяцах. Но когда в мае он собрался просить отпуск для поездки на юг в Адамовку, его непустили, назначив временно заменить командира лейб-гвардии Драгунского полка. «На другой же день я вступил, после 7-летнего отдыха в бессрочном отпуску и отставке, в отправление своей обязанности и задал преисправно Драгунскому полку пеше-конное ученье, а на третий день счастливо отбыл смотр Великого князя Николая Николаевича, получив много благодарностей...»

В августе, закончив временные обязанности, Арнольди вернулся в Петербург и в ожидании назначения снова поселился на Малой Морской у петербургского губернатора Николая Михайловича Смирнова, мужа своей знаменитой сводной сестры Александры Осиповны Смирновой-Россет, которая проживала в те годы большей частью за границей.

«Отдыхая после утомительных маневров, я много рисовал все это время, исключая 19 августа, когда по просьбе зятя и брата Аркадия Осиповича взял на себя хлопоты съездить на особо нанятом пароходе в Кронштадт и перевезти больного и слепого брата Клементия Россета, возвращавшегося из Парижа, где он поражен был апоплексическим ударом и ослеп. 20 августа я отыскал на рейде пароход, на котором привезли несчастного, бережно перенес его на нанятый пароход и привез его к Английской набережной, где нас ждали носилки, на которых брата и доставили в Малую Морскую...»

Дома Александра Арнольди уже ожидало известие, что он назначен командиром 2-го драгунского Псковского полка, расквартированного в Литве. В сентябре 1864 года А. Арнольди прибыл в штаб кавалерийской дивизии в Вильно и вступил в командование полком.

«Общее впечатление, произведенное полком, было приятное, и я стал окунаться в свою должность и деятельно принялся за полк, имея хороший материал под рукою... Я горячо принялся за устройство и переустройство полка... Все это было сделано и исправлено в несколько месяцев и самым добросовестным образом. Я решился довести полк до совершенства, в чем и успел, так как вскоре получил от начальника дивизии полную похвалу, да и совесть моя подсказывала мне, что я честно сделал свое дело. Но сколько нравственной борьбы, препон и неудовольствий... Не приведи Бог! Весьма скоро... полк стал приобретать благообразный вид. Я занят был по целым дням и ночам...»

Александр Иванович Арнольди был отличным, образцовым офицером и талантливым командиром. Он превосходно знал все тонкости службы,

старался сделать из обычного армейского полка «нечто подобное гвардейскому полку, со всеми его тонкостями...», хотел привести свой полк в то безупречное состояние, в котором, по его убеждению, только и должна находиться любая часть армии. Он был очень требователен к себе, возможно поэтому, вспоминая прошлое, писал, что «только к концу своего командования полком, т.е. в 1867-68 гг.» сумел поставить полк на должную высоту. Известно, что в 1868 году он был произведен в генералы.

Весной 1865 года дивизия, в которую входил Псковский драгунский полк Арнольди, была переведена в Тверскую губернию. Полк расположился в городке Калязине на Волге, в 175 верстах ниже Твери. Главной заботой Арнольди было, чтобы все эскадроны полка вместе со всеми подразделениями, мастерскими, конюшнями и прочими службами в образцовом порядке обустроились на новом месте и ни в чем не нуждались. «Правильная деятельность, крепкое здоровье и энергия, мне присущие, много мне помогли, и я имел удовольствие видеть ежедневно почти заметные следы улучшения во всех частях управления полком, довольно многосложных. Я проводил целые дни во всех мастерских полка, следя лично за успехами работ, снаряжения, обмундирования и проч., и конечно же не упускал из виду ни канцелярской работы, ни фронтовой службы... Таким образом, я жил чисто полковой жизнью...»

Мемуары А.И. Арнольди «Семейная хроника и мои воспоминания, часть II» заканчиваются описанием событий осени 1865 года, когда в его одинокой холостой жизни все изменилось. 29 ноября 1865 года он получил письмо от Дарьи Яковлевны – сестры Юлии Яковлевны Миллер. В нем она писала «о далеком прекрасном прошлом, сознается, что вдвоем с сестрой никогда не забывает перебирать те счастливые часы, которые мы проводили вместе, и ловко зондирует чувства мои к жестокой когда-то сестре своей... Письмо это хранится до сих пор у меня, и я должен признаться теперь, что оно меня сильно поразило и подняло со дна моего сердца всю бурю, какую способно в себе вмещать,

Сын А.И. Арнольди Александр с детьми Марией, Алексеем, Натальей. Петербург, около 1915

тем более, что я видел в нем и чувствовал не простую болтовню, а догадывался, что все это были мысли и чувства предмета моей страсти... Я провел целую ночь в страшном волнении, и все-таки не мог победить в себе мысли о той обиде, которую перенес 2 года тому назад, получив резкий отказ в Штутгарте, когда искренно со всем пылом своей страсти жаждал отдать всю свою душу, все свои помыслы, все силы навеки... Прочитав письмо, я положил его под пресс-папье и думал, что все погаснет. Не тут-то было! Неотвязная мысль возможного счастья меня преследовала... К разрешению моих колебаний и сомнений, я получил второе, более категорическое письмо от той же милой особы, в котором меня просят простить прошлый отказ, сделанный под впечатлением родных, умоляют хорошенько проверить себя и определить верно, могли ли я составить счастье той, которая так сильно меня оскорбила... Я сломил свою гордость, я тщательно взвесил свои чувства и к радости заметил, что они еще так же сильны и свежи, как были три года почти тому назад. Судьба моя решилась...»

1. Арнольди А.И. Семейная хроника и мои воспоминания. Часть 2. Фрагменты // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. / Одес. лит. музей. – Вып. 3, ч. 1. – Одесса, 2004. – С. 17-74.
2. Хивренко Л.С. Мемуары А.И. Арнольди // Там же. – С. 8-16.
3. Оксман Ю. Лермонтов в записках А.И. Арнольди // Лит. наследство. – Т. 58. – М., 1952. – С. 449-476.
4. Княгиня София Ивановна Ухтомская – сестра А.И. Арнольди по отцу, дочь И.К. Арнольди от его второго брака с Софией Карловной (урожденной Погибель).
5. А.И. Арнольди скончался 28 марта 1860 г. См. об этом дальше в тексте.
6. В воспоминаниях имеются неточности и противоречия. В другом месте А.И. Арнольди пишет, что его 11-месячный отпуск закончился в конце 1858 г.
7. В некоторых источниках – например, в сведениях Казанского кладбища в Царском Селе – указано, что С.К. Арнольди скончалась в июле 1860 г., а И.К. Арнольди в октябре 1860 г. А.И. Арнольди указал годом их смерти 1861. На полях рукописи есть приписка, что С.К. похоронена в Царском селе на Софиевском (русском) кладбище. В большинстве источников год смерти И.К. Арнольди указан как 1861. Необходимо отметить, кстати, что сведения об И.К. Арнольди и его семье в биографических словарях и энциклопедиях содержат много фактических ошибок.
8. А.И. Арнольди родился 21 апреля 1817 г., в декабре 1825 г. ему было не 7, а 8 лет. Или он ошибочно называет свой возраст в декабре 1825 г., или же его мать Надежда Ивановна скончалась не в декабре 1825 г., а раньше.

О.И. Губарь**ПЕРВЫЙ «ГАМБРИНУС»**

О питейном заведении, вдохновившем А.И. Куприна, сохранилась вполне внятная достоверная информация, собранная, обобщенная и опубликованная известным исследователем Ростиславом Александровым¹. К этому можно добавить, что владельцы «Гамбринуса», семейство немецкого происхождения Гоппенфельд, владели и другими заведениями «общепита». Так, Паулина Александровна Гоппенфельд не позднее 1903 года содержала ресторан с питьями по Ланжероновской улице, в доме Страца и Старкова². Адам Иванович (Иоаннович) Гоппенфельд тогда же содержал буфет с питьями в городском павильоне на Николаевском бульваре³. Естественно, что в обоих заведениях реализовывалось пиво, которое приготавливалось на пивоваренном заводе Паулины Гоппенфельд, что функционировал на улице Средней, № 12⁴.

Но речь теперь пойдет не столько о купринском «Гамбринусе», сколько о его предшественниках – одноименных пивных залах, явившихся в Одессе на несколько десятилетий ранее, располагавшихся неподалеку и положивших начало формированию, если уместно так выразиться, специфической субкультуры в сфере обслуживания.

Впервые название «Гамбринус» фигурирует в местной периодике 20 января 1866 года: «Ресторация “ГАМБРИНУС”, ежедневно свежие БЛИНЫ. Вместе с тем доводится до сведения публики, что с недавнего времени заведение “Гамбринус” преобразовано в совершенную ресторацию, и что 100 абонементных порционных карточек отдаются за 12 рублей»⁵. Из контекста понятно, что заведение уже некоторое время функционирует. С каких пор и где именно?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо изобразить фон, на котором разворачивались занимающие нас события, а именно причины массового открытия пивных зал, так называемых «биргалле» в 1860-х годах. Главная причина – государственная реформа реализации питей, в ходе которой откупная система сменилась акцизной. Как более прогрессивная, демократическая, она тотчас привлекла предпринимателей, инвесторов, в том числе зарубежных. Еще до ликвидации в 1863-м откупной системы в одесской прессе появляются публикации о намерении

немецких пивоваров устроить в Одессе крупные заводы: предполагалось пропагандировать и распространять пиво не только в «среднем классе», но и в «простонародье». А такое было возможно лишь при производстве пива на месте – доставка из Германии, Чехии и других стран и регионов способствовала удорожанию. С другой стороны, для организации значительного производства требовались соответствующие капиталы⁶. Напомню: до ликвидации откупной системы пиво для широкой реализации производилось исключительно на откупном заводе Савицкого, доставшемся ему от откупщика Исленьева⁷.

В результате означенной революции в сфере реализации питей в том же 1863-м в продажу поступило неплохое пиво местного завода Иоганна Ансельма⁸, причем уже в сентябре пресса отмечает серьезный рост спроса и открытие множества пивных зал по всему городу⁹. Можно, конечно, перечислять эти залы, работая в оригинальном жанре алкогольной топографии и нарочито демонстрируя начетническую эрудицию – любопытных ведь всегда больше интересует *где*, а вовсе не *как* и *почему*. Для нас важно другое: внедрение в одесский алкогольный быт пива сопровождалось нетрадиционной, совершенно оригинальной для города стилистикой организации досуга. И именно здесь истоки того музицирования, прежде всего, на струнных инструментах и пианино, которые в купринском «Гамбринусе» воспринимаются как родные. Здесь, в немецких пивных залах, впервые выступили и музыкантши, игравшие на цитре, скрипке, флейте, гитаре и др.

«Любители пива г. Ансельма, – сообщает «Одесский вестник» уже в середине марта 1864 года, – могут развлекаться в его заведении на Александровском проспекте, кроме пива, и музыкою. В зале его играет оркестр, состоящий из одного мужчины и шести женщин: две из них играют на арфах [то есть на тирольской цитре – О. Г.], одна играет на скрипке, две (одна малютка лет 10-ти) упражняются на флейтах. Посетители говорят, что женщин, играющих на флейтах, еще не видели в Одессе. Вообще, на подобные

оркестры у нас еще смотрят некоторые господа со странным удивлением: как будто бы женщина не одарена теми же способностями как и мужчина»¹⁰.

Комментируя эту информацию, заметим: дом Ансельма находился на месте будущего ресторана «Киев» (ныне – банк), «лицом» к Полицейской улице и Александровскому проспекту, «спиной» – к одноименной площади, Греческому базару и дому Маюрова, так называемому «круглому дому». Это была территория, наиболее благоприятная для устройства «биргалле»: торговая ось проспекта к Старому базару и Красным рядам от самой Практической гавани по Военному спуску, пересекающаяся набирающей силу Дерibasовской, издавна насыщенной торговыми заведениями Греческой и другими многолюдными улицами. Мало того, буквально в нескольких шагах располагались крупные немецкие домовладения – Маркмана, Гааза, Роте, Шмидта и др. К слову, Роте вскоре тоже открыл пивоваренный завод на хуторе Шмидта¹¹.

Некоторую путаницу в атрибуцию первичного «Гамбринуса» вносит то обстоятельство, что в упомянутом «круглом доме» в один и тот же период открылись две пивные залы, одна из которых вскоре и получила имя легендарного «пивного короля». «БАВАРСКАЯ ПИВНАЯ» открыта в доме наследников Маюровых, со стороны собора, в которой продаются: пиво гг. Ансельма и Савицкого и холодные закуски. Цена за кружку 6 коп., за кварту [около литра – О. Г.] – 18 коп., за ведро [12,23 литра – О. Г.] – 1 руб. 75 коп.»¹². «Баварская пивная» открыта 24 марта 1864 года, а 31 июля 1865-го в том же доме распахнула дверь еще одна немецкая пивная¹³. Разобраться помогает следующее обстоятельство: первое из заведений помещалось «со стороны собора», а второе – «со стороны Греческой улицы». В объявлении следующего, 1866 года, читаем: «К предстоящим праздникам приготовлены в большом количестве лучшего качества окорока и разных сортов колбасы, в ресторации “ГАМБРИНУС”, в доме Маюровых, со стороны Собора»¹⁴.

Итак, мы убеждаемся в том, что первый «Гамбринус» был устроен в «круглом доме», со стороны Собора, и открылся изначально под вывеской «Баварской пивной» 24 марта 1864 года. Из цитированных выше материалов понятно, что уже в начале 1866-го эту пивную залу знали как «Гамбринус». В том же году в ней по вечерам, с 19.30, выступали музыкальные коллективы из Тироля¹⁵. Однако уже в феврале 1867 года «Гамбринус» перебрался из дома Маюрова в соседний дом Ансельма и занял там помещение бывшей пивной Карла Боненберга, которая, в свою очередь, переместилась в другой район¹⁶.

Весной 1867-го, с 9 мая, при ресторации «Гамбринус» открывается настоящий «пивной сад»: «Хорошие кушанья и напитки, внимательная прислуга и хорошая музыка доставят гостям возможность и в городе приятно проводить летние вечера»¹⁷. В теплые сезоны 1867-1868 годов в этом саду, помимо тирольцев, выступали оркестры популярных капелмейстеров тех лет – Прауса и Розетти, проводились семейные вечера¹⁸, что ощутимо облагораживало времяпрепровождение среднего и отчасти низшего класса. В зимний период «Гамбринус» специализировался на воронежских блинах и глинтвейне¹⁹.

Из газетного сообщения от 2 августа 1869 года видно: «Гамбринус» при доме Ансельма уже не функционирует, репортер досадует о садике с тенистыми деревьями, «где по вечерам собиралась публика послушать музыку, подышать свежим воздухом, закусить и выпить кружку пива; теперь этот садик, по распоряжению комитета о мостовых, совершенно уничтожен, и деревья вырублены...»²⁰. В объявлениях, помещенных в том же газетном номере, упоминается об открытии в доме Ансельма наследовавшего «Гамбринусу» ресторана «Иерусалим». 6 декабря в доме Маюрова, в бывшем помещении тамошнего «Гамбринуса», открылся ресторан «Суэцкий канал»²¹. Чрезвычайно значимый для торговой Одессы Суэц настолько овладел умами, что, как и в случае с «Гамбринусом», тут же появился его двойник, второй «Суэцкий канал» – на Таможенной площади²².

Хотя содержателями сменивших «Гамбринус» заведений были греки, тем не менее, новая «пивная музыкальная культура» стремительно здесь прижилась. «В пивной зале “СУЭЦКИЙ КАНАЛ” на Александровской площади дом Маюровых, – сообщает местная газета, – ежедневно по вечерам играет новоприбывший из-за границы оркестр АРФЕНИСТОК из 6-ти дам и 2-х мужчин. Кроме танцев и разных других пьес, они поют русские, немецкие, французские, английские, турецкие, греческие и прочие песни»²³. Подобный же музыкальный коллектив параллельно выступал и в «Иерусалиме»²⁴. Вскоре в «Суэцком канале» зазвучало и пианино²⁵.

И далее «Суэц» остается довольно значимым музыкальным центром: «Видя сочувствие своих посетителей к моему заведению, – объявляет содержатель, – я предпочел выписать из-за границы оркестр итальянско-немецких арфянок, которые и прибыли уже 25 мая, причем имею честь объявить своим посетителям, что они играют и поют на несколько диалектов, т. е. по-немецки, итальянски, гречески, венгерски и проч., также девицы играют на пианино...»²⁶.

«Арфянки», то есть исполнительницы на цитре (кстати, подобный музыкальный инструмент экспонируется в Золотом зале ОЛМ), с перерывами выступают здесь и впоследствии²⁷.

Паузы связаны с периодическими запретами городского полицмейстера на исполнение в питейных заведениях оркестровой и прочей «живой» музыки. В периоды подобных запретов содержатели трактирных заведений вынуждены были пользоваться только механическими органами²⁸, так называемыми оркестрионами, которые тоже продуцировали и вводили в обиход единственно немецкие мастера. Эти «музыкальные машины» воспроизводили не только «народные шлягеры» типа «Во пиру была, во беседушке», но и фрагменты известных опер – «Навуходоносор», «Итальянка в Алжире» и др., попури из «Жизни за царя» и проч.²⁹

Впрочем, со временем наблюдается расслоение пивных зал на тривиальные деградировавшие пивные для простонародья и пивные залы «для чистой публики», подобные кафешантанам. Разумеется, «биргале» не могли оставаться универсальными по мере того, как пиво сделалось привычным напитком для большинства горожан. В середине 1870-х годов многие пивные заведения становятся местами столь же криминогенными, как и самые подозрительные кабаки. В прессе то и дело сообщается о происходящих там кровавых драках, шулерских азартных играх, разврате, поножовщине, в том числе – об убийстве «арфянки»³⁰. Цивилизованные ансамбли «тирольских немцев» нередко заменяются «уличными оркестрами» малообразованных исполнителей³¹. В тех случаях, когда «музыка» временно запрещена, оставшиеся без средств к существованию «арфянки» воленс-ноленс занимаются проституцией³².

Резюмируем изложенное. Смена откупной системы акцизной приводит к серьезным переменам в сфере обслуживания и, как следствие, формированию субкультуры, связанной с функционированием нового типа трактирных заведений – «биргалле». В пивных залах и садах неизменно выступают профессиональные коллективы из Центральной Европы с колоссальным репертуаром: от фольклора до классики практически всех европейских стран. Здесь, опять-таки по европейскому фасону, устраиваются семейные вечера, то есть целый ряд трактирных заведений становится местом досуга широких слоев гражданского общества, включая женщин и детей³³. Вместе

с тем, постепенно происходит неизбежное расслоение универсальных пивных зал: на элитарные, преимущественно для «среднего класса», и низкого пошиба, для «люмпенов». «Гамбринус» – одна из самых первых в Одессе классических немецких «биргалле» – рельефно иллюстрирует ряд обстоятельств как позитивной, так и негативной эволюции заведений подобного типа, впоследствии художественно зафиксированных А.И. Куприным.

1. Александров Ростислав. Волшебная скрипка. – Одесса: «Студия “Негоциант”», 2003. – С. 55-61.
2. ГАОО, ф. 16, оп. 80, д. 488, л. 33.
3. Там же, л. 34.
4. Вся Одесса. – Одесса: Изд. Л.А. Лисянского, [1904-1905]. – С. 59.
5. Одесский вестник. – 1866. – 20 янв., № 14.
6. Одесский вестник. – 1862. – 24 февр., № 21.
7. Одесский вестник. – 1863. – 12 февр., № 17. – История местного откупного производства пива, мёда и более крепких напитков не может быть изложена здесь лапидарно и станет предметом отдельной публикации.
8. Одесский вестник. – 1863. – 12 сент., № 101; 21 сент., № 105.
9. Одесский вестник. – 1863. – 28 сент., № 108.
10. Одесский вестник. – 1864. – 17 марта, № 59.
11. Одесский вестник. – 1865. – 28 апр., № 89.
12. Одесский вестник. – 1864. – 24 марта № 65.,
13. Одесский вестник. – 1865. – 31 июля, № 166.
14. Одесский вестник. – 1866. – 19 марта, № 61.
15. Одесский вестник. – 1866. – 24 нояб., № 258.
16. Одесский вестник. – 1867. – 12 февр., № 34; 2 марта, № 47.
17. Одесский вестник. – 1867. – 9 мая, № 101.
18. Одесский вестник. – 1867. – 12 мая, № 103; 16 мая, № 106; 1868. – 15 мая, № 104; 18 мая, № 107; 12 июня, № 127; 16 июня, № 131; 20 июня, № 134.
19. Одесский вестник. – 1868. – 10 янв., № 5; 13 янв., № 8.
20. Одесский вестник. – 1869. – 2 авг., № 170.
21. Одесский вестник. – 1869. – 6 дек., № 270.
22. Одесский вестник. – 1870. – 10 янв., № 6.
23. Одесский вестник. – 1870. – 12 февр., № 33; 1 марта, № 46.
24. Одесский вестник. – 1870. – 28 марта, № 68.
25. Одесский вестник. – 1870. – 11 апр., № 80.
26. Одесский вестник. – 1871. – 28 мая, № 113.
27. Одесский вестник. – 1872. – 4 февр., № 27.
28. Новороссийский телеграф. – 1876. – 25 янв., № 304.
29. Одесский вестник. – 1874. – 29 окт., № 238.
30. Одесский вестник. – 1874. – 19 нояб., № 255; 20 нояб., № 256; 24 дек., № 283; – 1875. 17 окт., № 227, и др.
31. Одесский вестник. – 1875. – 1 июля, № 143.
32. Одесский вестник. – 1876. – 17 янв., № 13.
33. Одесский вестник. – 1864. – 7 июля, № 147; 3 дек., № 268; 1867. – 27 июля, № 164, и др.

В.С. Фельдман

ИСТОРИЯ ОДНОГО КНИЖНОГО СОБРАНИЯ (БИБЛИОТЕКА А.Г. СТРОГОНОВА)

История каждой большой библиотеки тесно связана с историей своего города, своей страны. Книжные фонды таких библиотек, как геологические пласты, несут на себе следы прошлых лет.

Старейшие библиотеки хранят на своих полках опыт, достижения и ошибки прошлых поколений.

Библиотека Одесского университета, без которой немислима его учебная и научная жизнь, играет важную роль в развитии культуры города. Мы не умеем в цифрах учитывать воздействие библиотек на формирование людей, вышедших из стен университета и других учебных заведений, тех, кто своими именами прославил нашу родину. Но воздействие это безусловно.

Случайно уцелевшие в нашей библиотеке абонементы или, как их называли в прошлом, – личные счета профессоров А.О. Ковалевского, И.И. Мечникова, Ф.И. Успенского рассказывают, насколько разносторонними были интересы этих ученых и как широко они черпали знания из собраний университетской библиотеки.

Научная библиотека Одесского (бывшего Новороссийского) университета, одна из старейших библиотек страны, основанная в 1817 году, насчитывает на своих полках более трех миллионов книг, журналов, газет. Одной из особенностей библиотеки является наличие в ее составе крупных и уникальных по своему содержанию именных фондов. Это отдельные личные библиотеки, завещанные университету владельцами или купленные у наследников собирателя. Какова цель создания именных фондов? Опыт показал, что специалист, собирающий книги по той отрасли знания, которая его интересует, может собрать библиотеку, полнее и разностороннее отражающую любимую этим человеком тему, чем самый опытный библиотекарь.

Личные библиотеки своим подбором книг часто характеризуют не только личность собирателя (а это обязательно, ибо можно смело сказать: «Покажи, что и как ты собираешь, и я скажу, кто ты»), но и его эпоху. Библиотека вельможи XVIII века отличается от библиотеки вельможи

середины XIX века не только годами издания книг, но и содержанием, и даже внешним видом. С первых дней существования библиотеки Одесского университета установилась традиция дарить книги, отдельные оттиски статей, авторами которых являлись преподаватели, сотрудники, выпускники и студенты университета.

Рост общественного веса библиотеки особенно ярко проявляется в том, что число лиц, завещающих ей свои книжные собрания, растет. Книги, подаренные библиотеке, остаются на многие годы лучшим памятником их бывшим владельцам, часто более надежным, чем гранитные и мраморные надгробия. Ученые, собиравшие всю жизнь книги по своей специальности, библиофилы, владеющие часто неповторимыми коллекциями, владельцы родовых библиотек, как, например, библиотека Воронцовых, знали, что сокровища, ими собранные, не разбредутся по рукам многих владельцев, а, тщательно хранимые, многие годы будут служить последующим поколениям. Большая часть дарственных поступлений влилась в основной фонд библиотеки, и только записи в инвентарных книгах или экслибрисы владельцев говорят о тех, кто передал эти книги. Но некоторые собрания оставлены в цельном виде. Эти собрания носят название именных фондов.

Научная библиотека располагает рядом уникальных по своему содержанию именных фондов. Воронцовская и строгоновская библиотеки, завещанные в XIX веке, сохранены потому, что сами эти библиотеки по характеру подбора книг являются историко-культурными памятниками. Фонды В.И. Григоровича, В.А. Лупанова, Ф.Е. Петруня, А.Г. Готалова – это библиотеки профессоров университета, завещанные и сохраненные как дань уважения к их памяти и заслугам. Фонд Шильдера был передан библиотеке в 1902 году с условием сохранения его как единое целое, и поскольку подборка книг этого собрания очень характерна для рабочей библиотеки историка XIX века, она осталась отдельным фондом.

Самым большим именованным фондом по количеству книг и редких изданий является библиотека Воронцовых¹.

Вторым по размеру и ценности является фонд Александра Григорьевича Строгонова. История этого собрания мало известна. В некоторых биографиях А.Г. Строгонова пишут, что свою библиотеку он пожертвовал Томскому университету («громкая его библиотека согласно завещанию досталась Томскому университету»²).

Это не соответствует действительности. Библиотека, пожертвованная Томскому университету в 1877 году, была майоратной (родовой) библиотекой фамилии Строгоновых и хранилась в Петербурге в ожидании раздела между наследниками Григория Александровича Строгонова.

Осенью 1875 года будущий строитель Томского университета проф. В.М. Флоринский случайно встретился в Одессе с проживавшим там А.Г. Строгоновым и упросил его передать родовую библиотеку в дар будущему университету Сибири. В беседе с Александром Григорьевичем Строгоновым проф. Флоринский напомнил, «что знаменитый род Строгоновых триста лет назад принимал участие в снабжении дружины Ермака материальными средствами и оружием при разгроме Сибирского царства Кучума, поэтому было бы логично, если бы потомки Строгоновых помогли России покорить Сибирь духовно через книгу». Графу это польстило, и он дал согласие на передачу родовой библиотеки.

Это книжное собрание еще за три года до официального учреждения Томского университета было перевезено в Томск и положило начало книжному фонду библиотеки университета³.

Личная библиотека Строгонова хранится в научной библиотеке Одесского университета. Умер А.Г. Строгонов в 1891 году. В завещании его среди прочих пунктов имелся и параграф, предусматривающий передачу его личной библиотеки Новороссийскому университету. Библиотека была передана наследниками Строгонова и принята по описи представителями университета в 1894 году⁴, а перевезена и стала на полки библиотеки в 1896 году⁵.

Владелец библиотеки граф Александр Григорьевич Строгонов был человеком незаурядным, сложным; как следствие своеобразия его натуры – отзывы людей, знавших его, очень разные. Понять, как собиралась библиотека, можно только познакомившись с его биографией. Каждый период жизни и деятельности А.Г. Строгонова, как в зеркале, отражался в его библиотеке. Строгонов происходил из рода «именитых людей Строгоновых», игравших большую роль в истории Московского государства. Достаточно напомнить, что с именем Строгоновых связано освоение Приуралья, экспедиция Ермака для завоевания Сибири, организация солеварного промысла на Каме. При Елизавете Петровне и Екатерине II Строгоновы получили баронские и графские титулы, из их фамилии выдвинулся ряд видных деятелей, они вошли в ряды придворной аристократии и высшего чиновничества⁶.

А.Г. Строгонов родился 31 декабря 1795 года. Отец его, Г.А. Строгонов, учился в Швейцарии и Париже, а по возвращении в Россию в 1789-м работал в Берг-коллегии; \\ был послом в Мадриде (1806-1810), Стокгольме (1812-1816), Турции (1816-1821). Будучи послом в Турции, прославился как защитник ее славянских подданных. Его деятельность по поддержке греческого национально-освободительного движения противоречила

взглядам Александра I, и он ушел в отставку, уехал путешествовать и вернулся в Россию только в 1827 году. Был назначен членом Государственного совета, в котором и прослужил до смерти (1857).

Большое влияние на формирование мировоззрения молодого Александра Строгонова оказал его дядя Павел Александрович Строгонов, человек очень либеральных для своего положения взглядов. Он был членом Якобинского клуба, убежденным сторонником реформ, возглавлял так называемый «негласный комитет», состоявший из молодых друзей Александра I и разрабатывавший проекты реформ⁷.

Воздействие отца и дяди, очевидно, и объясняет ряд действий А.Г. Строгонова, находившихся в противоречии с его репутацией реакционера и убежденного монархиста.

О его детстве и воспитании мы никаких данных в доступной нам литературе не обнаружили, впервые его имя появляется в списке лиц, кончивших «Корпус инженеров путей сообщения», куда он поступил в 1810 году, окончил его 11 июня 1812-го в чине прапорщика в 16 лет и согласно желанию переведен в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду⁸. Служа в ней, он участвовал в сражениях под Дрезденом, Кульмом, Гейдельбергом, Лейпцигом в 1813 году. В 1815-м участвовал в занятии Парижа. С 1831 по 1834 в чине полковника служил в Польше, куда был назначен директором департамента внутренних дел и полиции, исповедания и народного образования Царства Польского, как именовалась часть Польши, входившая в состав Российской империи.

К этому периоду, очевидно, относится начало собирания им библиотеки. Строгонов приобретает ряд книг по истории, праву, народному просвещению Польши, в том числе такие редкие, как «История Августа короля Польского» (1739), «История Польской революции 1794 года» (Париж, 1797).

В 1834 году в чине генерал-майора был назначен товарищем министра внутренних дел (товарищ министра – должность, соответствующая современной должности зам. министра) и одновременно получил почетное звание генерал-адъютанта. С 1836 по 1839 А.Г. Строгонов – генерал-губернатор Черниговской, Харьковской и Подольской губерний. С 1839 по 1841 – снова в Министерстве внутренних дел. В 1841 уволен в отставку и уезжает во Францию; с 1854 опять на службе, назначен военным губернатором Петербурга; с 1855 по 1863 – генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии. В 1863 году уволен в отставку. Поселившись в Одессе, он принимает активное участие в общественном управлении городом как член городской думы. Одесское городское самоуправление

в знак его больших заслуг перед нашим городом преподнесло ему звание первого вечного гражданина Одессы. С 1856 по 1877 год А.Г. Строгонов – президент Одесского общества истории и древностей⁹.

Как уже говорилось, современники в своих отзывах об А.Г. Строгонове резко расходились во мнениях. Вот некоторые характеристики этого безусловно неординарного человека. С.М. Соловьев (впоследствии историк), служивший воспитателем детей Строгонова, писал: «А.Г. Строгонов, бывший министр внутренних дел; принужденный оставить должность по неудовольствию императора, служил страшным примером, какие люди в России в царствование Николая I могли достигать высших ступеней служебной лестницы... Александр Григорьевич был честен, не способен брать взятки; имея ум чрезвычайно поверхностный, мечтал, что обладает способностями государственного человека и не знал границ своей умственной дерзости: с важностью выкладывал какую-нибудь нелепую мысль и старался ею озадачить... При этом ни малейшего благородства, деликатности»¹⁰.

А вот другая характеристика, автором ее является К.А. Скальковский, долголетний начальник Горного департамента, хорошо знавший мир «высшей бюрократии», умный, проницательный человек и бойкий фельетонист: «Граф Строгонов был оригинальный тип подлинного ученого самодура-аристократа. Обладая обширными познаниями, особенно по математике, он представлял сочетание редких противоречий: с одной стороны просвещенного администратора, с другой – грубияна»¹¹.

Александр Дерибас, бытописатель Одессы, много лет встречавшийся со Строгоновым в клубе и в Обществе истории и древностей в Одессе, пишет: «Вот граф Строгонов, первый вечный гражданин Одессы... Личность еще мало оценена. О нем рассказывают больше анекдотов, нежели правды. Это был человек прямой и несомненно светлого направления»¹².

Для характеристики Строгонова стоит процитировать его крайне либеральное выступление в Одесской городской думе о значении общественного самоуправления: «Административная деятельность начальства не может без постоянного участия всего общества и предоставления ему первой инициативы в деле общественного самоуправления изыскивать наименее обременительные для народонаселения способы улучшения городского хозяйства»¹³.

Вместе с тем противоречивость и «самодурство» Строгонова часто сказывались в его действиях, и можно привести два его поступка, которые одесситы помнят, несмотря на почти столетнюю давность событий.

Памятник Пушкину был открыт в Одессе в 1888 году и сооружен на деньги, собранные гражданами города. Сборщики средств обратились к Строгонову, но он выгнал их, заявив, что считает недопустимым устройство памятника А.С. Пушкину, так как тот был автором стихотворения «Кинжал», а кинжалщикам, восхваляющим убийства, он памятников не ставит¹⁴.

Вторым его «оригинальным» поступком было потопление личного архива. Служивший в РОПИТе (Русское общество пароходства и торговли) камер-юнкер Бларамберг рассказал одесскому цензору Егорову (Конспарову): «Граф Строгонов, оказывавший ему особенное доверие, незадолго перед смертью своей призвал его к себе и сдал ему семь наглухо заделанных, из дубового дерева ящиков, в которых находились разные фамильные и служебные документы и бумаги, имеющие, несомненно, большой интерес, взял с него слово, что он велит выбросить эти ящики в самом глубоком месте Черного моря, что он и исполнил не без сожаления»¹⁵. Причина такого решения за отсутствием данных в литературе авторам не известна.

Но наряду с вышесказанным есть факты, показывающие Строгонова в ином свете. В Одесском областном архиве хранятся аккуратно переплетенные годовые комплекты «Колокола» с экслибрисом Строгонова. В интересной статье профессора С.Я. Борового «“Колокол“ и общественно-политическая жизнь Одессы в годы первой революционной ситуации» приведены факты странного равнодушия и явного нежелания помешать проникновению «Колокола» через Одесский порт в Россию, а ведь на страницах «Колокола» генерал-губернатору Новороссии доставалось несколько раз¹⁶. «Этот странный человек, которому как-то не повезло в нашей исторической литературе, завещал Одесскому университету, в создании которого есть и его лепта, первоклассную библиотеку»¹⁷.

Вот некоторые данные для характеристики фонда в целом. Количество: 18891 ед. книг и журналов. Языковой состав: книги и журналы на французском, русском, польском, немецком, латинском, английском языках. Основная масса книг на французском и русском языках, их почти поровну. Затем идут книги на польском, немецком, латинском языках (перечислены в порядке количества названий). Поражает исключительно малое число книг на английском языке. Тут, очевидно, сказались причуды Строгонова, который терпеть не мог англичан, хотя язык знал, так как по воспоминаниям современников еженедельно приходил в Английский клуб и просматривал свежие газеты и журналы, прибывшие из Англии.

Хронологические рамки: по времени издания XVII – вторая половина XIX века. Книг, изданных в XVII веке, всего 18; мало книг первой

половины XVIII века. Большая часть литературы – в изданиях, начиная с 60-х годов XVIII по 80-е годы XIX века. Как уже отмечалось выше, каждый период деятельности Строгонова отражался на содержании его библиотеки. Например, его пребывание в Польше отразилось в виде собрания разных законодательных актов на польском языке: «Статут Великого княжества Литовского» (1811), «Конституционный устав королевства Польского» (Варшава, 1815).

Среди книг по истории Польши на французском языке уже ранее упомянутые «История Августа II...», «История Польской революции 1794 г.», сочинения Адама Мицкевича в 4-х томах, переведенные на французский язык и изданные в Париже в 1828-32 гг. Мицкевич интересуется Строгонова, кроме французского перевода, имеется собрание поэзии в 2-х томах на польском языке в Петербургском издании 1829 г. Интересной частью собрания является коллекция польских журналов, в том числе и такие редкие, как «Газета Варшавская», «Курьер Польский», «Патриот», «Курьер Варшавский» за 1830 и 1831 гг.

Военному делу и военной технике посвящено много книг. Укажем на книги Дениса Давыдова «Опыт партизанских действий» и очень редкие «Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурой не пропущенные» (Лондон, 1863), а также Жомини «Правило как сберечь войско на походе дабы привести оное к неприятелю...». Очень редкий альбом Пьера Вернета из 14 тетрадей с 4-мя литографиями в каждой «Военная галерея или полная коллекция мундиров Русской гвардии», «Собрание командных выражений на русском и польском языках». Много литературы по военной тактике, топографии, военно-санитарному делу, артиллерии, фортификации. Среди изданий по военной технике нужно отметить книги об устройстве и использовании боевых ракет – предшественников нынешней ракетной техники. Константинов «Боевые ракеты в России с конца 1861 по начало 1863» (СПб, 1863), «Сведения об употреблении боевых ракет при взятии Ак-Мечети и отчет о занятиях Санкт-Петербургского ракетного заведения» (СПб, 1854), «Сведения об австрийских боевых ракетах в 1852 г.» (СПб, 1854).

Двадцать процентов книг библиотеки Строгонова посвящены различным вопросам права. Это собрания законов, указов, инструкций, кодексов на русском и французском языках, «Полное собрание законов Российской империи» (1-е и 2-е), издание законов Арменопуло и Дениза, действовавших тогда в Бессарабии. Будучи во Франции, Строгонов знакомится с опытом и деятельностью французских местных органов власти. В его коллекции огромная подборка материалов «Собрание циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел Франции» (6 томов), «Законы

и распоряжения французского правительства» (249 книг). Посещение Строгоновым других стран Европы привело к появлению в его собрании «Комментариев к английским законам» Блэкстена (6 томов), «Собрания законов и распоряжений правительства Нидерландов» (82 книги). Интересен конволют, в котором собраны законы Греции за 1834-35 гг.

Международное право представлено небольшим количеством названий, среди них восемь книг, посвященных Суэцкому каналу, на одной из них автограф строителя канала Лесепса. По государственному праву достаточно много изданий, выделяется литература о свободе совести в России.

Можно отметить и запрещенную в России, вышедшую в Лондоне в издательстве журнала «Вперед» книгу «Государственный элемент в будущем обществе» (1876). Обширны разделы уголовного права, процесса, тюрьмоведения. Среди них такие нашумевшие в свое время книги, как «Сибирь и каторга» С. Максимова, «Русская община в тюрьме и ссылке» М. Ядринцева, «О способах уменьшения числа преступников» Видока.

Строгонова интересовали вопросы деятельности полиции. В числе разной литературы по этой теме есть такие редкие издания (не только для отечественных, но и для французских книгохранилищ) как: Фромен «Разоблачение полиции» (3 тома), Пауше «Мемуары, извлеченные из архивов полиции» (6 томов). Среди трудов по гражданскому праву привлекает внимание сочинение Александра Дюма-сына «О разводе». Современный читатель, наверное, не знает, что известный драматург, автор «Дамы с камелиями», был и автором четырехсотстраничного исследования о разводе по французским законам. Строгоновский экземпляр 1880 г. – уже третье издание книги.

Будучи в отставке, Строгонов ожидал, что в 70-е годы его снова призовут на высокий пост в государственном аппарате и его мнение как члена Государственного совета будет играть большую роль, как и в 40-е годы XIX в. В этот период его жизни библиотека пополняется большим собранием книг по общественным наукам. Политэкономия представлена рядом фундаментальных работ, как, например, четырехтомное издание на французском языке «Разыскания о природе и причинах богатства» Адама Смита. Ряд книг посвящен вопросам об общественных классах и прослойках. Литература о крепостном праве представлена книгами на русском языке и несколькими изданиями на немецком и французском. Тут нужно отметить очень редкую, запрещенную в России книгу «Материалы для истории крепостного права в России, извлеченные из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836-1856 годы». Строгонов

очень внимательно следил за проблемами, связанными с растущей ролью рабочего класса. Он считал, что концентрация большого количества рабочих угрожает безопасности государства. В его библиотеке есть ряд книг по этому вопросу. Укажем на некоторые из них: «Влияние рабочего класса на прогресс индустрии» Лавассера (Париж, 1874), «История рабочего класса Франции с 1789 года до наших дней» (Париж, 1862).

В коллекции есть несколько книг по вопросам рабства и колониальному вопросу, в их числе очень нашумевшая и напугавшая своим либерализмом и антиколониализмом «Философия и политическая история учреждений и коммерции европейцев в обеих Индиях» Вильгельма Томаса Рейнала (10 томов).

Большой раздел библиотеки занимают книги по народному образованию в России. Тут представлены многочисленные отчеты, акты, проекты, речи. Хорошая подборка работ Н.И. Пирогова по педагогике в первых прижизненных изданиях.

Второе место по количеству названий после работ по праву и социально-экономическим проблемам занимает литература по истории. Проблемам теории и методологии исторической науки, а также всеобщей и античной истории посвящено немного книг, но, как правило, это капитальные и известные в то время работы на французском языке. Например: «Сочинения» Сегюра (в 32 томах), «Изыскания из истории человечества» Лаурента (15 томов).

История Европы насчитывает 56 названий. Хорошо укомплектован в библиотеке Строгонова раздел по истории России. Здесь мы встречаем всех крупнейших русских историков XIX в.: Карамзина, Соловьева, Устрялова, Бантыша-Каменского. Редкие французские издания, в т. ч. «История казаков» Лезюра, написанная по указанию Наполеона. История России второй половины XIX в. представлена литературой о Крымской войне и освобождении крестьян. Многие из этих работ были изданы за границей и запрещены царской цензурой. В их числе «Собрание документов, относящихся к России по большей части секретных и неизданных».

Собиратель библиотеки очень интересовался историей Франции, и книг по этой теме много; тут капитальные многотомные работы по истории Франции и целый ряд изданных в то время произведений, посвященных революции 1789 года, как например: «Рапорт национальному конвенту от комитета общественного спасения» Робеспьера.

Революция 1848 года и Парижская Коммуна 1871 года привлекали пристальное внимание Строгонова. Он сохранил для нас интересный

исторический документ – полный комплект органа Парижской Коммуны «Официальный журнал французской республики» за все три месяца существования Коммуны.

История Англии представлена рядом капитальных работ на французском языке, таких, как «Собрание мемуаров, относящихся к английской революции» (в 25 томах).

Книг по истории Португалии, Испании, Италии мало, но среди них такие классические произведения, как «История итальянских республик в средние века» Симонди де Симонди (в 16 томах), «История Венеции» Дарью (в 7 томах), «История восстания, войны и революции в Испании» Торено (5 томов).

Целый раздел библиотеки состоит из биографий, мемуаров, некрологов на русском и французском языках, всего 76 названий. Сюда входит «Универсальная биография древняя и новая», изданная в Париже в 50-е годы XIX в. в 85-ти томах.

Почти третья часть Строгоновского фонда посвящена прикладным знаниям и ведущее место занимают тут книги по медицине. В состав МВД входил департамент народного здоровья, и Строгонов считал, что он обязан знать, чем управляет. Значительное число книг относится к административным вопросам здравоохранения: надзор за аптеками, административные меры при эпидемиях, организация больниц, психиатрические стационары. Много работ и по разным разделам лечебной медицины: терапии, хирургии, курортологии. Отдельный раздел содержит материалы по вопросам здравоохранения в г. Одессе. Насколько серьезно Строгонов относился к изучению медицины, видно из его биографии. В 1842 году, в возрасте 47 лет, он поступил на медицинский факультет Сорбонны и в течение трех лет слушал там лекции.

Химия представлена рядом работ по химической технологии. Это практические руководства для фабрикантов и инженеров. Есть и чисто теоретические работы, среди них несколько книг Берцелиуса в прижизненных изданиях 1819-1837 гг. Несколько химических словарей, и среди них редчайший «Латино-российский, французско-российский и немецко-российский по старинному и новейшему словозначению» Василия Севергина, ценнейший справочник для тех, кто сегодня занимается историей химической терминологии.

Среди работ по биологии есть и французский перевод книги Ч. Дарвина «Изменение домашних животных и растений» (Париж, 1868). Это убедительное доказательство того, как внимательно собиратель следил за всем новым в науке.

Насколько серьезно собиралась библиотека, видно также из раздела энциклопедий. Очевидно, Строгонов широко ими пользовался. Тут представлены как универсальная, так и специальные энциклопедии: первая русская энциклопедия Плюшара (17 томов), французская «Энциклопедия для светских людей» (22 тома), «Словарь медицинских наук» (60 томов), «Хронологический словарь открытий, изобретений, улучшений, новых наблюдений» (7 томов), сохранивший свою ценность для занимающихся историей науки.

Литературоведение, очевидно, не входило в круг интересов Строгонова, книг по этой тематике мало.

Раздел художественной литературы характерен для дворянской библиотеки. Видно, что для собирателя, как и для многих представителей его класса и его эпохи, французский язык был основным языком культурного общения и, вероятно, первым языком, на котором его учили читать. Главное место по количеству названий принадлежит французской литературе, литература других зарубежных народов, включая и античную, имеется в небольшом количестве и почти исключительно во французских переводах.

Литература Франции представлена собраниями сочинений и отдельными изданиями популярных в то время писателей, поэтов, драматургов: Бомарше, Руссо, Вольтер, Мармонтель, Гюго, Беранже, Сент-Бев... Русская литература по количеству названий идет вслед за французской. Большинство известных при жизни Строгонова поэтов, прозаиков, драматургов попали в его библиотеку. Тут представители поэзии XIX в.: Вяземский, Дельвиг, Жуковский, Крылов, Лермонтов, А.К. Толстой, прижизненные издания А.С. Пушкина («Братья-разбойники», «Кавказский пленник», «Цыгане»), «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», «Пантеон русской поэзии» (6 томов). Драматургия несколько бледнее, но есть прижизненное издание «Ревизора» Гоголя (1841) и «Российский театр или полное собрание российских театральных сочинений» в 43 томах.

Проза представлена классиками русской литературы в прижизненных изданиях. «Война и мир» Л.Н. Толстого (1868-1869) в двух экземплярах; И.С. Тургенев только в зарубежных изданиях на русском языке: «Вешние воды» (Лейпциг, 1873), «Дым» (Лейпциг, 1876), Сочинения в 4-х томах (Карлсруэ, 1865); «Братья Карамазовы» (СПб, 1881) и «Подросток» (1876) Ф.М. Достоевского; «Мелочи архиерейской жизни» (СПб, 1879) и другие вещи Лескова, книги Аксакова, А.К. Толстого, зарубежные издания Герцена, Чернышевского.

Ряд прозаических произведений принадлежит писателям, широко читаемым во времена Строгонова, но ныне почти забытым. Таковы романы и повести Салиаса, Мещерского, Крестовского, Вельтмана, Даля, а также широко читаемого в 1880-х годах автора исторических романов Всеволода Соловьева. Привлекает внимание и уже совсем забытая в наши дни, но пользовавшаяся известностью в 70-е годы книга «Тайны современного Петербурга. Записки магистра Степана Боба» (СПб, 1876), в 4-х частях, с интригующими названиями частей: Нигилисты; Деньги; В царстве Венеры; Развязка. Очевидно, владелец библиотеки внимательно ее читал, так как на полях виднеются карандашные пометки и между страниц сохранились листочки с выписками из книги почерком Строгонова.

Библиография в Строгоновской библиотеке представлена рядом печатных каталогов и указателей, и среди них два особенно интересны для истории русской цензуры и революционной книги. Это «Общий алфавитный указатель французских книг, запрещенных иностранной цензурой совершенно или для публики с 1815 до 1853 включительно» и «Каталог русским книгам, изданным за границей». Строгонов внимательно следил за развитием революционного движения в России и за рубежом. Высокие административные посты, им занимаемые, и практически неограниченные материальные возможности позволили ему собрать в своей библиотеке богатейшую коллекцию русской зарубежной бесцензурной прессы. Особенно полным было собрание изданий Герценовской Вольной русской типографии. Большая часть изданий Вольной русской типографии Герцена в 30-е годы XX века была включена в экспозицию музея книги Центральной научной библиотеки высшей школы Одессы, а после её ликвидации коллекция попала в музей книги Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького. В настоящее время в составе Строгоновского фонда числится 55 экземпляров, изданных за границей и в России запрещенных царской цензурой книг¹⁸. Подшивки «Колокола» попали в Одесский областной архив¹⁹.

Судьба библиотеки. После поступления Строгоновского фонда в библиотеку Одесского (тогда Новороссийского) университета ею до 20-х годов не пользовались. В 1925 году появляется первая публикация по материалам рукописной части Строгоновского фонда. Автор статьи проф. О.Л. Вайнштейн приводит описание 24 рукописей, являющихся ценным источником по истории Украины и Молдавии периода с конца XVIII по 60-е годы XIX века²⁰. В настоящее время эти рукописи находятся в Одесской государственной научной библиотеке им. Горького, куда они

попали вместе с музеем книги. Вторая публикация по материалам фонда была сделана в 1928 году²¹.

В 1940 из Строгоновского фонда были изъяты для кабинета исторической географии 346 карт, атласов, планов, большая часть их погибла во время Великой Отечественной войны. Помещение, где они находились, сгорело в результате артиллерийского обстрела, спасти удалось только 68 наименований, которые в настоящее время входят в состав фонда. Среди них есть очень редкие, как, например, «Чертеж и описание проливам Константинопольскому и Дарданельскому...» (гравирован в 1807).

В период оккупации Одессы 1941-44 годов, благодаря патриотизму и находчивости группы сотрудников научной библиотеки (В.Е. Демьяненко, Е.М. Черницкий, Т.З. Ходжаш), Строгоновский фонд был спрятан в подвалах библиотечного здания и оккупанты не узнали о его существовании.

В 1948 году была проведена вторая после 1894 года инвентаризация фонда. В 1962-1963 группой сотрудников под руководством А.К. Папаспираки впервые за всю историю фонда был создан систематический каталог и, таким образом, это собрание стало по-настоящему доступно для работы.

В заключение необходимо сказать, что ряд книг в фонде А.Г. Строгонова – подношения авторов, и поэтому снабжены автографами. Среди них упомянутый в тексте Лесепс, автографы писателей – А.К. Толстого, Богдановича, Вяземского, Антонины Блудовой; ученых – Н.И. Пирогова, академика Кокшарова, доктора Вериги, профессора Гамалеи, Устрялова, историка Мурзакевича, художника и писателя Каразина и др. Несколько автографов принадлежит известным в XIX веке французским врачам, а врач Лакоши посвятил свою книгу по гидротомии Строгонову. Ряд автографов принадлежит административным деятелям 40-70 годов XIX века, например, Безобразову – предводителю дворянства Петербургского уезда.

Коллекция Строгонова не лежит мертвым грузом. Книгами Строгоновского фонда пользовались при изучении истории возникновения промышленности Донбасса, истории здравоохранения и курортологии Одессы. Особую ценность библиотека представляет для изучающих историю техники, историю народного хозяйства, историю России и Франции XIX в., историю административного устройства России и Франции 2-й трети XIX в., историю революционного движения XIX в., историю медицины, образования, военного дела. Библиотека старого вельможи служит народу.

1. Подробно о Воронцовском фонде см.: Альманах библиофила. – М., 1981. – Вып. 10. – С. 98-109.
2. Русский биографический словарь: Смеловский-Суворина. – СПб, 1909. – С. 485.
3. Вузовские библиотеки Западно-Сибирской зоны: Опыт работы (Иркутск). – 1980. – Вып. 8. – С.20-21.
4. Ежедневная хроника: Строгоновская библиотека // Новорос. телеграф. – 1894. – 3 мая, № 6107.
5. Шестериков П.С. Постановка библиотечного дела в университетских и некоторых других библиотеках России. – Одесса, 1915. – С. 160.
6. Комалов Н. М. Дом и фамилия графов Строгановых // Рус. старина. – 1887. – Т. 54, № 3. – С. 67.
7. Николай Михайлович, великий князь (Романов). Граф Павел Александрович Строгонов (1774-1817): Ист. исследование эпохи Александра I. – СПб: «Экспедиция заготовления гос. бумаг», 1903. – Т.1-3.
8. Список лицам, окончившим курс наук в Институте путей сообщения с 1811 по 1882. – СПб: М-во путей сообщения, 1883/1884.
9. Записки Одес. о-ва истории и древностей. – Одесса, 1893. – Т. 16. – С. 5-6 (смесь).
10. Записки С.М. Соловьёва. – СПб: Прометей, Б.г. – С. 66, 67.
11. Скальковский К.А. Из моря житейского. – СПб: Совр. вестник, 1906. – С. 76.
12. Дерибас А.М. Старая Одесса.- Одесса, 1913. – С. 252, 274.
13. Шимановский М.В. Граф А.Г. Строгонов и граф М.Д. Толстой о А.С. Пушкине // Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894. – С. 148-151.
14. Егоров (Конспаров) А. Страницы из прожитого. – Одесса, 1913. – [Т.] 2. 1881-1906 гг. – С. 140.
15. Там же.
16. Революционная ситуация в России в 1859-1961 гг. – М.: Наука, 1974. – С. 194- 206.
17. Записки имп. Новороссийского университета. – Одесса, 1890. – Т. 54. – С. 45-69.
18. Подробное их описание см.: Нелегальная и запрещённая литература XIX века в фондах Научной библиотеки ОГУ: Аннот. указ. / Сост.: О.Ю. Ноткина, Т.Я. Логвинова. – Одесса, 1976-1978. – Ч. 1. – 1976; ч. 2. – 1978.
19. Вайнштейн О. Рукописна збірка в фондї Строгонова // Бібліолог. вісті. – 1925. – № 1-2. – С. 123-125.
20. Там же.
21. Вайнштейн О.Л. Граф Строгонов у Франції. 1842-1845 рр. // Заходознавство. – 1928. – Т.2. – С. 147-162.

Е.А. Каракина**«БЕЛЫЙ СПАСИТЕЛЬ»**

Утверждение, «как Бог посылает яд, так он посылает и противоядие» можно иллюстрировать наглядно. В Одессе есть Чумная гора. В Одессе же родился Владимир Хавкин.

Чумку знают все. Скрупулезно изданный справочник Я. Майстрового дает ее описание с подробной ссылкой на документы: «Чумка или Чумная гора. Начало ей положила чума 1812 г., когда для погребения умерших от заразы в Одессе было избрано вдали за городом отдельное место, названное чумным кладбищем.

Туда ежедневно поступали несчастные жертвы. Жертв чумы 1929 г. хоронили на том же кладбище. В продолжение нескольких десятков лет на это место свозили землю, мусор, отчего здесь образовалась гора. Чумных кладбищ около Одессы два. Христианское и еврейское и оные состоят за тираспольскою заставою позади городского кладбища окопанные небольшим рвом»¹.

Братскую могилу погибших от чумы нынче красиво аранжировали ракушечником и цветочками. Чумку венчает домик. Там кто-то живет. Желание поселиться на огромной братской могиле кажется, мягко говоря, странным. Похоже, проклятый квартирный вопрос испортил публику сильнее, чем можно предположить. Даже не испортил, а изуродовал, напрочь исковеркав сознание и лишив одесситов памяти не только исторической, но и биологической. А ведь некоторые бактериофобы (их легко поймут сегодняшние американцы, шарахающиеся от муки, пудры, толченого мела и сахара) до сих пор стараются миновать Чумку поскорей. Страшно, знаете ли. Все-таки чума. Болезнь, скосившая миллионы. Давшая названия самым жутким явлениям в человеческом сообществе: «коричневая чума», «спид – чума XX века»... Больше чем болезнь – образ ужаса, символ бича Божьего, неоднократно воплощенный в шедеврах мировой литературы – от Боккаччио до Пушкина, от Мандзони до Эдгара По. Черная смерть, похозяйничавшая здесь, в Одессе, так же неумолимо и безжалостно, как и в других краях.

Не то, чтобы пионеры-градостроители не были готовы к ее приходу. Среди самых первых строений Одессы был предусмотрен карантин. Моровые

болезни – чума и холера – были столь частыми гостями в портах Средиземноморья, что не подготовиться к их приходу могли лишь самые беспечные, безграмотные и непредусмотрительные. Но ни инженеров, ни архитекторов, ни администраторов молодой Одессы просто невозможно причислить к таковым. И тем не менее, даже их, береженных, Бог не уберег.

В начале августа 1812, как пишет историк А. Скальковский, «замечена была необыкновенная смертность в разных классах народа, происходящая, как казалось, от жестоких гнилых или нервических горячек, весьма частых в жаркое время в степи Новороссийской»². «Горячка» – так определяли в XIX веке самые разные заболевания, сопровождавшиеся повышением температуры и ломотой в костях.

Врачи долго не решались ставить иной диагноз – в том числе, и по экономическим причинам. При диагнозе «чума», «поветрие», «моровая язва» следовало закрывать порт, прекращать торговлю, что было губительно для молодого города. Но и из чисто человеческих соображений избегали этих слов. Уж очень страшно было произносить коротенькое сочетание четырех букв, отдающее стуком крышки гроба.

Чума уносила иногда до половины населения европейских городов, оставляя за собой на месте некогда процветавших поселений кладбища. Чума – конец всему. И все же, под тяжестью неумолимых фактов «достойный врач, главный доктор карантина, коллежский ассессор Ризенко решился произнести слово “чума”»³.

Эпидемия длилась два года, то почти затухая, то вспыхивая вновь. В первые пять месяцев Одесса потеряла 9-ю часть населения, не говоря уже о прочих потерях. Жертвами чумы стали и медики, для которых профессиональный долг был сильнее страха смерти – Ризенко, Кирхнер, Пилькевич и городской врач Капелло. Пусть не изгладятся из памяти имена этих мужественных врачей, пытавшихся лечить неизлечимое.

Герцог Ришелье, властитель города и края, принял поистине героические меры для спасения жителей Одессы. Использовались все известные на тот момент средства и способы, в первую очередь – карантин. Затем – предотвращение всевозможных контактов между горожанами, сожжение домов, жители которых умерли от чумы и т.д. По словам Скальковского, «где только свирепствовала зараза и делалась опасною, где только жители упали духом от тяжких потерь или бедности, – там Ришелье, как ангел-хранитель, спешил с пособием, утешением или словами надежды, – и всюду присутствие его восстанавливало тишину и порядок»⁴.

Так было в начале XIX века в Одессе. А в конце этого же века другой человек пойдет в чумные кварталы городов и селений далекой Индии,

вооруженный новейшим противочумным оружием – вакциной. Вакциной, которую он создал и испытал на самом себе. Это будет одессит Владимир Ааронович Хавкин (1860-1930). Имя которого сопровождается титулами – «белый спаситель», «спаситель человечества». Как это часто случается с одесситами, титулы доктора Хавкина гораздо лучше известны в Бомбее и Калькутте, нежели в Одессе. Можно было бы этому удивиться, но не стоит, привыкли. Имя Хавкина на родине не слишком афишировалось. Почему? Ответ легко можно найти в письмах А.П. Чехова к А.С. Суворину: «Чума не очень страшна... мы имеем уже прививки,

оказавшиеся действительными, которыми мы, кстати сказать, обязаны русскому доктору Хавкину, жиду. В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом. Биография этого еврея, столь ненавистного индусам, которые его едва не убили, в самом деле замечательна...» (1899); «...к несчастью, Хавкин в России не популярен: “Христиане должны беречься его, так как он жид”» (1897)⁵. Напрасно доктор Чехов выплескивал яд сарказма на антисемита Суворина. Не помогло. И в Советском Союзе «берегли население» от чрезмерных восторгов в адрес создателя противочумной и противохолерной вакцины, именем которого назван бактериологический институт в Бомбее. «Так как он жид».

И среди имен великих медиков, связанных с Одессой и ставших именами улиц, высших учебных заведений, – Пирогова, Павлова, Сеченова, Мечникова – вы не найдете имени доктора Хавкина. И публикаций о нем – кот наплакал.

Библиографический отдел Одесского медицинского института любезно предоставил список статей о Владимире Аароновиче Хавкине: журнал «Здоровье», 1957 г.; журнал «Природа», 1964 г.; публикация Г. Зленко в журнале «Знания та праця», 1968 г.; журнал «Наше наследие», 1991 г.; «Вестник Московского университета», 1998 г. Самая большая публикация не превышает по объему пяти страниц.

Стоит обратить внимание на датировку статей – это либо годы хрущевской оттепели (которая еще тлела в Одессе в 1968 г.), либо постперестроечные годы, времена большей свободы совести и слова. И книга о докторе Хавкине (единственная, написанная и изданная на родине этого великого человека) тоже датирована 1963 годом, излетным годом хрущевской оттепели.

Автор ее – писатель Марк Поповский, родившийся в Одессе⁶. Когда писалась книга, в Одессе жили родственники Владимира Аароновича и люди, еще помнившие его. Возможно, если бы Марк Поповский не предпринял своего журналистского расследования, сведения о докторе Хавкине были бы куда скудней.

Судя по всему, брошюру из 130 страниц с тремя иллюстрациями, озаглавленную «Судьба доктора Хавкина», выпустить в свет было не слишком легко. Когда Поповский пишет, какие массивы материалов были им подняты, включая библиографические списки из Пастеровского института в Париже, библиотеки Одесского университета, библиотеки Одесского бактериологического института им. И.И. Мечникова, Центрального государственного исторического архива УССР в Киеве, а также беседы с родственниками и знакомыми доктора Хавкина в Москве, Одессе и Барнауле, когда журналист перечисляет фотографии, присланные ему, становится понятно: книга о великом эпидемиологе должна была выйти в серии ЖЗЛ. И быть, как минимум, в полтора раза объемней. Хотя бы за счет иллюстраций и выдержек из статей. Но государственная издательская политика СССР не могла вынести такого идеологического прокола. И материалы, собранные Поповским, были изданы гораздо менее престижной, чем книги ЖЗЛ, брошюрой. Четверть которой, примерно, уделена политическим поклонам и дифирамбам политической благонадежности Владимира Аароновича.

Марк Поповский знал, что делает. Если бы он не распинался через каждые две строки, каким «без пяти минут коммунистом» был доктор Хавкин, не видать бы никому даже брошюры. Но когда сдуваешь с труда Поповского идеологическую шелуху, вырисовывается портрет подвижника и мученика науки, гуманиста, отказавшегося от всего на свете, в том числе и от частной жизни, ради спасения людей.

Как формировался характер Владимира Аароновича, в чем причина его одержимости и жертвенности, можно лишь гадать. Хавкин был чрезвычайно замкнутым человеком. Когда Поповский занялся исследованием его биографии, «которая на самом деле замечательна», прошло тридцать три года после смерти доктора. Но и немногие факты, сведенные Поповским воедино, достаточно красноречивы.

Владимир Хавкин родился в Одессе в 1860 г. Семья переехала в Бердянск, где Хавкин окончил гимназию. Получив аттестат зрелости, он поступает в Одессе в Новороссийский университет. Здесь в 1881-1882 гг. участвует в студенческих волнениях, в движении «Народная воля». Дважды исключен из университета, провел несколько месяцев в «одесском тюремном

замке». Дважды восстановлен в университете, где увлекается «биологией простейших», которую преподавал далеко не последний человек в науке Илья Ильич Мечников. По окончании университета Владимир Хавкин не принят в преподавательский состав как «неблагонадежный», находящийся под надзором полиции. Он перебивается частными уроками. Рассылает, как сказали бы сегодня, «резюме». Принят преподавателем в университет в Берне. Через год оставляет Берн ради института Пастера в Париже.

Владимир Ааронович получает в институте Пастера должность помощника библиотекаря, «за неимением вакантных мест в лаборатории». Все свободное от службы время проводит в лаборатории, урезая не часы развлечений и прогулок, а насущного – сна. В 1890 г. освобождается вакансия и Хавкин становится полноправным сотрудником лаборатории. В 1892-м он начинает поиски противохолерной вакцины. После сотен опытов вводит себе, а потом и еще трем товарищам-добровольцам противохолерную сыворотку. В этом же году правительство Великобритании дает разрешение на проведение вакцинации в Индии, где как раз свирепствует холера.

В первом же селении врачей – доктора Хавкина и его индийских коллег встречают камнями. (Сколько самоотверженных медиков было растерзано и забито в разных странах, в том числе и в нашем отечестве, теми, кому они несли избавление и жизнь! Хавкина, к тому же, еще пытались отравить мусульмане, за то, что противится воле Аллаха.) При первом столкновении с непокорными пациентами доктор Хавкин поступает просто: снимает с себя рубаху и ассистент на глазах у всех присутствующих делает ему инъекцию. Недоверие индийцев сломлено, и они соглашаются делать противохолерные прививки. Статистика сопротивляемости болезни начинает работать на доктора Хавкина.

В 1896-м Хавкин создает уже не противохолерную – противочумную вакцину. Чудо медицины. И вновь главным подопытным кроликом становится он сам. Причем он сознательно вводит себе дозу, в несколько раз превышающую норму. Врач, он не имеет права на ошибку. И не собирается экспериментировать на других. Очень тяжело переносит прививку, но потом, выздоровев, без боязни идет в чумные кварталы – и спасает, спасает, спасает. Не с Владимира ли Аароновича писал своего «Доктора Айболита» остроумец Корней Чуковский? «Добрый доктор Айболит, он на помощь к нам спешит...»

Без долгих слов, путь Хавкина – путь, исполненный бесконечной борьбы. Путь отстаивания своей правоты перед коллегами, властями, невежественным населением. Это дни, заполненные каторжной работой по 12-18 часов в сутки. Это бесконечные переезды по бездорожью Индии.

Дни когда безжалостно трепала малярия, дни, когда в темном чулане в ведре с бульоном выводились культуры бубонной и легочной чумы, дни, когда проводились доктором и его коллегами сотни вакцинаций (вспомните, разовых шприцов тогда не было), дни, когда организовывался и становился на ноги бактериологический институт в Индии, названный впоследствии именем Хавкина.

В Лондоне его ждал триумф. Термин «хавкинизация» заочевал по медицинским журналам. В лабораторию в Бомбее со всей Европы шли запросы на противочумную и противохолерную вакцину, «лимфу Хавкина», как ее еще называли. Королева Виктория сделала русского врача, еврея Владимира Аароновича Хавкина кавалером ордена Британской империи.

В 1915 г. Хавкин еще раз сослужит Британии неоценимую службу. Он проведет вакцинирование британских солдат от паратифа, свирепствовавшего в окопах Первой мировой войны.

Кстати, в конце XIX века статьи из лондонских газет, посвященные доктору Хавкину перепечатываются «Одесскими новостями». (Между прочим: в то время Корней Чуковский – корреспондент «Одесских новостей» в Лондоне.) В 1927 году Владимир Ааронович Хавкин навестит Одессу в последний раз. Три года спустя он умрет в Швейцарии, в Лозанне. В многочисленных некрологах в западной прессе его назовут «апостолом профилактических прививок». Не в соответствии с фактами – победителем чумы и холеры, а гораздо скромней и даже как-то юмористически – «апостол прививок».

На родине имя «апостола» будет сначала благополучно замалчиваться. А потом будет забыто. Что ж, и Чумку венчает дом, где живут люди. Но, вопреки всем умолчаниям, лучшим памятником гениальному эпидемиологу доктору Владимиру Аароновичу Хавкину станет мир, избавленный им от страшных болезней, и мы – живые.

-
1. Майстровой Я. Улицы Одессы: Справ. по топонимии старой части города. – Одесса, 1998. – С. 156-157.
 2. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1795-1825. – Репринт. изд. – Одесса, 1995. – С. 196.
 3. Там же. – С. 197.
 4. Там же. – С. 204-205.
 5. Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. – М., 1964. – Т. 12. – С. 304, 127.
 6. Поповский Марк Александрович (1922-2004) – писатель, публицист и правозащитник. Родился в Одессе, участник Великой Отечественной войны. В 1952 г. закончил филологический факультет МГУ. Эмигрировал в 1978 г. Автор книг «Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга» (1979), «Дело академика Вавилова» (1983) и др.

С.З. Луцкик

СОБИРАТЕЛИ «ЛЕТУЧИХ ИЗДАНИЙ»¹

В современном библиофильстве прослеживается устойчивая тенденция к расширению сферы собирательства: от собственно книг – к рукописям и автографам, документам, фотографиям и почтовым открыткам, гравюрам и рисункам, книжным знакам... И это объяснимо: мировой книжный фонд давно уже собран, изучен, систематизирован, описан с исчерпывающей полнотой. Находка неизвестной доселе книги случается раз за многие годы. Коллекционирование только книг утрачивает элементы новизны, исследования, творчества.

Заметное место в интересах библиофилов стали занимать, в частности, так называемые «летучие издания»: афиши и плакаты, листовки, программы спектаклей и концертов, пригласительные билеты, памятки литературных вечеров и заседаний книголюбов, проспекты издательств, каталоги художественных выставок. Вся подобная продукция печатается в утилитарных целях, к конкретному случаю, ограниченными тиражами. Сразу же по использовании большая часть пропадает: афиши, скажем, истлевают на столбах, а приглашения выбрасываются участниками и зрителями по уходе с заседания. Отсюда проистекает их последующая редкость.

Лишь ничтожная часть таких времянок учтена, описана, издана, введена в научный оборот. А между тем, со временем, по истечении каких-нибудь 50-100 лет, многие из летучих изданий приобретают силу документа, остаются уникальными вещественными свидетельствами и источниками информации о том или ином событии: его дате, месте проведения, участниках.

В столичных городах некоторое количество подобных материалов прошлых лет сбереглось в главных книгохранилищах, Книжной палате, архивах, музеях, изредка публикуется в научных трудах². На периферии же дела обстоят значительно печальнее. Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере Одессы, сравнительно крупного культурного центра.

Ни одна из местных библиотек, ни один из музеев не собирали в прошлом систематических коллекций подобной краеведческой печатной продукции, хотя бы по некоторым отдельным темам. Разрозненные

экземпляры попадали стихийно в хранилища (чаще других – каталоги выставок), но растворялись в многотысячных фондах и не всегда находимы. Так, в Научной библиотеке университета не удалось обнаружить ни одной афиши или программы литературных вечеров, проходивших в годы Гражданской войны в университетских аудиториях с участием молодых поэтов, получивших известность в будущем – Э. Багрицкого, В. Катаева, Ю. Олеши. Отдельные экземпляры этих программ были позднее опубликованы³, попали в коллекцию Одесского литературного музея, но полного комплекта не существует.

Из всей массы одесских летучих изданий изучались и публиковались в советские времена преимущественно большевистские листовки и плакаты времен 1905 и 1917-1920 годов. Им посвящено несколько монографических исследований, их цитировали и репродуцировали. Упоминания о прочих – единичны (в статьях о литературной или художественной жизни города, в трудах профессора С. Борового⁴ по истории книжного дела в Одессе). И лишь сравнительно недавно Научная секция книги Одесского дома ученых выпустила подробный библиографический указатель своих изданий за первые 15 лет деятельности⁵.

Традиционно сложилось, что основная роль в собирании и сохранении всякого рода некнижной печатной продукции перешла к частным лицам, энтузиастам-библиофилам, как в прошлом, так и в наши дни.

Рассматривая все разновидности летучих изданий в качестве исторических документов, необходимо понимать их слабые стороны. Во многих случаях – частичное или полное отсутствие выходных данных, обязательных для книг: нередко недостает места и года издания, тиража. Не всегда указана дата события, иногда для даты оставлено пустое место, позднее заполненное (или незаполненное) от руки. Можно догадаться: афиша или приглашение заказывались заблаговременно, когда ожидаемая дата еще не была определена. Множество раз попадались экземпляры, особенно афиши, где дата была обозначена точно, но отсутствовал год! Организаторов мероприятия это, видимо, не беспокоило – печаталась времянка к конкретному дню, а сохранять афишу для потомства никто не собирался. Но несколько лет спустя такую афишу документом уже не назовешь... В подобных случаях возможно прибегнуть для уточнения к помощи прессы, где всякие спектакли и выставки обычно находили отражение в объявлениях или рецензиях.

Еще один парадоксальный пример – афиша и программа «Вечера поэтов» 15 июня 1914 года, близкие по содержанию (*подробнее см. далее, ил. 3*). На обеих проставлены идентичные цензурные разрешения:

«Печ. разр. 12 июня 1914 г» – за три дня до вечера, с одинаковой подписью полицмейстера. Напечатаны обе в одной типографии: афиша – за № 880, программа – за № 881. А тексты – не совпадают. В обеих в начале перечислены одни и те же 17 участников: ведущий критик, 15 поэтов, певица. Но далее, в более подробном описании репертуара, в афише значатся 15 поэтов, в программе же осталось только 13. Думается, афиша могла быть отпечатана чуть раньше, а на следующий день два поэта почему-то отказались выступить.

* * *

Еще в 1906 году в отчете Городской публичной библиотеки отмечено, что И. Бродовский дарит «издания в виде различных летучих листков»⁶. Особенно плодотворной и ценной оказалась деятельность Бродовского по собиранию всевозможной политической печатной продукции разных партий и направлений в период Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны, когда власть в городе сменялась десятком раз. На многих «единицах хранения» в фондах библиотеки можно увидеть оттиск печати в три строки:

из коллекции / журналиста / И. Бродовского.

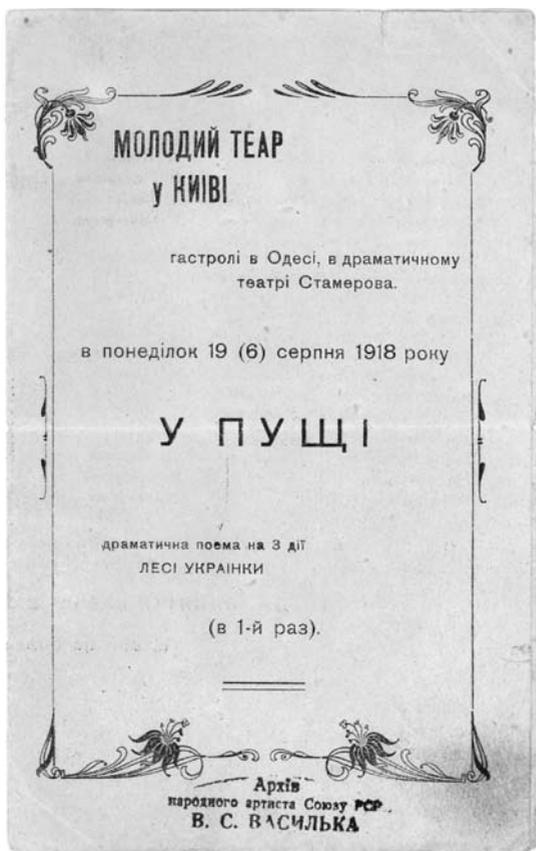
По наблюдениям Л.В. Арюпиной, заведующей отделом редких изданий и рукописей ОГНБ в 1990-х годах, оттиски печати Бродовского появились на местных листовках, брошюрах, газетах начиная с 1918 года издания. Большие массивы одесской печатной продукции с штампами Бродовского известны, кроме ОГНБ, также и в Одесском областном архиве (несколько тысяч экземпляров из бывшего Истпарта⁷), в московском Музее революции.

Впечатляющее количество афиш и программ, отражающих более чем полувековую жизнь украинских театров, в их числе и одесских, накопилось в обширном домашнем собрании режиссера В. Василько⁸. Основная часть библиотеки и архива передана по его завещанию Киевскому театральному музею, одним из основателей которого он был еще в 1920-х годах, но кое-что досталось и одесским хранилищам. Предметы его коллекции отмечены оттиском печати:

Архив / народного артиста Союза РСР / В.С. Василька (ил. 1).

Оба приведенных примера весьма показательны – плоды деятельности индивидуальных собирателей обогащают со временем государственные хранилища – библиотеки, архивы, музеи. Однако, случались и не столь благополучные ситуации.

В конце 1950-х годов в одесский букинистический магазин была продана неизвестным владельцем коллекция материалов по истории

Ил. 1. Програма спектакля. – [Київ?, Одеса?], 1918. – 4 с.; 18,4×11,5 см. – С. 1. – Постановка Л. Курбаса

кино. Запомнились большие красочные афиши и программы отдельных кинофильмов местного производства. Представители одесской кинофабрики радостно затребовали счет на покупку всей коллекции, но деньги почему-то не перевели, ни тотчас, ни в следующем году. Администрация магазина несколько лет сохраняла коллекцию в кладовке, затем «махнула рукой» и пустила редкие экспонаты в розничную распродажу. Автор этих строк, не будучи специалистом по истории кино, выбрал два либретто фильмов по сценариям И. Бабеля: «Беня Крик», *Вироб Одеської фабрики ВУФКУ 1926 року* (ил. 2) и «Мандрівні зорі» за романом Шолом-Алейхема. Любопытная подробность, непонятная читателям XXI века: распродажа совпала с денежной реформой начала 1961 года, когда курс рубля был изменен в десять раз: на покупках

проставлено по два штампика с разными ценами, до и после реформы: «6 руб.», затем «60 коп.».

Ил. 2. Либретто кинофильма. – Київ, 1926. – 8 с.: ил.; 17,6×26,7; цв. обл. – Тираж 5000. – С. 2

Собрание летучих изданий современного библиофила формируется по двум направлениям: планомерное накопление текущих материалов по мере выхода в свет (избирательно, только по нужным темам, памятуя при этом, что всего объять невозможно!) и поиск старых изданий, уже исчезнувших из обращения. Каковы пути пополнения коллекции раритетами прошлых лет? Основной источник находок – дома местных литераторов, художников, актеров, сохранявших вещественные свидетельства своего былого участия в том или ином публичном действии – поэтического вечера, художественной выставке, спектакле, презентации. Не секрет, что небольшие личные архивы провинциальных деятелей культуры не привлекали до недавнего времени внимания официальных советских учреждений и были обречены на гибель после смерти владельца. Лишь энтузиазм коллекционеров спасал их от забвения, вводил в научный оборот.

Вспомним несколько характерных примеров. В середине 1960-х годов в бумагах полузабытого одесского поэта Семена Кесельмана⁹ обнаружили неизвестные до того афиша и программа «Вечера поэтов», назначенного на 18 июня 1914 года (см. ранее). Красноречива дата: последнее мирное

лето, через полтора месяца начнется Первая мировая война, которая перерастет в Гражданскую, затем последует крах Российской империи... Дальнейшие разыскания показали, что на этом вечере впервые появились перед публикой начинающие поэты Э. Багрицкий, В. Катаев, А. Фиолетов (гимназист Катаев скрылся под псевдонимом «Валентин К.»)¹⁰. Перед нами уникальные документы о зарождении будущей южно-русской литературной школы.

Ил. 3. Программа вечера. – Одесса, 1914. – 4 с.; 23×18. – С. 1, 2, 3, 4. «Валентин К.» – гимназист В. Катаев

Множество афиш и программ собственных выступлений сохранил Кирилл Иванов¹¹. За долгую театральную жизнь он сменил несколько амплуа: драматический актер, литературный чтец, режиссер драматических и оперных постановок, поэт, художник – и все это отражено летучими

Ил. 4. Афиша. – Одесса, [1942]. – 1 с.; 98×64. – Тираж 150. – Открытие театра

Ил. 5. Афиша. – Одесса, [1942-1943]. – 1 с.; 75,5×59

изданиями. Самое редкое в его домашнем архиве – десяток афиш 1942-1944 годов, времени оккупации Одессы румынскими войсками (ил. 4). Ведь после ухода врагов все подобные издания были напрочь изъяты из общественных хранилищ «компетентными органами», а теперь ОГНБ, Литературный и Краеведческий музеи с трудом добывают отдельные экземпляры – свидетельства малоизученного периода истории города.

Старший современник Иванова, популярный оперный певец Николай Савченко¹² сберег некоторое количество афиш оперных спектаклей и концертов, начиная с 1920-х годов. Среди них – афиша Одесского городского театра оперы и балета того же трудного времени (ил. 5). Судя по другим афишам из наследия Савченко, он до войны пел в концертах вместе с корифеями московского Большого театра И. Козловским, С. Лемешевым, М. Рейзенем.

В собрании художника и библиофила П. Коновского¹³ сохранились две красочные афиши благотворительных вечеров 1907 и 1911 годов *В пользу недостаточных учеников Одесского художественного училища*, украшенных рисунками самих же учеников (ил. 6). Там же – оригинальный пригласительный билет:

Вечеринка
Концертная отделение
Литературно-вокально-Музынального Вечера

Въ пользу недостаточных учеников
Одесскаго Художественнаго Училища
Въ заль „УНИОНЪ“
Въ Среду 26-го Декабря 1907 г.

I.

1. Бурлакъ, ст. Некитина, проч. г. Неужель.
2. Цыганские романсы, исп. г. П. Чероцкая.
3. Уланька, проч. г. Акулиничъ.
4. Рилсонди—Листа, исп. г-жа Дрессово-Морозова.
5. „О, блбди, нбжная няля“, ст. Бальмонга, проч. г. Вульф.
6. Эпизодна изъ оперы „Норонъ“ муз. Рубинштейна, исп. г. Мелочъ.

II.

1. „Слушай“, ст. Михайлова, проч. г. Ирущель.
2. Соло на арфа исп. г. Сергеевъ.
3. „Птичий дворъ“ стихота, проч. г. Тумашевъ.
4. Мелодраматича, исп. г-жа Михайлова.
5. Соло на виолончели, исп. г. Невин.
6. Соло на фортепиано, исп. г. Боенмалъ-Тамаръ.

Исполнительству г. Цибольскій.

Рис. раб. Пис. Пис. Ник. Сик. Ефремовск. Сестра, Тел. „Восстанов.“ М.Драгунъ, 58.

Ил. 6. Афиша вечера. – Одесса, 1907. – 1 с.: цв. ил.; 47,5×19

Ил. 7. Приглашение на вечер. – Одесса, 1941. – 3 с.: цв. ил.; 16,6×21,5. – Тираж 350. – С. 1. – Худож. П. Пархет

В семье художников. Вечер дружеских шаржей (ил. 7) от 22 февраля 1941 года (до начала Отечественной войны оставалось четыре месяца). Адрес – «Дом им. Коцюбинского» по ул. К. Либкнехта (Греческой), № 48, ныне – Театр юного зрителя. Буклет украшен рисунком художника П. Пархета: групповой шарж с изображением семнадцати местных художников и околохудожественного начальства того времени (с помощью старожилов и автора удалось постепенно распознать всех). Автор рисунка позднее рассказал, что с началом войны ушел на фронт, но памятку о вечере со своим шаржем сумел сохранить, демонстрировал с видимым удовольствием, показал на рисунке себя самого – в центре композиции, выглядывает из-за портьеры. Вспомнил, как в течение вечера собравшиеся художники рисовали шаржи друг на друга, затем устроили выставку¹⁴.

В местных коллекциях можно увидеть не только одесские летучие издания, но и столичные, и даже зарубежные. Известный книговед А. Тюнеева¹⁵ привезла из Петрограда уникальную подборку из 105 политических плакатов и листовок, собранных ею непосредственно на городских тумбах в ноябре 1917-го, в дни выборов в печально известное Учредительное собрание, разогнанное большевиками.

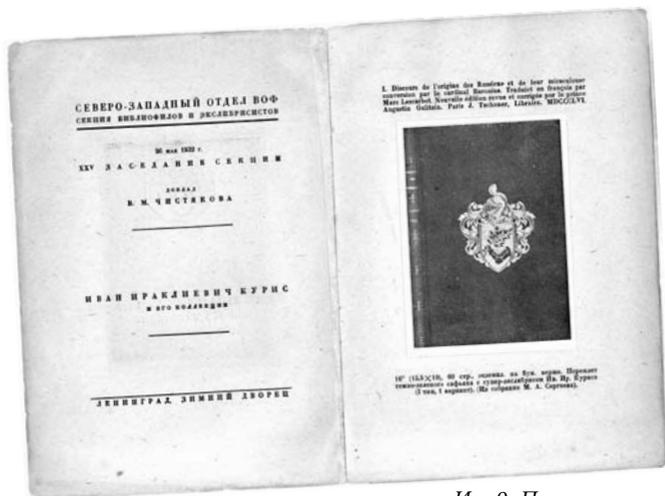
В 1926 году она передала весь комплект в ОГНБ, где тогда работала. В 1990-х его демонстрировали в отделе редких изданий и рукописей на выездном заседании секции книги Дома ученых.

У собирателя живописи В. Кривцова¹⁶ оказалась папка с материалами ленинградского кукольного «Театра Петрушки»¹⁷ 1924-1932 годов: 2 брошюры, 15 программ и приглашений (ил. 8), 7 газетных статей. Как выяснилось, эта небольшая подборка поначалу принадлежала переселившемуся в Одессу художнику А. Гаушу¹⁸, одному из учредителей театра. Кривцов же получил ее при работе над монографией о Гауше.

Несколько изящных малотиражных изданий ленинградских любительских объединений 1930-х годов достались автору публикации по наследству от отца-библиофила¹⁹. Среди них – памятка заседания 1932 года Секции библиофилов и экслибрисистов Северо-Западного отдела ВОФ [Всероссийского общества филателистов]. Слушался доклад о деятельности знаменитого одесского коллекционера XIX века И. Куриса²⁰. На восьми страницах – тезисы сообщения с описанием основных разделов собрания: живописи, античной археологии, нумизматики,

Ил. 8. Памятка к юбилею. – Л., 1929. – 4 с.: ил.; 21,4×12,7. – Тираж 1000. – С. 1

Ил. 9. Памятка заседания. – Л., 1932. – 8 с.: ил.; 20,4×14,4. – Тираж. 200. – Разворот: с. 2-3

филадельфии, гравюр, автографов и рукописей, библиотеки (свыше 20 тысяч томов). Даны четыре иллюстрации суперэкслибрисов владельца на сафьяновых переплетах старинных книг (ил. 9).

Из числа зарубежных экземпляров можно упомянуть каталог ретроспективной выставки театрального искусства (макетов, декораций и костюмов) Русских балетов Сергея Дягилева (ил. 10). Выставка состоя-

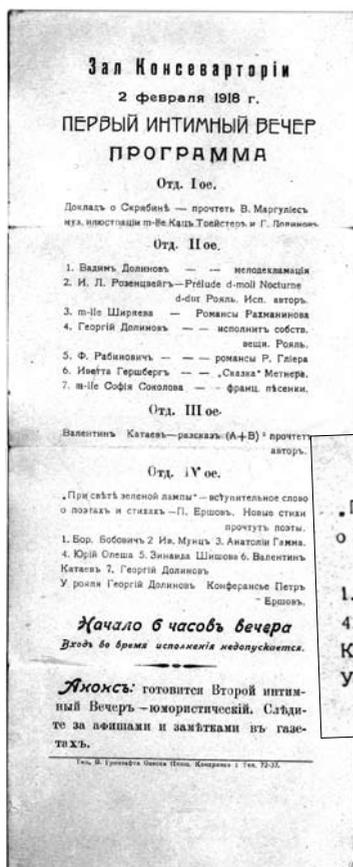
Ил. 10. Каталог выставки. – Paris, 1930. – 8 с.; 27×18,4. – С. 1

лась в Париже в 1930 году, а каталог приобретен в 1977-м в ленинградском букинистическом магазине.

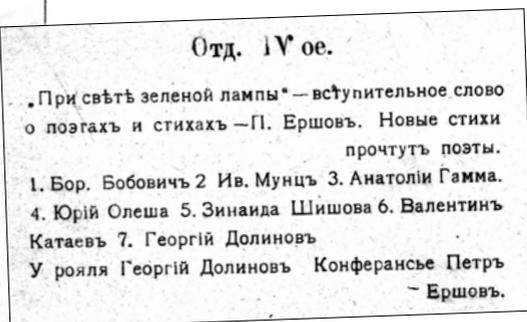
Наряду с поступлением в Одессу летучих изданий из других регионов наблюдается и обратный процесс – аналогичные одесские материалы оседают в иногородних хранилищах. Так, промелькнула информация, что в московском РГАЛИ хранится афиша одесского кафе поэтов 1920 года под названием «ПЭОН IV» с упоминанием фамилий Э. Багрицкого, И. Ильфа, Г. Шенгели²¹. В Одессе подобные афиши отсутствуют.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге известен богатый личный фонд Георгия Долинова, в прошлом – жителя Одессы.

Среди 29 дел с рукописями и перепиской два содержат: «3. Программы концертов “Зеленой лампы” за 1918-1919 гг. 9 лл. <...> 5. Афиши концертов “Зеленой лампы”. 1918-1919. 6 лл.»²². Всего – 15 бесценных документов, отражающих деятельность одесского литературного и музыкального объединения. В Одессе же, так сказать – «на родине», учтены лишь две программы: первого заседания – в частном собрании (ил. 11), третьего заседания – фотокопия в фондах Литературного музея. В. Катаев писал

в 1982 году в Одессу: «М.[ожет] б.[ыть] у Вас есть небольшая длинненькая программка с маркой “Зеленой лампы” (я сам эту марку рисовал). Тогда если можно пришлите»²³. Увы, так и не удалось помочь автору.

Ил. 11. Программа концерта и вечера поэтов. — Одесса, 1918. — 1 с.; 35,7×14,2

* * *

Продолжим тему об афишах. По многолетним наблюдениям, они относятся к числу самых редких среди других летучих изданий, сохранились с давних времен в ничтожно малом количестве, почти всегда уникальны, известны в единичных экземплярах. Многие же утрачены безвозвратно, знаем о них лишь по косвенным источникам. Например, нигде не удалось обнаружить афишу знаменитого первого «Салона Владимира Издебского» — международной художественной выставки, открывшейся в Одессе 4 декабря 1909 года. О реальном существовании такой афиши (с эмблемой «Салона» по рисунку художника М. Соломонова) можно судить только по упоминанию в прессе²⁴. Для второго «Салона» (вернисаж в Одессе

6 февраля 1911-го) афишу заблаговременно заготовил в Мюнхене художник В. Кандинский. В Одессе она не сохранилась, но известна на Западе, цветное ее изображение появилось недавно в интернете²⁵.

К такой прискорбной ситуации приводят вполне объективные обстоятельства. Афиши печатаются обычно малыми тиражами, от 50 до 200 экземпляров, зачастую на тонкой низкокачественной бумаге. Расклеиваются на уличных тумбах, щитах, заборах, по истечении короткого срока безжалостно срываются или перекрываются следующими. В крупных городах типа Одессы всевозможные спектакли, выставки, концерты, литературные вечера, презентации сменяют друг друга почти ежедневно, за год появляется несколько сот различных афиш и плакатов, уследить за всеми практически невозможно. Хранить их нелегко из-за размеров: нужны громадные папки, для которых всегда недостает места, а сложенные в несколько раз большие листы рвутся по сгибам, быстро ветшают.

Лет двадцать тому назад автору этих строк довелось побывать во Всесоюзной книжной палате в Москве в поисках некоторых художественных плакатов 1930-х годов. Там рассказали, что регулярно получают из всех типографий страны «обязательные экземпляры» каждого печатного издания, в том числе афиш и плакатов. Для их хранения отведено несколько заброшенных церквей в деревнях Подмосковья; листы за многие годы сложены штабелями высотой до семи метров, чуть не до купола, найти там что-то конкретное практически невозможно. Из современной получаемой продукции сотрудники Книжной палаты выбирают «самое интересное» (по своему вкусу), остальное вынуждены уничтожать. Такова суровая действительность. Кстати, разыскиваемые тогда плакаты с портретами украинских писателей работы художника М. Жука, изданные в Харькове, удалось увидеть в московской Библиотеке им. В. Ленина (ныне Российская государственная библиотека).

Нередко афиши и плакаты сработаны при участии художника, становятся произведениями искусства. Вспомним, из книги в книгу переходит репродукция плаката прославленного «Русского сезона» 1909 года в Париже, выполненного по рисунку В. Серова с портретом балерины А. Павловой²⁶. А какие эффектные плакаты и афиши были показаны на выставке «Москва-Париж» в 1981 году в Москве: цветные литографии Н. Акимова, Н. Альтмана, П. Боннара, А. Бурделя, М. Врубеля, К. Малевича, В. Маяковского, Л. Пастернака, Т. Стейнлена, А. Тулуз-Лотрека и многих других из фондов Библиотеки им. В. Ленина в Москве и Музея афиш в Париже²⁷. Оказывается, «у них» в Париже есть специальный музей афиш!

В одесских собраниях известно не так уж много старых плакатов и афиш, отпечатанных с участием местных художников. Из бывшей коллекции упоминавшегося уже П. Коновского приобретена работа М. Соломонова²⁸ для карнавала, устроенного в 1907 году Товариществом южно-русских художников (ил. 12).

В домашнем архиве поэта С. Кесельмана (см. прим. 9) найден рекламный плакат 1911 года одесского сатирического журнала «Крокодил»²⁹, предшественника одноименного московского издания (ил. 13). Художник не обозначен, но в ноябрьских номерах журнала (№№ 35 и 36) этот же рисунок воспроизведен дважды с несколько другими текстами и с фамилией автора: «Рис. Ф. Сегалья»³⁰. Рядом с плакатом нашлась в том же источнике юмористическая

Ил. 12. Плакат карнавала. – Одесса, 1907. – 1 с.: цв. ил.; 92×70. Худ. М. Соломонов

Ил. 13. Рекламный плакат. – Одесса, [1911]. – 1 с.: цв. ил.; 35×24

«программа» предстоящего бала «Крокодила», назначенного на 7 января 1912-го (ил. 14). Текст ее украшен семью миниатюрными зарисовками, взятыми из предыдущих номеров того же журнала, работы художников В. Никулина³¹ (одна) и С. Фазини³² (остальные).

Ил. 14. Юмористическая программа новогоднего бала. – Одесса, 1912. – 6 с.: ил.; 26×11,8. – С. 1-3

Начало бала в 10 часов вечера. Первому пришедшему будет показано его место. Не забудьте захватить с собою денег.

Одеситы не умзят веселиться, но «Крокодилы» заставят их сме-

яться, ибо кто же поверит крокодиловым слезам?... Люди, которые не будут на балу веселиться—подвергнутся большому неприятностям: им прочтут драму г. Бурды-Восходова.

Привланти дам в полной безопасности...

Грандиозное кабаре, при участии артистов всего мира и города Одессы.

12 оркестров музыки, если не меньше.

4

И вообще...
Впрочем...
Приближительная программа бала—
явиться—увидите.

ПРАВИЛА ДЛЯ ПУБЛИКИ:

1. Хлопать по чужим лицам не воспрещается.
2. Если вы увидите, что соседь ваш скучает, — пощекочите его.
3. Сидеть одновременно на 3 стульях не позволено.
4. Воспрещается влезть под страхом строгой ответственности.
5. Заваняшим столики воспрещается сидеть под столами.
6. Воспрещается приводить с собою собак, лошадей или других домашних животных.
7. Воспрещается петь в потолок.

5

Деньги бала—Ничего не бояться и нечего не удивляться... Публика должна быть подготовлена ко всему, же к обвалу театра... Входя карманам и не любящим денег карманов строго воспрещается. Публика может быть в масках без оных, в костюмах и... в ваннах туалетах, трезвой и подвыпившей.

Декорации будут написаны художниками и декораторами г.г. Басовым, Дмитриевым, Цылкою, Семью, Митинским, Антоновским, Яном, Никулинским и др. ала будет роскошно декорирован ильинских тонах и освещен, ноцям огнем и еще 10.000 трагических лампочек...

Тысяча неожиданностей, которых сами устроители не ожидают—обещают веселое времяпрепровождение даже г.г. контролорам...

Встретить гостей будут настолько оригинально, что каждому идущему на бал «Бронзовым» рекомендуется заранее застраховать свою жизнь. Прислуживать за столами будут г.г. журналисты, артисты и прочие жрецы муз.

От публики требуется веселое настроение и беззаботность... Каждая душа будет декорирована из другим стилиз, но швы на ась дожи одинаковы. Пьерро и шерьетты, вальсы и черты, писатели и артисты, пашы и музы, Кинты, хошеряки и неарстеники, рецесменты и прочие злодѣи—асъ сибьшакте вь одну веселую, бурную, шумную, живую и бодрую рать, берушую преступную нашу повседневную скуку...

6

Ил. 14. С. 4-6

От наследников художника М. Жука³³ получена его работа, афиша шестой Украинской выставки 1935 года в Одессе (ил. 15).

В 1972 году городские тумбы и рекламные щиты украсились оригинальными плакатами Спортлото в честь XX Олимпийских игр. Была создана серия из пяти листов для разных видов спорта, с различным цветовым решением. Предельно лаконичные, неожиданно «левые», чуть ли не «футуристические» (ил. 16), они доминировали среди аналогичной продукции того времени. Работа молодых тогда художников И. Божко и Н. Вылкуна³⁴. Экземпляры удалось выпросить в канцелярии стадиона (в парке им. Т. Шевченко).

Ил. 15. Афиша выставки. – Одесса, 1935. – 1 с.: цв. ил.; 77×54. – Литография Одес. худож. уч-ща. – Худож. М. Жук

Ил. 16. Спортивный плакат. – Одесса, 1972. – 1 с.: цв. ил.; 85,7×57,5. – Тираж 1000. – Худож. И. Божко, Н. Вылкуна

В наши дни афиши персональных выставок отдельных художников украшены обычно репродукциями их работ. Иногда же сами авторы готовили малотиражные рукотворные афиши в технике офорта (В. Бахтов, Г. Гармидер), литографии (Л. Дульфан). К посмертной выставке Людмилы Ястреб³⁵ ее муж, В. Маринюк, оттиснул лаконичную афишу-литографию, поместив в центре одну из работ художницы (ил. 17). Коллекция разнообразных плакатов и афиш, создаваемых театральным художником С. Зайцевым³⁶ для спектаклей, зрелищ, выставок (ил. 18) насчитывает свыше сорока листов и продолжает пополняться.

К сожалению, тоновые репродукции этой статьи с красочных летучих изданий не передают всей привлекательности оригиналов.

Ил. 17. Афиша выставки. – Одесса, 1982. – 1 с.: цв. ил.; 91×69. – Худож. В. Маринюк

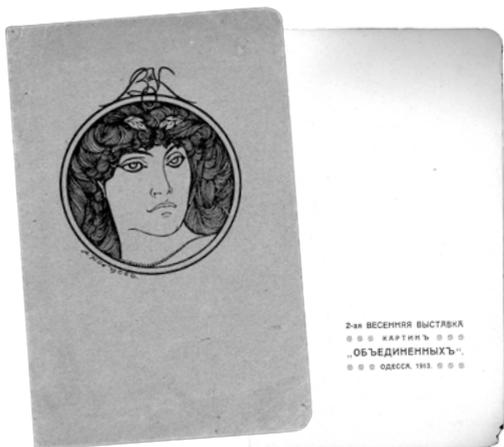
Ил. 18. Плакат музея. – Одесса, 1986. – 1 с.: цв. ил.; 87,5×56. – Худож. С. Зайцев

* * *

Еще одна внушительная группа летучих изданий – каталоги художественных выставок. Брошюры или буклеты в 4-16 страниц, зачастую без пагинации, изредка с иллюстрациями, находятся в более благополучной ситуации по сравнению с афишами тех же выставок. В библиотеках они сосредоточены в компактном хранении, а иногда и на правах книг (если потолще) – с отдельными шифрами, легче находимы. Почти полные комплекты каталогов того или иного объединения неплохо представлены в отделе искусств ОГНБ и в библиотеке Художественного музея. Но единой полной коллекции в городе не существует, некоторых нужных экземпляров недостает в одесских фондах, исследователям приходится заказывать копии в столичных хранилищах.

В собрании автора статьи подобные материалы накапливались с начала 1960-х годов и охватили период чуть более столетия. Отражены выставки местных художников в Одессе и за ее пределами, групповые и персональные, в том числе и мастеров, покинувших в разное время родной город. Собрано немало, но желанной полноты достичь так и не удалось. Особенно досадны лакуны в предреволюционных изданиях, заполнить которые уже не суждено. Рассмотрим для примера два уникальных каталога, сохранившихся в Одессе в единственных экземплярах.

В апреле 1913 года группа молодых художников организовала вторую «весеннюю» выставку, названную так в отличие от традиционных осенних выставок «южно-русских». Аналогичные «весенние» выставки, всегда с каталогами, известны в Одессе еще и в 1909, 1914 и 1916 годах, после чего новаторы объединились официально в общество «независимых». Иные из молодых получили со временем широкую известность. Каталог 1913 года – подарок сына художника А. Кобцева³⁷, участника той выставки и автора рисунка на обложке (ил. 19).

Ил. 19. Каталог выставки. – Одесса, 1913. – 16 с.; 18×12. – Обл. худож. А. Кобцева

В разгар Мировой войны, летом 1915-го, прошла в Одессе персональная выставка П. Нилуса³⁸, одного из лидеров Товарищества южно-русских художников. В каталоге перечислены 104 работы с указанием года создания каждой, с фамилиями тогдашних владельцев, с распределением картин на три различных периода творчества (по классификации самого автора). Доминировали на выставке произведения последнего этапа, назовем его условно «романтическим», в отличие от скучного реализма передвижников в начале пути, почитаемого в недавнем прошлом советскими чиновниками от искусства. Каталог, видимо малотиражный, нашелся в семье старых друзей Нилуса (*ил. 20*).

Обе брошюры – крайне важные документы для изучения художественной жизни Одессы предреволюционного времени.

Ил. 20. Каталог выставки. – Одесса, 1915. – 8 с.: ил.; 13,7×17,8. – Репрод. работ П. Нилуса на обл., с. 1 и 8

* * *

Распад Советского Союза вызвал неуклонный рост числа всевозможных летучих изданий, этому способствовали несколько факторов: ликвидация государственной монополии на издательскую деятельность, исчезновение «обллита» – фактической цензуры, возникновение частных издательств, а главное – техническая революция, расцвет новейших множительных

технологий, позволяющий каждому желающему изготавливать чуть ли не на дому все, что угодно, на свой страх и риск. Нескончаемым потоком выплескиваются в свет тиражи политической агитации, коммерческой рекламы, приглашений на всевозможные общественные мероприятия – конференции, юбилеи, встречи, презентации, не говоря уже о традиционных спектаклях, концертах, художественных выставках.

К сожалению, в Одессе (по-видимому, и в других местах) не существует единой системы регистрации и сохранения для истории образцов всей печатной продукции города в государственных хранилищах, будь то областной архив, библиотеки или музеи. Да и сами хранилища неспособны освоить всю текущую массу летучих изданий из-за недостатка площадей и сотрудников. Выше упоминалось, что в Париже существует специальный музей афиш. Но то в Париже... В нашей реальной ситуации нелепо призывать к созданию в Одессе аналогичного городского музея. Зато каждому из действующих театров, клубов, музеев, частных картинных галерей следовало бы тщательно собирать и хранить для потомков комплекты своих изданий. И думается, вполне осуществимо устроить в одном из музеев выставку, пусть временную, еще сохранившихся в городе старых местных афиш.

Снова приведем несколько примеров. Научная секция книги Дома ученых, отметившая осенью 2006 года сорокалетие деятельности, сохранила в собственном микроархиве всю свою издательскую продукцию: десяток брошюр и афиш, сотни приглашений и памяток отдельных заседаний, планы работы на каждый год. Отдел искусств ОГНБ систематически комплектует папки с текущими летучими изданиями, в том числе и афишами (несмотря на их размеры) художественных выставок и театральных спектаклей Одессы. В Литературном музее увлеклись сборением рекламных политических материалов последних шумных выборов.

Сегодня наблюдается в нашем городе некоторое оживление интереса к летучим изданиям среди библиофилов и краеведов. Постоянно приходится видеть, как разбираются нарасхват свежие приглашения и буклеты участниками и гостями любых культурных мероприятий. В прессе стали появляться объявления типа: «Куплю афиши, плакаты прошлых лет»³⁹. Хочется надеяться, что коллекции нынешнего поколения частных собирателей займут со временем места в фондах главных городских хранилищ. Один такой прецедент уже есть – создание музея им. Блещунова.

1. Впервые автор выступил с сообщением по затронутой теме в октябре 1985 года в Ленинграде на библиофильской конференции Секции книги и графики Ленинградского Дома ученых. Тезисы были опубликованы: Лущик С.З. Малотиражные не книжные издания в библиофильских собраниях // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: (Тезисы сообщений научно-практической конференции). – Л., 1985. – С. 37-39. В конце 1990-х краткие тезисы были развернуты в статью, дополнены новой информацией и иллюстрациями из собрания автора. Публикуется впервые.
2. Вспомним в качестве примера огромную публикацию: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. – Ежегодник 1983. – Л., 1985. – С. 160-257: ил.
3. Багрицкий Э. Собр. соч. в двух томах. – Т. 1. – М.; Л., 1938. – С. 107: ил.
4. Боровой Саул Яковлевич (1903-1989) – д-р ист. наук, Одесса. О нем: Саул Яковлевич Боровой: Материалы к библиографии // Секция книги, Пушкинская науч. комиссия Одес. Дома ученых. Приглашение [на заседание 29 нояб. 1988, посвящ. 85-летию ученого]. – Одесса, 1988. [Библиогр., 74 пп.]; Коциевский А.С. Саул Яковлевлевич Боровой: (1903-1989) // Видные ученые Одессы: Вып. 4 и 5. – Одесса, 1994. – С. 69-77.
5. Одесский Дом ученых. Секция книги: 15 лет – 300 заседаний. – Ч. 2: Библиогр. указ. / Сост. С.З. Лущик. – Одесса, 1984. – С. 9-24. Издания секции [Библиогр. за 1976-1981, 60 пп.]. – В 1988 был подготовлен к печати аналог. указ. за посл. период: Четвертое пятилетие: Хроника работы в 1982-1986 годах / Сост.: Б.С. Амчиславский, С.З. Лущик [Библиогр., 48 пп.]. Книгу выпустить не удалось, рукопись в архиве секции: Оп. 1, д. 26.4.
6. Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1906 г. – Одесса, 1907. – С. 9. – Ныне – Одес. гос. науч. б-ка им. М.Горького (далее – ОГНБ). – Бродовский Исидор Романович (1875-1941) – метранпаж газ. «Одес. новости», после революции – корректор «Известий Одес. губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета». Автор известной брошюры «Еврейская нищета в Одессе» (Одесса, 1902. – 50 с.). О Бродовском см.: Боровой С. Воспоминания. – М.; Иерусалим, 1993. – С. 85-86.
7. Малинова Г.Л. Из-под завесы тайны...: Труды Гос. архива Одес. обл. – Т. 5. – Одесса, 2002. – С. 327. – Истпарт – Одес. отделение комиссии по истории Октябрьской революции и КП(б) Украины при Губком КрП(б)У.
8. Василько (псевд., наст. фамилия – Миляев) Василь Степанович (1893-1972) – актер и режиссер, нар. артист СССР с 1944. Руководитель ряда украинских театров Харькова, Донецка, Львова, Черновцов, Одессы. Работал в Одессе в 1926-1928, 1938-1941, окончательно поселился в Одессе в 1948. Собирал материалы по истории украинского театра. Автор ряда книг. Воспоминания «Театру віддане життя» (Київ, 1984. – 408 с.: ил.) изданы посмертно с большими цензурными купюрами.
9. Кесельман Семен Осипович (Иосифович, 1889-1940) – одес. поэт. Печатался в периодике и альманахах 1910-х гг. Упомянут в книге В. Катаева «Алмазный

- мой венец» под псевдонимом Эскесс. – Его домашний архив передан вдовой поэта, Милицей Степановной Зарковой (1896-1981), автору этих строк.
10. См.: Лущик С. По следам старой афиши // Веч. Одесса. – 1982. – 27 янв. – С. 4: ил.
 11. Иванов Кирилл Борисович (1909-1991). Жил в Одессе с 1918 по 1964, с длительными отъездами на учебу и на гастроли по провинции. С 1964 поселился в Ленинграде. Автор сборника стихов «Сонеты» (Одесса, 1944).
 12. Савченко Николай Петрович (1899-1970) – оперный певец, засл. артист УРСР с 1941. Работал в театрах Свердловска, Харькова, Одессы, Киева, снова Свердловска, с 1939 поселился в Одессе. О нем см.: Смирнов В. Реквием XX века, – Ч. 1. – Одесса, 2001. – С. 140-149.
 13. Коновский Петр Сергеевич (1883-1953) – художник, преподаватель Одес. худож. уч-ща, библиофил. – О нем см.: Лущик С. Неизвестный П.С.Коновский // Всемир. одес. новости. – 1997. – № 1(31), янв. – С. 10.
 14. Пархет Петр Пантелеймонович (1907-1986) – одес. художник. – Запись разговора с ним 19 марта 1979.
 15. Тюнеева Александра Николаевна (1888-1984) – сотрудник ОГНБ в 1920-1930 гг., с 1922 – зав. Отделом редких изданий и рукописей. – Автор ряда статей по книговедению. Владелец хорошей домашней библиотеки, небольших коллекций автографов, экслибрисов, издательских марок. О ней см.: Арюпина Л.В. Александра Николаевна Тюнеева // Библиотечный вестник. – Київ, 1993. – № 1-2. – С. 64-66; Малинова Г.Л. Из-под завесы тайны. – Труды Гос. архива Одес. обл. – Т. 5. – Одесса, 2002. – С. 277-282.
 16. Кривцов Владимир Иванович (1893-1941) – одес. журналист, поэт, собиратель живописи. Несколько лет работал над книгой о художнике А. Гауше. Погиб в начале войны при эвакуации из Одессы на теплоходе «Ленин». – Его домашний архив приобретен у родственников автором этих строк в нач. 1960-х.
 17. О театре см.: Деммени Е.С. Призвание – кукольник: Сб. – Л., 1986.
 18. Гауш Александр Федорович (1873-1947) – петерб. художник. В 1924 уехал в Крым, в 1928-1935 жил в Одессе. Преподавал в Одес. худож. ин-те. – О нем см.: Александр Федорович Гауш: Кат. выст. / Гос. Рус. музей. – СПб., 1992.
 19. Лущик Зенон Адамович (1894-1954) – библиофил. Уроженец Петербурга, с лета 1917 жил в Одессе.
 20. Курис Иван Ираклиевич (1841-1898) – известнейший одес. коллекционер. О нем см.: Михальченко В.А., Сивирин О.Г. Да будет правда: История дворянского рода Курисов – возрождение из забвения. – Одесса, 2005. – 328 с.: ил.
 21. Галанов Б. Илья Ильф и Евгений Петров. – М., 1961. – С. 19, примеч. – РГАЛИ – Рос. гос. архив литературы и искусства (Москва).
 22. ОР РНБ. – Ф. 260 (Долинов Г.И.), д. 3, 5. – Письмо В. Кельнера к С. Лущику. – СПб., 25 янв. 1995. – Долинов Георгий Ильич (1894-1950) – одес. поэт и

- пианист (студент консерватории?). Позднее жил в Ленинграде, вдова переехала домашний архив в РНБ.
23. Письмо В. Катаева к С. Луцки. – Переделкино, 11 апр. 1982.
 24. Муров А. «Продавцы» масок // Одес. новости. – 1909. – 6(19) дек. – С. 5.
 25. Лущик С. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. – Одесса, 2005. – С. 102: ил.; обл.: ил. в цвете.
 26. См: Грабарь И. Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество. – М.: Изд-во И.Кнебель, [1913]. – С. 213, ил.; 293; Пожарская М.Н. Русские сезоны в Париже: Эскизы декораций и костюмов. 1908-1929. – М., 1988. – С. 51, ил. 1.
 27. Москва-Париж. 1900-1930: [Кат. выст.]. – М., 1981. – Т. 1. – С. 334-337.
 28. Соломонов Михаил Исаакович (1876-1942) – художник. Учился в Одес. рисов. школе до 1890, затем в Париже. Жил в Одессе до 1908[1910?], затем в Петербурге.
 29. См.: Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: Избранные страницы: (1911-1912) / Сост. Т.В. Щурова. – Одесса, 1998. – С. 229-310.
 30. Сегаль Федор Бернгардович (1890-?) – популярный одес. карикатурист, участник выставок, сотрудник и издатель одес. периодики 1908-1918 гг. Дальнейшая судьба его неизвестна.
 31. Никулин Всеволод Петрович (1890-после 1933?) – художник. Окончил Одес. худож. уч-ще в 1916. Эмигрировал в 1919, жил в Италии.
 32. Фазини Сандро – псевдоним: Файнзильберг Сруль Ариев, в быту Александр (Саул) Арнольдович (1892/1893-1944) – одес. художник, старший брат И. Ильфа. Эмигрировал в марте 1922, поселился в Париже, погиб в немец. концлагере.
 33. Жук Михаил Иванович (1883-1964) – художник и литератор. Родился в Каховке, учился в Киеве и Кракове, работал в Киеве и Чернигове, в 1925 поселился в Одессе. Профессор Одес. худож. ин-та, позднее – уч-ща.
О нем см.: Михайло Жук: Кат. вист. / Упоряд.: Л.В. Арюпіна, О.М. Барковська, С.З. Лущик. – Одеса: ОДНБ, 1993.
 34. Божко Игорь Антонович (р. 1937); Вылкун Николай Митрофанович (р. 1938) – одес. художники.
 35. Ястреб Людмила Лукинична (1945-1980); Маринюк Виктор Васильевич (р. 1939) – одес. художники.
 36. Зайцев Станислав Николаевич (р. 1946) – засл. художник Украины, гл. художник Одес. театра музыкальной комедии.
 37. Кобцев Аристарх Аристархович (1884-1961) – одес. художник.
 38. Нилус Петр Александрович (1869-1943) – одес. художник. Эмигрировал в дек. 1919, с 1924 поселился в Париже.
 39. Парус: Одес. рекл.-информ. еженедельник. – 1996. – № 40, 31 авг. – С. 2.

Е.М. Голубовский**ИЗ ОДЕССКОЙ «ЗЕЛеноЙ ЛАМПЫ»**

До сих пор остается неразгаданной тайной, как получилось, что цвет русской литературы 20-х годов XX века – Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Юрий Олеша – этот список можно продолжать и продолжать – вышли из одесского литературного кружка «Зеленая лампа». Среди участников «Зеленой лампы» была и Зинаида (друзья ее звали – Зика) Шишова.

Ее поэтическое наследие – две крошечные книги и десяток стихов в газетах и журналах. Тем не менее, и Анатолий Фиолетов, и Эдуард Багрицкий считали ее ярким, одаренным поэтом. А в их кругу не было сантиментов, сама Шишова говорила: «Мы были волчата», и друг к другу они проявляли требовательность, иногда жесткость.

Зинаида Константиновна Шишова родилась 110 лет назад – 23 сентября 1898 года в семье учителя. Ее отец Константин Данилович Шишов преподавал математику в женской гимназии О.В. Кандыбы, находившейся на Херсонской, 17. Жила семья в Школьном переулке, 4 (ныне переулок Ушинского), там родилась и Зинаида.

Биография Зинаиды Шишовой похожа во многом на биографии ее сверстников. Закончила в 1916 году гимназию. Уже с 4-го класса гимназии начала зарабатывать, давая уроки. В 1917 году поступила на юридический факультет Новороссийского университета. Писала стихи. Познакомилась с Эдуардом Багрицким, который, прослушав ее первые поэтические опыты, пригласил в их компанию.

Вот несколько объявлений из газет 1917-1918 годов.

*Рождественский четверг студенческого
Литературно-Художественного Кружка.
28 декабря 1917 года.
Отделение «Поэты».*

*Зинаида Шишова. «Сумерки», «Письмо с фронта».
Эмилия Немировская. «Синим шелком».*

*1918. Зал консерватории. Новосельская, 63.
В воскресенье, 17 марта второй интимный вечер «Зеленой лампы».
Отделение третье. «При свете Зеленой лампы».
Новые стихи.*

*Эдуард Багрицкий, Семен Кесельман, Юрий Олеша,
Зинаида Шишова (и др.).*

11-й четверг студенческого Литературно-Художественного Кружка.
24 окт. н. с. 1918 г.

Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова.

Одесский краевед Александр Розенбойм, который познакомил меня с этими объявлениями, обратил внимание на то, что выступление 24 октября, где читали стихи Шишова и Фиолетов, было их последним совместным выступлением. Шишова вышла замуж за Фиолетова. Но 14 ноября 1918 года талантливого поэта, работавшего тогда в уголовном розыске, застрелили бандиты.

Свою единственную одесскую книгу стихов «Пенаты», вышедшую в издательстве «Омфалос», Зинаида Шишова посвятила Анатолию Фиолетову. Эта книга давно стала библиографической редкостью – в Одессе сохранилось несколько экземпляров.

Зинаида Шишова продолжала писать стихи в 1920-30-е годы, но наиболее активно – в блокадном Ленинграде. И все же основной в ее литературном творчестве стала детская приключенческая, историко-романтическая проза. Ее истоки тоже в ранних стихах Шишовой. В картотеке С.З. Лущика нашлась выписка о публикации в одесском журнале «Огонек» 9 июня (27 мая) 1917 года стихотворения Зинаиды Шишовой, которое можно поставить эпиграфом к ее приключенческим романам.

Карта Атлантики

Я помню, мы в детстве с тобою склонялись над этим листом,
Наш путь был отмечен пунктиром, а гавани – красным крестом,
Эахо, Табаско, Чиэпес – и много таинственных стран,
И много таинственных знаков готовил для нас океан.
Мы, помню, пропахши краской, любили спускаться в камбуз,
Любили следить под водою движенья гигантских медуз...
Мы видели в узком проливе остатки старинных галер,
А после мне ночью приснился в смешном парике кавалер,
Как он, окруженный врагами, в порыве бессильной тоски
Швырнул свои судна на скалы движением узкой руки.
Мы много видали с тобою, мой маленький, глупенький брат,
И после таких приключений так скучно вернуться назад,
И в чинной огромной столовой со старшей сестрой и отцом
Сидеть над немецким снаряженьем с усталым потухшим лицом.

Всем, кто читал «Великое плавание» – роман об открытии Америки, «Джек-Соломинка» и другие книги писательницы, будут ясны истоки ее творчества.

Жизнь не баловала Зинаиду Шишову. Она вышла замуж за комиссара Брухнова, родила ребенка, его назвали Маратом, но воспитывала сына одна.

В архиве поэта Георгия Долинова, одессита, осевшего в Ленинграде (поэтому его архив сохранился в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина) есть письмо З. Шишовой – жене Г. Долинова, поэту Эмили Немировской. И вновь поблагодарим А. Розенбойма переписавшего это письмо и привезшего его в Одессу.

«Миля, очень прошу Вас зайти ко мне. У меня два дня нет совершенно денег. Займите где-нибудь ради Христа до 28-го 5 рублей. Я больна, Марик – болен, нет топлива, нет денег и ничего. Нет сил.

У меня – ясное сознание, что мне приходит конец. Миля, если увидишь портниху – попроси ее зайти – вата в пальто опустилась, я пыталась ее поднять и еще хуже напортила. Теперь пальто надеть нельзя. Если зайдет ко мне, пускай захватит с собою черные нитки.

Приходите, Миля, я больше не вынесу одиночества и этого ужасного безвыходного отчаяния».

Из отчаянья ей удалось выйти. Но жизнь не баловала радостями. Будучи журналистом «Комсомольской искры», я попросил ее о встрече, но она предпочла ответить на вопросы, связанные с одесским издательством «Омфалос», со сборником «Омфалитический Олимп», в письме. Знаю, что подобные письма получал литературовед Роман Тименчик и другие. Как видно, личные встречи для нее, даже в 60-е годы, были трудны...

А нам, как память о начале ее пути, о буйной одесской юности, о времени, когда Эдуард Багрицкий считал ее самой талантливой среди молодой поросли, осталась тоненькая книга стихов «Пенаты», которую, уже по традиции, как книгу в книге, мы публикуем в этом выпуске «Дома князя Гагарина».

Небезынтересно заметить, что об изданных «Омфалосом» «Пенатах» похвально отозвался Иван Бунин.

Москва 24.III.65

Уважаемый тов. Голубовский,

(извините – не знаю Вашего имени и отчества)

Письмо Ваше получила только что и уже отвечаю. Космическая скорость! Боюсь только, что письмо до этого пролежало положенное время в ССП.

М.б. Вам пригодятся такие дополнения к Вашей статейке:

«Омфалос» – слово греческое, означает – (простите!) – «пуп». Не исключено, что и пресловутая пленительница Геракла называлась как-нибудь вроде «Пуповины». Субсидировал изд-ство одесский банкир Натанзон, не получая от этого никакой выгоды, а исключительно ради возлюбленной своей – замечательной танцовщицы Эльзы Крюгер, которая очень любила нашу «Южно-русскую школу».

«Омфалитический Олимп» – это, конечно, лит-мистификация. Авторами стихов были В. Бабаджан, М. Лопатто, А. Фиолетов, но он до выхода сборника

не дожил. Волошин в сборнике не участвовал, но Вы правы – в то время всякие подделки и мистификации, стилизации под... были в большом ходу. Вспомните... хотя нет, Вам этого не вспомнить. Давайте – по газетному: вспомним хотя бы киевский «Парнас дыбом» или стихи Наташи Российской.

Со сборником стихов Клементия Бутковского произошла совершенно мистическая история – помните, как у Франса в рассказе о никогда не существовавшем и вдруг воплотившемся садовнике?

Писал стихи тот же Витя Бабаджан, фамилию автору мы подбирали все скопом и вдруг – он ВОЧЕЛОВЕЧИЛСЯ! Явился приехавший с турецкого фронта какой-то прапорщик или поручик по фамилии Бутковский, по имени (надо же!) Климентий (а не Кле) и потребовал гонорар за стихи. Натанзон и Бабаджан, оба красные от сдерживаемого смеха, выплатили ему – для смеха же – гонорар. Однако потом произошло более печальное событие: «Омфалос» получил запрос от матери погибшего на фронте Акима Бутковского – не ее ли это сын, который совсем не погиб, а, переименовав имя на более красивое, живет себе в Одессе и пишет стихи. Кое-как ей ответили.

Теперь – «о долго живших в Одессе» классиках.

Долго жили в Одессе Куприн, Бунин. А Толстые (Ал. Ник и жена его – прекрасная поэтесса – Наталья Крандиевская) уехали с последними белыми за границу. Волошин – в Крым, в свой Крым.

Амшея Нюрнберга я знала. Сейчас в бывшей его мастерской в Перцовском доме на Соймоновском проезде, живет вдова его погибшего товарища – художника Соколика.

В «Омфалосе» кроме Витиной книге о Сезанне, еще были выпущены или только подготовлены к печати кроме монографии об Эль Греко, того же автора (Филиппа Гозиасона) монография о Матиссе, Гойе...

Ну, кажется, все...

Теперь уже у меня к Вам большая просьба. В том же «Омфалосе» в 1919 г. вышла книжечка моих стихов «Пенаты». Стихи плохие, и я бы не поддавалась уговорам Олеси и Бабаджана, и сама бы их в печать не отдала. Но после смерти моего мужа Фиолетова я очень болела и все это было проделано без моего согласия. Настоящим знатокам поэзии книжечка эта ни к чему, а для меня дорога по-другому. М.б., можно ее раздобыть в Одессе? Если что-нибудь услышите о «Пенатах» – очень прошу – напишите.

Привет Вам и милой моей Одессе.

Зинаида Шишова

P.S. Когда-нибудь в моих мемуарах Вы об Одессе 20-х годов прочтете рассказ более подробный.

От редакции:

В письме З. Шишовой много неточностей. Подробно о В. Бабаджане и книгоиздательстве «Омфалос» см.: Луцки С. Вениамин Бабаджан: Жизнь и творчество // Бабаджан В. Из творческого наследия. – В 2 т. – Т. 2. – Одесса, 2004.

Закрываю ставни и зеваю,
 Рот крещу, опять зеваю сладко...
 Обхожу весь дом, замки считаю,
 Заправляю светлые лампадки.
 Любо мне в постели лечь несмятой...
 Ходят мыши рядом в темной зале,
 Изголовье душно пахнет мятой, –
 Я вчера зашила, как сказали,
 В думку хмелю, мяты и шалфею, –
 Может, что хорошее приснится.
 Над простым евангелием Матфея
 Опускаю сонные ресницы.
 Дом мой стар, спокоен, тих и тесен,
 Далека проезжая дорога...
 – Что мне нужно, кроме сладких песен,
 Я не жадной выросла у Бога.

IX. 918

Поезда

Проходят, уходят в туманы,
Кричат, полустанок минуя.
Томимая завистью странной
Я тихо и сладко тоскую.

А окон туманные пятна
Скользят и волнуют тревожно,
Но только одно мне понятно –
Отсюда уйти невозможно.

XI. 918

Одна. По насыпи уходят поезда.
Трубят зарю на полустанке дальнем.
Пишу стихи и письма иногда,
И дни текут спокойней и печальней.

Вчера повесила записку на окно:
«Даю уроки», и сняла сегодня.
Я как негодное и полое зерно,
И все брошена в посев Господний.

IX. 918

Закурите, и мы в беседке посидим,
Прошедшее покойно вспоминая,
Следя, как матовый, голубоватый дым
Скользит и падает, колеблется и тает.

И жизнь заполнится касаниями рук
И взглядами, тревожащими душу.
Но наклоняясь к вам, мой безутешный друг,
Я светлого обета не нарушу.

IX. 918

Длинною окольною дорогою
Я к смиренной истине пришла,
Я уже календаря не трогаю
С красного десятого числа.

По утрам одна брожу и слушаю
По двору, заросшему травой,
И глаза от солнца, равнодушная,
Закрываю слабою рукой.

И рука моя на солнце светится,
Можно жилку каждую найти...
Если мне большое счастье встретится, –
Я его оставлю по пути.

X. 918

Если спросят, – ответит с поклоном,
Что встречал, но, должно быть, давно,
И не вспомнит над ржавым балконом
С занавеской кисейной окно,

И не вспомнит, где видел впервые
Между трав Реуцела струи
И от медленных вен голубые
Похудевшие руки мои.

X. 918

Опять лежат бесцельные снега
На насыпи и на вагонных крышах...
Скользя, ступает легкая нога,
Я никого не вижу и не слышу.

А прихожу домой, – они глядят,
Смеются и плечами пожимают,
Стучат утрами в окна, проходя,
По воскресеньям в церковь зазывают.

– Куда деваться от такой тоски?
Заглядываю в зеркало напротив,
И не могу узнать своей руки
На кумачовом красном переплете.

XI. 918

Если март любви начало,
А июнь любви конец,
Значит нужно очень мало
Для томления сердец,
Значит в прихотях любовных,
Смело выпитых до дна,
Нет ни правых, ни виновных,
А виновница весна.

Оттого светлей и слаще
Для меня моя любовь,
Что упорнее и чаще
С каждым днем хмелеет кровь.
И когда любимый рядом,
Сердце падает не раз
От настойчивого взгляда
Воровских лукавых глаз.
I. 919

Весна с балкона

Небо стало ласковой и выше,
А внизу смешные люди в шляпах,
Солнцем марта разогреты крыши,
Странноз мне вдыхать знакомый запах –
Как сегодня ветер дул с востока,
Приносил горячий запах краски,
Как сегодня мальчик мой жестокий
Был со мной особенно неласков.
III. 918

Лето

Волна воспоминаний сладких,
Простых, как пенье рыбака,
На локте красный отпечаток
Упругой сетки гамака.
Холодноватый запах мяты,
Над морем близкая гроза
И под прическою измятой
Твои усталые глаза.
VI. 918

На полу ремешки от ранца,
Звезда в голубом окне,
От лампадки лучики тянутся
К дверям и опять ко мне.
Вы к окну подойдете справа,
Слегка заскрипит доска...
Дорогие губы лукавые
Изогнутые слегка.
VI. 918

«Чайка»

Пахнут липовыми сотами
Золотые облака.
Не следит за поворотами
Утомленная рука.

Мысли золотом расплавлены,
Будто все навеселе,
Будто ты поешь, поставленный
Самый пьяный на руле!

VI. 918

Свадьба

Смеясь, усядутся за чай,
И снова танцы после чая,
Но муж не пьет и ожидает,
И жарко дышит у плеча.

А в спальное окна, запотев,
Являют странные загадки.
Ты гасишь синие лампадки, –
Блаженство слаще в темноте.

Постель пышна и высока,
Ты к ней скамейку приставляешь,
Старательная, оправляешь
Подушки, смятые слегка.

Когда же разойдутся все,
Ты стянешь талию поуже,
Готовая для встречи мужа,
С цветком невинности в косе.

Томленье в сердце горяча,
Войдет походкой виноватой,
И под рукою волосатой
Померкнет желтая свеча.

Шепча бесстыдные слова,
Во тьме скамейку опрокинет
И с плеч губами отодвинет
Застенчивые кружева.

IX. 918

Такое странное посмотрит лицо с портрета, –
Брови – одна выше, другая ниже,
Фламандские кружевные манжеты
И чуть-чуть примятые брыжи.
Мне хочется прислониться к раме,
Там, где слегка сошла позолота,
И сказать, едва шевеля губами:
– А я принесла вам привет от кого-то.
Она теперь одета пастушкой,
Пасет в Трианоне стада с королевой,
Такая, как прежде... Только носит мушку
Теперь не на правой щеке, а на левой.

917

Сочельник

Странно, милый, видишь – лампа тухнет,
Стал синее папиросный дым,
Не хватает только, чтоб из кухни
Пахло чем-то вкусным и простым,

Не хватает, знаешь ли, узвара,
Елки и игрушек, и кутьи.
Для меня сейчас, как Божья кара,
Эти губы узкие твои.

Бросить книгу? Хорошо, я брошу.
Ты не хочешь полюбить стихи,
Ты красивый, злой и нехороший,
Ты мне послан за мои грехи.

Я грешила в жизни очень много,
И еще, наверно, согрешу,
Но, ты знаешь, для себя у Бога
Ничего теперь я не прошу, –

Я хочу, чтоб только ты был счастлив.
Чтобы Бог хранил тебя от слез.
Чтоб тебе сейчас из желтых яслей
Улыбнулся беленький Христос.

916

II Смерть

Смерть

У ворот звонили, целовались,
Говорили нежные слова,
Руки жали, второпях прощались,
И кружилась голова.

По ночам, друг друга вспоминая,
Разметавшись, плакали во сне.
– Ты ли это, ты ли, дорогая,
Наклоняешься ко мне?

– Это я, но ты ли это, милый?
– Это я, но губы, губы где?
Сохнет белый венчик над могилой,
Пригвожденный на кресте.

XII. 918

Снова день – мечтательный и длинный, –
Чистота и тишина.
Столик, кружка из зеленой глины
Для воды и для вина.
Ночь пройдет и снимет листик белый
На стенном календаре.
Все, что раньше билось и горело,
Умирает, догорев.
Надо мной с печалью запоздалой,
Наклонившись, скажешь ты:
– Здесь любовь прошла и оборвала
Все плоды и все цветы.

XII. 918

Что с тобой и кто с тобой – не знаю,
Я тебе не стану изменять.
Надо мной икона золотая
Охраняет узкую кровать.

По утрам встаю и горько плачу,
Потому что вспомнить не могу,
Где был вход на маленькую дачу,
Что цвело на клумбе и в кругу.

XI. 918

Какая странная сегодня, Боже,
Твоя земля.
И за окном акации похожи
На тополя.

Когда из муфты руку вынимаю,
Она суха.
И пахнут тонко и легко, как в мае
Мои меха.

А по ночам волнующие снятся
И давят сны...
Так как же мне, о Боже, не бояться
Твоей весны?

XI. 918

Моему сердцу

Что опять следишь за парами
И ведешь проклятый счет,
Что колотишься ударами,
Сердце, кто тебя зовет?

За тяжелыми заботами
Ты себя побереги,
Или снова за воротами
Слышишь милые шаги?

– Дверь тихонько отворяется,
Это сон или не сон?
Улыбаясь, наклоняется
Над моей постелью он...

Пес залает ли заброшенный,
Петли ль скрипнут у ворот, –
Что ты рвешься, друг непрощенный,
Сердце, кто тебя зовет?

XII. 918

Стало страшно, когда погасла...
Поднялась на нас темнота.
Из лампы тяжелое масло
Залило одежды Христа.

Страшен лик от темного гнева,
Расступилась черная падь...
– Богородица, Присная Дева, –
Ты не знала. Тебе не понять.

XI. 918

Мечты покойные о снеге,
С трубы иглой свисает лед.
И полон важности и неги
Снежинок длительный полет.

В такую светлую усталость,
В такую рань, в такую тишь
Тревожит даже эта малость,
Что ты нагнулся и молчишь.

XII. 918

Не применяясь ни к чему,
Обыкновенными словами,
Вы снова говорите с нами,
И снова я вас не пойму.

Позорной и смешной забаве
Вы предаете плоть и кровь,
И слово горькое «любовь»
Вы произносите лукавя.

Но знаете ль, – когда, любя,
Коснетесь вы ее колена,
Любовь не пустит вас из плена,
Не отомстивши за себя.

XII. 918

Ходит ветер над могилой,
Ты один лежишь в гробу,
Только стал роднее милый
Завиток волос на лбу.

Только делаются ближе
Голубые жилки рук...
Вот... А больше не увижу
Я ни радостей, ни мук.

Поворачиваю томно
В сладкой ране острие:
Слаще всех причуд любовных
Целомудрие мое.

I.919

Рука руки искала на колене,
Глаза закрылись в томном забыты,
Но положила смерть сухие тени
На губы воспаленные твои.

Открой глаза и подыми ресницы,
Не закрывай ладонями лица, –
Я не боюсь, мне ночью не приснится
Тяжелая усмешка мертвеца,
Тебя я помню светлым и влюбленным
Весной в кафе за золотым стеклом...
Сухая встреча, строгие поклоны
И нежные записки под столом.
I. 919

Пасьянс

Обычные явления при разлуке:
Несходные утра и вечера,
Обрывки мыслей, думанных вчера,
В мозгу остались непомерной мукой.
Пасьянс, гаданье – будет или нет
Загробный мир, и будет ли свиданье
В загробном мире? Хитрое гаданье
Затягивает муку и ответ.
Как поддержать слабеющую волю?..
Король, валет, король, девятка, туз...
А сердце стало, как ненужный груз,
И новый день пугает новой болью.
I. 919

Смерть

Ах, за милою пирушкой
Все, как будто год назад, –
Те же губы, та же мушка,
Те же карие глаза,
Так же, опустив ресницы,
Ты бокал подымешь свой,
Не решаясь поделиться
Влагой светлую со мной.
– Ветер веющий весенний,
Ноги пьяные легки,
Пьяный кучер, и с сиденья
Упадают седоки...
Только легкий запах тленья
От безжизненной руки.
XII. 918

И.М. Федорков

ПОРТРЕТ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Бывая в Ленинграде, я всегда с удовольствием посещаю своего хорошего знакомого Даниила Петровича Добычина, химика, доктора наук. С ним очень интересно поговорить, многое можно увидеть. Зная мою любовь к искусству, он каждый раз показывает мне что-нибудь из работ русских художников, оставшихся у него в наследство от матери, Надежды Евсеевны Добычиной (1884-1949), известного искусствоведа, работника Русского музея, а в прошлом – руководителя популярного в Петрограде 1910-х годов «Художественного бюро Добычиной». Иногда, в результате добрых отношений ко мне, Даниил Петрович уступает мне что-нибудь из своих фондов.

Однажды, году в 1967-м, он показал мне небольшой рисунок художника Юрия Анненкова – портрет Велимира Хлебникова. Увидя мой восторг, Даниил Петрович уступил его мне.

Не приходится объяснять, кто такой Велимир Хлебников. Молодые книголюбы познакомились с его творчеством по недавно вышедшей книге. Художник Юрий Павлович Анненков (1889-1974) тоже очень известен. Создатель знаменитых книжных иллюстраций к «Двенадцати» Александра Блока и «Мойдодыру» Корнея Чуковского, он оставил огромную портретную галерею деятелей русской истории и культуры своего времени. Среди выполненных им портретов – В.И. Ленин и А.В. Луначарский, Анна Ахматова и Максим Горький, Александр Бенуа и Натан Альтман... К сожалению, в 1924 году Юрий Анненков уехал из Ленинграда, жил в основном в Париже, где и умер, а у нас его постепенно стали забывать.

У библиофилов моего поколения пользовалась любовью монография о художнике – «Юрий Анненков – портреты», изданная в Петрограде в 1922 году тиражом 900 пронумерованных экземпляров. На принадлежащем мне экземпляре имеется дарственная надпись, но не художника и не авторов книги, а одного из предыдущих владельцев, писателя Бориса Лавренёва:

«Наталии Максимилиановне Тихомировой на Новый год и в память умерших. Борис Лавренёв. 21.XII-27».

Возвращаясь из Ленинграда в Одессу, я посетил Киев, где показал своё новое приобретение Юрию Алексеевичу Ивакину (1917-1983), известному

*Ю. Анненков. Портрет В. Хлебникова. Рисунок сангиной.
Фото М. Рыбака*

литературоведу и сатирическому писателю, а также страстному собирателю русского искусства начала нашего столетия, в живописном собрании которого широко представлены работы Юрия Анненкова. Вскоре Юрий Ивакин в очередном письме к художнику, с которым систематически переписывался, упомянул о портрете Хлебникова его работы, находящемся в Одессе. Это сообщение заинтересовало Анненкова, в ответном письме он спрашивает, что это за портрет, так как, по его словам, он написал только один портрет Хлебникова, который находится в Ленинграде, в собрании Добычина. Ивакин порекомендовал мне лично рассказать Анненкову историю приобретения портрета, что и было мною сделано. Сохранившееся у меня ответное письмо художника с благодарностью и просьбой прислать фотографию с портрета датировано 4 марта 1969 года.

Этот портрет Велимира Хлебникова представляет ценность и художественную, и иконографическую: известно не так уж много изображений поэта и каждое вновь найденное пополняет его образ.

Портрет публикуется нами впервые.

Рисунок сангиной, бумага, размеры 33,5×25,0 см.

Надпись чернилами внизу справа: «Ю. Анненков. Портрет В. Хлебникова», – добавлена владельцем позднее.

Год создания портрета остаётся пока неизвестным. Но, поскольку в книге «Портреты» в подробном перечне работ художника, доведённом до 1921 года включительно, он не упомянут, можно думать, что создание его относится к последнему году жизни поэта (умер, как известно, 28 июня 1922 года).

Неоднократно многие иногородние собиратели пытались забрать у меня этот портрет, соблазняя разнообразными формами обмена, но я твёрдо решил, что эта работа должна остаться в Одессе.

P.S. Настоящая публикация подготовлена автором, И.М. Федорковым (1900-1990), в 1987 году для сборника статей секции книги «Одесский альманах библиофила». Издание книги не состоялось, а рукопись сохранилась в архиве секции.

После убийства И. Федоркова грабителями в апреле 1990 года портрет исчез вместе с другими произведениями из коллекции. Фотография – работа М. Рыбака – сохранилась в архиве коллекционера.

С. Луцкич

А.Л. Яворская**ПИСЬМА СЕМЕНА КИРСАНОВА**

Подробное описание рукописного архива С.И. Кирсанова было дано в моей статье «Рукописи Семена Кирсанова в фондах Одесского литературного музея» (Дом князя Гагарина. – Вып. 4. – Одесса, 2007. – С. 141-156).

Публикация пятнадцати писем С. Кирсанова 1923-1942 гг. является продолжением этой работы. Письма к С. Бондарину (кроме последнего) ранее были опубликованы автором в альманахе «Мория» (Одесса, 2006. – № 6. – С.145-152). В настоящую публикацию внесены дополнения и уточнения. Остальные письма публикуются впервые.

В большинстве писем авторская датировка отсутствует, датируются по содержанию. Публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

С. Кирсанов. Одесса. 1927

Григорию Давидовичу

Письмо получено от Морана Рувима Давидовича (Москва) в 1979 г., протокол фондово-закупочной комиссии № 1, 25.05.1979, акт приема № 163, 25.06.1979.

Моран Р.Д. (1908-1986) – поэт, переводчик с тюркских языков (в основном, с татарского). Родился в с. Березовка под Одессой. В 1922-1927 член литературной организации «Потоки Октября». Первые публикации (в том числе в альманахе «Потоки Октября», 1924) подписывал «Мочан». С 1927 г. жил в Москве, публиковал стихи и переводы в журналах и газетах. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 г. был арестован. Когда жена чудом сумела добиться свидания с ним в лагере, Моран просил ее запоминать новые стихи, которые она записала, вернувшись в Москву (Разговор Р. Морана с сотрудником ОЛМ Н. Городецкой, 1986). Моран был освобожден в 1953 г. Первая книга стихов и переводов «Выбор» вышла в 1968 г. в Казани. Отдельным изданием книга стихов Рувима Морана «В поздний час» вышла в 1990 г. в Москве.

Дорогой Григорий Давидович

Только что получил Ваше письмо и книги «Повесть» и «Слиток». «Слиток» книга очень хорошая. Ниже я поговорю подробней о ней. В Одессе скука и никого нет, но интерес к литературе огромный. Вечер Гроссмана «о Москве» прошел при большом количестве публики (зал кл[уба] Гифона был переполнен) и это несмотря на высокую плату (1 мил.[лион]).

В Одессе существ[уют] кружки: 1) «Потоки». Это пролет.[арские] поэты и писатели – порядочная пакость, но есть один талантл.[ивый] парень, – Резников. Они собираются 2 раза в неделю. 2) Студенч.[еский] кружок поэтов (я предс[едатель]) в котором есть группа футуристов и имажинистов. 3) Одесская ассоциация футуристов «ОАФ». (Вам известно об организов.[анной])

Р. Моран. Конец
1920-х

в Москве «Моск.[овской] а в будущ.[ем] международной ассоц.[иации] футуристов»? Было издано много книг, в том числе прекрасная книга Асеева «Стальной соловей»). ОАФ работал с мая до середины июля и возобновил свою деятельность через месяц. Издать книгу нет никакой возможности. Кстати, сколько стоило Вам издание «Слитка» и «Повесть». Багрицкий позавчера уехал в Николаев. Ширмахер в Харькове. Владимиров в Первомайске, Тарловский в Москве. Бондарин, Кесельман, Славин, Ильф и мн. др. в Одессе, но бездействуют. Лишина зачала писать в духе томящейся гимназистки à la Надсон и весьма довольна своими подвигами на поэтическ.[ком] поприще. Бабкина за границей. Бондарин написал много стихотворений, но слабее предшествовавших его поездки на Поволжье. «Слиток» я еще не успел просмотреть основательно (только что принесли). Мне понравились «Острожная», «Парикмахерская», «Луза», «Кукольное» «Эпитафия» и мн. др. В следующем письме когда я внимательно прочту книги, я подробнее остановлюсь на них. В Книге «Слиток» уже вполне ясно вырисовывается Ваш облик как поэта, влияния мельче и попадают лишь как пережиток «Проруби», в которой эти влияния более резко чувствуются. Вот, я держу «Прорубь» и вижу, какая дорога была сделана Вами и сколько достижений! Особенно теперь когда так мало хороших стихов и настоящей поэзии, когда так трудно работать без окружающей настоящей литературной среды.

Ваша книга представляет большую ценность для всех, понимающих поэзию, как нужно понимать ее, для всех, для кого поэзия стала насущным, необходимым.

Я писал. Писал много, но не отступил от своего пути и все, кажется, в порядке только ощущается необходимость печататься, вообще литературного общества, среды. Ее теперь нет. От Александрова было получено много стихов. Хорошие; он издал книгу в Яффе и собирается издать в Берлине. В Одессе поэты бр[атя] Маккавейские и предс.[тавитель] Парижск.[ого]

союза поэтов Талов (он приехал жениться). Я сейчас работаю много по языковедению (слав.[янскому]), состою чл.[еном] Правл.[ения] Произв.[одственной] Маст.[ерской] Синтетич.[еского] Театра. Мы открываем театр в Красн[ом] Факеле, и первые постановки будут: «Веселая Смерть» Евреинова, «Ошибка Смерти» Хлебникова (он умер), «Стенька Разин» Гершуненко, опера «Войана» Кирсанова и др. Я написал оперу с музыкой. Основанную на словосозвучиях, ритме, шумах, звонах etc., поэму «Дискобол», поэму «Верязь», и еще две поэмы.

Письмо написано на двойном листе в клеточку коричневыми чернилами, без подписи и даты. На обороте надпись карандашом С. Кирсанов.

P-974 / КП-9385

Адресат письма не установлен, по упоминаемым в тексте событиям письмо можно датировать 20-21 августа 1923 г. (правда, этому противоречит упоминание И. Ильфа, который уехал в Москву 7 января 1923 г.).

Любопытно сравнить текст письма с воспоминанием С. Кирсанова о жизни одесских «левых» в 1921-24 годах:

«Мне приходилось представлять все левое в Одессе. Трудности колоссальные. С одной стороны Русское товарищество писателей, с другой – мама и папа не признавали футуризм.

Тем не менее люди были найдены, и в 1922 г. была организована, по примеру "МАФ" – Одесская ассоциация футуристов – "ОАФ".

Нас было мало, и вся работа была лабораторной. Было несколько публичных выступлений.

Через год я случайно узнал, что существует помимо нас еще одна левая группировка. Обе группы были слиты – и возник "Одесский Леф". Политпросвет предоставил разрушенный дом, и мы, человек 50 футуристов-поэтов, актеров, художников и джаз-бандитов, – собственными руками отстроили его, постлали крышу и открыли театр. Одновременно шло завоевание прессы. Напечатали воззвание "За театральный Октябрь" и статью "Что такое Леф?"

Открытые футуристического театра и напечатание статьи вызвали дискуссию и невероятную шумиху. Появились какие-то лекторы, улицы зацвели афишами диспутов.

Неизвестные лекторы собирали на доклады о Лефе массу народу и бесовестно искажали наши задачи. Один лектор договорился до того, что заявил дословно: – Леф уносит нас в прекрасную златовейную сказку чаруйного небытия.

Мы, лефовцы, крыли их почем зря, разоблачали и уничтожали. Впервые приехал в Одессу Маяковский, уяснивший нам настоящие задачи левого фронта.

Н. Данилов. Эскиз рекламного плаката для «Синтетического театра». 1921

Но потом нас тоже уничтожили. Театр был передан коллективу "Массодрам" (нечто вроде московского Камерного), и все разбрелись.

Опять я остался в единственном числе. Тем временем "Южное товарищество" продолжило цвести, родилась новая группа quasi-пролетписателей "Весенние потоки", после переименовавшая себя в "Потоки Октября" [ошибка, организация с самого начала назвалась «Потоки Октября» – А.Я.]. Одно название свидетельствует о бездарности и безвкусице этих писателей. Нужно было бороться, а людей не было» (Кирсанов С. Черноморские футуристы // Новый Леф. – М., 1927. – № 8-9. – С. 85-86).

Гроссман Леонид Петрович (1888-1965) – литературовед, писатель, поэт. Родился в Одессе, окончил Новороссийский университет. С 1921 г. жил в Москве.

«*Потоки Октября*» – литературная организация, действовавшая с 1921 по 1927 г. «...Вокруг "Потоков" сгруппировалась целая плеяда молодых писателей и поэтов. Хотя кружок называется – и не без основания – пролетарским, он построен не на началах специфического "пролеткультовского" сектантства, по которому "пролетарские писатели" обязательно должны быть из природных пролетариев. В составе "потоковцев", кроме рабочих, имеются и так называемые советские разночинцы» (Силуэты. – Одесса, 1922/23. – № 2. Цит. по: Колычев О.Я. Рождение «Потоков Октября». – Машинопись. ОЛМ Р-534 КП-7901). В 1924 был издан одноименный альманах. Лидером «Потоков» с 1922 г. стал Э. Багрицкий. Заседания проходили дважды в неделю. «В те дни одесские литераторы собирались в железнодорожном клубе на Степовой улице. По субботам читали сами, по средам обсуждали произведения какого-нибудь московского поэта или классика» (Гехт С. Вечера в железнодорожном клубе // Э. Багрицкий: Альманах под ред. Влад. Нарбуга. – М., 1936. – С. 240).

Резников Анатолий – поэт, прозаик, один из организаторов «Потоков Октября», друг Э. Багрицкого. Из письма Л.Г. Багрицкой к А.Ю. Розенбойму 29 ноября 1965 г.: «Толя Резников, участник этого кружка ["Потоков"], уговорил своего отца пустить нас к ним в квартиру. Так мы попали на Дальницкую, 3». По воспоминаниям Г. Адлер, умер молодым.

МАФ – «Мы, футуристы, объединились в начале 1922 года в отдельную группу МАФ, Московская Ассоциация Футуристов (в будущем международная). Мы устроили издательский комитет, уже выпустили две книжки: моя "Люблю" и Асеева "Стальной соловей"» (Маяковский В. Беседа с сотрудником газеты «День» // Маяковский В.В. Полное собр. соч. в 13 т. – Т. 13. – М., 1961. – С. 216).

Асеев Николай Николаевич (1889-1963) – поэт.

«*Стальной соловей*» – книга стихов Н. Асеева, вышла в 1922 г.

Багрицкий (Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895-1934) – поэт. Родился в Одессе. *позавчера уехал в Николаев* – Багрицкий приехал в Николаев 23 августа 1923 г. См.: mk.archives.gov.ua/public/melnic.

Ширмахер Дмитрий – участник литературной жизни 1919-20 гг. Из воспоминаний художника Е. Окса: «Он был хром, носил ортопедический сапог, лицо имел бледное, один глаз был зеленый, другой был желт. <...> Митя Ширмахер принадлежал к славному племени одесских комбинаторов. <...> он был небезынтересным собеседником и гостеприимным хозяином» (Ильф А. Ильф Ильф в Одессе. 1897-

1922 // Путешествие в Одессу. – Одесса, 2004 – С. 36-37). С. Бондарин упоминает его как Митю Махера: «...откуда у Мити, прихрамывающего на одну ногу, столько энергии и предприимчивости. Стихов он не сочинял и не декламировал чужих, но znalся дружески со всеми пишущими. <...> Ловкач ухитрился занять обширную квартиру, наполненную обломками стильной мебели. <...> Вот так и начинался коллектив поэтов, до этого не имевших постоянной аудитории» (Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. – М., 1971. – С. 128-127).

Владимиров (Ширман Э.В.) Эмиль – поэт, прозаик, участник «Зеленой лампы», позднее – сотрудник угрозыска. Составил (с Е.Н. Муленцом) «Карманный справочник милиционера» (1927). Переехал в Москву; по рассказам, покончил с собой в 1937 г.

Тарловский Марк Ариевич (1902-1952) – поэт. Участник «Коллектива поэтов». В 1921 г. поступил на отделение литературы и языка факультета общественных наук Московского университета.

Бондарин Сергей Александрович (1903-1978) – писатель. Родился в Одессе.

Кесельман Семен Иосифович (1889-1940) – поэт, псевдоним Эскесс. Родился и жил в Одессе, сотрудник сатирического журнала «Крокодил». Одно из последних упоминаний о его участии в литературной жизни Одессы – заметка Э. Багрицкого «Вечер Южно-русского товарищества писателей» (Известия. – Одесса, 1923. – 2 февр.). Среди выступавших были К. Бархин, А. Кипен, М. Гитерман, П. Ставропуло (П. Ставров). «Оппонентами выступили представители "Потоков", упрекавшие участников вечера как в техническом несовершенстве, так и в полном отсутствии какой-либо идеологии».

Славин Лев Исаевич (1896-1984) – писатель. Родился в Одессе. Участник «Коллектива поэтов» и «Потоков Октября». Уехал в Москву в 1924 г.

Ильф (Файнзилбергер) Илья Арнольдович (1897-1937) – писатель. Родился в Одессе. Уехал в Москву 7 января 1923 г., приезжал в мае 1923.

Лишина Тая Григорьевна (нач. 1900-х - 1968) – участник «Коллектива поэтов», автор воспоминаний о литературной жизни начала 1920-х гг. Переехала в Ленинград, работала в ленинградском отделении Союза писателей. «Тая, брюнетка с красивым и умным лицом, отлично читавшая стихи своим мягким сильным голосом» (Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. – М., 1971. – С. 198). «Девятнадцать лет я написала последнее стихотворение и навсегда перестала писать стихи» (Лишина Т. Встреча с поэзией // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. – М., 1973. – С. 91). Т. Лишиной адресованы три письма И. Ильфа 1920-21 гг. См.: Лишина Т. Так начинают жить стихом // Прометей. – 1968. – № 5. – С. 325-332.

Надсон Семен Яковлевич (1862-1887) – поэт.

Бабкина – лицо неустановленное.

Александров Эзра (Зусман Эзра Абрамович) (1900-1973) – поэт. Родился в Одессе, в 1922 г. эмигрировал в Палестину.

поэты братья Маккавейские – фраза не совсем понятна. *Маккавейский Владимир Николаевич (1893 или 1891-1920)* – поэт, переводчик. Автор книги стихов «Стилоз Александрий» (Киев, 1918). Вместе с братом Николаем и несколькими киевскими поэтами издал альманах «Гермес» (Киев, 1919).

В 1922-24 гг. в одесских театрах работал актер и режиссер Владимир Емельянович Маккавейский, принимавший участие в работе «Потоков Октября»: «Дальше т. Маккавейский, точно Зевс на Олимпе, внушает слушателям мысль и психологию драмы "Великий коммунарь"» (Борисов А. В клубе им. Ленина // Силуэты. – Одесса, 1923. – № 13. – С. 12).

Парижск. союза поэтов – М. Талов был одним из основателей литературно-художественного объединения «Палата поэтов» (Париж, 1921).

Талов Марк Владимирович (1892-1969) – поэт, переводчик. Вернулся в Россию из Франции в августе 1922 г. «В начале октября [1922] я уехал в свой родной город. <...> В Одессе я женился и оставался там полгода. Был принят в Одесское товарищество писателей, печатал свои стихи и очерки в газетах» (Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы. – М., 2005. – С. 65-66). Женой М. Талова стала Эрнестина Сигизмундовна Ловенгардт (1894-1944), сестра одесского журналиста Антона Ловенгардта (1875-1941).

Произв. Маст. Синтетич. Театра – Производственная мастерская революционного синтетического театра создана в феврале 1920 г. В правление мастерской входили С. Кирсанов, С. Бондарин, В. Овчаренко, Ю. Олеша, Н. Данилов, М. Гершуненко и др.

Красный факел – театр под руководством В. Татищева работал с апреля 1920 до осени 1921 г.

Мы открываем театр – Синтетический театр Лефа был открыт в декабре 1923 г., просуществовал до марта 1924. «Некоторые одесские "юголефовцы" [ошибка, «Юголеф» возник в 1924 – А.Я.], в том числе и Кирсанов, подвизались в этом театре в качестве актеров. Кирсанов был так же администратором театра. <...> отец Кирсанова <...> говорил: "Кажется, из моего Семки все-таки получится человек. Я думал, что он всю жизнь будет заниматься этими пустяками – писать стихи. Администратор – это фигура"» (Олендер С. «Веселый Эдуард» // Октябрь. – 1967. – № 4. – С. 191). «Синтетический театр (Леф) по ряду внешних причин прекращает свою работу, уступив по предложению Од. Пролетульта свое помещение театру Массодрам» (Декларация: Лефдискуссия // Силуэты. – Одесса, 1924. – 24 марта, № 23. – С. 2). Адрес театра: Ласточкина, 26.

Евреинов Николай Николаевич (1879-1953) – драматург, режиссер, теоретик искусства. Эмигрировал в 1925.

«Веселая смерть» – пьеса-арлекиада (1909), впервые была поставлена в «Веселом театре для пожилых людей». В 1922 г. в Париже ее поставил Жан Копо в театре «Старая голубятня».

Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885-1922) – поэт, лидер группы «будетлян».

«Ошибка смерти» – пьеса «Ошибка смерти» (1915) впервые была поставлена при участии автора в 1920 г. в Ростове-на-Дону.

Гершуненко Михаил – актер, режиссер. Упоминания о нем в одесской периодике встречаются с начала двадцатых годов. «[Кирсанов] носився з идеєю створення нового синтетичного театру, який кінець кінцем і був створений. Режисером і драматургом театру став Гершуненко. Гершуненко, чоловік величезного зросту,

взимку ходив завжди у тигровій куртці. Поряд з ним Сьюма Кирсанов здавався карликом» (Осипович М. // Комс. іскра. Одесса, 1973, 25 січ.).

«*Степан Разин*» Гершуnenко – «...создан "Синтетический театр", где целый год ставилась одна и та же пьеса одесского "левого" драматурга Михаила Гершуnenко» (Олендер С. «Веселый Эдуард» // Октябрь. – 1967. – № 4. – С. 191).

опера «Войана» – в рукописной тетради С. Кирсанова № 22 (весна-сентябрь 1922 г.) есть «Вакхическая песнь воинов (из оперы "Войана")», датированная августом 1922. – См.: Кирсанов до Кирсанова. – Одесса, 2007. – С. 164.

Основанную на словосозвучиях – о написанной годом ранее поэме «Ратибор» одесские критики отзывались так: «Эта работа, по нашему мнению, не поэтическая, а лингвистическая, полнозвучное, веское, емкое словонакопление, но обеспокоенное до последней степени отсутствием логической, грамматической и композиционно-идейной цельности и связности» (А.Л.Р.[А.Л. Рубинштейн]. Санаторий муз // Силуэты. – Одесса, 1923. – № 6-7. – С. 16).

Сергею Бондарину

Письма получены от Адлер Генриетты Савельевны (Москва), протокол фондово-закупочной комиссии № 32, 11.03.1979, акт приема № 131, 4.06.1979.

Адлер Г.С. (1903-1997), участница «Коллектива художниц» (Одесса, 1920). С 1931 г. – жена С.А. Бондарина. Сохранились три письма И. Ильфа, три телеграммы и восемнадцать писем С. Гехта 1923-26 гг., адресованные Г. Адлер (хранятся в фондах ОЛМ; были опубликованы: Городецкая Н.А. Три письма Ильи Ильфа // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 1. – Одесса, 1997. – С. 112-121; Яворская А.Л. Письма Семена Гехта в фондах ОЛМ // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 3, ч. 2. – Одесса, 2004. – С. 216-257).

С. Бондарин и
Г. Адлер. 1931

Бондарин Сергей Александрович (1903-1978) – писатель, участник одесских литературных организаций «Коллектив поэтов» (1920), «Потоки Октября» (1921-27), «Юголеф» (1924). Дружил с Э. Багрицким, И. Ильфом, И. Бабелем, Ю. Олешей, С. Гехтом. Дебютировал как поэт, позднее стал прозаиком. С 1931 г. жил в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Арестован в марте 1944 г. за «участие в антисоветской группировке, занимающейся антисоветской агитацией», осужден по статье 58.10 на восемь лет. Освобожден в 1953 г. Переводил с кабардино-балкарского книги А. Кешокова. Участвовал вместе с Г. Адлер в конференции «Литературная Одесса 1920-х годов» (Одесса, 1968). Автор воспоминаний о литературной жизни Одессы 1920-1930-х гг. После обращения сотрудников ОЛМ в 1978 г. большую часть архива (более 1 500 книг, журналов, рукописей, фотографий) согласился передать в ОЛМ. После его смерти Г.С. Адлер передала архив в Одесский литературный музей.

С. Кирсанов Сонет Серезжке

От пения синий, до грохота орудий
От залитых закатом алтарей,
Ты пьешь поэзии распоренные груди
Вчера родившийся и умерший Сергей.

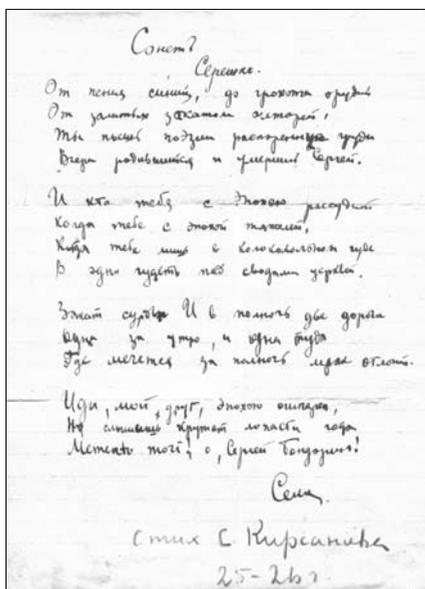
И кто тебя с эпохою рассудит
Когда тебе с эпохой тяжелей,
Когда тебе лишь в колокольном гуде
В одно гудеть под сводами церквей.

Закат суров. И в полночь две дороги
Одна за утро, и одна туда
Где мечется за полночь мрак отлогий.

Иди, мой друг, эпохою ошпарен,
Но слышишь крутят лопасти года
Memento mori, о, Сергей Бондарин!

[1925-1926]. Дата написана рукой
С. Бондарина.

P-188 / КП-2492

1

Серезжка!

Скучища здесь – аж ну. Я только теперь понял, что лучших парней, чем наших одесских во главе с тобой – нету. Я здесь встретил Мишку Светлова – он мрачен; спрашивал о тебе. Встретились мы распростертыми объятьями.

Коммункультовцы – Шк-ий, Бажан, парни хорошие, да не совсем, – пришибленные они какие-то. В Одессе работа была интереснее – живее – здесь ни черта – никаких вечеров, собраний – одна пыль и «пламя». Поэты какие есть – дурье – остолопы. Ни бельмеса не знают. А вообще засилие Гарта. Я от пыли и зноя ничего не пишу – нет даже речки – чтоб выкупаться. Нетечь (река) – кто-то у дерева наделал, – вот и потекло. Петников – глуп. Целый день некуда пойти, не с кем поговорить.

Почему то вдаль от Одессы ближе всех остальных парней оказался ты – вот и вываливаю всю злобу на Харьков – тебе.

Настроение зловещее. Относительно моей работы (монеты) пока недурно. Жру. Только страшно тормозит незнание мовы. Передай новости. Напиши. Адрес:

Харьков. Дмитриевская ул. Гостин.[ица] «Южная» № 41.
тов. Мельнику
(для С. Кирсанова)

Поцелуй от моего имени всех девочек; привет Мурзину, Олендеру, Эдуарду; пусть напишут.

Первый ряд слева направо: С. Кирсанов, Л. Недоля, С. Бондарин.
Второй ряд: второй слева М. Голодный, третий М. Светлов.
Одесса, 1924

IV.25

С Кирсанов

выходят в Харьк. первомайск.[ие] листы [неразб.]

Архива у меня нет. Стихи (новые) пришлю завтра.

С Кирсанов

Письмо написано фиолетовыми чернилами на двойном листе.

P-89 / КП-2444/4

Светлов (Шинкман) Михаил Аркадьевич (1903-1964) – поэт. Познакомился с С. Бондариным и С. Кирсановым во время приезда в Одессу в 1924 г.

Коммукульт – литературная группировка украинских поэтов-футуристов.

Шк-ий – Гео Шкурупий (Шкурупий Георгий Данилович) (1903-1937) – украинский поэт.

Бажан Микола Платонович (1904-1983) – украинский поэт.

Гарт – союз украинских пролетарских писателей.

Петников Григорий Николаевич (1894-1971) – поэт.

Незнание мовы – т. е. украинского языка.

Мурзин – участник литературной организации «Юголеф».

Олендер Семен Юльевич (1907-1969) – поэт, переводчик, участник литературной организации «Потоки Октября». Родился в Одессе. «Семен Олендер, влюбленный по уши в большую балерину, бродивший так же, как все мы, по бульвару, оглушенный июльским солнцем Одессы, писавший свежее, не стершиеся стихи (”Далось

мне в руки, не артачься, Насмешливое насекомое”), сын одесского часовщика, так и назвавший свою первую книгу ”Часовщик”, с первых дней совершеннолетия поклявшийся бросить свою жизнь под ноги лирической музе» (Колычев О.Я. Рождение «Потоков Октября». – Машинопись, ОЛМ). С 1926 г. жил в Москве. Эдуард – Э. Багрицкий.

2

Дорогой Сережка

Вот уже две недели, как я в Москве. До меня дошли слухи, что ты в Харькове хорошо устроился, чему я несказанно рад. Чорт побери, счастье свалилось тебе на голову, ех machina, и кажется немного придавило тебя. Шутка ли – мамаша плюс сестра, плюс благосостояние!!!

На себя пожаловаться не могу. Что-ж? В Москве я живу не хуже других – т.е. зарабатываю недурно. Халтур писать не пришлось, т.к. все старое пошло в оборот. Живу на девятом этаже, в прекрасной комнате, предоставленной мне взаимобразно людьми, уехавшими на Кавказ, на 2 месяца. На днях получаю постоянную службу (в «Новом журнале», начинающем выходить). Работа хорошая – секретарем. Правка литерат.[урного] материала и все. Эдуард тоже здесь. Ему приходится слегка подхалтуривать, т.к. Лида и Сева требуют увеличенных расходов. Но зато весело! Подобрались хорошие компании, хорошие люди etc! Здесь Леф разворачивает работу – все съезжаются и объединяются. Чужак снова с нами. Арватов окончательно выздоровел. Третьяков приехал, остается в Москве. Госиздат дает деньги, и т.д. В Одессе дело так: туда поехал б.[ывший] председатель Казанского Лефа, и будет что-то снова организовывать. Он милейший человек. Старый партиец и всецело с нами. Новые мои стихи напечатаны в «Комсомольской правде» – проданы в «Мол.[одую] Гв.[ардию]», «Красн.[ую] Новь» и особенно левые в «Леф». Он на днях выходит.

В Москве приняли меня очень хорошо. Лучше, чем ожидал. И советую тебе из вонючего Харькова перебраться сюда, в Ресефесерию. Такой парень как ты, нужен здесь и хорошую, хорошо оплачиваемую работу ты найдешь в два счета. Умные люди здесь в почете, дураков не любят. Дуракам приезжать не советую, а тебе да! Ну пока дружище целую тебя.

Привет, кого знаю.

Сема Кирсанов

P.S. Пиши мне так:

Москва:

Главный почтамт.

Семену Кирсанову

До востребования.

[1926]

две недели, как я в Москве – «В январе 1926 г. я уехал в Москву» (Кирсанов С. Черноморские футуристы // Новый Леф. – М., 1927. – № 8-9. – С. 86).

Живу на девятом этаже – С. Кирсанов жил у Асеева (см. ниже письмо Э. Фурманову). «Живу я на девятом этаже, ход ко мне по неосвященной лестнице» (Асеев Н.Н. Три встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин: Воспоминания. – М.; Л., 1926. – С. 189); «Все в этой просторной комнате поражало чистотой и порядком» (Катаев В. Алмазный мой венец. – Кишинев, 1986. – С. 382).

«Новый журнал» – возможно, имеется в виду «Новый Леф», первый пробный номер которого должен был выйти в декабре 1926 г.

Лида и Сева – Лидия Густавовна Суок-Багрицкая (1895-1969) и Всеволод (1922-1942), жена и сын Э. Багрицкого.

Леф – Левый фронт искусств, литературная группировка левопутнического толка, существовала с перерывами с 1923 по 1929 г. По словам В. Маяковского, «Леф обязан продемонстрировать панораму искусств РСФСР, установить перспективу и занять подобающее место».

Чужак (Насимович) Николай Федорович (1876-1937) – участник революционного движения, литературный критик, журналист, входил в Леф.

снова с нами – Чужак вышел из редколлегии «Лефа» в ноябре 1923 г. «Отношение Чужака к "Лефу", а позднее к "Новому Лефу" колебалось между худым миром и недоброй ссорой» (Незнамов П.В. Маяковский в двадцатых годах // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 375).

Арватов Борис Игнатьевич (1896-1940) – критик, литературовед, теоретик Пролеткульта и Лефа.

Третьяков Сергей Михайлович (1892-1939) – прозаик, поэт, один из теоретиков Лефа. *проданы в "Мол. Гв.", «Красн. Новь»* – «Последние стихи [С. Кирсанова] 25 и 26 гг., напечатанные в "Молодой Гвардии", "Звезде" и "Красной Нови", слабее по значению [по сравнению с упоминавшимися ранее критиком «Крестьянская – буденовцам» и «Красноармейская разговорная» (Леф, 1925, № 3 (7). С.25-26) – А.Я.] и примитивнее выполнены. Сильно в них стало ощущаться влияние Н. Асеева» (Красильников В. Молодые поэты // На литературном посту. – М., 1926. – № 7-8. – С. 39).

3

Милый Сережка!

Слыхал о твоих успехах. Рад за тебя. Здесь – Верка Рыбий Глаз.

Живу в Кунцеве. Здесь все одесситы. Я продал книжку старых (одесских) стихов. Напиши подробно как живешь и я напишу тебе целые Анналы.

Привет от Эди и прочей шпаны.

Приезжай! Найдем для тебя в Кунцеве – угол.

Целую.

С. Кирсанов.

Дописано карандашом – Гл. почтаamt до востребования.

[1926]

Письмо написано фиолетовыми чернилами на двойном листе.

Р-85 / КП-2444/7

Живу в Кунцеве – в Кунцеве снимали жилье Э. Багрицкий, С. Гехт, С. Олендер, К. Паустовский.

Верка Рыбий Глаз – упоминается в письме С. Бондарина А. Дунаевскому 9 июля 1927: «Вновь появилась Верка "Р.Г." – через 2-3 недели едет в Батум и далее» (ОЛМ, Р-887 КП-9111).

Анналы – *Анналы* (117), книга древнеримского историка Публия Корнелия Тацита об эпохе правления Юлиев-Клавдиев. Здесь – подробное письмо.

Книжку старых – речь идет о книге «Прицел», (1926). Сообщение о подготовке «Прицела» к изданию «Юголефом» появилось в 1924 г. (Юголеф. № 5).

Эдя – Багрицкий.

4

Дорогой Сережка и вся братва!

Отчего молчите? Вероятно, Вам уже известно – я помирился с Ленькой. Было это так. Раньше – звонил телефон, затем – я в кабинете редактора крестьянск.[ой] лит.[ературы] ГИЗа, потом дружеские объятия, поцелуи и проч. Затем – пиво и мы в дружбе.

Ленька уехал обнюхивать Питер с Ширвинтом.

Я процветаю. Сезон тих как пруд.

Собираюсь жениться.

Мне скучно в Москве, скучно и другим. Вот – окончу дела с книгой – получу 800 р. И айда в Питер.

Сережка! –

Если ты соберешься в Москву – кровать, матрас и ½ письменного стола обеспечены – прими к сведению.

Живу я в Кунцеве «Почтовый проезд – дача Рамберта – я»

Скрипник – }

Долотин – }

приветствую Вас от всей Москвы и сообщаю – Москва Вас ждет!

Приезжайте спасать Москву.

Целую.

С. Кирсанов

[1926]

Письмо написано фиолетовыми чернилами на двойном листе.

Р-86 / КП-2444/6

Ленька – Чернов (Малошейченко) Леонид Кондратьевич (1899-1933) – украинский поэт-имажинист. В 1924-25 гг. жил в Одессе, член Юголефа.

Ширвинт – лицо неустановленное.

Собираюсь жениться – Кирсанов женился в 1928 г.

Скрипник – литератор, участник одесских литературных группировок 1922-25 гг.

Долотин Николай – литератор, участник одесских литературных группировок 1922-25 гг. Упоминание о его переезде в Москву есть в письме С. Бондарина А. Дунаевскому 7 / VI 1926 (ОЛМ, Р-901): «Последние дни <...> провожу за городом – в Кунцево. <...> я у Долотина, который снимает обвешаемую ветрами виллу в два – три квадратных аршина. Его проницательные хозяева воткнули в крышу виллы деревянную лиру, должно быть в знак того, что здесь обитают музы».

5

Драгоценный Сережка!

Кой черт рвет меня писать тебе не знаю. Вероятно, потому что больше некому. Отчего не ответил. Продолжаю рассказывать тебе о нашей московской жизни. Теперь в Москве «вся Одесса» вплоть до Олендера и Сем.[ена] Марковича из «Известий».

Мы поэтому организуем «Остров».

Мои дела успешны как никогда. Меня рвут на части (это не метафора). Я имею две службы. Печатаюсь на все сто. Позавчера познакомился с К. Радеком (у Вс. Иванова) читал ему стихи – (нравится) и много говорили. Он милейший человек и без чванства.

В общем жизнь прекрасна. На кой шут ты торчишь в этой провинции?

Гони сюда. Ты здесь необходим для композиции. Все одесцы кроме тебя тут, а ты...

Впрочем, делай, как хочешь.

Но помни, время не ждет.

Целую тебя.

С. Кирсанов

[1926]

Письмо написано фиолетовыми чернилами на двойном листе.

Р-83 / КП-2444/9

«Известия» – газета «Известия Одесск. Губкома КПБУ, Губисполкома и Губпрофсовета».

«Остров» – компания одесских литераторов, позднее носившая название «Одеколон» (Одесская колония).

Радек Карл Бернгардович (1885-1939) – деятель международного социал-демократического движения, журналист.

Вс. Иванов (Иванов Всеволод Вячеславович) (1895-1963) – писатель.

6

Милейший Сережка!

Пишу в уверенности, что не ответишь. Понимаешь, до сумасшествия хочется рассказывать, говорить, а тут ни души. Хоть мы и помирились с Ленькой, но все таки между нами стало что-то, есть такой почти незаметный холодок. А со Скрипником вообще трудно разговаривать – это знаешь –

«парень» есенинской складки. Мало людей в Москве. Одесса была хороша тем, что там помимо «делов» было и другое, а Москва по горло занята делом и выхода закипающей крови нет. Здесь и слово «друг» равнозначно с словом «компаньон». Лучший друг, (нпр.) М.Светлова – некий Ефимов, а вся дружба заключается в совместном писании халтур. Я очень близок с Васей Казиным, это может быть, единственный человек (о, тебе он пара, такой же олимпийской кладки) с которым можно бродить по улицам с 12 до 12 – и перебирать мозги. Но и у него это подернуто какой-то зажитой московской хитрецей. Если ты приедешь в Москву – ты удивисься – о чем люди говорят: статьи, деньги, дела, авансы, службы, десяток сплетен и все. Таковы и Катаев и Гехт, и Олеша и Славин и Ильф и другие: – москвичи, ленинградцы – все это сплошная бухгалтерия. Скучно.

Я скоропостижно и безостановочно лирею. Названия последних стихов – «Любовь лингвиста», «О любимой и родном городе», «Я – замерзающий», «Балалайка», «Баллада о скрипке» – говорят о их характере. В стихах очень поумнел (мнение общее), стал хватать тему, стал стихами *думать*, отчасти в ущерб внешности. Что ж, взрослеем...

Живу замкнуто. Первый период моей московской жизни ознаменовался шумным вступлением, погоней за грохочущей апплодисм.[ентами] аудиторий – меня тянуло на эстраду и я это делал с постоянным успехом, а потом надоело. И вот три месяца я сижу в Кунцеве – пишу стихи, поэму, прозу, теорию. Выезжаю в город только на заработки и в гости – к Маяковскому, Асееву, Казину, Пастернаку. Этих людей я люблю и они меня любят.

Маяковский мне за лит.[ературного] отца, Асеев за мамашу, Казин за двоюродного брата, а Пастернак – родственник.

Кстати, о поэзии. Что теперь писать?

Я об этом думал и пришел к определенным выводам. Нужно писать Евгениев Онегиных, Чичиковых, нужно писать о людях и событиях. Конечно, настоящие люди в Москве не кушают Есенина. Есенина потребляют девушки, плаксы и недоумки. То, что делал Есенин – забудется и станет претить как Надсон. Так думают любимейшие из моих поэтов. И то, что они сейчас делают (Пастернак – поэма «1905», Асеев – поэма «Герой наш.[его] врем.[ени]», Сельвинский – «Уляляевщина») показывает, что нужно – шире, глубже, выше и просто в охапку от звезд до преисподней, за душу брать современность. Конечно, к чорту

В. Маяковский. Сер. 1920-х гг.
На обороте рукой Маяковского
написано: «Милой Клаве [Кирсановой] – дикобраз. Выбросьте,
взглянувши раз»

тенденциозность с ее ликбезами, ячейками, ленинками и рабфаковцами. Это – бич.

И я пишу поэму. О том, что я видел и знаю. Это Одесса годов «Алмаза» и Мишки Япончика. Героем беру эсерку из гимназисток (сестра) и пишу пятистопным деформированным ямбом вперемешку с тактовиком (разбитый стих). Отрывки уже читаны лучшим людям. Очень нравится. Знаю, что будет вещь. Там и романтика и лирика до истерики, и хмурый матросский фольклор.

Страдаю за тебя. Надо изжить, сорвать, соскрести нагар всего сделанного с 1923. Посмотреть в себя, увидеть себя – не вузовского, не главлитского, а себя, идущего по жизни от детства, гимназии, любви – себя – себя. Понимаешь: я понял, что «Россия», колокола, синица, Аленушки – все это страшно нужно, без этого нельзя живому человеку, малосолено без этого жить. И представь: я читал Асееву и Пастернаку «Лирич.[еское] напоминание» и старые твои стихи. Второе понравилось, первое нет! Понимаешь, нужно писать от своей крови, чужая – холодит, сушит, темнит.

Да, это может называться и «нутром», но нутро понятие перевернутое. Писать от нутра и действовать на нутро (чужое) – не то же самое. Тут расхождение с Есениным, у которого все рисовка, расчет на зрителя, вплоть до его (Есенина) «трагической» смерти.

Я не знаю, как ты будешь писать впредь, то громадное, что у тебя было, пропасть не могло – оно задавлено чужим для тебя миром, что ворвался в тебя. Ворваться в мир должен был ты и в этом страшная неладица.

Я хотел было поехать в Харьков повидаться с тобой. Но отъезд в Питер, где я промотал тридцать с чем то червонцев полученные за книжку, и последующий декофт разрушили предположения. Теперь будет так: я в Москве буду до марта 14-го, потом поеду в Одессу, а там до августа буду готовиться к экзаменам в университет, в котором мне устроено союзом место. Если можешь достать отпуск на неделю, приезжай в Москву, много будем говорить, многое я тебе покажу, познакомлю с чудными людьми и чудесными местами в Москве.

Да, нравится ли тебе проза Скрипника? Мне, откровенно говоря – нет. Я этого не скрывал. Она некультурна и рассчитана на «третьего потребителя». Говорят, ты пишешь прозу. Соболезную – эта хворь сделалась повальной.

С одесситами (Багриц.[кий], Оленд.[ер], Сиркес) не в ладах. Не по душе они мне, не люблю я их. С Голодным мы густо поругались, со Светловым в дружбе. Он и Артем вышли из Перевала.

Ну друг, пиши, если есть на что ответить и что сказать.

Целую тебя и жму ладонь –

Сема.

Долотину привет. Скажи ему, что письма его к Неделе однообразны и особенных литературных достоинств за ними нет. Все таки поцелуй его и потяни за чуб. Пусть купит роговые очки и вязаный жилет. Это в Москве способствует всеобщему уважению.

Р.С. Здесь блядь Валя. Она потемнела, глаза в ореоле синевы, худая, бледная – съеблась. Что делает в Харькове пацан Рохович? Еще не умер? Если не умер – скажи, чтоб не унывал – умрет когда-нибудь.

С.Кирсанов.

[1926]

Письмо написано коричневыми чернилами на двойном листе бумаги.

Р-82 / КП-2444/10

Слева направо: В. Недоля, неизвестный, неизвестная, С. Бондарин, Н. Долотин, Малеев. Харьков, 16 августа 1925

Помирились с Ленкой – речь идет об упоминавшейся ранее ссоре с Л. Черновым.

Казин Василий Васильевич (1898-1981) – поэт.

Катаев Валентин Петрович (1897-1986) – писатель. Родился в Одессе. С 1921 г. жил в Москве.

Гехт Семен Григорьевич (1903? -1963) – писатель. Родился в Одессе. С 1923 г. жил в Москве.

Олеши Юрий Карлович (1899-1960) – писатель, до 1921 г. жил в Одессе, с 1921 г. – в Москве.

Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930) – поэт.

Пастернак Борис Леонидович (1890-1960) – поэт.

Маяковский мне за лит. отца – «В Кирсанове было столько юношеской живости, блеска, темперамента! Читал он очень эффектно, умело подавая текст, "Бой быков", "Мери-наездница", "Полонез" и другие стихи. Маяковский с высоты своего роста смотрел на маленького подвижного Кирсанова с очень хорошей, ласковой, поощряющей улыбкой. И все аплодисменты, которые доставались

Кирсанову, Маяковский встречал с какой-то отцовской удовлетворенностью (а ведь самому Маяковскому было тогда всего тридцать четыре года)» (Луначарская-Розенель Н.А. Луначарский и Маяковский // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 467). «Что вы скажете об этом босяке, вашем тезке? – спрашивал он [Багрицкий]. – Как он здорово стал писать! И уже почти знаменит. Вам нравятся его быки и тореадоры [Бой быков]? Его ”Допровская отпускная”? Ближайший друг Маяковского! <...> А смешно видеть их вдвоем на Тверском бульваре. Пат и Паташон! Вы не находите?» (Олендер С. «Веселый Эдуард» // Октябрь. – 1967. – № 4. – С. 191).

Асеев за мамашу – как уже упоминалось, по приезде в Москву С.Кирсанов остановился у «нежнейшего» Н. Асеева.

Сельвинский Илья Львович (1899-1968) – поэт.

Одесса годов «Алмаз» – крейсер «Алмаз» в 1918 г. перешел на сторону большевиков. Был плавучей тюрьмой и местом расстрелов. Строки из частушек того времени: «”Ростислав” и ”Алмаз” за республику, / Наш девиз боевой – резать публику»; «Эх, яблочко, куды котисься, / На ”Алмаз” попадешь – не воротисься». Первая фраза упоминается в книге К. Паустовского «Время больших ожиданий».

Мишка Япончик – кличка Михаила Вольфовича Винницкого (1891-1919), прототипа Бени Крика из «Одесских рассказов» и одноименного киносценария И. Бабеля. *сестра* – Берта Исааковна Корчик.

«Лирич. напоминание» – «Лирическое напоминание Ник. Асееву» С. Бондарина было опубликовано: Юголеф. – Одесса, 1924.- № 6. – С. 3.

Есенин Сергей Александрович (1895-1925) – поэт.

последующий декофт – отсутствие денег, тяжелая ситуация (жаргон).

Сиркес – Колычев (Сиркес) Осип Яковлевич (1904-1973) – поэт, переводчик. Родился в Одессе, участник организации «Потоки Октября».

Голодный (Эпштейн) Михаил Семенович (1903-1949) – поэт.

ты пишешь прозу – С. Бондарин начинал как поэт.

Артем – Веселый Артем (Кочуров Николай Николаевич) (1899-1939), писатель.

Перевал – литературное объединение рабочих и крестьянских писателей (1923-1932), «ставящих своей целью художественное оформление действительности и целиком связывающих свои судьбы и задачи с задачами и судьбами революции». Призывали к тесной смывке крестьянской и трудовой интеллигенции.

пацан Рохович – в журнале «Юголеф» № 4 опубликовано стихотворение «Октябрь» А.Роховича (члена Зиновьевского Юголефа).

7

СЕРЕЖИК!

Я, из-за болезни матери, приехал на несколько дней в Одессу. Очень хотелось бы тебя повидать. Напиши мне, когда ты приедешь, если смогу – поддержишь до твоего приезда. Целую тебя.

ОДЕССА ГАВАННАЯ 10, кв. 4 С.КИРСАНОВУ

Машинопись

Р-78 / КП-2444/3

Предположительно записка датируется летом 1927 г. Из письма С. Бондарина к А. Дунаевскому 9 июля 1927: «...после 15 еду под Харьков, на Донец, вероятно, в тех краях буду до августа, в августе вернусь в Харьков-городок. <...> я возьму литер до Луганска, а из Луганска я беру билет в Одессу. Это заставляет отложить свидание с тобой до времени моего возвращения в Одессу, т. е. до начала сентября. <...> в Одессе гостят писатели Сема и Юзя. Сема написал поэму в 18 000 строк» (ОЛМ, Р-887 КП-9111).

Эмилю Фурманову

Письма получены от Фурманова Эмилия Александровича (Москва).

Протокол фондово-закупочной комиссии № 10 от 11.08.1980, акт приема № 407 от 12.08.1980.

Фурманов Э. А. (нач. 1900-х - 1980) – член литературных организаций «Потоки Октября» и «Юголеф», с мая 1924 секретарь «Потоков Октября». Входил в одесскую делегацию на Первом московском совещании работников левого фронта искусств 16-17 января 1925 г. в Москве, позднее был делегатом Первого всеукраинского съезда пролетарских писателей 1925 г. в Харькове.

Сохранилось два документа: «ВУАПП Всеукраїнська асоціація пролетарських письменників. Членська картка, число 53, м. Харків 1925 Фурманов Еміль Олександр. Фах – письменник та поет, російська секція, час вступу 1922. Видана 30.03.1925» и «ВУАПП Всеукраїнська асоціація пролетарських письменників. Делегатський квиток. Число 54. Тов. Фурманову Е.О. делегату "Потоків октябрю" на 1й всеукраїнський з'їзд пролетарських письменників» (частная коллекция, Одесса).

Э. Фурманов стал одним из организаторов совещания литературных группировок Одессы в июле 1927 г., в результате которого «Потоки Октября», «Гарт» и «Южно-русское товарищество писателей» вошли во Всеукраинский союз пролетарских писателей (ВУСПП).

Первый слева сидит С. Кирсанов, рядом Э. Фурманов. Во втором ряду первый слева А. Безыменский. Москва, январь 1925

Стихи и рассказы публиковались в одесской прессе 1920-х гг., в том числе в сборнике «Потоки Октября» (1924).

Был дружен с Э. Багрицким, сохранилось письмо Э. Багрицкого и С. Олендера к Э. Фурманову за январь 1926 (ОЛМ, Р-579 КП-3603). См.: Багрицкий Э. Письма // Лит. наследство: Из творч. наследия сов. писателей. – М., 1965. – Т. 74 – С.436-437.

В 1927 г. переехал в Москву, в 1927-29 гг. работал в газете «Правда». Э. Фурманов упоминается в публикации В. Шенталинского «Марина, Ариадна, Сергей» (Новый мир. 1997. № 4): «Другое происшествие касается возвращения Цветевой в Москву, которое по приказу НКВД должно было держаться в тайне. И вот на следующий день после приезда матери Ариадне в редакцию позвонил ее приятель, литератор Эмиль Фурманов, и сказал, что он уже знает обо всем от их общего друга Алексея Сеземана (сын Нины Клепининой), и, больше того, успел сообщить новость другим литераторам... "А между тем, пишет Ариадна, Сеземану было известно о том, что о приезде моей матери можно будет рассказать только по получении точных директив НКВД... В конце концов, Алексей Сеземан настолько разболтался, что на него было заведено дело в НКВД и Клепининым, отчиму и матери, было сказано, что если он не прижмет язык, его арестуют. Клепинины вызвали Сеземана на дачу в Болшево и там пропесочили..."

<...> Алексей во всем признается и добавляет:

Ну и что, Фурманов мой лучший друг, у меня от него секретов нет.

И про Эфрона он тоже рассказывал Фурманову, ему можно доверять, у него у самого "брат в НКВД работает".

<...> Аля пришла к выводу, что не только брат Фурманова, но и сам он связан с органами, и, уж совсем переходя в своих показаниях на язык чекистов, глубокомысленно замечает: "Если этот человек действительно является сотрудником НКВД, то работу его и жизнь его необходимо организовать таким образом, чтобы она не привлекала внимания со стороны. Если же этот человек связан с НКВД не имеет, то несомненно, что и он сам, и те люди, среди которых он вращается, могут представить исключительный интерес..."

Ариадна <...> в компании своих молодых друзей, таких, как Алексей Сеземан или Эмиль Фурманов, чувствовала себя белой вороной, и это ее мучило. Ее считали Ариадну старомодной и советовали ей не церемониться, найти какого-нибудь парня и "жить как все".

"В спорах на эти темы, — исповедует Ариадна, — они часто доводили меня до слез, я уходила, хлопнув дверью... И опять через некоторое время начиналась та же пропаганда. Били меня по чувствительным местам: мол, мои взгляды на любовь мелкобуржуазны, брак как таковой не существует, люди сходятся и расходятся, иногда на ночь, иногда на месяцы, редко на долгий срок. "Ты чудачка, все наши товарищи на тебя косо смотрят, ты держишь себя не товарищески, не по-советски, как заграничная штучка". Мне всячески внушалось, что тот стиль жизни, в котором живут они, это и есть стиль жизни всей страны, всей молодежи, и что если я веду себя иначе, то я оказываюсь чужим, враждебным человеком.

Фурманов посмеивался и над моей работой, над тем, что я пересаживаю положенные часы, что я стараюсь делать больше и лучше, чем полагается по моим служебным обязанностям. "У нас литераторы так не поступают, говорил он мне.

Надо быть круглой идиоткой, чтобы сидеть в редакции дни и ночи за четыреста рублей в месяц. Да и что твой журнал, никто его не знает! Нужно выдвигаться, писать рассказы на советские темы, печатать их в журналах, получать большие деньги..." На мои возражения, что советской жизни я не знаю, он мне советывал "выдумывать так, чтобы было похоже". Весь энтузиазм, всю радость моей работы... окружающие старались осмеять и разбить..." <...>

В конце концов, сообщает Ариадна, отношения с Фурмановым кончились тем, что он вдруг предложил ей стать его женой и получил отказ».

В 1977 г. Э.А. Фурманов практически ослеп, поэтому архив отдал племяннице Нине Давидовне Фурмановой, с условием дальнейшей передачи (после его смерти) в Институт мировой литературы. После обращения к нему в 1978 г. сотрудников Одесского литературного музея Э. Фурманов настоял на дроблении архива и передачи его одесской части (книг с автографами Э. Багрицкого, писем С. Кирсанова, фото 1920-х гг.) Одесскому литературному музею.

1

Мильтон!

Своего обещания – т.е. первой открытки – ты, ка-нечено, не выполнил. Ну что ж начинаю переписку я. Рассказываю:

Приехавши, сразу устроился на житье у нежнейшего ко мне Асеева. Повезло. Но на следующий день меня поразила неприятность, вероятно, тебе известная отчасти.

Ты знаешь, что Багрицкий уехал из Одессы с настроением не очень приподнятым. В Москве встретив Олендера он с пеной на губах кричал: – Кирсанов меня опозорил на всю Одессу, я ему то, се etc. Кирсанов занимался дискредитацией парнасцев (т.е. Уткин, Жаров и тд.).

Уткин с Жаровым нашпигованные Эдуардом послали в Одессу письмо.

Узнав об этом я принял меры. И неизвестно, испуганный ли принятыми мерами, или раскаявшийся Багрицкий просил меня встретиться с ним. При встрече он опровергал все сказанное им Жарову и Уткину и дал мне письмо в котором сваливает всю вину на них.

Жаров, которому я показал письмо Э.Б.[агрицкого] – был поражен. Уткина в Москве нет. Теперь дело поворачивается клинком ко мне, острием к Эдуарду. Вы в Одессе услышите продолжение этого дела, которое обещает быть громким. Я его оставить не собираюсь, т.к. все шансы на моей стороне, а так же и симпатии людей знающих об этом. Миля, прошу тебя прислать копию письма Ж.[арова] и У.[ткина]. Точка. Спрашивал Олендера о твоих вещах. Пиши пропало. Их у него нет.

Дела мои великолепны. Книжка моя принята Гизом, 2000 стр. – 1000 руб. Деньги еще не получены, т.к. в ГИЗе – moratorium, т.е. нет денег.

Ты, Миля, как видно обладаешь даром провидения. Помнишь, мы читали М. Цветаеву? Так вот: Пастернак получил из заграницы (Праги) ее 2 вещи – «Поэма конца» и «Крысолов». По мнению Асеева, Пастернака, меня и др. – это лучшее что написано за лет 5. «Поэма конца» нечто совершенно

Сидят: первый справа С. Олендер, пятый – Э. Фурманов. Стоит третий справа А. Борохович. «Потоки Октября». Одесса, 1924-25

гениальное, прости за восторженность! «Крысолов» – верх возможности мастерства. Если мне удастся переписать их – я тебе pošлю отрывки.

Как и следовало ожидать – поэма Э. особенного успеха в Москве не имела. Асееву не нравится, Пастернак ее еще и не знает (вопреки рассказам Э.[дуарда] якобы Пастернак ездил к нему и т.д.). Олендер опять начал писать хорошие лир.[ические] стихи, у него, бедного, порок сердца. Борохович влачит пока незавидное существование.

В сущности говоря я ничего не делаю. Одесская моя тоска пропала. Мы здесь облюбовали один сквер, назвали бульваром им. Фельдмана и фланируем все вечера.

Так что не скучно. Пока в карманах бренчит, сердце стучит, грудь полыхает – жить можно.

Ты обещал прислать опусы. Присылай побольше. Я приложу всю мускульную силу.

Что в Одессе? Моран написал очень хорошее стихотворение. Передай ему спасибо (это о море и поэтах). Что Павлик, Закржевск., Бродский? Всем жаркий привет.

Теперь часть секретная:

Я вскоре получаю деньги за книжку. Читай внимательно и верь: и не только за книжку! Хочу их использовать необыкновенно. Т.е. отправиться в какое-нибудь дальнее путешествие. Оно должно быть полно приключений. Это – Алдан, Туркестан, Алтай, Владивосток, Камчатка, и что-нибудь в таком роде. Я ищу спутника. Мой выбор падает на тебя. Понимаешь, это будет не «туризм» – а искательство приключений – на конях (я уже выторговал двух коней), в поезде,

на верблюдах. Денег у меня хватит.*) Ты об этом подумай и напиши согласие. Скоро ли будешь в Москве? Пиши – Почтамт до востреб. С. Корчику.

Целую Твой Сема

Москва

9 авг. 1926

*) P.S. Я начал хлопотать об экскурсионной визе за границу. Если поездка за границу выгорит, то это аннулируется.

Письмо написано красными чернилами на двойном листе.

P-167 / КП-3957/2

Уткин Иосиф Павлович (1903-1944) – поэт.

Жаров Александр Алексеевич (1904-1984) – поэт.

Книжка моя принята Гизом – первая книга С. Кирсанова «Прицел» вышла в Гизе в 1926 г.

Помнишь, мы читали М. Цветаеву? – Рукой Э. Фурманова сделана запись карандашом: «Последние 8 строк были с моего (Э.Ф.) разрешения процитированы Ариадной Сергеевной Эфрон (дочерью Марины Цветаевой) в ее воспоминаниях, напечатанных в ленинградском журнале "Звезда" № 6-75 г., стр. 168».

поэма Э. особенного успеха в Москве не имела – имеется в виду поэма Э. Багрицкого «Дума про Опанаса». О ней в письме Э. Багрицкого Э. Фурманову [январь 1926]: «Пишу вторую вещь – о махновце, которая нигде не будет напечатана» (Багрицкий Э. Письма // Лит. наследство: Из творч. наследия сов. писателей. – М., 1965. – Т. 74. – С. 436). Поэма была напечатана в «Комсомольской правде» 27 июня и 4 июля 1926, №№ 145, 151, и «Красной нови», 1926, № 10.

бульвар им. Фельдмана – Николаевский бульвар, с 1920 г. носил имя убитого в 1919 г. Александра Фельдмана, секретаря Губисполкома. Ныне Приморский бульвар.

Моран Рувим Давидович (1908-1986) – поэт, переводчик. Родился в Одессе, участник организации «Потоки Октября». С 1927 г. жил в Москве.

Борухович Анатолий – поэт, прозаик, член литературной организации «Потоки Октября».

Павлик, Закржевск. – лица неустановленные.

Бродский Давид Григорьевич (1895-1966) – поэт, переводчик. Родился в Одессе, участник организации «Потоки Октября». С 1926 г. жил в Москве. «Давид Бродский, добродушнейший толстяк, колоссального веса в вечной солдатской шинели, волоочащейся по плодородной одесской земле, поэт, знавший на зубок всю русскую поэзию и даже прозу, свободно читавший наизусть «Деревню» Бунина и тем поразивший однажды, уже потом в Москве А. Фадеева» (Колычев О.Я. Рождение «Потоков Октября». – Машинопись. ОЛМ).

2

Милый Миля!

3 открытки получил. Ты поступил бы целесообразнее если бы отправил мне письмо, потому что открытки носят печать краткости.

По полученным из Одессы сведениям (через Олендера) я узнал вот что: ты стал непроходимым мечтателем, бродишь по улицам босиком etc. Правда ли это? Во всяком случае меня интересует и заботит: в самом ли деле твои дела (денежн.) плохи? Если плохи – почему ты не пошлешь мне стихов? Пришли и рассказ – по возможности сюжетный – для «7 дней» (ты видел этот журнальчик?). Я назначен секретарем вновь выходящего Лефа, пришли стихов – может быть удастся тиснуть. Если не у нас, то в другом месте. Только поскорей! И побольше выбора.

О себе: я еще не перестал возиться с книжкой. После завтра она проходит последнюю инстанцию «Редплан торготдела Гиз». Если и там ее утвердят – то к концу недели я богат! И тогда все мечтания, изложенные в прошлом письме начнут облекаться в реальные одежды. Другие дела мои – хороши; кроме малярии, коей проболел неделю. Стихов много. Скоро пришлю тебе партию таковых «для отзыва».

Олендер мрачен: стихов не пишет, настроение скверное. В Москве была Жень Хин – (помнишь «Фокстроты»?)

Состояние мое неопределенное: т.е. я совершенно механически делаю то, что мне положено на этом свете: пишу, получаю d'argent, читаю вслух и про себя, ем, пью, сплю. Мне это надоело и я жду и ищу потрясений. Друзей нет: знаешь – Москва! Все черствы, как сапог, ну и сам таким становишься.

Сообщают мне, что толстяк собирается в М-[оскв]у. Он сумеет. Такие халтурмены здесь на хорошем счету. Но чтоб честно писать – трудно, ой трудно. Но все же при умелой постановке дела можно двигаться. Милька, что делать с нашими душами? Не знаю как твоя – но моя затерта чорт знает куда. Любовь и не заползает в меня, а я – ах, как хочу влюбиться! Не могу! Кстати, как твоя та Аля? Неужто все ушло? Проклятая вещь переписка для человека, привыкшего говорить в рифму! Хочется тебя видеть в Москве. Твои планы? Способы их исполнения? Сообщи, и будь не скуп на слова. Ну, я пока умолкаю. «Цветаяву» вышлю с общим экспортом стихов. Конечно открытки. Ну вот.

Целую

С. Кирс

Пиши Москва Гл. почт. До востр. С. Корчику.

Письмо написано красными чернилами

Дата карандашом вверху *Москва авг? 26 г.* дописана Э. Фурмановым
P-168 / КП-3957/3

Женя Хин – Евгения Юрьевна Хин-Дьяконова (1905-1970). В 1920-е гг. считалась одной из первых красавиц Одессы, позднее жила в Ленинграде. Была дружна с В. Маяковским. Е. Кибрик, иллюстрируя повесть Р. Роллана «Кола Брюньон» нарисовал ее в образе Ласочки.

d'argent – правильно *argent* – деньги (фр.).

толстяк – возможно, Д. Бродский.

3

Многоуважаемый Емельян.

Письмо твое мне непонятно. Ты все время толкуешь о каких то посланных мне, [текст зачеркнут] о каком то предыдущем письме твоём – в то время как я ничего не получал, кроме 4 открыток. Объясни: в чем дело? Может быть ты послал по другому адресу?

Письмо от 9 сент. прочел с великим удовольствием.

Больше всего меня заинтересовала «финка с кливером и гротом» – я понимаю тебя и мои руки, ноги, деньги и проч. к твоим услугам. Когда? Куда? Кто? О боте я узнаю через пару дней. Послал запрос в Питер.

Олендер жив, готовит книжку, Бродский уже процветает. Мои дела блестящи. Заключил договор – 1000 руб., в 3 срока. Есть комната, так что в случае чего 2 кв. арш.[ина] – в твоём распоряжении. Адрес сообщу в след.[ующем] письме. «Э. Фамант» – плохо. Придумай чтонибудь веселее.

Назначен секр.[етарем] «Лефа». Журнал выйдет через месяц. Стало веселей. Дел по горло.

Почему не пишешь материал? Шли!

Што делают одесситы? Бываешь ли ты в «Потоках». Что там? Как волнорез? Что ловится?

Я пока кончаю письмо, ибо спешу. Следующее будет подробнее. Прости за лаконичность – Целую Сема

P.S. Что красавица Роза? Ты продолжаешь педагогическую деятельность?

Письмо написано красными чернилами

Дата карандашом: Москва 16/IX-26 г. дописана Э. Фурмановым.

P-169 / КП-3957/4

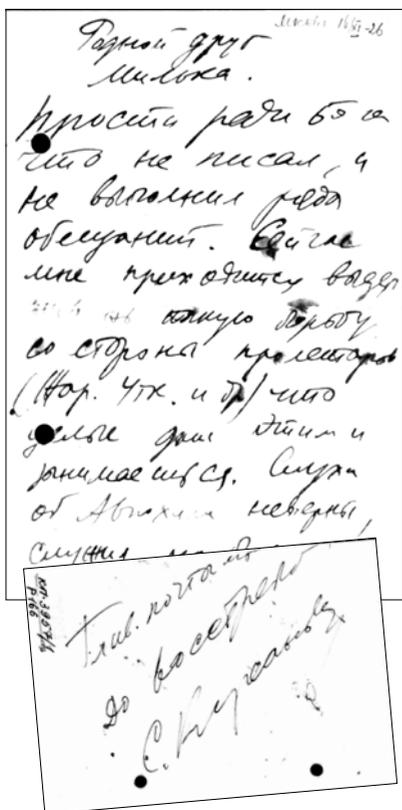
Олендер жив, готовит книжку – первый сборник стихов С. Олендера «Часовщик» вышел в 1931.

«Э. Фамант» – вариант псевдонима Э. Фурманова.

С. Олендер. Москва, 1928

4

Родной друг Милька.

Прости ради Бога, что не писал, и не выполнил ряда обещаний. Сейчас мне приходится выдерживать большую борьбу со стороны пролетаров (Жар.[ов] Утк.[ин] и др.) что целые дни этим и занимается. Слухи об Автохиме неверны, служил, но бросил.

Я, как сказал, ничего не сделал с рукописями, по той простой причине что разругался с десятью редакциями и никуда не хожу. Веду гордый и шумно-богемный образ жизни, ем книжку (т.е. деньги за нее полученные) даже печатно выругал Луначарского (см. на посту № 7-8 «Чванство»). Полонского, Воронского etc. крыл матом. Популярен ужасно. Ежедневно получаю десятки писем, вызовы на свидания, выступления, но меня это не туманит – я жажду тишины и вероятно скоро буду в родных пенатах. Прости что много не пишу – ты сам понимаешь как мутит голову ета жисть. Ну вот пожалуй все. Пиши подробно об Одессе, о планах о себе обо мне обо всем!

Целую тебя
Твой друг Сема
Глав. почтампт.
До востребования.
С. Курсанову

Написано фиолетовыми чернилами на двойном листе, следы дырокола

Дата карандашом: Москва 16/XI-26 г. дописана Э. Фурмановым.

Р-166 / КП – 3957/1

борьбу со стороны пролетаров – «... если приезжал Уткин и видел Курсанова, он забирал свою шапку и уходил: ”Я не буду выступать, если выступает Курсанов”. <...> Поклонники Жарова и Уткина устраивали Курсанову обструкции, срывая его выступления. Только начнет читать Курсанов, поднимался страшный рев» (Розенфельд М. К. Маяковский-журналист // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 593, 597). То же у Б. Ефимова: «...переполненный до отказа Колонный зал Дома союзов. Сегодня вечер поэтов для молодежи. Однако начало почему-то бесконечно задерживается. Я захожу в круглое фойе за трибуной, где царит явно напряженная атмосфера. – В чем дело, Саша? –

спрашиваю я Жарова. Он раздраженно пожимает плечами, косясь в сторону Маяковского, сердито расхаживающего большими шагами взад и вперед. Оказывается, группа молодых поэтов заявила, что "принципиально" не станет выступать рядом с поэтом-лефовцем Кирсановым, на сторону которого решительно стал Маяковский. Попытки примирить "противные стороны" ни к чему не приводили...

Наконец, Кирсанов все же вышел на огромную эстраду, на которой совершенно потерялась его маленькая фигурка с взъерошенным петушиным хохолком. Однако попытки начать чтение стихов пресекались настойчивым свистом из зала. Так прошла минута, две, четыре... Поэт угрюмо стоял на трибуне, свист не прекращался.

Вдруг все стихло: из-за кулис показалась огромная фигура Маяковского. Он нес в руках стул. Медленно и деловито шагая, Маяковский подошел к Кирсанову, поставил возле него стул и, бережно положив руки на плечи маленького поэта, усадил его. После этого, так же неторопливо и спокойно, удалился за кулисы. Секундная пауза... И – взрыв аплодисментов. Красноречивый жест Маяковского, как по волшебству, переломил настроение аудитории. Кирсанов поднимается со стула и начинает читать стихи. Два-три неуверенных свистка покрываются дружным ревом всего зала: "Не мешайте! Безобразия! Удалите хулиганов!" Маленького лефовца слушают доброжелательно и охотно, он с подъемом читает еще и еще...» (Ефимов Б. Из книги «Сорок лет» // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 324-325).

Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933) – нарком просвещения с 1917 по 1929 г., литератор, журналист.

Чванство – стихотворение за подписью «С. К-ов» было опубликовано в журнале «На литературном посту» (М., 1926. № 7-8. С. 48).

Ты – чванство – камертон бессмысленно дрожащий,
Ты – чванство – жест руки, чтоб запонкой блеснуть,
Глядите: вот оно – с походкой незвучащей
Бездонность глухоты и ослепленья муть
Глядите: сквозь толпы замызганную чашу
Надменною рукой прокладывая путь, –
Проносит осторожно, чтоб не расплеснуть
Себя достоинством, наполненную чашу.
Ты – чванство – пустота – в такой же пустоте.
Тебя, по общей человеческой простоте
Считают мраморным, картонный Капитолий,
Дешевого кино минутный боевик,
Скажи, пустой пузырь, в какой безумный миг
Тебя надул известный Анатолий.

Н. Луначарская вспоминала, как они в 1926 г. слушали поэтов: «Среди молодых выступал Семен Кирсанов. Анатолий Васильевич слушал его в первый раз. <...> когда я продолжала восхищаться стихами Кирсанова, Анатолий Васильевич сказал несколько сухоовато: "Да, конечно, это может нравиться. Эффектно, даже виртуозно, но слишком внешняя эффектность. В сущности, это не огонь, а фейерверк. Кирсанов еще очень молод. Если его увлечение бутафорией пройдет, а

одаренность останется, из него выйдет настоящий поэт» (Луначарская-Розенель Н.А. Луначарский и Маяковский // Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 467).

на посту – критико-теоретический журнал Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в 1923-1925 выходил под названием «На посту», с 1926 – «На литературном посту».

Полонский (Гусев) Вячеслав Павлович (1886-1932) – критик, публицист.

Воронский Александр Константинович (1884-1937) – прозаик, публицист, критик. Создатель и редактор журнала «Красная новь».

5

Милька!

Почему же ты не пришел пред моим отъездом?

В Москве по поводу т-ы был страшный шум – все собрались уже печатать некрологи – но вовремя вторая телеграмма приостановила это жуткое веселье. Милтон, если ты друг – ты должен вскользь в письме к нашим подтвердить катание на лодке etc. Потому что назревают неприятности. А утвердить наших ребят в правильности событий – ничего не будет. Так сделаешь это?

Что было на моем вечере в Доме печати в четверг? Сообщи.

Собираюсь жить в Кунцеве. Комнату в городе я потерял.

Приехал ли Р. Гринфельд? Вообще, что делают ребята? Наши – работают. Олендер весел и популярен.

Колычев двигается.

Так что дела хорошие.

Книжка моя «Опыты» была послана в Одессу Гизом для разрешения к печати (автору – мне) но я выехал, когда она была выслана.

Так что ты зайди ко мне. Если она получилась (это пакет корректур) то скажи нашим чтоб они послали по адресу

или

Москва. Рождественка

Госиздат Р.С.Ф.С.Р.

Лит.[ературно] Худож.[ественный] отдел

или

«Главный почтамт

до востреб[ования]

Семену Кирсанову»

Ну, о чем еще?

Все в порядке.

Пиши письма.

План путешествия будет выполнен?

Целую тебя

Твой

Семен Кирс

Написано фиолетовыми чернилами на двойном листе, страницы пронумерованы, следы дырокола.

Дата карандашом на первой странице вверху: *Москва. 4/1-27 г.* дописана Э. Фурмановым.

P-170 / КП-3957/5

Гринфельд Р. – член литературной организации «Потоки Октября».

Олендер весел и популярен – «И в 1926 году, я, автор двух-трех десятков стихотворений, напечатанных в разных изданиях, решил поступить на постоянную работу. Поговорил с Уткиным и он взял меня к себе литературным секретарем. И я начал работать в славной "Комсомольской правде"» (Олендер С. «Веселый Эдуард» // Октябрь. – 1967. – № 4. – С. 194). «Несчастливого Олендера одесские гении засыпают своими произведениями, и он, как человек деликатный только тем и занимается, что ходит по редакциям, получая их обратно с надписями: "возвратить!"» (из письма Э. Багрицкого Э. Фурманову. Москва. Январь 1926. – ОЛМ, P-579 КП-3603).

«*Опыты*» – книга вышла в 1927 г.

6

Дорогой вождь Милька! Если твое молчание имеет причиной физическую немоту, то тебя оправдать можно. Но если ты объяснишь это мифологической занятостью – то пусть все ругательства мира обрушатся на твою русую голову. Впрочем, зачем тебе эти упреки, буду таить горе в душе. Но все таки мог бы черкнуть если не мне (куда мне!) то Клавке.

Живем мы в Одессе скучно, разве что утешаемся погодами да черешней. Я в меру утешаюсь стихами. На море были раза два, но будущее гораздо радужней, сняли дачку на Люстдорфе, тогда море будет доступнее. Ведь Австропляж закрыт, волнорез стал недоступен, к тому же Клава к рыбной ловле относится без особого энтузиазма. Поэма движется пока медленно, написано меньше полуторы главы – причина этому – задержка в выезде на более индустриальные места. Я через десять дней еду в Днепропетровск и там думаю подвину свою работу.

Клава скучает, пробавляется полезным чтением Хашека [так!], Ванека и Франса и положительно никого кроме меня не видит. Поэтому твой приезд ожидается и даже больше. Когда ты рассчитываешь посетить родимые места? Хотелось бы после моего приезда из Донбасса застать тебя в Одессе. Это тем более нужно, что мне ж нужно почитать написанное! Ну а теперь приступаю к практическим вопросам. В этом разделе письма в хронологическом порядке расположены вопросы на которые ты должен мне ответить в своем немедленном письме:

1. День твоего отъезда в Одессу?
2. Как ты живешь в нашей квартире?

3. Прибывали ли повестки на квартиру, газ, свет и т.д. и сколько я должен прислать денег для погашения всяких плат?
4. Не было ли мне каких либо писем, извещений, судебных посещений и пр.
5. Как фамилия наших соседей [так!]? (Я забыл их фамилию)
6. Приехал ли в Москву Сережа Бондарин?
7. Не читал ли ты где нибудь рецензий на мои книжки?
8. Последние литературные сплетни?
9. (Клавин вопрос) Пересыпала ли Клавдия Серова вещи нафталином?
10. Будет ли постановка рефовцев на Воробьевых горах?

Кончая с этими незатейливыми вопросами, на которые мы ждем исчерпывающих ответов, я обращаюсь к тебе с очень большой просьбой. Дело в том, что очевидно мне (в связи с наймом дачи и отъездом на Донбасс и Урал) не хватит денег. Поэтому я решил реализовать некоторые ненужные мне вещи, находящиеся в Москве. Папа берется продать Клавину бархатную шубу, мое осеннее черное пальто и знаменитую бобрячью поддевку за изрядную сумму. Это мне значительно облегчит работу над поэмой и Клавино лечение. Все это лежит в желтом диване в желтой комнате. Я был бы тебе огромно благодарен если бы ты мог бы мне все это (бархатную шубу, пальто и шубу с бобрячьим воротником) выслать посылкой в Одессу, как можно скорее по адресу «ОДЕССА ГАВАННАЯ 10 кв.4 Исааку Иосевичу КОРЧИКУ». Стоимость отправки я пошлю тебе вместе с деньгами за квартиру, и др. по получении твоего ответного на это, письма. Посылку надо послать: «Ценная на 300 рублей». Я очень прошу тебя выполнить эту просьбу как можно скорее, так как призрак безденежья уже начинает материализоваться. Ящик для посылки можно купить внизу в кооперативе или же в упаковочном бюро почты на Тверской Ямской. Если это не уместится в одной посылке нужно будет послать в двух «ценностью 150 р.» каждая.

Миля, ты прости меня что я тебя загромождаю своими просьбами но ты понимаешь, что мне некого попросить, да и ты, кажется (это «кажется» для проформы) питаешь к нам некоторые нежные чувства. И во имя этого да умягчится сердце твое.

Ну хватит всего этого, я предоставляю слово Клаве:

Дорогой Милька! Поскорее отряхни Московский прах со своих ног и приезжай в Одессу, жариться и нежиться под одесским солнышком. Узнай все новости и все расскажи нам. Мы с Семкой снялись в художественнейшей фотографии и под сенью ив в Городском саду. Тебя эти

К. Курсанова. Конец 1920-х

портреты ждут. Если Маша еще не выехала – гони ее в шею, или в другие удобные места. Как тебе живется у нас. У меня есть подозрение, что ты удрал оттуда и потому нам не пишешь. Пиши обязательно. Твоя другиня дней суровых,

Целую в гриву
Клава [дописано от
руки – Клава]

Пиши подробно.
Жена поэта.

Семка жаждет тебе прочесть написанное. По моему пишет отлично. Но ему не хватает обиндустриализацивания. Скоро он это пополнит, поехав на многочисленные строи.

К.К.

Милька. (Это от Семы). Получал ли ты письма от Ромы и Иллы, будут ли они в Одессе. И вообще кто едет. Приобрел ли ты знаменитую палатку. В Одессе обретается знаменитый Гопп и его жена Галина Пищик. В общем Милька, пока письмо тебе не надоело – кончаю на этом сообщении. Жду немедленного ответа адрес известен, пиши сегодня же.

Целую тебя
твой Сема

П.С. Милька, слышал ли ты о массовом отравлении грузчиков метиловым спиртом в Одессе, при разгрузке парохода. Масса людей погибло. Подробности сообщу если заинтересуешься.

С. Целую тебя. Сема [дописано от руки]

Машинопись, 4 страницы

Р-171 / КП-3957/6

На первой странице сбоку приписка карандашом, сделанная Э. Фурмановым: лето 1929. Письмо Кирсанова из Одессы – Фурманову в Москву

Первый слева в первом ряду С. Кирсанов, первая слева во втором ряду К. Кирсанова. Нач. 1930-х

Клаве – Клавдия Карповна Бесхлебных (1908-1937). В фондах музея хранится фото В. Маяковского сер. 1920-х гг. с дарственной надписью К. Кирсановой «Милой Клаве [Кирсановой] – дикобраз. Выбросьте, взглянувши раз» (ОЛМ, Ф-637).

Австропляж – Австрийский пляж, излюбленное место сбора литературной молодежи в начале 1920-е гг. Описан в повести К. Паустовского «Время больших ожиданий».

Гашек Ярослав (1883-1923) – чешский писатель, автор книги «Похождения бравого солдата Швейка».

Ванек – Карл Ванек, друг Я. Гашека, дописавший историю походов Швейка на фронте и в русском тылу. В русском переводе книга вышла в 1928 г.

Франс Анатоль (1844-1924) – французский писатель, критик.

Рефовцев – в начале 1929 г. по инициативе В. Маяковского ЛЕФ был преобразован в РЕФ (революционный фронт искусств).

Клавино лечение – Клавдия была больна туберкулезом.

Маша – лицо неустановленное.

Рома и Илла – лица неустановленные.

Гопп Филипп Ильич (1906-1978) – писатель, участник одесских литературных группировок 1920-х гг., друг Ю. Олеши.

Клавдии Стрельченко

Открытка получена от Стрельченко Клавдии, вдовы поэта Вадима Стрельченко, дарственная запись от 8 апреля 1978 г.

Здравствуйте, дорогая Клава!

Вашу открытку получил я в день своего отъезда. О Ваде я говорил вчера с Фадеевым. По его словам, Вадя попал в окружение. Из окружения теперь выходят многие, каждый день появляются новые люди. Пришел Долматовский. За ним – Рупин, Ямпольский и другие. Я не сомневаюсь, что вскоре появится и Вадя. О нем говорил по радио Славин. Славин скоро будет в Москве. Его адрес: Москва, ул. «Правды», редакция «Красной звезды». Другого письма я от вас не получил. Большой вам привет, кланяйтесь Либединской. Сема. 21/2 [1942]

Текст написан карандашом на почтовой открытке.

Адрес: Саратов, Гоголя, 102, кв. 11, К. Стрельченко

Адрес отправителя: проездом

P-27 / КП-3441/42

Вадя – Стрельченко Вадим Константинович (1912-1942) – поэт, литературную деятельность начинал в Одессе. Погиб под Вязьмой в январе 1942.

Фадеев (Булыга) Александр Александрович (1901-1956) – писатель, председатель Союза писателей СССР.

Долматовский Евгений Аронович (1915-1994) – поэт.

Рупин – лицо неустановленное.

Ямпольский Борис Самойлович (1912-1972) – писатель.

Либединская (Толстая) Лидия Борисовна (1921-2006) – писатель, литературовед, жена писателя Ю.Н. Либединского.

**Д.Я. Бондаренко,
А.Н. Катчук**

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ИЗ АРХИВА АНАТОЛИЯ КАТЧУКА

Перед нами необычный исторический источник, это не аналитическая записка и не пропагандистская публицистика 1930-х годов. Данный документ, повествующий об оборотной стороне советской системы и ужасах советской действительности, несомненно, является публицистическим памятником ленинско-сталинской эпохи, написанным в виде обращения к чужестранцу. Название «Страна чудес» взято автором по аналогии с произведением Льюиса Кэрролла. Будучи учителем немецкого языка, он хорошо знал европейскую литературу, что дает нам повод говорить о прямом заимствовании названия. Естественно, советская «Страна чудес» не публиковалась, и, скорее всего, не предназначалась для публикации, в том числе и за границей. Автор писал данное произведение «в стол», это своеобразный крик души.

«Страна чудес» написана, скорее всего, в 1931 г., поскольку в тексте упоминается как настоящее время 14-я годовщина Октябрьской революции. Сам же автор был арестован в 1937 году по обвинению в контрреволюционной деятельности, и в январе 1938 года расстрелян. «Страна чудес» явилась вещественным доказательством его контрреволюционной деятельности; кроме того, для большей убедительности старательные следователи приложили к делу портрет румынского короля, а также пытались связать нашего героя с украинскими гетманцами.

Сложно установить биографические сведения об авторе. Единственное, что мы знаем о нем:

Рубанец Иван Федорович, родился 4 мая 1898 года в Буковине, украинец. На момент ареста проживал в г. Котовск, столице Молдавской АССР, работал учителем немецкого языка в с. ш. № 1.

Арестован 22 августа 1937 г. за контрреволюционную деятельность, ст. УК 54-10.

Особой тройкой НКВД МАССР осужден 29 декабря 1937 г. к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 6 января 1938 г.

Вместе с тем, из текста произведения следует, что, скорее всего, он происходил из рабочей семьи. Автор переживает за положение рабочих, сравнивая его как с западными странами, так и с дореволюционной Россией. Идеологически он находится в плену ленинских идей, полагая, что советское руководство от них отошло. Скорее всего, он участвовал в Гражданской войне на стороне красных. В то же время, мы можем предположить, что на взгляды автора оказали влияние анархо-коммунистические идеи, и, возможно, принадлежность к масонству. Во всяком случае, в тексте встречается некоторая терминология, близкая масонам: «Великая партия», «правительство мудрых» и так далее.

Интересен также факт глубокого и детального знакомства автора с масштабом красного террора и репрессий среди интеллигенции и крестьян после Гражданской войны. Он не просто критикует «мудрых» за бесхозяйственность, коррупцию и террор, но пытается доказать, что это целенаправленная политика геноцида. Он четко проводит водораздел между властью «мудрых» и народом-страдальцем, доказывая, что власть не принадлежит народу в «Стране чудес» и что он обязан ее взять силой, уничтожив «мудрых».

Все записи сделаны от руки, простым карандашом, некоторые страницы – синим карандашом, разборчивым подчерком, литературным языком.

При чтении данного документа невольно возникают аналогии с современной ситуацией в Украине: сращивание бизнеса и власти, коррупция, правовой нигилизм – все это на фоне массового обнищания народа. Многие наши сограждане разочаровались в так называемой революционной власти, приведшей страну к очередному социально-экономическому и политическому кризисам. Неспособной достойно управлять и обеспечить европейский уровень жизни народа.

Настоящий исторический источник вводится в научный оборот впервые, публикуется в соответствии с современной орфографией. Поскольку документ написан на бумаге плохого качества и карандашом, далеко не весь текст сохранился. В связи с этим мы не смогли подготовить к публикации его в полном объеме. Несколько страниц практически выцвели и текст на них неразличим. Большая часть документа рассыпается в руках, но, несмотря на это, мы все же предоставляем возможность читателю ознакомиться с этим достаточно интересным и необычным литературным и историческим памятником.

«Страна чудес» является частью личного архива известного в советское время диссидента и правозащитника А.Н. Катчука, которую он передал в дар Одесскому литературному музею.

себе, как равных, рассечь с ками
 тарить борды против мудрых укротителей
 Это те люди, что хрилятся словами
 правдивой савсу с маэ своим братом
 Кудбовахов маэтора, это они

Страна чудес

Знаете ли Вы страну, в которой
 кризисов, которые микви провалили
 рабшину, коллективизация саву
 казньство на волю, в которой много
 казнят не из-за шурной погони за
 жужком жабра, не из-за подвешивания
 кнутам псада, пурди и шипотий, а
 рабшотой издеи, охваченные подвешива
 мши энтузиазма, соревнуясь друг с
 другом и подвешивая друг друга?!...

Знаете ли Вы страну чудес, где
 вайта для того мши, чтобы вайте укрот
 тороить, где подвешивают государител
 пашинский аиторит для того, чтобы
 укротить навсегда все аиторит доути
 же жабра презренный, турный паша
 пашинский почетном, турный дело
 саву, пашинский дело

...до, ишмановид
 иже савшима,
 ишмановид
 савот подвешива
 где это еще досту
 на, которых мудре
 цевалии, в других
 ах и ставовых худе...
 ит, что в супе кот
 что мшса в нем отжа
 замешата перкаше
 а подозрительной
 рной гредкоатою,
 т противного запя
 летит и хочешь уйти
 транои, ведь ты же
 ты в Стране Советов,
 мшон Ваших понов, что

обещают лучшее после смерти, но
 мудрые обещают уже четырнадцать
 лет умушениз при оуизни и то, что
 ты видел, есть действительное умуш
 шение, так как в 1919-20 годах было
 худе, не было и этой гредкой горю

И.Ф. Рубанец**«СТРАНА ЧУДЕС»**

Знаете ли Вы страну, в которой нет кризисов, которая ликвидировала безработицу, коллективизировала сельское хозяйство на 100%, в которой люди работают не из-за шкурной погони за куском хлеба, не из-за подстегивания кнутом голода, нужды и лишений, а работают идейно, охваченные небывалым энтузиазмом, соревнуясь друг с другом и подгоняя друг друга?!

Знаете ли Вы страну чудес, где Власть взята для того лишь, чтобы власть уничтожить, где построено государство, полицейский аппарат для того, чтобы уничтожить навсегда аппарат государства, где даже презренный, гнусный палач пользуется почетом, [неразборчиво] дело свое палаческое [неразборчиво] и женщин творит не только за земные блага, но идейно, во имя торжества коммунизма во всем мире?!.

Знаете ли Вы страну чудес, где вчера еще безграмотный, сегодня единица в пачке других, принятый в коммунистическую партию, вчерашний торговец и спекулянт, эксплуататор, кулак, спустя 6 месяцев или год, становится активным борцом за социализм, становится вождем еще более безграмотной, чем он сам, массы, и настолько проникается идеями и методикой Маркса, что самые высокие, труднопонимаемые вопросы диалектического материализма рубит сплеча, с высоты трибуны, с той высокой, достойной удивления [неразборчиво] с которой еще недавно лужгал семечки. Известна ли Вам эта страна чудес?

Если эта страна Вам хотя немного известна, давайте ознакомимся с ней и ее чудесами поближе, и хотя бы поверхностно (так как для более глубокого изучения нужны годы и не наши малолитературные перья, а перья новых Марксов и Лениных нового общественного Советского строя).

Но, при расспросах населяющих эту страну чудес жителей, помните, что все жители моложе 27 лет есть люди необыкновенные, с раннего своего отрочества они нигде не были, кроме Страны Чудес, нормальных нечудесных стран они не видали, все свои годы они живут в атмосфере чудесного опиума, одуряющего их и дающего им смирение и слепое доверие, эти люди Страны Чудес больше всех других людей видели войну с ее ужасами, смерть близких, всепобеждающую вошь, сыпной и брюшной тиф, массовые убийства, аресты и пытки, смену десятка властей, одна гнуснее другой, зимний холод, когда полы и двери шли на топливо, ужаснейший голод, когда матери умерщвляли и поедали своих детей и когда людоедство было нормальным явлением и ничего не возбуждало, кроме острого любопытства. Эти люди Страны Чудес видели, как именующие себя европейцами сжигали живьем толпы их братьев, сестер

и детей в Херсоне, тысячами расстреливали в застенках Мурманской, Одесской, Севастопольской, Омской и проч., и проч. контрразведок, они видели диких зуавов, утонченных японцев, виртуозных французов, гордых англичан и грубых американцев в своей Стране Чудес, чудом избавились от их грязных сапог и от доли рабов, и поэтому не удивляйтесь, что запах свежего белого хлеба является для них незнакомым, как незнакомо и чувство сытости, что расстрел сотни и даже тысячи людей за то, что они, эти люди, усомнились либо осмелились сметь свое суждение иметь, ими приветствуется, как вполне нормальное явление; не удивляйтесь, что молодежь Страны Чудес не читает пинкертоновщины, так как убийства и вся уголовная грязь, там описанная, не является для них запретным плодом, и каждый из них, работая в ГПУ, может до пресыщения насытиться и убийствами и детективщиной, работая же в Комсомоле, на партмобилизациях по проведению коллективизации и других ударных великих кампаниях, каждый из них может убить в себе все человеческое, свойственное нормальным людям не из Страны Чудес, ежечасно наблюдая убийство так называемых кулаков, выселение их малых детей, и ограбление у них их жалких нищенских отрепьев; если у него чувствительный слух, он может закалить его, слушая безудержный плач малых детей, у которых отнимают отца, слезы матери, сына которой берут на медленную смерть, истощные вопли женщин, мужа которых во имя высших, для них неведомых идеалов, обрекаются на медленную смерть в таежных глубинах Сибири.

Не удивляйтесь также, что каждый взятый из работающих, является провокатором, готовым идейно продать Вас в каждый момент, который покажется ему подходящим, не удивляйтесь и помните, что в силу перенесенных лишений люди из Страны Чудес на 10% состоят из маньяков, одержимых тем или другим видом сумасшествия.

Не удивляйтесь также и тому, что люди из Страны Чудес не имеют понятия о золотом рубле и благах, которые он дает в нормальной, нечудесной стране, и что в их мозгу 100 долларов равноценны по реальности 200 рублям Страны Чудес, на которые нельзя приобрести куля муки, стоящего в нечудесной стране 2 доллара, что для них талон закрытого распределителя является более реальным, чем Рождественские наградные в нечудесной стране.

Не удивляйтесь также и тому, что в их мозгу отсутствие очередей является так же аномалией, как для Вас наличие их; что наценки в 200-300% на себестоимость для них в их стране являются нормальными, и что, когда их правительство, накинувши 300% на себестоимость, потом снижает наценку на 30%, они считают это за великое благо и на всех перекрестках кричат и бьют в литавры, восхваляя благодетельность правительства. И если в Вашей нечудесной стране Правительство Вами переизбирается, стоит ему только хоть немного повысить налоги, то не удивляйтесь, когда увидите, что в Стране Чудес все обложено колоссальными налогами, начиная с рождения человека Страны Чудес, и кончая его смертью, в самых разнообразных формах и видах, [до] каких когда-либо додумывалась человеческая фантазия: если у Вас есть

страны, в которых налог берется с оконных стекол и труб, то здесь налог берется и с сырья, которое идет на стекло, и с завода, который его производит, и с рабсилы, его производящей, и с стекольщика, его устанавливающего, и, наконец, с потребителя, им пользующегося; для того же, чтобы потребитель был всем доволен, оконное стекло время от времени, хитрой политикой правящих, становится для него такою же редкостью, как в нечудесных странах драгоценные камни и, естественно, когда в это время потребитель все же получает стекло, он не думает о налогах, а благодарит судьбу, что она его сделала обладателем стекла. Точно так же в известные периоды, в известных районах на время исчезают: картофель, хлеб, сахар, чай, ботинки, мануфактура, жиры, с тем, чтобы потом, в виде редкостной, но значительно возросшей по ценам, как метеор появиться снова, и через аппарат очередей, ударных книжек, партийных книжек, ответственных книжек осчастливить наиболее жизнеспособных, юрких и энергичных людей Страны Чудес. Эти периоды раздачи благ используются в Стране Чудес стоящими у Власти для успешной вербовки новых сторонников и, так как все блага сконцентрированы в руках Правительства Страны Чудес, и хлеб, ботинки, и т.д., которые в нечудесных странах могут быть доступны каждому в порядке оплаты за труд, как нечто ему бесспорно положенное, в Стране Чудес дается в виде премии и поощрения, как редкость, которой могут пользоваться только избранные. Если в Вашей стране какой-нибудь революционер, идущий против Правительства, может, пока он не в тюрьме, перейти от одного хозяина к другому, либо получать хлеб, жиры, ботинки и прочие жизненные продукты от своих друзей, то в Стране Чудес правительство более мудро: ему достаточно у самого талантливого писателя, или ученого, или просто рабочего отнять его хлебную карточку – так он будет либо обречен на голодную смерть, либо торжественно покается в своих заблуждениях и будет работать с еще большим энтузиазмом, чем больше редкостей приносит ему хлебная его карточка. И энтузиазм этот будет гореть постоянно, так как стоит зажечь этому ученому и проявить меньше энтузиазма, чем положено по его хлебной карточке, как при гениально поставленном в Стране Чудес учете ГПУ, это немедленно отразится на объеме его хлебной карточки. Для того же, чтобы жажда редких благ не ослабевала, и сами блага не превратились из благ редких в блага обычные, доступные каждому, Мудрое Правительство Страны Чудес при помощи научно планируемого экспорта и коллективизации, поддерживает количество благ на уровне редкости, зная и учитывая, что дни его сочтены с того момента, как благ будет достаточно. С этой же целью [неразборчиво] энтузиазм ударников в соцсоревновании!

<...> Мудрейшее Правительство для того, чтобы отобрать землю у прежнего правительства, пообещало вооруженным крестьянам, солдатам царской армии: «Хлеб, мир хижинам, войну дворцам!», направило энергию солдат на захват Власти, от имени этих солдат мудрое Правительство Страны Чудес присвоило Власть себе, крестьян же распустило по домам, и, когда увлекшись владением землей на правах собственности они выпустили [неразборчиво] Правительство,

опираясь на рабочих, продолжавших еще в городах бороться за дворцы и мир хижинам, объявило национализацию земли, объясняя, что земля ничья, но пользоваться может каждый, когда же рабочие завоевали дворцы и передали мудрым, а сами возвратились к своим хижинам и разрушенным заводам, мудрое Правительство Страны Чудес заняло Кремлевские дворцы, в других дворцах поселило своих прихлебателей, и закрепившись и увидевши, что безработные рабочие могут вернуться из хижин в дворцы, выкинувши оттуда мудрое Правительство, бросило мудрый лозунг: «Индустриализация Страны Чудес!», использовавши стремление народов Страны Чудес, их инстинкт самосохранения, инстинкт жизни, свойственный каждой стране. Для ликвидации же безработицы мудрое Правительство, использовавшее с-ровскую программу и комитеты бедноты [обрыв листа] объявило, что Комбеды друзья мудрого Правительства, что друзья теперь колхозники, что очередной лозунг «коллективизация!», и что все несогласные есть кулаки и подкулачники, подлежащие уничтожению. И в течение пары лет мудрое Правительство отобрало у крестьян землю, при помощи горчичного рецепта, создало колхозы на отобранные у крестьян блага, и их руками построило индустриальные гиганты, и сделавши безработными 150000000 крестьян, оно будто ликвидировало безработицу среди 30000000 остальных [обрыв листа; возможно слово «жителей»] Страны Чудес, как оно это сделало, мы позже разберемся, пока же удивляйся, восхищайся, чужестранец, мудростью бесконечной правительства.

Но, естественно, чужестранец, [если] ты хочешь знать прежде нас самих, должен отправиться в Страну Чудес для детального разглядывания тех замечательностей, о которых ты так много читал и слышал за границей... Мы, чужестранец, не кто иные, как дети рабочих и крестьян Страны Чудес, мы одни из тех безумцев, что, следуя заветам и лозунгам нашего вождя Ленина, в 1917 году, в могилах-окопах тысячеверстных фронтов братались с твоими товарищами в солдатских шинелях, мы одни из тех, что позже взяли штывки в [обрыв листа] фронтах, с тем, чтобы не попасть в объятия английских, французских и прочих капиталистических международных королей нефти, угля и железа, алчно поглядывающих в сторону нашей страны и ее богатств. И только теперь мы обрели Великую партию, что направила нас на верный путь, по которому мы тяжелой поступью, медленно и верно идем к цели освобождения от паразитов и устройства нового общества, в котором мы найдем осуществление великих лозунгов: «Хлеб, мир, земля и свобода!».

Поэтому мы помогаем индустриализации Страны Чудес, одновременно борясь с эксплуатацией и грабежом трудящихся, потому же, что нам дорога Страна Чудес, где каждая пядь земли полита нашей кровью и потом, мы не двинули миллионные массы крестьян на восстание против Аракчеевской коллективизации, а упорно трудимся над организацией миллионов трудящихся, кропотливо, как муравьи, собираем энергию, волю и способности отдельных рабочих и крестьян в один общий котел, который, когда нужно, затопит мудрых и их прихлебателей в своем разливе, поэтому же мы

с терпеливостью и упорством сотню за сотней, тысячу за тысячей, освобождаем наших братьев от паров опиума, которыми одурили их мудрые, беспощадно снимая покровы с гнусного костяка лжи и Черного обмана, что создали мудрые. И в этом больше всего нам помогают сами мудрые своею политикой, что ежечасно и ежесекундно толкает в наши ряды наших братьев.

И близок час освобождения, уже мало осталось ждать, уже заря новых идей разгорелась, и сколько бы из них не убивали мудрые, сколько бы не преследовали, наше дело не может погибнуть никогда; оно подхвачено миллионами, и на место одного, выбывшего из строя, в ряды становятся десятки новых. Мы не нервничаем, не бросаемся необдуманно, мы твердо уверены в нашей грядущей победе, и поэтому мы рассчитанно боремся с мудрыми, каждым нашим шагом приближая час победы трудящихся...

Мы не удивляемся Максиму Горькому, как и мы, увлеченному теми гигантскими лозунгами, что выдвигаются нами, массой и сейчас же подхватываются и используются для своих целей мудрыми, мы знаем, что для того, чтобы разглядеть старые эксплуататорские приемы под прикрытием блестящих идей, надо вариться в том котле, в котором варится вся масса, и за величием Магнитостроев уметь выделить ужасающую нищету, голод и лишения массы трудящихся, обреченных на вымирание ради торопливости мудрых, желающих увековечить себя при жизни.

Мы знаем и тех, кто закончил Комакадемии в те часы, когда мы дрались на фронтах, и знаем цену той идеологии, что они преподносят нам, коверкая Маркса и Ленина в угоду мудрым. Понятно для нас и как используется наша тяга к знаниям, и как все же мудрое Правительство умудряется больше потратить бумаги на опиумную литературу, чем на книгу нужных для нас знаний, книгу техническую.

Понятно для нас и то, почему мудрое Правительство, поставившее лозунг догнать и перегнать капиталистов, может похвастаться, что на участке эксплуатации трудящихся оно уже давно обогнало и перегнало капиталистов. Те новые формы, которые ввели у себя капиталисты, как рационализация, Тейлоровщина, премиальные, потогонные системы оплаты, не только быстро перенимались мудрым Правительством у Форда в Америке, Бати в Чехословакии, Круппа в Германии, но быстро усовершенствовались мудрым правительством и стали образцом для всех стран капиталистов, которые теперь, в свою очередь, перенимают совершенные образцы эксплуатации трудящихся у Страны Чудес. И действительно, какими жалкими кажутся попытки капиталистов бороться с текучестью рабсилы по сравнению с «добровольным» самозакреплением за предприятием в Стране Чудес, что стоит Форд со своими коттеджами для рабочих, автомобилями и столовыми против наших дырявых сараев общежитий на Донбассе и против наших заводских обжорок, что видел, чужестранец, что стоят их [обрыв листа] при фабриках против наших великолепных ЗРК и не менее великолепными 500% накидками на себестоимость.

<...> Почитай наши газеты, ты увидишь там описание мировых рекордов норм выработки, которые подтвердят тебе, что наше мудрое Правительство, знающее, где необходимо мазать горчицей, и где медом, далеко перещеголяло в эксплуатации всех Ваших ученых Тейлоров, знаменитых Фордов. В то время, когда Форды и Стинессы стремятся рационализировать само производство и за счет облегчения работы выжать больше продукта из труда рабочего, наше мудрое правительство сумело при тех же станках и моторах, при тех же инструментах, без рационализации и без облегчения работы, добиться максимума пота и продукции от рабочих, только путем впрыскивания опиума и внушения им, что все, что они делают, они делают не для мудрых, а для себя. Не удивляйся же, чужестранец, что на наших улицах ты встретишь только изможденные, истощенные и голодные лица, что по сытому лицу ты сразу можешь определить принадлежность этого лица к мудрым, что упитанный крестьянин и рабочий, у нас так же [обрыв листа], как у Вас миллионер, и что мы ходим в таких отрешках и заштопанных дырах в рваной обуви, в которой у Вас постыдился бы ходить даже нищий, не удивляйся этому, потому что в массе мы слепы, мы одурены опиумом и только теперь начинаем пробуждаться и стряхивать с себя пары опиума, для того, чтобы сравнить жизнь нашу, в наших хижинах, и жизнь мудрых, что сидят во дворцах, жизнь наших рабочих и жизнь рабочих в нечуждых странах, кроме того, ты должен помнить, что мы боимся за нашу страну, мы видели Мурманск, Одессу, Владивосток, Перекоп, Херсон, Врангеля и Юденича, Колчака и Семенова, англичан и зуавов, и мы боялись, не зная нужного рецепта, сбросить мудрых, [неразборчиво] мы те, кто на севере своими телами преграждал путь Юденичу, англичанам и американцам, мы те, кто на юге сбросил в море у Баку грузин, наследников нефтяных королей, кто на польских фронтах, во вшах и тифу, докатился несокрушимой лавиной до Варшавы, кто в Одессе, Херсоне, Николаеве сбросил в море диких зуавов, мы те, чьи капли крови и поныне цветут маками на полях у Тихорецкой, Ростова и Таганрога, Синельниково и Миллерово, у Киева и Жмеринки, у Брод и Тернополя, и широкой полосой тянутся эти маки через шестую часть света далеко на восток, через Уральск, Самару, Омск и Новосибирск, к Хабаровску и Владивостоку, где ободранные и голодные гнали белых и японцев с родной, нашим потом и кровью политой земли.

Мы те, наконец, кто из своих тел делал мосты у Перекопа, чтобы по трупам добраться до белых барж, сбросить их в море...

Не кто иной, как мы в 1917 году рвали погоны с плеч офицеров, и вслед за мудрым Правительством кричали: «Мира, хлеба, земли и свободы!», и это не кто иной, как мы взяли у помещиков землю для теперешних колхозов мудрого Правительства, и мы же в городах дрались за «мир хижинам, войну дворцам!», надеясь, в простоте своей и наивности, что когда мы отнимем землю, завоюем дворцы, восстановим заводы, тогда наступит то царство, о котором нам говорило мудрое Правительство, о котором, хотя и реже, твердит оно и теперь, царство, в котором будет полная свобода всех свобод для трудящихся, царство,

в котором на глазах у всех и на сроке нашей жизни, как предполагали мы, отмирает аппарат насилия, царство, в котором о смертной казни знают только из истории, как о средневековом пережитке, и в котором, самое основное, что прельщало и делало святыми [обрыв листа], что в этом царстве труд будет от каждого по способности, а блага каждому по потребности.

И вот, чужестранец, помни этот факт, держи его всегда перед своими глазами, когда будешь идти по нашему пути!!... [обрыв листа] мудрые занялись работой по организации нас, подсчету наших сил и потерь, изобретению плановых лозунгов, созданию подходящей для нас литературы, созданию различных торговых, финансовых, профсоюзных и прочих аппаратов, ибо старые аппараты были нами разрушены до основания, [обрыв листа] наших подвигов, работой по [обрыв листа] и распределению между нами, что мы взяли у помещиков, это пока мы были на фронтах, делали наиболее мудрые и делали мудро, так как, во-первых, они сохраняли свою жизнь и здоровье, а во-вторых, упражнялись управлять нами, немудрые, как в последствии оказалось, изобретали им новые рецепты и новые [обрыв листа], которых можно делать для нашего народа. Теперь вспомни, чужестранец, ведь был в нашей стране и [обрыв листа], когда она не была еще Страной Чудес, вспомни те обжорки для люмпен-пролетариата, что ты видел ранее, вспомни обжорку в Москве на Хитровом рынке, в Петрограде на Дио Манн Гар, в Харькове на благбазе, в Екатеринославе на Озерном, в Киеве..., в Одессе на Толкучке, в Варшаве..., вспомни такие обжорки в твоей стране, вспомни, как ворчали там потребители, каким многоэтажным матом крыли они хозяина, если в порции борща за 5 коп. не было куска мяса, или он был недостаточно жирен, либо соус за те же 5 коп. был приготовлен [обрыв листа] был хозяином уменьшен, вспомни все это, ясно и реально представь себе эту обжорку [обрыв листа] едем со мной, в построенную по рецепту мудрых ревнителей Общественного Питания, мудрых освободителей женщины от кухни и пищи столовую любого непривилегированного завода (помни, что заводы у нас есть привилегированные и других категорий, по рецепту «разделяй и властвуй»). Ты удивляешься ругани и шуму, что оттуда несетя, ты удивляешься величине очереди, неужели, чужестранец, ты еще не привык к этому? Постоим, все равно некуда тебе спешить, позже осмотри столы, посуду, подавальщиц и скажи, где было [обрыв листа] или здесь?!.. Ведь это еще достижение, ведь это для нас, которых мудрые называют хозяевами, в других фабриках-кухнях и столовых хуже!..

Тебя удивляет, что в супе нет жира, что вместо мяса в нем отбросы, что на 2 блюдо перкаша [перловая каша] без жира, политая подозрительной, сладковато-приторной жидкостью, тебя тошнит от противного запаха, ты потерял аппетит и хочешь уйти?..

Чудак ты, чужестранец, ведь ты же в Стране Чудес, ты в Стране Советов, ты там, где взамен Ваших попов, что обещают лучшее после смерти, наши мудрые обещают уже четырнадцать лет улучшение при жизни, и то, что ты видел, есть действительное улучшение, так как в 1919-20-х годах было хуже,

не было и этой жидкой горячей водицы, не было перкаши, и люди закусывали себе подобными, предварительно порезав их на части.

Тебе кажется эта перкаша слишком медленным прогрессом, ты говоришь, что до мяса в супе доберутся только наши потомки?! Будь справедлив к мудрым нашей страны, чужестранец, они никогда не говорили, что обещанные ими блага будут для всех, для них же самих большая часть их обещаний уже осуществилась – они в дворцах, наслаждаются миром, владеют землею Страны Чудес, владеют жизнью, смертью, свободой и трудом каждого из нас, работают они по способностям, а получают по потребностям, они безмерно властвуют, при наступлении старости лучшие врачи к их услугам для омоложения, а после омоложения они меняют старых жен на молодых красавиц; боясь смерти в истории, они, как древние римские императоры, называют своими именами города и заводы, и скоро для этих названий уже не хватит ни городов, ни фабрик, ни электростанций, ни заводов, они стремятся обесмертвить свои имена в истории и при жизни воздвигают себе памятники, и если ты подсчитаешь стоимость гипса, камня, бронзы, уходящей по всей стране на памятники, статуэтки и их изображения, то увидишь, что [на] эти средства можно было бы построить не один завод. Окруженные льстецами, они все возносящиеся к ним «добровольно» хвалы и фимиамы принимают за чистую монету и все больше и больше отрываюся от нас в небеса, не зная, что мы, сделавшие им пьедесталы, вознесшие их, мудрых, на высоту, уже поняли их искренний или сознательный обман, и снова организуемся и готовы взять винтовки у наших детей в Красной Армии, чтобы совместно сбросить их с высоты, с которой они нас не видят, теми же руками, что их туда высадили. Они не знают, что как в 17-18 годах, от Владивостока до Ленинграда, и от Черного моря до Ледовитого океана, мы те же бойцы, рабочие и крестьяне снова готовы встать грудью по первому зову нашей Великой Партии для того, чтобы умудренные мудростью мудрых еще раз попытаться в борьбе на жизнь и смерть добыть себе хлеб, мир, землю и свободу.

Пока же, когда мы гнием в колхозах, умираем в ссылках, голодаем и рабски работаем в городах, устилаем своими костями площадки различных Строек, создаваемых для еще большего обмана нас и закабаления, они, эти мудрые, уже теперь вошли в царство коммунизма и пользуются всеми благами и лицемерно кидают нам пачками новые лозунги на тему «смиряться, терпи, награду получишь в Царстве Небесном», чтобы после этих лозунгов отправиться в объятия молодых красавиц, на пир избранных, на пир мудрых... И вот, чужестранец, я, рассказавший тебе дела Страны Чудес, есть один из тех рабочих и крестьян, что является членом Великой, пока таинственной партии, в поисках которой годами мечутся ЧК и ГПУ, арестовывая людей пачками, мечутся Секретные отделы Компартии, идейные и безыдейные провокаторы, мощную работу которой, следы этой работы чувствуют мудрые на каждом шагу и в любом месте страны, ее Великой партии, сумевшей противопоставить гениальной системе сыска еще более гениальную систему конспирации, умевшей противопоставить каждого

десятого в стране, являющегося агентом ГПУ или другого аппарата мудрых, одному пятому, той Великой партии, что уже и теперь могла бы бороться с мудрыми равными силами, но ожидающей момента, когда сброска мудрых будет обеспечена наименьшими потерями для страны и наименьшими потерями для класса немудрых, трудящихся, и, если ты, чужестранец, стал уже видящим и тебе понятна подоплека чудес в нашей стране, иди к нам, и будь активным борцом за наше дело, дело всех трудящихся мира, пока тебя не изберут, как достойного для ознакомления с нашей программой. Пока же будем разбираться в прочих чудесах Страны Чудес. Давай приглядимся к труду в Стране Чудес!.. Для этого вспомним, что обещали мудрые в области Труда, когда винтовки были еще у нас. Они обещали нам: 1) максимальное уменьшение рабочего дня: 8 час. рабочий день, а для горячков – 6 час; 2) запрещение сверхурочных работ; 3) запрещение ночного труда; 4) о спецодежде [размыто]; 5) участие рабочих в решении вопросов о найме и увольнении; 6) месячный отпуск для всех трудящихся, проработавших не меньше года; 7) государствен. регулирование зарплаты на основе тарифов, вырабатываемых профсоюзами; 8) борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом и алкоголизмом).

Давай посмотрим, чужестранец, как выполнены мудрыми их обещания!.. Вместо 8 час. рабочего дня, который формально существует в Стране Чудес, мудрое правительство путем различных собраний, заседаний, в которых «добровольно» участвует подавляющее большинство трудящихся, и которые нужны мудрым дабы впрыскивать очередные порции опиума в головы трудящихся, а также чтобы не оставить им свободного времени для размышлений; путем этих собраний и заседаний мудрое правительство довело фактически рабочий день до 10 час. и выше для служащих, для которых создан так называемый ненормированный рабочий день, который предоставляет им право работать все 24 часа в сутки и, во всяком случае, не менее 11 час. в сутки на началах «добровольности» и интересов государства. И хотя в обещаниях, сведенных в программу мудрых, было указано, что 8 час. вводятся временно и имеют быть заменены 6 часов. рабочим днем, понадобилось 12 лет властвования мудрых и пример миллиардера Форда, доказавшего на своих фабриках, что на 7 час. рабоч. дне можно также ужасно эксплуатировать трудящихся, как и при 8 часах, чтобы мудрое правительство решилось через 12 лет ввести 7 час. рабочий день на части заводов. Поэтому запомни, чужестранец, что понятие «временно» имеет крайне растяженный характер и может длиться от 12 лет до вторичного прихода Христа, о котором говорят попы в Ваших нечудесных странах. Это запоминание пригодится тебе, когда ты будешь проделывать у себя наш путь...

Если же ты учтешь, что в Стране Чудес на началах «добровольности» широко развиты субботники, отработка лишних часов для усиления средств [неразборчиво], обороны страны, индустриализации и т.п., и подсчитаешь часы, ты увидишь, к своему изумлению, что арифметика Страны Чудес не похожа на Вашу арифметику, и в ней, где пишется 8 час., надо читать 10 часов.

И если мы с тобой обратимся к обещанию мудрых воспретить сверхурочные и ночные работы, то и здесь ты увидишь, что 2/3 всех работающих работают в ночных сменах, даже в опасных производствах, теряя силы и здоровье во имя увековечивания мудрых.

Если ты посмотришь ведомости на зарплату, то увидишь, что 20% оплаты идет за оплату сверхурочных работ. Наконец, если ты посмотришь программу мудрых, то ты увидишь там обещание давать месячный отпуск и только «временно» 2^н недельный. На деле же ты увидишь, что «временно» длится уже 14 лет, и судя по тому, что из 14 дней отпуска мудрые уже мудро сделали 12 дней, можно быть уверенным, что это «временно» продлится до пришествия Христа или Мессии. Точно так же обстоит дело и со спецодеждой, мудрое Правительство на 13 году своего властвования заметило и учло, что спецодежда чересчур выгодна для трудящихся, и поэтому резко сократило перечень профессий, которым положена спецодежда и сократило число предметов, положенных одному лицу, кроме того, мудрое Правительство поступило еще мудрее, когда даже тем, кому оно назначало необходимым выдать спецодежду, оно фактически спецодежды не выдает, надеясь, что трудящиеся Страны Чудес изобретут способ одеваться вместо спецодежды в декретированные на бумаге права на спецодежду.

Декретировали мудрые и участие трудящихся в решении вопросов найма и увольнения, но, чужестранец, приглядиись поближе к работе РКК, ведающих этими вопросами, и ты увидишь, что трудящиеся принимают такое же участие в решении вопросов найма и увольнения, как ты в данный момент в деле гражданской войны в Китае. Ты, конечно, сочувствуешь трудящимся китайцам, но помочь им не можешь, подобно сочувствуют в РКК увольняемому, но помогают в исключительных случаях.

В твоей стране, чужестранец, выдают волчьи билеты тем трудящимся, которые революционно настроены против хозяев-капиталистов, делается это стыдливо, втихомолку, путем распространения извещений другим хозяевам той же отрасли. Все же и с волчьим билетом ты можешь переквалифицироваться, достать работу и хлеб для себя, тем или иным путем. У нас, в Стране Чудес, стыдливости у наших мудрых хозяев меньше, и стоит тебе проявить несогласие с политикой мудрых, либо начать вслух не одобрять их действия, как ты не только вылетаешь с завода с волчьим билетом, но у тебя отбирают и хлебную карточку, обрекая тебя и семью на голод, если же ты покажешь себя опасным, за тебя принимается ГПУ и высылают к Северному Полюсу для нескоростижной, но довольно быстрой и верной смерти. И, если ты возмущался в своей стране, чужестранец, шпионажем в пользу хозяев фабрик, на которых ты работал, то у нас этот шпионаж, сыск и провокация настолько высоко поставлены, что твоим хозяевам можно только мечтать о подобной высоте сыска, у нас уже не довольствуются тем, что карают за дела или слова, у нас стремятся войти к тебе в мозг, и карают за то, что ты хотя не опасен сейчас, но можешь быть опасным впоследствии. Для этого используются жены, дети, друзья и

товарищи, существует гениально разработанная система сыска, с которой мы тебя ознакомим позже.

Пока же посмотрим, как регулирует государство зарплату. Мы уже говорили тебе о реальности нашей зарплаты, мы упустили только сказать, что в течение каждого года мудрые дают 5% прибавки к зарплате, бьют в литавры на весь мир о повышении зарплаты, умалчивая, конечно, об одновременном 100% повышении цен на продукты и обесценивании рубля. Для регулирования служат финансовые и распределяющие органы, заполненные детьми недобитых нами своевременно спекулянтов и буржуев, которые, когда нужно, пускают в ход налоговый пресс, изобретают новые виды налогов, изобретают новые методы расслоения трудящихся путем распределения продуктов по категориям, изобретают методы чудовищных наценок на себестоимость, словом, изобретают способы сдирания шкуры с живого и мертвого, и с тех, что имеют еще народиться, причем проявляют иногда такую активность и усердие, что сами мудрые не в состоянии бывают с ними справиться. В противоположность Вашим профсоюзам, которые хотя и крохоборчески, борются за экономическое улучшение жизни трудящихся, наши профсоюзы являются дополнительным аппаратом мудрых, созданным для того, чтобы под нашей фирмой еще более утонченно и ловко эксплуатировать нас, а также как каналы для проведения в нужных дозах мудрыми опиума, для затемнения наших мозгов и создания убеждения, что все делаемое мудрыми, делается и в наших интересах, переживаемые же нами лишения являются «временными». В нашей Стране Чудес не было и не может быть, чтобы профсоюзы заняли позицию, противоположную позиции мудрых, хотя бы эта позиция и была явно направлена против трудящихся.

Точно так же не может быть и такого положения у нас, чтобы руководящие посты в профсоюзах были заняты истинными представителями трудящихся, для этого существует научно разработанная система выборов и система открытого голосования, когда мы, жители Страны Чудес, «за боюся», как у нас говорят, из-за страха голода и лишений и других многочисленных скорпионов, тянем руки при голосовании против тех, кого мы хотели бы видеть избранными и за тех, кого мы ненавидим. Потому-то, одним из наших требований сегодняшнего дня мы выставляем требование тайного голосования для трудящихся Страны Чудес.

<...> Для того, чтобы мы были спокойнее, мудрые при помощи врачей и ученых из тех, что стремятся в число мудрых, ежедневно и ежечасно со страниц своей печати доказывают нам рядом мудро построенных цифровых таблиц, что черный хлеб питательнее и лучше белого, что наилучшая для нас еда – это соя в ее 1101 [обрыв текста] та соя, которой питаются китайцы и другие древнейшие народы, что только из сои лучше молока нет, и эти же продажные врачи, ученые и писатели нам доказывают, что мы, голодные и нищие, живем слишком расточительно, так как не используем в пищу отбросов, и они врят из этих боенских отбросов холодцы и колбасы и, глядя, как

мы, голодные, расхватываем их, избивая друг друга за место в очереди, они пишут восторженные статьи о экономии, что получает государство мудрых, утилизируя эти отбросы, и они же, чьей политикой Страна Чудес осталась без скота и без мяса, выдумывают [обрыв страницы]

Если ты обратишься, наконец, к обещанию мудрых о борьбе с туберкулезом, венеризмом и алкоголизмом, то и здесь ты, чужестранец, увидишь чудо мудрого Правительства, которое, одной рукой беспощадно эксплуатируя труд жителей Страны Чудес, добиваясь от них чрезмерного напряжения и одновременно держа их на полугодном пайке, довело страну до 90% туберкулеза даже среди крестьян, раньше болевших туберкулезом только в единичных, исключительных случаях, той же рукой, мудро скопляя мужчин и женщин на ночных работах фабрик и заводов, колхозов и совхозов, шахт истроек, скопляя их в общежития, довело наших жен, матерей и сестер, и нас самих до того, что венерические болезни свирепствуют среди нас. И тою же рукой мудрое Правительство, мотивируя интересами государства, увеличивает число спиртных заводов, увеличивает выпуск водки, но мудрые терпят фиаско, так как при существующих ценах и нищенской зарплате даже самые рьяные алкоголики могут пьянствовать только тогда, когда мудрые находятся в финансовом затруднении и снижают цены на водку, что все же снижает рост алкоголизма в целом, и даже в центре культуры, в Москве, ты все же можешь видеть астрономов, с булькающими бутылками в горле, у многочисленных водочных лавок.

Одновременно мудрое правительство другою рукой скупно насаждает врачебные пункты в городах, так как на село врачей не могут найти [обрыв страницы]

Мудрые так решительно борются со всем мыслящим в стране и приветствуют и поощряют тех подхалимов, что готовы кричать «ура!» по первому знаку мудрых. Присмотрись и ты, чужестранец, к той дьявольской системе, что превратила миллионные массы в презренных рабов, готовых по первому знаку вновь народившегося дворянства, таскать для него горячие каштаны из огня. Эта система весьма выгодна для меньшинства мудрых, для привилегированных, но, чужестранец, для большинства трудящихся она в тысячу крат беспощаднее и жестокосерднее, чем любая из Ваших капиталистических систем. Она, эта система, создала для человечества оковы по своей жестокости еще не превзойденные в истории. Она способна заставить человечество построить Вавилонскую башню до небес, прославить строителей, но создать эту башню на костях всего человечества. В этой системе многое от Петра I, построившего Ленинград на болотах, но засыпавшего болота костями людей, и есть многое в нем от еврейского народа, который за время своих странствий научился ненавидеть угнетателей холодной змеиной ненавистью, тем более свирепой и страшной, что ненависть эта вынуждена была скрываться под ласковой, покорной и льстивой улыбкой, многое из этой ненависти вложено в фундамент системы, что укрепляется в Стране Чудес. Но точно так же, как мы удивляемся и поражаемся Петру I и подвигам евреев, мы одновременно проклинаям их за сотни тысяч жизней, что пали во исполнение их замыслов,

и никогда человечество не простит им своих мертвецов, на черепах которых создали они себе славные памятники, как никогда человечество не простит чекистской опричнины и ее многочисленных жертв, что положены в основание бездушной системы мудрых, царящих в Стране Чудес.

Система, в которой таланты вынуждены творить по заказу, равняться по ранжиру, при которой преследуется все оригинальное, выдающееся из общей массы, когда же Ваша капиталистическая система, страдающая теми же пороками, все же давала проявляться Максимам Горьким, Шаляпинным, Джекам Лондонам и другим, эта система может плодить только придворных лакеев, вроде Демьяна Бедного, и тонких пронырливых Безыменских, знающих, когда надо петь петухом и когда соловьем. Система, при которой из литературы и других отраслей изгоняются талантливые, но оригинальные, и штампуются различные ярлыки для инакомыслящих, и все подстригается под одну гребенку, в угоду бездарностям из РАППА, ШМАППА и т.п., эта система может плодить только новых паразитов, прихлебателей мудрых, но не гениев, нужных нам, трудящимся. И эта система будет разбита... Пока же эта система калечит наших детей, из которых школы готовят однобоко развитых, без широкого кругозора, незнакомых с произведениями гениев человечества, воспитанных в ненависти и жестокости, у которых уже в молодости вытрапливается все человеческое.

И все же, несмотря на всю мощь и силу дьявольской системы, с которой мы познакомили тебя, чужестранец, в Стране Чудес, есть сила большая, чем эта система, эта сила наша Великая партия, в которую призываем мы всех трудящихся.

Но, прежде чем войти в наши ряды, хорошо обдумайте и взвесьте, готовы ли Вы к этой борьбе, хватит ли сил у Вас для борьбы, знайте – на нашем пути много терний и мало роз!

Знайте, никто не споет Вам прощального гимна, даже когда поведут Вас на смерть при провале; никто не будет поражен Вашей борьбой, она будет тайной, о Вас не напишут [в] подкупленной подхалимской прессе мудрых, никто не посочувствует Вам и даже Ваши единомышленники будут ругать Вас, если это будет нужно для целей борьбы.

В случае провала Вас заберут незаметно и серо, и так же серо и буднично уzkолобый, не знающий, чье дело творит он, чиновник ГПУ подпишет протокол, и бесшумно Вас убьют либо отправят на далекий север, в угрюмые леса и рудники, для каторжных работ и медленной смерти. Перед этим Вас будут мучить допросами, добываясь сознания и предательства Ваших единомышленников, Вам будут обещать золотые горы, Вас будут пытать страхом, жаждой, темнотой и другими чекистскими средствами, Вас будут уверять, что все уже сознались и выдали Вас и только Вы отрицаете, перед Вами будут проходить друзья и не узнавать Вас, готовы ли Вы ко всему? Хватит ли сил у Вас?!!...

На Ваших глазах будут издеваться и мучить Ваших близких и дорогих Вам, хватит ли твердости у Вас?

Вы будете в работе приходить в сомнение и отчаяние, так как будете знать только одного из наших братьев, и будете знать и выполнять только небольшую часть работы, и Вы не вправе будете спрашивать о большем, чем скажут Вам наши братья и товарищи, хватит ли у Вас выдержки, терпения и доверия к нашей Великой партии, которая направит Вас в нужный момент и время?!..

Но тот, кто дерзок, тот, про кого Горький когда-то сказал: «безумству храбрых поем мы славу», тот, у кого в груди горит неугасающее пламя Революции, тот, кто готов, по каплям, отдать свою кровь на благо угнетаемых мудрыми своих братьев-трудящихся, кто готов бороться с черным обманом аракчеевского «социализма», и кто готов не только на порывы, но и на систематическую, подпольную, повседневную, серую и будничную работу невидимого для глаз мудрых микроба, кто знает, что эта работа, сливаясь в общий поток с работой сотен тысяч, в конечном итоге зажжет миллионы той гигантской энергией и волей, что в один миг сокрушит, небывалый в истории человечества обман и на развалинах этого обмана построит, наконец, общество, где будет на деле «хлеб, мир, земля и свобода»...

Вот этих сильных, этих дерзких товарищей и братьев зовем мы к себе, как равных, разделить с нами тяжесть борьбы против мудрых угнетателей.

Это те люди, что крылатым словом приподымают завесу с глаз своего брата, донецкого и кузбасского шахтера, это они зажигают веру в человечество у изгнанного со своих полей трудящегося селянина, это они будят надежду у измученного рабочего, и они же указывают надлежащее место растерявшемуся интеллигенту!

Это их дела и прокламации заставляют содрогаться мудрых в роскошных дворцах, и обливаться холодным потом в трепете возмездия за содеянное.

Это от них идет тот таинственный подземный гул, раскаты которого вселяют неуверенность в завтрашнем дне у господствующих, и заставляют их метаться по стране в конвульсиях бессильных массовых арестов невинных и бессудных их казнях и ссылках с тем, чтобы назавтра, не успевши еще омыть кровавые руки, снова услышать, но ближе и явственнее, раскаты подземного гула, в котором, за стенами, плачем и воплями ими казненных и насилуемых, все слышнее и слышнее нарастают громы и проклятия небывалой ярости масс, понявших черный обман...

Не назад, к алчному, хищному капитализму с его кризисами и войнами, угнетением и эксплуатацией, мы зовем смелых и дерзких, выдержанных, как охладевшая сталь, что в своем холоде таит мощь, силу и огонь, и не в царство бездушного, жестоко-свирепого, очекистившегося, насквозь пропитанного сыском, шпионажем и змеиным коварством аракчеевского социализма зовем мы Вас, смелых и сильных, умеющих, если нужно для великого дела, на лесть ответить лестью, на обман – обманом, на сыск – сыском, умеющих, когда нужно, пожертвовать собою и, когда нужно, сдержаться, умеющих смеяться, когда хочется плакать, делающих это во имя светлого будущего, где не будет места диктаторам и угнетателям, а будут братья и люди, объединившиеся в одно мировое братство для борьбы с природой и использования ее благ.

Мы зовем эксплуатируемых, угнетенных и голодных, и всех, у кого в груди сердце человека, а не опричника, всех тех, что видят и чувствуют несправедливость, ложь, надругательства, вытравливание человеческого, издевательства над всем, что свято для человека, мы зовем Вас к нам, в нашу Великую партию, сила – организация наших рядов, и как бы ни хотели разделить нас мудрые, организуемся, и сможем сбросить паразитов, идущих на все, чтобы закрепить свою Власть, свое положение угнетателей.

И к Вам, революционерам, что используются против трудящихся правящей сворой мудрых, и пока еще находящихся под парами опиума и идей коммунизма, искривляемых и приспособленных господствующими для своих личных целей удержания и закрепления Власть, и к Вам, обманутым, обращаем свой зов: «Проснитесь! Взгляните вокруг!.. За что боролись Вы?! Сбросьте опиум газет и журналов, которым окуривают Вас, переоденьтесь, походите по селу, посмотрите, разве не трудящихся семьи выкидывают Вами руководимые опричники, разве это враги, то кто тогда Ваши друзья? Пройдите в рабочие квартиры, послушайте вопли голодных, присмотритесь к нищете, что Вас окружает уже 14 лет; сравните ее даже с проклятым прошлым, или жизнью рабочего даже под господством капитализма, и вздумайте, за эту ли долю народа Вы гнили по тюрьмам, умирали на каторгах, шли на смерть и лишения.

Опомнитесь, вздумайте, чья дело Вы сейчас защищаете, чья кровь льется у Вас за спину, чьи слезы и вопли ужасающим, неслышанным взрывом ужасают мир!! Неужели Вы ослепли и даже теперь верите, что убивают и грабят, выбрасывают из жалких жилищ семьи с маленькими детьми на голод и смерть все врагов-кулаков?! Вздумайте, кого называют подкулачниками, разве это не твои братья-трудящиеся, которых притесняют только за то, что они говорят [в] глаза неугодную господствующим правду? Разве не революционеры они, ведь ты тоже бился когда-то за правду!..

Разве не видите Вы, как год за годом отбираются у трудящихся одно за одним завоевания Революции, и как во исполнение воли новоиспеченных «Неронов» и их прихлебателей уничтожаются Ваши братья по классу, трудящиеся рабочие и крестьяне, такие же революционеры, какими были когда-то Вы, те смелые и дерзкие, что не хотят и не могут примириться с цепями, которыми их пытаются спутать!... Загляните в камеры тюрем. Каков социальный состав их обитателей? Вздумайте в эти факты!..

Разве не чувствуете Вы за шумом иронично торжественных оркестров, что играют священный «Интернационал», разве не слышите, не разбираете в его звуках ту практическую политику мудрых, которой все больше и больше разделяются нации, все больше и больше воспитывается звериная ненависть одной нации к другой.

Неужели Вы забыли старый, как мир, царский лозунг: «разделяй и властвуй!», и за парадными, аллилуйными, победными строками опьяняющих Вас газет Вы, прошедшие полицейскую школу гонений, не чувствуете знакомого запаха жандармских сапог, бряцающих шпор и не видите колючие глаза и усы

и тот же скрытый, но выпирающий из всех углов лозунг: «Разделяй и властвуй!» Разве не слышен Вам этот лозунг за парадными словами о национальной культуре, подтягивание отстающих наций [неразборчиво] угнетенным нациям хлебными карточками, ударными книжками и проч. и проч.?.

И хотя нам известно, что ты устал от слов, что ты так много слышал разных слов, что слова на тебя не действуют, тем более, слова правды скользят только поверху твоих ушей, не доходя до мозга, мы все же зовем тебя к трудящимся... Услышь же и проснись, если можешь, если в тебе осталась хоть капля былой революционности!..

Берегись быть в рядах господствующих!.. Они удобрили землю злобой и ненавистью, жестокостью и свирепостью, и пусть пеняют на себя, что на той земле растет и набирает силу Ужас!

Горе тем, на кого он обрушится!

* * *

Помни же, чужестранец, об этих чудесах Страны Чудес, и берегись, чтобы твое правительство не взяло пример с мудрого Правительства Страны Чудес, когда же пойдешь по нашему пути – уничтожай мудрых в зародыше их мудрости, берегись горчишной добровольности и ликвидации безработицы [обрыв листа] ...реальность зарплаты по количеству продуктов, получаемых в ЗРК.

ЗРК не удовлетворяют и четверти потребностей жителей Страны Чудес, три четверти приходится покупать на частном рынке [по] вольным ценам, то после ликвидации безработицы, при большинстве работающих в семье членов, жители Страны Чудес почувствовали себя голоднее и холоднее, чем тогда, когда безработица существовала, и, если сравнить реальный заработок рабочего, а тем более семьянина, с заработком рабочего в Вашей стране, даже тогда, когда понижают ему зарплату с 50 до 30 долларов в неделю, то, чужестранец, выйдет, что лучше в нечудесной стране изредка умирать [обрыв листа] при работе всей семьи, которые можно не быстро, медленно, но умирать и превращаться в животное, готовое из-за лишнего фунта на все. А так как жители Страны Чудес в большинстве либо одурены до потери сознания опиумом распространяемых мудрыми идей, и привыкли не смотреть за спину тех больших цифр рублей, что им дают в виде зарплаты, то мудрое Правительство весьма мудро из этих жалких сумм зарплаты умудряется еще отобрать более трети, где постоянных налогов и добровольных взносов, и займов. Что за чудо эта добровольность ты, чужестранец, быстро поймешь, если вспомнишь [обрыв листа]

* * *

Таким образом, мудрое Правительство, то подмазывая трудящихся горчицей голода, то давая им понюхать запах благ, неслышанно эксплуатирует нас на зависть капиталистам нечудесных стран, которые в деле эксплуатации учатся теперь у нашего мудрейшего Правительства.

Так, чужестранец, мудрое Правительство премудро оседлало 180 миллионный народ наш и гонит его то рысью, то карьером по буграм и рытвинам, ломая ему ноги и стремясь загнать его до смерти.

Таким-то чудом, то убивая сотни тысяч несогласных в застенках ГПУ, то миллионами переселяя опасных под видом кулачества, то подтягивая к себе подхалимов, то обмазывая губы медом, то смазывая горчицей голода, мудрое Правительство мудро насаждает аракчеевские колхозы и совхозы, коллективизирует миллионы, строит стройки, грабит нищих, убивает лучших, возвышает преступников, где силой, где лезвием, но всегда с черным обманом на благочестивую дорогу сыпного тифа.

Нам это не выгодно, но подумай, чужестранец, какая громадная экономия для мудрого Правительства, ведь это уже годовой запас леса, подумай, сколько золота можно выручить за этот лес за границей для мудрого и экономного Правительства.

Некоторые из нас до того бывают поражены подобной мудростью нашего Правительства, что не выдерживают и замерзают, создавая своей смертью новый источник экономии для мудрого Правительства, которому с каждой смертью одного из нас остаются все те же блага, которые умерший потребил бы, если бы остался жить, и наше мудрое Правительство сожалеет только об одном, что оно в 1919-1921 годах не механизировало ЧК, и из-за этого не умертвило половину населения Страны Чудес, в особенности умных, которых мудрое Правительство никак не может видеть живыми, и поэтому время от времени через ГПУ учитывает их, уничижает пачками, по сотне человек, называя вредителями и обвиняя во всех грехах, что делает мудрое Правительство само лично, для этого оно создает громкие процессы, тогда, когда умолчать о массовых арестах невозможно, на которых «их благородие» прапорщик Крыленко и святейший цадик т. Сольц упражняются в ораторском искусстве, требуя для всех тех, что пойманы, и тех, что будут пойманы, смертной казни в целях экономии для мудрого Правительства. В тех же случаях, когда наивные жители спрашивают, где же были мудрые, и где была их мудрость, когда под носом у них вредители их же руками вредительствовали, «их благородия» и «их превосходительства» мудрые вожди ссылаются на свою малограмотность, наивных же вопрошателей, чтобы другим вопрошать неповадно, объявляют также вредителями и расстреливают совместно.

Тебя удивляет, что я так много и так легко говорю о расстрелах, чужестранец, не удивляйся этому, потому что мудрое наше Правительство берет во всем пример с Ивана Грозного и его опричников (есть такие в нашей истории) и поощряет убийство, воспитывает даже в детях ненависть к себе подобным, приучая их в убийстве видеть доблесть. Для того же, чтобы создать и материальную заинтересованность в убийстве, оно, вопреки обычаям Ваших нечудесных стран, где убийство, полиция и жандармерия терпят, как неизбежное зло и пользуются презрением, наше мудрое Правительство установило обычай, по которому для того, чтобы быть председателем Всесоюзного триста, либо занимать не менее хлебную должность, надо предварительно получить не менее 2-х летнего стажа в органах ЧК-ГПУ, причем проявить «доблесть» и собственноручно расстрелять нескольких жителей Страны Чудес, не угодивших чем-либо

мудрому Правительству, при этом наиболее «доблестным» и заслуживающим почета, доверенного поощрением хлебной должностью, считается тот работник ЧК-ГПУ, который наиболее свирепо и жестоко и в наибольшем количестве убил, либо помог убивать, немудрых, но неугодных мудрому Правительству.

По причине этого почета, уважения и поощрения убийцам, на заводах, в учреждениях, в школах и даже в самом ГПУ и Правительстве, в небывалых никогда в истории размерах развиты шпионаж и сыск, которые являются школой для будущих убийц.

* * *

Но, не думай, чужестранец, что эти распределяемые мудрым Правительством блага даются нам безболезненно и легко. Нет, мудрое Правительство стремится повысить в наших глазах ценность благ, что им распределяются, мудро обставляя получение этих благ рогатками и проволочными заграждениями не менее мощными, чем рогатки и заграждения Перекопа, который мы когда-то брали для мудрого Правительства.

Наши жены, сестры, матери, дети, да и мы сами в свободное от работы время тратим нервы, здоровье, силы, льем реки слез, терпим горы унижений, принимаем как должное бесчисленное множество издевательств и надругательств над своей личностью, пока пройдем через бесконечные очереди, различные оформления, заявления, анкеты, доказательства, регистрации, и каждодневные перерегистрации, врачебные и домашние осмотры, справки заводоуправлений, справки жилкопов, справки милиции, справки администрации, профкома и партячейки в отдельности и всего треугольника в целом, пока доберемся, наконец, до согласования проработанных и увязанных со всеми надлежащими лицами и инстанциями получения тех необходимых для жизни благ, как хлеб, овощи и т.д., которые в Ваших нечудесных странах, чужестранец, трудящиеся получают без очереди, справок, ударных книжек, книжек жилкопа, ЦРК, ЗРК и прочих К, и получают от торговцев с вежливыми ужимками, хотя и искусственными, но знаками почтения и уважения, а не брани и пренебрежения, как в нашей мудрой торговле, где за прилавками сидят немудрые, еще более эксплуатируемые и голодные, чем мы на наших заводах.

Вся страна, от малого до великого, от рабочего до крестьянина, вплоть до обманутых наших братьев, что вступили рядовыми членами партии мудрых, ненавидит мудрых, их диктатуру над рабочими и крестьянами острою, как кинжал, ненавистью, но эта их диктатура соткана на небывало умело поставленном сыске, шпионаже, на дезорганизации и разделении рабочих и крестьян, на уничтожении либо покупке всех, кто кажется им способным организатором, могущим организовать дезорганизованную ими массу рабочих и крестьян, на умелом обмане нужных им лиц, эта диктатура, возглавляемая ГПУ, проникающая во все поры Страны Чудес, она пока держится, и только мы, рабочие и крестьяне, что, обманутые мудрыми, помогли ей закрепиться, только мы в состоянии разрушить и уничтожить диктатуру, одновременно сохранив свою страну от гибели и рабства.

И мудрые знают это и зорко следят за нами при помощи мудро используемых ими сексотов ГПУ, которые, кто за деньги, кто за страх, кто и бескорыстно, сообщают о каждом слове рабочего и крестьянина, если оно кажется им подозрительным, и при помощи гнусного предательства и провокации втираются в доверие к нам, нашим семьям с тем, чтобы ежечасно предавать нас. При помощи подобных провокаторов, только более высокого пошиба, был раскрыт мудрыми заговор в Красной Армии, состоящей из наших сынов, заговор, в котором немудрые командиры из числа тех, что поливали своей кровью поля Дона, Галиции, Перекопа, Омска, Самары, Владивостока и Мурманска в борьбе с белыми за Советы, из числа тех героев, которых сами мудрые награждали орденами, из числа тех закаленных бойцов, чьи имена когда-то с трепетом вспоминались белогвардейцами, так вот, чужестранец, эти герои, понявшие обман мудрых, решили уничтожить их, и раскрыть своим братьям, крестьянам и рабочим, правду о мудрых, о их обмане, но, благодаря гнусным провокаторам, заговор был раскрыт и десятки тысяч героев были расстреляны ГПУ, часть же и до сих пор томится по тюрьмам и застенкам, ожидая освобождения.

* * *

...больше, чем другие, что даже те, кто получал ранения, убивал других во исполнение ими брошенных лозунгов и для того, чтобы дать им возможность влезть на высоту и на ней закрепиться, что даже эти командиры и красноармейцы, плоть от плоти, кровь от крови нашей – рабочих и крестьян, что даже они прозрели обман мудрых, и если бы ты, чужестранец, видел их страх, ужас и смятение, ты тогда только понял бы, как цепко держатся за власть, как гнусны и подлы в этой своей цепкости мудрые, которые когда-то были революционерами, по их словам.

И если мудрые и раньше никому не верили, то те[перь] они, как Малюта Скуратов, как Иван Грозный, ищут измену везде и всюду, даже в детях своих и женах, они не верят уже друг другу, и время от времени кто-нибудь из них падает, столкнутый остальными, когда его заподозрили в желании сказать правду Стране Чудес.

И в своем страхе и смятении они мечутся по всей стране в поисках крामолы; арестовывая и расстреливая, их страхом и ожиданием расплаты воображаемые тройки и пятерки, провоцируемые заговоры и восстания, но напрасно, тщетно, на место одного замученного и расстрелянного ими, встают десятки его родичей и товарищей, что недавно были нейтральными, и даже их друзья, видя бессудные казни и издевательства, загораются острым гневом и ненавистью к угнетателям, и все больше и больше массы становятся в ряды их врагов, понявших мудрый обман.

И тщетны их поиски, аресты и убийства!.. Час их прошел. Их приговор вынесен историей, и хотя в слепой страшной злобе они готовы уничтожить половину жителей Страны Чудес, чтобы властвовать и пить кровь с остальной [неразборчиво и обрыв листа].

Этот стон, чужестранец, это уже не стон, а сплошной надрывный вопль, и не только крестьянина, но и рабочего от края до края необъятной Страны Чудес.

Я говорил тебе об опытах графа Аракчеева в нашей истории, что хотел из страны сделать казарму. Его гнусное дело продолжили и успешно осуществили мудрые, но более хитро, более мудро, чем замышляло «Его прямолинейное сиятельство граф Аракчеев».

Наш вождь Ленин мечтал о создании добровольных, добровольных без кавычек и горчицы, коммун, что своим образцовым примером создадут новое общество, где коллективным трудом добьются осуществления лозунга: «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Мудрые сделали иначе: декретом и кнутом, горчицей и медом, оружием и убийством, лестью и обманом они отобрали у крестьян землю и нищенское имущество, для чего им понадобилось выслать 10000000 крестьян, и расстрелять, остальных насильственно загнали в колхозы, разбили их по казарменному образцу, и заставляют их работать в порядке горчичной добровольности, сеять и собирать хлеб, но не пользоваться им, а отдавать этот хлеб мудрым, самим же подыхать с голода. На шею им насадили паразитов-директоров и бухгалтеров, которые не работают, не сеют и не жнут, но жиреют и богатеют на шее крестьян, только потому, что осуществляют надзор мудрых за крестьянами и предают в руки ГПУ тех из них, что пытаются возмущаться. Для того же, чтобы и это было легче, они и здесь проводят политику разделения и поделили крестьян на колхозников и батраков-совхозников, на единоличников и кулаков, середняков они именуют подкулачниками, если пытаются возмущаться их политикой [обрыв листа] описывая и забирая нищенские лохмотья, или просто забирают его хижину, а его выгоняют на холод и голод с семьей, если же он сопротивляется и возмущается, его, под слезы и плач, разлучают с женой и детьми и высылают к Северному Полюсу на лесозаготовки, либо расстреливают.

Пройди, чужестранец, по селам и колхозам, пройди незаметно для мудрых, ибо иначе тебе будут показывать вывески, страдания же будут сокрыты, и тогда ты поймешь, почему несется по всей Стране Чудес такой надрывающий душу, не некрасовский стон мужика, а дикий, надрывный вопль потерявшего человеческое подобие, затравленного, замученного, агонизирующего перед смертью зверя, в которого превращен у нас крестьянин политикой мудрых.

Здесь надо указать, что ел, как питался крестьянин на Украине и в Велкороссии (взяты даже голодные губернии) раньше, когда Некрасов слышал «стон мужика», и что он ест, как питается в колхозе теперь, как одевался раньше и теперь, как работал (отходничество) раньше и теперь, везде осудить старорежимные сравнения с Европой, но вспомнить обещания мудрых, и сравнить с тем, что есть.

Н.Н. Панасенко**О «ЗЕЛЕНОМ ФУРГОНЕ» И ЕГО АВТОРЕ**

*А. Козачинский. 1930-е гг.
(из архива А.И. Ильф, Москва)*

Отношение к «Зеленому фургону» – лучшему и самому известному произведению Александра Козачинского – не очень серьезное. Повесть издают то как приключенческую, то в серии книг для подростков «Отрочество», то – как советский детектив. Однако, если сопоставить «Зеленый фургон» с архивными документами, то оказывается, что о первых годах работы милиции рассказано в нем («под спасительным прикрытием шутки») куда точнее, чем кажется на первый взгляд.

Сам Козачинский – писатель без биографии.

Когда-то о нем писал А. Бачинский¹, но ему приходилось держаться в идеологических рамках, что автоматически влекло искажение действительности. (Еще была статья в газете «Слово», а потом ее модификация в «Бандитской Одессе-2», но – это даже «клюквой» назвать нельзя... Такая же дезинформация плавает и в интернете.)

В результате история обросла легендами и, чтобы освободиться от ходячих заблуждений, необходимо пройти по ней заново.

Итак, Александр Козачинский родился в Москве 16 июля (ст. ст.) 1903 г. и 23 июля крещен в Московской Благовещенской в Петровском саду церкви².

Его отец в метрической книге записан как сын титулярного советника³; в 1906 г. в разрешении на издание газеты (не осуществленное) – как прапорщик запаса флота⁴. Александр впоследствии написал о нем так:

«Отец мой, личный дворянин Владимир Михайлович Козачинский был на частных службах до 1908 или 1909 года [в другой раз упомянул, что отец служил в канцелярской части в газете⁵. – Н.П.], после чего, ввиду несчастной семейной жизни, уехал в Сибирь, откуда не подавал известий до 1917 года. В 1917 году я получил письмо от отца, из которого было видно,

что он был на фронте в чине офицера (по всей вероятности, прапорщика). После этого семья наша никаких известий от него не получала, что заставляет предполагать, что он убит»⁶.

Несчастье семейной жизни состояло в том, что отец был алкоголиком и это, как обычно, сопровождалось «неладами и ссорами»⁷. Одна подробность об отце осталась неразъясненной: почему отцовская паспортная книжка, выданная в 1902 г. Глуховским уездным полицейским управлением, оставалась у Козачинского? (Она была изъята у него при аресте в 1922 г.)⁸

О матери, Клавдии Константиновне Козачинской, урожденной Шульзингер, известно, что она из мещан, после отъезда мужа служила кассиром в какой-то газете⁹.

Рассказывал Александр о живущей в Киеве, на Терещенковской, д. 11, бабушке и о том, что происходила она из дворян Киевской губернии¹⁰.

Семья переехала в Одессу не позже декабря 1904 года. (4 января 1905 г. в Сретенской церкви был крещен младший брат Александра – Леонид¹¹. Родился он 20 декабря 1904 г. и маловероятно, что не в Одессе. Трудно представить, что могло заставить родителей рвануть с некрещеным младенцем из одного города в другой в двухнедельный промежуток между родами и Новым годом.)

В 1911 г. Александр поступил в подготовительный класс 3-й гимназии, где проучился восемь лет¹². После того, как в 1919 г. мать была уволена по сокращению штатов, тяжелое материальное положение заставило юношу поступить на службу караульным при обозной мастерской Воензага. Там он проработал с 14 июня 1919 г. по 28 февраля 1920 г.¹³ Вначале совмещал дежурства с учебой, но это было очень тяжело и гимназию пришлось оставить. Весной 1920 г. он устроился рабочим склада в Споживсоюз, впоследствии влившийся в Губсоюз¹⁴. Сам Козачинский о продолжении образования больше ничего не говорил, а мать написала, что «служба на складе Споживсоюза рабочим, он блестяще выдержал экзамен в политехникум, но из-за недостатка средств вынужден был бросить ученье»¹⁵.

Жила семья последнее время на Базарной улице, № 1, кв. 20¹⁶. Потом Козачинский «поселил» сюда одного из героев «Зеленого фургона»: «Пробежав Белинскую улицу почти до конца, Володя вошел во двор большого бедного дома на углу Базарной. Здесь остановился Шестаков»¹⁷. (На сегодня от бывшего комплекса домов, расположенных на Базарной, 1, сохранились только два и один из них – именно угловой. Сейчас он значится по ул. Белинского, 4.)

25 августа 1920 г. Александр написал заявление с просьбой зачислить его на службу в канцелярию милиции 1-го района Одесского уезда¹⁸,

находившуюся в Севериновке¹⁹; в этот же день заполнена регистрационная карточка и подписано обязательство: «...я, нижеподписавшийся сын трудового народа Александр Козачинский, гражданин г. Одессы, 17 лет <...> даю подписку, что буду стоять на страже революционного порядка <...>, прослужить не менее 6 мес., т.е. до 25 января 1921 г. <...>»²⁰. (Именно 25 августа 1920 г. датирована надпись на наградных часах Володи Патрикеева.)

Козачинский был зачислен конторщиком в канцелярию милиции Севериновского района с 1 сентября²¹. «Но вскоре, питая отвращение к канцелярской работе, перешел на должность агента 3 разряда угрозыска», – так позже написал он сам²². Приказа о переходе найти не удалось, но есть другой – от 11 октября 1920 г., где Козачинский уже назван младшим милиционером²³. А через четыре дня он командировается в Одессу вместе с т. Шестаковым²⁴. В той же книге приказов по Севериновской милиции встречается и фамилия Грищенко.

Здесь надо остановиться.

История о зеленом фургоне начинается так: «Летом 1920 года население местечка Севериновки, Одесского уезда, с нетерпением ожидало нового начальника районного уголовного розыска»²⁵. В распоряжении районного розыска состоял мл. милиционер Грищенко, а вскоре прибыл и агент 2-го разряда Шестаков. Т.е. начало милицейской карьеры Володи Патрикеева по времени, месту и даже фамилиям сослуживцев повторяет историю Козачинского. В повести, правда, герой приезжает в Севериновку в июле, а в реальности отделение уголовного розыска было организовано в сентябре²⁶, но ведь на то она и повесть.

Принято считать, что под именем Володи Патрикеева выведен Евгений Петров, а Красавчик – сам автор. Но точнее будет сказать, что Козачинский обоих писал с себя. Конечно, конокрадом был он, а Петров участвовал в дознании по этому уголовному делу. Но все же и Козачинский прежде, чем стать бандитом, полтора года служил в угрозыске, в том числе, в Севериновке. А будущий Евгений Петров, тогда еще Катаев, поступил в милицию в Мангеймском р-не почти через год после Козачинского, в июле 1921 г.²⁷ Противоречат устоявшемуся мнению и другие реалии.

В повести есть указание на учебное заведение, в котором учился главный герой.

«Володя опасался встреч со знакомыми. Его девизом было: агент знает и видит все, но никто не знает и не видит агента. Особенно опасен был район гимназии, где он еще недавно учился. Этот район буквально кишел знакомыми. Мужская гимназия помещалась в конце Успенской улицы; ее можно было обойти, но тогда Володе пришлось бы приблизиться к женской

гимназии Бален-де-Балю, что на Канатной. Район женской гимназии был для Володи не менее опасен.

Володя решил проскользнуть меж двух гимназий, пройдя по Маразлиевской улице»²⁸.

С точки зрения топографии все абсолютно верно. Гимназия Бален-де-Балю находилась на углу Успенской и Канатной, неподалеку, в начале Успенской, в № 1 – мужская гимназия № 3; Маразлиевская, перпендикулярная Успенской – как раз между ними. В 3-й гимназии учился Козачинский, а Евгений Катаев – в 5-й²⁹, но почему-то часто говорят, что они были одноклассниками.

Мать Козачинского, перечисляя болезни Александра, писала, что он «в два года по ночам галлюцинировал, особенно боялся животных»³⁰. И Володя Патрикеев «с детства <...> испытывал не то что страх, но какое-то предубеждение против собак»³¹.

Володя попал в уголовный розыск по знакомству. Его взял на службу друг отца, назначенный начальником уездного уголовного розыска³².

Интересная ситуация сложилась у самого Козачинского. В материалах следствия несколько раз проскальзывало нечто непонятное: то мать называли не Козачинской, а Красниковой³³, то она кому-то говорила, что Саша ей не сын, а крестник. Только в судебном заседании разъяснилось, что Козачинская – это фамилия по первому браку, а Красникова – по второму³⁴. Козачинский нигде ни словом не обмолвился об отчине, но когда он поступал в Севериновскую милицию, должность помощника начальника 1-го р-на там исполнял сорокалетний М.Г. Красников³⁵. Если предположить, что он был отчимом, то все странности объясняются просто: совместная служба родственников была запрещена и они свое родство скрывали. Это допущение подтверждается досевериновским адресом Красникова – Базарная, 1³⁶ – тем же, что и у Козачинского. Т. е. будущий писатель, как и его герой, поступил в угрозыск по знакомству.

От Петрова Патрикееву перепало немного. У Володи, только что приехавшего в Севериновку, на талии висит обнаженный кольт³⁷. В уголовном деле по обвинению Козачинского и др. есть расписка:

«Дана сия в том, что мною получен во временное пользование револьвер системы “кольт” за № 60374. Уполномоченный розыска 1-го р-на Е. Катаев. 6/Х-922 года с. Мангейм»³⁸. Видимо, для Петрова этот револьвер был очень важен или дорог. Во всяком случае, кольт фигурирует не только в «Зеленом фургоне», но и в одном из первых рассказов его обладателя «Гусь и украденные доски»: «Он предложил мне поступить в Уголовный розыск. Я долго не решался. Он корил меня. Он рисовал мне соблазнительные картины. Он показал мне “кольт”. Я согласился»³⁹.

В деле есть и другая расписка уполномоченного угрозыска Е. Катаева: о получении в пользование двух лошадей, отобранных у бандитов Бургарта и Шмальца⁴⁰. Володя отправился в погоню за Красавчиком тоже на «вещественных». (Правда, выдача во временное пользование всего, вплоть до патронов, была нормой и на «вещественных» ездил не только Катаев.)

Главный и самый объемный источник информации о Козачинском – это уголовное дело по обвинению Орлова, Козачинского, Бургарта, Шмальца и др. в бандитизме⁴¹, но у него есть серьезные изъяны.

Во-первых, часть показаний с большим трудом поддается прочтению, а иногда не читается вовсе, т.к. написаны они безграмотными каракулями; некоторые – на тонкой бумаге с двух сторон, и расплывающиеся чернила проступают насквозь.

Во-вторых, утрачены два дела: одно – с протоколами почти всех задержаний, первых допросов и очных ставок, другое – с окончательным приговором.

Сохранившиеся материалы уголовного дела не дают уверенности в том, что все обстоятельства выяснены полно и всесторонне. Следствие велось дилетантски. Арестованные соучастники содержались вместе, в одной или двух камерах, к ним пускали с передачами родственников с воли – т.е. они обсуждали, договаривались, уговаривали и т.п. Бросается в глаза предвзятость ГПУ, совместно с которым милиция проводила дознание. С другой стороны, в деле встречаются детали, которые не подделаешь. Например, среднее образование среди сотрудников уездной милиции было редкостью, часто сказанное по малограмотности заносилось в протокол без попытки придать разговорной речи грамматическую форму, и эта непосредственность становится подтверждением подлинности. Т.е. какие-то конкретные детали могли остаться невыясненными, но, вместе с тем, общая атмосфера, тенденции вполне определены.

Очень ценны подробные показания Козачинского, в которых содержатся автобиографические сведения⁴². Многим из них удалось найти подтверждение в других источниках, в том числе, в документах о службе в милиции. Агентом угрозыска Александр был полтора года и по службе продвигался быстро. «В уезде от него ожидали многого»⁴³.

С 14 декабря 1920 г. А. Козачинский был зачислен сотрудником 3-го разряда следственно-розыскажного отделения в Бельчанской волости⁴⁴; уже с 26 января он назначается в Севериновку помощником начальника уголовного розыска с переводом во 2-й разряд⁴⁵, но, в соответствии с приказом по 3-му району, является временно исполняющим должность начальника угрозыска⁴⁶; с 16 марта его переводят в 1-й разряд (с этого же числа по

10 апреля он командирован «для пользы службы» в 5-й р-н с центром в с. Блюменфельд)⁴⁷.

Как и Володя Патрикеев, преступления он расследует самые разные: от самогоноварения до убийств. Была среди них и кража двух лошадей с фургоном, окрашенным в зеленый цвет (протокол от 17 мая 1921 г.)⁴⁸.

Но гораздо важнее оказалось дело «Бельчанского Волисполкома, с арестом члена исполкома т. Шевченко и зав. распредел. скота т. Заболотного по обвинению их в целом ряде преступлений по должности, кражах, хищениях, вымогательствах, мошенничествах <...>»⁴⁹. (Дело ревтрибунала в архиве не сохранилось, история известна только со слов Козачинского.) Среди десяти обвиняемых было восемь членов партии – их связи оказались сильнее собранных доказательств вины, о чем неукротимого агента предупреждали более опытные сослуживцы. Расследованием этим он занимался в апреле-мае, а дальше известны только фрагменты. Ответные меры обличенные предприняли, пока Козачинский был в отпуске. С 30 июля по 16 августа он содержится под арестом⁵⁰ (неизвестно, за что). Потом есть приказ по угрозыску о переводе с 21 августа сотрудника 1-го разряда Александра Козачинского, прикомандированного к отделению, на ту же должность в 1-й р-н (Мангеймский, где служил Е. Катаев) в с. Страсбург (сегодня – Кучурганы)⁵¹.

А в октябре его увольняют «виду ареста Политбюро ОГЧК» и обвиняют в дискредитации власти⁵². «Я надеялся получить благодарность, – писал Козачинский, – я считал, что оказал громадную услугу; и после бессонных ночей, после недель непрерывного труда – меня унизили, оскорбили. <...> Суд надо мной был жестокий и несправедливый: мне дали 3 года концлагерей без лишения свободы»⁵³.

Советский концлагерь 20-х годов – тема отдельного исследования, но кое-какие пояснения здесь необходимы. Определение срока без лишения свободы означало, что осужденный являлся к 10-00 на работу, а по воскресеньям – к 13-00 для регистрации. С сентября 1921 г. концлагерь располагался в здании бывшего Шуваловского приюта⁵⁴. И пусть по режимным ограничениям это учреждение мало походило на лагеря недалекого будущего, понятно, что для восемнадцатилетнего Козачинского приговор стал тяжелейшей моральной травмой.

По счастью, вскоре он попал под амнистию. Хоть и не хотелось ему возвращаться к прежней деятельности, а пришлось, потому что работы не было.

С 1 января 1922 г. Козачинский был зачислен агентом 1-го разряда в 1-й район Балтского уезда (м. Крутые)⁵⁵. Но тут все сложилось очень плохо. Он не просто знал о пьянках, взятках, незаконных обысках и т.п., а и сам принужден был начальником милиции участвовать во всех

безобразиях. Позже он написал о начмиле: «Каким-то царьком, поработившим подчиненных и население, был мой начмил Ипатов, бывший извозчик, пьяница и сумасброд, не терпевший противоречий»; «Страшно грубый и хитрый, – он подавил меня совершенно»⁵⁶. Сослуживец и товарищ Феч как-то сказал ему: «Послушай, Козачинский, так дальше нельзя. Ты или попадешься, или тебя живьем съедят»⁵⁷. Недавний горький опыт исключал путь сопротивления. А угроза ответственности за совершаемые должностные преступления была реальна и близка.

Феч предложил бросить службу и поехать к нему домой, в Марьяновку. В увольнении им отказали, и они решили дезертировать. Уезжая, прихватили принадлежавшие Ипатову зерно, муку и несколько ряден, находившихся у них во временном пользовании – как бы из мести начмилу.

Их намерение легализоваться ограничилось пьянкой с секретарем волпарткома, который, правда, пообещал сделать все, что Феч пожелает, да только он был не единственным начальником в Розальевской волости. В последовавшей чехарде кроме него приняли участие еще пять человек. На следующий день после обнадеживающих заверений секретаря Феч с Козачинским отправились в Одессу, но по дороге были задержаны членом волисполкома Карповым и доставлены в волость. Там выяснилось, что они дезертиры, что удостоверение младшего милиционера у их возницы выписано Козачинским на украденном бланке, а уж поклажа – 10 пудов зерна и 9 пудов муки – делала их положение совершенно безнадежным. С таким добром проехать мимо облеченных властью было невозможно. Через несколько дней задержанных отправили в Тираспольскую уездную ЧК⁵⁸, но без вещдоков (зерна и муки). В Тирасполе таким «разукомплектованным» делом заниматься не стали и вернули Козачинского с Фечем назад. Зерно и мука к тому времени уже были поделены между проводившими дознание. Не дожидаясь вторичной отправки в Тирасполь, Козачинский бежал, но на следующий день был пойман и привезен в Марьяновку.

Из показаний Козачинского:

«За время моего отсутствия Феч успел войти в соглашение с волостными властями; они, разделив между собой взятое у нас, освободили его. Стармил Яроцкий за мое освобождение требовал у меня шинель, но я, не желая давать ее, дал понять Яроцкому, что, если меня отправят в Тирасполь, то я их всех выдам; после чего документы мне были возвращены, а дело уничтожено»⁵⁹.

Потом, на следствии, стармил объяснил задержание тем, что Феч был в розыске еще за участие в восстании. А отпустили – потому что он попадал под амнистию. (Хотя под амнистию Феч подпал задолго до задержания, о чем Карпов знал.) Такие ответы были признаны удовлетворительными. Во время судебного разбирательства обсуждение

этого эпизода бесстыдно и решительно пресекли, едва только прозвучала фамилия Карпова. Остальных имен не называли вовсе. Но поскольку совсем обойти факт было нельзя, в приговоре виновных представили обезличенными и в единственном числе: «слабый, неустойчивый, несознательный представитель сельской Власти поддавшись влиянию хитрых авантюристов освободив из под аресту Козачинского, забрав таким образом все вещи»⁶⁰ (орфография оригинала).

Нельзя сказать, что после освобождения перед Козачинским открылись широкие возможности. Феч не захотел держать его у себя. Александр оказался в одиночестве в степи под мартовским дождем – без лошади, без денег, по-прежнему разыскиваемый балтской милицией. «Надеясь продержаться несколько дней», он решил отправиться в с. Страсбург к своему знакомому Антону Шумахеру. На что он рассчитывал, сказать трудно, но дальновидность нехарактерна для восемнадцатилетних.

Несколько дней прошли, никакого спасительного выхода не нашлось, а оставаться у Шумахера тоже было нельзя. И тогда тот предложил свести Козачинского с людьми, что могли отвезти его в любое нужное место, и, вообще, многое сделать. Этими людьми были бандиты Иосиф Бургарт и Михаил Шмальц. Если род их занятий и был для Козачинского тайной, то недолго. Но в тот момент они оказались единственными, кто отнесся к нему с сочувствием и дал приют.

А дальше предстояло выбирать: пойти под суд, умереть от голода и лишений или стать вором и налетчиком. Первый вариант сохранения жизни тоже не гарантировал – правосудие тогда вершилось весьма скоро и причудливо. Никто его в банду не вовлекал, как это деликатно сформулировали впоследствии. Козачинский попал в безвыходную ситуацию и, чтобы выжить, сошелся с бандитами. Недаром же, когда он после задержания оказался среди бывших сослуживцев, они отнеслись к нему не как к преступнику, а как к человеку в беде⁶¹.

О бандитах и банде надо поговорить особо.

Главными членами ее были крестьяне из села Страсбург Бургарт и Шмальц. Первым преступлением, положившим начало их бандитской деятельности, было убийство двух односельчан, Пасевича и Яшина. Впоследствии, рассказывая эту историю, упор делали на то, что жертвы были коммунистами. Как события трактовались правоохранительными органами сразу после убийства, не узнает никто: уголовного дела не смогли отыскать уже в 1923 г., когда хотели приобщить его к материалам следствия по банде⁶². Показания свидетелей и обвиняемых на новом этапе расследования расходились в деталях, но в целом картина прорисовывается довольно ясно.

При белых была убита жена Пасевича и пострадала (не уточняли, как) жена Яшина. Убийцы были известны, однако вернувшиеся мужа почему-то взъялись на непричастных Бургарта и Шмальца. Их невиновность подтверждала и Яшина, но без толку. Конфликт длился и любому варианту его разрешения (и примирению с Бургартом, и аресту его) Пасевич предпочитал получение с последнего 2-х лошадей и 100 пудов пшеницы. У Бургарта и раньше были причины для вражды к этим людям. Он говорил, что «Яшин и Пасевич не раскулачивали нас, а прямо грабили»⁶³, что по приказу Пасевича был убит его брат⁶⁴, а преследования за не ими совершенное преступление сделали пребывание в родном селе совершенно невозможным. (Я не оправдываю убийства, но необходимо разграничивать политический террор и личную вражду. В данном случае речь идет не о кулацком сопротивлении советской власти, а о ненависти одного человека к другому, и, если бы Пасевич с Яшиным совершали те же действия, будучи петлюровцами или монархистами, – отношение к ним их убийц было бы таким же.)

Правда, разделавшись с врагами, Бургарт и Шмальц жизнь себе не облегчили. Они теперь не могли жить не только в Страсбурге. Им пришлось, как тогда говорили, скрываться. Нелегальное положение несовместимо с нормальной работой и законными заработками. Они занялись было мешочничеством, но их ограбила мнимая реквизиционная команда. Ее предводитель Слюсаренко⁶⁵ (или Снисаренко – фамилия все время писалась по-разному) стал позже их третьей жертвой. Т.е. эти люди стали бандитами не по призванию. А к Козачинскому у них была любовь с интересом: они надеялись через него пристроиться на службу.

Об этом на допросах говорили и Шумахер, и Бургарт, и Козачинский. Сначала все они намеревались собрать денег на поездку в Киевскую губернию, где у Козачинского были родственники... Незадолго до ареста он получил записку, в которой Шмальц сообщал, что они с Бургартом «едут в Одессу для того, чтобы поступить на какой-нибудь завод»⁶⁶. Но тут их всех задержали. А Шмальц, которого Е. Катаев «уже отчаялся поймать»⁶⁷, сдался добровольно и пояснил: «я не мог продолжать скрываться, т.к. жить скрываясь очень тяжело. Заниматься мирным трудом нельзя, а заниматься грабежами и кражами я больше не мог и не хотел»⁶⁸.

И это очень правдоподобно. При всей очевидности и формальной законченности составов преступлений, обстоятельства, сопровождающие их совершение, озадачивают. Например, налет на агронома. Постучав к нему ночью, бандиты представились проходящей частью 51-й дивизии, якобы нуждающейся в ночлеге. Из показаний Козачинского: «Долго отпирался бедный агроном, но, наконец, впустил. Мне стыдно было сказать, что на

него налет, хотя я и взялся за это; часа 2 мы были у него в доме и не приступали к “работе”. Наконец-то мы “расшифровались”»⁶⁹.

Другой эпизод. Из показаний А. Маркевича: «Они хотели зайти в комнату больного помощника, но его жена не открыла дверей и они, выругавшись, ушли»⁷⁰.

Из показаний Козачинского: «Был произведен налет на страсбургскую мельницу, окончившийся неудачно. Сторож поднял крик и мы сочли наиболее выгодным для нас оставить поле битвы за противником»⁷¹.

А в акте сдачи вещдоков по банде значились 2 винтовки, 2 охотничьих двустволки, 3 нагана и браунинг⁷² (не считая кольца, выданного к тому времени Катаеву). Соучастников тоже собирали спонтанно и все происходило на каком-то буколическом фоне.

Из показаний Козачинского: отправляясь грабить ветлазарет, «проезжая мимо дома Келлера Валентина, мы разбудили сына его, Якова, которому предложили ехать с нами; тот отказался, говоря, что лошадь и седло заперты, а ключи у отца»⁷³.

Иосиф Келлер: «Я пришел к дядьке (Крафту), это было в воскресенье. Мы легли во дворе в тень под дерево. (Подъехали Бургарт и Козачинский.) Мы разговорились об овцах на совхозе и мы решили похитить немного для своего пропитания»⁷⁴.

Налет на Жураковского был совершен в пасхальную ночь. Из показаний Иосифа Фрица: «Из церкви к Гемерлингу меня позвал Пиус, сказавши, что еще рано и служба начнется не скоро. <...> потом пришел Франц, предложивший мне пойти к Жураковскому красть лошадей. Я отказался. Мы посидели еще и пили вино. Потом мы все вышли и дошли до Жураковского. Франц меня оставил сторожить и я ходил по двору и пел...»⁷⁵. Такая вот банда.

Первым «делом» бандита Козачинского была кража гусей. К тому времени он уже 8 дней жил на хуторе, куда привезли его Бургарт и Шмальц. «Была пасха, а еды не было и мы питались просом. <...> Я со Шмальцем украли штук 12 гусей и индюшек из курятника Зиновия Муюки»⁷⁶. Этот же эпизод в изложении Шмальца: «Т.к. нам нечего было кушать, мы решили украсть гусей у гр-на Маякина <...>. Ночью я и Козачинский отправились туда, сломали замочек от курятника и забрали несколько гусей»⁷⁷. В повести: «Однажды Володя возвращался с Поташенкова хутора, куда его вызывали по пустяковому делу о краже кур и гусей. <...> Картина деревенского преступления, как всегда, оказалась скудной и невыразительной. <...> Опустошенный сарайчик <...>, сломанная дверка, да несколько перьев, выпавших из петушиного хвоста...»⁷⁸. Какие

бы сомнения ни вызывали результаты следствия, «замочек» и «дверка» убеждают в точности описания лучше любой экспертизы.

Есть еще эпизод из опыта Козачинского-бандита, использованный в «Зеленом фургоне». Осматривая в поисках Красавчика постоянные дворы на Балковской улице, Володя увидел вывеску портняжной мастерской. Воображая себя на месте преступника, он предположил: «Я мог бы зайти к этому портному, чтобы заказать себе новый костюм. Я заплатил бы за него из денег, вырученных от продажи украденных лошадей»⁷⁹. В действительности, правда, было чуть проще. На деньги, вырученные от продажи быков, «купили одежды на 4-х человек, из которых мне достались штатские штаны, пиджак и носки»⁸⁰, – рассказал потом Козачинский.

Где-то в апреле-мае 1922 г. он познакомился с заведующим ветеринарным лазаретом 51-й дивизии К. Орловым. Свел их знакомый Александру конюх лазарета, пояснив, что его начальник – бывший князь и генерал – заинтересовался бандой. Орлов, человек с невыясненным прошлым, жил тем, что выдавал фальшивые справки дезертирам, продавал на сторону казенных лошадей и т.п. Для чего ему понадобился Козачинский с бандой, следствие ответа не дало. Может быть, не удовлетворяли размеры хищений и хотелось воровать по крупному – остается только догадываться. Но он старался придать своей деятельности идейное благородство и при знакомстве планы краж и грабежей подал как часть масштабной контрреволюционной программы.

Козачинский же, которого лишь обстоятельства заставляли держаться Бургарта и Шмальца, был польщен вниманием человека взрослого, образованного и, как казалось, благородного; у него появилась надежда, что они смогут стать друзьями.

Семья Александра не принадлежала к классу, который сам по себе определял бы партийный выбор. А последние четыре года ему приходилось просто выживать в условиях революции, войны, мельтешения властей... Твердых политических убеждений у него не было. К тому же, он еще не расстался с подростковым увлечением Конан Дойлем, шифрами и прочей пинкертоновщиной. Горячий, увлекающийся, послушав агитационную речь о транспортах с оружием, связях с границей, территориальных «пятерках» и «десятках», – Козачинский воспринял все всерьез. Он был очарован новым знакомым. «Если бы Орлов предложил мне иную программу, я пошел бы на нее»⁸¹.

На следствии Козачинский пересказал эти выступления Орлова.

«Если мы начнем это дело, – говорил он, – то должны раз навсегда помнить, что дисциплина, исполнительность и верность должны быть главными нашими лозунгами, если кто-нибудь из нас не исполнит чего-нибудь без уважительной

причины, то разговор короткий: пуля в лоб, или башка долой”. <...> Малютин⁸² имел задание посредством связи с проходящими американскими пароходами привозить маузеры и патроны. Я лично, по его словам, должен был через Днестр переправиться в Румынию, откуда в Сербию с письмом к Врангелю, которого Орлов (по его словам) знает лично. “Вы знаете, А.В. – сказал мне однажды Орлов – что самый факт присутствия моего в России много значит.”⁸³

Но Козачинский оказался единственным, кто отнесся к речам Орлова с энтузиазмом. У Бургарта со Шмальцем, которых Александр привел на организационное застолье, людей постарше и более прагматичных, эти планы не вызвали восторга. Их волновали только материальная выгода и личная безопасность. Предполагаемый поставщик оружия в Одессу ездил, но там продавал казенный овес, а Орлову привозил табак и золото, купленные на вырученные деньги. Сам Орлов одобрял боевые предложения Козачинского, но пекся больше об урожае кукурузы на своем участке. Так что ничего значимого не происходило.

Единственной совместной «операцией» стал налет на ветлазарет, при котором похитили 5 лошадей. Орлов организовал это нападение от злости, когда его, наконец, уволили за махинации, но, стремясь сохранить лицо, для придания краже идейной окраски придумал оставить на месте преступления издевательское письмо.

Этот «акт», который Козачинский потом назвал юмористическим, был записан под диктовку Козачинским же и, в первую очередь, для него, оказался скверной шуткой. Участвовавший в расследовании В. Янчар⁸⁴ начинал службу конторщиком в Севериновке, приняв дела у Козачинского. Увидев «акт», он сразу узнал почерк своего недавнего сослуживца.

А вот ГПУ «акт» квалифицировало как «пасквильный», с него многократно снимали копии, при каждой оказии поминали как страшное злодеяние, хотя это послание, по сути, – убогое хулиганство.

«Акт.

Года не было, месяц в небе, день той же, що й у вас, поцілуйте в сраку нас. Було ні те, ні се, а чорт знає що. Мы, комиссия по разгрому частей 51 дивизии постановили: изъять лучших лошадей из лазарета означенной дивизии, о чем составить акт для РКИ (редкой коллекции идиотов) и красной сволочи, в чем и подписываемся.

Предкомиссии Подгоняйлов.

Члены Коний Хвист.

Секретарь Подмахайлов»⁸⁵.

«Акт» и разглагольствования Орлова (очень напоминающие речь Бендера на организационном собрании «Союза меча и орала»)⁸⁶ – вся антисоветчина, какую удалось собрать, да и то, из материалов дела было

совершенно ясно, что все это позерство и пьяный треп. Но сопротивление противников советской власти явно не соответствовало мощи аппарата, созданного для борьбы с ними. Иначе чем объяснить, что ГПУ вцепилось в это дело, как клещ.

Судя по телеграмме, полученной уполномоченным 3-го района Одуездугрозыска, ГПУ сразу претендовало на передачу дела в их производство, но начугуброзыска распорядился «операцию продолжать по окончании доставить арестованных вещественные доказательства одуездугрозыска никаких передач дел не производить <...> 19/IX <...>»⁸⁷. Дознание проводилось объединенными усилиями милиции и ГПУ. Однако 9 октября дело все же пришлось передать⁸⁸, арестованные, соответственно, содержались на Маразлиевской, 40 (здание не сохранилось) и лишь 16 декабря были перевезены в ДОПР № 1 (Дом общественных принудительных работ) на Люстдорфской дороге, 11, над входом в который, действительно, как и в повести, было написано: «ДОПР – не тюрьма. Не грусти, входящий»⁸⁹.

Разница в подходе к этому уголовному делу представителей двух ведомств очень велика. Если милиция ведет расследование серии краж и налетов, то ГПУ разоблачает заговор против республики. Отличаются даже бланки протоколов допросов: у ГПУ есть дополнительная графа в анкете – «имущественное положение», где почти все обвиняемые записаны кулаками, хотя иногда с припиской: «кулак, но ничего не имею сейчас»⁹⁰. Так, когда после вынесения приговора, прибыли в дом Михаила Шмальца, чтобы наложить арест на имущество, оказалось, что у него, у кулака, «имущества никакого не имеется, о чем составили настоящий протокол»⁹¹. То же повторилось и у кулака Бургарта. «Странные дела... кулаки посягали на добро незаможников»⁹². (У незаможника Слюсаренко эти кулаки отняли двух коров.)

Но тенденциозность ГПУ бледнеет рядом с оголтелостью суда. Достаточно прочесть выдержку из приговора, чтобы составить представление о всем судебном разбирательстве: «<...> ставили своей задачей борьбу с советской Властью следующими методами: разорение советских хозяйств и учреждений, посредством нападений и ограблений. Уничтожение коммунистов, нападение на слабые воинские части, организация конных отрядов для захвата части территории и посредством закардонной помощи двинуться вглубь советской республики. Завязать связь с закардонной контр-революцией, добыча оружия к той части, которая уже имелась. По этому намеченному плану часть уже проведена в жизнь, как ограбление Вет-Лазарета с оставлением пасквильного акта контр-революционного содержания и ограбление коллектива в Шеметовке, а дальнейшая деятельность

была прервана т.к. группа была поймана и арестована благодаря зоркому оку пролетарской власти чем предотвращено новое пролитие пролетарской крови от рук Врагов Советской Власти»⁹³ (орфография оригинала).

Об ограблении ветлазарета уже рассказано, а что же сотворили враги в Шеметовке?

Из показаний Иосифа Келлера: «Мы желали взять только несколько овец, но овцы всегда идут друг за другом и едва мы взяли несколько штук, как все побежали за ними. Крафт испугался, когда увидел такую массу, и сказал, что дело не годиться»⁹⁴. Из показаний Карла Крафта: «Тогда забрали приблизительно 150 штук и загнали ко мне в половник [сарай – Н.П.]. На другой день овец обнаружили чабаны, т.к. я послал своего сына к ним сказать, что овцы у меня и попали ко мне случайно. За это со стороны коллектива я получил благодарность в виде 10-ти фунтов брынзы»⁹⁵. Вернул он не всех, десяток разобрали бандиты.

Таким образом, похищение 10 овец и 5 лошадей суд счел бесспорной угрозой существующей власти и территориальной целостности страны – пятеро обвиняемых из двадцати трех были признаны виновными по ст. 58 (контрреволюция). Шестерых приговорили к высшей мере социальной защиты – расстрелу: и Бургарта со Шмальцем, на совести которых было три убийства, и Крафта, участвовавшего в двух кражах. Попал в это число и Козачинский.

Роль Петрова в судьбе Козачинского преувеличена и романтизирована. Рассказывают, что именно он сначала арестовал Александра, а потом писал ходатайства в его защиту, за что сам чуть не угодил под суд.

На самом деле все обстояло иначе. Для поимки Козачинского решено было устроить засаду. Ради этого выпустили из-под стражи Орлова, на квартире которого жили Александр и его мать. Агент Дыжевский: «Орлов ездил несколько раз в разведку, пока не сказал однажды, что сегодня в 9 ч. Козачинский будет дома. Было условлено им, что в случае, если Козачинский будет дома, то он, Орлов, поставит в углу половника вилы»⁹⁶.

(В «Зеленом фургоне» для того, чтобы поймать Сашку Червня, был выпущен на свободу Федька Бык. Через некоторое время он сообщил, когда и куда обязательно придет Червень: «у стены Бык должен был поставить лопату – знак того, что Червень здесь»⁹⁷.)

Протокол задержания Козачинского сохранился.

«1922 г. сентября 13 дня. Я, агент 3 района Оудездугрозыска Дыжевский, принимая меры к розыску Александра Козачинского, сего числа прибыл вместе с милиционером Домбровским на х. Диково в квартиру ветврача Орлова, где была устроена засада. <...> На наш крик “руки вверх” неизвестный

продолжал правую руку держать опущенной, а левую поднял. Тогда, набросившись на неизвестного и схватив его за правую руку, Домбровский вырвал у неизвестного револьвер системы “наган”, в котором оказалось впоследствии три патрона. Курок нагана был взведен.

По задержании неизвестного, последний оказался разыскиваемым Александром Козачинским <...>⁹⁸.

(«<...> он пошарил вокруг себя. Его рука сначала нащупала чье-то холодное лицо, затем приклад. Он подтянул его к себе и засунул палец в дырку в нижней части магазина. Палец вошел в дырку на глубину одной гильзы. “Четыре патрона в магазине”, – подумал человек. <...> тихо отвел предохранитель и приник щекой к прикладу».)⁹⁹

Возможно, это был важнейший момент в его жизни, момент неустойчивого равновесия, когда одного движения пальца было достаточно, чтобы рухнуть так глубоко, что уже не выбраться. Козачинский этого движения не сделал. Может потому, что Домбровский успел выхватить у него револьвер. А «может он почувствовал обиду за себя, за свою скверную судьбу, понял, <...> что надо делать окончательный выбор»¹⁰⁰. В любом случае, благодарность за то, что его вовремя посадили – не натяжка.

Что касается заступничества Петрова, то никаких писем, ходатайств в защиту Козачинского в деле нет. Фраза, которую Бачинский выдает за цитату из письма в губсуд: «Показания Козачинского оказали огромное значение для раскрытия организации», – взята из протокола допроса Е. Катаева, проведенного 29 декабря 1922 г.¹⁰¹, т.е. за полгода до суда.

Да и какие он мог писать ходатайства? Тем более, что угроза суда над Петровым действительно нависла.

Приговор 1923 г. был отменен Верховным Судом УССР по кассационным жалобам осужденных. В определении от 13 сентября 1923 г. говорится: «Ни одним обстоятельством по делу ни на предварительном следствии, ни на судебном следствии наличие 58 ст. УК не доказано»¹⁰². Далее: «<...> суд должен был бы привлекать к ответственности свидетеля Катаева по признакам 109 и 112 ст. УК <...>»¹⁰³. О привлечении по этим же статьям во время судебного заседания ходатайствовал и прокурор, но защита воспротивилась, мотивируя тем, что «до допроса свидетеля защитой удовлетворение ходатайства несвоевременно, т.к. портит свидетеля, лишая его спокойствия»¹⁰⁴. Суд оставил этот вопрос открытым до окончания допроса Катаева. (Ст. 109 – дискредитация власти; ст. 112 – принуждение к даче показаний. Кстати, Адам Козлевич потом кричал: «А вот я вас под показательную подведу! Под сто девятую статью»¹⁰⁵.)

А причиной послужило заявление Орлова о том, что на следствии он показания давал в пьяном виде, что пьяны были и следователи. Суд заинтересовался и стал разрабатывать тему.

Орлов: «Были пьяны и Волохов, и допрашивавший меня Катаев, который свалился пьяный, не дописав протокола и поручил его дописать кому-то со стороны»¹⁰⁶.

Катаев: «Орлов сперва записывал сам свои показания, потом устал и записывал я, но заснул и дописывал ст. милиционер Игнашев, окончив к рассвету. <...> Смена лиц, записывавших его показания, объясняется нашей утомленностью вследствие интенсивности нашей работы. <...> В момент допроса и до этого выпивки не было. Уже после сознания Орлова и во время записывания его показания Орлов выпил 1-2 стакана вина, я не помню, пил ли Волохов и я. В общем было выпито 1½ кварты. Во время производства у нас не все было вполне законным и мы по просьбе арестованных давали им выпивать. <...> Конечно, должностное лицо не имеет права пить и поить других при исполнении ими обязанностей, но если это содействует успеху, то это считаю его обязанностью. Орлов сознался будучи в нормальном состоянии. Орлов пил уже после дачи им показаний»¹⁰⁷.

Орлова: «Я видела, что в Мангейме во время допроса муж был выпивши, но он соображал, что говорил»¹⁰⁸.

«Катаев. До допроса мы не пили.

Бургарт. Мы пили до опроса из боченка.

Орлов. Там было вино в ведре и пили мы до допроса. Я от волнения не мог закончить писать и свидет. Катаев продолжал писать пока не свалился и не уснул.

Катаев. Заснул я на пять минут»¹⁰⁹.

Козачинский: «Время нашего ареста и содержания в Мангейме совпало с громадным сбором урожая винограда во всем районе, благодаря чему район был буквально залит вином. Обыкновенно, в такое время население употребляет молодое вино вместо воды. Поэтому весьма естественно, что, благодаря попустительству мл. милиционеров и всеобучников, дежуривших около арестованных, родственники последних передавали им вино в камеры – в весьма незначительном количестве.

Я лично один раз выпил стакан вина на квартире у гр. Катаева, вне исполнения им служебных обязанностей. Последнее, я допускаю, могло случиться и с другими арестованными; однако я категорически опровергаю возможность спаивания сотрудниками I района допрашиваемых с целью получения от них каких-либо показаний»¹¹⁰.

Даже при том, что Орлов – человек исключительно лживый, что до смешного очевидно старания Козачинского выгородить работников милиции, – ясно, что пили и поили. Действительно ли для того, чтобы развязать языки, просто ли по заведенному обычаю – судить категорически не берусь, однако, думаю, не лишне привести параграф из приказа по 1-му р-ну Одуздмилиции от 20/VII-20: «Мною замечено, что многие милиционеры очень часто являются к Н-ку в нетрезвом виде или скандалят. Предупреждаю тов. милиционеров, что таковые, если будут замечены в подобных случаях, немедленно будут уволены со службы с преданием суду Ревтрибунала»¹¹¹.

Дело против Катаева было возбуждено и выделено в отдельное производство, но, судя по всему, вышел он из этой неприятности без потерь. А за участие в разгроме банды был поощрен денежной премией¹¹².

Еще будучи под следствием, в марте 1923 г. Козачинский начинает сотрудничать в допровских изданиях «Голос заключенного» и «Жизнь заключенного», а со временем становится фактическим редактором газеты и вообще местной достопримечательностью. Э. Багрицкий и С. Бондарин устроили экскурсию в ДОПР для московских гостей – М. Голодного и М. Светлова – именно из-за него. Известны три статьи тех лет, где с похвалой отзываются о его литературной работе. О качестве допровских публикаций Козачинского сегодня судить нельзя, т.к. найти их не удалось, но после знакомства с более поздними произведениями легко поверить, что это было интересно.

Неизвестно, какой срок определили Козачинскому после отмены первого, расстрельного приговора, но явно небольшой, потому что в 1925 г., освободившись досрочно, он переехал в Москву и поступил на работу в газету «Гудок». Есть августовские заметки, подписанные его именем¹¹³.

Первые беллетристические произведения – пять рассказов о летчиках, написанные в августе-сентябре 1937 г. – появились в февральском номере «Знамени» за 1938 г. Следом, в альманахе «Год XXII», в 14-м выпуске, была опубликована повесть «Зеленый фургон»¹¹⁴, а в 15-м – водевиль «Могучее средство». В 1940 г. вышла первая книга А. Козачинского, в которую, кроме двух рассказов бывалого летчика и «Зеленого фургона», был включен «Фоня», написанный в январе того же года.

А. Бруштейн вспоминала, что признание и любовь пришли к автору необычно быстро и легко, главным образом, благодаря «Зеленому фургону». Многие превосходные его качества: увлекательность, лаконичность и выразительность языка, юмор – отмечались всеми.

Кроме того, у повести есть еще одно очень важное свойство. Она сплошь состоит из реалий: названия сел и улиц, точность маршрутов, «кукурузная армия» (Козачинский перед арестом сам прятался в кукурузе), так любимая Володей заключительная фраза протоколов допросов...

Прототип есть и у В.П. Шестакова. Виктор Прокофьевич – немолодой, болезненный, одинокий человек, не получивший никакого образования, но здравомыслящий и честный, был мобилизован в милицию из Рязанской губернии и заметно усилил севериновский угрозыск. В реальной Севериновке был Семен Данилович Шестаков-Якубович, в приказах именуемый просто «Шестаков», но он одессит, бывший моряк, женатый, имел четверых детей¹¹⁵. А вот М.Г. Красников – уроженец Пронского уезда Рязанской губернии, попавший в милицию по призыву, человек малограмотный, но

способный и добросовестный, до приезда в Одессу был одиноким. В личном деле Красникова обращают на себя внимание две группы документов: множество медицинских справок, свидетельствующих о чрезвычайной болезненности Михаила Гавриловича, и его рапорты с просьбами о переводе «по слабости здоровья» на более низкую должность. Просьбы удовлетворяли, а потом опять повышали, «как весьма толкового, дельного и полезного работника». Так он, скрипя и перемогааясь, побывал на всех должностях: от младшего милиционера до начальника районной милиции¹¹⁶. Совершенно очевидно, что Виктор Прокофьевич Шестаков во многом списан с Красникова. Правда, метранпажем Красников не был. В анкете, в графе «специальность» он назвался чернорабочим, во время войны был пехотинцем-телефонистом, после революции занимался сельским хозяйством, на вопрос о социальном положении ответил: «Никакого»¹¹⁷.

Но «Зеленый фургон» не скрупулезный перечень запомнившегося. Автор увиденное и пережитое обобщил и из документальных деталей создал художественное произведение. Как несколько страниц научных выкладок психолога умещаются в одну народную поговорку, так результат изучения десятков томов с подлинными рапортами, статистическими таблицами и отчетами по кадровому составу, подсчетами, сколько в угрозыске было учителей музыки, водопроводчиков, упаковщиков, ювелиров, – в конечном итоге, выливается в цитирование повести. К примеру, в анкетах, в графе «что побудило поступить в милицию», чаще всего встречаются ответы: безработица, голод, без средств, отсутствие службы. Один написал: «Болной был». На особом учете состояли сотрудники милиции, служившие при царе в сыске. Среди них был Евгений Дыжевский – человек с солидным, по сравнению с многими его сослуживцами, образованием – пятью классами гимназии и девятилетним опытом работы в угрозыске. В характеристике о нем говорится: «Спец, служил в прежнем сыском отделении и в Варте, усердный, добросовестный, ни в чем предосудительном не замечен. Политически не развит. Хороший товарищ. Образ жизни скромный». Рядом с отметкой, что с 1913 г. служил в сыске, жирно красным карандашом написано: «Почему не уволен?»¹¹⁸. У Козачинского – коротко и просто:

«<...> у советской власти совершенно не было специалистов по уголовному розыску. Специалисты были лишь из старого сыского отделения, но их не только нельзя было привлекать к работе, но, наоборот, полагалось разыскивать и сажать. <...> больше всего в уездном уголовном розыске оказалось присяжных поверенных; на втором месте были гимназисты, затем шли педагоги, зубные врачи и прочие лица, отбившиеся от своих профессий, лица совсем без определенных занятий и, наконец, просто лица, искавшие случая поехать в деревню за продуктами. Среди них затерялась кучка пожилых рязанских милиционеров <...>»¹¹⁹ (Дыжевского, кстати, вскоре посадили).

Конечно, надо помнить о времени написания книги. Не встроена в рамки соцреализма, она, как минимум, не была бы напечатана. (Правда, сегодня, имея искаженное представление о тогдашней жизни, трудно сепарировать описание реальности от «паролой», обеспечивавших прохождение текста.) Приведенный ниже документ – один из многих аналогичного содержания и выбран по причине краткости.

«Июня 6 дня 1920 г.

Нач. 1-го р-на Од. Уезд. Раб.-кр. Мил.

Нач-ку Од. Уезд. Мил.

Настоящим прошу выслать отряд в количестве 50-ти чел. для обезоруживания крестьян дер. Лизинки Севериновской волости, в коей имеется значительное количество оружия, пулеметов, винокурных заводов и т.д. С имеющимся в моем распоряжении незначительным количеством милиционеров обезоружить крестьянство не представляется возможным. Отряд высылайте накануне праздника, так как в те дни в дер. Лизинки происходит что-то невероятное.

Нач. р-на Галдин

Делопроизводитель Коханская»¹²⁰

Козачинский же должен был описывать это с «классовым» уклоном: «Самогонных аппаратов в деревнях было больше, чем сепараторов; <...> в кулацкой соломе притаились зеленые пулеметы “максимы”»¹²¹.

П. Калецкий, писавший о «Зеленом фургоне»¹²², никак не мог отделаться от слова «парадокс», ему казалось, видимо, что автор старался поразить читателя выходящими из ряда вон поворотами сюжета. А между тем Козачинский дает типичные биографии, явления, случаи, благодаря чему повесть, без сомненья, можно отнести к числу тех, которые «стоят лучших курсов истории».

Александр Козачинский стал писателем в самом конце своей короткой жизни. 8 января 1943 г. он умер в Новосибирске от туберкулеза.

1. Бачинский А. Подлинная история «Зеленого фургона» // Веч. Одесса. – 1987. – 4 нояб. – С. 3; Бачинский А. Огненная молодость // Знамя. – 1966. – № 8. – С. 228-240.
2. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 673, л. 49-51.
3. Там же.
4. ГАОО, ф.10, оп. 1, д. 1, л. 49.
5. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 165.
6. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 1-1 об.
7. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 165-165 об.
8. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5186, л. 142 об.
9. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 1 об.; д. 5188, л. 165 об.
10. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 197.
11. 20 дек. 1904 г. рожден, 4 янв. 1905 г. крещен Леонид. Родители: Дворянин Владимир Михайлович Козачинский и законная жена его Клавдия Константиновна, оба православные. Восприемники: Студент Императорского

- Новороссийского университета Василий Галактионович Жилинский и слушательница педагогических курсов Мария Васильевна Завьялова (ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 653, л. 4 об.-5).
12. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 1 об.; д. 5188, л. 165 об.
 13. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 673, л. 48.
 14. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 1 об.; ф. Р-1269, оп. 1, д. 673, л. 47.
 15. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 173 об.
 16. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 673, л. 54 об.
 17. Козачинский А. Зеленый фургон. – М.: Современник, 1989. – С. 23 (далее все ссылки на это издание: Козачинский А. – С. ...).
 18. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 673, л. 44.
 19. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 66, л. 1 об.-2. С 11 января 1921 г., после перенумерации, Севериновский р-н стал третьим.
 20. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 673, л. 52.
 21. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 6, л. 33 об.
 22. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 2.
 23. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 4, л. 35.
 24. Там же, л. 37.
 25. Козачинский А. – С. 4.
 26. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 4, л. 28.
 27. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 63, л. 93 об.-94.
 28. Козачинский А. – С. 26.
 29. ГАОО, ф. 83, оп. 1, д. 206, л. 2.
 30. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 173.
 31. Козачинский А. – С. 35.
 32. Там же. – С. 20-21.
 33. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5179, л. 45-47; д. 5188, л. 190.
 34. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 212 об.
 35. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 6, л. 108.
 36. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 2-л., д. 1158, л. 4-4 об.
 37. Козачинский А. – С. 6.
 38. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 54.
 39. Петров Е. Гусь и украденные доски // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. – В 5 т. – Т. 5. – М.: Сов. писатель, 1961. – С. 274.
 40. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 57 об.
 41. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5178-5191.
 42. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183.
 43. Козачинский А. – С. 8.
 44. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 5, л. 68 об.
 45. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 11, л. 26 об.
 46. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 94, л. 9.
 47. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 65, л. 95 об.
 48. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 66, л. 43-43 об.
 49. Там же, л. 40.
 50. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 65, л. 266, 296.
 51. Там же, л. 305.
 52. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 74, л. 41; Р-4754, оп. 1, д. 23, л. 9 об.-10.
 53. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 2 об.

54. Известия Одесского ГИК и ГК КПБУ. – 1921 – 23 сент. – С. 3.
55. ГАОО, ф. 107, оп. 1, д. 302, л. 51.
56. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 166 об.; д. 5183, л. 4 об.
57. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 167.
58. В это время Тираспольский уезд входил в Одесскую губернию.
59. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 9 об.-10.
60. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 290.
61. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5185, л. 4 об.
62. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5191, л. 17.
63. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 198.
64. Там же.
65. Говоря об этом эпизоде, упор делали на то, что убит был председатель комитета незаможников. Агент Дыжевский оценивал его по-другому: «Убитый Слюсаренко был личностью уголовно неблагонадежной. Я полагаю, что убийство это не носило политического характера» (ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 220 об.). Козачинский: «Он [Слюсаренко] был сторожем при Волисполкоме. Это был уголовный элемент и предкомнезама вовсе не был» (ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 172).
66. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 27.
67. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 222.
68. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5180, л. 69 об.
69. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 16.
70. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 257.
71. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 18.
72. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 22, л. 494-498.
73. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 37 об.
74. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 237.
75. Там же, л. 246.
76. Там же, л. 168 об., д. 5183, л. 13.
77. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5180, л. 66.
78. Козачинский А. – С. 8.
79. Там же. – С. 30.
80. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 17.
81. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 173 об.
82. Недавний одессит, Сергей Михайлович Малютин был председателем сельскохозяйственного коллектива «Объединение труда» на хуторе Диково. Он – один из авторов «пасквильного акта», но по делу не проходил ни ответчиком, ни свидетелем. В д. № 1 по Поперечному пер., где жила семья Малютина, останавливался, приезжая в Одессу, Козачинский. Интересны два упоминания о к-ве «Объединенный труд» в материалах уголовного дела: 1) Из показаний Козачинского: «В период раскулачивания (1920 г.) жители-собственники х. Дикова были частью выселены, частью бежали из своих хозяйств, на хут. Диково был организован трудовой с-хоз. коллектив, который, однако, самораспустился ввиду упадка хозяйства, вызванного кражей 117 овец» (ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 238 об.); 2) Из показаний В.Келлера: «Весной 1922 года я и сын мой Мартын переехали домой в Диково и поселились в своих собственных домах, потому что члены коллектива, которые в 1920 г. забрали наши дома, уже разошлись» (ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 240 об.).

83. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 35 об., 36 об.
84. К характеристике В. Янчара и общей обстановки: 29/Х-21 Яновский районный комитет партии отправил начальнику милиции 3-го р-на такую бумагу: «Райпартком предлагает немедленно доставить в д. Волково Евгеньевской вол. 10 человек из кулацкого элемента и предсельсовета. Под арестом держать до тех пор, покамест украденное зерно из Государ. складов не будет возвращено. Предособкома.
Секретарь.
Райпарткома.
Управдел».
- На этом письме – резолюция замначрайона, призывающая к немедленному исполнению, т.е. к взятию заложников и удерживанию их неопределенное время. Янчар на обороте написал: «Нач. милиции 3 р. С возвращением настоящей записки <...> сообщаю, что без обвинительного материала, согласно закона, никого не могу лишать свободы. <...> 3 ноября 1921 г.» (ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 160, л. 17-17 об.).
85. ГАОО, ф.Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 21.
86. Может быть, и название «Союз меча и орала» отсюда?
87. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5178, л. 16.
88. Там же, л. 50.
89. Лин. «Ужасы» большевистских тюрем // Шквал. – Одесса, 1924. – № 8. – С. 10.
90. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 240.
91. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5189, л. 50.
92. Козачинский А. – С. 33.
93. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 298.
94. Там же, л. 237 об.
95. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5180, л. 58.
96. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 219.
97. Козачинский А. – С. 25.
98. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5179, л. 58-58 об.
99. Козачинский А. – С. 41.
100. Там же. – С.42.
101. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5186, л. 64 об.
102. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 11 об.
103. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190., л. 12.
104. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 221 об.
105. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Собр. соч. – В 5 т. – Т. 2. – М.: Сов. писатель, 1961. – С. 41.
106. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5188, л. 189.
107. Там же, л. 221, 221 об.
108. Там же, л. 211 об.
109. Там же, л. 222.
110. ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5190, л. 82.
111. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 4, л. 14 об.
112. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 407, л. 89.
113. О дате вынесения приговора можно судить по заявлению Жураковского, в котором он ссылается на приговор Губсуда от 10 февраля 1925 г. (ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5179, л. 101); Гудок. – 1925. – 23 авг. – С. 5.

114. Стилъ его покаянных показаний далек от протокольного. Просто ли распирало его от таланта, который в коробочку не затолкаешь? Или это (еще не осознанное) начало работы над повестью? «...без надежды на будущее, но не имея мужества совершенно отказаться от него, пишу не показания, а искренний рассказ, который, надеюсь, не наскучит читателю, о впечатлении его на последнего я не думаю.

Месяцев 5 или 6 тому назад, я, движимый желанием “придбать” себе парочку лошадок, направил стопы своя в с. Бициловку, где стоял Этапный ветеринарный лазарет 51 дивизии, предмет усиленного внимания, заботливости, фаворит наш и источник благополучия.

В древности Господь Бог послал бедным евреям манну небесную; для нас, бедных бандитов, он всеобъемлющею своею благодатью создал ветеринарный лазарет» (ГАОО, ф. Р-1522, оп. 2, д. 5183, л. 31 об.).

115. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 2-л, д. 2615.

116. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 2-л, д. 1158, л. 17, 30.

117. Там же, л. 4-4 об.

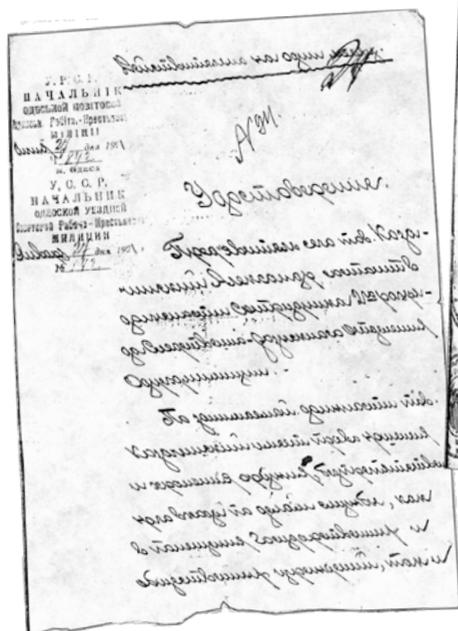
118. ГАОО, ф. Р-4754, оп. 1, д. 521, л. 25, 35.

119. Козачинский А. – С. 21.

120. ГАОО, ф. Р-1269, оп. 1, д. 15, л. 562.

121. Козачинский А. – С. 33.

122. Калецкий П. «Зеленый фургон» // Лит. современник. – 1941. – № 1. – С. 156-158.

Удостоверения сотрудника
урызоска А. Козачинского.
1920, 1921 г. ГАОО

51/93

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА

СОВЕТСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ УКРАИНЫ.

Уездная (городская) милиция

- Имя, отчество и фамилия *Александр Владимирович Козачинский*
- Год рождения *1903*
- Грамотен *да*
- Какую окончил школу *Судинского*
- Место приписки (губерния, уезд, волость и деревня) *и Вресса*
- Национальность *Украинец*
- Профессия и месячный заработок *Контрреволюционер, 600 руб. в месяц*
- Социальное положение
- Семейное положение (вдова, вдова, холост, женат, состоящий на иждивении и др.)
- Работает ли семья (отдельно: жоны детей, отца, братьев, матеря, сестры) *не работает*
- Последнее местожительство семьи *Вресса, Воеводина*
- Чем занимался до войны
- С начала войны до февральской революции
- С февральской до октябрьской революции
- С октябрьской революции до поступления в Милицию *Служил в милиции, потом в канцелярии*
- Состоял ли в какой партии (с какого времени по какой) *нет*
- Партийная принадлежность в настоящее время
- Имущественное положение
а) размер земельного надела
- б) число голов скота и лошадей
- Состоял ли на службе в Полиции *нет*
- Служил ли в Милиции (когда и при какой власти, сколько времени)

Регистрационная карточка
А. Козачинского. ГАОО

Протокол опроса *БМАС № 1*
1922 г. сентября 16 дня, уполномоченный
З.р. Валуевский Александр опрашивал на-
революционеры в канцелярии бывшего
который начал, и собственноручно
записал следующее: *★*
Я неизвестно кем и где Александр Вла-
димирович Козачинский родился в городе
Москве 16 июля 1903 года. Отец
мой милитари-барин Владимир
Михайлович Козачинский был на
гастных службах до 1908 или 1909
года, после чего, ввиду неизвестной
семейной бедности, уехал в Сибирь,
туда не подавал известий до 1918
года. В 1918 году я получил письмо
от отца от которого было видно,
что он был на фронт в том же
года, но всей вероятности пропав-
шим. После этого семья наша ни-
когда известий от него не получила,
и в настоящее время, на что
мы слышали. Маме нас допросы,
объявления и отправлены в контору
для арестованных. Побода с женой,
сестрами, братьями, братиной и т.д., отто-
гда при волости. Решения решили,
что мы бандиты тут мы не из банды
работного, но что мы не можем
позволить "идеологич"

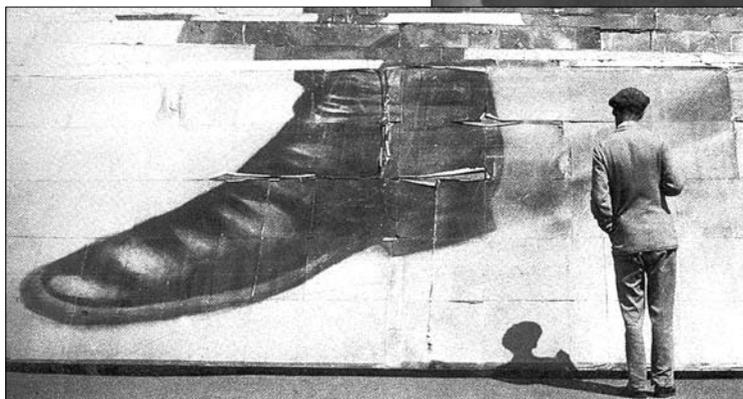
Протокол допроса
А. Козачинского.
16 сентября 1922 г. ГАОО

А. Козачинский. 1930-е гг. (собрание М.Б. Пойзнера, Одесса)

*А. Козачинский. Москва. 1930-е гг.
Фото И. Ильфа (архив А.И. Ильф,
Москва)*

*И. Ильф у панно с изображением Сталина. Москва. 1933.
Фото А. Козачинского (архив А.И. Ильф, Москва)*

А.Л. Яворская

ПИСЬМА А. КОЗАЧИНСКОГО

Одесский литературный музей был создан в 1977 году. Естественно, к тому времени архивы известных писателей-одесситов были переданы в ЦГАЛИ. В музей попали материалы писателей менее знаменитых – Сергея Бондарина, Александра Шпирта. Поступления, но уже не такие значительные по объему, продолжались и после открытия экспозиции. Писатели (или наследники) передавали, как правило, архив не полностью, отбирая материалы, связанные с одесским периодом жизни. Были закуплены архивы Семена Кирсанова, Ивана Микитенко. Много подарили родственники Ильи Ильфа, Константина Паустовского. Из Парижа от поэта Алена Боске поступили рукописи и книги его отца, одесского поэта Александра Биска (одного из первых переводчиков Р.-М. Рильке), эмигрировавшего из Одессы в 1920 году.

Ценность материалов, переданных в музей, не связана напрямую с известностью писателя. Так, у забытого ныне поэта Михаила Гитермана (архив получен от его племянника Давида Фудима) хранились две уникальные программки вечеров литературной группы «Бронзовый гонг» 1918 года (существование других экземпляров на сегодняшний день неизвестно ни на Украине, ни в России).

В ноябре 1991 года наследники Евгения Петрова предложили музею приобрести мебель и пишущую машинку писателя. Но в результате переговоров подарили остатки семейного архива. В нем все было вперемешку, на первый взгляд ценность определялась с трудом. При описании архива выяснилось, что, кроме книг, документов и фотографий, там были рукописи Е. Петрова и других писателей¹.

На основе архива музей издал книгу «Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину» (Одесса, 1998; первая часть – ранние

Е. Петров. 1930-е

стихи В. Катаева из архива сестер Алексинских и сестер Булатович, вторая – письма Е. Петрова жене 1928-1942 гг.).

Отдельные публикации были в журналах и газетах².

Рукописную часть архива Евгения Петрова, поступившего в Одесский литературный музей, можно условно разделить на:

рукописи Е. Петрова (письма и литературные материалы);

письма В.Л. Грюнзайд-Катаевой (жены Е. Петрова);

письма писателей к Е. Петрову;

письма читателей к Е. Петрову с отзывами на «Золотого теленка», «Одноэтажную Америку», отдельные фельетоны;

деловая корреспонденция, связанная с работой в «Огоньке» и других изданиях.

Среди корреспондентов Евгения Петрова – Валентин Катаев³, Михаил Зощенко, Александр Козачинский, Семен Кирсанов, Владимир Беляев, Михаил Файнзильберг⁴. Всего 36 писем, в которых, как правило, идет речь о литературной работе.

Особый интерес представляют письма Александра Козачинского. Петров и Козачинский дружили, легенда гласит, что Петров – прототип Володи Патрикеева в повести «Зеленый фургон». Подробно об одесском периоде жизни Козачинского и прототипах повести писала Н.Панасенко⁵. В музей попали не все письма, часть их осталась у родных Е. Петрова и в частной коллекции в Москве⁶. Однако и по восьми, хранящимся в музее, прослеживаются не только этапы работы над «Зеленым фургоном», но и дружеские отношения двух одесситов.

Семь писем Козачинского – с конвертами; крайние даты: 12 мая 1938 – 4 марта 1939. Одно – недатированное и без конверта.

Письма публикуются с сохранением орфографии оригинала.

1. Яворская Е.Л. Архив Е. Петрова в Одесском литературном музее // Праці Державного архіву Одеської області. – Т. IV: Архів. Історія. Сучасність: 36. наук. ст. та матеріалів. – Одеса, 2001.
2. Яворская А. «Дорогая, крепко любимая...» // Муза. – Одесса, 1992. – № 1. – *Письма Петрова жене разных лет*;
Яворская Е. Письма из Парижа // Веч. Одесса. – 1992. – 14 окт. – *Письма Петрова жене из Парижа 1933-34 гг.*;
Яворская А. Из записных книжек Евгения Петрова // Всемир. одес. новости. – 1992. – № 3(6);
Яворская А. Петров без Ильфа // Дерибасовская – Ришельевская: Одес. альм. – 2000. – № 3. – *Первая полная публикация записных книжек Петрова. Позднее публикация была повторена в книге «Петров Е. Мой друг Ильф» (М., 2001)*;

- Яворская А. Евгению Петрову 100 лет // Фонтан. – Одесса, 2002. – № 12(61). – *Два письма Петрова жене с Дальнего Востока, 1939 г.*;
- Яворская А. «Оптимист собачий» // Дерибасовская – Ришельевская: Одес. альм. – 2003. – № 12. – *Письма Петрова жене с Дальнего Востока, 1939 г.; фото.*
3. См.: Яворская А. Феномен Катаева // Одесса. – 1997. – № 2. – *Письмо, адресованное Ильфу и Петрову в США, опубликовано впервые.*
 4. См: Яворская А. Братья Ф. // Мигдаль. – Одесса, 2000. – № 3. – *Опубликовано впервые.*
 5. Панасенко Н. Александр Козачинский: Писатель без биографии // Ор sameax. – Одесса, 2003. – № 35(373). См. также статью в наст. сб.
 6. Сообщено А.И. Ильф в августе 2003 г., ныне архив А. Козачинского находится в частной коллекции в Одессе.

А. Козачинский – Е. Петрову

1

Дорогой Женя! Приехав из Абрамцева, узнал об отъезде Валички¹ к тебе; получив у нее твой адрес, вздумал тебе написать. Берусь за это с нерешительностью, ибо так очерствел за последние годы, что почти разучился писать письма. К тому же, прожив месяц в деревенской глуши (я вернулся вчера) не знаю никаких московских новостей. Остается писать о себе, как обычно и поступают авторы писем.

Месяц в Абрамцеве я прожил спокойно, неделю болел (тогда как Клавдия Константиновна², воспользовавшись моим отъездом, болела в Москве – многие годы это случается с ней всякий раз, как я уезжаю в отпуск); остальное время работал. После беседы с Вале³ я решил не спешить; вот уже полтора месяца, как я держу у себя рукопись.

Написал три главы⁴, которых раньше не было, остальное существенно переработал. Не знаю, как получилось; написано же много, вероятно листа четыре. Теперь я понял, как полезны советы молодым авторам. То, что сказал мне Валя, оказалось необычайно важным для меня. Однако, и сейчас не хочу выпускать рукопись; дам ее еще почитать Леве Славину⁵ и, возможно, дождусь твоего приезда.

Абрамцево оказалось чудным местом, но со всеми особенностями, свойственными домам отдыха второй руки: испорченными уборными, неприличными

Е. Петров. 1930-е

надписями на клавишах рояля, желудочными заболеваниями и соседями-гармонистами. Среди гармонистов ютились тихие люди, вроде меня, а также так называемые творческие работники, в частности целый рой профессоров, наехавших в Абрамцево писать учебники истории. Профессора скрипом перьев и требованием тишины мешали баянистам. Они требовали, чтобы те ходили играть в лес. Но оказалось, что в лесу с баянами убивают, поэтому директор, разбивавший конфликт, разрешил играть на баянах в корпусах час в день, чтобы профессора в это время ходили гулять в лес. То, что я пишу – не выдумка, а сухая хроника действительных событий. Победили, все-таки, историки, так как баяны отсырели в плохо отапливаемых помещениях – у них стали отпадать какие-то клапаны. Несмотря на помехи подобного рода, я убедился, что писать под Москвой, в доме отдыха, можно с большим удобством, и вспомнил, что я советовал тебе по этому поводу. Я надеюсь, что ты, починив немного на юге свой механизм, последуешь моему совету и, забросив редколлегию, начнешь серьезно работать где-нибудь недалеко от Москвы. Если у меня эта рукопись будет принята, следующую я буду писать именно таким образом.

Кстати, здесь распространились слухи, что твой механизм совсем развинтился; но Валичка успокоила меня на этот счет и сообщила, что ты чувствуешь себя хорошо. Кстати, я до сих пор не знаю, как нужно писать: Валичка, или Валичка⁶. Пишу, как подсказывает ухо. Вообще же, взявшись за изящную словесность, я столкнулся прежде всего с трудностями орфографии.

Ты заметил, что в каждом абзаце под конец я перехожу на свои литературные труды. С ужасом замечаю, что стал типичным графоманом. Все время записываю всякие глупости в записную книжку, как братья Тур⁷. Миша⁸ сегодня рассказал мне чудную историю о Никулине⁹ и Бабеле¹⁰. Валичка ее наверное не знает. Они ждали такси, стоя первыми в очереди. Когда машина подъехала, с другой стороны в нее вперлись два парня с двумя девицами. Не желая биться с ними, писатели отступили. Но вдруг дверь приоткрылась, и показалась голова франта, который сказал: «коллективу всегда нужно уступать». Тогда Никулин громко – так что слышала вся очередь и девицы в машине, произнес то короткое слово, которое написано на клавишах абрамцевского рояля. Машина тронулась. Это – единственная новость, которую я могу тебе сообщить.

Надеюсь скоро увидеть тебя толстым и довольным. Отдыхай, загорай, кушай. Желаю тебе всех благ. Миша тебе кланяется. Привет Валичке.

Твой А. Козачинский

12.V.1938

Письмо написано фиолетовыми чернилами с двух сторон листа.

Конверт: Ялта Улица Кирова 9

дом отдыха Литфонда Союза Советских писателей

Евгению Петровичу Катаеву-Петрову

Москва, 2ая Кузнецкая ул. 34, кв.129, Козачинскому

Впервые опубликовано: Яворская А. Юбилей знаменитого конокрада // Фонтан. – Одесса, 2003. – № 7(68).

1. *Валичка* – Грюнзайд Валентина Леонтьевна (19?? - 1991) – жена Е. Петрова.
2. *Клавдия Константиновна* – мать А. Козачинского, урожденная Шульцингер.
3. *Валя* – Валентин Петрович Катаев (1897-1896) – писатель, брат Е. Петрова. Родился в Одессе.
4. *Написал три главы* – речь идет о работе над повестью «Зеленый фургон».
5. *Славин Лев Исаевич* (1896-1985) – писатель. Родился в Одессе.
6. В письмах Е. Петров называл жену «Валичка».
7. *Братья Тур* – псевдоним писателей Тубельского Леонида Давыдовича (1905-1961) и Рыжея Петра Львовича (1908-1978).
8. *Миша* – лицо неустановленное.
9. *Никулин Лев Вениаминович* (1891-1967) – писатель, литературную деятельность начинал в Одессе.
10. *Бабель Исаак Эммануилович* (1894-1940) – писатель. Родился в Одессе.

2

А. Козачинский. Фото И. Ильфа.
Москва. 1932

«Дорогой и пр. Саша! <...> Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать а) роман о жизни, б) воспоминания о себе, в) еще что-нибудь интересное. Это было бы вполне уместно. Человечество этого ждет. Не откладывайте. Пишите».
Из письма И. Ильфа к А. Козачинскому 13 января 1932 г.

Дорогой Женя! Пишу тебе в очень грустном настроении. Только что был на рентгене. Обнаружена каверна в левом легком. Так как пневматорокса мне делать нельзя, то оставалась надежда, что каверна окажется тонкостенной, т.е. поддающейся рубцеванию. Но каверна оказалась толстостенной. Теперь у меня выбор – либо оставаться с ней, «как есть», либо соглашаться на торкопластику, которой мне так хотелось избежать. Но я уже твердо решил от этой зверской операции отказаться; да мне, возможно, ее и не предложат, так как только очень крепкие люди выдерживают ее.

Достаточно сказать, что после операции нужно 10 суток провести сидя, и несколько суток – без еды. И, в конце концов, превращая человека в полупарализованного, она не гарантирует излечения. Завтра иду к горловику. Я так привык к невезенью, что и от этого посещения жду какого н.б. сюрприза, тем более что в горле у меня все время какой-то непорядок. Так-то, брат! «И на сердце делается грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде...»¹ Кажется так?

Дорогой Женя, я не могу удержаться от жалоб. Я подавлен и уничтожен, и мне некому пожаловаться, ибо я не желаю огорчать Клавдию Константиновну. Если бы ты слышал, как кашляет этот дом! Отовсюду доносятся глухие удары, будто кто-то бьет в доску. Увы! я кашляю таким же деревянным, стучащим кашлем.

Клавдия Константиновна ездит сюда каждый день – возит еду. Ужасно мне ее жалко.

Вставать с постели мне пока не разрешают.

Повезло мне только на соседа – это очень тихий и деликатный человек. Если бы меня поместили в общую палату, я уехал бы в Москву.

Мне очень неловко обращаться к тебе с денежной просьбой, особенно до того, как выяснится судьба «Зеленого фургона». Однако, К.К. осталась без денег, и у меня нет другого выхода, как обратиться к тебе, хотя я совершенно не представляю себе, из каких источников покрою долг, если «З.Ф.» забракуют. С этим предупреждением я и обращаюсь к тебе с просьбой одолжить К.К. некоторую, удобную для тебя сумму, чтобы она могла перекрутиться до продажи «З.Ф.» и получения под него аванса. Если ты сможешь это сделать, переведи деньги К.К. почтовым переводом (2ая Извозная д. 34, кв. 129), или, если будешь в Москве – извести ее накануне телеграммой – она сможет зайти к тебе до часу дня (позже она уезжает ко мне).

Если ты захочешь меня навестить, ты сможешь это сделать в любой день; однако, нужно стараться приехать сюда либо к половине двенадцатого, либо к половине пятого; ибо утром и в середине дня – мертвые часы. Мне очень хочется тебя увидеть; я нищ также и духом, и нужно, чтобы кто-нибудь меня подкрепил. Кроме того, у меня есть к тебе один откровенный разговор, который я уже давно собирался с тобой повести. Если не сможешь заехать, напиши. Привет Валечке. Твой Саша.

Дата по штемпелю 15.6.38.

Письмо написано карандашом на вырванных из блокнота листах бумаги
Конверт: ст. Клязьма, Сев. ж. д. Пушкинская 26, угол Жуковской

Евгению Петровичу Петрову-Катаеву

ст. Кратово, Каз. ж.д. санаторий Прозоровка, 4 корпус, Козачинскому

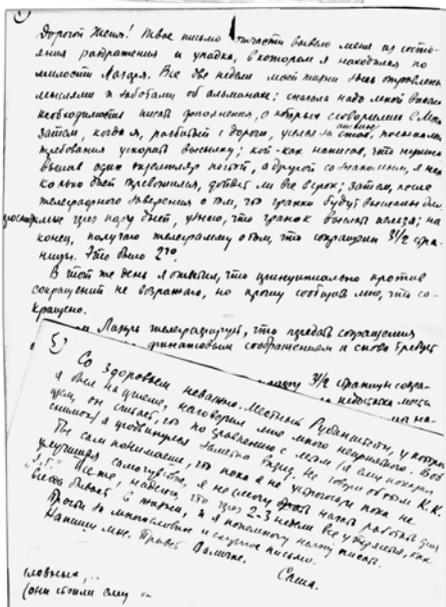
1. Цитата из записных книжек И. Ильфа.

3

Дорогой Женя! Твое письмо отчасти вывело меня из состояния раздражения и упадка, в котором я находился по милости Лазаря¹. Все две недели моей жизни здесь отравлены мыслями и заботами об альманахе: сначала надо мной висела необходимость писать дополнения, о которых сговорились в Москве, затем, когда я, разбитый с дороги, уселся за писание [перечеркнуто – стол], посыпались требования ускорить высылку; кой-как написав, что нужно, выслав один экземпляр почтой, а другой со знакомым, я несколько дней тревожился, дойдет ли все в срок; затем, после телеграфного заверения о том, что гранки будут высланы для просмотра мне через пару дней, узнаю, что гранок выслать нельзя; наконец, получаю телеграмму о том, что сокращены 3 1/2 страницы². Это было 2 го. В тот же день я ответил, что принципиально против сокращения не возражаю, но прошу сообщить мне, что сокращено.

Вечером Лазарь телеграфирует, что передать сокращения он не может по финансовым соображениям и снова

требует ответа. Утром 3 я передал ему по телеграфу 3 1/2 страницы сокращений (Я полагал, что повесть сокращается из за недостатка места в альманахе). Это стоило всего 25 руб., и, конечно, он мог накануне передать мне сделанные вами сокращения подобным же образом.

В час дня третьего я, поразмыслив, дал ему телеграмму о том, что если мои сокращения запоздали, то я согласен на ваши.

Т.о. я получил запрос 2 и дал окончательный ответ 3 го в полдень.

Теперь я объясню тебе, почему я так уперся. Из двух многословных, наполненных уговорами телеграмм Лазаря (они стоили ему около 100 рб, вчетверо больше, чем стоило бы передача сокращений) я не узнал самого главного: что эти сокращения вызваны не недостатком места, а редакторскими соображениями (это мне объяснило только твое письмо).

Правда, последнее еще увеличивает вину Лазаря – значит он мог согласовать со мной все заблаговременно.

Я решил, что в процессе верстки выяснилась срочная необходимость отстричь 3 1/2 страницы.

Как редактор, я знаю, что правильное сокращение большой вещи, т. е. отсекование кусков наименее важных, наименее удачных и не связанных с остальным текстом требует спокойного и внимательного чтения ее от начала до конца. А когда нужно сокращать для техреда и метранпажей, которые стоят с дубиной над головой, редактор быстро листает рукопись, торопливо шарит взглядом по страницам и выщипывает, что попало. Я знал, что вы отнесетесь к сокращению настолько внимательно, насколько возможно, но я также знал, что безумно занят и, конечно, читать рукопись целиком не сможешь. Учтя мою врожденную аккуратность и добросовестность, ты согласишься, что у меня были основания стараться узнать, что сокращено, и попытаться внести те же сокращения, которые я сделал сам.

Разумеется, я совсем иначе себя вел бы, если бы знал, что сделаны редакционные [подчеркнуто] сокращения. Здесь твоя гарантия была бы для меня вполне достаточной, да и на Лазаря чутье и опыт я мог бы положиться.

Это – первое. Во вторых, я не мог добиться от него (и так и не добился) ответа – включены ли посланные из Ялты добавления.

Одно из них – как Володя едет в бричке³ – я считаю настолько важным, что ради него готов пожертвовать любым другим местом повести. Если прочитать это место отдельно – оно, м.б., покажется и не таким важным; но если читать подряд, или помнить повесть наизусть, как я, тогда значение этого места будет неоспоримым. Молчание Лазаря, кот. мне ничего не сообщил об этом, довело меня до белого каления, лишило сна и аппетита (в буквальном смысле).

В последней телеграмме (с согласием на Ваши сокращения) я не удержался и написал, что возмущен «мюнхенскими методами». И в самом деле – не безобразие ли это – разве не мог он додуматься до всего этого раньше и уладить все со мной? Ведь в конце концов, это – не газетная статья, а литературное произведение, а для меня еще – и первое.

Ни вчера, ни сегодня я ответа не получил. Либо Лазарь обиделся, либо решил снять «Фургон», к чему никаких формальных оснований у него нет, ибо мое согласие он получил на второй день после запроса⁴.

Естественно, я продолжаю находиться в состоянии томления. Снятие фургона огорчило меня чрезвычайно – во-первых потому, что то, что хотят печатать сегодня, может не понравиться завтра, во-вторых мне это нужно для литфонда, в третьих – нужны деньги.

Меня тронули несколько теплых слов, содержащихся в твоём экономном письме. Мне здесь одиноко и неудобно. Не писал тебе гл. образом потому, что не хотел писать жалобно. Но теперь уж воспользуюсь случаем.

Сначала я жил в «Интуристе», но бежал оттуда из за бешеных цен, кухонного чада и джаза. Теперь живу в гостинице более дешевой и без джаза. Обедать хожу в Интурист.

Очень обидно – денег уходит масса, а живу не так, как надо. Несколько часов в день приходится просиживать в прокуренном ресторане. Яиц и молока в нем нет. Масло только соленое.

Живу на улице с автомобильным движением. Пыль, вонь испорченных уборных.

Выписывать сюда К[лавдию].К[онстантиновну]. нет смысла – на рынке ничего нельзя купить. Нет керосина, яиц, масла, молока, картофеля.

По этой же причине нет частных пансионатов.

Получил разрешение питаться в санатории Аэрофлота. Но, на беду, поблизости нет частных домов и до сих пор не могу найти там комнату. Да и столовая санатория на высокой горе, не знаю, как буду туда взбираться.

Бесперспективность эта заставила меня заинтересоваться здешними тубсанаториями. Говорил с больными. Оказывается Кратово по сравнению с ними – Давос. Кормят одними макаронами.

Обидно: и деньги есть, и в Ялте живу, а пользы мало. До сих пор не могу осуществить свою мечту о тихой комнате с окном в сад. Уже пол года только и делаю, что переезжаю с места на место, строю сложные планы, ловчусь, интригую, а тихой пристани все нет и даже не видно.

Нужно что-то придумать, но что – неизвестно. Жизнь устроена так, что податься некуда.

Я уж думал: а что если бы в самом деле был известный писатель? Архангельский⁵ умер в Кратове, воюя с администрацией и борясь с неполадками; Первенцев⁶ живет в вонючем Интуристе – благо, у него хоть денег довольно; Ильф⁷ должен был жить «обманом» в чужом доме отдыха. Какая подлость, что Литфонд не имеет хоть небольшого дома для туберкулезных писателей – о чем говорил еще Чехов!

Кстати, дом Литфонда наполнен всякой шантрапой типа Атарова⁸ – бездарного и скучного халтурщика, которого Литгазета стараниями такого же скучного Бондарина⁹ произвела в таланты; был здесь жулик Пермяк¹⁰, – да что говорить, из писателей здесь один Маршак¹¹. Кстати, говорил с ним об Ермилове¹² (конечно, о рукописи я ему не рассказывал) – он считает его известным и зарекомендованным дураком. Присмотревшись к составу отдыхающих в Литфонде, я понял, что обладаю большим правом на заботу со стороны этой организации, чем полагал раньше.

Со здоровьем неважно. Местный Рубинштейн, у которого я был на приеме, наговорил мне много неприятного. Вообще, он считает, что по сравнению с летом (я ему показал снимок) я продвинулся заметно вперед. Не говори об этом К.К.

Ты сам понимаешь, что пока я не устроюсь, и пока не улучшится самочувствие, я не смогу начать [зачеркнуто – брать] работать для «Л.Г.»¹³. Все

же, надеюсь, что через 2-3 недели все утрясется, как всегда бывает в жизни, и я понемногу начну писать.

Прости за многословное и скучное письмо.

Напиши мне. Привет Валичке. Саша

Дата по штемпелю: 5.11.1938

Письмо написано чернилами на 5 листах бумаги разного формата с одной стороны.

Конверт: Авиапочтой Москва Лаврушенский пер. дом 17/19 кв 27 Е. Петрову
Ялта, гост., «Парижская Коммуна» Козачинскому

1. *Лазарь* – Лагин Лазарь Иосифович (1903-1997) – писатель, исполнял обязанности ответственного редактора альманаха.
2. *Сокращены 3 1/2 страницы* – при публикации в альманахе был сделан ряд сокращений по сравнению с поздними изданиями. Так, в начале выпущен текст между предложениями «Патрикеев и его скромный друг доктор были неразлучны...» и «Дела клуба шли прекрасно» (Козачинский А. Зеленый фургон. // Год XXII. Альманах 14. – М., 1939. – С. 231). Восстановлен в следующих изданиях, см: Козачинский А. Зеленый фургон. М. 1962 – от слов «Было известно, что живут они в разных городах...» до «В их речи звучал тот неистребимый южный акцент, который позволяет безошибочно узнавать бывшего одессита в толпе ленинградцев и москвичей» – см. указ. изд., с. 11. Далее по тексту незначительные сокращения в пределах абзаца. Наиболее значительно сокращен текст между предложениями «Но каково было одному из его знакомых, чей сын пошел в воры?» и «Одесситы расходились в определении числа властей, побывавших в Одессе за три года» (Год XXII. Альманах 14. – М., 1939. – С. 248). Восстановлен в следующих изданиях, см. изд. 1962, от слов «Три года с лишним Одессу окружала линия фронта...» до «Пока большевики были за линией фронта, пока они пробивались к Одессе, городом владели армии центральных держав, армии держав Антанты, белые армии Деникина, жовто-блакитная армия Петлюры и Скоропадского, зеленая армия Григорьева, воровская армия Мишки Япончика» (с. 61-63).
3. *как Володя едет в бричке* – очевидно, Козачинский имеет в виду следующее: «В бричке он становился путешественником. Ему нравился самый процесс езды: в бричках ездили ответственные работники...». См.: Козачинский А. Зеленый фургон // Год XXII, альманах 14. – М., 1939 – С. 246-247
4. Альманах был сдан в производство 1.X.1938, подписан к печати 2.XII.1938.
5. *Архангельский Александр Григорьевич* (1889-1938) – поэт, пародист, умер двенадцатого октября.
6. *Первенцев Аркадий Алексеевич* (1905-1981) – писатель.
7. *Ильф Илья Арнольдович* (1897-1937) – писатель. Родился в Одессе.
8. *Атаров Николай Сергеевич* (1907-1978) – писатель.
9. *Бондарин Сергей Александрович* (1903-1978) – писатель. Родился в Одессе.
10. *Пермяк Евгений Андреевич* (1902-1982) – писатель.
11. *Маршак Самуил Яковлевич* (1887-1964) – поэт, переводчик.
12. *Ермилов Владимир Владимирович* (1904-1965) – критик, литературовед.
13. «ЛГ» – Литературная газета.

28/II

Дорогой Женя!

Посылаю тебе два заявления – одно о приеме в члены Литфонда, другое – с просьбой о вспомоществовании и о путевке. Рассуди сам, нужно ли подавать оба заявления одновременно, либо сначала одно, а вдогонку за ним другое. Мы тут – т. е. я и доктор, рассудили, что девать меня, кроме как в тубсанаторий, некуда. Первоначальный план – поездка на лето в Кызыл-Таш – не годится, т.к. обострение у меня не проходит и неизвестно, когда пройдет.

В Долоссах есть несколько одиночных палат и если мне удастся получить одну из них, я буду надеяться, что санаторий принесет мне пользу.

Пока я лежу в постели, обросший трехнедельной еврейской бородой. Со времени последнего моего письма мне было хуже (т-ра до 38,4), потом стало опять лучше; вчера и сегодня т-ра нормальная.

С твоей критикой водевиля¹ согласен «на все сто». Даже приятно, когда критикуют так толково. Скажу одно лишь: я не только не видел «Эликсира молодости»², но и вообще никогда в жизни не видел никакого водевиля (в драм. театре, вероятно, я был раза три). Отчасти даже приятно, что я придумал нечто похожее на то, что уже придумали французы. Впрочем, французы уже придумали, вероятно, в области водевиля все, что только можно было придумать. Превосходство «Эликсира молодости» очевидно. Сюжет этот я придумал сам и собирался сначала сделать из него серию маленьких рисунков с подписями для Крокодила.

Учел ли ты, однако, что никто из действующих лиц водевиля, в т. числе и доктор не верит в то, что произошло омоложение? Это в какой то степени, и есть правдоподобная основа развертывающихся событий.

О «Кольчугине»³. Конечно, это – вещь более высокой квалификации, чем другие в альманахе. Но согласись, что она скучна, и что описание ужасов капитализма весьма однообразны и стандартны. Как частности, обращает на себя внимание отвратительный, псевдорбочий язык, которым разговаривают персонажи. Хороши домны, хорош горновой Мьята и вообще, вещь, конечно, писательская.

Да, еще о водевиле. Конечно, я проявил чрезмерную бойкость, взявшись писать водевиль и не имея никакого представления о том, что это такое. Надо хотя бы что-нибудь почитать.

Спасибо за заботы о книжке и, в частности, за проект относительно «Сов. писателя». Очень рад также, что ты заказал рецензию Леве⁴. В основе моей просьбы лежало не честолюбие, а соображения более прозаические и жизненно-важные для меня.

Я надеюсь что проблема мальчик-девочка уже будет благополучно решена к моменту прибытия этого письма⁵. Однако я слышал, что врачи сейчас довольно точно определяют по сердцебиению в последние недели беременности пол ребенка.

Валичка уже зарекомендовала себя по этой части с самой лучшей стороны и я не сомневаюсь, что она разрешится легко, быстро, и с наилучшим результатом.

Того же желаю тебе по части романа. Неужели, однако, ты собираешься выносить его уже к 1 июня? Я с нетерпением жду твоего приезда сюда – ты представляешь себе, как мне хочется тебя увидеть и поговорить с тобой.

Ну, будь здоров.

Твой Саша.

Р.С. Поблагодари, пожалуйста, Левина⁶, за то, что вдруг вспомнил обо мне.

Очень прошу тебя, все же, не задерживать заявление о вспомоществовании, и вот по какой причине. После того, как Литфонд вынесет постановление, придется доставать в ВЦСПС путевку, а это дело нелегкое, и браться за него нужно заблаговременно. Откладывать же приезд в санаторий я не могу, т.к. 1 мая должен очистить дом Найденовой⁷ и не могу оставаться в Ялте из за жары. Да и деньги иссякают и помощь Литфонда нужна поскорее. В общем, хорошо если бы прибавить заявление о путевках в Литфонд до твоего отъезда в Ленинград.

Р.С. На письмо Литфонда не ответил потому, что был сильно болен, когда его получил. Работать смогу только когда кончится обострение, чего давно уже жду.

Напиши мне, пожалуйста (можно не длинно – открытку), как ты поступил с моим заявлением, чтобы я был в курсе дела.

Будь здоров твой Саша.

Передай привет, пожелания и поздравления Валичке. И тебе, конечно, тоже, хотя твои и Валичкины заслуги в этом деле несравнимы.

При вступлении в члены Литфонда надо заполнять анкеты; не позаботишься ли ты мне их выслать? Или, если сможешь, не заполнишь ли сам?

Письмо написано фиолетовыми чернилами на сложенном вдвое листе с обеих сторон.

Конверт: Заказное Москва Лаврушенский пер. дом 17/19 кв 27

Евгению Петровичу Петрову-Катаеву

Ялта, ул. Володарского 11 б, дом Найденовой, Козачинскому

1. *Водевиль* – имеется в виду «Могучее средство», впервые опубликован: Год XXII. Альманах пятнадцатый. – М., 1939; повторно – публикация Н. Панасенко в альманахе «Дерибасовская-Ришельевская» (Одесса, 2003. № 14).
2. «*Эликсир молодости*» – какой именно водевиль имеет в виду Козачинский, не установлено.
3. «*Кольчугин*» – «Степан Кольчугин», повесть В. Гроссмана, опубликована в том же альманахе, что и «Зеленый фургон».
4. *Лева* – Славин Лев Исаевич (1896-1985), писатель. Родился в Одессе. Рецензия не была написана: см. письмо от 6 марта 1939 г.
5. Сын Е.Петрова Илья родился 3 февраля 1939 г.

6. Левин – речь идет либо о писателе Левине Борисе Михайловиче (1898-1940), либо о критике Левине Льве Ильиче (1911-1998).
7. Имеется в виду вдова писателя С.А.Найденова (1868-1922).

5

Ялта, 6/III – 39

Дорогой Женя!

Прочел хвалебную статью Германа¹. С непривычки событие это показалось мне весьма значительным.

Вот я не знаю только: если писатель пишет, что «повесть написана превосходно», что «все в ней, как в подлинном художественном произведении – открытие» и т.д. и т.п. – то значит ли это, что он в самом деле убежден в том, что повесть «превосходна», что «все в ней – открытие» и т.д. и т.п.? Или писатель выполняет только задание редакции? Ответь мне на этот, продиктованный честолюбием вопрос.

Опираясь на свежий панегирик Германа, я решился обратиться (через Матильду Юфит) к директору дома Литфонда с просьбой дать мне машину для поездки на рентген, и просьба моя была уважена. Не было бы статьи – не было бы и машины.

Так что я очень доволен. Правда, в статье главный герой назван Володей Бойченко, тогда как он – Патрикеев. Ты скажешь – вот, брюзга, расхвалили его на все лады, а он недоволен. Но ведь ты знаешь, что я – педант. Восхитившая Германа точность языка и описаний в «ЗФ» есть не более, чем разновидность моего педантизма. В сущности, похвальные рецензии на свои произведения должны были бы писать сами авторы, ибо они лучше, чем кто либо знают свои опусы и из кожи лезли бы вон, чтобы статьи были написаны убедительно и толково. Я бы, например, никогда не приписал бы Володе, как это делает Герман, совершенно чуждого ему рассуждения, что «детektивами они никогда не будут, а что работать им надо, опираясь на массы». Меня это утверждение поразило. Ведь Володя мнил себя замечательным детективом и все надежды возлагал не на массы, а на увеличительное стекло! Я бы не утверждал также, что в главе о встрече с футболистом Володя обнаружил... «умную подозрительность разведчика»! Это он, только и думавший, как ему отвязаться от голкипера-Красавчика! Юмор вещи до Германа, очевидно, в общем, не дошел, а если так – то чем же его могла привлечь повесть? И наконец, на месте Германа, я подобрал бы для подтверждения своих выводов более подходящие примеры. Он цитирует абзацы неубедительные, так сказать «средние», а порой и сырые, непрожеванные. Что бы ему обратить внимание на такие места, как погоня в степи, описание одесских окраин? Ей богу, эти места куда лучше.

А самое главное, рецензия принадлежит к наименее интересному типу «излагающих содержание». Для того, что на самом деле интересно – для литературного разбора, у Германа уже не хватило места, и он пишет: «об этой стороне дарования Козачинского стоит поговорить особо».

Вот мои возражения против хвалебной рецензии Германа. Повторяю, что они рождены присущим мне педантизмом: я люблю, чтобы все было правильно. Но не буду притворяться: когда хвалят, то приятно, даже если неправильно. Статья меня утешила и обрадовала, тем более, что Герман – писатель, мне симпатичный.

Что же, однако, Лева Славин? Не захотел писать о повести? И Роскин² не захотел, если поручили Герману? Напиши мне об этом и вообще сообщи что говорят «за повесть», если вообще что-нибудь говорят. Я ведь лишен самой главной авторской утехи – впитывать в себя мнения, отзывы, похвалы друзей – т.е. того, ради чего создавалась мировая литература. Правда, я дал почитать альманах своему доктору, но он так деликатен, что пуще всего боится заговорить о повести, дабы я его не заподозрил в неискренности и лицемерии.

С точки зрения лечебных мероприятий рецензия меня вполне удовлетворяет. Теперь есть шанцевый инструмент для подкопа под Литфонд. А дело это откладывать нельзя.

Положение мое, Женя, такое. Каждый туберкулез имеет свое начало и свой конец. Было бы нелепо закрывать глаза на факты. Несмотря на сдержанность моего врага, я отдаю себе отчет в том, что шансов с каждым днем у меня остается все меньше. Год для прогрессирующего туберкулеза последней стадии – очень большой срок, а я уже болен скоро год. Уже третий месяц я лежу в постели. Если даже мне удастся устроиться в Долоссы, даже если Лева вырвет для меня эту записку насчет отдельной палаты (у них есть 4-5 таких палат, предоставляемых по благу), то и это для меня лишь вынужденный вариант.

Я иду в туберкулезный санаторий только потому, что некуда больше деваться. Ни один врач не советует больному идти в тубсанаторий, если у него есть какая-н.б. другая возможность. Но если Лева будет болен (я давно не получал от него писем из больницы), то и путевку в Долоссы мне некому будет добыть.

Что касается Литфонда, то это дело нельзя предоставлять самотеку. На Левика полагаться нельзя, ибо он человек безответственный и может подвести, а положение мое таково, что подводить меня нельзя. Двухнедельная проволочка может иметь для меня самые тяжелые последствия. Можно опоздать с хлопотами по получению путевки, я могу оказаться без денег и без пристанища. Потому, невзирая на твою занятость, я прошу тебя не упускать из виду Литфонда, если надо – подготовить перед заседанием тех членов правления, с которыми ты знаком, или, может быть, даже выехать на заседание. Повторяю, для меня это – решающий этап, ибо там будет решаться надеюсь принципиальный вопрос – лечить меня, или не лечить, и обеспечить меня пособием и санаторией на полгода, как я прошу, или нет.

Не знаю, могу я уже поздравить со свеженьким ребеночком, или нет. Может быть в самом деле рассосалось?

Надеюсь, что ты постараешься поскорее меня известить, как только будут какиенибудь новости по этой части.

Передай привет и пожелание здоровья Валичке. Того же желаю и тебе. Будь здоров. Твой А. Козач

Только что получил письма от Мафа³ и Лагина⁴. Оба сообщают лестные для меня подробности о том, как встретила публика «З.Ф.». Среди этих подробностей особенно поразило меня сообщение Лазаря о том, что Ставский⁵(!!!) считает «фургон» «просто находкой», «лучшей повестью за последний год».

«Когда говорят об альманахе – пишет Лазарь, – говорят о “Зеленом фургоне”. Статья о нем будет в “Лит. обозрении”⁷». Маф пишет что Славину звонил Финк – допытывался, кто я такой.

«Семафор открыт» – пишет Лазарь. Увы, я не могу сдвинуться с места.

Е. Петров (с орденом Ленина). 1939

Повидимому в Гослитиздате дело с книжкой из за отсутствия бумаги, не выйдет. Не попытаешься ли ты, в самом деле, дать ее в Сов. писатель?⁶ [Далее текст зачеркнут. – А.Я.] Прости за этот град поручений, который обрушился на тебя в самое неподходящее время – когда ты занят отцовством, освоением ордена⁸, заседаниями и романом⁹.

Приезжай сюда. Матильда Юфит¹⁰, которая живет сейчас в Литфонде, говорит, что это – рай. Погода необыкновенная даже для Ялты.

Здесь отдохнешь от поручений, орденов, заседаний а также и от отцовства.

Ну, будь здоров.
Твой Саша

Письмо написано фиолетовыми чернилами на 3 листах с обеих сторон.
Конверт: Заказное Москва Лаврушенский пер. дом 17/19 кв 27

Евгению Петровичу Петрову-Катаеву
Ялта, ул. Володарского 11 б, дом Найденовой, Козачинскому

1. Герман Юрий Павлович (1910-1967) – писатель.
Рецензия Ю. Германа была опубликована в журнале «Звезда», 1940, № 12. Более ранняя публикация не обнаружена.
2. Роскин Александр Иосифович (1898-1941) – литературовед, критик.
3. Маф – Михаил Арнольдович Файнзильберг (1896-1942) – художник, старший брат И.Ильфа.
4. Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович (1903-1978) – писатель.

5. *Ставский* (Кирпичников) Владимир Петрович (1900-1943) – писатель, журналист, с 1936 г. – генеральный секретарь Союза писателей. О нем в записных книжках Е.Петрова: «Надпись под деревом в Никитском саду: "Лжекаштан конский". Мне нравится эта откровенность науки. В жизни так не бывает. На дверях кабинетов не висят таблички: «Назаров – лжепредседатель по делам искусств» или «Ставский – лжеответственный секретарь Союза писателей».
6. Книга вышла в 1940 г. в издательстве «Советский писатель», в нее вошли «Зеленый фургон» и рассказы.
7. См: Рагозин Е. «Зеленый фургон» // Лит. обозрение. 1939. № 7.
8. В 1939 ряд писателей, в том числе и Е. Петров, были награждены орденом Ленина.
9. *Романом* – в 1939 г. Петров начал работать над романом «Путешествие в страну коммунизма». Он написал 8 глав, роман остался незавершенным.
10. *Юпит Матильда Иосифовна* (1909-1993) – писатель, переводчица.

6

Ялта, 18/Ш

Дорогой Женья! Поздравляю тебя и Валечку с народившимся сыном. Теперь ты с Валея¹ (братом) можете не краснеть перед своим отцом. Каждый из вас потрудился для продолжения рода не меньше, чем он. А ведь еще как говорить, не вечер, и есть еще, как говорить, порох в пороховницах. Здорово, как выражается Петя², вы с Валечкой лепить стали. В истории литературы не припомню такого случая, чтобы у литераторов рождались десятифунтовые младенцы.

И имя ты дал сыну хорошее: приятно было узнать об этом³.

Младенец, вероятно, типа Пети, так называемого Катаевского типа? Опиши мне его бегло, если будешь писать.

На днях литфонд известил меня телеграммой, что заявление мое рассмотрено и что постановлено оплатить мне двухмесячную путевку (1600 рублей). Хлопоты по добыванию путевки возлагаются на меня.

Это значит, что в основной моей просьбе – взять на себя заботу о моем лечении, т.е. лечить меня систематически, в такой мере, в какой этого требует мое состояние, Литфонд отказал.

Я просил выдать мне пособие на которое я мог бы прожить два месяца до поступления в санаторий. В этом мне отказано. (То, что я болею уже 10 месяцев, не принято во внимание).

Я просил путевку на 4 месяца потому что туберкулез (да еще в 3 стадии) двухмесячной путевкой не пролечивается – это известно всем; во вторых потому, что из Ялты я должен уехать на весь жаркий период (июнь – сентябрь), что

тоже понятно и подтверждено заключением врачей. Неужели Литфонд испугался, что мне захочется просидеть в тубсанатории два лишних месяца?

Наконец, я писал, что нахожусь в полосе обострения. Как же можно возлагать добывание путевки на меня? Ведь это – самое трудное. И добывать ее надо в Москве.

Телеграмма эта чрезвычайно меня огорчила. Повидимому, заявление мое упало на почву каменистую и необработанную, ибо «в материальном выражении» результаты оказались еще более скудными, чем в прошлый раз.

Главное – даже не в деньгах. Я надеялся хоть на несколько месяцев избавиться от постоянно грызущей меня заботы о завтрашнем дне, но надежда эта не оправдалась.

В своем письме ты вроде как бы упрекаешь меня в том, что я отозвался о Левине³ как о человеке безответственном, на которого положиться нельзя. [Зачеркнуто – Должен тебе напомнить – А.Я.] («благодаря ленивому Левину ты принят в Литфонд»). В таком духе не раз отзывался о Левине ты сам. Человек он, может и неплохой, но слишком сытый и толстокожий, и поэтому не знающий, что такое болезни, нужда и прочие беды. И человек я ему совершенно чужой. Поэтому я всегда с опасением жду исхода великого дела, которое в моих интересах ведет Левин.

Сема Кирсанов⁴ был у меня вчера и рассказал, что есть новое положение, по которому Литфонд автоматически, по представлении документов дает деньги больным членам по их заявлению (как соцстрах). Но какие нужны документы?

Кому их посылать? Как это делается? Как это все оформить? Левину, конечно, нет дела до этих мелочей. Аппарат Литфонда в ответ на мое заявление о помощи не догадался, конечно, известить меня об этом. Верный Лева в Твери и сам очень болен (у него артериосклероз мозга плюс язва и еще многое другое); Кл. Константиновна здесь; в результате проделать это весьма несложное, вероятно, дело, некому. Как ни важен сам по себе для меня вопрос о деньгах, меня еще больше пугает вопрос о путевке: кто ее добудет, если Лева не сможет за это взяться? Литфонд же совершенно не желает утруждать себя этим.

Ты настойчиво предлагаешь мне деньги в долг. Я тебе очень благодарен, но совесть моя и так достаточно обременена долгами. Вместо этого надо бы нажать на Литфонд, где, если Сема прав, деньги мне полагаются по закону. Ведь я имею на это не меньше прав, чем мать критикессы Брайниной⁵, или одна милая девушка, напечатавшая один рассказ в «Знамени» – живущие сейчас в доме Литфонда; к каждой из них Литфонд докладывает по 1.000 рублей в месяц.

Прости, что я тебя заваливаю всяческими заботами и просьбами; но по существу это повторение все той же старой просьбы – насчет Литфонда.

Настроение мое ухудшилось еще и потому, что Найденова предложила мне очистить музей не позже 15 апреля, и мне нужно искать новое жилье и новый источник питания на 1½ месяца – до поступления в санаторий, если будет путевка.

Ты спрашиваешь – нет ли других вариантов, кроме санатории, нельзя ли нанять две комнаты? Хорошие комнаты найти очень трудно и некому их искать; если будут комнаты – негде будет питаться. Так что других вариантов нет.

Большое тебе спасибо за устройство книжки. Ввиду заминки в Литфонде эти деньги смогут меня выручить.

Сообщи мне, пожалуйста, не нужно ли мне снова написать заявление в Литфонд о пособии, о приобретении путевки на 4 месяца, и о том, чтобы они сами о ней хлопотали; если такое заявление необходимо, сообщи мне об этом телеграммой, или напиши за меня и подпиши сам, на что тебя уполномочиваю.

Привет тебе от К.К. Кланяйся Валичке и мальчику Иле.

Будь здоров. Твой Саша.

Письмо написано чернилами

Конверт: Москва, Лаврушинский переулок Дом 17/19 кв. 27

Евгению Петровичу Катаеву-Петрову

Ялта, ул. Володарского 11 б дом Найденовой, А. Козачинскому

1. *с Вале́й (братом)* – Валентин Катаев.
2. *Петя* – старший сын Е.Петрова.
3. *имя ты дал сыну хорошее* – Петров назвал сына Ильей.
4. *Левин* – см. коммент. к письму от 28/II.
5. *Кирсанов Семен Исаакович* (1903-1972) – поэт. Родился в Одессе. После встречи с Козачинским написал письмо Е. Петрову – см. ниже.
6. *Брайнина Берта Яковлевна* (1902-1984) – литературный критик.

7

4/IV 39

Дорогой Женя! Пишу, не дождавшись письма, обещанного в твоей последней телеграмме. Ты, повидимому, решил не писать в предвидении близкого приезда в Ялту. По этой же причине и я не буду писать о себе подробно. Скажу лишь, что по некоторым признакам, фортуна начинает поворачиваться ко мне лицом. Догадываюсь, что какую-то роль в этом повороте сыграл и ты. С сегодняшнего дня я живу в новой комнате – на горе, рядом с Литфондом. Питание мне разрешили (вероятно, по твоей просьбе?) бесплатное на месяц. Воздух здесь такой, что я могу сказать: сегодня я приехал в Ялту. Ко мне приходят писатели – Паустовский¹, Гроссман², Роскин³ – и знакомятся. Относятся ко мне с уважением, как подобает относиться к автору «Зеленого фургона». Я стал ходить – то ли благодаря мускулену, то ли благодаря хорошим известиям. Температура упала. Но так как хорошие известия не могут немедленно отразиться на составе крови и рентгеновских снимках – а здесь есть весьма положительные сдвиги, то я думаю, что обязан этим умному

одесскому профессору Меерсону и его мускулину. Кажется, есть все-таки средство против т-за!

Сейчас я хочу обратиться к тебе с последней просьбой в этом сезоне. Нужно привезти из Москвы мой черный костюм, ибо тот, что на мне – истлел и обнажает ряд участков моего тела. Поручение ужасно противное, даже безстыдное, но совершенная безвыходность положения заставляет меня обратиться к тебе с этой просьбой. Я – здесь, К.К. тоже здесь, а костюм в Москве. Только и остается, что просить тебя, чтобы ты его привез. За ним ты можешь послать Леопольда⁴ – его выдадут по прилагаемой записке. Хранится костюм не у нас, а в соседнем корпусе по Можайскому шоссе, у гг. Подгаецких-Штыцких⁵, знаменитых своими дверными запорами и многочисленными запретительными надписями на стенах квартиры. Костюм не нуждается в особых заботах по перевозке и может быть спрессован на дне чемодана под любым давлением.

Приезжай, брат, поскорее. Погода здесь – необыкновенная. Все очень довольны Литфондом. Люди подобрались на редкость милые и приятные – помимо упомянутых – здесь Гехт⁶, Сема Кирсанов, Дерман⁷, Лавренев⁸ и т.п.

Как поживает младенец Илья и отрок Петр? Передай привет им и Валичке.

Будь здоров.

Твой Саша

Дорогой Женя!

В посланном тебе вчера письме я просил захватить в Москве мой черный костюм, без которого я здесь совершенно не могу обойтись. Однако, я забыл вложить в конверт записку К.К. к гг. Подгаецким-Штыцким, по которой таковые выдадут костюм Леопольду или другому уполномоченному тобой лицу. Посылаю эту записку. Еще раз прошу извинить за неприятное поручение

С нетерпением жду твоего приезда.

Твой А Козач

Письмо написано карандашом на бумаге в линейку, 2 листа, записка – чернилами
Конверт: Москва, Лаврушинский переулок Дом 17/19 кв. 27

Евгению Петровичу Катаеву-Петрову

Ялта, Судейская улица д. 15 кв.7 А. Козачинскому

1. Паустовский Константин Георгиевич (1892-1968) – писатель.
2. Гроссман Василий Семенович (1905-1964) – писатель.
3. Роскин – см. коммент. к письму от 6 марта 1939.
4. Леопольд – неустановленное лицо.
5. Подгаецкие-Штыцкие – неустановленные лица.
6. Гехт Семен Григорьевич (1903?-1964) – писатель. Родился в Одессе.
7. Дерман Абрам Борисович (1880-1952) – литературовед.
8. Лавренев Борис Андреевич (1891-1959) – писатель, драматург.

Письмо без даты и конверта
Дорогой Женя!

Мне кажется, что письмо Новикову¹ нужно немного подредактировать. В нем написано: «К нам обратилась группа ... с просьбой помочь их делу через Лит. газету» и т.д. Получается оттенок жалобы на Литфонд. Между тем всем нам и особенно мне Литфонд помог очень много, и мне не хотелось бы, чтобы они заподозрили меня в нахальстве и неблагодарности.

Поэтому, мне кажется, вместо «к нам обратились» лучше было бы написать, скажем «мы прочли доклад, составленный группой писателей» и т.д. А в конце упомянуть, что дело «до такой степени справедливо и очевидно», что мы посоветовали

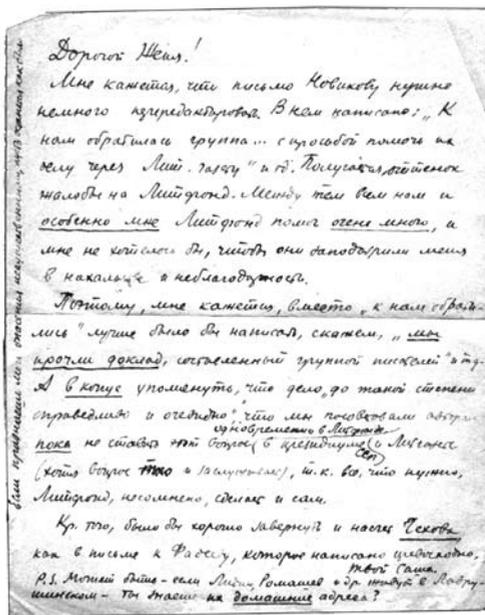
авторам пока не ставить этот вопрос одновременно в Литфонде в президиуме ССП и Литгазете (хотя вопрос того и заслуживает), т.к. все, что нужно, Литфонд, несомненно, сделает и сам.

Кр.[оме] того, было бы хорошо завернуть и насчет Чехова, как в письме к Фадеву², которое написано превосходно.

Твой Саша.

P.S. Может быть – если Лидин³, Ромашев⁴ и др. живут в Лаврушинском⁵ – ты знаешь их домашние адреса?

Если признаешь мои опасения несущественными, пусть останется как было.

1. Новиков – не установлено, кто именно из писателей Новиковых имеется в виду, вероятно, сотрудник «Литературной газеты».
2. Фадеев Александр Александрович (1901-1956) – писатель, с 1934 г. зам. пред. оргкомитета СП, член правления и президиума СП СССР.
3. Лидин Владимир Германович (1895-1979) – писатель.
4. Ромашев Борис Сергеевич (1895-1958) – драматург, театральный критик.
5. Лаврушинский – писательский дом в Лаврушинском переулке, № 17/19.

С. Кирсанов – Е. Петрову

Дорогой Женя!

Я был у Козачинского, сообщил ему о договоре и санатории. Дела его довольно плохи – жалкое состояние – быть смертельно больным и лишенным уверенности в жилище и еде. Комнату, где он живет, он должен оставить через две недели. Он просил дирекцию дома Литфонда [зачеркнуто – санатория. – А.Я.] в Ялте предоставить ему питание (по цене для членов Литфонда) – директор колеблется и собирается кого-то запрашивать. Литфонд прислал К. телеграмму, где предлагает ему самому добывать себе путевку в санаторий в Даласы. Это при том, что К-ский почти непрерывно лежит.

Я считаю, что для спасения жизни К. надо сделать вот что:

1. Провести его в члены Союза Писателей и заставить Литфонд взять на себя содержание и лечение К. не путем кое-каких подачек а по-настоящему, т.е. обеспечение его на длительный срок местом в хорошем санатории, отдельной палатой, улучшенным питанием, дорогой, если надо сопровождением в дороге. Так как в Ялте его состояние ухудшилось – собрать врачей и решить вопрос о возможной посылке его в горы (Давос, Теберда?). По нынешнему «Положению» Литфонда о помощи больным писателям – Литфонд просто обязан выдавать ему пособие в размере мес. заработка (от 500 до 2000 руб).

Вообще Литфонд меня приводит в ярость. Эта организация прикармливает около литературы такое количество бездельников, хронических симулянтов несчастий и болезней и просто ловкачей, что иногда хочется этот литфонд раз навсегда закрыть. А когда дело касается действительного несчастья и нужды – этот добрый дядя оказывается удивительно сонливым и глуховатым.

2. Если на такую действительную помощь Литфонд растормошить пока нельзя, то нужно заставить их сделать вот что:

а: предоставить Козачинскому возможность брать бесплатное питание в Ялтинском Доме Литфонда (здесь бывали случаи когда кому-то отпускали питание по 250 руб в мес).

б: назначить ему ежемесячное регулярное пособие по болезни,

в: ДОСТАТЬ ему путевку на четыре месяца в санаторий (о котором он просил).

Литфонд просто обязан это сделать, в случае отказа надо литфонд ликвидировать!

Мне очень жаль Козачинского, для жалости достаточно посмотреть на него и его «лечебную» обстановку.

В Ялте шарж на лето, солнце, зелень и дико холодно.

Привет Вал. Леонтьевне и многочисленным детям – Илюшам и Петям.

Ваш Семен Кирсанов

Ялта 20/ III 39

Письмо – машинопись с правкой чернилами

Конверт: Москва, Лаврушинский переулок 17/19 кв. 27

Евгению Петровичу Петрову

От С. Кирсанова Ялта, дом Литфонда

Л.А. Мельниченко**НОТЭ ЛУРЬЕ. БИОГРАФИЯ НА ФОНЕ АНКЕТЫ***(По материалам следственного дела № 8898)*

Биографий про службу свою
мною писано много.
А анкеты – раскопки в судьбе
в дни репрессий и прений –
в комитете лежат КГБ,
в комитете госпремий.

Г. Поженя

Известно, что с биографией писателя можно ознакомиться в литературных энциклопедиях и других справочных изданиях, в том числе – Союза писателей СССР. Ну и, конечно, в архиве, где в личном деле хранится автобиография.

По большому счету, вся информация, изложенная в различных справочниках, как раз и базируется на данных из личного дела писателя. Вот почему, к какому бы справочнику мы не обратились, мы увидим одни и те же данные. Что касается дополнительной информации об авторе, то ее можно почерпнуть из мемуаров. Однако в них представлена субъективная точка зрения мемуариста, что не всегда удовлетворяет исследователя.

Настоящая публикация биографии еврейского писателя Нотэ Лурье, базируется на материалах следственного дела № 8898, начатого весной 1950 года. Здесь представлена информация о писателе, зафиксированная в документах 1950-1955 годов. Информация более полная, чем в справочных изданиях, так как в деле присутствуют данные не только о нем, но и о его родственниках, и о круге знакомых. Но главное, это, конечно, новые, никогда ранее не публиковавшиеся факты жизни писателя.

Эта биография отличается от всех, публиковавшихся ранее. Во-первых, потому что, наверно, никогда за всю свою жизнь писатель так часто и подробно не рассказывал о себе, вспоминая, кажется, давно забытое. Во-вторых, о нем и его родственниках, а также о круге знакомых допрашивали свидетелей и его подельников. В-третьих, в деле есть полное жизнеописание, составленное на 24 листах самим писателем и отправленное двум министрам – юстиции и внутренних дел СССР. И, наконец, здесь представлены факты жизни Лурье, о которых сам он никогда не писал.

Все это документально зафиксировано и, скорее всего, заслуживает доверия. Я пишу «скорее всего», так как отнюдь не всему из того, что находится в материалах следственных дел, можно верить. Это относится и к Нотэ Лурье, к рассказам о нем его друзей или знакомых, которые, в свою очередь, получили информацию от кого-то еще. Либо они что-то перепутали, либо следователь «ошибся», заноса показания в протокол.

Так или иначе, но существует вероятность того, что в предлагаемом материале могут быть определенные неточности. Особенно такие, которые не находят подтверждения в различных анкетах, которые Лурье заполнял в течение жизни до своего ареста. С такими неточностями сталкиваешься, когда сопоставляешь свидетельские показания с показаниями Нотэ Лурье. Некоторые из них нашли отражение в самом деле. Одним из таких примеров могут служить показания Ханана Вайнермана о месте рождения Нотэ Лурье: «...С его слов я узнал, что он родился в местечке Ляды Белорусской ССР <...>, учился в "хедере" в местечке Ляды, а потом жил в Запорожской области...» (Протокол допроса Вайнермана от 21 апреля 1950 г. Т. 1, л. 31). Сам Лурье в письмах к членам правительства отмечал, что «...родился в деревне Роскошное Гуляйпольского района Запорожской области» (Т. 7, л. 2175). Так он писал в своей автобиографии, это же утверждал и на допросах.

Это несоответствие было замечено следователем, о чем свидетельствует «Постановление об уточнении места рождения обвиняемого <...> Лурье Натана Михайловича...» от 10 декабря 1950 г. В нем говорится: «В процессе следствия установлено, что указанный обвиняемый в действительности является уроженцем села Роскошное, Гуляйпольского района, Запорожской области, что подтверждено показаниями обвиняемого и его личными документами» (Т. 3, л. 1114-а).

Но это, как говорилось выше, лишь пример того, какие неточности встречаются в исследуемом материале, подтверждающий, что к любой информации нужно относиться с осторожностью. Особенно, если для этого существуют серьезные причины. А причины такие были, и главная из них – обвинение, на основании которого арестовали, а затем осудили Нотэ Лурье и еще восьмерых человек, проходивших с ним по одному делу.

В «Обвинительном заключении» от 16 декабря 1950 г. их вина перед советским обществом была изложена следующим образом: «Будучи враждебно настроенными к советскому строю и сторонниками создания в Палестине еврейского буржуазного государства с ориентацией на Америку, проводили активную агитацию за выезд евреев из СССР, выступали против национальной политики ВКП(б) и Советского правительства, возводили клевету на советскую действительность и распространяли всевозможные провокационные клеветнические антисоветские

измышления, в то же время восхваляли буржуазный строй в капиталистических странах и буржуазную демократию» (Т. 6, л. 2048).

Подобного рода обвинения выдвигались против всех, кто подпал под понятие «космополит» (в трактовке советской власти) и был арестован в годы борьбы с космополитизмом. Кампания по борьбе с «космополитами-антипатриотами» началась, как было тогда принято, с программных идеологических статей, опубликованных в центральных газетах в конце 1940-х гг. Одним из ключевых звеньев этой кампании стало убийство в январе 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета, актера и режиссера ГОСЕТа Соломона Михоэлса. Спустя месяц, в феврале 1948 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о роспуске еврейских писательских объединений и о закрытии еврейских альманахов. В ноябре 1948 года был распущен Еврейский антифашистский комитет, состоявший в основном из деятелей культуры. После чего начались аресты всех, кто имел к нему хоть какое-то отношение. Сначала в Москве, а затем и по всей стране.

Нотэ Лурье был одним из тех, кто сотрудничал с Еврейским антифашистским комитетом, посылая в Москву свои очерки и статьи. Они публиковались в московской еврейской газете «Дер Эмес», некоторые посылались в другие страны. В материалах дела находится «Список авторов еврейского антифашистского комитета в СССР», где под № 71 записан «Лурье Нотэ (Одесса) – демобилизованный красноармеец, писатель». И тут же дана справка: «Подлинник документа находится в следственном деле № 2354 по обвинению Лозовского, Фефера и других» (Т. 7, л. 2356).

Имеется в виду дело о сотрудниках Еврейского Антифашистского Комитета, проходившее в Москве. В основном это были еврейские писатели, но для большей убедительности их персональные дела объединяли в групповые, «привлекая» представителей других профессий.

По такой же схеме было «организовано» и групповое следственное дело № 8898, в то время оно значилось под № 5025. В него были объединены следственные дела трех одесских еврейских писателей – Вайнермана, Друкера и Лурье, четырех преподавателей – Хейфеца, Ташлицкого, Мерхера и Минделя, заведующего клубом Пясецкого и председателя артели Алека (правда, председателем артели он стал незадолго до ареста, а до войны был редактором одесской еврейской газеты «Одессер-Арбетер»).

Все они, естественно, ранее были знакомы. Именно поэтому у следствия появилась возможность «все дела объединить в одно следственное дело под № 5025, так как все обвиняемые являлись участниками антисоветской группы еврейских националистов и поддерживая между собой связь проводили совместно активную антисоветскую националистическую деятельность».

Так было записано в «Постановлении об объединении следственных материалов в одно производство» от 10 ноября 1950 г. Но еще за полгода до появления этого документа был составлен аналогичный, только на трех человек. Это «Постановление о продлении срока ведения следствия и содержания обвиняемого под стражей» от 23 мая 1950 г. В нем, в частности, говорится: «...На основании показаний Вайнермана и других имеющихся материалов в мае с.г. были арестованы Друкер И.Х. и Лурье Н.М., материалы которых объединяются в одно следственное производство.

<...> Для полного вскрытия преступной деятельности Вайнермана, Друкера и Лурье по делу необходимо:

1). Путем допроса обвиняемых Вайнермана, Друкера и Лурье выявить других еврейских националистов и их преступную деятельность.

2). В целях перепроверки показаний обвиняемых необходимо допросить в качестве свидетелей в г. Киеве – Бандуренко, Губермана и других» (Т. 1, л. 386).

Из этого документа видно, что Ирма Друкер и Нотэ Лурье были арестованы на «основании показаний Вайнермана и других имеющихся материалов» и что путем допроса следствие предполагает «выявить других еврейских националистов и их преступную деятельность».

Перед нами, можно сказать, методика получения информации для расширения поля деятельности следственных органов. А уж преобразовать эту информацию в «компромат» – дело техники. Что и доказывает цитированный документ.

Изучая материалы следственного дела (а оно состоит из семи томов), сталкиваешься с ранее неизвестными фактами жизни Нотэ Лурье. Причем, факты эти изложены многими людьми, в разных вариантах и с различными акцентами, что вполне объяснимо, так как сколько людей – столько и мнений. Все эти факты зафиксированы в документах, на основании которых и будет выстраиваться биография Нотэ Лурье.

Прежде всего, это обязательный набор документов, которые предворяют любое следственное дело. В них отражена краткая биография Нотэ Лурье и некоторые данные о его семье. Далее идут протоколы допросов самого писателя, его поделщиков, свидетелей и копии протоколов из других следственных дел, в том числе московских. В каждом из них находится информация о разных периодах жизни Лурье и о его произведениях. Завершающими являются, так называемые документы пересмотра дела. Основу их составляют письма-заявления писателя и его жены с просьбой о пересмотре дела и сопутствующие этому процессу документы УМГБ.

Первым в списке документов в следственном деле Нотэ Лурье подшито «Постановление о принятии дела к производству» от 14 мая 1950 г., подписанное следователем Гришановым. Далее идут «Постановление на арест» и «Постановление на избрание меры пресечения» от 12 мая 1950 г.

Ордер на арест Нотэ Лурье № 119 – без даты, а на обороте ордера, как и положено, подпись арестованного: «*Ордер мне предъявлен 14.V.50 г.*». В этот же день Лурье был помещен во внутреннюю тюрьму УМГБ, о чем свидетельствует расписка начальника тюрьмы по ордеру №119: «*Арестованного Лурье Натана Михайловича принял. Начальник ВТ [внутренней тюрьмы – Л.М.] УМГБ – 14 мая 1950 г.*» (Т. 3, л. 822-827).

Следующий документ – «Анкета арестованного», которая заполнена со слов узника, здесь в лаконичной форме зафиксированы основные факты биографии. Анкета состоит из 14 пунктов, каждый из которых я дополню информацией из других документов:

1). Фамилия, имя отчество – *Лурье Натан Михайлович.*

Как видим, здесь никаких изменений нет, хотя отца звали Мендель и у сестер писателя отчество – Менделевны.

2). Год и место рождения – *деревня Роскошное Гуляйпольского района Запорожской области.*

В письме к членам правительства от 10 июня 1953 года Лурье пишет следующее: «*Родился я в маленькой и очень бедной еврейской деревушке в 30-ти километрах от Гуляйполя. Отец был раввином. Жили от своего скудного хозяйства. Имели огород, корову, птицу. Земли не имели. Один год учился в школе. Началась махновщина. Целые еврейские деревни были сожжены, население зверски уничтожено. На моих глазах творились ужасы. С 13 лет я вынужден был начать самостоятельную жизнь...*» (Т. 7, л. 2175).

3). Постоянное место жительства – *ул. Чижикова, 101, кв. 6.*

В этой квартире Лурье жил со своей семьей после войны. Он получил ее в середине 1946 г., а до этого времени, вернувшись в Одессу, жил в квартире писателя Ханана Вайнермана (Протокол допроса Лурье от 20 июня 1950 г.). Это было связано с тем, что довоенную квартиру Лурье занял профессор Вербина (Протокол допроса Лурье от 29 мая 1950 г.). Живя у Вайнермана, Лурье пытался вернуть свою квартиру, о чем свидетельствует следующая запись: «*Фефер мне дал два письма – Рывльскому и Бажану <...>, чтобы они оказали мне содействие в получении моей квартиры в Одессе*» (Протокол допроса Лурье от 11 декабря 1950 г.).

Находилась она «*в доме специалистов, где после войны жил Хейфец*», который также был арестован и проходил по одному делу с Лурье (Из письма членам правительства СССР. Т. 7, л. 2175). И еще один показательный документ, имеющий отношение к месту жительства писателя Лурье. Это справка, составленная в день ареста. В ней говорится: «*Опись имущества, которое бы подлежало конфискации, при производстве обыска у арестованного Лурье Н.М. не составлялась из-за отсутствия таковой*» (Т. 3, л. 834).

4). Профессия и специальность – *еврейский писатель.*

Понятие «еврейский писатель» означает не национальную принадлежность, а язык, на котором он писал. Нотэ Лурье писал на языке «идиш», как и другие одесские еврейские писатели, проходившие с ним по этому делу. Данный факт стал одной из главных причин для возбуждения дела и ареста, так как вполне отвечал задачам, поставленным перед следственными органами и вписывался в понятие «космополиты-антипатриоты».

5). Последнее место работы – *Одесское отделение Союза советских писателей: писатель.*

В разных документах можно найти информацию о том, чем занимался Лурье, став писателем. «Членом ВУСПП-а состоял в Одессе с 1931 по 1933 гг.» (Протокол допроса Лурье от 16 мая 1950 г.). С середины 1920-х годов на Украине существовала Всеукраїнська Спілка Пролетарських Письменників, объединяющая многих писателей.

«С 1931 по 1941 гг. – секретарь еврейской Секции ВУСПП-а и секретарь еврейской Секции Одесского отделения ССП» (Протокол допроса Лурье от 23 мая 1950 г.).

В 1934 г. состоялся Первый съезд советских писателей, объединивший литературные кружки и организации всей страны в Союз Советских писателей.

«С 1934 г. состоял членом Союза Советских писателей СССР (членский билет № 164). Принимал активное участие в общественной жизни. Был избран делегатом на 1-ый Всесоюзный съезд советских писателей, делегатом на 1-ый и 2-ой съезды Советских писателей Украины. Первым съездом Советских писателей Украины был избран членом Ревизионной комиссии Союза Советских писателей Украины. Состоял членом редколлегии журналов «Литературный Жовтень» – Одесса, «Штерн» («Звезда») – Киев, членом Секретариата Одесской областной организации Союза Советских писателей Украины и т.д.» (Из письма членам правительства от 10 июня 1953 г. Т. 7, л. 2175).

К этому можно добавить, что ежегодно, в 1946, 1947 и 1948 гг., Лурье приглашали в Киев на заседания пленумов Союза советских писателей Украины. «В 1946 году, – вспоминал Друкер, – Лурье выступал на Пленуме Союза Советских писателей Украины, где сказал, что в СССР мало печатают еврейских книг и журналов, и, что это толкает еврейских писателей писать для заграницы. Его раскритиковал Мануильский и сообщил о неверном выступлении Лурье в Одесский Обком партии, куда Лурье вызывали» (Протокол допроса И. Друкера от 15 июня 1950 г.).

Во время допроса 11 сентября 1950 г. на вопрос следователя об этом случае Лурье ответил: «На приеме участников пленума ССПУ в 1946 г. в ЦК КП(б)У я действительно выступил и в своем выступлении допустил

неточные выражения, заявив, – что у нас будто бы нет типографской базы для еврейского издательства и поэтому еврейские советские писатели печатаются сейчас, в основном, в Америке. Мне сделал замечание Мануильский, а в Одесском обкоме КП(б)У секретарь по пропаганде».

Исходя из того, что следствие ставило ему в вину тесные связи с еврейскими писателями из Москвы, в основном с теми, кто работал в Еврейском антифашистском комитете и кто в это время находился там под следствием, Лурье в письме к членам правительства СССР от 10 июня 1953 г. писал: «Будучи членом Секретариата одесской областной организации Союза Советских писателей и секретарем евсекции областной писательской организации, я организовал литературные вечера с участием писателей Маркиша, Квитко, Добрушина, Фефера, Гофштейна и Галкина, которые сейчас находятся в заключении. До войны в Одессе действительно состоялись литературные вечера с участием названных писателей. Я принимал участие в организации этих вечеров. Но это было в то время, когда все эти писатели получили от Советского правительства за литературную деятельность (Маркиш орден Ленина, Квитко – орден Трудового Красного Знамени, Галкин – Знак Почета и т.д.)» (Т. 7, л. 2175).

Об организации этих литературных вечеров Лурье говорил и на допросах, называя по требованию следователя фамилии писателей. И тогда его аргументация была точно такой же, как и в письме. Но только следователь не внес эти аргументы в протокол.

- 6). Национальность – еврей.
- 7). Гражданство – гражданин СССР.
- 8). Партийность – беспартийный.
- 9). Образование – в 1931 г. закончил 2-й Московский университет.

В письме к членам правительства СССР от 10 июня 1953 г. Лурье писал: «В 1926 г. поступил во 2-ой Московский Государственный Университет на еврейское отделение педфака. Занимаясь в Университете, я в то же время работал. С 1927 по 1929 г. – ответственный секретарь журналов "Пионер" и "Юнгвальд" ("Молодняк") орган ЦК ВЛКСМ на еврейском языке, с 1929 по 1931 г. – выпускающий газеты "Эмес" ("Правда") на еврейском языке. Окончив в 1931 г. Университет, я переехал в Одессу. Работал преподавателем литературы в машиностроительном техникуме (1932-1935 г.), собкором газеты "Эмес" по Одесской области, заведующим отделом еврейских литературно-художественных передач Одесского областного радиокомитета, заведующим литературным отделом газеты "Одессер Арбетер" ("Одесский рабочий"). С 1938 г. занимался исключительно литературной работой» (Т. 7, л. 2175).

Это подтверждает на допросах Друкер, добавляя, что с Лурье познакомился: «... в 1931 году, когда мой брат – поэт Олевский (погиб на фронте), в своих письмах из Москвы просил меня устроить его на работу в Одессе. Благодаря моим стараниям, в том же году Лурье устроился преподавателем в Одесском машиностроительном техникуме и здесь же в Одессе он написал свой роман "Степь зовет"» (Протокол допроса Друкера от 13 июня 1950 г.).

Это же показывал на допросах и Лурье: «С Друкером познакомился через его родственника поэта Олевского, с которым он вместе учился в МГУ. Олевский предложил мне вместе поехать в Одессу после окончания университета» (Протокол допроса Лурье от 23 мая 1950 г.).

10). Социальное и политическое прошлое – из семьи раввина.

О своем социальном прошлом Лурье подробно рассказал в письме к членам правительства СССР от 10 июня 1953 г.: «С 13 лет я вынужден был начать самостоятельную жизнь. Вместе с другими односельчанами я попал в Ростов на Дону. Поступил на мыловаренный завод чернорабочим. Работал там по 1921 г. С 1921 по 1922 г. работал в Запорожье на маслобойке чернорабочим. Была засуха. Маслобойка закрылась. Полубеспризорником, странствуя по разным городам, оказался в Минске. Меня определили на сельскохозяйственную ферму "Курасовщина". На ферме была комсомольская ячейка. Проводилась воспитательная работа. Передо мной открылся новый мир. В мае 1922 г. я вступил в комсомол и стал активным участником бурной комсомольской работы. Выполнял разные нагрузки, состоял в ЧОНе [чрезвычайный отряд особого назначения], писал в стенную газету. Днем мы – ферменники – работали, вечером занимались. Осенью 1923 г. комсомол направил меня на подготовительный курс в Минский еврейский Педагогический техникум. В техникуме я принимал еще более активное участие в комсомольской работе, печатал статьи, очерки в газетах» (Т. 7, л. 2175).

11). Судимость – под судом и следствием не состоял.

Что подтверждено справкой от 04.X.50 г. (Том 3, л. 832).

12). Участие в Отечественной войне – с 16.X.1942 г. по ноябрь 1945 служил в Советской Армии на территории Ирана.

Военный период жизни Лурье отражен в нескольких документах. Так, в протоколе допроса Друкера от 13 июня 1950 г. сказано: «В начале Великой Отечественной войны Лурье эвакуировался в г. Орджоникидзе (Северный Кавказ), где жил вместе с Губерманом и Вайнерманом. Я находился в селе Алексеевка Краснодарского края. Как-то они пригласили меня в гости и я приехал. Там же находились Забара и Люмкис, и все говорили о поражении Красной Армии. Я через несколько дней уехал и в годы войны с ними не встречался».

В протоколе допроса Ханана Вайнермана от 21 апреля 1950 г. сказано, что Лурье «в начале Великой Отечественной войны эвакуировался в г. Орджоникидзе, потом в Самарканд, где до 1942 года работал в госпитале, а потом был мобилизован».

Сам Лурье наиболее полно о военном периоде написал в письме к членам правительства СССР от 10 июня 1953 г.: «24 июля 1941 г. по решению Обкома партии вместе с писательской организацией эвакуировался из Одессы в Среднюю Азию. До октября 1942 г. работал в эвакуогоспитале в Самарканде. С октября 1942 г. до конца 1945 г. находился в Советской Армии, в 89 отдельной стрелковой бригаде. Первое время рядовым бойцом, потом ответственным секретарем дивизионной газеты "Советский воин"» (Том 7, л. 2175).

Как видим, Лурье не пишет здесь, что служил в Иране, но указывает время демобилизации. На одном из допросов он поясняет, почему его демобилизовали только в конце 1945-го: «Когда кончилась война и мой год подлежал демобилизации, меня не хотели демобилизовать и я тогда написал Лойтеру и Добрушину, которых просил о содействии в деле моей демобилизации из армии <...> Лойтер был у Михоэлса, который написал письмо генералу Русову с просьбой о моей демобилизации» (Протокол допроса Лурье от 11 декабря 1950 г.).

13). Был ли на оккупированной территории – не был.

14). Состав семьи –

Отец – Лурье Мендель Вульфович – убит во время войны в г. Риге;

Мать – Лурье Любовь Михайловна – убита во время войны в г. Риге;

Жена – Лурье Ева Григорьевна, 1916 г.р., уроженка г. Гомеля;

Сын – Лурье Доля Натанович, 1932 г.р., уроженец г. Одессы;

Сестра – Ревзин Хана Менделевна – проживает в г. Ташкенте;

Сестра – Кац Феня Менделевна – проживает в Палестине;

О своих родственниках подробнее Лурье рассказал на допросе 9 августа 1950 г. Тогда выяснилось, что у Лурье был еще и брат, хотя графа «братья» в анкете была зачеркнута.

Со слов Лурье явствует, что его старший брат – Лурье Борух-Лейзер Менделевич в 1934 или 1935 г. вместе с отцом и матерью переехал жить в Ригу. Вероятно потому, что до войны Латвия не входила в состав Советского Союза, их переезд заинтересовал следствие. Лурье пришлось объяснять их отъезд за границу тем, что его отец – раввин, очень религиозный человек, как и брат, и, по мнению писателя, они решили, что жизнь в Риге более отвечает их религиозным потребностям.

В графах «отец» и «мать» записано, что они были убиты во время войны в г. Риге. Это же Лурье подтвердил и на допросе. О судьбе брата он ничего

не знает. Хотя в том же письме членам правительства он написал, что «от разбойничьих рук гитлеровцев погибли отец мой, мать, брат с семьей».

Данные о погибших родителях Лурье подтвердил Ирма Друкер. На допросе 19 мая 1950 г. он рассказал о том, что в июне 1946 г. в синагоге состоялась панихида по погибшим евреям, где присутствовали Друкер, Лурье, Вайнерман и корреспондент газеты «Правда»: *«Лурье хотел записаться для того, чтобы произнесли молитву за упокой его отца и матери, но я его отговорил»* (Т. 2, л. 315).

По сходной с родителями причине и в эти же годы из Могилева в Палестину уехала и его сестра, Кац Феня Менделевна – ее муж служил там в синагоге. По утверждению Нотэ Лурье, с этой сестрой он в последнее время не переписывался. А новости о них узнавал от своей второй сестры, Ревзин Ханы Менделевны, проживающей в Ташкенте.

Скорее всего, Лурье говорил правду о том, что не переписывался с сестрой, уехавшей в Палестину. То, что он придерживался принципа *«частным образом не иметь никаких связей с заграницей»*, неоднократно подтверждается в материалах дела.

К этому можно только добавить, что этот допрос длился с 23.30 вечера до 4.10 утра следующего дня, а протокол состоит всего из одного печатного листа.

Далее, в следственном деле Лурье идет «стандартный» набор документов:

- Конверт с фотографией Лурье;
- Справка о фотографировании и дактилоскопировании от 4 декабря 1950 г.;
- Протокол обыска от 14 мая 1950 г., в котором перечислены изъятые при обыске вещи: временное удостоверение (паспорт) № 25891, военный билет, удостоверение на право ношения медали «За Победу над Германией», медаль «За победу над Германией»;
- Постановление о сдаче ценностей от 30 ноября 1950 г.: медаль «За победу над Германией»;
- Протоколы допросов самого Лурье, его поделчиков и свидетелей, которые перемежаются с разного рода справками, постановлениями и приказами. Вот некоторые из них:

Справка Областного управления
по делам литературы и издательств.

19.IX.50 г.

Начальнику областного управления МГБ
полковнику Лебину.

Секретно, экз. 1

Настоящим довожу до Вашего сведения о том, что на основании приказа № 48-с от 6.VI.49 г. Уполномоченного Совета Министров СССР по охране

военных и государственных тайн в печати все произведения автора Маркиша Переца Давидовича подлежат изъятию и уничтожению.

Книга «Степь зовет», автора Лурье Н., издавалась в г. Одессе до Отечественной войны и должна быть в архиве Научной библиотеки им. Горького.

Произведения автора Маргариты Алигер по приказам и спискам на изъятие, полученные нами на 15.IX.50 г. не значатся.

Начальник Облуправления по делам литературы и искусства при Облесполкоме депутатов трудящихся – А. Гордиенко (Т. 6, л. 2028).

Спустя месяц в Областном управлении по делам литературы и издательств был издан приказ, и его копия пополнила документы дела.

Приказ

по областному управлению по Делах литературы
и издательств при облесполкоме депутатов трудящихся

19 октября 1950 г.

Изъять все печатные произведения из библиотек общественного пользования и книготорговой сети следующих авторов:

1. Лурье Натан Михайлович,
2. Друкер Ирма Хаймович,
3. Вайнерман Ханан Аврумович,
4. Кемель Генрих Абрам.

Подпись – Гордиенко (Т. 3, л. 1107).

И еще один документ за подписью Гордиенко, который, как и предыдущие, должен был доказать преступную вредность произведений Нотэ Лурье. Это «Замечания» по статьям Лурье, опубликованным в американском журнале «Морнинг Фрайгайт». Я приведу лишь выводы из «Замечаний»: «Автор статей матерый сионист нагло, в открытой (ничуть не завуалированной форме) пропагандирует среди американских читателей идеи сионизма, доказывая американским читателям, что в Одессе также среди еврейского населения, в основной ее массе, идеи национализма живут и процветают» (Т. 3, л. 1108).

В «Постановлении о приобщении к делу вещдоков от 11 декабря 1950 г.» сказано, что: «Статьи обвиняемого Лурье "Прекрасная культурная жизнь, свыше 130 тысяч евреев в Одессе" и "Спасенные произведения в Одессе" и замечания приобщить к делу № 5025, как вещественное доказательство».

Обе статьи были опубликованы в одном номере газеты «Большевицкое знамя» от 8 ноября 1946 г. В первой статье, по мнению Гордиенко, «автор представляет в глазах американских читателей город украинской и русской культуры Одессу, центром еврейской культуры». В подтверждение приводится фраза Лурье:

«Одесса <...> давно уже прославилась, как центр еврейской культуры».

Вторая статья плоха тем, что в ней идет речь о «спасении каталогов еврейских книг и еврейской литературы» в библиотеке им. Горького в годы оккупации Одессы.

Эти «Замечания» и послужили заменой экспертизы произведений, которая так и не была проведена в процессе следствия. А ведь статьи Нотэ Лурье, опубликованные за рубежом, служили главным пунктом обвинения.

Вот что записано в «Заключении» прокурора Одесской области, старшего советника А. Неганова:

«Трое из участников вышеуказанной группы еврейских националистов – Вайнерман, Друкер и Лурье являются агентами американской разведки, которые систематически передавали через еврейский, американский антифашистский комитет, превращенный его главарями во вражескую Советской власти организацию информационные материалы об СССР шпионского и клеветнического характера. Все обвиняемые виновными себя признали <...>

Исходя из вышеизложенного и учитывая особую общественную опасность содеянного всеми обвиняемыми по настоящему делу,

ПОЛАГАЛ-БЫ:

Дело по обвинению Вайнермана, Друкера, Лурье по ст.ст. 54-1 «а», 54-10 ч.2, 54-11 УК УССР <...> направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР. С применением к обвиняемым меры наказания, предложить – 25 лет ИТЛ...» (Т. 6, л. 2061).

В «Выписке из протокола Особого Совещания № 15 от 14 апреля 1951 года» сказано, что Лурье Натан Михайлович приговорен к 15 годам ИТЛ. 4 мая 1951 г. был выдан наряд в Особый лагерь № 5 города Магадана (лагерь Береговой).

Там он провел четыре с половиной года. Оттуда писал жалобы в разные инстанции, начиная с Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова и заканчивая секретарем Союза писателей СССР А.А. Фадеевым. Из Одессы по этим же адресам писала его жена. Результатом их совместных действий явилось то, что 18 декабря 1953 г. была назначена экспертная комиссия, которая провела «литературно-политическую экспертизу по произведениям и очеркам писателя Натана Лурье»; некоторые ее выводы «изобличают его в протаскивании в своих трудах еврейского буржуазного национализма» (Т. 7, л. 2354).

Справедливости ради нужно сказать, что в то время выводы разных экспертов были predeterminedены. Даже несмотря на то, что уже вовсю закрутилась машина по пересмотру дел незаконно репрессированных.

Постановление об освобождении Нотэ Лурье и прочих участников так называемой антисоветской группы подписано 27 декабря 1955 г.

Все цитаты и тексты предлагаемых материалов печатаются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Н. Лурье в годы Великой Отечественной войны

4. Выписка из протокола № 15. - 2077-

Особого Сопещения при Министре Государственной Безопасности Союза ССР

от 14 апреля 1951 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>135. Дело № 5025 МГБ Украинской ССР (УМГБ Одесской области), по обв.</p> <p>3) ЛУРЬЕ Наташа Михайловна, 1906 г. р., ур. Запорожской обл., еврей, гр. СССР, беспартийного.</p> <p>Обв. по ст. 54-1"а", 54-10ч. II и 54-11 УК УССР.</p> <p>отка в ОСК ЗВЕДЕНА МАЯ 1951 и Е. Е.</p>	<p>ЛУРЬЕ Наташа Михайловна за шпионаж, участие в антисоветской националистической группе и антисоветскую агитацию - заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТНАДЦАТЬ лет, считая срок с 14 мая 1950 года.</p> <p>47.5/2 Выдан норма в АССР <i>Рос</i> № 5 Арх. САСАСИЗ. Дело № 1334/49 <i>Лурье</i></p>

Нач. Секретариата Особого Сопещения

6006

Выписка из протокола № 15 от 14 апреля 1951 года о вынесении приговора Н. Лурье

Членский билет № 2215 Лурье Н.М., выданный 1 июня 1956 года после освобождения из концлагеря

А.А. Панков,

А.Н. Полторацкая

«ЛОВЕЦ ЛЮДЕЙ, ИХ СПУТНИК И УЧИТЕЛЬ...»

(К 100-летию со дня рождения Н.А. Полторацкого)

Николай Алексеевич Полторацкий – видный представитель русской церковной эмиграции, переводчик уникальных богословских текстов, современник и соратник Н.А. Бердяева, о. Георгия Флоровского, Л.А. Успенского, о. Евграфа Ковалевского и многих других выдающихся представителей русского зарубежья, родился в 1909 году. Он принадлежал к Курской ветви дворянского рода Полторацких. Как он сам отмечал в своих воспоминаниях: «Я курский помещик <...>, русский, по происхождению немного француз. Моя родословная, как и всех других Полторацких дворян, восходит к Марку Фёдоровичу (сыну протоирея Фёдора Филипповича Полторацкого), который был вызван графом Разумовским из Черниговской губернии в Петербург и после получения музыкального образования стал директором Придворной певческой капеллы, ныне капеллы имени Глинки, в которой в эти годы находился Сартри и другие»¹. Существует также семейное предание, согласно которому род Полторацких восходит к некоему гетману Малороссии Карпу Полтора Кожуха. Специалистам судить о реальности этого лица. Но абсолютно достоверно известно, что представители фамилии Полторацких в разное время своей истории породнились с представителями известнейших российских фамилий – Голицыными, Бакуниными, Гурко, Вульфами, Бобрищевыми-Пушкиными, Набоковыми, Муравьёвыми, Пуциными (последние два рода дали России декабристов, может быть поэтом Н.А. Полторацкий с такой любовью переводил письма, написанные декабристами на французском языке).

В 1925 году, когда Н.А. Полторацкому было 16 лет, его матери и бабушке предоставилась возможность выехать во Францию для получения части небольшого наследства, доставшегося Полторацкому от бабушки-француженки со стороны отца (вспомним что Николай Алексеевич говорил о том, что он «по происхождению немного француз»). Этой возможностью они воспользовались. Ведь незадолго до этого, во время

гражданской войны без вести сгинул дядя Н.А. Полторацкого, кажется, служивший в Белой Гвардии. Как отмечает сам Н.А. Полторацкий в своих воспоминаниях, вскоре после приезда во Францию он «постепенно погрузился в жизнь русской эмиграции». И стал, по нашему мнению, играть довольно заметную роль в этой жизни – не только очевидца, но и «участника духовных исканий русской религиозной интеллигенции»². Роль, не освещённую достаточным образом. Именно поэтому существует, на наш взгляд, необходимость в подобных публикациях.

Причин, по которым деятельность Н.А. Полторацкого как в эмиграции, так и после его возвращения на родину, осталась недостаточно изученной, а сам Н.А. Полторацкий в известной степени оказался «фигурой умолчания», на наш взгляд несколько. Во-первых, это абсолютная скромность самого Николая Алексеевича. Н.А. Полторацкий, в разные годы был начальником (председателем) Братства Святителя Фотия, сыгравшего значительную роль в жизни русской церковной эмиграции; ответственным секретарём Особого Благочинного Совета, осуществлявшего управление православными русскими приходами во Франции, сохранявшими верность Московской Патриархии; одним из основателей Трёхсвятительского подворья, входившего в число приходов, сохранявших верность Московской Патриархии и также игравшего заметную роль в жизни русской эмиграции; техническим секретарём Религиозно-философской академии, которую возглавлял Н.А. Бердяев; секретарём Русского союза студентов, активным членом Русского Студенческого Христианского Движения, членом Комитета социальной помощи «Русская помощь», преподавателем Русской школы при Союзе советских патриотов, наконец, участником Сопrotивления – обо всех этих и иных сферах своей жизни в эмиграции говорит весьма и весьма скромно, явно умалчивая о своей истинной роли. А перечисляя всех тех, с кем он познакомился, сблизился, подружился в эмиграции, Н.А. Полторацкий всегда говорил: «Я не ставлю себя в один ряд с ними по своему калибру». Но при этом у Николая Алексеевича никогда не было того пиетета к этим знаменитым людям, какой был и есть, скажем, у нас. Они были для него живыми, близкими, во многом всё же равными, «одного калибра».

Во-вторых, Н.А. Полторацкий находился всё-таки как бы в тени таких прихожан Трёхсвятительского подворья или членов Братства Святителя Фотия (эти понятия, кстати говоря, не во всём совпадают), как Н.А. Бердяев, В.Н. Лосский, о. Евграф Ковалевский, Л.А. Успенский, Григорий Круг (будущий инок Григорий). Первые двое были широко известны

Слева направо: В. Лосский, П. Ковалевский, Н. Полторацкий, Е. Ковалевский, Г. Круг. Париж. 1945. Здесь и далее – фото из семейного архива Полторацких

своими философскими или же богословскими произведениями. Л.А. Успенский был крупным искусствоведом и специалистом в области богословия иконы, а Григорий Круг – выдающимся иконописцем. Наконец, о. Евграф Ковалевский прославился тем, что предпринял попытку создать Французскую Православно-Католическую церковь и стал впоследствии в ней епископом под именем Жан.

Третью причину указывает в своих воспоминаниях сам Н.А. Полторацкий: «Когда на открытом собрании я был единогласно избран ответственным секретарём Особого Благочинного Совета Московской Патриархии, то после этого, естественно, со стороны правых кругов отношение ко мне было скорее отрицательное, критическое»³.

Наконец, для разговора о Н.А. Полторацком чрезвычайно важна такая особенность его церковной деятельности как активный экуменизм, который не всегда и не всеми в православной церковной среде приветствовался и приветствуется. Причины экуменизма Н.А. Полторацкого различны. Это, во-первых, некоторые обстоятельства его жизни в эмиграции, которые привели Н.А. Полторацкого к сближению с французами-католиками.

Во Франции Н.А. Полторацкий закончил начатое в России среднее образование в Парижской Русской эмигрантской школе. А затем ему, можно сказать, очень повезло – он получил и высшее образование, закончив Высшую школу экономических и коммерческих наук, которая функционировала в качестве одного из факультетов Парижского католического университета. Это достаточно престижное учебное заведение, в которое мог поступить далеко не всякий француз, не говоря уже о представителе отнюдь не роскошествовавшей русской эмиграции. Правда, после окончания этого учебного заведения, Н.А. Полторацкий, как и многие русские эмигранты, перебивался сезонными и случайными заработками (достаточно вспомнить о том, что Лев Платонович Карсавин – удивительнейший религиозный философ и учёный-медиевист с европейским именем – вынужден был сниматься в эпизодических фильмах средней руки). Но в 1934 году Н.А. Полторацкому снова повезло – он поступил на службу в парижское издательство школьной литературы «Атье», а вскоре одновременно со службой начал получать второе высшее образование на переводческом отделении Института сравнительного права Парижского университета, которое закончил в 1945 году. Это второе высшее образование во многом определило дальнейшую жизнь Н.А. Полторацкого – многие годы он работал именно как переводчик. И всегда Н.А. Полторацкий с благодарностью вспоминал тех людей (в большинстве своём французов-католиков), которые помогли ему и получить во Франции хорошее образование, и устроиться на достойную службу. Например, католического

Почтовая открытка В. Лосского к Н. Полторацкому. Франция. 1930-е

монаха-мариста Пьера Блонда, ректора вышеупомянутой Высшей школы экономических и коммерческих наук, очень хорошо принявшего Н.А. Полторацкого. Пьер Блонда посодействовал поступлению Н.А. Полторацкого на подготовительные курсы Парижского католического института. Причём Н.А. Полторацкий смог учиться на них бесплатно, несмотря на то, что это были платные и очень дорогие курсы. Н.А. Полторацкий вспоминал: «Пьер Блонда был одним из тех людей, которые имели определяющее значение в моём христианском мировоззрении. Благодаря ему, я приобщился к католикам, к науке и богословию, но на меня никакого давления не было оказано со стороны католичества, была полная либеральность в этом смысле»⁴. Кроме этого, именно Пьер Блонда дал Н.А. Полторацкому рекомендательное письмо к хозяйке парижского издательства школьной литературы «Атье» – мадам Фулон. А ведь во Франции в это время был период безработицы. «Высшей похвалы для француза относительно иностранца нельзя себе представить: “Мадам, я Вам рекомендую подателя сего Николая Полторацкого, который хотя и русский по происхождению, но француз и католик душой”. Я вошёл через большие двери, как говорится»⁵.

Во-вторых, для большей части русской церковной эмиграции, за исключением крайне правых кругов, была характерна толерантность в отношениях как друг с другом, так и с неправославными христианами. Но они установились отнюдь не сразу. Ведь спорить и ссориться было из-за

Почтовая открытка П. Ковалевского к Н. Полторацкому. 1948

чего. Здесь, прежде всего, следует вспомнить о том, что в эмиграции активно продолжались богословско-философские споры, начатые ещё до революции в России. Эти споры связаны с тем, что для русской религиозно-философской традиции «серебряного века» характерны во многом «диссидентские» богословско-философские взгляды, в частности, философия всеединства, которую в эмиграции продолжали развивать о. Сергей Булгаков и Л.П. Карсавин; софиология, которая связывалась прежде всего с именами тех же о. Сергея Булгакова и Л.П. Карсавина, а также с именем Н.А. Бердяева; имяславие, представленное в эмиграции, опять-таки, о. Сергием Булгаковым и Н.А. Бердяевым; наконец, тема «третьего Завета», проявляющаяся в творчестве Н.А. Бердяева. Можно назвать буквально несколько заметных деятелей русской религиозной эмиграции, которые были «православными ортодоксами». В первую очередь, это В.Н. Лосский, сын известного философа Н.О. Лосского, а также о. Георгий Флоровский. Не случайно именно они наиболее активно включились в богословско-философскую дискуссию на страницах своих книг «Спор о Софии» и «Пути русского богословия». Флоровский в критическом запале по отношению к русской религиозно-философской мысли, содержавшей немалую богословскую составляющую, хотел даже назвать свою книгу, написанную в 1937 году, «Тупики русского богословия». Но, при этом о. Георгий Флоровский оказался в своей критике более толерантным, нежели В.Н. Лосский. По свидетельству Г.Н. Кузнецовой (как и Н.А. Полторацкий, побывавшей в парижской эмиграции и вернувшейся в г. Одессу), В.Н. Лосский, уже после смерти своего главного оппонента о. Сергея Булгакова в 1944 году, сожалел о той резкости, с которой была написана книга «Спор о Софии».

К богословско-философским разногласиям в русской церковной среде добавлялись и канонические разногласия, проявлявшиеся в принадлежности к различным церковным юрисдикциям, основными из которых были Московская Патриархия, Вселенский и Константинопольский Патриархат и Русская Зарубежная (или т.н. «карловацкая») Православная Церковь.

Поскольку Н.А. Полторацкий, как он сам отмечает в воспоминаниях, «постепенно погрузился в жизнь русской эмиграции» и познакомился, сблизился со многими известнейшими её представителями, он не мог остаться в стороне от богословско-философских и церковно-канонических дискуссий. Но, по свидетельству очевидцев, знавших Н.А. Полторацкого по эмиграции, он выполнял в русском зарубежье «медиаторную» функцию – сглаживал противоречия и примирял оппонентов. Так, например, по свидетельству вдовы известного русского философа В.Н. Ильина – В.Н. Ильиной, «Н.А. Полторацкий постоянно мирил В.Н. Ильина с

Н.А. Бердяевым»⁶. Впоследствии, после возвращения из эмиграции, он с одинаковой доброжелательностью отзывался обо всех участниках тогдашних споров и дискуссий. Очевидно, именно такие качества Н.А. Полторацкого как толерантность, способность и склонность к достижению разумного компромисса и консенсуса, и служили основным мотивом его избрания на вышеупомянутые многочисленные должности.

Необходимо отметить, что, несмотря на все дискуссии и разногласия, представители русской церковной эмиграции деятельно сотрудничали и лично дружили друг с другом. Так, о. Георгий Флоровский и В.Н. Лосский сотрудничали со своими оппонентами в экуменическом движении, к которому, как уже говорилось, был близок и Н.А. Полторацкий. Достаточно вспомнить о том, что о. Георгий Флоровский и В.Н. Лосский были активными участниками, а о. Сергей Булгаков одним из руководителей англиканско-православного Содружества Св. Албания и Св. Сергия Радонежского. Кроме того, о. Георгий Флоровский преподавал патрологию в парижском Свято-Сергиевском богословском институте, где также сотрудничал о. Сергей Булгаков, преподававший Ветхий Завет и догматическое богословие. Последнее, учитывая всё вышесказанное в отношении о. Сергия Булгакова, особенно впечатляет. В.Н. Лосский и о. Евграф Ковалевский вместе трудились в основанном в 1944 году по инициативе возглавляемого Н.А. Полторацким Братства Святителя Фотия Парижском Французском Православном богословском институте Св. Дионисия, где о. Евграф Ковалевский был ректором, а В.Н. Лосский вёл курсы догматического богословия и церковной истории (именно под эгидой этого института был издан на французском языке труд о. Евграфа Ковалевского «Святая Месса по древнему галликанскому обряду или Литургия по Святому Герману Парижскому», впоследствии переведенный Н.А. Полторацким и вошедший в обширный корпус его переводческого наследия). Наконец, о. Сергей Булгаков, находившийся в епархиальном подчинении у митрополита Евлогия (Георгиевского), который в свою очередь, с февраля 1931 года перешёл из подчинения Московской Патриархии под омофор (в «юрисдикцию») Вселенского и Константинопольского патриарха Фотия, и Н.А. Бердяев, который, невзирая на все свои философские «вольности», всегда оставался верным Московской Патриархии, – в равной степени были, по словам Н.А. Полторацкого, «духовными патронами» такой заметной в те годы организации, как Русское Студенческое Христианское Движение. Н.А. Бердяев оставался верным Московской Патриархии, невзирая даже на то, что в 1913 году из-за защиты им имяславия, Святейший Синод

начал процесс с целью отлучения Бердяева от Церкви за богохульство. Этот процесс был прерван первой мировой войной.

Главное для понимания той атмосферы, в которой существовала русская церковная эмиграция – это то, что объединяло многих её представителей. А объединяло их эсхатологическое ожидание Царства Божия на земле, и это оказалось выше всего, что могло бы разделить их. Как пишет А.А. Аржаковский, «только присущее всем этим мыслителям эсхатологическое стремление к Царству Божию на земле позволяет понять, почему Флоровский, Карсавин и Зеньковский – с одной стороны, и Бердяев, Федотов, Булгаков – с другой вместе участвовали в экуменическом движении... Ибо вопреки всем различиям во взглядах на природу Церкви... все эти мыслители рассматривали встречу христианских конфессий как победу над временем и как сближение Востока с Западом»⁷.

Речь, разумеется, должна идти не только о совместном участии деятелей русской церковной эмиграции в экуменическом движении. Было достаточно много и иных направлений совместного труда представителей русской церковной эмиграции, принадлежавших к разным религиозно-философским течениям, церковным юрисдикциям и т.д. Это и уже упомянутые выше Свято-Сергиевский и Свято-Дионисиевский богословские институты, и Русское Студенческое Христианское Движение, а также, например, журнал «Путь» и различные благотворительные организации, в частности, «Православное дело». В «Православном деле» заметную роль играла знаменитая мать Мария (Е.Ю. Скобцева, в девичестве – Кузьмина-Караваева), епархиально подчинявшаяся митрополиту Евлогию (Георгиевскому), с которой очень близок был Н.А. Бердяев и знаком Н.А. Полторацкий. Но именно экуменическая деятельность была для многих из представителей русской церковной эмиграции, в том числе и для Н.А. Полторацкого, весьма и весьма значимым аспектом жизни. Здесь следует отметить то, что экуменизм представителей русской церковной эмиграции вообще и религиозно-философской традиции в частности, имеет свою, достаточно сложную и, можно сказать, болезненную историю. Участие в экуменическом движении было буквально выстрадано русскими эмигрантами. Как справедливо отмечал Н.М. Зёрнов, «Русская Церковь всегда представляла наиболее изолированную ветвь европейского христианства»⁸. Русские интеллектуалы начала XX века, оказавшись после революций и гражданской войны в эмиграции, надеялись, что западные христиане захотят извлечь урок из их опыта. Они были уверены, что борьба между воинствующими атеистами и верующими в России – это часть всемирной борьбы. И немало разочаровались,

убедившись в том, что представители западных Церквей в массе своей трактуют события в России как заслуженное наказание «исторической» Церкви. Поэтому они не только включились в экуменические процессы, но во многом их инициировали, поскольку считали экуменические контакты возможностью «свидетельства» православия и его богословских достижений представителям других конфессий. Здесь следует отдавать себе отчёт в том, что отнюдь не все ветви русской церковной эмиграции готовы были включиться в экуменическую деятельность. Некоторые представители русского православия явно опасались утратить конфессиональную идентичность в ситуации экуменических контактов. Особенно это было и остаётся характерно для представителей «самой консервативной части православия, ставшей на путь самоизоляции и по существу превратившейся в маргинальную, эскапистскую секту – Русской Зарубежной Православной Церкви»⁹.

Но дело в том, что Братство Святителя Фотия было создано в 1925 году несколькими церковно-мыслящими русскими эмигрантами из паствы митрополита Евлогия (Георгиевского), тогда ещё находившегося в подчинении Московской Патриархии, как раз с целью содействия сохранению конфессиональной идентичности русскими эмигрантами. Одним из основателей Братства был Евграф Ковалевский. А в скорости к нему примкнул и В.Н. Лосский. Братство было построено по образцу католических орденов, заседания его были закрытыми, а решения тайными. Какое-то время председателем или начальником Братства был А. Ставровский, затем – В.Н. Лосский (именно во время их руководства Братством оно инициировало процесс осуждения богословских трудов о. Сергия Булгакова), но, В.Н. Лосский, будучи чрезвычайно загружен литературной и преподавательской деятельностью, от руководства Братством также отошёл. Председателем Братства был избран Н.А. Полторацкий, что само по себе говорит о том, что он был достаточно влиятельной фигурой в среде русской церковной эмиграции, или, по крайней мере, той её части, что сохраняла верность Московской Патриархии. Это подтверждается и последующими выборами Н.А. Полторацкого на должность ответственного секретаря Особого Благочинного Совета. Формально Н.А. Полторацкий оставался начальником Братства ещё некоторое время даже после своего возвращения в Советский Союз в 1948 году. Исполняющим эти обязанности во Франции был Л.А. Успенский, к которому через несколько лет они отошли окончательно. Братство Святителя Фотия на всех этапах своей истории решало задачу свидетельства православия на западе. Но при этом члены Братства охотно организовывали встречи с неправославными богословами. И пришли, в конце

концов, к мысли о необходимости не просто экуменических контактов (в частности, в рамках такого совместного интеллектуального проекта русского зарубежья и западноевропейской интеллигенции, как Франко-русская студия, куда для богословских дискуссий приглашались Тейяр де Шарден, Габриэль Марсель и многие другие известные представители католицизма, а также протестантизма, и в которых принимал участие и Н.А. Полторацкий), но и непосредственного экуменического взаимодействия. В деятельности о. Евграфа Ковалевского (епископа Жана) последняя мысль получила наиболее радикальное воплощение. В конечном итоге, многие представители российской религиозно-философской традиции, оказавшиеся в эмиграции, убедились в том, что между российской и западноевропейской религиозно-философскими традициями не существует радикальных противоречий. Это связано с тем, что «русская культура всегда была по своему типу европейской культурой»¹⁰, а российская философия всегда самым тесным образом была встроена в европейский интеллектуальный контекст, и отсюда «то странное то ли совпадение, то ли предвосхищение философских достижений, казалось бы, иных философских традиций»¹¹. В контексте данного разговора то же самое можно сказать и о совпадении богословских достижений российской и западноевропейской духовных традиций.

Задачу свидетельства православия на Западе ставили перед собой и прихожане Трёхсвятительского подворья, основанного при активном участии Н.А. Полторацкого. Большинство прихожан Трёхсвятительского подворья были и членами Братства Святителя Фотия. Но нельзя не назвать здесь Н.А. Бердяева, который был прихожанином Трёхсвятительского подворья, но, разумеется, не мог быть членом Братства Святителя Фотия в силу своей догматической «нечистоты» и более чем скептического отношения к церковным канонам. Н.А. Полторацкий в своих воспоминаниях о Бердяеве говорит: «Он даже мне как-то сказал, что заниматься канонами – это верный способ сломать себе голову. Но он пошёл с Московской Патриархией не из канонических соображений, а из-за того, чтобы не порвать духовную связь с Россией»¹². Здесь следует добавить, что Московская Патриархия оставалась «мостом» духовной связи не только для Бердяева, но и для многих русских церковных эмигрантов. В том числе и для Н.А. Полторацкого.

Н.А. Бердяев пользовался огромным авторитетом в эмигрантской среде и его решение вернуться в Россию после войны оказало влияние на многих её представителей. Одному из авторов данной статьи уже приходилось писать о том, что своё решение вернуться Н.А. Полторацкий «во многом принял под влиянием Бердяева»¹³. Конечно, влияния Бердяева, несмотря на весь его авторитет для такого решения было бы недостаточно.

Помимо эсхатологического ожидания Царства Божия на земле, для русской церковной, как, впрочем, и для русской эмиграции в целом, было характерно ожидание скорого возвращения на Родину. Русские эмигранты, оказавшиеся на чужбине, «не имели намерения оставаться надолго: лишь бы передохнуть, повременить, дождаться свержения советской власти»¹⁴. Не дождавшись свержения, русские эмигранты стали дожидаться её перерождения, изменения. И оно, как им показалось из их далёка, произошло после второй мировой войны. На волне патриотических чувств очень многие эмигранты, в том числе и представлявшие церковную эмиграцию, вернулись на Родину. Но большинство ждали репрессии, лагеря, ссылка. Н.А. Полторацкому, можно сказать, повезло – он оказался в «южной» ссылке, в Одессе. Хотя везение это весьма относительно.

Как вспоминает другой автор настоящей статьи, Н.А. Полторацкий «проработал два года в Одесской духовной семинарии, а тут ему говорят: “нет для Вас часов”». Живёт большую часть в Москве, работает переводчиком в отделе Внешних церковных сношений (считается одним из лучших переводчиков богословских трудов в то время). Чтоб не думать, что всё замечательно, жену увольняют с преподавательской работы из Политехнического института с формулировкой «потенциально идеологически не выдержанный элемент <...>. Живут в долг»¹⁵. Ведь переводы церковных текстов Н.А. Полторацкому практически никакого дохода не приносили. Равно как и его «светские» переводы (помимо уже вышеупомянутых переводов писем декабристов, выполненных Н.А. Полторацким совместно с его женой – Н.Ф. Полторацкой, здесь можно вспомнить изданного в «Литературном наследии» Жан-Жака Руссо. Среди соавторов этого перевода был знаменитый лингвист Ю.М. Лотман – друг Н.А. Полторацкого). Многие переводы вообще делались «в стол», до лучших времён. Особенно это касается произведений католических и протестантских богословов. Таких как Кембриджские библейские толкования, Пеликанские толкования Нового Завета, работы О. Клемана, Ю. Мольмана и других христианских мыслителей Запада. И были они известны только узкому кругу близких Н.А. Полторацкому людей. Хотя «узость» эта весьма и весьма относительна. Ведь Николай Алексеевич всегда собирал вокруг себя очень многих представителей не только духовной, но и светской интеллигенции нашего города. Н.А. Полторацкий выполнял важную функцию просветительства и свидетельства различных вариантов христианского богословия. А после смерти Н.А. Полторацкого в его архиве остались десятки переведенных им книг по литургике, библеистике, догматическому богословию. Как отмечает А. Доброер, «многие из них носят уникальный характер и, будучи

опубликованы, несомненно, способствовали бы развитию современной богословской мысли в русскоязычном пространстве»¹⁶.

Н.А. Полторацкий фактически перенёс в советскую действительность принципы воскресных заседаний бердяевской Религиозно-философской академии. Встречи по воскресным дням дома или на даче у Николая Алексеевича были своего рода религиозно-философской академией для окружавших его людей. Его религией было реальное добро, его философией – внутренняя свобода. Были и книги, которые он привёз из Франции и которые щедро давал читать, хотя это и было в те времена небезопасно. И если вспомнить о том, что Бердяев – «философ свободы», то можно с полным основанием говорить о том, что благодаря Н.А. Полторацкому окружавшие его люди находились в ауре духовной свободы. Николай Алексеевич общался с представителями разных конфессий – ведь он мог не только предоставить интересующую их богословскую литературу (привезенную из Франции, либо уже переведенную на Родине), но и свидетельствовать о жизни и деятельности многих выдающихся деятелей неправославного христианства, которых он лично знал и с которыми дружил. При этом, будучи глубоко православным человеком, Н.А. Полторацкий никогда «не стеснялся» отмечать многие достоинства и католицизма, и протестантизма.

Что касается преподавательской деятельности Н.А. Полторацкого, которая также играла значительную роль в «свидетельстве» его веры, то после неоднократного вмешательства Патриарха Алексия I, Н.А. Полторацкий её всё-таки продолжил и проработал в одесской Духовной семинарии до самой своей смерти в 1991 году. Среди его учеников – не одно поколение православных священнослужителей, таких, к примеру, как Блаженнейший Владыка Владимир (Сабадан). Уже поэтому Н.А. Полторацкий заслуживает звания богослова, хотя он и не написал ни одного академического труда по богословию.

Н.А. Полторацкий, не обладая священническим саном, воистину был пастырем милостью Божией, привлекавшим к себе сердца, искавшие живого свидетельства веры, сколь глубокой, столь широкой и открытой для всех людей, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Литература

1. Полторацкий Н.А. «Ловец людей, их спутник и учитель» // Дерибасовская – Ришельевская: Одес. альм. – Вып. 17. – Одесса: Друк, 2004. – С. 17.
2. Панков А.А. Проблема философии как «духовного делания» в русской религиозной мысли // Тезисы региональной межвузовской конференции «Роль

- гуманизации образования в развитии духовной культуры личности». – Томск, 1990. – С. 43.
3. Интервью Панкова А.А. с Полторацким Н.А. (1986-1991). Расшифровано Полторацкой А.Н. – Магнитофонные записи.
 4. Интервью Панкова А.А. с Полторацким Н.А. (1986-1991). Расшифровано Полторацкой А.Н. – Магнитофонные записи.
 5. Интервью Панкова А.А. с Полторацким Н.А. (1986-1991). Расшифровано Полторацкой А.Н. – Магнитофонные записи.
 6. Интервью Полторацкой А.Н. с Ильиной В.Н. (2003) – Магнитофонная запись.
 7. Аржаковский А.А. Журнал «Путь». (1925-1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – К.: Феникс, 2000. – С. 183.
 8. Зёрнов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж: YMCA-PRESS, 1974. С. 259.
 9. Панков А.А. К вопросу о необходимости гендерных исследований в украинском религиоведении // Аркадія: Культурологічний та мистецтвознавчий журнал. – Одесса, 2004. – № 4(6). – С. 41.
 10. Лихачёв Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. – 1991. – № VI(24). – С. 16.
 11. Панков А.А. К вопросу о взаимоотношении западной и русской философий // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийской научной конференции «Русская философия: преемственность и роль в современном мире». – Ч. 2. – СПб., 1992. – С. 53.
 12. Интервью Панкова А.А. с Полторацким Н.А. (1986-1991). Расшифровано Полторацкой А.Н. – Магнитофонные записи.
 13. Панков А.А. В ауре личности Н.А. Бердяева // Філософські пошуки. – Вип. XI-XII. – Львів; Одесса; Хмельницький: Cogito-Центр Європи, 2001. – С. 299.
 14. Гаккель Сергей, протоиерей. Мать Мария (1891-1945). – Париж: YMCA-PRESS, 1980. – С.17.
 15. Полторацкая А.Н. «Меня не покидало щемящее чувство тоски по Родине» // Дерибасовская – Ришельевская: Одес. альм. – Вып. 17. – Одесса: Друк, 2004. – С. 16.
 16. Доброер А. Введение // Ковалевский Евграф, протоиерей. Святая Месса по древнему галликанскому обряду или Литургия по Святому Герману Парижскому / пер. с фр. Полторацкого Н.А. – Одесса, [б. изд.], 2004. – С. 7.

А.Н. Полторацкая**«НУ ВОТ, ДОПРЫГАЛСЯ»***(Николай Полторацкий)*

На страницах парижской газеты «Русские новости» за 20.02.48 появилось сообщение «февраль 1948 г. – Из Парижа в Москву уехал председатель Братства св. Фотия Н.А. Полторацкий с семьей». (Фотиевское братство было одним из пяти православных братств, существовавших в Европе. Учреждено для защиты православной веры и идеи вселенского православия, заложило основы первых приходов с богослужением на французском языке. Братство было построено по образцу католических орденов, заседания его были закрытыми, тайными.)

Возвращение в Советскую Россию стало возможным после обнародования Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживавших на территории Франции». Обе русские газеты – «Советский патриот» и «Русские новости» (бывшие «Последние новости»), напечатали этот Указ заглавными буквами в своих экстренных выпусках.

Николай Алексеевич Полторацкий¹ один из первых получил советское гражданство, а жил он в Париже с 1925 по просроченному советскому паспорту, имея французский вид на жительство.

Весенним вечером 1946 года в зале Иенн посол СССР во Франции А.Е. Богомолов в торжественной обстановке вручил первой группе русских эмигрантов советские паспорта. Зал был переполнен людьми, сцену украшал большой лозунг «Мы возвращаемся к нашему народу». Членам «Союза советских патриотов» пришлось запереть железные ворота, чтобы предотвратить

*Н.А. Полторацкий.
Париж. 1940-е*

О русских эмигрантах в Париже

В «Известиях» за 3 июля помещена корреспонденция В. Полторацкого из Парижа, в которой рассказывается об огромной туче возвращающихся в Советский Союз среди русской эмиграции во Франции.

В. Полторацкий пишет:

«Во Франции теперь осталось около пятидесяти тысяч русских эмигрантов. Многие из них живут в Париже. Здесь на улице Дарю есть новый русский квартал—русская церковь, русские магазины, рестораны «Петроград», русская книжная лавка, где можно встретить и наших советских князь.

Недавно нам удалось побывать на вечере у эмигрантов. В зале собралось около трехсот человек. Сцена была украшена портретами Ленина и Сталина и изображением Спасской башни Кремля с пятиконечной рубиновой звездой. Вечер открыл высокий благообразный старик. Он обратился к собравшимся с речью, смысл которой сводился к тому, что мы, мол, гордимся тем, что принадлежим к такому народу, который спас Европу от фашизма, который дал человечеству великих гениев—Ленина и Сталина.

Российской империи, а также лицам, состоявшим в советском гражданстве и утратившим это гражданство, а равно их детям, проживающим на территории Франции, восстановить гражданство СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР был встречен эмигрантскими кругами в Париже, как осуществление заветной мечты. Местные эмигрантские газеты напечатали многочисленные отклики на Указ.

И. А. Бунин заявил, что «это решение Советского правительства является великодушным». Горячо откликнулся митрополит Ельсий, распрощавшийся отслужить по этому поводу благодарственные молебны во всех русских церквях Франции. Приветствовали Указ бывший адмирал Вердеревский, художник Терешкин, артисты Павлов и Хмара. Особенно радостно восприняла этот акт эмигрантская молодежь...

Возле советского консульства в Париже на площади Малъзель п. утра до вечера толпится народ. Слышится русская речь. Это бывшие эмигранты идут сюда о просьбой о восстановлении советского

и Советские Известия - 6/7/46г.

Газета
«Большевистское
знамя».
6 июля 1946

дальнейшее проникновение публики в переполненный зал. С огромным вниманием слушали речь посла и бурно ему аплодировали. Затем стали выступать многие присутствовавшие в зале. Очевидец происходящего советский журналист Юрий Жуков намного позднее в журнале «Отчизна» (1973, № 1), писал:

Хорошо охарактеризовал это горькое для эмигрантов время начальник «Братства святого Фотия» Н. Полторацкий:

– Трудность борьбы за существование в чужих условиях и бесправии сочеталась с тоской по горячо любимой и никогда не забываемой Отчизне. Но годы шли... И день возвращения перестал уже казаться чем-то реальным и осуществимым: он становился уделом недостижимой мечты. Это мучительное чувство отрыва особенно остро переживалось многими из нас в годину тяжкого испытания, выпавшего на долю великой и родной страны во время войны. И этот великий, этот знаменательный день настал! Родина открыла нам свои материнские объятия. Мы уже слышим ее ласковый материнский зов, а завтра воочию узрим прекрасные черты ее чудного лика...

Упомянутая выше газета «Русские новости» от 11 июля 1947, № 110 (семейный архив Н. Полторацкого) в рубрике «В русском Париже» подробно освещает первый приезд моего отца в СССР: «Пять месяцев в Советском Союзе». На докладе Н.А. Полторацкого):

В минувший вторник перед многочисленной аудиторией прочел доклад о своей московской поездке Н.А. Полторацкий. Отправившись в Советский

Союз в феврале — с парижской церковной делегацией — он пробыл на родине около пяти месяцев. Посетил Москву и Ленинград, сталкивался и беседовал с самыми разнообразными людьми. О своих впечатлениях Н.А. Полторацкий повествует в живой и увлекательной форме. Его рассказ полон ярких бытовых эпизодов, очень характерных для понимания психологии и быта советских людей.

Цитировать и пересказывать доклад нет смысла, он полон восхищения и радости общения с советскими людьми, подробно освещен вопрос положения церкви в России. Приведу лишь несколько строк: «Сотни

В РУССКОМ ЦАРСТВЕ

Пять месяцев в Советском Союзе

На докладе Н. А. Полторацкого

В шестидневный вторник перед многочисленной аудиторией прошел доклад о своей московской поездке Н. А. Полторацкий. Отправившись в Советский Союз в феврале — с парижской церковной делегацией — он пробыл на родине около пяти месяцев. Посетил Москву и Ленинград, сталкивался и беседовал с самыми разнообразными людьми. О своих впечатлениях Н. А. Полторацкий повествует в живой и увлекательной форме. Его рассказ полон ярких бытовых эпизодов, очень характерных для понимания психологии и быта советских людей.

В Москве и Ленинграде я переосмыслил немало идей — и классических, и современных (особенно меня интересовали — хотелось погрузиться в новую советскую психологию). Могут сказать, что театр в России играет большую воспитательную роль, будит в сердцах хорошие чувства, пробуждает к великому истинному прошлому русского народа. На театре уходили в прошлое, в возвышенном настроении. А в шьесах и в том, как переживают их артисты, слышит все то же —

Жизнь церкви

В начале своего доклада Н. А. Полторацкий подробно коснулся вопроса о положении церкви в России.

Наряду с фактами более или менее известными (особенный подъем религиозного чувства в России, самоотверженная работа русского духовенства) докладчик сообщил и много нового, по общему этому не высказавшись в каких рамках таинственного отчета. Отметим все же его указание на крупное значение открывающегося в сентябре в Москве всесоюзного церковного съезда. На этом съезде, в присутствии перерывов всех восточных православных церквей, будут обсуждаться вопросы первоочередной важности — о сближении православной церкви с армянской, об установлении тесного контакта

Встреча с Россией.

— Первое, что поражает великого, неподдающего ни родину после долгих лет раслуки и нево, — говорит Н. А., — это братский прием, оказываемый ему со всех сторон, и необычайная сердечная открытость. К эмигрантам отношение очень пренебрежительное. О прошлых расхождениих никто не упоминает — они отшли в область предания. Зато особенно ценит советские люди тот факт, что мы за рубежом не забывали русский язык, что владели им и даже говорили по-русски, а главное — что в годы тяжелых испытаний, пережитых Россией, наши сердца были с нею и тосковали...

— Пренебрежительность, безразличность, государственность — свойственны, особенно далекому русскому человеку. Мне приходилось встречаться с людьми первобытно, жить в гостиницах и на частных квартирах, посещать досику в ленинградском университете, бывать в театрах, брать по возможности книги и даже прожечь две недели в больнице, где мне делали операцию. Сотни встреч, бескончаемые вечерние беседы на самые разнообразные темы! Каждый день одно — любить Россию мне было трудно...

Студенческая молодежь

НА ДОКЛАДЕ У ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО.

Справа налево: — Патриарх Алексий, Митрополит Николай Крутицкий, секретарь, о. Сергий Родионов и Н. А. Полторацкий.

встреч, нескончаемые задушевные беседы на самые разнообразные темы! Скажу лишь одно – покидать Россию мне было трудно...».

Во время поездки Н.А. Полторацкий выступил с докладом о положении русской православной церкви в Париже перед Патриархом Алексием и Митрополитом Николаем (Ярошевичем). Тогда же поступило от Московской Патриархии приглашение на преподавательскую работу в Московскую Академию. По приезде оказалось, что его направляют в Одесскую духовную семинарию. О его реакции на этот сюрприз можно судить по воспоминаниями его друга Александра Александровича Угримова в книге «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту» (М., 2004):

«Грибоедовский персонаж».
Н.А. Полторацкий. 1948

Другим событием был приезд из Парижа Коли Полторацкого с матерью. Временно они остановились в гостинице в Загорске против Лавры. «Ну вот, – сказал мне Коля, когда мы шли по Поварской на Арбатскую площадь, – допрыгался». И, защелкав пальцами, блеснул очками в мою сторону. Надень он старомодный фрак, зачеши он виски вперед и взбей хохолок – ну совершенный портрет грибоедовской эпохи.

В публикуемом ниже письме (черновик хранится в семейном архиве Н. Полторацкого) Николай Полторацкий рассказывает своему другу Леониду Успенскому (члену Братства св. Фотия, иконописцу, автору многих книг по иконописи)² о своих приключениях на границе и делится первыми впечатлениями об Одессе.

Текст письма публикуется с сохранением орфографии, пунктуации и отклонений от современных норм.

Письмо Н.А. Полторацкого к Л.А. Успенскому

Одесса, Пушкинская ул., д. 79
5 мая 1948 г.

Христос Воскресе!

Дорогой Леонид, –

Поздравляю Тебя и в твоём лице все Братство со Светлым Праздником и шлю всем Вам мои наилучшие пожелания.

Пишу Тебе из Одессы, куда прибыл неделю тому назад, а не писал Тебе из Москвы до сего времени не из-за легкомысленной небрежности, в чем

где уже находилась мать и бабушка.
 Чем все и закончилось!

Несколько подробностей эту операцию
 дали более корректно, в предельно
 шкатулочном колемане. Слегка из
 Талана на предмет мало задержанная.

Этот поезд нам привнес
 до поездами и
 спальной вагона, а также
 Р.К. жюри в
 Тарас - по сравнению с
 им Дурбанов во.

Вот в нем Индустри и
 несли машину, которая
 в Лужиче востановил
 нас. На другой день
 со Талит - Сивинке
 мыла село и предупреди-
 энгажмане в востановил
 стала в дом добровольно
 для подражатель в
 - все виды денег.

на эту субботу 28 с. м.
 дом, Р.К. Денна еще
 здесь поговорила завтра,
 мыла селом все оленя
 оплачено, что нас не

хотят даже обильно - денег - 8.000 марок.

Ну как видно, все устроено - надо
 надеяться.

Востановил преобладают, что
 тоже. Отношение со стороны администрации
 - идеальное, а также со стороны все-
 ступенчатый. Хотя это еще не для,

Успешно

25. II. 49.

Дорогой Леон,
 пишу тебе и, думаю, что застрял до
 времени.

Тут же наша до приезда сюда
 была более приключением.

На фронт ушли в Бродово нас
 сжег с поездом франц. стратегический колеман
 и задержался с 4 1/2 ч. в. до 11 ч. след. утра.

Бабушку и маму привели в 22 ч. на
 на автомобиле в Скар-Брокен, а там

оставили со всеми вещами, прогнать
 машини Талит - и известной востановил
 Талана. Нелло сперва допрашивали, а
 потом в 4 ч. у. привел кереман. Дед
 вошел, Бунат и ушли в Киндер.

К 11 ч. у. составили протест, но никто
 предостережения не было обнаружено,
 тем же посадил в автомобиле и со всем
 Таланом кереман в Скар-Брокен в востановил,

Черновик письма

Н.А. Полторацкого к Л.А. Успенскому. Одесса. 5 мая 1948

Ты меня мог заподозрить и в чем меня в столь резких выражениях упрекала Лыдинка³ в своем письме, полученном мной своевременно в Москве, а исключительно потому, что положение мое было полно неопределенности и только теперь начинает приобретать некоторую б. м. еще временную и не совсем окончательную, но все-же определенную форму.

К моему теперешнему положению я вернусь ниже, а сейчас хочу сказать несколько слов о самой поездке.

При выезде на французской границу в Форбехе, мы были задержаны, сняты с поезда и обысканы специальной Франц. полицией.

Причем кроме вещей и бумаг, я еще был подвергнут личному обыску. В 12 ч. ночи бабушка и мать были перевезены на автомашине через границу и интернированы в гостиницу в Саарбрюкене, меня же продержали всю ночь в специальном Комиссариате и допрашивали, с перерывами, до самого утра, пытаясь уличить во всех «смертных грехах» против Франции. В 4 ч. у. прибыл специальный переводчик из Меца для чтения моих бумаг. Не найдя, как и следовало ожидать, ничего компрометирующего, утром был составлен протокол и меня в свою очередь посадили на автомашину и вместе с багажом переправили в Саарбрюкен к моим родным, которых я нашел в состоянии волнения и тревоги за мою судьбу, но целыми и невредимыми. Это было в субботу 14.2. Следующего поезда на Берлин нужно было ждать до понедельника. Цены в Саарбрюкене, даже по сравнению с парижскими, оказались безумно дорогими.

Случайно в запасном бумажнике, к моему удивлению, оказалось 1.500 фр. Кроме того за потерянные места в спальном вагоне мне вернули из местного отделения Соог'а половину их стоимости, что составляло около 2.000 фр. Вот всей этой суммы оказалось как раз в обрез, чтобы прожить до понедельника к вечеру, когда шел поезд, есть в вагоне-ресторане до Берлина и оплатить проезд по Франц. зоне оккупации.

Прибыв в Берлин на другой день, во вторник 17.2, к 13 часам, я тотчас-же позвонил по телефону в наш Советский Интурист и за нами была выслана авто. машина, которая нас и доставила в гост. «Адриа» берлинского сов. Интуриста, лучшую в настоящее время гостиницу Берлина.

Запасов взятых немецких марок (300) оказалось весьма не достаточно, т. к. в гостинице цены т. н. коммерческие, а билет в мягком вагоне Берлин-Москва 406 марок. Денег из Патриархии в местное берлинское отделение Интуриста переведено не было.

Пришлось обратиться на другой день к нашему советскому Полит-советнику с просьбой о содействии. Принят я был не только любезно, но со всем подобающим советским людям радушием.

Из Москвы денег перевести оказалось затруднительным. Поэтому мне было предложено написать заявление на имя Главного начальствующего Советской Военной Администрации в Германии о выдаче мне соответствующей суммы марок на временное проживание в Берлине, оплату ж. д. билетов, багажа и прочего, с тем что соответствующий расчет будет произведен Патриархией в Москве.

Результат этого ходатайства, несмотря на быстрополученное принципиальное согласие, пришлось ждать дней 10, и в течение этого времени ждать в гостинице и питаться в том-же ресторане, по распоряжению Политсовета, – в долг.

Ресторан был прекрасный – с музыкой. Кухня первоклассная. Отношение прямо родное. Директор ресторана отпускал бабушке сверх нормы молоко и проявлял к ней всяческую трогательную заботу.

Вообще она пользовалась всеобщим успехом у всех. Оркестр играл вещи которые ей особенно нравились и т. д.

До позднего вечера я засиживался, отправив своих спать, и время проходило незаметно и приятно в дружеской беседе с соседями или с директором – в родной атмосфере большой и дружной русской семьи.

Ну вот наконец полковник связи лично позвонил в гостиницу и, в мое отсутствие, передал маме, что ходатайство удовлетворено.

Осведомившись о здоровье ее и бабушки, он пожелал нам счастливого пути и благополучного возвращения на Родину, и сказал, что деньги лично завезет его лейтенант к нам в гостиницу.

В тот-же день прибыл милейший, воспитаннейший и культурный молодой человек, передал деньги, даже в большем количестве, чем я первоначально просил, опасаясь что из-за задержки, теперь первоначальной суммы может оказаться не достаточно и свозил меня на своей машине в Польское консульство для продления транзитной визы.

Оформив все дела по отправке багажа – 250 кг пошло большой скоростью, а 669 кило – малой, – на что нужно было получить от генерала заведующего транспортным отделом – соответствующее разрешение, мы наконец отбыли из Берлина на 15й день нашего туда прибытия.

Пришлось порядком помучиться с отправкой багажа большой скоростью. Дело в том что этот багаж нужно отправлять в самый день отъезда и что по правилам советских жел. дорог все сундуки, корзины и чемоданы должны быть так упакованы, что в них не должно быть ни малейшего шороха и затем они должны быть наглухо обшиты материей. Поэтому пришлось все раскрывать и перекладывать, а также и обшивать. Дело не обошлось без специальных, профессиональных, вокзальных упаковщиков и все было закончено буквально в самый последний момент.

Чтобы избежать труд для бабушки подниматься по лестнице, для нее был предоставлен специальный грузо-подъемный лифт, мы заняли места в вагоне за 5 минут до отхода поезда, хотя из предосторожности, на случай нашего опоздания, было отдано распоряжение задержать отправку нашего курьерского поезда на 10 м.

Отбыв во вторник 2.3. в 16 ч. 30 м. мы были на другой день в 20 ч. в Бресте.

На границе в наш вагон входит офицер пограничной охраны, он просит предъявить наши паспорта и проверив их, говорит нам добро пожаловать, поздравляет с возвращением на Родину и желает счастливого пути.

Брест! Таможенный осмотр ручного багажа. Та-же любезность, деликатность, чуткость, но неприятный сюрприз! Несмотря на то, что полковник

связи сообщил в Патриархию о высылке денег на границу в Брест на путевые расходы, т. к. в Берлине советской валюты получить нельзя, деньги по телеграфу еще не пришли и мы оказываемся буквально без копейки. Однако носильщик радушно предлагает свои услуги в долг, довольствуясь словесным обещанием присылки денег, по приезде, из Москвы, вручают взятые запасы провизий из Берлина и кое-что купленное до границы, а также соседи по вагону, которые угощают наперерыв и обижаются отказом.

Мы пересаживаемся с узкоколейки на русскую широко-колейку и поезд отходит на Москву в 23 ч. 30 м.

Располагаемся на мягких кушетках русских спальных вагонов, более комфортабельных, чем европейские. Нас начинает окружать забота вагонного проводника, который бесплатно – денег ведь у нас нет – нам приносит чай, и эта его забота нас уже не покинет до самой Москвы.

За окном побежали необъятные просторы родных русских полей. На другой день мы проезжали деревни смоленщины, обожженные фашистским смерчем, воспетые К. Симоновым.

В пятницу 5.3. в 11 ч. у. мы наконец в Москве на Белорусском вокзале.

Явившиеся носильщики, в белых фартуках, как всегда подобало русским носильщикам, дают мне гривенник и я иду в телефонную будку звонить из автомата извещать Патриархию о моем счастливом прибытии. Там сносятся с самим Святейшим и по его распоряжению через $\frac{1}{2}$ часа к вокзалу подкатывает ЗИС 110, новая сейчас самая шикарная советская машина, перед которой пассуют всякие Рольсройсы и прочие иностранные марки. Безшумный ход, красота линий, богатство и комфорт внутренней отделки, радио-обслуживание и проч.

Из-за Сессии Верховного Совета все Московские гостиницы переполнены и поэтому мы направляемся прямо в Загорск, где для нас отведены 2 комнаты в гостинице напротив Троицко-Сергиевской Лавры, где я уже жил в прошлом году, во время моего первого приезда, когда говел в Лавре. Мартовское солнце хорошо греет, на дороге чувствуется весна. На больших Московских улицах ни капли снега. С Белорусского вокзала мы спускаемся по ул. Горького (б. Тверская) до Садового Кольца и берем направление на Загорск. Нас сопровождает присланный из Патриархии служащий.

За городом, на дороге – снег местами растаял, местами произошло обледенение и машину порой сильно заносит, но все сходит благополучно и спустя $2\frac{1}{2}$ часа мы приезжаем в Загорск, покрыв расстояние в 74 километра.

Заезжаем сперва во двор Лавры, к наместнику. Через минуту появляется наш отец Стефан Святозаров, который нам обрадовался, как родным и, пока где-то отыскивают о. наместника, подсаживается к нам в машину и расспрашивает о Париже, об общих друзьях и знакомых, делаясь с нами новостями о своей новой монастырской жизни в Лавре, своим счастьем возвращения на Родину.

Наконец появляется и о. наместник – Архимандрит Иоанн; он приветствует нас, провожает до гостиницы и через минуту мы уже сидим в нашем номере за шумящим самоваром и пьем чай вместе с о. Стефаном.

Я получаю из Патриархии деньги, которые мне передает высланный за нами служащий, отлучаюсь на 10 м. в расположенный как раз напротив гостиницы, магазин «Гастроном», где глаза мои разбегаются от обилия и разнообразия продуктов и их дешевизны, по сравнению с прошлым годом.

Чего только тут нет? Тут и чай нескольких сортов, и разнообразный асортимент чудных конфет в красивой традиционно-русской упаковке, тут и различные сорта сыров, начиная со швейцарского, который «плачет», и колбасы, и различная ветчина, и прекрасные кавказские и азербайджанские вина, которым не страшно потягаться с французскими, и прочее и прочее.

Народу набито, причем самого разнообразного! Тут и колхозники приехавшие на рынок в Загорск, и местные жители, и богомольцы из Москвы, приехавшие в Лавру, поклониться Преподобному Сергию.

После денежной реформы советский рубль стал полноценный и покупная стоимость его возросла больше чем на 50%. Что не замедлило отразиться на повышении благосостояния масс.

Как раз вечером, в день нашего приезда Патриарх отбыл в сопровождении Протопресвитера Николая Коломенского и Л.Н. Парийского в Ленинград, а Митрополит Николай³ оттуда вернулся.

В воскресенье вместе с мамой был у [неразб.] в Лавре, и после богослужения был приглашен о. наместником разделить трапезу с братией.

Монахи меня встретили, как старого знакомого, памятуя мои прошлогодние посещения. Прекрасный монастырский здоровый и обильный стол и русский квас!

Вечером поехал в гости в Москву, а на другой день, в понедельник, отправился на прием к Митрополиту Николаю.

Владыка меня встретил с обычной своей ко мне симпатией, расспрашивал о наших парижанах, интересовался жизнью всех и каждого порознь, кого-только помнил.

Езды по ж. д. от Москвы до Загорска – 1 ч. 40 м., а то иногда, в зависимости от скорости поездов, – около 2 ч. Сообщение электрическое, от Ярославского вокзала. Поезда – самое редкое – каждый час, но все-же приезжать в Москву почти каждый день в Патриархию, на это уходит 4 часа, не считая метро или трамвая, автобуса и проч. Мотаться поэтому мне пришлось порядочно и возвращаться, выехав в 10 у., к 1 ч. ночи, а то и позже.

Через 10 дней приехал Святейший, хорошо меня принял, говорил о парижских церковных делах, но тут выяснилось, что меня назначили преподавателем в Одесскую духовную семинарию, т. к. кафедру Сравнительного богословия в Московской Академии и семинарии поручили вновь назначенному ректору, Преосвященному Гермогену, епископу Казанскому, а в Одессе не хватает преподавателей. Вместе с тем я буду консультантом при иностранном отделе Патриархии и т. о. буду приезжать в Москву.

Все это выяснилось окончательно только совсем недавно и все это время я пребывал в состоянии неопределенности – отъезда – не отъезда.

Отъезд мой, кроме прочего, еще задержался болезнью бабушки, которая схватила воспаление легких, по приезде и только-что почти окончательно

поправилась, а также и тем, что мой багаж с книгами и проч., посланный из Берлина малой скоростью, пришел в Москву совсем недавно.

Однако больше затягивать мой отъезд стало невозможно. Нужно было ехать закреплять предоставленную мне в Одессе квартиру, входить в контакт с местным семинарским начальством, получать прописку и прочее. Поэтому, принимая во внимание, что бабушка была еще слаба для такого путешествия, Святейший Патриарх благословил меня ехать, не откладывая далее, пока временно одному (тем более, что в скором времени отсюда, т. е. из Одессы Преосвященный Фотий уедет в отпуск), – с тем чтобы вернуться в Москву за родными и багажом дней через 10. Таким образом, я думаю к 15 с. м. обратно выехать в Москву, а к 1 июня вернуться уже вместе с матерью и бабушкой и со всем багажом в Одессу.

Прибыл я сюда на страстной неделе, был радушно встречен Владыкой Фотием и остановился в его церковном доме – бывшее Афонское подворье, – там же мне отведены апартаменты для окончательного житья. Это монастырские келии. Для меня отводится одна и одна (двойная) для бабушки и матери.

Присутствовал на богослужениях страстной седмицы в кафедральном местном Успенском Соборе, куда выезжал вместе с владыкой на его автомобиле. Там же был и на Пасхальной заутрене и литургии.

У Владыки Фотия – прекрасная квартира в несколько комнат. Я могу пользоваться и его бывшим кабинетом и гостиной.

Он прекрасно помнит всех парижан и интересуется парижской церковной жизнью. *C'est un homme qui gagne à être connu!*⁴

Одесса побила рекорд в смысле количества действующих храмов – 22 церкви и это притом прекрасные и большие соборы, несмотря на это народу всюду было много за всеми богослужениями, не говоря уже о литургии пасхальной. В кафедральном соборе, по окончании пасх. заутрени образовалась такая заплата пришедшими святить куличи, богомольцами, расположившимися сплошным кольцом вокруг храма, что Арх. Фотий почти целый час не мог отбыть, т. к. его машина не могла выехать из ограды.

На Пасху был всюду колокольный звон, крестные хода вокруг церквей, с выходом на улицу и т. д.

На первый день у Вл. Фотия состоялся большой прием духовенства и ответственных церковных работников. Было 67 человек.

На обеде присутствовал и Уполномоченный Совета По Делах Церкви при Совете Мин. СССР. Это милейший и культурнейший человек, исполненный благожелательности и чувства активного содействия ко всем церковным начинаниям, трогательно заботящийся о всех церковных нуждах.

Одесса прекрасный город, чем то напоминающий, в миниатюре, Париж и одновременно Côte d'Azur⁵.

Несмотря на причиненные войной значительные разрушения, город быстро восстанавливается и имеет очень оживленный и нарядный вид.

Много зелени. Всюду сады, и скверы с зелеными газонами, цветочными клумбами. Бьют фонтаны. Бульвары обсажены тенистыми каштанами или акациями, которые сейчас все в цвету.

В городе – масса прекрасных и разнообразных магазинов. Публика одета очень хорошо, а одесситки, можно прямо сказать, ничем не уступают парижанкам по элегантности нарядов и манере одеваться.

Имеется прекрасная опера, драматический театр и прочее. Обращает на себя внимание прекрасная архитектура домов.

Средний уровень одесского духовенства, среди которого, к слову сказать имеется много пришлого элемента с севера, очень высок.

Это вполне культурные и разносторонне просвещенные люди.

Семинария процветает и производит особенно благоприятное впечатление в лице своих ректора и инспектора, прекрасных, образованных священников, простых и задушевных в обращении, но с прекрасными манерами, без всякой нездоровой мистики и специфического «поповства».

В Одессе имеется прекрасный женский монастырь, серьезно занимающийся сельским хозяйством и имеющий даже свою мельницу.

На 3-й день Пасхи, мы с Вл. Фотием и Уполномоченным по Делах Церкви, были приглашены на обед к Игуменье. Было отменное меню, прекрасные бессарабские вина и чудная сервировка.

После обеда осматривали монастырскую церковь, где имеются несколько интересных старинных икон.

В Одессе организуется и укомплектовывается сейчас, также и мужской монастырь.

В этом году, как известно, день 1 Мая пал на Великую Субботу. Поэтому, чтобы не помешать верующим принять участие в первомайских демонстрациях литургия Василия Великого была отслужена рано и весь народ, независимо от своей религиозности, мог продемонстрировать свои чувства солидарности всех трудящихся и достойно отметить этот большой гражданский праздник своим коллективным в ней участием.

Мы с Вл. Фотием, из окон его кабинета, долго любовались нескончаемым прохождением как войск Одесского гарнизона, наглядно олицетворявшие нескуршимую мощь нашей Великой родины, так и феерической сменой различных спортивных молодежных и пр. организаций, излучающих свежесть, силу и молодость нашей страны⁶.

1. См.: Дерibasовская – Ришельевская: Одес. альм. – Вып. 17. – Одесса, 2004. – С. 15-25.

2. Успенский, Леонид Александрович (1902-1987) – иконописец, иконовед. С 1920 г. в эмиграции. С середины 1920-х жил в Париже.

3. Лидия Александровна Успенская, жена Л.А. Успенского.

4. Этот человек заслужил быть известным (фр.).

5. Лазурный берег (фр.).

6. На этой фразе черновик письма обрывается.

Т.І. Заярна

«...ХТО ХОЧЕ ЖИТИ, НЕ СМІЄ ЗАЙМАТИСЯ МИСТЕЦТВОМ...»

*...писання книг <...> а, головне, видавання книжок –
це знищення за гроші...
(137 сторінка машинопису роману)*

Борис Нечерда, що знаємо його як талановитого українського поета, мав неабиякий хист прозаїка. Хто зна, може з часом найбільш повно талант Нечерди розкрився б у прозі.

За життя автора вийшли друком: повість «Оksamитовий сезон» у 1985 році на шпальтах газети «Знамя комунізму», окремою книгою роман «Смерть кур'єра» у 1991 та скорочений варіант роману «Квадро» на сторінках журналу «Сучасність». У 2002 році у газеті «Думська площа» завдяки О.Б. Нечерді була надрукована рання повість «Вересень, жовтень, листопад».

Повний архів письменника зберігає його донька – Оріся Борисівна Нечерда, яка публікує матеріали з поетичної спадщини батька і докладає багато зусиль щодо популяризації його творчості.

Та дешиця, яку маємо у музеї, теж повинна побачити світ, тож продовжуємо публікації матеріалів з архіву Бориса Нечерди, що знаходяться у фондах Літературного музею. Задуми і чернетки творів, що залишив по собі Б. Нечерда опинилися в музеї завдяки друзям письменника і мають побачити світ та порадувати шанувальників його творчості.

Серед паперів знаходяться сторінки роману «Священний мрець», твір недопрацьований і невідомий. Тільки за спогадами друга поета О.В. Ляшка дізнаємось, що йому відомі деякі сюжетні лінії роману, зокрема історія братів Кирила та Мефодія, що «проговорювались» між ними не раз. Але датування твору не має, запис у щоденнику 1996 року повідомляє: «..маю в темпі допрацювати стару річ, "Священного мерця"... Можемо тільки здогадуватися, що роман писався декілька років – 1993-1995[?].

Листи роману були ретельно зібрані в окремі теці, багато окремих листів – друкованих чернеток були розпорошені між іншими паперами.

Твір має певні лакуни, так, ми не знаємо, де знаходяться сторінки з 41 по 50, обривається роман сторінкою 214 (за авторським друком).

Роман являє собою ніби окремі історії з життя різних людей, які між собою ніяк не пов'язані, хіба лише розмовами героїв з Нікієм та Фуکیدідом. «Фірмач» Павло Касянович Касян; афганець, а згодом бомж Кирило Рубахо та його брат Мефодій; «класик обласної літератури» Антон Антонович Іллянене і секретар обкому Вілен Максимович Худяков; американський бізнесмен Майкл Касс, в минулому – сержант Радянської армії Михайло Касян.

Письменник вільно переміщує своїх героїв у часі та просторі. Сюжет, як мереживо стикається «вершечками» – іноді якоюсь фразою, іноді далекою асоціацією.

Не вдаємося тут до літературного аналізу – то справа літературознавців.

Борис Нечерда знову творить свій дивосвіт, свою філософію буття, свою неперевершену мову – мову поета в прозовому творі.

Зі сторінок щоденника Нечерди 1996 року ми дізнаємося, як посувалася робота над «Останньою книгою» та романом «Священний мрець», яка то була мука і радість для творця, як впадав він у відчай і острахи, і як знову народжувався для роботи. Останніми роками, коли дошкуляли хвороби, тіло переслідували постійні болі, у побуті – матеріальні негаразди, душа його творила, була наснага, а також уповання на Господа, що встигне, що довершить свою працю.

Б. Нечерда з художником Ю. Коваленком. 1990-ті

3 щоденника

7 квітня, Благовіщення. 1996.

...Однак – понад усе зазначене – тяжко, <...> до фізичної знемоги, спраг до прози; жадаю роману, вкорінення, самоповаги; бачу себе вільно мислячою людиною, творцем, а не з'їденим побутом засланцем.

Хоч би що там було, маю в темпі допрацювати стару річ, «Священного мерця», а за тим, якщо не одночасно, <...> т.з. «бандерівський» роман із мого дитинства в Ожидові – року Божого 1948.

Шибанула охота зробити й ще дещо. Не таке жорстоке, як попередні речі; може, і з розвою сімейної хроніки... чи любові навіть (ого! – на старість...). Бо ж я таки досвідчений, хліба їв не з одної печі. Й допоки слово моє не звалашене, покіль мозок ясний, то мушу змагатися з бездуховністю довкілля, а – головне – з осоружним alter ego.

Тож ущаслив мене, пречиста Діво, вдалими народинами... Бо далі не випадає мені жити пізнейванством. Адже Іван я вчасний.

21 травня.

Поминулими безсонними ночами до болю розмірковував над нашим українським мистецтвом узагалі, літературою – зокрема. Нинішній невтішний стан, однак, не надається до катастрофізму! Так чи інак (як жаль, що вже без мене), справжня література воскресне, щоправда, – смертю смерть поправши...

Заздрю молодим і здоровим, що стануть до літ. праці наступного віку! Хай би вони тільки не забували, на чиїх кістках і нещастях вибрунькується їхня геніальність і свобода.

Гм. Щось на патетику потягнуло? Невчас.

23 травня.

Ніч безнастанна, кінця-краю не видно. Біль не вщухає. Принизливе відчуття безсилля, а надто – що нічого не залежить від твоєї волі, що духом змозі переборювати біль, але нічого пліднішого, гідного сильної людини, що до таких належу, нічого більш творчого, резонансового дух мій створити не годен. Отже, справді старію, справді починає трухлявіти залізний мій стрижень? Ні, ми ще позмагаємося, брате-акробате! В цьому сенсі я незнищений.

28 травня.

Ся ніч нескінченна. Сну й на дрібку... То, власне, не біль в місцях переломів, а якесь істеричне сіпання, дроз, судороги, якісь колючі спалахи нервових ниток у п'яті й пальцях, по хвилині затишшя, все повторюється – на нижчому чи вищому порозі болючого свавілля...

Пишу про це так докладно на незабудь: може, знадобиться для вже тепер осінньої прози, осінньої, бо до того часу навряд чи здобудуся на письмо.

Прикрі перспективи, час минає без вороття, час моїх, так зухвало плеканих надій: планів, якими намірився позмагатись із високосним роком. (А він же, клятий, іще до середини своєї не добіг...)

Якого дідька врілось мені в голову кидати виклик власній долі? Де хвальна моя виваженість? А – обережність?

Гай-гай...

Видно, на роду мені таке написано: боротися, передувати (у тому числі й себе), страждати – аби перемогти. Я неодмінно мушу перемогти. І переможу. Хоча не виключено, що саму перемогу, плоди безнастанних змагань... я не побачу на власні очі, ба не буду живий; така придебенція цілком імовірна, ба – закономірна для такого, як я, вічно невезучого.

А проте не нарікаю на такий поворот-обертас долі, бо чільне місце посідає й чогось вартує самий процес: пере – дувати, пере – магати. Оце «пере» найсвятіше в людині, то єсть його внутрішній храм.

(Не дуже це по-християнські – отак розмірковувати, – зятятість не прикрашає; але то чиста, сповідально-щира правда, і я не бачу причин, аби утаювати її, ну – принаймі від свого нотатника. Адже цим самим я не хочу удоступнити невтаємниченим ослам природу моїх перемін, далєбі!)

21 червня.

...Я тут ось дурня клею, вдаю страждальця й базграю всілякий непотреб, ах, мовляв, нога! ох серце!

Дурощі все. Дурниці і дрібниці. Бо ж я здавен невезучий чоловік, можна сказати – ходяча кунст-камера потворних невдач, нещасливих випадків і поразок; а тому нема чого скиглити, поза як було, є і буде надалі зі мною подібне неподобство.

Варто жалкувати за тим, чого може не бути, не статися. Передовсім це – не встигнути... Не виконати бодай мінімум того, що поклав собі написати. Бодай би сталанило зробити один мій – вистражданий, головний роман і, коли на те ласка Божа, золоту книжечку лірики.

На більше не зазіхаю.

[Адже тепер і козлу ясно, що ніколи вже не досягну, не матиму з наведених вище причин ані гідного людині житла власного, ані сприятливих умов, і закінчу життя – поневіряючись. (Дякував би долі, в разі не згину десь попідтинню...) Все ж не ремствую. І не заздрю щасливчиком.]

З романом, як на погляд, усе значною мірою ясно, лишається мати змогу працювати; складніше з віршами: доста сумнівів і вагань. Проте й це здоланне. Мені б тільки-но почати! Тільки б набрати розгону... Я ж знаю мою вдачу: перша сторінка прози, перша строфа – а далі піде, піде, і спинити мене зможе лише смерть.

Усвідомлюю: те, що я створю, з перебігом часу стане в пригоді Україні, і порозумнішалий народ не соромитиметься свого непуцящего сина. І, може, простить...

1 серпня.

Я завжди маю пам'ятати, що моє життя будь-якої хвилини може урватися. Звідси – необхідність вірно мислити. Ніскільки не обтяжуючись щодо мійого письменницького потенціалу й, узагалі, здібностей, усе ж не хотілось би, щоби друкований творчий доробок закінчувався «Вибраним» і журнальним

варіантом «Квадро». Благаю Бога, аби смерть зненацька не заскочила мене за становища «голого короля». Цього задосить. Лише устигнути б написати та неодмінно видрукувати тамту прозу й вірш, що вони викричуються з мене назовні. Бог милосердний; хай буде так, яка його воля.

4 жовтня 96.

Пишу як японський трудоголік. Якби ж серце з тиском не заважали, то добу-другу не спав би, щоб устигнути записати мої нівроку.

Шкода, що нинішнє запійне дроблення віршиків почалося запізно – рівно через тиждень пристаю до служби. Проте гріх нарікати, маю при змозі свічку поставити перед Матір Божу. (До речі жажливий віршизник про Оранту мені вдався неабияк, власне, самі заключні чотири рядки. Хвали себе, ловко.)

Нині тиск особливо несприятливий, одначе за всяку ціну-змогу просиджу бодай до четвертої ранку. Принаймні закінчу один-другий майже готовий верлібр. (Із верлібрами трудно якось спеціально, бо дурість одразу видною є, тут побрязканем рим не відбудешся, ні...)

12 жовтня 96.

Урвав на порожньому слові мої писання, бо невідьчого морозцем по шкірі. Журно до сліз. Бо то ніч така. Щойно журавлі курликали в бік моря, душу мені врвучі. Крім «очей очарування», даватиметься осінь мені всіляким дошколом.

Не хочу про се.

Та й пишеться (з учора принаймні) навдивовижу тужливо й уводнораз до моторошності просто:

– Звари мені зілля, сестро.

– До чого б удатися знову?

– А шкуру, брате, на серце нашити шкуру волову.

Що воно витвориться з того письма – хіба що Господь знає. Бо я – ніц не відаю. Наосліп усе. Адже, як діагностує Ніла у вірші «конаеш від без-любові й сконати ніяк не вмієш».

26 жовтня, субота.

Доволі багацько написав уже, а що діється це переважно ночами, то й не дивно, що в результаті надірвав серце.

Мабуть, кілька діб байдикуватиму, обмежуючись (може) виправленням, абощо, зробленого.

А загалом ведеться мені байдуженько. Голова навдивовижу свіжа, працює з упереджувальною точністю. От хіба що душа моя, й без того зболена, не зовсім щоб на місці. Але тут заради нічим.

29 листопада.

Отож, тиждень минув, а я нічого путнього не зробив. Особливо жаль мені, що втратив охоту до «роблення» книжки віршів. Але мною керує Бог, отже, так і треба, щоби книжка не робилася. Амінь.

10 грудня.

Працюю як чорт. У понеділок і нині на службі не потикавсь. День і ніч за письмом.

Гарно.

Борис Нечерда

СВЯЩЕННИЙ МРЕЦЬ

Роман

...Упав я в таку незглибиму, небесну безодню, що позад неї мав або рай бути, або ж пекло, а проте дуже скоро я засмутився, що там не виявилось нічого, сподіваного перше; немає за тою прірвою нічого і нікого, окрім мене самого, але такого м е н е, про існування котрого в мені я б міг щасливо здогадатись, якби свого часу не полінувався був скласти дійсну ціну рідкісним, чудним сновидінням, що вони усякраз поставали на троїстому стику покордоння між хворобою, яснобаченням та пробним умиранням. А втім, заувагу щодо вмирання, через її приблизність, належало б узяти в дужки і ставитися до неї відповідно, власне, так само, як і до наведеного нижче протоколу, рясного на крутійські свідчення, таємничі недововленості та нікому не потрібні подробиці. Зрештою, цього достатньо для вгадування правди навромацки.

ЯННУС

Давно я не був у Сіракузах, серцем лину в Сіракузи, там брами без варти, а мури повалено, жінки зате ревні чистьохи, й дарма що слабкі на уяву, в зляганні немає їм рівних, та й виногради лілові в Сіракузах є цупкі та м'ясаті, якраз на під'юдне вино для перелюбства, оскільки та поки сіракузькі греки саме топлять афінських греків в річці Асінара. – Оцей недоладний с у ц і л ь н я к було на гвалт викричано голосом блатаря, чия сум'ятенна душа розривається на дві поміж страхом і бравадою, щойно горопаху пов'язали й ось – ведуть. Через той крик урвалися хрופаки сплячого люду, втихла борсанина, заціпило стогонам, мимранню з присьорбом – і в ледь опритомнілих головах вичленені з почутого Сіракузи дивним чином обертались на сірі гуси, сиру кусні, сиру кузню, сорок усно й таке інше несусвіття, і так далі, без кінця-краю, аж до сороміцької абракадабри на зразок «сажотрусе скоро вкусиш сало з гузна заратустри». То була правдиво навала близькопохідних за фонетикою пар, із якої при нагоді можна б укласти милий словничок рим до гніздового слова Сіракузи. Та оскільки непrouchмана публіка і за ліпших часів-обставин, навіть на свята з маршовими псалмами, чула непереборну відразу до усякої заримованої всячини, то по декотрих, уластиво-вразливіших, свідомостях мишею зачала шарудіти цілком осмислена гадка, що від сеї, гм, сіракузятини вартувало б уже котримсь робом і вирятуватись... Поки чоловіцтво кмітувало, чим би його та як надійніш уласкавити крикуна, той залентував був однова, правда, не так скорострільно, як перше, зате з висвистом і дуже негарним риканням: «Ассінаро, ррррчко звитяги Гіліппа! Ти ж, невдатнику Нікій, підссскиталою плач і ррридай! – То було крещендове з-над волань. Дурно це не могло минуться. Аж ніяк не могло! ...І ось понад випари сморідних тіл явою зринула, явою ковзнула й косо, мовби пасемко диму з-над кадильніці, пішла,

попішла вгору волальнича луна; несильним штурханцем вона сколихнула під склепінням єдиний світильник на виткому шнурі, і кому дано було вчути, той почув, як, на віддачу, задзуміла за потривоженим склом кучерява розпечена волосиць. Згук вольфрамowego жариння навіював тоскноту на змалілі чоловіцькі серця; імовірно, так гучить музика небесних сфер. За явою № 1, логічно, мала б настати ява № 2. А проте й по ціліській хвилині, котра на взір шовкопрядя обсновувала коконову тишу, по сій нескінченній, звольте зарубати собі на носі, хвилині на тутешній гармидер ніхто не нагрюнув іззовні – бодай такісякі в'язальники! – тож удоволений оприлюднювач історії Пелопоннеської війни від власне речитативів перейшов до живого вокалу, гарненько перед тим освіживши горло зіпним прокашлюванням і неждано чистими до-мі-соль'ями... До! мі! соль!.. І в зворотньому порядку, басовитіше: со-о-оуль! м-мі-и! до-о-ов!.. Клас! Браво-бравісімо! Ото втинає, ге? Біс, біс! ...Утім, до цього цілком професійного арпеджіо не завадило б долучити іще щось – так собі, дещицю, мазок пензля, знаєсте... дрібничку б!.. але долука щоб усенеодмінно була вартіснішою за побутовий каприз артиста. Коротко казати, оперній розминці бракувало супроводу, котрогось підголоска, щебетушечок окарини – такої собі глиняної, синюватого сіцилійського випалу, прародички флейти... Авжеж, окарини б, окарини! Окарини – доважком до тенора не сподіваного в оцій клоаці божественного Лучано Паваротті! О-ка-ри-ни! о-ка-ри-ни, о-ка-ри-ни!.. І вона не забарилась, окарини. Завила, заверещала, засюркотіла, збилася на фальцету; по тому комариноу дзизю запорпалася в барабанних перетинках, які поробилися збіса чутливими й до слабкішого подразнення (Ха, так наче не їх подосі, не їх плюндровано було децибелами воланця!), і через тее комаство пахкі чоловіцькі тіла знагла вчули на собі ярі укуси, жалеч і свербіж, і руки самі негайно запопались чухмарити, дерти, троюдити шкіру на лопатках, на черевах, під статевим волоссям і впоперек блідой злидоти сідниць. Ті солідарні чухи гучали – мов тріск труску під лосем... Одначе правда й інше: з-межи чоловіків кількоро найшлося таких, що не купились на провокацію слухового дуру, позаяк одним прислужився досвід завсідників цього храму Діоніса та, почасти, Геракла, другі ж, як і присмерковий Касіян в тому мізернішому числі, за будь-якого стану душі переважно здатні були відрізнути шляхетну флейту від калатання плохенького дзвінка (а саме він десь-подесь і вдарив був оддалеки на сполох), тож ті й ті розумаки зачайлись і стали дожидати, чим та як окотиться роздосадувана дзвінка вартівника. Співун же, тим часом, знахабнів і геть пустився берега: синюшними, як забитий ніготь, п'ятами вибивав дріботушечки на липкій цераті тапчана, на взір крилець стіпував зігнутими в лікті руками, кукурикав, і впродовж усього бридкого півнярства навіч імпровізував навіженські приспівки. «Гоп, мої гречаники, гуп, мої греки! Наливайте пива-меду та повніші глеки! Пусту мене, стара бабо, в город Сіракузи. Хай од пуза я... Тьху! Причім тут пузо? А нумо, втнемо йнак... Пусту мене, стара шкапо, за поріг із хати, дозвољ мені перед смертю запарубкувати!.. Гопки, рачки поскачу я в город Сіракузу! Там я... трумба-тумба-бумба... хай усолоджуюсь! – Докладніше розвестись на тему солодкування в Сіракузах нашому натхненцеві, шкода, завадили невиховані

молоді здоровані в розстебнутих для хазяйнування мундирах, ad notem. А проте, поки вони тичбою надбігли сюди вузьким (пам'ятається) коридором і заки поввалювались досередини, забарно своїми м'ясами стикаючись ув окутих залізом дверищах, Касіян крізь прижмур очей, що вони несподівано зробились пожадливими, устигнув-таки докладно роздивитись порушника спокою: гарного мужського зросту, з огірочком черевця над spodнями, грудей стало б на цілий бас, вуса, як то узвичаєно було в Спарті, вуса він голив, зате мав поважну бороду та багацько волосся на загривку... Касіян іще відтоді, коли вволяв був оцю свою стидку допитливість, поклав собі відчужитися від навколишньої веремії; й ось він скрадки глибоко вдихнув, так наче запасався повітрям назавжди, і міцно, до капустиного хрумкоту, стулив повіки: мовляв, та ви тут – що заманеться! хоч гопки в Сіракузи! це мене не обходить! я сам по собі! Однак і сей капустяний викрут, і вкривання рядном з головою Касіян учинив, скоріш, задля того лишень, аби в розповні деталей не бачити подальшої екзакуції, що напевно мала настати: вгодованці відразу, ще при вході, почали жонглювати кийками незгірш професійних ніндзя... а один з правничих порядку вніс, рушничком перекинуту через лікоть, похватну мотузку з ремінним зашморгом о кінці. ...Касіянові запобіжні заходи, проте, не зараджували, бо звуки все одно добувалися під скислу, мов кінська попона, накривку. Наглядачі ж – явно були розчаровані. «А-а, це знов ти, Фукідід! Ой гляди, напротишся». А фанаберник у крик, заправдався з ними, закомизився, завередував, мовляв, він знемагає від спраги, згаги, печії, кольок, сечі, здуху... Перелік ураз урвали: «Ну, раз таке діло, – сказали йому знудьговано, – то ходи в'язатися, Фукідіде». На гучні протести не зважили. Чулася коротка шамотня. По тому незлобивий коментар, і бесіда: «А дай-но сюди твої граблі, Фукідід, ось так, за спину їх... ну от, от і зв'язані руки. Не муляє? Тож і славненько. А зараз ми до зап'ясть і ноги тобі приторочимо, р-раз – два... Гей, ти якого чорта бульки пускаєш? Фукідід! Е, е?» – «Не бери в голову, Льонь, то він симулює». – «Він у мене досимулюється!» – «А ловкенького кренделяку ми зліпили, хлопці! То що, волоком попремо звідси це лайно?» – «Тю!» – «Чого розтюкавсь?» – «Дурне сало без хліба! Кажу, мали б Фукідіда копняками відси погнати, а вже на місці й той... Тю!» – «А де ти раніше був, умник? Не розв'язувати ж узли!» – «Та не гавкайтесь, ви! Зла на вас не вистачає... То беріться, так вас і перетак!» Невгавний крик, яким зайшовсь по долівці волочений за вивернуті руки-ноги Фукідід, на свій лад знервував чоловіцтво, бо стишене ремствування перебігло над тапчанами – так наче пломінець по тереблу: спалахнуло, майнуло на шпінях і... вичахло, навіть приска сивого по ньому не позосталось; один морок натомість, і холодінь... і лише з сусідового тапчана випнула гаряча рука й геть отак, начебто розбудити, підпірнула під накриття – до Касіяна. «Чуй-но, чуй... а що зараз мордovorоти учинять з нашим Фукідідом! – жевоніло услід за душною рукою. – Ох і буде йому випивон з вибивоном!» – «За що?» – Касіян озвався задля того лишень, аби його не мали за дурня: він не спить; і витрутив чужу руку. «Таж за порушення правил співжиття всякому грозить якась одна, певна кара! Пиття сечі, наприклад». – «Пиття?» – «Ну! Хіба й цього не знаєш, бідачко? А в разі порушник Фукідід, о-о, ці песиголовці вже

раді стараться! Увесь набір йому видадуть, сповна! "Козла" йому, бач, уже заправили, костюмахи з суглобів повивертали, а тепер у льодовні... ох і назбиткуються ж!» – «А що за льодовня така?» Але тут над балакунами нависнув окрик наглядача: «Рило в нару! І нічирк мені. Усім спати!» – і двері, змайстровані на віки вічні, торохкнули спотойбіч їхнім фортечним засувом, додатково гасячи мореною деревиною лемент нещасного, що даленів і даленів, і дальша... Отож, і по всьому? Душно. Касіян на змиг ока вихопився з-під рядна – так тікають з води раколови-початківці: обібрати клішневу гидь з пальців, – одначе, роззирнувшись наокіл, затримався на воздухах довше, аніж намірявся був попервах. І сміх і гріх! Начеб і не було щойно ні карального набігу, ні мордування, ані пісні пісень Фукідідових. Люднота знову заспала, покотом хропла, вві сні випручувалась від узвичаєних кошмарів, гучно полегшувала шлунки від спертя духу, вміло (сиріч на вильоті) перехоплювала блювоту... а навпроти Касіяна, сторч настановивши колінкову кость, зорив нетямними вічми вуграстий, анемічний і, як поглянути, абсолютно безпечний суб'єкт... отже, зорив він у безвість, а руками вичворяв щось такенне, котрому Касіян і наймення путнього не взявся б однайти. Розчепірені, й видко, що звільгли, долоні виписували плавне двокілля – на взір цифри 8 на боці чи, радніш, математичного знака нескінченності ∞ – мало не перед самим його, Касіяна, лицем, від чого по шкірі ходив вітерець, аж її пришило. «Ти що, – напивтався присмерковий Касіян, – уже білих чортиків розганяєш?» – «Тихше, не перебаньчай, Касіяне, зараз тобі файно учиниться, Касіяне». – «А хіба ми знайомі?» – «Не суть важно, ти мені в око впав, Касіяне, обличчя маєш іще достатньо людське, і страждаєш, бачу, що вскочив у халепу. Та не переживай ти так, Касіяне, я тобі поможу, не опирайся лишень... Невдовзі і полегшає тобі, Касіяне, розвидниться... і прозриш у глиб глибку, і вздриш, і втямиш ясно-преясно дещось таке чудовне, що його лише я видіти сподоблявся, я... та ще Фукідід... Відслоню тобі, Касіяне, відслоняю... о... вже відслонив тобі сповна, і не маєш запон, течі як ріка вільна... о... і полегшало тобі, виджу те, виджу!» – «Ну-ну...» – муркнув Касіян і відліг собі горілиць; і під сусідвою колісанку втупивсь очима в світильник на виткому шнурі. Скло було засиджене мухами, тому світло було рябеньке, як фальшиве зозуляче яйо, підкладене в тутешній содом на всяк випадок, або ж задля глузу. В усякому разі, мислив Касіян, вилупня з цього яечка не діждеш! «Попереджаю, Касіяне, – монотонно правив сусіда, – не вжахнися, благаю, з мерехту та швидкозміни картин перед очима твоїми... не вжахнися і невраженим будеш на бистрині путі твоєї, бо мудра се річ – уцілити в стрілу на польоті! Агні йога, кінець цитати... То зберися на хоробрості твоїй, Касіяне, і рушай собі навпрост». ...Зозуляче яйо, жовтяк, а нема, нема того, щоб узяти до рук ганчірку та з'яснити скло! дохазяйнувались, аякже (лінькувато обурювався далі Касіян): удираються до сплячих людей, чинять наругу, сваволять... Невдовзі від отупілого, нетямного споглядання закаляної лампи хмаркою Касіяну найшов на очі серпанок, легкий, тканий заполоччю, і що дивно: не з окремих ниточок, а заполоччю кілець і цят, – і Касіян, аби не порушити тло серпанка, щадячи та зобережна стіпував був головою, заодно щоб і їй також трохи розвидніло. «Не вдалось? – угадав сусіда.

– Не панікуй, Касіяне, то не єсть сліпота, то геть інше...» Що далі, то серпанкове ткання ставало сліпучішим та зимнішим, і того холоду не годні були передужати строкаті, далєбі святкові барви заполючі. Це видиво занепокоїло Касіяна. Він заплющив очі. Проте серпанок не зник, натомість обернувся на якусь чудернацьку лінзу, чи що, котра не мали ваги... і була непрозора на просвіт... А по тому дивна лінза зрідиніла, і з високості зору напливла Касіяну впритул до лоба, зблизька студячи шкіру. Касіян обурено хтів щось гукнути, напевно заперечити, а проте губи не слухались, як наче теж обмерзли; тим-то Касіян хапкома зажмякав їх пальцями. «Можеш іще, як на морозі, до болю потерти вуші», – долинуло дійсно відпоруч, а так – наче з безміру.

Нікій! Нікію, слушне ти промовляв на народних зборах, мудро чинив, відраюючи від походу на Сіракузи! Ми ж тебе заледве не силоміць усадили були в трієру, маючи тебе за достеменного боягуза, тоді як ти – віщий стратег насправді!

Жалісно кричучи се, афінські піші воїни по пахви, а комонні – до щиколоток уже, відступили в річку бистру, Асінара їй назва, і спека стояла мов соляний стовп, од самого вигляду котрого потроювалась згага, дарма що точилось аж двадцять шосте число місяця карнея, по-нашому вересня. Далі відсахатись афінцям – хіба що уплав. Але коні, схарапуджені, знетямлені не стільки від уласних ран, скільки від крижаного, лячного спітніння литок і стегон вершників – коні, любі коні поскидали їх з себе, декотрих і притоплючи, а самі, по-собачому оголивши горішні ясна, блищучи зубами, ринули на тойбереж, і в кипені води позад них епічно слалися хвости неслави. Й оте коняче ганєбство було для афінцян чи не приостанньою кєпською призвісткою.

Нікію! Нікію, було б нам прихилити серце до пересторог твоїх й умовлянь слізних, але де там! де там... Юнаки в палестрах і літні розважливі люди, нуртуючи хто в майстернях, а хто і за доброю чашею нерозпущеного вина, честолюбно марили війною – креслили на піску карту Сіцилії й далі, далі, далі... до пожаданих африканських берегів – од Карфагена й аж до самих Гераклових стовпів, – так-бо виділась усім перемога. Горе нам, горе зазіхам! Маємо те, що маєм. І все ж бо, все-таки... змисли що-небудь, о Нікію! Зметикуй, вигадай, Нікію, сотвори чудо, ти сотвори, ти! позаяк боги від нас відцурались! а найперший з-межи них Гермес... бо напередодні нашого відплиття в Сіракузи хтось за одну ніч спотворив був знаки пошанування Гермеса – усі герми на вулицях! Горе нам, горе нерозважливим адже то не єдина була, не головніша з несприятливих призвісток!.. А не вжахнуло нас! не утримало від походу й тамте лиховісне, що сталось на вівтарі дванадцяти наших богів: якийсь незнайомиць вискочив був на вівтар, розкаракувато там розсівся й оскопив себе каменем... Жалісні афінські жінки похилили голову, щоб не бачити тої коштовної втрати, тоді як ми, вином заллявши балухи, з реготом хапали в жменю власне мужеське достоїнство і підтрясали ним, хизуючись! Однак ані те оскоплення, ані герми сплюндровані, ба навіть не ворожбити, що, повороживши над нутрощами жертовних тварин і узливання належне вчинивши, провістили нам жакливу невдачу, – ні, ні! не все-то те, перелічене, зокрема чи разом узяте, не все те мусило унеможливити

похід, а лише ти, Нікію, саме й тільки ти міг... та що там «міг»?.. ти просто зобов'язаний був остудити запал нерозумного народу свого! А проте – не допереконав, не занাপоліг, не домігся скасування ухвали народних зборів про похід на Сіракузи тож будь ти проклятий за це, лайдаче, лантуше зі сріблом! будь проклятий до сьомого коліна, нерішучий ти Нікію!

Тим часом одних афінян уже поспихано було в течію, інші з власної волі кидались у воду, бо ж, опріч решти, змучені були і карнейською спраготою. Тут і почалась кривава різанина... І стояв непохитнець, усе не падав і не падав сяючий соляний стовп, і вбивали афінян тоді, коли через присмертну тоскноту студеніли в них наїздницькі стегна, і тоді, коли з дірявих пригорщей хлебтали воду – і для багатьох ковток її ставав останнім у житті, як буває завершним цілунок чаші з цикутою.

Що ти чиниш, о Нікію, колінкуєш перед мерзеним спартанцем Гіліппом, що очолив сіцілійський набір?! Слізно благаеть, аби нам було дозволено безперешкодно виїхати з Сіцилії, залишивши заложників для відшкодування сіракузянам збитків, яких вони зазнали через війну?! Де твоя гордість, о Нікію?! ...О, великі боги. Видно, єсть дещо гірше й ганебніше, ніж як кинути щит... Гей, а де твій щит, безхребетнику Нікій?

Он. Он... Гіліпп!.. уласноруч підводить з колін переможеного ворога... Гіліппа зворушують і достойна мова і скруха, та й самий вигляд нужденного, хворого стратега Нікія, тож велить негайно припинити кровопролиття. Та позаяк наказ доходив до злютілих сіракузян поволі, то тих, що залишились у живих, було набагато менше, аніж убитих. Полонених же сіракузяни зігнали в одне зручне місце, де не було джерела для спраглих, зате повно мух для ран; усю зброю, зняту з афінян, на глум почіпляли уздовж річки Асінара на найгарніших деревах, а самі з вінками на головах, чепурно прикрасивши своїх коней, а у ворожих остригши гриви, – самі вони вернулися до міста... і путь їхня пролагала повз храм Геракла з двома крилатими левами при вході.

То де ж, винуватець Нікію, де твій щит, майстерно оздоблений золотом і пурпуром?! А чи не його в Сіракузах, чи не твого щита показуватимуть та й показуватимуть ув одному з храмів, навчаючи малолітніх сіракузьких гречат, як не треба...

Що мало б означати невиразне «як не треба», на жаль, з'ясувати не довелося, бо сталось непередбачене дещо, ну, так наче спотворення звуку... (Тут, урешті, наспів слухний момент, коли задля повної ясності належить зазначити, що Касіян по-давньогрецьки ані слова не тямив, а зміст усього того, про що лементували здухопелені на прах афіняни, він угадував за непрямими ознаками. Інтуїтивно... Та в цьому не варто шукати будь-чого дивного: звичка; саме в такий, нутрянний, спосіб, і то не занадто напружуючись, Касіян спохвату осягнув був як латинське consensus, так і російське слово подвижка... Втім, це так собі – принагідне уточнення.)

Тим часом сіракузяни, загордившись своїми успіхами та викинувши за міську браму тіло Нікія й ще двох принижених афінських стратегів, що наклали на себе руки, а до речі, трупи лежали за ворітьми довго, до посиніння, вдовольняючи цікавість роззяв... Тьху ти, яке нехлюйське, яке неохайне

за будовою речення, це геть не схоже на П л у т а р х а, – зауважив був у цьому сумному місці Касіян і дорікнув: – О х, т е п е р і п е р е к л а д а ч і: не с т и л і с т и, а п а р т а ч и !.. Так от: спихатілі, продовжімо, сіракузяни засипали грубою лайкою свого союзника і ще вчорашнього вождя Гіліппа, тільки-но той наважився був бовкнути котрись пораду, може й слушну, а на зауваження такого собі Гермократа, що розумно скористатися перемогою річ важливіша від самої перемоги, браві сіракузяни зчинили таку неймовірну бучу, що...

Ні! з мене досить цього театру абсурду, вирішив Касіян і перекинувся на тапчані надолілиць, і потужними надбровами сильно був зажурився на двох мультяшних м'язах, що їх так наче нарвало на згині ліктя; а проте смутився недовго, бо згадав надійний спосіб – як знешкодити будь-яке потьмарення серця чи мозку: Москва (почати) або Моску... чи Москау... ну й так далі, згідно припису. Касіян уже намірився був удатись до випробуваного засобу, аж коли це сусідова костюмашна долонька метеликово торкнулась йому потилиці... пестливо війнулася на карк. Касіян зіжмакав той шовк і в повній, як уважав, відповідності до ситуації та з огляду на сумнівне товариство, запитав навпростець і зумисно неграмотно: «Ти підарас?» ...Сусіда посвітивсь янгольською посмішкою і терпляче відказав, що ні, він не є «підарас», а є він учнем Фукідідовим... і то вірним учнем! оскільки животіє тутай, добровільно поневіряється, і готовий іще й іще постраждати: за таким учителем – а хоч би й на хрест. «На хрест? Сказатись мало!» «...Ну, це – кажучи фігурально», – заспокоїв сусіда. Бо реальної загрози для них з Фукідідом в природі не існує. Позаяк учитель владає потужним біополем, яснобаченням, а також телекінезом. Зрештою, вчителя обороняють езотеричні знання, чи чув про такі добродій Касіян? А Касіян, що зашпортнувся був іще на телекінезі, не здужував скласти ради, почутому. «То ви що, – кисло припустив, – ви з отого жереб'ячого племені екстрасенсів?» – «Ну, вільно тобі тлумачити як заманеться, Касіяне, можеш уважати, що ми й екстрасенси... також», – якомога увічливо відказав сусіда. Та невдовзі, передужавши легке запаморочення від припадку скромності, по-бухгалтерськи сухо приплюсував, що вони з Фукідідом на цілий порядок вищі від просто «сенсів»: їхня-бо можуть не знає перепон, обмежень тощо, оскільки вони з учителем не лише самі розкошують, а й обраних достойників інколи ошасливлють мандрівками в просторі й часі... в чому, до речі, добродій Касіян щойно мав нагоду переконатись особисто! «Не пригадую...» – буркнув собі в твердий лікоть Касіян. «А Сіракузи?» – «Які там ще Сіракузи?» – «Ті самі! – прищучив сусіда. – З Нікієм і таке інше». Он воно що! – давнім серпанковим холодком війнуло на Касіяна: значить, щось та було... А сусіда й далі місив свою глину, і цмоки за кожним словом ставали дедалі ласішими. «Вмовкни, – запирався Касіян, – від твоїх теревенів з душі верне... не треба й два пальці в рота стромляти». І буцнув схрещені руки, дійсно починаючи непокоїтись. «А в Сіракузах о цій порі теплінь, оливи доцвітають, – мрійливо мовив сусіда, – кіз стрижуть, сир правлять, а неподалік Асінара плюскоче... благодать!» – Це ж треба таке безголів'я тупити, га? Ні, що він собі дозволяє, блазень клепакий! Які кози,

що за сир, а Сіракузи з якого дива? От ще цяця – Сіракузи! Х-хе... Касіян зціпив зуби, подумки завмовляв себе: то маячня, тамті Сіракузи... маячня то, маячня! сон рябої кобили! ...Полегшало. Тож саме на часі поміркувати, як звідси вибратись. Якомога скоріш, і – щоб малою кров'ю!.. Передовсім, одначе, належить точно з'ясувати, чому він опинився в оцій смирідні?

– А ще в Сіракузах є леви, – масляним голосом повів сусіда.

– Немає ніяких Сіракуз!

– Як то нема? Є, – долив своєї олійки сусіда. – І леви є. Аякже!

Касіян тихенько застогнав.

– Ті леви, правда твоя, не геть щоб леви: крилаті, так... так е! Голова справді лєвова, а тулуб бичачий. От! – Сусіда умощувавсь якнайзручніше, виразно стукотячи об тапчан усіма суглобами і хребцем. – Але ж і запеклі скульптуряки, ге? Втім, як на мій смак, лєвам бракує суто грецької ментальності. (Пауза). Ні, безперечно, долото сіракузянина не торкалось тих криланів! Почерк не той..

– Стриваймо, Касіяне! А клятї леви... чи не з бітуму вони, часом?! А таки що з бітуму! В очах – по зеленому каменю, так? Авжеж, по смарагду вставлено! (Пауза). А в пашеках лєвових – червоно... Цікаво, що за барвник такий нєлїнючий? Як собі знаєш, а не грецької роботи леви, та й край; їх виготовлено дєсь інде. То, скоріше, перський трофей. А що? Може быть, може быть!

– Одного лиш, овва, не второпая, Касіяне: з якої речі сіракузяни встановили чужинських лєвів на почесному місці при своєму храмі?

Зненацька голос йому спантеличило до краю. Так би чулася людина, що знагла, без усякої причини заслабувала на зір.

– Тю! плутаю... ти диви, геть переплутав! От тобі й маєш... А все чому? Давненько я не навідувався в Сіракузи, ось чому! (Пауза).

То часу обмаль, а то й інша котрась притичина завадить... Та й інтереси ж усякраз міняються, ге, Касіяне? Хоча це, згоден, теж не виправдання... Сіракузи-бо варті незрадливої любові! Ні, їй-право, найближчим часом гайну в Сіракузи... А чуй-но, – допрошувався спілкування. – Чуєш?

Анітелень на те Касіян.

– А недружньо чиниш, негречно. Поміг би, чи що?.. Ну гаразд, гаразд! Спробую впоратися самотужки. (Чутно було, як сусіда рипко по цераті тапчана креслить пальцем). Значить, як ото ви-и-йти за міську браму... та на шлях, на шля-а-ах... то відразу ліворуч буде плеканий гайок... А так, так є: маслиновий гай! А далі, справоруч... очевидно, тєсальня каменю? Цілі блоки там... готові лежать. Атож, напевно склад будматеріалів! ...А звідтам отак у ви-и-идолинок... у видолинок... у тому видолинку, гм, що там? Але ж і пам'ять яка дирява!.. Ага, там нивки якісь! Мабуть, городина... ну, не суть важно, з видолинка отак нагору, наго-о-ору... А будь воно неладне, Касіян! Чуєш, хіба на пагорбі –відразу ж і храм Геракла?! ...А таке, що відразу. Все вірно! Дякувати долі, тут я не заблукав: храм на самому пагорбі! (Тривожна пауза). А от леви! Кхи-кхи... Чуй-но, леви при вході до храму по різні боки стоять? Чи парюю – з однобіч?

– Це ти мене питаєш? – озвавсь-таки Касіян.

– А то ж кого! – нетерпеливився сусіда.

Гандж один водився за Касяном: змалечку незлюбив та так і не навчився до ладу матюкатись. А зараз би – як знахідка!

– То як розташовані леви, питаю?

Касяян зітхнув не криючись. Серце йому млоїло, сколочене. Це так. Ну й лють брала, що також спостерігалось. А все ж бо найвідчутніше, гостро, так наче до половини вже вийнята і через поспіх вломлена в тілі скіпка, Касяяна доймало котресь нетерпляче вдоволення – вдоволення настільки причаєно-жадане, що воно межувало б із солодкавою зловтіхою, якби Касяян узагалі умів до пуття зловтішатись. І хоч подосі, до нинішнього содому, жодного разу він не зрадів був, що в сусіда хата горить, одначе допіру мав неабияку насолоду з того, що сусіда по нарах, оцей п'яничка, блазень, оцей зарозумілий мандрівничок, оцей горе-Шліман (Генріх?) та Еріх Церен в одній особі... припустився кричущої археологічної похибки! На елементарщині спікся!.. Бо ж яке то неучтво – обичайне нагромадження старого каменю сприйняти за культурну тесальню, а хаос руїни – за склад (смішно повторити) будівельних матеріалів! «Готові блоки»? Якби ж то! І чому «блоки», а не, приміром, опорядковані коринфські колони? – О невіглас! о сліпець! ох, пусти дуньку в Європу. І ще! – там – не маслиновий гай! і не відразу за брамою Сіракуз! і не зліворуч, не злі-во-руч, а...

Касяян весело розтулив був рота, аби вивести халтурника на чисту воду, але зіткнувся з так само веселим – піддрочливим – поглядом... І таке спало Касяяну на думку, що навзнік одсахнувся він на тапчан, згорнувся калачиком, укривб'я з головою. Приїхали!.. Баста. Варт ув'язатися в уточнення, дозволити втягнути себе в подальшу балачку про Сіракузи тощо, як неодмінно ум за розум по-справжньому зайде. Тоді все, гаплик! ...що то значить – налигавсь учора, як свиня мулу. Сид який, соромота!

– Касяєне! Я згадав, о, леви стоять опліч – крило до крила! Бо ж вони усього-на-всього трофей, військова здобич, а не ментальна святиня для сіракузян! Логічно? Безумовно! В іншому-бо разі левів розташували б при вході до храму Геракла зобабіч – як почесну варту! Маєш заперечення, Касяєне? (Пауза). Ну, не знаю, не знаю... Тодішні греки, правда, були толерантні люди, щедрі на пошанування й чужинського: в самих Афінах, до речі, дбайливо доглядався й ніколи не був упорожні, без приношень, такий собі гарний жертівник із написом «Невідомому богу». Чував про це?

– А чорта тобі лисого! – І запакував уші Касяян, до паровозного чакання запакував.

Зволікати стало небезпечно. І здоровий, загалом незабобонний чоловік удався до найвняцького засобу від насланя (в даному разі від зуроку).

Москва – столиця нашої Батьківщини, подумки знахарував Касяян.

Яблуко – це фрукт! улучив з першої спроби і тишився з того.

Корова – то така тварина, роги в якій ростуть угору, а хвіст донизу. (Ку-ку, Антоне Павловичу, звиняйте за плагіат!)

Я – кхм... Я пацієнт... клієнт... Інсургент я! О, так буде ліпше: ін-сур-гент. А що, хіба неправда?.. Таж ми всі до єдиного – люди напередодні повстання, подумки прокривав Касяян. Повстаньте, гнані і голодні!..

Уголос, однак, цього не вимовив: було б надто патетично, як для витверзника, і неширо; уголос брав за живу душу:

– О котрій годині випускають звідси?

...Котрусь хвилику сусіда, що напевно й подосі правив байку про левів, не годеи був уторопати, про віщо (невлад) допитується Касіян, а з'ясувавши, тоном ображеного звідомив:

– Підйом о шостій нуль-нуль.

– Як в армії! – зрадів Касіян і за одним ривком усівся по-турецьки на тапчані, в охотку позіхнув. – А цікаво, котра зараз?

– Ще зарано, менти сплять... – Не приховував урази, завданої Касіяною неувагою до його просвітництва. – Слухай-но сюди!

– Сплять? А чорта їм! Зараз двері рознесу, нехай устають.

– Ще б пак! І стукатимеш... – у голосі бринів глум. – Із настанням ранку мужик у витверзнику стає справжнім сміливцем! Гай-гай, усі ви одним миром мазані.

– Прошу? – Запитання це Касіян з нутра вигорнув, як би не розтуляючи губ, і з отією особливою, щозвуку зростаючою люб'язністю, що від неї необачного співрозмовника чи нахабу обсіпало зазвичай морозцем. – Не зрозумів!

– А чого тут не розуміти? Найстрашніше-бо позаду! Головне, в мужичка кості цілі, могло ж вийти і на гірше, чи не так, бідачко? Ну й одержину повернуть... умисно допаскуджену ментами, хай так, а все ж буде в чому на люди потякнутись, – тулив бундючно й тулив. – Чим не щастячко? Вранці все трин-трава! Можна й покомизитись, удаючи з себе відчайдушного сміливця, чого там!.. Правда, з мармизи такого... храбреця... нічим не витравити печать пригніченості. Але й вона – пусте, бо то не від гризот сумління, а з вульгарної лишень похмелюги!.. Болить головонька, Касіяне, дуже бо-бо? Ет, не край собі душу... Перебудеться: кухоль пива в зуби і цоб-цабе на крути своя, алкаше!

– Отак і животієш, за цими покидьковими приписами? – Боком поміж тапчанами Касіян подвигнувся до дверей – грюкати. – Якщо це справді так, то мені шкода тебе, чоловіче.

– Схаменись! Не руш...

А не пусте було попередження, вчасне, бо спотойбіч дверей якраз уже кучо кувікнув фортечний засув і на високий поріжок постав був молодик із багровими від спання на гресбухах удавлинами на чепурному загалом, але невитравно тупому лиці... Так само пришелепко мент почав обаруч хряскати дверима на себе, що від цієї наруги вони жалібно задзвякотіли клепками та відійшлим від дошки залізцем окуття, – і чоловіцтво спохоплювалось як смалене, метушливо стикалося, купчилось, розпирало завузькі кишки проходу між лежаків, а самого глашатая, гарольда, передвісника близької свободи пасло вічми цілком зацьковано.

– Куди преш, козьол? – нагримав на Касіяна. – Жди як усі!

– Поводься пристойніш, сержанте, ти на службі. І відтрутив з путі заваду.

– Щоооо!

– Порад я двічі не повторюю.

Може б, і не варт було демонструвати увесь голлівуд, однак нічого не зміниш – таки-що зашироко засміявсь Касіян, уявивши, як неподобно вони з молодиком виглядають збоку: один, голий-босий, напучує, другий, при повному, наскільки можливо, параді, шаліє.

– Льончику, а ти в харю йому, – лєстиво райали завсідники цього закладу для розваг, кому з похмелюги-нудьги запраглося трохи крові. В рило йому, в арабеску, фу-фу його, Льончику, на каніфас-блок!

– Ану стуліть ваші помийниці!

В'ялі (досі) проліски в сержантових очах ожили, мов скроплені, й доко-нечно зліловіли вістрячками з розширилих чоловічків:

– Куди?! Наззззад... коззззбол!

– Прибери руку, сержанте, бо з лички розжалую. – В юрмищі пожадливих глядачів Касіян нащукав свого дурку-сусідика, кивнув на вихід: – Ходімо визволяти Фукіда!

Глядачі ахнули. Хитнулись до виходу.

Льончик прицвяхував публіку: «Наззззаа!..»; громіздко розвернув тіло супроти Касіяна, примруживсь: а нівроку духарик! не злякавсь... Хм, хто його знає, що він за цабе!.. Одне видно: звик і вміє командувати. ...Ах, жаль, шкода, що ти наприпочатку, ще за ночі не виказав був свій гонорець: ми б тебе, в-волчару!

Касіян зазвичай легко розпізнавав заздрість, а тим паче похмуру ненависть до себе, й усякраз дивувався, що нездарна чи просто безталанна потолок... не люмпени, ні, навпаки – люди з незвапнілими мізками, з чеснотами та навіть принципами... чомусь не завдають собі клопоту бодай не афішувати власної ущербності чи, принаймні, душевної неповноти, тим-то зараз, у витверезнику, маючи перед оком одмінний і водночас подібний екземпляр завидющого та ще й дезорієнтованого примарною владою нероби, Касіян лише скрушно знизив плечима і, не дїждавшись боязкого сусідика, подався коридором навмання сам. Бідний мент у замішанні не став (чого й варто було сподіватись) одразу затримувати чудернацького алкаша, але щоб кривду забути – то це навряд чи! Коридор, тим часом, наповнювався подобою людей чоловічої статі, хоч наяву вилунували десь-подесь і дамські голоси, носійки котрих, напевно теж, саме видибували на сухе з камер окремого відділення – щоб, окрім як дістати волю, ще й усмак поскандалити. Чоловіки прислухалися до голосів, мимохідь відпустили на їхню адресу співчуття та скабрєзні жалкування (на три і п'ять літер), одначе невдовзі, мовби в осад, випадали в тяжку задуму та звичнішу хмарність. ...Усі знали, що та в якій послїдовності мають чинити, Касіян же – не тямив, тому найперш опинився при вбиральні, тут було мокро, гидко ступати навіть у шкарпетках, і, попри згагу та тяжину, Касіян погордував напувальним краником, що знаджував, але шумував був занадто суголосо з унітазовими очками. Безладна людська крутія, що моментами воркотливо пригальмовувала свій коловорот, ба навіть зупинялась, аби по тому рвано, смикаючись, надолжувати зганяне, мовби не зовсім справний міксер, – урешті ця крутія таки винесла до роздягальень і Касіяна, Касіян угадав шукану шафку за шовковим галстуком, лише вчора йому подарованим і чепурно зав'язаним Баталією, на долівці, світлий клубний

піджак з вивернутими кишнями висів, однак, у шафчині на гачку, зісподу видніли й штани, з їхніми кишнями та ж сама, «вибрана» історія, зате взуття було на місці – чудова пара весняних «саламандр», а от дипломат пропав, ціна йому гріш, але ж у ньому папери... Касіян убрався навпомацки, без дзеркала, і зорієнтувавшись на місцевості, намірився к тамтій місцині витверзника, котра учмокувала люд, як би молода трясовинка. Спробував і собі добути у той засмокт, аби чимскорше випасти з тутешнього бедламу до будь-якого інакшого, а проте наразився на шалений опір неголених, брудних, смердючих, брутальних, упосліджених до крайньої межі, неприкаяних і ще бозна-яких чоловіків. «Черга, черга, черга, черга, – джерготали, бризкали нездоровою, з зеленцем, слиною, додатковою червінню навіснили невидючі зеньки. – Черга, стань в зад, черга, черга, іч який козирний, черга, черга, підождеш, черга, кепочка тобі не спаде! ...То була найнепоступливіша з черг, які досі знав або про існування котрих здогадувався Касіян. І він, шаленіючи від огиди, відступивсь. Як черга, то й черга, він потерпить... Колись-бо й вона вичерпається! Напитав заднього, дочекався, поки займуть і за ним. Все. Покурити б! У кишнях вітер. Грець із куривом, байдуже. Недовго вже... людей попереду все менш... Але згодом Касіян запримітив, що в цьому богопротивному закладі і сама черга пильнувалась для годиться, для розваги, не інакше; принаймні черга владала тут голосом дорадчим і справджувала свою роль паралельно з викликанням алкашів на призвища. Тих, кого звано було поза чергою, юрба супроводжувала по-всякому – кого свистом-улюлюканням, іншого прихильно, навіть шанобливо, але переважно співчутливим «Не журись!» ...Були з-межи позачерговців люди напрочуд різні, часто-густо протилежні за соціальним статусом: достеменні гегемони, нуждарі інтелігентного вигляду, траплялись якісь непевники, були бомжі, були досконалі завсідники і безперечні неофіти... – Касіян не подужав розгадати принцип, за яким тутешні владці визначали прошарок обраних. Не зарадив справі й анемічний ситтвкамєрник, що він, ні сіло ні впало, вийнявся був із самої гуці та, вкличивши Касіянів лікоть, убгав сердешного в чергу поперед себе. І що знатно: сього разу жоден бугай не запротестував! Більше того: коли, перегода, неждано викликано було й Касіяна, то серед споневіренних алкашів найшовсь і такий зичливець, що напутньо муркнув у спину: «Аве, цезар...», – і навздогін уже, боляче, з солдатською прямою ущипнув був Касіяна за сідницю. Заскочений неподобством, Касіян розвернувся, аби поквитатися з кривдником, може й «голубим», хтозна, а проте юрба жваво відторгнула його прямцем у «чистилище»: незручна завалькувата лава, дерев'яний (також) бар'єр, що мав скляну добудову під саму стелю, дух оцту, карболки, звабна прощілина в нещільно причинених дверях – на волю, звідки шкварчали горобці. За бар'єром, утяте столам, стояло так наче погруддя одутлого майора з медалями ліворуч од гудзиків. Позад цього парадного бюста височіли, перечалопували з ноги на ногу декотрі з відомих Касіяну молодців-ночоробів; он і пролісковий сержант, Льончик... як щербатою бритвою голить Касіяна! а сам зламався у попереку й щось хутко-хутко стриже майору в ухо.

– Прізвище? – здійняв сумного голоса майор.

– Мене ж викликано було на прізвище, – здивувався Касіян.

- Фію, – радісно звискнув Льончик. – От іще розтелепа!
- Касіян. Павло Касянович Касіян.
- Касіян. Так і запишемо, – помітно збавив журби. – Рік народження?
- Мені п'ятьдесят два ...
- Адреса?

Касіян зважив і назвав обидві: колишньої дружини, де він, через лінощі, прописаний і подосі, та теперішню адресу – за місцем мешкання.

- Запишем і це.

Сержанту мало – з власної ініціативи зателефонував у довідкове, вислухав, перепитав кількакратно, набурмосивсь: алкаш нічого не утаював... щирість алкаша йому не подобалась, щось тут не те, мізкував; зрештою гучно зашерехтів у майорів лопух:

– Хоч і не ті тепер часи, та все одно... накатаймо телегу на службу, хай начальство взгіє! Щоб не випиндючувався, скот.

Касіян, освоївшись, не відмовив собі маленької втіхи покпити:

– Ваша ябеда на мене – до мене ж і надійде. Що там у вас іще? Запитуйте, я не можу тринькати час.

Міліцейські жеребчики миттю нашорошили вуха, заперезиралися так, мовби тільки знаку ждали, аби провчити непоштивця, проте майор невідьчому зволікав; зволікав, отираючи всією долонею ряснінь під парадним біловерхим кашкетом, якого, складалось таке враження, жалкував скинути з гарного місця; зволікав і поблажливо морщивсь на гучний нашепт Льончика, що, впертих, наполягав на «телезі».

- Місце роботи, – дав спокій кашкетові майор, – посада?
- Маю власне діло.

– Фірма? – зашарівся пролісковий сержант. – Аркадійовичу, товаришу майор! А ви нам докоряли, що фірму не роздобуємо... так осьдечки вона, тепленька! – І зворушено чмокнув у бік Касіяна: – Кооператив? Не столярка-малярка, часом? А як стоїть у вас справа з спонсоруванням? Тут у нас проблема виникла, ремонтець махонький нужен, а ліміти... сам знаєш. То як?

- Бог подасть. – Як наче скибку відбатував Касіян.

Однак і сержант був з тих, що сядуть і не злізуть:

– Та ти послухай сюди, дядьку! Фронт роботи у нас тьху, та й годі. Раз-два і в дамках, і друзями розстанемось! Згода? Ремонт – і свобода Юрію Деточкіну!

– А комп'ютер вам не потрібен? Можу спротегувати, майор! Або ксерокс. Нині модно – щоб у конторі стояв бодай ксерокс.

- Вільно вам іронізувати.

Майор звівся, ступив крок від столу, і стало видно, що могутнє погруддя майора опиралося на разуче невідповідний п'єдестал: сухі ноги ледь угадувалися в рясних холошвах.

– Іронізуйте! – майор з відразу поглядав на маслакуваті свої коліна, буслячи походжаючи обіч казенного стола – теж йому ненависного. – Я не перечу: так, і ми – задрипана контора... Але поміркуймо вголос, громадянине Касіян! Наш, гм, притулок для відомого контингенту... справді потребує деякого оподраження... щоб вас же й утримувати в людських умовах. Адже потрапляють

сюди не лише пропачі, а й цілком добромисні, порядні люди. І чим ми таких стрічаємо? Ви на власні очі бачили, в якому стані наші «хороми». Сержант має рацію: дещо тут упорядкувати не завадило б, перебудувати...

– Я не цікавлюся перебудовами, майор, – урвав Касіян, – я займаюся постачанням, монтажем та налагодженням електронної апаратури. Це до вашого відому! А всілякі там... перебудови навіюють на мене нудьгу. Отже, до діла, майоре, завершуйте ваш допит і я піду геть.

– Перестройка і – нудьгу? – зітхнув майор. – От бардак!

– Не лише нудьгу, а й безнадію... навіть внутрішній спротив, якщо вам така нетерпівка залізити в душу!

– Тьху ти, – занепокоївся той. – Як це? Нічого не втямлю!

І тут, як би запобіжник якийсь перегорів, Касіян утратив витримку; Касіян, що змалку зневажав багатослів'я, заговорив палко, хапком, слова не послівали за думками, Касіяна змело й понесло – як прибутна вода тріску; Касіян надихався власною мовою й водночас ярився, що безсилий загальмувати сю логорею – карикатурну, з огляду на місце й обставини; він з гидливим зачудуванням помічав: усе, про що так темпераментно провіщає, не мало ані найменшого відношення до «ремонтцю» у витверезнику, навпаки – прибирало барв узагальнення, чаїло в собі підтекст, якого за всіма розумними приписами не вільно б виносити на чужі люди; а втім, Касіян, одколи в Афганістані пропав безвісти Михась, перестав боятись і чорта, і Бога, і самого себе, коли під настрій сікався до них обидвох на самоті, плачучи сухими очима.

– Не зошу, – кричав Касіян, – коли мене намагаються пошити в дурні!

– Та ви заспокойтесь, громадянине, не нервуйте марно.

Не прийняв лагідного майорового співчуття, скреготув зубами:

– Більше того!.. Хочете знати, якої я думки про все те, що коїться в країні? (Майор підхогливо кивнув). То навіть не експеримент, а імітація експерименту! Майстерний блеф, але – блеф. – Розрахунок на довірливих дурнів!

Майор вислухав до кінця й, так наче повагавшись, наказав:

– Далі, сержанте, прийом громадян провадь сам.

– Слухаюсь.

– Опис речей громадянина Касіяна, так і самі речі, доставиш мені в кабінет. А ви, Павле Касяновичу, звольте йти за мною. Ось у ці двері, прошу!

Запустили за бар'єр (так би в церкві сторонньому дозволили ввійти за царські врата), увели до іншого, куцішого, безлюдного геть коридорчика. Тут майор спинивсь.

– Мене звуть Олег Аркадійович.

– І що далі? – з колишнім завзяттям інсургента гукнув Касіян. – Мені з вами дітей не хрестити!

– Я до вас по-людськи, Павле Касяновичу, а ви от... не сприймаєте. Негаразд так, товаришу, недоречно.

– А й справді! Даруйте. – Стіпнув головою. – Так ніби потьмарило! То я вас слухаю, Олег Аркадійович.

– Чи замислились ви хоч тепер, чому, звідки та як забрали до витверезника – вас?

– Не розумію..

– Щоб вам ясніше було, зауважу: інших громадян на вулиці зняли за діло. А ось ви тут – чому?

Запитання, під таким кутом, пролунало настільки несподівано, що Касіян, замість подбати про відповідь, дурнувато замилювався був кокардою, що тьмаво висявала перед самими його очима.

– Думайте, мисліть, Павле Касяновичу. Вам не завадить найти придатне пояснення.

– Жодних проблем, майоре! – бадьоро здобувся на посмішку. – Окрім того, я підслухав, що завсідники радили новачкам писати в зізнанні: мовляв, надголодь випив триста грамів горілки, зморило, далі нічого не пам'ятаю. Тож і я не стану оригінальнічати – триста і надголодь!

– З вас я не вимагатиму письмового пояснення, – насмішкувато мовив майор. – Отже, триста на голодний шлунок? Ви самі чудово знаєте, що справа зовсім не так стояла. Але, якщо ви наполягаєте на цій версії, вважаймо, що я вам нічого не рекомендував. Ходімо!

– А хіба щось уже рекомендовано?

– Так, я радив помислити, гм, згадати все...

– Я не прихильник носити воду після пожежі!

– Отож-бо й воно, – багатозначно мовив майор. – Ми прийшли.

Відімкнув і одхилив двері, припросив затишним жестом:

– Улаштовуйтеся зручно, Павле Касяновичу, я ж маю на кілька хвилин відлучитись у справах невідкаладніших. Прошу! – і повівся геть на хворих підпірках.

Якби за столом хазяїна витверезника Касіян набачив був мавпу чи ще не знати кого, доправди, розвеселився б менше: позаду двох телефонів та гіпсового Фелікса Едмундовича живий-живиський Фукідід дмухав на блюдо в руці й усьорбував жовту рідь.

– Оце так номер! що ви тут робите, Фукідід?

– Та чай п'ю, трясця його матері. Хреновицький чай у міліціантів, але ж пити хочеться. Не бажаєте? Тут і кип'ятильник є.

– Постривайте, вас же вночі зв'язали були! Кудись укинули...

– Дк... кхе!.. розв'язавсь я.

– Нізащо б не повірив! Тут, подекують, неперевершені мастаки в'язати людей.

– Дк пити хотілось, кажу ж вам! – А по хвилині хитренько блимнув на Касіяна: – Коли б пиття так не праглось, я і не розв'язувався б. Не зношу, знаєте, спраги, принижує, гірко стало, я й виїнявся з вірвовок, і давно, сидю ось та п'ю. Може, й ви зволите чаю?

– Дякую, мабуть, не варт. Я вже згодом, на волі.

– Авжеж, на волі й бовть солодша; я вас чудово розумію, Касіяне! Правда, щодо волі як філософської категорії не одне є цікаве застереження...

Касіяна з жодного боку не гріла філософська категорія, так само, як і те, що його названо точно на прізвище.

– Телефон працює?

– Мабуть... А застерезення таке, наприклад: як одна річ до другої речі не приходиться, так і воля не приходиться до волі. – Терпляче дочекався, поки Касіян згідливо кивнув. – То справа ваших уподобань, яку саме з воль поціновувати вище: цю, в окремо взятому узилищі, чи оту, позавіконну волю; до вашого відому, Касіяне, тюремник наш, Олег Аркадійович, свята людина – мухи не зобидить! То ви вже з ним якласкавши, по-доброму.

– Само собою! Можна скористатися телефоном?

– А будь ласка, – сьорбнув і по-котячи, вгріто, муркнув.

– Наталіє? Так, це я, я потрапив до витверзника, так, я знаю, що ти завжди знала, що цим усе колись і закінчиться, а тепер піди до кабінету, на столі зелений нотатничок, так, сап'яновий, найдеш на ер... ер! Рим, Рига!.. Рошкован... перекажеш Рошковану, де я, нехай розбудить Худякова, так, того самого Худякова, що? ніскільки не «незручно», а ж не з полюбовницею розважаюсь! ти слухай і не перебивай, ні, навпаки, дуже зручно, Худяков-бо з моєї жмені дзьобає, розжирів уже, то нехай трохи і розтрясе хляки, а Рошковану накажи, щоб машину до мене негайно, та все одно яку, Наталіє, ну цілую, вибач, що не попередив.

– Хатне вогнище... о, хатне вогнисько, – мрійливо закотив очі Фукідід.

– Кохав і я колись! Е-е...

– Охоче вірю. Маєте куриво? Шкода.

– О! То ти тут, Фукідід? А ми тебе голку в сні зашукались... Ну, козьол! Сержант нагрянув – з кишеньковими речами Касіяна в пластиковій казенній торбинці, та з дипломатом, несеним таким плазом, тацею, що Касіян наперед обуривсь: не інакше як замочка з електронним шифром хлопці-молодці розкурочили впень і відтепер дипломат не зачинятиметься.

Льончик одвертав свої проліски, кажучи:

– Линяй звідси, Фукідід, на вулиці тебе Віллі дожидається.

– Плаче?

– Плаче.

– Учень мій, – вважав за корисне пояснити Касіяну. – Здібний парубок Віллі. І відданий. Але, біда, хворий на вестибульку.

– Кволий на що? – про людське око поспитав Касіян.

– Дк на вестибулярний апарат, кажу! Одного шкалика прийме на душу, і вже хить-хилить ним, яко прапором на ристалищі! А про політу спіралі часу – і згадувати страм: там його просто нудить, як ту вагітну на каруселі! В усьому ж іншому – нівроку парубійко, справний; тому і пригрів я Віллі.

З поважної сеї торочні скористав Льончик – аж хуркнуло за ним...

Лаштувався у путь і Фукідід. Просто на голе тіло наклав затрапезного, без гудзів, плаща на синтетичному хутрі; підперезався строкатим очкуром із ушмальцьованими китичками; до рук узяв горіхового костура:

– Що то є? – показав Касіяну.

– Ну, палиця.

– То берло моє, Касіяне, по-грецьки зветься скитала. Від скитали походить наше «скиталець», блукач тобто... дк мандруючи, я ніколи не розлучаюся з моєю скиталою, песика відігнати абощо, песики, щоб ви знали, в будь-якому тисячолітті однаковісінькі, страх які чучверяті босяки, так і норовлять

оддерти крайку мого плаща, з яким я, як і з скиталою, не розлучаюся також, гарний плащ, і на літо й на зиму придатний, і любо в ньому ширятися з одного віку до іншого... в усякому часі мені добре везеться, повсюд я бажаний гість, а чому так, питаються? Бо – звідомляю... Розказую всім, що воно й до чого... а також показую стигмати правдивої віри.

Касіян міг що завгодно подарувати старому вигаднику, тільки не стигмати.

– Щось я не бачу на ваших руках слідів, які б імітували рани від цвяхів на долонях Ісуса Христа!

– І не побачите. Бо не там шукаєте, Касіяне. На «руках»... іч! Зрештою, я вам не якийсь Джорджіо Бонджованні.

– Суперник ваш, еге?

Фукідід ясного розреготався. Втер юно набіглу слізу:

– Ой, не можу...

– Ну й чим славен той Джованні?

– Бонджованні! З вашої ласки. – Фукідід посерйознів. – Чим славен, цікавитесь? Та чим! Перелітає з країни до країни... прошу вас, літаком!.. і полохає публіку кровотечею з отворів у долонях.

– Бонджованні, Бонджованні... Не чув про такого!

– Почуєте, – пообіцяв зичливо. – Десь навесні майбутнього року й почуєте.

– Он як... – побіжно всміхнувся Касіян. – Майбутньої весни! Це що, ваще передбачення?

– Знання, – твердо відказав Фукідід. – Я ж не ворожбит якийсь!

– Я не мав наміру вас образити, Фукідіде. Але погодьтесь, ваші твердження сприймаються щонайменше як дивні.

Фукідід, усе ще стоячи коло дверей, співчутливо кивнув.

– А що про того Бонджованні ви знаєте іще? – наголосив на слові «знає-те» Касіян.

– На ту пору, коли особисто ви почуєте про Бонджованні, в нього наскрізні отвори з'являться і на ногах.

– Інтересно!

Касіян нетерпляче зиркнув на свого годинника:

– Так цікаво, що сказитись мало. Ви так не вважаєте, Фукідід? Сидимо у витверезнику, чекаємо на вирішення наших... малоприємних справ, а ви запроваєте мені арапа про якогось там Бонджованні та про те, що з ним має статися навесні майбутнього року! Чуш собача, нісенітниця... Власне, хто він такий, отой ваш Бонджованні?

Крекнув Фукідід, вернувся за стіл і терпляче – навіть прихильно – заходився просвіщати: так, мовляв, і так, Касіяне, єсть в Португалії захолусне містечко Фатіма, просякнуте духом оливок, часнику та панікадил, і відоме воно тим, що на початку нашого століття перед чисті очі паломників з усього світу вже тричі являлась Діва Марія, а зо два роки тому в Фатіму навідався був і Джорджіо Бонджованні, католицький прочанин, і саме йому, Касіяне, випало щастя новітньої зустрічі з Дівою Марією... за твердженням цього обранця, Пресвята Діва вийшла до нього з великої кулі, що світілася зсередини дивним світлом, і вийшла Пресвята одночасно з сяючим променем, який і торкнувся рук самого Бонджованні.

– Ага, вийшла з кулі! – Касіян передужав позіх. – Отже, Богоматір прибула як пасажирка НЛО?

– Ви грубіян, і ніщо людське вам не чуже, Касіяне, особливо ж скепсис. – Фукідід співчутливо похитав кучматою головою. – А тим часом від променя з кулі в руках нещасного справді утворились наскрізні отвори.

– Ясно: лазер!

– Хтозна... Але відтоді Бонджованні щоденно, в певні години, зазнає воїстину Христових страждань: долоні рясно кровоточать, рани болять нестерпно.

– Співчуваю.

– Він не потребує вашого співчуття, Касіяне, він здобув і має стигмати.

– Ну гаразд... інтересно, де це наш майор?

– На даний момент? Лається з виконробом, що привезли бити цеглу.

Касіян похмуро блимнув на жартуна. Перегодя спитав нехотя:

– А що, Фукідіде, зустріч з Дівою Марією... чудом появи стигматів і обмежилась?

– Зовсім ні. Бонджованні ще й удостоївся честі взнати від самої Пречистої текст одкровення.

– І важливий текст, либонь?

– Та вже ж неабиякий, Касіяне! Він здатний спаралізувати силу духа всього людства. Настільки, що воно втратить без вороття саме бажання жити... Судить самі, якщо Ватікан і досі не наважується оприлюднити те послання з Фатіми.

– Що ж у ньому такого аж-аж?

– Цього вам не можу відкрити, Касіяне, права не маю... Хіба що в загальних рисах: в посланні виступають жажливі випробування, які невдовзі спостигнуть планету, в разі людство вчасно не скаменеться...

– Атож, атож! Ясно, – Касіян глузував одверто вже. – Скорі пришестя, еге? Страшний суд і таке інше? Грандіозно! Секрети полішинеля, ви так не вважаєте, Фукідіде? Дивуюсь я і з папи римського: замість утаємничувати якийсь послання з Фатіми, почитав би він на дозвіллі Олександра Кабакова – ось де готовий, ось де цілий апокаліпсис!

Фукідід буряковів з лица, губи йому трепетали. «Який жах... – прошепотів, – який жах...»

– Ще б пак! Я, коли читав його повістину, волосню не лише на тім'ї чув – у пахвах дибки ставала. Куди там старосвітським лякам Іоана Богослова!

– Який жах.

Очі Фукідіду вернулися з далеких далечей – сюди, до витверезника і співрозмовника, котрий навч химерував, кривлявся, розписуючи враження від прочитаного «Невозвращенца»; Фукідід рвійно перепинив базіку, грудьми двигнувся на стільницю, ненароком Фелікса Едмундовича перекинув – жорстко жбурляв слово до слова:

– Пес ваш Кабаков, шкодливий пес, яснобачення й на гран не має, інтелект посередній, інтуїція на нулі. Підсумок? Безвідповідальний вигадник і фарисей! Його модель розвитку подій у недалекому майбутньому не відповідає дійсності!

– Вам забракло почуття гумору, шановний...

– Я ошукався в оцінці вас, Касіяне, жалкую за тим! А проте... хочете знати, чим Кабаков й іже з ним беруть за живе? Передовсім, усякий лжепророк провіщає лише таке майбутню, якого довірлива публіка і боїться, і жадає воднораз. По-друге...

– Е, е, чоловіче! Далі так діло не піде. Спершу ви замакітрували мені голову дотепними оповідками про Бонджованні, тепер заповзялися таврувати Кабакова, хоча честь і слава Кабакову, бо спромігся на слово, і не нам судити про достовірність його версії! Ви що ж, Фукідіде, навмисно збочуєте на перші-ліпші манівці, щоб я загубив нитку розмови? Адже на самому початку, коли не помиляюсь, мова йшла про ваші стигмати, тож і пропоную високому зібранню повернутися до наших баранів.

Фукідід зручно куйовдив бороду; гнів йому вже минувсь.

– Зважте: не мої особисто, а стигмати правдивої віри.

– Християнської, слід розуміти?

– Ні, не християнської.

– Тоді іслам? Іудаїзм? Ага, ще є буддизм...

– Ціную вашу іронію, Касіяне. Проте моя віра не має нічого дотичного до будь-якої з безлічі релігій, що про них ви читали або ж чули від інших. Моя – правдива, і край. Цим усе сказано.

– Усе? Негусто. В такому разі відмовляюсь що-небудь розуміти, – щиро поскаржився Касіян.

– Буває. Це у вас від непохмеленого серця.

– Ох, і не гадауйте! – Касіян бридливо дихнув у долоні човником. – Бр... І все ж таки, де це наш клятий майор?

– Дк казав же вам: лаєгсья. Доведеться вам почекати. Мені ж час!

– А може, погомонимо про вашу віру? Просвітїть, якщо не дуже це вас обтяжує!

– Нітрохи не обтяжує, – гречно відказав Фукідід і (так наче коня купує в циган) ярмарковим фаринником зарозглядав сухі Касіянові, задихані, стражденні зуби.

– Наталія додзвонилась, – невлад мовив Касіян. – Справа техніки.

– Будь-яке вірування, любий друже, винаходять, удосконалюють, обстоюють і так далі – звичайні люди. Пересічні навіть: як ви, як майор...

– Але не такі, як ви?

– Нехай і як я... Розум же звичайної людини обмежений, тобто він не розвинутий до кінця, точніше – його не використовують на повну потужність. Таким не-сповна-розумом людина не здатна осягнути космос в усьому його розповні, через те світобачення людини є спотворене чи, в кращому разі – як у випадку з геніями, занадто вузьке. Кажучи строго, в людини світобачення як такого просто не існує! Практично його підмінено деякими сурогатними...

Не судилося:

– Фукідід!!! Ану, вимітайся відсіля, не затуркуй мені чоловіка! – То майор, нарешті, повернувся, удоволений; і собі на умі бравунчик.

– Не підганяй, Аркадійовичу, візьму оно скиталу й піду, – статечно мовив Фукідід; Касіяна попередив значливо: – То я зачекаю на вас надворі.

– Випрошуватиме на похмілля! Не давайте ні копійки, Павле Касяновичу. і заспроваджував ясенного скиталоносця геть.

– Сподіваюся, Павле Касяновичу, не дуже набрид він вам?

– Навпаки. Ми з ним приємно й корисно погомоніли.

– Балакати він майстер! У тім'я чокнутий чоловік, але нешкідливий. Щось в ньому є!.. Мені, знаєте, навіть артеріальний тиск знімає. Тож, якщо привозять, я не перечу – хай собі підночовує... Але до справ! Я ж і так зловжив вашим часом. Клопоти, знаєте...

– Цегла?

– Що? А-а, так, так! Моїй заманулось мати фазенду... – Майор затнувся і підозріливо глипнув на Касіяна, що наполегливо, щільною посмішкою підбадьорував хазяїна. – До справ, Павле Касяновичу, і до справ! Ось вам опис: перевірте наявність речей, полічіть ваші гроші; ось годинник, ключі...

– Годинника я вже взяв.

– Тим паче! Як бачите, нічого не пропало, все на місці.

– Крім як банківську упаковку на грошах розірвано...

– Усе одно там дві з половиною тисячі. Сто четвертаків!

– Охоче вірю. – Касіян згадав про дипломат: без усяких надій набрав цифровий код і замок, ура, спрацював.

– Мене втішає, що й дипломат справний, – запишався майор. Усе в наших руках!

– Розумно зволили зауважити, Павле Касяновичу, так, усе поправне. Або наживне. – Майор опасисто грів крісло. – От не можу вирішити, з чого б його почати...

Касіян на те – підбадьорливо посмикав крутим підборіддям.

– Вам, гадаю, не завадить узнати, Павле Касяновичу, що вас до витверезника доставлено не через алкогольне сп'яніння.

– Тобто?

– А й тобто! Вам зробилося зле не від коньяку, спожитого на презентації товарно-сировинної біржі «Лукас». Чотири-п'ять наперстків, та навстоячки, та під гарну закусточку? Несерйозно! З цього не впиваються, Павле Касяновичу.

– Це стає цікавим.

– Згоден з вами.

– Ну і?

– А ви не лінуйтеся, згадуйте, Павле Касяновичу, згадуйте?

– «Лукас», презентація, священник з кадилом... І що? Ні, краще вже ви згадуйте. У вас це переконливіше звучить, Олег Аркадійович!

– Не перечу, переконливіше.

– То за чим затримка?

Майор мовчав.

Вичікував і Касіян, обстежуючи дипломат: пошкодження виявилось дріб'язковим – сколупнули, криворучки, м'яке гніздечко для замкового «язика»; налагодити – справа кількох хвилин.

Засовався майор, кашлянув.

– Скільки? – Касіян кишеньковим ножиком упорювався з латунною скабою гніздечка.

– На ваш здоровий глузд... за неодмінної умови, що інформатор не я.

– Щира правда, не ви, – твердо пообіцяв Касіян. – Крутіть інтригу далі.

І нігтем мізинця сколупнув – на око – тисячу карбованців.

– Усі, – заперечив майор.

– А не вдавишся? ...Майор, я не прихильник купувати kota в мішку!

– Купите і в мішку.

– Гаразд, ось решта. Я ризикну.

– Хто не ризикуює, той не п'є шампанського. – Попхав гроші до кишені яernih штанив. – Слухайте ж! Після фуршетів на біржі ви й ще троє... тро-є, тро-є... розпили пляшку шампанського в салоні автомобіля «мерседес».

– Нісенітниця.

– Не гнівить бога, було! Правда, вас ледве вблагали сісти в той «мерседес»

– понавигадували купу причин, клялися-божились, що запрошують усього на пару слів; невже не пригадуєте?

– Ні!

– Ова... Ви сіли в машину, ну, слово до слова – пішла балачка, ті троє... тро-є... спершу дівчатками спокушали, потім пропонували відвезти вас додому; та ви, Павле Касяновичу, як ззялися – ні й ні! Тоді ті троє запропонували вирити на коня, по старій дружбі... Було, було, я вас питаю?! Що ви переді мною недоумка корчите, було, було?!

– Та щось начеб... То я пив з ними шампанське? Тобто... пив майже на вулиці, як такий собі ханига?

– Навіщо ви так?... «Ханига»! Ні, друзі-приятелі були... все по-простому, без церемоній... пригадайте лишень посуд! Ви, наприклад, з чого пили?

– Ну... і з чого ж я пив?

– Ваші собутильники користувалися граненими склянками, виїнятими з бардачка, вас же, людину товариством шановану, частували з розкішного, зі сріблом, рогу... так?! Така собі кавказька посудина! Срібло черлене, збоку напис, привіт із Сочі, мабуть... Ну, ну?! – І перейшов на скрушний шепіт майор: Невже такий провал у пам'яті? Як же вас...

– Та щось... нібито, – почав не вельми впевнено.

– Не нібито, а насправді! Зараз вам через не хочу доведеться пригадати ще декотрі неприємні подробиці... може, хоч у такий спосіб достукаюсь до вашого черепка... даруйте! це я не зозла... По-перше, «мерседес» – вишневого кольору, так, кольору давленої вишні, так? Ви сіли в «мерседес» і він зрушив з місця, коли вас доламували на шампань? Та пригадайте ж ви, чорт візьми, пригадайте ж, я вас благаю, пригадайте!

– Фантастика...

– Що, що? Не мовчїть; що фантастика?

– Колір!.. давлена вишня, так, і... «мерседес» зрушив, ми поїхали! Усе так, Олег Аркадійович.

– Ху, нарешті! До сьомого ви мене поту... Далі! Ваша оцінка, Павле Касяновичу... чому ви, споживши в машині шампанського, невдовзі все-таки

зупинили автомобіль і вилзли з нього геть, на багатолюдну вулицю? Це дуже важливо для вас! Що спонукало вийти на люди? Ну?!

– Не знаю...

– Кепсько, дуже кепсько! Ви залишили «мерседес», який міг без пригод допровадити вас додому... Згадайте, може, ви запідозрили щось неладне в поведінці тих трьох, хм, приятелів? Чи може, розсварилися з ними? Була на те причина, щоб посваритись? Якісь рахунки, підніжки? ...Не мені вас учити, Павле Касяновичу!

Касян заплющив очі, сів рівно, ховрашком. У такій позі йому ліпше велося. Майор не квапив, розглядав його мало не з ніжністю. А нівроку фірмач! У міру тілистий. Кругла голова просто кругла. Обличчя без насіку дрібних зморшок, через те воно видається неправдиво моложавим, і якби не глибока оранка на чолі та зобабіч твердого великого рота, хтось би подумав, що цей старий вовкулака робив собі підтяжку; втім, щодо пластичної операції майор не ошукувався, а проте рожевій барві шкіри – позаздрив, як умів. А вмів – люто! Тоді як лють насилає курячу сліпоту, навіть майори перестають бути проникливцями, тож і цей людолов не здогадувався, що вдатись до пластичної операції – то було колись заповітною мрією Касяна. Ось так.

– Я покинув «мерседес» тому, – журно зізнавався Касян, – тому що неподалік «Лукаса» на мене чекала моя службова машина. Я пішов туди.

– Яка мила безпосередність, вам не здається? ...Ну що ж, вірно: ви справді йшли до своєї «Волги», але не дійшли. І нізачо не могли б дійти! – Чому? То вже деталі... Підсумок: три ваші брати горілчані – як огурчики, і ночували по домівках! А ви, звиняйте, тут... – Запанувало мовчання.

– І... чим мене притруєно – теж знаєте?

– Ні, про це не поінформований. Мабуть, забагато для мене честі, – буркотливо поскарживсь майор. – Конче бажаєте довідатись? Найдіть надійного лаборанта, зробіть аналіз крові, гадаю, ще не пізно... Хоча, коли б така вонюча прикльочка сталася зі мною, я б не горів перейматися другорядними заходами. Кров – діло десяте, бо суттєво не чим, а хто вас одурманив до положеній риз! Оце й усе, Павле Касяновичу, що мав я доповісти вам суто конфіденційно.

І майор красномовно приклався обадолонь до стільниці. Касян, одначе, не підтримав урочистого вставання.

– У чім справа, товаришу Касян? Ви вільні, вільні, можете йти!

– Почекаю. Невдовзі вам зателефонують, Олег Аркадійович.

– Мені, сюди? – розсміявся майор.

– Так. Так. Дозвольте закурити?

– Узагалі-то я противник отрави. Але раз таке діло... – губився в догадках майор. – О... а дух нічого, пахкий!

– Бо «мальборо», – знизив плечима, – домашнього виробництва.

– Як це?

– Ну, виготовлено в самих Штатах, а не фіннами чи там поляками.

– А-а.

– Саме так.

Касіян до памороку цмулив труту і ще хтів.

Нарешті мелодійно тренькнув телефон.

– Майор Песня на проводі! Слухаю вас. О, дякую! І вас також. І вам доброго здоров'ячка, Вілен Максимович! Так... Є, у нас! Так. Так. Так... Ясно! Так, так. Не сумнівайтесь, буде виконано, Вілен Максимович, – а сам поїдом ів Касіяна. – До побачення, Вілене Максимовичу!

– А тепер прощайте, Олег Аркадійович, – мовив Касіян. Скільки не тримавсь, а все-таки скинув майор святкового кашкета, і педантично впрасований їжачок волосся негайно став дибки.

– Заждіть-но... – і майор Песня кивнув на телефон. – З приводу вас, Павле Касьяновичу! Сам дзвонив...

– Худяков, очевидно?

Майор Песня (Господи, хоч би прізвище змінив собі!) злісно витріщився на живця, що безперечно вислизав був з гачка і рук; але клепок майору не забракло:

– Я, так міркую, маю повернутися на вихідну точку. (Мовлено це було не стільки півзапитально, скільки з почуттям: з гідним почуттям гравця, що зазнав нищівного програшу.) Відновимо статус-кво?

Такий поворот справи неприємно діткнув був Касіяна: от і маєш – іще один легіонер з деморалізованого воїнства неспроможців.

– Не кажіть дурниць, Олег Аркадійович. Інформація – товар, усяк товар має вартість: азбука! За свій товар ви заправили дві з половиною, я погодився. Тож, як на мою думку, купівля-продаж здійснені цивілізовано.

– У такому разі... прощайте. – Майор Песня (та зміни ти, нарешті, прізвище, о Господи!) простягнув руку; майор Песня скривився від припущення: – І...

– І?

– Ми не знаємо один одного, чи не так, Павле Касьяновичу?

– А от це навряд чи. Сподіваюся, любий Олег Аркадійович, наші торги і надалі будуть плідними та взаємовигідними.

Щойно з хлорки-карболки переступив був на повітрячко Касіян, як потьмарило зір йому, в голові плави пішли, що мусив чималою всенькою вагою зчіпно втримуватися на тертушному стовбурі старезної акації, чуючи в ушах сирицевий лящ бубона та допотопну, сільську хорохоньку гармошки, а поза ложечкою – доскотну ворущбу натхнення. Ого! (брав себе на глузи Касіян): зараз мені, на додачу до всього, лише зворушеності бракувало!.. Рідкісні припливи розчулення всякраз, на жаль, зшовковлювали бити-терту душу – позбавляли шорошкої жорсткості, що натомість Касіяну праглоць убрюїти яєсь молодече глупство, як-от закохати в себе молочну юнку з Будинку мод або ж нерозторопному контрагенту, такому собі мамулі, пролонгувати строк сплати боргу; а зінколи на досужий ум наскакувала й геть окаянна, скажена думка: а добре б – пропасти в Союзі! вийти з дому і не повернутись, як то щоденно трапляється з тисячма... А хіба що? ...Ну, позмагались би в красномовстві – поплескали б однаково лютими язиками заздрісники та співчувальники – і забули б; а він би у котрогось відставного лікарця-надомника,

шо руку набив у кунст-камерах спецслужб, за грубі гроші пррелиціював собі обличчя й одного чудового ранку нагрянув би до Одеси з карт-бланшем на нове, абсолютно інакше <...>

– Сашко, не жени так: люди ж... – стиха мовив Касіян.

– Волен зі бітте алкоголь, герр Рошкован? Данке, герр Сокульський, найн! Йх мехте герне айне нервенберухігун... тьху, не вимовиш, заспокійливі ліки від нервів. А слухай-но, Павле Касяновичу, тобі не дивно, що в австрійських діловарів прізвища частенько – наші? Сокульський от!

– Сокульські... – поправив Касіян.

– Однака дяка: не вмер Данило, то хоруба задавила! – не збавляв на-тхнення Рошкован.

Занудьгував Касіян; щокою похилився на бічне скло, позад яким повільно розвивувалось святкове, вже напідпитку, людське юрмовище; а гармюшки не стало чуть.

– Переоформиш, Іване.

– Що, кажеш?

– Виїздні документи до Відня. Переоформиш на моє ім'я.

«Волга», що далі, то просувалась повільніш, усмоктувана потоком люду. Розкутого. Ще не злостивого. Котрась гарненька кучмата дівчина доброзичливо нахилилась до Касіяна і залишила спотойобіч скла плюсклу квітку від кармінової помади, Касіян підморгнув їй і долонею, мовби з трибуни, поворошив, дівчина належно – сміхом, руки в боки! – поцінувала дотеп. ...Нарешті вдалося завернути праворуч, у бічну вуличку, і вирватись, як виспівав Сашко, на оперативний простір. А Рашкован усе вмощувавсь, на-слухаючи своє серце, і все чайсьь, як та мишка перед сиром.

– Переоформиш папери на мене, часу вдосталь, кошти маємо. – Виразніше й зичливіше вимовлялися б слова хіба що на контрольному диктанті в школі для хворих діток. – Квиток – на дев'яте травня, і неодмінно з Москви. Бо маємо інтереси і в білокамінній, Іване.

Спина між лопаток Сашкові коцюбла, вушми ж, навпаки, палахкотів: оце так поворотці в нашого шефа! не вгадаєш, де впадеш од його несподіваних закидонів.

– Що... що... що, що... – луною Рошкован. Луною, що вгрузала мов у ваті.

Телеграму пану Сокульські: готель п'ять зірочок, автомобіль на всі дні перебування, перекладачка. Все!

– Ти хоч поясниш? – Здобувсь, урешті, глитнути котрусь смоляну галушку Рошкован; зойкнув у розпуці: – Чому, чому, чому! Поясни, Павле!

– Усьому свій час. Сашо, до засідання ради мені необхідно відвідати сауну.

– Єсть, Павле Касяновичу!.. В спорткомплекс?

– Можна. – Заплюлив счі.

Перегодя, коли «Волга» підбилася вище до центру, Рошкован нагледів попідстінню Нового ринку шерегу телефонів і метушливо відпросився був геть – обдзвонювати жменьку довірених осіб, призначати раду, а заразом начальницьки мстиво відгакуватися щодо маївки.

Того ж розгардіяшного, з прапорами, ранку сталась іще одна маленька подія, з тих, одначе, що, попри зовнішньобічну малозначущість, найчастіш і призводять до трагічних наслідків. Але по порядку. Майже одночасно з новосибірським швидким, що витрусив на перон одеським носильникам на поталу юрбу полтавських куроїдів та непрсихних питухів чалдонського, з дому, спирту, в дзумке кубло станції Одеса-товарна утягнувся збірний потяг, недоладний тим, що невсипущо був пильнувався лютими двома калмиками при зброї та м'ятих погонах: один такий друг степів опікувався ялинково попломбованими контейнерами з бозна-чим, інший кукав на платформі в хвості веселенького жовтого намиста, сточеного з дивно присадкуватих цистерн, на приспинні котрих, як би люб'язна засторога безіменного ангела-оборонця з «оборонки», кокардно маковіли черепа з перехрещеним двокістям. Опріч сеї пари, по-своєму чатували й лукавопикі експедитори, що вони разні потреби мали б унеможливити пограбування пультманівських ясних, під срібло, вагонів-холодильників, якого (грабежу тобто) вони потаймиру жадали палко. Решту товарняка складали етажерки з армійськими, кольору жаб'ячої нудьги, «уазиками» та гондоли з лісом. І хоч суто військовим чи літерним цей ешелон не був зроду, однак упродовж далекого свого прямування він майже не зупинявся на водопій, хіба що, та й то під наглядом залізничних нишпорок, в Ростові та недалечкому вже Харкові, де міняли поїзні бригади. Але поіпри все те, а може, завдяки якраз показушній охороні, товарняк сподобився мати поважного пасажира. ...Такий собі Кирило Рубахо зцибнув із зарюмсаних живицею соснових колод на рідну, благословенну й викляту всмак, одеську землю. Хтозна-коли путній, офіцерський плащ з капюшоном, але без рукавів, у леті додолу рясно був розпарасолився, та при жорстві згаснув – звично повстав уколо чоловицьки високої статури, начеб юрта котрась, і трупно посморджував нагрітою, до солодцю, гумою. Відтепер, досягнувши тверді, Кирило Рубахо вже не мав чого критись, гоголем попростував уздовж товарняка на Заставу. Великими очима проводжали його і шахраюваті експедитори, і дика дивізія числом два, а надто – машиністи, гідко одухотворені цілонічним летом на зелені вогники вхідних і вихідних світлофорів, які, через їхню повторюваність і частоту, на швидкості мовби накладались один на другого, зливались, і вибільшувались в одну суцільну зелену звізду, здатну звести з ума. Вряди-годи ця понадземна смарагдова зірка де-небудь на роздольному закруті колії виокремлювала мертвотним ацетиленовим зблиском то щучий бочок рейки, досі вдало притлумленої мороком небуття, то свіже дроття якесь клубком, а то й просто розтовчену пляшку, чи навіть металевого гудзика... – і все-то те зближене за посередництвом смарагдової світності безголів'я на котрусь коротку, нескінченну мить (було) так наче відривалося з долу, множилось і броунівськи пирило при самій тверді земній – буцімто химерна завись у не менш чудернацькій колбі пітьми; тож від торивалого, а з обов'язку ще й незмигнутого удивляння в смарагд старий машиніст моментами просто сліпнув серцем, що воно навпомацки шукало ребер, а наражалося на пустоту, тоді як чубатішому помічнику в кашкетяку по-кавалерійськи набакир, мабуть, докучали самі лише попід очні, як би від бджолячого дання меду, набряки,

зате помічник мав негарну рахубу з ушми: міг забожитися, що тільки-но вистромиться з грохкітної кабіни назовні, то чує та й чує, як з його, з лівого боку келії, на деревах, вбраних в листьові кунтуші наопашки, поросячим вереском кричать наполохані неживою звіздою сичі. Кільканадцять разів помічник машиніста розліпляв був сірокраї, мовби в заїдах, губи, щоби звіритись про чудернацьке наслання з сичами, а проте старий пень усякраз випереджав його мову і відвертався до свого боку колії так, наче звідтам інакші йому, солодші, персональне спасенніші гучали голоси... або ж марилася русалка древляна, хтозна... З примусу недремні, розторсувані перевірочним автоматичним пижиком, сюрк якого належало негайно переривати вручну, – так вони, машиністи, і мчали проз ніч, так сліпнули серцем або вкривалися холодними мурашками, зазнаючи одноманітної наруги від цього лету без розмов і смислу, аж покіль не доскочили були до червоного розвидня і Котовська, за прудкою межею котрих урешті бабоголосо прокашлявся радіотелефон і загадав товарняку збавити шпаркості. Відтоді парубок звеселив губи, а за Роздільною, то мав чого й торжествувати: замість мерзенно кувікати перевертневим сичам – яро, зворушливо (бо наяву й оку), ніжно запіли, заплели свої хрещики півні! і вправно, дарма що з демосфеновими камінчиками в роті, розбірливіше заґелґотали дачні гуси! ...І ось вони тут, в Одесі. Ось хрумкотять нерозгинними хребтами. Бавлять онімлені з неробства руки. Все! Живі. Сповна розуму. Хіба ще душу – хоч викручуй, як тую сорочку. Нудьга... Аж гульк – хоч якась, а розвага: «заець»! Виявляється, пасажира калмки прогавили «Альо, відкіля ти взявся?» – загонисто гукнув був з верхотури тепловоза кашкет з молоточками. «Брись», – огризнувся мимохить Кирило Рубахо і, спідлоба назизивши окраєць ясного понад чадним мревком товарної станції крайнеба, рушив просто на нього так сягнуто, що відстовбурчені поли бляшано шкребли гравій межі шпал, а зінколи громохко заламувалися на цілий покрівельний кут, і тоді з прорізу дощовика вихоплювалася по лікоть гола, крученом'яза мовби саксаул, коричнева рука й розпрямляла нерозгинний залом, аби той не вадив командорській ході. Він достеменно квапивсь, Кирило Рубахо. Він поспішав як такий, що поклав собі (ще коли возлежав був очима до живих звізд небесних) якомога швидше залагодити марудну справу і здиміти з Одеси без жалю та вовчого сліду. ...А цікаво, найперше які слова він вимовить, приступаючи? Може: не бійсь, боляче не буде? Овва! мабуть не те... І що, зрештою, дістане на відповідь Кирило Рубахо – яку жалюгідь, яке паскудне скигління, заготовлене заздалегідь на всі випадки життя? Ет, коли б то знаття! Коли б то... Тим часом поскварнішало з неба – залітний гостювач і вийнявся був із свого прогумованого шатра, байдуже оприлюднивши знехаяне одіння, таку ж узувачку, пласку торбинку лляну з нещомудрацьким, напевно, скарбом подорожнім, бо що такий чумак у торбі мав би? ну, голку-нитку, сухарі, баклажку (якщо була) з водою на денці... Або: широколезий узбецький ніжик-просинець об руків'ї з козячої ніжки, та ще мідяні гадючки в'яленої дині, та, зрештою, складану тубетейку золітцевого гаптування? (Кирило Рубахо таки вийняв був її з торби, заповзвся втаковляти на голові, проте золота тубетейка ні за які гроші не хтіла триматись його

крислатих, кіптюжної барви кудел, то мусив метляти ними, невикритим, наче панк котрийсь). А вже бралось та бралось до півполудня. Зобабіч викаліченої бруківки лунала брайтонська музика садибок та «Хай живе» гучномовців. Трамваї бігали за вкороченим маршрутом. А жіноти, а дітви – як мошви! Продиратися крізь вододверть людей, схибнутих на ґрунті свята (так, наче Першотравень і справді, як про те дедалі частіше снувалися наполегливі чутки, дозволявся був мало не востанне), йти проз люди Кирилу Рубахо було неприємно, ба огидливо – буцім ошивався поблизу кислого поту шкарпеток і підпахов. А з огляду на нишпоркозору шпану, то та прагла негайних пригод, рухатися було і не зовсім безпечно. А втім, пусте: то не вартий чоловіцького подратуваїня мотлох; іще-бо й не таку відразу лучалось йому верстати путь! і не з такими людиськами випадало гедзькатися лоб до лоба. От як зараз бачить... Училище, казарма, стерші курсачі мантачать у закуті молодших, а дилда з личком сержанта, ест він чи лагишок, хто їх там розбере, прибалтів, садить коліном під дихало припнутого до батареї опалення Кирила Рубахо, все припитуючи: «Так склоняєтца твоя фамілія по падежам, да? склоняєтца по падежам, да, склоняєтца?! ...За кожним «склоняєтца» і «падежом» кров пташкою з Кирилового горла пурхала на близький табурет, а з його кришки рикшетгала на долівку – райськими яблучками в мініатюрі. Ну, довго розказувати, як усе-таки вивільнився з тенет Кирило Рубахо... «А не склоняється, гад! І не гнеться! – І табуреткою довготелесому (що й не кавкнув) розчерепив голову; та з уламком від казенного майна напереваги урубався з тилу запомагати своїм... Славний був Сталінград, як згадати. Річ узвичаєна, розголосо про баталію не було, зам'яли, далі кабінету начальника училища не пішло: «Вовчого білета кожному! – рокотаху генерал-майор. А виперли з училища самого лише припадочного прибалта, щоб не був такий розумний і не безграв прокурору скаргу за скаргою, буцім у нього від табуретки розпочались напади епілепсії. Нонсенс, обурився військовий служитель Феміди, падуча хвороба суть вроджена хвороба! А по-друге, товаришу курсант, до чого тут як попало згадується якась табуретка?!. Товаришу генерал-майор, з'ясуйте мені табуретку! Про табуретку начальник училища нічого путнього пояснити юстиції не міг, і наклепника комісували «вчистую», задіагнозувавши плоскостопність і, здається, хронічний катар... А наступного року і Кирилу Рубахо вчепили сержантську личку, але то вже інша історія; та й будь-які зараз спогадання милі геть не на часі, бо ж ондечки, он, за поворотом на Гоголя, не доходячи до Будинку вчених, ізліворуч – і отчий дім... другий поверх, сходи мармуром... Ото ступне при порозі в стару мідь цвяшин і промовить; ах, як він скаже, Кирило Рубахо! – Не утруднюйся відмикати двері і не питай, хто це прийшов, бо то я ж і прийшов, невідворотний як сама смерть!.. Ловко, ге? Гарніше хіба в святому письмі наеремієно; як там? – атож: обстрижи ти волосся своє та й відкинь, на лисих горах здійми спів жалісний... Щодо волосся, ваша правда, мовлене було з інакшої нагоди й, адресувалося переважно грішній баботі вавілонській, але то ніц не важить! позаяк Кирило Рубахо (а тут уже його верх) не заради марнослівних проповідей і не задля-для грізного, з супленням брів, напучення стільки був поневірявся по товарняках: унікаючи

міліції, тяжко, вперто, з крайсвіту добувався він сюди з метою неложною, а дієвишою з-над інші -зарізати одноутробного брата Мефодя, аби не мучився так, упосліджений та попустошений до краю.

– Дядечку, вам погано? Серце? Може, викликати «швидку»?

– Не твоє діло, йди собі, куди йшла, – нагримав на печальну малявку в матросці, з лялькою... І, зненацька, цибато вдарився підбіжки додому, не чуючи, як позаду з язика знехтуваної добродійниці ринула добірна брудна лайка з епітетом «моржовий», – саме те, що, мабуть, учути Кирилу Рубахо в даному разі не вадило б. Бо коли з дитячих устоньок лине скабреса, вона часто важливіша за саму істину.

Сльози розпуки та піонерськи завжди напоготовного розчулення душа душили Кирила Рубахо, мусив перепиняти їх іноді силоміць, аби задарма серце йому не стало. А що самого плачу було таки не задосить для виведення з ладу гальм, то штучно він накручував, дозбуджував себе де межі, поза котрою ані рука не здригне, ані сам себе не огудить за скоєне... Уздоров мене, Господи, і буду вздоровлений я на путі моїй судочинній, і бодай перед цілим світом посоромляться ті, хто шукав би приблизне з-поміж неточного – з чим би можна б мене співвіднести: з легкою кулею свинцевою, з випадковою цеглиною з даху чи з атакующим танком Т-72 – цим генієм невідпорності; тож ніхто не дерзне хай зопалу вмислитись, а що воно за таке – Кирило Рубахо? Хай чваньки від Юнга і Сербського не здешевлюють сутності Кирила Рубахо!.. бо задачка то – не про ваші привсохлі мізки, панове законопокірні громадяни, і не про ваші, закланні потаймиру, душі, котрі... которі... (ну душі, звичайно) трупом обриджень своїх збезчестили край сей! а їхні гидоти... гидоти спадок мені переповнили, о! О ...Немає бога, окрім Бога, й Індивідуаліст пророк Його. ...Так ось вам, так вам усім!

Золотар за світоглядом, мародер, і в тому ж разі майже народний умілець комплювати, Кирило Рубахо, що на віку спив тільки-но шумовіння з обізнаності, Кирило Рубахо з гідною подиву вправністю, легке поєднував речі несумісні, чисте з брудом і Боже з відразним, а в підсумку спроквола підводив усе до руйнацьких парадоксів та людоджерних висновків, – і верганням свого нахабного суржика зводив з ума слухачів, якщо (зінколи) мав таких – за чаркою, де-небудь на звалищі; але що суттєво: мішану трутизну, в котру на момент вимовляння сам ревно був увірював, до власної свідомості упускав строго дозовано. І лишень украй рідко, як оце допіру, на крайньому краї перед ломидушним учинком, Кирило Рубахо вигубляв сю провізорську ошадливість і ставав до себе нещадним. Та й то неспроста!

Уздоров мене, Господи...

Котрийсь хоспішливий досліджувач оцей його стан здужав би потрактувати як певну хворобу. І мав би рацію. Однак до певної міри. Бо в обсервованій ним нібито недужості й полягав усвідомлений, виплеканий Кирилом Рубахо засіб убезпечитися від впливу зовнішнього, нерідного світу. То був не тільки й не стільки захисний екран, скільки непроникна стінка сосуда, в якому пряжилося вариво з програм дій, завбачних і невідкладних за принципом «в належний час – в належному місці»; і чи не тому, з такими

труднощами щойно добувшись до свого (колись) дому, подумки Кирило Рубахо негайно запрощався був з ним, і на сей раз – назавжди?

...і буду вздоровлений я...

Відчуття невідворотності того, що мало статися в подальшому, втішило його самолюбство вершителя судьби, і лише воно, відчуття, дуже коротку мить різнило Кирила Рубахо з неживою машинерією... Та й перекочував був з торбини, перебравсь у похватне місце – за ремень – ніжик узбецький, широколезий!

...на путі мої судочинній.

Коли б хто знав, який то є солод незвіданий!

В кожнім оці було по товстій сльозі; каламуть їхня двовігнута дещо зайве викривляла чітку геометрію урни для сміття, рівного за ній горобця і, що геть недоречно, кособочила ліпнину парадного входу до вітчого гніздив'я; тим-то Кирило Рубахо звичним визвольним жестом вибрав ті сльози з очей, – як би старий добрий німець виймав два зразу монокла, – й усуховіч уже, вправний і як такий, що щасливо досягнув потрібної кондиції, Кирило Рубахо наступив драною парусиновою кросівкою на присходень із умурованим в нього царським написом *Salve*.

– Ну, Михво-о-одь! – Весело чи то скрикнув, чи лишень подумав був, тоді як рухи скрадливця були через їхню точність – жаскі.

Чи не повних уже два роки збігло з тих пір, як брати-близюки Рубахо, мамій Мефодій та зблуканий у світах Кирило, перекинувши врочистого з нагоди зустрічі стола, нарешті розсварилися були насмерть і при напівзомлілих батькові-матері склали клятву ніколи більше, нізачо, ні за яких обставин не бачитися і не знатися. «Перебери на себе мою частку житлової площі й живи, або вдався нею! – горлав з порогу Кирило Рубахо й сам не годен був скласти, чого в тому більше – відчайної правди чи награшу. – Але на майбутнє знай: ти віднині не брат мені». – «Згинь з очей! І теж затям: я не візьму ані крихти будь-чого твого», – навзаєм палів урівноважений і зроду поступливий брат Мефодій. ...Погром: на старому вешеному паркеті прів вінегрет і хризантема з келиха богемського скла, що й святих виносити з хати зайве.

А спричинила сварку Натаха, Натка, рідніше Наталка, світ за очі втекла з цього безпутнього дому Кирилова дружина. Власне, не сама вона, а вбраний у вишукані старожитні рамці «огоньковський» фотопортрет юної акторки Оренбурзького драмтеатру Наталії Кандаурової: свіжогуба, рвійна сибірячка, а очі, від них спасу немає... В таку-от – з журнальної обкладинки – знаду свого часу і втьопався був сухостійний лейтенант ПДВ Кирило Рубахо. Не питаєте, як саме, а все ж таки вислужився на десять діб відпустки, аби за цей час укоськати манірну і, за непрямыми ознаками, розбещену загальною увагою та поклонінням театральну діву. Було, оперше за увесь час маневрів і, додатково, після місячної випроби на виживання одинаком у кизилкумських пісках Кирило Рубахо донесхочу відпарився в гарнізонній сауні і закинув до каптьорки недоречні для нових цілей, ковані десантні «кімри», перевзувшись у мокасини, позичив цивільного костюма, вистриг на мексиканську ниточку вуса, а проте, гай-гай, жаданого перетворення на героя-коханця не сталось;

звітрена його пика все одно лишалась як би з кирзи краяна... Оренбурзька ж «діва» виявилась просто чудо: не комизилась, опору про людське око не чинила, невідчепний урвитель їй сподобавсь, що тижня не минуло, як вони й побралися. А допіру перед її фотопортретом і зарозгойдував був кумедні вихилиси зневажений, заочно (і то через кружне сприйняття Міністерства оборони СРСР) розлучений муж. «Муж – об'ївся груш», – покепшував з себе Кирило Рубахо, затишно на ту пору підпилий, стерпно іронічний... А що «Маяк» саме гнав танцювальну музику, то й зарозгойдувався перед «лебляжою» (як зозла полюбляв казати) вродю Навахи Кандаурової. Ну й дорозгойдувався, неборака: зі скарбнички своїх правдиво дошкульних негараздів вибрав, як би злого духа випустив, саму лиш образу – задавнену, загалом прощену образу на колишню дружину за те, до запрагла була розлучення саме тоді, коли він годував собою болотяних москитів і щоденно важив життям у сутичках з нікарагуанськими «контрас»; а зреанімувавши привид образи, Кирило Рубахо, своїм звичаєм, уміло розпучив себе до зшаління – й за одним разом уквивав собі кулака об скло з сухозлітним гіпсом. ...Злизав юшку з кісточок, сплюнув на діл:

– Ангелочка з себе стройть, іч.. Пава яка... графиня! Авжеж, вона і є графиня, тільки на румунський лад – Курвина де Блядеску! Ні, ви переконайте мене, чого Натасі бракувало? Хіба молочка птичого, та ще молока з...

І вмастив слівце з казармового лексикону.

– А ловою б ти об стіну бивсь, такий добрий! – запізно скочив на пружні цибаті ноги Мефодій. – Пощо Наталчине фото розтросцив, іроде?

– Тебе не поспитавсь, захисничка ляпаного! – Оцінююче й zarazом весело глипнув на брата; ухопився за недоладне, що воно в акурат вчасно спало на думку: – Гей, а чого це ти заповзявся їй адвокатувати? А нумо, нумо ж! Чи ти з Натахою, може, той?.. поки я там кров проливав, ти їй тут свого меду вточував, гм?

– Не смій про неї таке верзти!

– Ге! не об ній зараз річ... Я про тебе говорю.

– Провокуеш, аби я тобі в пику затопив?!

– А чого ж, я не проти, спробуй.

– Та, Михводику, та, Кирильцю! – то мати між ними.

Пташкою матір, леготом. Сама сухенька, як біб на припічку.

– Кириле! Мефодію! Шануйтеся... з учительською безнадогою домагався порядку й ладу батько. Гінкий та рудяво-сизий, начеб очеретина з льоду вгору.

Марно. Згедзькалися сини. Кари на них нема! Ох, діти, діти... (Найшлись вони пізніми, шо й не сподівалися, в подружжя шкільних учителів-мовників, що завчасу постаріло на крейді, нічних зошитах і ненастанному безглузді просвітянських перемін.)

– Отож, я там – пупа рвав, мене там сам Ортега з-поміж інших командирів – за героя мав, – загинав пальці Кирило Рубахо і з цікавістю, радніше – схвальне, прислухався був до тексту власне: мови, – а в цей час що діється в моєму домі? Суцільні збитки і своєрідний інцест! А не перебивай, Михводь! Ой, не перебивай мені... Підіб'ємо бабки, отже, поки я завдання державної

ваги справляв, Натаха, графинька наша, в гречку! Мало цього перелюбства – геть з дому дременула... хіба не так, Михво-о-одь? А так!

– Як ти смієш паскудити Наталку! Таж вона... покинула нас... – через те, що захлинувся на слові, прикріше занервував був Мефодій, на скорострільну фальцету збивсь: – А пішла від нас уже по тому, як вашу з нею дитинку поховала, очі сплалака, виглядаючи, ждучи тебе, мандрюху, сбіжисвіта такого... бо куди насправді тебе занесло – хто про це достеменно знав? а ніхто!

Необережно це він, Мефодій, ой необачно! – Кирило Рубахо тільки й чигав на подібний закид.

– Мене послали, і ти це чудово знаєш, Михводь.

– А й висточки не подав! Як той аліментник переховувавсь... ні?

– Ні. На локальних війнах немає пошти. І взагалі, коли б я міг писати? Я ж військовий снайпер, а не такий собі – Пржевальский по пустелях! – Упивався з того, що вже мало брат володів собою, що з флегманкуватого м'ямія, чим далі, більш обертається на злотилого п'яндика. – Розшифровую далі, спеціально для невігласів; я ж не звичайним стрільцем – я державною людиною там був, з усією, вважай, імперіалістичною Америкою змагавсь, загребуші руки їй укорочував. Та за одне це мене на руках носити треба! І любити, Михводь, ой палко любити, вірно кохати, а не так, як Натаха... – Повизбирував з віч неіснуючі сльозинки. – І дитину мою, плоть од плоти моєї... дочку не допильнувала! Ох, Натка-Натка...

– Любові вимагаєм, кохання? А я от – не люблю тебе. І ніколи не любив!

– Браво, похвальна відвертість. Дякую...

– Діти! та вгомоніться ж ви. ...Михводику, як ти можеш?

– А нехай знає, гидотник.

– Постривайте, мамо, не втручайтесь. – Кирило Рубахо стверезілим і надмірно поштивим голосом перепинив і батьків педагогічний порив. – За відвертість пасує віддячувати тим же. Тебе я, Мефодій, не просто не любив – зненавидів це змалечку, тільки-но осягнув своїм дитячим умишком, що я приречений був зародитись і цілих дев'ять місяців дождити світу в одному з тобою череві... Вибачайте на слові, мамо! Так, мені ще крупно позезло, що я вирвався на волю на сорок... таки на сорок, мамо?... на цілих сорок хвилин раніше, ніж ти! А проте сама лише думка, що я мусив стільки часу бути з тобою вкупі, моїм тілом де твого слизького, наповнювала мене відразу до самого себе, і спопеляла мій розум.. Чи ти знаєш, – зійшов на трагічний шепіт, – чи знаєш ти, яка то мука, брате мій одноутробний? Боже збав тебе бодай замислитися над цим!

Плакала мати – як би дух з неї відходив...

– Кириле! – батько вхопив собі голову. – Ти от Бога згадав, Кириле... то послухай! Кажуть, якщо Господь хоче покарати чоловіка, то позбавляє його розуму. – А я бачу: тебе Господь розумом правдиво наділив у покарання.

– Ага! То ти – державний муж, Кирило? – Мефодій уже не відав ані стриму, ані зроду притаманного жалю. – Державець, кажеш, діяч? Та кожен, якби з примусу опинивсь у твоїй шкурі, то з обов'язку честі мав би тримати язика за зубами! На вічному припоні! В разі ж, якщо такий ландскнехт, як

оце ти, Кириле, похваляється, що він є державною людиною, то це свідчить не лише про аморальність, але й про безперечно розумову хворобу!

– Михводь!

– Ні, ні, не заважайте йому, мамо, хай просторікує, такі викрутаси мене ніскільки не скривдять. Маю витримку, я бойовий офіцер, мамо... – Поцілував їй руку.

– Дай спокій маминій руці! Комедіант, – шалів Мефодій, – ти не людина державна – лайно державне, ось ти хто! Ні, лайно – хоч добриво для землі, ти й на це не тягнеш... непотріб ти, повним непотріб! якщо тебе та ж таки держава з офіцерів поперла! що змушений ошиватися бозна-де і харчуватися бозна-чийм коштом... Не р-руш маму, кажу! Державний він муж? Погляньте на вашого блудного сина! Упізнаєте? І дарма, вас ошукано: перед вами усього-на-всього зомбі! Найманцю, скільки срібляників тобі сплачували за кожну безневинну душу?

– Достатньо, – стисло розсміявся, – на бордель вистачало. Але не в цьому суть справи. – Ти увесь яд свій випустив, Мефодій? То й добре. Тепер нам з тобою, брате, вільно жити з широко розплющеними очима, без найменшої невизначеності. Дякувати щасливому випадку, нарешті я освідчився тобі в ненависті, одноутробнику мій, і при цій неординарній події не зазнав найменших збитків або докору сумління, бо – який сприятливий збіг! – і ти мене, виявляється, також ніколи, гм, не любив. – Отже, ставмо крапку і... хай живе істина! – Кирила Рубахо з'яскравило багрецем від радісного відчуття цілої виговореності та цілющого, здавна жаданого визволення. – То наливайте, чи що, батьку? Освіжіть наше вино, маю сердечно почаркуватися з братом.

Богемським келихом Кирило Рубахо напевно і звів би нанівець, або пригасив би, принаймні, прикрі зізнання, коли б не Мефодій:

– Чаркуватися? з тобою?!

І – за барки брата Кирила... Тож і пурхнули долу питво-наїдки.

– Мефодій! Кирило!

– Ді-і-ти...

Лиш над руїною застїлля й угомонились діти. Кожен знову став, як то відпершу було, самим собою.

У запалій тиші «Маяк» покрикував на світ голосом Єльцина.

– Да-а... – ще впокоєно, з глибочини свого замислення, видихнув Кирило Рубахо. – Намотай на вус: я есть вольная птаха, Михводь... мені ніхто не указ, і ніщо... ні моя невдячна держава, ні, тим паче, ти, добромисний наш слизню.

– Ти... вибачай, – похмуро мовив брат. – Я трохи справді... перегнув паляцю.

За мить промітного розмислу Кирило Рубахо визвірився:

– А пішов би ти... старцювати з твоїми вибачаннячками, блазню! Коли б не старенькі тут, я б тебе за милу душу приштопав, бо ще ніхто не замахувався на мене безкарно! – А по тому, повен презирства, уцвяховував образливі слова щодо його, Кирилової, частки житлової площі й таке інше... – Спасибі, мамо, і вам, тату, за хліб і сіль, дуже було приємно побачитися з вами, а відтак і прощайте.

– Та, Кирильцю!.. та, синочку, – сплеснула руками так, як би на міль полювала. – Михводь! ох Михводику... та проси брата, проси!

– Ні, мамо, ні, припросини з перепросинами мало важать. Скіпку з ока виймають, аби око не видаляти!.. Тож прощайте.

Тільки-но щойно, випадком зайтеривши блискавично-щучий погляд Кирила, Мефодій, осяяно, відновив цілісну картину того, що насправді відбувалось упродовж застілля з нагоди повернення блудного сина й брата, до чого вів (і мастацьки таки довів) блукалець – найти з безлічі, а не вдається, то вигадати, привід для розриву. Допіру Мефодій виразно розрізняв стьобане білими нитками Кирилове намагання за всяку ціну накинути їм налігачну думку, що буцімто не з власної волі він знову йтиме світ за очі – і то поневірятись іде! животіти; хай так, мовляв, але зате він, Кирило, мовляв, не буде скіпку в оці осілої родини і не спотворюватиме відлагодженого перебігу її життя... Господи, скільки вигадливості, скільки облуди! (На мить, що засліплювала, навіть заздрість відчув, однак – не повагу, ні, тільки не це...) І що вболівання за добробут і спокій рідних також було наскрізьно підступне, Мефодій угадував з відразою й жахом, і то – перегода, вже потому, як Кирило з ножем приставав і вигукував щось нерозбірливе.

Білий стояв, приголомшений; спершу не збагнув, тим-то й не опирався, щойно Кирило лицедійськи занополягав на клятві й до крові на зап'ястку кресонує себе лезом; «І ти давай руку – не водицею ж скріпляти таке, Михводь!» – несамовитнів причепа.

А... не протер руку під братів ніж, тільки-но, навзаєм, погляд осклив, як дзеркало став погляд; Кирилу Рубахо не сподобалось його крихітне відображення в тім люстерку, тож зареготав у тло сяйне, мовби каменюкою туди вгилів, а проте... з висадженого дзеркала, відтак, ринула така згусла тьма, такі незглибимі темноти, що Кирила Рубахо враз обспало призабутим уже, давнім, отим нікарагуанським болотним морозцем по шкірі, який усякраз передував був різницькій роботі «контрас», що плазом являлись на зняття вартових на флангах його, Кирила Рубахо, залоги. «Згоден, – мовив навпوماцки, як невидючий, Мефодій. – Якщо не можеш без крові, я згоден і на неї...» Й вони, на обопільне вже задоволення, склали клятву на крові – геть не жаліючи батька-матері, навіть не чуючи нашатиревого духу, яким обичайно промовляє безсилля...

Мефодій як би відконвоював брата до самих дверей і завалився на гандрабатий, мулький замок спиною, що знечутливішалась від незнаного холоду; а потойбіч дверей, на пожаданій уже самоті, блудний син і брат тягуче сплюнув у стару мідь цвяшин і розтер те на порошок – як би пуповину, що відслужила своє.

Так і згинув Кирило Рубахо в світах. Пропав – голка в сіні...

Багато чого сталось відтоді, змінилось.

Наталія Кандаурова, котру після втечі з рубаховської темниці рішуче «не ждали» в рідному Оренбурзькому театрі, тривалий час, і то з особливої ласки головрежа, страждала кур'еркою-куди-пошлють, вибилася в секретарки... а що до сцени було як до неба, здалась і перебігла в сестри-жалібниці при

богадільні, де загартувалася настільки, що потому здужала керувати драмгурком в «повійниці», себто в профтехучилищі для звільнених з колонії дівчаток, – а всього спізнала Наталка-витривалка, заки за конкурсом-об'явою виборала місце в містечковому алтайському театрику на другі ролі. Велось їй там, як зазвичай актрисам «на виріст»: то виснажлива колотнеча за краще місце під режисеровим сонцем, то (по тому) вдавані злети, то справдешні невдачі, провали, а проте переважали нудотні провінційні будні, плітки, інтриги, прожиття надголодь і, нарешті, заклиналні сподівання на скору ліпшу долю, що вони, сподіванки, з плином часу робилися принизливо схожими до блюзнірських молитов у саміську мить перелюбства, від чого вічно був у роті відворотний присмак старого маргарину. Наталія старішала в намаганнях не постаріти. А все ж якось і їхньому азійському балагану шалено сталанило: замість одного поважного московського театру, котрого перекупили на «забугор», на двомісячні гастролі до Сухумі було відряджено їх. Мабуть, абхазі не надто жалкували за столичними знаменитостями, а може, по простоті душевній, і не бачили різниці між московськими й алтайськими талантами в спідничках, бо ж і ті, й ті – вах! – настоящі белі жінщини... На виставах – аншлаги! А по спектаклях, о... то було суцільне свято, з вином і шашликами в горах! ...Однаково, що й будь-яке бучне карнавальне дійство, сягнули, на жаль, свого кінця й сумбурні (що – в стінах театру, що – на пленері) гастролі. Розлучатися з ніжним сонцем вересня, пляжем і птеродактильськи череватолускатиими пальцями Сухумі було над усяку уявленну силу, а особливо жіноті, до Кавказу яка знала один удюма, безперервний великий піст у найширшому розумінні. Тим-то великопістниці та сумирні, про людське око, затвірниці (до чого останніх неволило неперебутне ханжество російської глухомані), а точніше – декотрі з них, що за тутешнього розгуляйдушного жирування не розтринькали були житейської завбачливості і примудрилися навіть заощадити живу копійчину (як і Наталія), лишилися, на двотижневий відпочинок «дикунами». Або для б у ц і м відпочинку: так, наприклад, ота кікімора, б... завідуюча літчастиною, а за нею іще четверо (і Наталія серед них) ухопилися за Сухумі перервати свіжу, жаротну вагітність. ...Бог милував саму лише Кандаурову: гінеколог м'ясицьки огумленою рукою та її, Наталчиною, рожево розверстою піхвою зобразив «аплодисмент» і проказав: «Йди домою, ти чиста. А задержка місячних із-за смени пици, полагаю... Кушай больше часнок і перець!» А далі те-се, прірва вільного часу, цього разу, шкода, без ескорту перербірливих тубільців, що певно переситились алтайськими Чайками та ледями Макбет, – нудьга, звісно, жилкопівська вода, чебуреки на тавотах; а тут ще й утиски та презирство з боку лєнінградських професіоналок, чий празник життя, на відміну від акторського, живився виключно доларами в ліфчик. Четверо Наталчиних колежанок, що після абортів не відразу зализали рани в гаманцях, нарешті зладнались у північно-східний ірій; за компанію, стадно, придбала квитка й вона... аж коли це на міжміському переговорному пункті – спіткання з таким собі дядечком у панамці; Натаха спершу заостерігалась була: пікантний, однак явно з крутих дядечко, жах який феодал!.. а все ж не кучерява котрась – рідна кров, слов'янин... тож і прихилилась Кандаурова;

побачення, друге-третє – от і курортний роман, скоротечний, як усі вони; а проте цей незабгненним чином обернувся на палке закохання, к тому ж узаємне, і (от уже попелюшчин виверт долі!) колишня втікачка з Одеси, театральна старчиха, ба просто давалка-невлаштованка – з палуби «Шота Руставели» (ось вам!) невдовзі милується мревними проти косо сіяного жовтневого сонечка Потьомкінськими сходами, ставши Наталією Василівною Касіян (умовно) та хатньою господинею (о, безперечно, лише до кращих часів-перемін, кохана!). Вони, ліпші часи – щоб для театру, високого мистецтва – так і не настали, за чим Наталія Василівна Касіян, однак, не вельми жалкувала, і не в останнє число завдяки Касіяновій винахідливості в дискредитуванні акторства як такого й зокрема, а також його ненаситній жазі коханця – в цілому. Поокрім того, вона настановила була задачку собі серйознішу, аніж працевлаштування з мотивів пристойності чи престижу: мала заново навчитись мешканню в Одесі – начебто в геть незнайомому місті. Наука давалась легко... Не без задоволення, далєбі, Наталія Василівна тривалий час справді чулась новоселкою, ба іноземкою: ретельно, пішечки вешталась, упізнаючи (й не дуже) чарівні куточки Одеси, милувалась і старанно завчала їх, надихалась ними, що декотрі закамарки навіть зафотографувала на незабудь на доступний, попри її «технічну» криворукість, «Полароїд»; а вже під зиму десь Наталія Василівна неждано впала в пересит й усе рідше й рідше, гнана з квартири лише пусткою від безлюддя, наважувалась на екскурсійні швенді під милим серцю дощиком або ж осоружною ламкою крупкою сіверка, і жодного разу не дозволила собі наблизитись к осоружному будинку на Гоголя з осоружним *Salve...* тим-то не знала, що подружжя вчителів Рубахо на ту пору, пору засвоєння пройденого (Одеси), вже поховане було на новенькому, не за її пам'яті виниклому Північному кладовищі; тим паче знати не могла, що милі старички згасли один з-перед одного чи не протягом місяця... – після того, як умовно молодший син збезножив (на станції Одеса-товарна маневровий тепловозик обтяв його, принципово на роботі завжди тверезого диспетчера, укоротив по саме нікуди), а старший, як лише на гіркі передчуття батьків, а й на переконання міліції, куди вони неодноразово подавали чолобити на розшук, – старший син остаточо забомжував у навіженому, не придатному для інакшого життя, умираючому світі СРСР.

А тим разом не умирало для Кирила Рубахо лиш одне чи то селище, чи напівмістечко на узбецькому крайньому, поза-ферганському півдні. Хоч і воно не вмирало рівнозначно, як і не жило, позаяк трудно визнати за справді живе тутешню глинобить, улазливу, повсюдну – глинобить халуп, чайхани і безверхого мінарета, вже не кажучи лихого слова про місцеве народонаселення, котре також було нібито звалььковане з навколишньої жовтаво-сірої глини запустіння. Власне, самого народонаселення так начеб і не було: відколи, в розпал осені на середньо-руських рівнинах, Кирило Рубахо відкочував сюди на зимівлю, тутешній народ незмінно складали рахитичні, частіше – трахомні діти винівечиних на бавовнику, спустошених і покірних матерів (кожну з яких, на вибір, мати за жєнщину в ліжку – можна б хїба під загрозою смертної кари) та ще жменька деспотичних аксакалів. Де перебували міцні, червоноші,

опецькуваті чоловіки, по яких таких тмутараканях загаялись-загуляли на гарячих ахалтекинцях молоді джигіти-воїни, де, зрештою, звідкоокі юнаки, обрані долею чи громадою на чин розуміння і товмачування мудрих книг Авіценових, а передовсім – осяяного Корану? Де вони, де – люди з живою кров'ю та незнищенною жагою діяти?.. Бісміллахі рахман рахім! Аллах акбар... Того ніхто не знав. А Кирило Рубахо не завдавав собі клопоту й випитувати. Навіть у виродка з туземних – бомжа Адила, типографського колись лінотипіста. Бо й навіщо? За тими, кого тут немає, нема чого й побиватися: значить, так треба, значить, так склалося з волі певної закономірності: так є і так пребуде до настання привсіх кінців! Сидячи, було, на порозі занедбаной сарайчини, що на околичному підгірку, Кирило Рубахо знехотя будився від тягучої дрімоти, млосними, ще малотямущими очима нашукував унизу поруйнований фалос мінарета, а вже за тим, опритомніло посміхаючись самими лише перепічковими вилицями, щоразу втішав себе одним і тим же: «А кінець усіх кінців уже настав». – Он воно, як на долоні, останнє стійбище останніх на землі людей!.. а довкруг, скільки стане зору й уяви, пуста та руйна, пуста та безлюддя, пуста та щурі... – оце й усе, що позоставили по собі всілякі там демократи, ліві-праві гидотники, агресивна більшість і наскипидарена в ж... меншість, мати їх так, вони лишили це по собі, вони, а не ядерна війна! (Ядерну Кирило Рубахо поважав – до ніжного спазмоблуддя під ложечкою...) А проте, казати правду, від певного часу він набагато рідше переймався будь-чим, що таке не торкалося безпосередньо до життя, до чистої фізіології. Для існування ж (і прохарчу) сталося самото лише рефлексів. Доволі було мисливського інстинкту. Достатньо – нахраписто перелізти через перший-ліпший дувал: поза ним греблися в глиняному поросі худі кури; завше порожньогруда, жінка лестиво, рабськи мружилась на руського злодюжку (хоча крадієм він, у вульгарному розумінні, й не був) і так наче цікавилась: бісміллахі рахман рахім – в ім'я Аллаха милостивого... – руський скрутить голову лиш одному півню? ...Аллах акбар! – милосердно притакував Кирило Рубахо і, не марнуючи часу на пусті балачки, приступав до ловитви півня дощовиком морського офіцера. ...Іноді господиня власноруч пекла йому «табаку» під гнітом бухарської вугляної праски часів емірату. Він же ретельно й наосліп (так би жердину запертя кінь претрублював з люті) гриз, трошив, жорнував трубочаті кості, жував, ялозив обманно розм'яклі, як вимочений карагач, волоконця півнячого м'яса, вряди-годи порпаючись у дуплах обидвох зубів мудрості масним указівним нігтем: а нівроку зуб'ята! ще, може, послужать, Аллах акбар? – воістину акбар! – Упродовж його трапезування узбечки непевного віку зазвичай тримались оддалеки, незворушні й так наче гнівні, а здогадно молодші – дивно присідали навпочіпки, але також на безпечній відстані, хоча ті й ті жінки однаково внутрішньо захоплено спостергали, як вправно двигтять щелепи живого, дужого, звабно спітнілого мужчини. Де вже було котрійсь споглядальниці вчасно (щоб не переохолодились) вигнати на сухе дітей з арика, в якому вони хвацько, на спинах, текли вперемішку з гнилими недоїдками динь, аелітною піною від прання, з бебешками віслюків, з утоплими жуками, голопуцькаами й іще бозна з чим, що становило та пружило течію смердючого водогону! Отже, Кирило Рубахо набивав воло, а жінота ви-

дивляла очі. Наостанок усяка господиня, точно вгадавши, коли – пора, виносила до безсердечного здирника, гяура, повну піалу з водою, влещувала данинобравця; Кирило Рубахо, як належне, приймав піалу обіруч, його мало обходило, що вода для пиття брана, може, з того ж арика (часто-густо так воно й було); його не відражав тонкий сморід, навпаки – дух гниття, розкладання, міазми арика були для Кирила Рубахо-філософа пийнятніші над усякий змислений аромат земний, позаяк вони, сукупно з його свідомістю, співукладали благу вість, що життя тут, в оцьому останньому прихистку останніх людей, іще єсть. В інших краях життя немає, а тут – ще є, жевріє, держиться! ...Життя припиняється там і тоді, де і коли нема чому гнити. Все це Кирило Рубахо сприймав з чернечою сумірною завдякою. Рівночасно був удячний долі і за можливість по обіді (обіді дужчого в зграї!) неквапно, по-горянськи всією стопою наступаючи на глину підтірка, вернутися до сараюхи на законну сіесту. За сіестою можна поміркувати про світ – сама любота! Світ, тим часом, ущільнився до обширу напівселищанапівмістечка в западині, схожій до межигруддя кустодієвської купчихи... саме так, до спадистого межигруддя! з разком глиняного намиста стежки – під гору! Це він точно вгадав: дві цицьки, а більш ніякого світу не було. Не було й людства. Бо кому бомкне в голову, щоб на цілому серйозі вбачити добрячий виламок людства в отих декількох бомжах, які, хоч і виринули з ведмежого анабіозу, все ж іще зволікали та зволікали з обіцяною самим собі прощеною у північніші, негостинніші, одначе звичніші краї батьківщини? Оця шушваль, ні, не могла зватися людством! Годі казати і про там-тих, іще злиденніших, мушвою осілих у долині, недожінок, недоїтеї і, може, недоаксакалів. Оскільки се твердження (щодо світу та людства) сприймалось як аксіоматично вірне, то Кирило Рубахо і знати не хотів об тім, що коїться (чи не діється нічого) поза межами його шагренового шматка повноцінного існування віч-на-віч із самим собою, щоправда, благословенну непоінформованість іноді порушував Адил, що хворів на дурну манію вициганювати в добрих поселян усілякі газетки – буцімто на самокрутки для князя бомжів. ...Аксакали дивилися на виродека свого племені так наче сліпими очима й давали. В разі таланило, Адил приносив цілу паку, і дарма що були старі, як мертвому припарка, вистиглі часописи, любив Адил при багаттячку зачитати цікавину вголос. Зінколи за це його били. Кирило ж Рубахо ставився до спорадично явленної хати-читальні спокійно, власне, ніяк... Так воно, при жеврінні вогниська, розпочалось і тамтого разу, коли Адил роздобув лише половину «Аргументов и фактов» і з досади вибубонів її від титли до титли, час від часу при цьому глузуливо, схвально, розмисно, радісно, панічно чи обурено вигукуючи універсальне: «От дають!». Бомжі – хто вже покрикував на читця-декламатора, хто – передражнював чучмецьку його вимову, проте до мордобою, загалом, іще не йшлось; Кирило Рубахо в рубцях сорочки запекло нігтив білду вошу; звично – свіжо, ніжно – бралося на вечірніч; аж коли це Адил малорозбірливо, з азійською тарабарщиною пополам, та ще й закликаючи в свідки котрогось Азіза (а може, Хафіза...), заспівчував був щойно вичитаному інваліду: «От дае!». А вмовкнув – так наче вмер обличчям на схід. Однак невдовзі спала йому навіженська думка, мабуть, відтак нерішуче поторгав вошобоя:

- Слушай, ти ж Рубаха сам, е, князь? І ти з Одеси?
- Руба-хо! Скільки втокмачувати?
- Тут і пропечатано: Руба...хо! Може, родич тобі?
- Навряд.
- Але ж Руба-хо!
- Ну й що? На таке прізвище тьма народу.
- Ну да, ба-альшой город Одеса, мільйончик!.. А ініціал – ме – тобі нічого не говорить? – підозріливо глипав на Кирила Рубахо.
- Ні.

Адил унюшпився в газетину, мимрив, із жалем погоджувався, що воно так; на те й паровози, аби ними людей калічити... ну, а безногому, та ще й одинаку, справді хоч у петлю лізь! (Кирило Рубахо на ті закидони – ні пари з уст...)

- А в цім абзаці... ох мені! Зачитати, князь?
- Не треба.
- Зсучився народ, – несхвально мовив Адил. – Ось, наприклад. – «Колишні колеги тепер десятою дорогою обминають мій дім... Ніхто й кухля води не подасть... сам як перст, не маю жодної близької душі... Дійшло до того, що батьків моїх і то чужі люди поховали!» – Із суто азійською палкістю, що однаково придатна і на час гніву й у мить сентиментальності, цитував Адил.
- «Померли, значить, батьки. – Земля їм пером! Невеликі були грішники».
- Рівно, в такт диханню, подумав Кирило Рубахо.
- Геть зсучився народ! – правив своє Адил.

Деякі з бомжів, що не заспали ще, зачали батькувати чучмека, заврушкались, «не дави на мозжечок, Адиле!», грозили побити; а проте, щойно наражалися на повільний погляд Кирила Рубахо, миттю прикусили язика.

- Перекажи стисло, Адиле. – Тільки щоб засвідчити владу, твердо мовив Кирило Рубахо. – Чим закінчилася різдвяна історійка про того безногого?
- Та чим! – зрадів Адил. – Хреново мужику! Пише, ще молодий, ніколи не курив, не коловся, мало вживав...

- Хтось гугняво встряв: «Баб не займав», і бомжаки зареготали.
- Маю, пише мужик, абсолютно здорові внутрішні органи: серце, печінку, нирки й усяке інше.
- І при всьому цьому багатстві він не бажає жити, правильно?
- Правильно! Ось, чорним по білому: «Не хочу і не можу животіти так – надалі». – Аллах акбар! Смерті прагне чоловік.

«Тому й написав про це в газетьонку? Ха-ха!» – «Бач, оприлюднив бюлетень про стан свого дорожогоцінного здоров'я!» – «Неправда ваша! Чоловік жити перехотів, а ви... мелете! Козли безрогі». – «Сам такий! Замість ото писати, нехай би повисивсь, якщо жити не хоче настільки». – «Жити не хоче? Єрунда! То він дурку ганяє, пишучи про самогубство». – «Або цим шантажує когось...» – «Ну, шантаж – це проблематично! Як на мене, психіатра зі стажем, цей... гм, дуже практичний індивідуум просто давить читачам на сльозову залозу!..» – То бомжі завели поміж собою; попервах урізної вели, а що далі, то суглосніше – майже пісенно.

Ця заколислива кантата у виконанні хору бомжів насилала пелену на очі, що Кирило Рубахо змушений був стіпувати головою, тоді як Адила вона подвигала на рик, доволі, правда, віслюкуватий:

– Йа-а... а-а! Зсучився народ. – Незбагненним чином цвів Адил глинобитними вилицями. – Чим ви слухали, га, задницями? Таж про самогубство не було й слова! Каліка пропозицію має, ось, зачитую!..

«Я молодий, здоровий, а є такі хворі, що приречені без пересадки... Хай ті, хто потребують трансплантації внутрішніх органів, візьмуть моє серце, чи що кому треба. За мої нутрощі я не правлю жодної платні, нехай лише поховають мене по-людськи, а не в гробу, найнятому на прокат, або в пластиковому мішку, як це водиться у нас в Одесі!» От дає, ге?

Справило враження! А справило...

Адил же кував залізо, поки гаряче:

– А ченч який, ченч: серце за гроб! Що не кажіть, а хват, одчайдушний він паруб'яга!

– Да-а... рубаха-парень!.. да-а... Рубахо! – І ще щось, подібне та спосібливе до обставин, антично видихнув хор бомжів, і під молодими звіздами запала незмірна тиша, на зішестя котрої всяк уповав по-своєму...

Кирило Рубахо ще поцікавився, був мимохідь, спершу яку посаду обіймав отой торговець власним лівером? Адил нашукав потрібне місце. «Диспетчер!» – доповів з нез'ясовним презирством. «Отже, точно: брат Мефодій в усї дзвони калатає...» – законстатував і негайно заснув, уклавши обчї голови зневошену сорочку-хабе.

Він спав, як спав би сатир на пенсії. Він нічого не почував, будь-що зле йому не марилось, ніщо не доймало, чув лиш овечий древній послід під собою, нічого іншого, тобто ближчого за часом виникнення, для нього не існувало. І в цьому розумінні він не мав минулого. Не ним похованих батька-матері – не мав... упослідженого каліцтвом брата – не мав... мав хіба що крайню плоть, увісні вона пожадала жінку, і то не будь-яку, не просто спосібну для полегшення ядер, а одним-одну, єдину, незабутню, що була вона – Натахою; крайня плоть пам'ятала, в и п а м' я т л а її, Натаху, одну з-межи многих, крайня плоть псово, псами цілого всесвіту, коли б таких уособити, коли б звести їх до такої малості, – крайня плоть винюшила Натаху, марила Натахою, пожадала саму лише Натаху! тоді як решта Кирила Рубахо, решта його мисленного ества – ні... Тож і в цьому розумінні він не мав минулого. Минуле в мужчини, на відміну від жінок, сточується не з уривків любовних пригод, ухоплених крадькома і найчастіше потаймиру, та спричиненої тими приключками ненависті, а з рожденної схильності до ворогування привселюдного і, ширше, з агресивності войовника просто неба, сказати б, на відкритому просторі, з жаги до змагання за неодмінно особистий простір, – що в підсумку майже завжди призводять мужчину до поразки чи, в гіршому разі, до нищівного зубожіння духа... Так, так, Кирило Рубахо не мав і не хотів мати минулого. В цьому й усїх інших розуміннях. Жив виключно й лише поточною добою, радше – миттю навіть... І це було перманентно. Так навикся, так убувся. Ну, а що ж до ймовірних прикидок самого Кирила Рубахо стосовно власного майбутнього, то тут

сторонньому вільно лише здогадуватись. Або висловити припущення так, начеб ідеш кромішнім лабіринтом напомацки.

Поночі, хоч в око стрель, було по всіх усядах, коли він на півслові сну враз опритомнів і по-солдатськи хутко й ґрунтовно злаштувався в путь.

«Нах хауз, нах хауз... я, я! Унд гебен зі бітте айн корб міт фрюглінгсблументен... я, я!» – Цією шкільною, не зовсім точно згаданою німчизною Кирило Рубахо, як наче живоплотом, відгородився від усіх і всього на світі, і в тій уявній оборі-кошарі почувся так добре, настільки замаскованим від можливих вивідників, що притьма склав собі шану, мугикаючи на мотив блаженної пам'яті «Августина»: «Ах, майн лібе юберменш, юберменш, юберменш». Утім, замилювання собою тривало недовго: в путь! Він пошукав зірок, і вони де-неде найшлись, але не стільки і не так, аби міг визначити годину. Прислухався до жител у западині, марно: звідтам, як з великого шлунку, мовчали Кирилові Рубахо з'їдені ним півні. А тьма, тьма яка, Господи! ...Проте він чує досвітень, як навикса шкурою здалеку учувати поживу і безпеку.

– Мумійо... – завсмоктував ніздрями невидимий спершу Адил, і видихнув на штиб астматика: – Х! х! х!.. Целебні сльози нашого каменя! Врачують рани душі і тіла. Нюхни для профілактики, князю. Іще благословенний Хафіз, да продляться дні його в садах небесних, казав...

– Дай спокій Хафізу!

Від азійського химородного красномовства його вернуло. Незгірш, як і від облудності тутешніх світанків.

– Давно не спиш, Адил?

– Я і не лягав.

– З якого це дива?

– Думу думав.

– Ага, думу думав. Ясно... То, кажеш, мумійо?

– Мумійо.

Кирило Рубахо не мав потреби нюшити, бо й так донесхочу був назнався, чим у передрання посморджує ото знаокіл.

– Ну, і вколо чого ж, Адиле, дума твоя крутилась?

Адил дав спокій насосним ніздрям. Принишк. Зітхнув. І з невластивою перше сповідальністю мовив:

– Я прагнув, князю, розібратися в собі... ну, в почуттях, бажаннях! Хотів до краю пізнати самого себе.

– Істина була десь близько, але не далась. Еге ж? Поважне заняття! – Глипнув на схід, подумки припустив, що зараз, мабуть, акурат пора перших слов'янських півнів, отже, саме час і здиміти б непомітно, таж, як на гріх, підглядника лихий підсипав. – А нумо, нумо, дай-но уважніше тебе роздивитись... Ну, викапаний араб!

І прислухавсь, наскільки дружно сплять інші бомжаки.

– Чому араб? – Адил поспитав, як би дитя скривджене.

– Бо араб! Ті також, замість іти назустріч враженням іззовні! замість утручатись у зовнішнє! замість діяти, перетворювати і радісно ставати до бою! – Кирило Рубахо мало переймався смислом мовленого; він умисно

вивищував голос, аби випробувати міцність сну бомжів, – ті жалюгідні араби всі свої душевні сили направляють усередину себе! тому відчужуються від життя і нехтують земними помислами і турботами!

Ніхто не прокинувся; Адил ошелешено дивився на воланця; той ухопився за ниточку філіппіки й дійшов висновку:

– Тому твої брати-араби, Адиле, через їхню пупоспоглядацьку натуру, нічого путнього так і не досягли... ні в науці чи мистецтві, ні в державотворенні.

І стіпнув долонями, як отряхають з них прах.

– Як то нічого не досягли, а алгебра?! Аль джебра! Чия?

– Ет, шкода говорити. – Було вже нудно; продовжив доволі механічно: – Арійські індуси розв'язували рівняння, прогресії вже тоді, коли твої араби взагалі ще не починали докладати зусиль у цій науці. Араби, а якщо ширше, то семітські народи, завжди або продовжувачі, або коментатори, але ніколи – не починальники... їхні пріоритети – в данні гучних назв! Аль джебра, наприклад... Але для першого разу досить з тебе духовного позитну: кожна Ганна по-своєму гарна!

– А ти, значить, не такий, князю – ти буцімто з іншого праху ліплений? І для тебе, значить, нижче твого достоїнства поринати в себе? – без усякчасної поштивості закинув Адил.

– Чому ж нижче? Пориною! ще й як пориною, брат... А проте мені для виправдання свого існування на землі замало самого лише споглядання власного пупа. И за вдачею життєрадісний. Борець я і перетворювач, Адиле! Мені ризик подавай, рух мені, труднощі! Нарешті, моя серцевинна воля – так і пре з мене назовні...

– Що-що?

– Дух мій! направлений назовні! – сердився з нетямущості. – Мій дух намагається підкорити це трикляте, – повів рукою, – зовнішне... ну, тобто наш з тобою світ! Ясно? Підкорити або, принаймні, відрегулювати його ставлення до мене.

Тепер Адилів час торжествувати настав:

– І дорегулювався! До бомжа...

– Марно говорити.

Лише допіру Кирило Рубахо поглянув на бомжука з щирою цікавістю:

– І часто ти вправляєшся в цьому?

– У чому, князь?

– Загалом – у пошуках смислу життя.

– Колись переймався цим частіше, тепер менше. – Адил замисливсь. А ввечері, якщо доживу, це не інтересуватиме, може, зовсім... Як маю знати? Все, все тайна: комусь вона відкрита, іншому ні.

– Ти про арабів? Не журись! Усе поправне. Якщо вдасться роздобути десь, почитай Розанова! Не забудеш? Ро-занов. Головатий муж.

– Ти нічого не зрозумів. – Адил скрушно зронив голову. – Не про це вів я мову...

– Буває, – охоче погодивсь.

– А не брався б ти, князю, вирушати так згарячу. Х! х!.. Та й чи певен ти, що своє рішення виважив до найдрібнішої піщинки?

Як і досі, сидячи на п'ятах, угойдувався вперед-назад Адил, але відтепер іще й незворушний в скорботі лица щокастого. Кирило Рубахо розсміявся на те, та й край.

– Розумні люди, – тужно провадив Адил, – мудреці навіть, а й вони над правильним рішенням билися роками... іноді все життя.

– Моє привиділось мені вві сні.

– Аллах акбар! – жваво здійняв руки Адил, а по тому єхидненько вирік: – Буває...

– А таки сонному! – вже дратуючись, наполог Кирило Рубахо. – Як, наприклад, Менделееву вві сні прийшла його таблиця!

– Неправда твоя, князю, – м'яко заперечив Адил, – уві сні ти не мислив, як учений той... уві сні ти кричав, усе Мефодія кликав. Брат він тобі? Брат, я ще звечора здогадався. Цілу ніч я розмірковував, до якого рішення ти пристанеш... Ну, і що ж ти надумав учинити, князь? Але все одно... що б ти не намислив, я маю в заначці в'ялену диню, а ти маєш ножа...

– Яким я надумав прирізати брата, щоб не мучився так довго.

– Х! х, х... – То було щось проміжне між астматичним видихуванням та неприхованим кепкуванням. – ... Візьми диню, князю, солодка – як поцілунок сарноокої Зухри! пружна і барвою бронзова – мовби перси її при низькому місяці у повні... Не погордуй данням, князю, бо не гоже до брата з порожніми руками.

– Ти що, арабе, геть чокнувся на пупоглядстві, недочувати став?! Казано ж тобі: добивати іду! завдати удару милосердя! Чув про такий лицарський удар?!

– Не кричи. Ти ж не спиш зараз? То не кричи, князю, помовч. Он, і наманя вказав рукою: – Ніч! А ніч зобов'язує..

– Яка, к чорту, ніч, чучмек? Світає!

– Не чучмек я, і не араб – узбек я; то візьмеш диню, князь? Не ображай відмовою... Ніч, князь, – і знічено осікся... – В ім'я Аллаха, милостивого, милосердного!

– Бісміллахі!. – лютою на те луною – Кирило Рубахо.

Помічено: горянський, розбещений сусідством з окам'янілою вічністю люд за доконечний ранок вважає пору, коли в небесах можна розрізнити орла ширяючого. Тим часом узбецькі світанки не одномоментні, узбецькі світанки складаються так наче з декількох: їх, як на чужинецьке загребуше око, щонайменше три. Спершу (як оце щойно, Адилу на посоромелння) заряджоче щось у межигір'ї, слабка так заряджить, сиво – як би черевце перекинутої на спину ящірки... і безпорадно заскорочується поперечними, згодом, м'язами тамта гостротрикутна присвітлінь, що неюоприсутниться, видобудеться з небугта кожен більш-менш поважний вищерб улоговини-сідла,.. а проте ся межигірна ряхкотнеча пропаде по нетривалих конвульсіях її, як не бувало, тільки дзякне натомість жулан, забіякуватий горобець туземний, і пересміє, перекривить іншу якусь пернату твар Божу, чийого звуку сумирного голосочка якраз і недочує чужинець, оскільки дзвоном уші йому закладе поновлена тьма, моторошна, дарма що зміліла, та збагачена на пахтінь одвологлого кізяка (хоча національно свідомий Адил запевняє, що то пахне в горах мумійо). Однак і

насамочевидь зміліла тьма – все одно ще тьма, все ще мовби ріка, не баюра котрась, горобцю по коліна, тим-то рівний тяжкоплин її, чи ріки, а чи тьми, якщо дивитися в нього надто зблизька й занадто пильно, відкриває доступ в себе не далі біжучої поверхні... а що там, поза нею, в глибу, за тонкою, нерідною плівкою тьми чи ріки – не дано розгадати нікому; коли ж хтось наважується уявляти, нафантазувати вміст, то від самих-но припущень настає легке запаморочення розуму, думки ж, досі однинні: ясні та впорядковані, – відтак спороджуються во мнозтві й хапкома, вони наскакують одна на другу, безладнішають, звихорюються на хаос («Нах хауз» на цю пору – не кращий стопкран!), а понад це – некеровано ватяніють руки-ноги, зіниця розпливається жовтком на все око і ціпеніє чоловік, вигибає в ньому пройдисвіт і зарізяка, а тамта малість, що недошкребком лишилася в нього від хвального гомо... западає в таке перехопне німування, що його спокусливо б назвати мовчанням з поваги до тьми, коли б не було воно насправді мовчанням від страху перед тьмою. Без страху немає тьми, вона живиться ним, некрофілка; без тьми – не вві тьмі – не спалахне рятівна, жорстока думка, нею живиться принаймні послідовність. Міркування, отже, було просте й замацане, як циганський бубон: Адил небажаний свідок, Адила належить усунути. «До перевалу підеш зі мною, Адиле». Так не запитують, не стверджують – так метикують уголос.

– Я знаю.

– Отакої!

– Знаю... – Приреченим обличчям до сходу, начебто з каменю тесаний, сидів Адил. – Не заважай, прошу.

Там, у чий бік він прощавсь, вирувала друга, по-узбецьки, спроба розвиднитись. Понад неправдоподібно чіткі (мовби на витинанці базарного силуетиста) крайки вершин і, ближче, підвершив ацетиленово зайнялася, бужково, ясно-блаватно зайнялася сліпучка, – дякувати долі, цей удар межі очі тривав лишень якусь мить, хвильку, інакше б їм сльозавитися до повного Кирила Рубахо знеподобіння. Несосвітенна дурість була – з чистої хизоти втаємничувати Адила в наміри! Відкопилів губу:

– Давай уже твою диню, узбек. Та й ходімо помалу!

– Благодарю, князь... Я ще й тьобетейку маю, новісінька!

Кирило Рубахо фиркнув. «Не вовтузся», сказав; а по тому сказав, що передумав: замість бити ноги на далекий перевал і таки жваву трасу, вигідніш буде гайнути на стару шосейку, ген-ген де вона, по той бік селища... правда, в такому разі доведеться перетнути ці глиняні бродвеї, однак іншої ради немає; на плутану тираду Адил відказав незворушним «я знаю» й тямко зазирнув «князю» у вічі.

Так вони і заверстали недобру путь, адже обоє здогадувалися, з якої речі та чим саме буде вона недоброю... Скоком-боком по крутуватій стежині, зигзагами; Кирило Рубахо позаду: конвой!

Заключний, сталий тобто, світанок – рожево-молочний і неблаганний як піднебіння голодного немовляти – наздогнав був мандрівників при околиці напівмістечка, а проте вони не надали йому ваги, не порадили: з-над першого ж брустверного дувала вигулькнув коноплянобородий аксакал, що, належно оцінивши ситуацію, не проминув строго запитати:

– Кудя відьош нашево Адила, аскер?
– А тобі не все одно?
– Харашо знать, кудя можна гнать етот син кабана і ослиці.
– На кудикіну гору, басмач!
– Салам алейкум, – уставив і своє слово між їхніми Адил. – Мир і вода дому твоєму, отець!

Відповіді не пролунало; зате, коли вони заздіймали курявку далі, ветхий дідуган не полінувався видибати за хвіртку: гострозоро, проникливо дививсь (як цілив) їм у досяжні, довго, кілька хвилин досяжні потилиці.

– Не ображай аксакалів, князь... тебе запитують – ти ввічливо відповідай. І здоровкайся! Восток дело тонкое.

Адил озирнувся на свого підганяйла і кроки стихив:

– Ти мене показувати ведеш, то й показуй, а не кривдь заодно людей!

Не здогадавсь бодай пирхнути, як, уgliedівши наступного, при своїй фортечині розпитувальника, Адил спрожога підбіг до «князя» – вчепився попідруч, улипнув, що вони з «князем», такою от сіамською півторабульбою зрощеною, постали перед ясні очі Адилового зневажальника; сам нехтуваний, поштиво привітавшись і випередивши будь-які запитання, почав звідомляти, що вони з другом ідуть на великий байрам, буде солодкий плов, ягняче сідло, бараняча голова з очима, звісно, для руського друга, сам же він, Адил задовільниться іншими ласощами – ну, аксакал має знати, про що мова (тут Адил по-змовницьки підморгував і переходив на узбецьку, що старий цап оживлявся і зволю навіть кивнути: ще б пак не знати, мовляв!); а «руський друг» при всьому цьому стовбичив, так наче перевитий обіймами, скрекував, тільки й мав, що дивуватися, звідкіля стільки моці в бомжаковому некоханому тілі, щоб отак невідтратно горнутись; щойно ж Адил шовком дошивав нісенітницю про частування, що чекає на них з другом аж у самому райцентрі, та зичливо прощавсь, як тут же, за кілька стопнів од утихомиреного деспота, враз перестав тулитись і з гідною подиву слухняністю чимчикував уперед – займати місце конвоюваного. ...Він і руки тримав як арештант – вивихнутими за спину; картатий, при сідниці гойданий, жалюгідний клумачок з пожитками довеселявав картину, що Кирило Рубахо, замість докладно обмізковувати подальші дії, торопів геть. Тим часом Адил розрізняв попереду чергову тубетейку над бородою, навикло біг до «князя» на тули-тули з обійманячком – і все повторювалось знову: байрам... бараняча голова... солодоші... Зінколи він урізноманітнював побрехеньку, тоді до меню долучалися дзвінкіші (як от д а с т а р х а н) слова, або ж і кілька рядків з Хафіза.

Так він, Адил, човником ткацьким снуючи то на відстань від Кирила Рубахо, то впритул до нього, першим і вихопивсь був за крайню халупу, і навимашки, як би плавець, утерся обома брязкучими – від лахм і живого тіла з-поза дір – рукавами: все! хвала Аллаху, це проходження крізь стрій аксакалів завершилось! ...Однак і за тим – і діставшись шосейки, перед вів неухильно, що Кирило Рубахо сипав чортами, а таки мав наздоганяти запопадливця.

Прощували поплич. Дивилися лише під ноги. Старожитня дорога була не просто вибоїста – розтрощена ще чи не бойовими слонами царя Дарія.

В їхніх свідомостях усе зміщувалось; вони почували це, проте не вміли про це сказати... Принаймні, незатишне враження позачася справляли на подорожан і звично для їхніх очей чахлі, ладні хоч зараз уломитися від найменшого поруху кушки зоднобіч шляху, і стрімкі брили, по-пізанськи неминуче нахилені поза край урвища – іздругобіч, і пташине (скільки путі) неприємне безгоміння, а понад усе – манна куравки, ними ж і здійманна: сю манну небесну, сиріч прахову, навкісне нещире сонце визолочувало на сухозліття, і вона, куравка, зношувана невло вним попутним леготом, усякчас ширяла трохи попереду подорожників, що їхні зающені масним потом, як начеб умащені пахощами ліванськими, обличчя були до зметаловіння рис припорошені золотою тією, ритуальною пудрою – на взір і подобу священних мерців. А шосейка (що заворот, то в'юнкіше) бралась угору та вгору. Їхні (що дали, то досяжніші) потилиці все напевніше, під мозжечок, улучала високогірна скварнота. Позагубні порожнини, наждачно подерті сухими зубами, прагли не слова – ковтка з баклагі. Непомітно, з високості-бо зросту, Кирило Рубахо до пуття видивив, що губи в Адила не смажні, а попри штукарську позолоту навіть чуттєвіші, ніж будь-коли перше. Хм!.. Довший час мовчали. Нарешті Кирило Рубахо поцікавився, чому попутника заціпило. І ще про віщось спитав. І ще... Й іще! Марна праця. На всі домагання бомж яремно знизував халатом або відбувався одноманітним «я знаю». «Припини мені знайкати, чучмек! ...Ані лайка, ні будь-що інше не прихилило його серця до балачок, – Адил гнав і гнав угору, натхненно роздимаючи ніздрі на два махаони.

– Тут! – зупинивсь урешті.

То була доволі розлога, між урвищем і чагарником, жорств'яна тераска; шосейка губилася за заворотом, як пропадала назавше.

– Як розуміти твоє «тут», Адил?

– Гарне місце, підходяще місце, князь. Відмолоду улюблене моє місце! Сядьмо... ноги – для дороги, але далі шлях для одного з нас.

Кирило Рубахо вузько примруживсь.

– А не вдавай здивованого, князь. Я знаю, ти мав би шпирнути мене – ножем відразу... іще вдосвіта.

– Ради не складу, навіщо б я мав тебе різати, – мовив це з-поза губ, також повужених гримасою, – може, огиди. – Але цікаво б узнати твою думку, чому ж я не зробив цього?

– Убивши мене, тобі довелося б прикінчити й решту: один дохляк – підозріло, семеро дохлих бомжів – ні... Восток дело тонкое.

«Браво, – схвалив подумки: – відома тактика проти індіанців!»

– За віщо ж убивати тебе, Адил?

– Не за віщо, а чому! Ненароком я вивідав твою сокровенну тайну, – повільно, мовби кам'яну брилу котить, мовив Адил. – А ти такий! – я знаю...

– Ну, ну?

– Я знаю, ти справді вкоротиш життя своєму брату, а він хто тепер? він людина, що, завдяки «Аргументам», відома на весь Союз! тому про вмерлого не своєю смертю Мефодія Рубахо преса неодмінно повідомить, а я газетки – читаю... тож і викажу тебе ментам! – за одним духом випалив Адил.

– І ти, мій товариш, міг би здати мене сучій ментурі? Не вірю.

– І дарма, – відказав до жаскоти просто Адил. – Здав би з потрохами. Звичайна річ! Задля послаблення... чи щоб узагалі не переслідували мене за бродяжництво... Ну, чого зволікаєш князю? Ти, – закричав, – ти, вічний меснику! Чи ти лише бахвалився, що месник, е? Виймай свого ножа, гяуре! Бий! Я не боюся смерті, як правовірний мусульманин смерті я не страшусь! Як щирий узбек я навіть прагну її! Ріж, ну!

Кирило Рубахо розреготався.

– Щирий ти дурень, Адиле! Скільки галасу надаремно... Розслабся, і не рви одіж на собі, комедіанте!

Знітивсь Адил. А проте замішання тривало хіба мить: геть здер з себе халата ваяного, втоптав його в порох, оголивши торс борця-пехлевана, що Кирило Рубахо схвально присвиснув:

– Такі мускули та такому йолопу дісталися!

– Гарне місце, князю, чудовий краєвид, еге ж? – Шкірив сліпучі зуби. – А хочеш узнати, чому це місце улюблене? Тут я колись піонерочку мав... русачку, між іншим! Вони о-он там, вище джерела, табором стояли, а вона, дурочка, сюди забрела... квіточку, бач, шукала в... хербарії!

– Гербарій, – незворушно виправив, позіхнув. – Не трать пороху, Адиле. Русачка, то й русачка.. Силою взяв?

– «Силою»!.. Я молодий, вона молоденька, – стенив плечима: – Хто знає? Може, й вона не проти була, юнатка та столична... То вбиватимеш мене?

– Подумаю.

– Нема чого розмірковувати!

І чудно бліднучи крізь оманну позолоту самими лишень вислими лицами, тоскно завмовляв:

– Утни мені жилу на шиї, полосни, чоловіче, тобі це – раз плюнути, ти ж і брата рідного порішати йдеш..

– То – брата! А ти мені хто? – Серйозно питав, ґрунтовно зважував.

– Людина я, князь! І нещасна людина! Під лихою, нехорошою звїздою родивсь я, на безчестя родивсь, Улугбек наш, муедзин, з тюрми вийшов, так і сказав мені, попередив: нехороша карма випала тобі, Адил, мовляв, пильним будь і шануйся!

– То й було б шануватись, – буркнув Кирило Рубахо, – не торохтів би зараз казна-що.

Адил не чув – очі закотив, рот йому на гусячу лапку липку скривило.

– Книги читав, багато книг читав, Корана подужав – легко? Карму не знайшов, Улугбек помер – у кого спитати? Знову читав; мало книг, у типографію пішов, на книжкову фабрику, скрізь сміються: ти, кажуть, офонареєш від звїзодного предупрежденія. (Адил так наче слинку пустив.) Усі книжки перечитав! І в тупик... Сам собі життя занапастив, допичавсь в дупель, жінку перепродав, гарний калим получив, але ж – дружина!.. дітей невільно бачити! синочків обидвох... а мамі на очі сам не потикаюсь! У-у-у... Хто я, навіщо я? ...В ім'я Аллаха, князь! В ім'я Аллаха, милостивого, милосердного... Сили серця мого вичерпались, але жила, поглянь на шию, жила туга і жирна, і трепеще мов та гадюка шлюбна!..

Нічого не відказав на те голосіння Кирило Рубахо, лише відступив був на крок від біснуватого.

– ...я б і сам заподіяв собі смерть, але то за законами шаріату – неперебутний гріх! А тобі все одно, князю, ти гяур, невірний ти... Коран велить: убий невірного, де б не здивав невірного! Чуєш, чуєш, – пришелептував Адил, – це ж щодо тебе мені передречено Кораном... Тож або я тебе маю вбити, або ти мене... То вбий, прошу! І не задурно прошу: ось, ось.. – Розторсав клумачка, з-межи бебехів найшов, загорнуту в килимок для молитов, складану тюбетейку й обережно (денцем) установив її на хвилясто здіблений валунець. – А бачиш, бачиш, що маю?

Тюбетейка зоддала нагадувала Кирилу Рубахо чорний катамаран з писаними бортами. Колись такого ж катамарана, проте на плаву, в Одесі бачив, за Отрадою, де щось піратське фільмували греки-кіношники... Стіпнув головою, прочумавсь... Ах, Одеса, жемчужина у моря! Чого тобі, чучмек?

– Золотом ткани! – вихваляв тюбетейку Адил. – Улітку в самому Самарканді брав, багато дав, годинника теж дав – на рамазан, гадав я, на рамазан наступний буде мені оновка... Кому, ко-му?! ...Не погидуй, князю, ненадівана ще, вошей не набрала, візьми, князь! І вбий... скільки тої роботи для вмільця?

– Брись! Іч, що надумав? Руки об таке говно пачкать! Брись.

Навколішки, так наче скапень якийсь восковий, поплив Адил... розлився долілиць, і шепотом, пришелептом:

– Убий, гяуре... убий, гяуре...

Лежав, як би висихав на глиняне груддя, в поросі, і плечі йому ходором ходили – зграбні, хоч і запущені не-режимом рамена борця-пех-левана.

– То вставай, Адиле.

А скочив Адил – оком наразився на лезо широке, наставлене так, що воно проти сонця виграло рівним просинцем.

– Зараз я тобі, сарацин, повне обрізання вчиню.

Учинили ж – до жаркого розширення чоловічків ув Адиліних очах – клятву на крові, що віднині вони побратими є...

– Як меншому брату велю: плюнь на минуле і живи, Адил! Каратися за своє минуле – заняття для слизняків, а мужчина щодня пише своє життя з нового рядка, він – табула раса, Адил, чиста дошка! Що, не врубався ще, чучмек? Живи, кажу! І ходу, тепер ходу... біжімо!

Хіба що негайне дійство котресь, лишень учинок, а то й просто фізичне напруження до виснаги, до прострації – тільки це здатне було на щось інше збочити увагу Кирила Рубахо, що вона в ньому, мовби маятник в машинерії, зупинений в мертвій точці, зосередилася на проханні «вбий»; він знав за собою химерну ту рису: часто-густо, і саме на порозі нагальної дії, безтурботно блефувати, до останку так і не знаючи напевно, у той чи в протилежний бік схитнеться маятник його рішенця... Та й на «кий чорт, якщо побіжно зміркувати, зайва кров йому на руках, будь-чия кров, хоч би й цього нікчемного бомжа, котрий, аби прибрати більшої відразливості, напевно вигідавав, на ходу вигідавав розліття піонерочки? ...Ні, справді, з якого дива! За життя не лише набачився – навчадювався з крові. Тим-то й гарикнув Кирило Рубахо не своїм голосом:

– Марш, Адиле! Марш, а то передумаю!

І вони насправжки побігли. Вгору та вгору. Під бурхливим сонцем, що на ділі було – льодяним місяцем, місяцем, який обертав їх на сновид нетямовитих. Бігли так, наче вискакували з одягу. Бігли в оболонці золотої манни – як усередині самого безчасся. І горлали, бжучи, начеб обидвох цілий дур узяв одночасно: дур веселоців і захоплення.

– Живу-у-у.

– Живи-и-и.

– А не жа... а-алко бра...ата Мефо?... – Голос Адилу переривався від браку живла в повітрі спісненому.

– Жа...а... Та нічо...о... не вдієш... Йому смерть... як визво-о...о.. лення... від му...у-ук.

– Візьмеш тюб... те... ку-ку?

– Ага.

– На.

– Давай.

– Го-го-го-го. – До знемочі крик, до солодкавого, наступної миті, розриву грудей пехлеваноних.

Та й Кирило Рубахо не з біднішої глини ліплений:

– Ха-ха. Ха-ха-ха. Ха-ха-ха-ха.

Так і мчали вони (радніш, їм увижалось, що мчать) на похиле підверни гори, поки не попадали були в жорству подвійним крижем і поки не зласкавилася над ними жилава, в камуфляжних бриджах, інструкторка райкому на мотоциклі з коляскою, що до самого райцентру вона нескучно плигала межі стегон Кирила Рубахо... і дуже розгнівалась, коли цей недорікуватий злидень спершу відхилив був її пропозицію, здається, підснідкати що Бог дасть, а вона додасть, ясно, не в чайхані, бажано «без твого ад'ютанта»; по тому ж усьому вони з Адилем гайнули щодуху, далі й далі, коли попутняком, де-де й піхтурою не звикати, та все на захід шкварили, на захід; е-е, певно! випадало й на північ також: від північної сторони, як і від тюрми, не зарікайся; так що і круто на північ брали, а проте з неодмінним, на крочок, поворотцем на захід; іноді – мовби лодія та, без керма, без вітрил, з волі хвиль самих – рискали туди-сюди, бозна в яких макарах опинялися, навіть навспак одкочувались! а все одно впертюхи вигрібали на захід пожаданий, – аж заки залізничним порожняком не вдерлись були в Ростов, де, попри ісконно расейський, кепчка-восьмиклинка й зуб золотий, бандитизм, усе ще пахтіло-попахувало ніжним безглуздям Сходу, але більше – воняло боязким і пихатим Кавказом, і де, в муравльську тому вавілонському, Кирило Рубахо зловчився так загубитися від новонабутого брата, щоб ніхто нікого не знайшов ніколи: бо що не кажіть, а братів добре мати-тримати в умі, як цифру при лічбі в стовпчик, тобто знати, що брати десь є, існують у всесвіті, може, навіть незлим-тихим згадують тебе... справді, це пречудово – знати! але коли при цьому не обов'язково здібатися з ними. ...Втім, якби Кирила Рубахо зараз дивним посередництвом звідомили, що в цей час, коли він споранково позіхає на слобожанський краєвид поблизу Харкова, на ростовському базарі роз'ярені дончаки на пси духопелять «брата»

Адила, то він... напевно б обурився, і не без підстав: з якої речі за крадіжку чебурека (чи чого там ще) картають ч у ж і, приший-кобилі-хвіст, люди, а не він сам?! – Братська ревність часами простягається аж так задалеко. – Певно, про це варт оповісти особно. Позаяк же пасажирові з плацкартним місцем для спання з неокорених колод і на думку не спало те непорозуміння з Адилом, то він собі любенько налаштувався ще одну ніч ізночувати просто непорушного неба та згодом гороскопних зірок, що мали для нього скластись напрочуд сприятливо, й нічим іншим, геть нічим не переймався був анітрохи... Не той уже, гей, не той Кирило Рубахо! Не вчорашній навіть, яким упам'ятав його, яким милувався потайки брат Адил... і яким (о цій порі!) марить, марить Адил, укинтий оберемком вати за базарну ятку, марить! і щасливо мліє! хоч то всього-на-всього покруч спаніелевий, відторгненець, з відомою солідарності гарчить на роззяв-дончаків і обережно злизує йому з підборіддя зуби... Не той тепер Кирило Рубахо! Таким, як оце віддосвіта (верхи на колоді, замрлім, яснозорим) Кирила Рубахо, може, закарбували в пам'яті ті з нікарагуанських індіанців, що вони дивом уціліли після його рейдів у заколотні болота: весело цілеспрямованим, весело нестримним, а що жорстоким весело, то куди вже веселіш... У разі слідчий прокуратури, бамкнутий на психоаналізі, почне, між іншим буцімто, прискіпуватися, чи не зазнавав був Кирило Рубахо душевних вагань або невпевненості, і чи не акцентуїовано, чи не станом а ф е к т а ц і ї під час с а м о з а г л и б л е н н я була нав'язана йому роль ката («Ну, гаразд, підслідний, нехай буде по-твоєму: ти не кат, а виконавець вироку долі»), то Кирило Рубахо змучений буде засмутити громадянина начальника: ні! нічого схожого не було, «Я перед серйозною роботою не дозволяю собі найменшого рефлексування й узагалі... зносили з тим, що ви, громадянине начальник, іменуєте душею, я припиняю на, так би мовити, моєму внутрідержавному рівні». Або ж і доступнішими словами висповідався б, хтозна. Звісно, домисли є домисли. Іграшки для дурників. А що вже спокійний був, абсолютно недіткливий був Кирило Рубахо – суцзя то правда. Тож усяка мимойдуча-мимосуцзя всячина, котра бодай по дотичній, а все ж бо торкалася його самого, залишалася б не те що непоміченою чи прогавленою – ні, вона б (як наче чужинність, що зрикошетила від його свідомісної оболонки) просто не заохотила б до цікавості, більшої від зрозумілого реестрування. Бо й що, доправди, видатного сталося по прибутті до Одеси-мами? Та геть нічогісінько такого, що заслуговувало б на повторний, у той бік, погляд, а тим паче – на пізніше осмислення за чаркою, усамітнившись! Так собі Одеса була в Одесі: гвалт, шальварк, першотравнева веремійка на показ. А-а, малявка ще стрілась! біленька така, недокрівний бабусин клопіт. Чого їй треба було? дав би Бог пам'яті... адже мала мала ж якусь до нього справу! це безперечно... А він не перепитав був, квапивсь: уже з присхідка напис йому яснів – *Salve!* ...Не до прихильності к діткам. ...Неподалік, а таки неподалік отчого дому дівчинка в матросці, та, з нерозлучною лялькою, та, що набивалася викликати карету «швидкої допомоги» розгубленому і, як на запах, давно невмиваному дядькові, ху із ху моржовому... отже, турботлива та малявка уперше від настання ранку втішилась, що й цього разу лучила точно: безпритульний! «Ех, шкода, що так

хутко вшився». А проте байдуже: день-бо тільки почався... Навіть із-поміж охайно вбраних, узагальнено кажучи чистих людей, дівчинка ніздрею, вухом, оком, у крайньому разі серцятком, що враз заб'ється-затріпоче, без промаху випольовувала усіяку бомжачню, жеброту, зацькованих негараздами невдах і, на відміну від прямолінійніших однолітків з рогатками, всіх цих нікому-непотрібників допікала до живого своєю не за літами розвиненою жіночною ласкавістю; вам эле? може, викликати карету? потерпїть, я миттю!.. Чия на грудку закоцюбла душа не розм'якне, посеред мерзот і байдужості вирізнена такою ясочкою – настільки добросердною, так гарно вихованою дівчинкою! Але начувайся-но, необачнику, начувайся, легковірнику, ласий до співчуттів на дурняк, – варто тобі з дрозем у голосі подякувати, що ні, мовляв, «швидкої» не потрібно, мені вже покращало, мовляв, не турбуйтеся, як це мило з вашого боку, люба дівчино, як негайно отримаєш: «А жаль! Я думала, що тебе відразу повезуть в морг! Моя мама соціолог, і вона каже, що таким, як ти, жити не потрібно. То навіщо ти живеш?». І зробивши перед одурілим розчуленцем реверанса з лялькою, прошкувала собі геть. Личко сяяло від хороброго щастя. Он вона! Простує далі. Повна гідності. Пильнозора. І нелюба (позаяк робоча!) лялька у такт балетному ступанню звискує на згині ліктя. Заклопотана маленька хижачка. Її зоряна година – ще попереду.

Не дано було Кирилові Рубахо випити з її рук цілої чаші. Ет!.. Що воно за таке, і – різновид чого?.. Дав би Бог пам'яті... Хіба що – звончення душ о порі перемін. У часи розпадання підвалин. Коли все, що має настати по т і м, увяляється тільки прекрасним! ...Овва, в такому разі це – повторення пройденого. Середньовіччям пахне. Охлос прагне кострищ. Орлеанські діви вербуються з невродливих повій...

Не Азія, не Кавказ – це вже Європа!.. правда, Східна.

Е-ей, моряк! ти слішком-долго.. пла-а-вал!

Я-а-а!.. тіб'я-а... успела-поза...би-и-ить!

То другий поверх? А другий. Сходи мармуром? Та мармуром, чим же іще? мармуром! І мідні цвяхи в бернардоційському порозі!.. – Якого тобі ще рожна?! Ах, співа-а-ють? Хай співають! аби не плакати потім... хай гундосять дурнувату пісеньку з не менш ідіотського кінофільму «Людина-амфібія», про які ти – ані сном ні духом, в яких ти – ні вухом ні рилом! Бо що ти знаєш, Кириле Рубахо, про красунчика Казакова, дивлячись на якого, дівахистьдесятниці сучили ратичками і плямкали нижніми губами!

Мне-е-е! тіпе-ер!.. морской-по-нараву.. дия-а-а-вол!

Їво-о... ха-чу... любі-і-і-ить!

Сходи мармуром. Усе як по-писаному. А от з цвяхами прокол вийшов: на порозі, замість сяті маківкам, брудна швабра. Мокра. Від неї – держално. На держалні – тітка, «іво хачу любіть». Стоїть при відчинених настїж дверях: каріатидно-неохопна, литки врозтіч, очі вкупі, ротяку їй, через балакучість, оборано ще й заскороджено дрібно, – що за мара?.. Коли б не сатиновий халат синій і невитравний від нього дух хлорки з вазеліном, спробували б здогадатися, що перед вами типова представниця славного, незбутнього, жовчного, лихослового племені технічок-прибиральниць з українок;

і стільки задирилого було в ній здоров'я, такою повнопазушною доброзичливістю налита була, що, грішним ділом, на мить Кирило Рубахо запідозрив у веселусі серйозну перешкоду: а чи не підженився, бува, Михводяй-негодяй? Але відразу ж і відлягло – тігонька спростувала.

– Куди? Е...ге-е! Здрате вам, – заступила шлях. – Сьогодні хвірма не робе: вихідний день. І завтра вихідний. Аж позавтра ласкаво просимо. Ви що, недочув? Сказано вам: хвірма не робе!

– Хіба це не помешкання Рубахо?

– Михводія Платоновича, авжеж! І квартира його, і хвірма.

– Яка ще фірма! Ану брись.

– Ньо-ньо-ньо. (Певно, було б легше сколупнути справжню каріатиду). Звідкіля ви, зальотний, що не вмієш обрацацца з жінчинами? Хвірма – тут, ось і вивіска, клієнте! (Відсторонившись, прихилила нерипкі двері до одвірка). Осьдо, аж золоте по червоному, хвірма «Данко»! Прийом граждан з дев'ятої; читати вмієш? От! А телефонувати можна хоч круглі сутки.

– Тут що... – відхаркнув клейку гидь з горла, – тут і телефон є?

– Аякже! Поставили. Ще б не поставити, раз Іван Іванович лічно взявся!

– Та-ак. Іван Іванович?

– Та Рошкова же! Іван Іванович. Він!

Тітка напоготовним рухом обібрала долонею рот і, так наче нечастому родичеві в третіх, вигорнула все, що мала на припічку:

– Михводій Илатонович, між нами говоря, лише зіц-предсідатель, а справжній хадзяїн і закопйорщик – Рошкован, от! Іван Іванович і охвіс обладнав, і клієнтуру надьожну сам підбирає, і строки лічно встановлює, от, щоб ви знав!

Кирило Рубахо зціпив зуби й міцно заплющив очі. Куприком, аби витверезно заболіло, обіперся на бронзову завитушку бильця. Чортовинячина якась, занепокоївся він, а чи не застудив я голову, часом?

– Е...ге-в-е! Без Івана без Івановича і вода не святиться!

– Стривайте-но, шановна... – душа не приймала жодних Іванів Івановичів! Над усе прагнув: ото розплющитись і переконатися, що жива каріатида лише примілась.

– Шкода мені та й шкода, що вихідний ниньки. – Десь удалині чувся жалісний голос. – Ви для себе замовиш... чи комусь із близьких треба?

– Про віщо ви? – Повіки йому не зворухнулись.

– Ну... серце! чи там печень... За нирками теж стоять! Правда, більше на очі записуються.

– Записуються... гм?!

– Та в чергу записуються, куди ж іще? Скрізь ті черги, будь вони неладні! І в нас тут черга, і к Філатову черга. Іностранці, так ті просто казяться!

Металотерапія за посередництвом бронзової завитушки не втихомирила хаотичних думок, а тим паче не розвіяла примару: невідворотна і нещезна була відьма при швабрі-помелі!

– Як міг тяжко втупивсь їй межи очі, тісні так, що бракувало місця третьому оку. Хівря (ти ба!) витлумачила погляд по-своєму й незграбно закокетувала:

– Ай! я така сконхвужонна, така сконхвужонна! Ви не дивись на мене так... ай, не перебралась у святковце!

– Не сконхвужена ти – сконтужена зроду! – роз'ярювався Кирило Рубахо, до якого, крім смислу мовленого, поволі долинав від прибиральниці подув свіженького перегару.

– Такий странный мужчина... хі... Ви в готелі зупинився? Ай, просто з дороги, бачу! Тоді от що, переночуй... десь... а взавтра я вам устрою переговори лічно з Іваном Івановичем, чуєш? Узавтра він тут буде, сьогодні майовка, то йому ніколи вгору глянути, а взавтра буде як штик! Ну... і чого б ви так тужив, чоловіче? Поставимо вас на чергу! Все буде окей! І щодо товару не сумнівайся, товар у нас гарантійного качества. Ще б йому не бути качественним, якщо сейхв нам під надзором.

– Сейф?

– Шутка! Так Рошкован нашого Михводія Платоновича нахваляє, сейхв ти наш, каже, нерозкурочений... І я кажу: товар у нас не якийсь там порчений, бо Михводій наш Платонович перебувають під наглядом лікарів, от! Один за серце відповідає карманом, з другого Рошкован три шкури злупить за плоху печень, третій про костюмахи дбає... аякже! За таку грошву, то нехай і відробляють лікарішки! Я ж от – відробляю, і корона з мене не спала? – Наразі дивацьки пирхнула в жменю. – Мене ж наймали до Михводія не тільки за технічку служити, Господи прости! Але воно йому чи то не нада, пхі-хі... чи не наравиця.

– Помовч, ти, павіанко! Під наглядом? У якій він лікарні?.. Де він зараз? Кажи, т-твою мать...

– Тю на тебе, оглашенного? Та хто де?

– Мефодій! Де він?!

– Тю-у.. а де ж йому бути? Удома він, на кухні! Мабуть, оп'ять холодильника патрає. ...Гей, ви куди преш? Не велено пускати! Туди не можна... Ой лишенько-о...ой! грудь моя!!

Знав, чим дойняти, зате зліквідував редут; ускочив досередини – двері так наче вихором захряснуло, що старовинний замок іще довго відлунював пружинковою нутробою.

– Каравул, міліція... караву-у-ул!

І заляпотіло мармуровими сходами додолу.

Одтепер Кирило Рубахо не поспішав. Навіть співчуття непрактичній тітці висловив був без квапу, ґрунтовно: біжи-біжи, розгелепо... набігаєшся! Замість марафонити до райвідділу міліції, тут би мала гвалт зчинити, сусідів скликати... Менти зараз, по причині свята, в золотих погонах, і хильнути стопарика не проти, а тут – гражданка!.. Ні, поки вмовить, переконає, поки зберуться на візд... ет, у чортів голос дістануться сюди!

У прип'їтмі передпокою рівномірно дзичала велика весняна муха (втім, то могла гучати й вічна дзига електрочильника). Проте, що б не порушувало тишу, воно заважало зосередитись, розпоршувало увагу.

На додачу Кирилові Рубахо примрілось, що все це – передпокій, прип'їтма, сторонній небажаний звук і сам він, як перед кидком сторголов, все це з ним уже було... колись... і не вві сні, а наяву... більше того: знав, що

перед очима невдовзі постане картина того, що має відбуватися далі, потому як намагає ножа й скрадки рушить уперед...

– У дурдом здам! – прикрикнув на себе.

Мусив обов'язково позбутись докучної завади – як забезпечуються від сум'яття, навіяного ложим спогадом про не бачене ніколи; тож не мав іншої ради, як до хряску шийних хребців, стіпнути головою... Та він би струснув її, як дичку з гнилицями! Тільки б повернути звичну рівновагу. ...Єрунда, а не робота для бойовика, сказав собі, вжик – і цяця Михвоть, навіть уторопати не встигне, що з ним сталося!

Він обклав долонею козяче руків'я ножа й негослоно погукав:

– Фірмач! Де ти там?

Анітелень...

Кухня (пам'ятається) коридором і зліворуч. Якщо не переробили! Тут-бо все геть-чисто переінакшено: навіть з-від світлиці тхне мастикою казенної установи!

– Агов!

– Хто там? – долинув капрызний згук. – Тьоть Ань, я ж просив: нікого не впускати! Тьоть Ань!

– Ну, зараз ти в мене поанькаєш, – буркнув під носа Кирило Рубахо й командорською ступою двигнувся на голос.

Але те, що він охопив одним поглядом, не годні були переказати ніякі слова..

Перед одкритим холодильником, глибокодумно вивчаючи полиці, на верткій підставці на шарикопідшипниках сиділо... сиділа чверть колишнього Мефодія Платоновича Рубахо; ця чверть не здійнала голови, не озирнулася на відвідувача.

– А я сьогодні не приймаю, забирайтеся геть. – Мефодій показав профіль – одутлий і білуватий, на якому недоречно росли хвацькі вусики. – Хоча стривайте! Якщо вже вдерлися, то можете записатися в моєї секретарки. Тьоть Ань!.. Сік манго, так, прийнятно, – буркнув у холодильникову печерку. – Тьоть Ань! Хм, де її носить?

– Пішла гукати на підмогу міліцію.

Мефодій проворно крутнувся усим шарвкопідшипниковим сідалом. Завмирав... завмер.

Тяжко збліднув, дивно: на квашу з прожилками фіолету – так наче пожований аркуш з школярського зошита.

– От я і прийшов...

Мефодій обидвома могучими руками захистив умить окривіле, закамупльоване гримасою жебрака під церквою лице й пискляво (Господи, звідки стільки кролячості в чоловіцькому голосі!) заверещав, заверескотів:

– Не вбивай мене, не вбивай мене, не вбивай мене.

– Ждав цього, значить... Знав! – гидливо скривився Кирило Рубахо.

«Знав, що я йому цього не подарую, я, я... хто вищий від нього на голову!» – Втіхи, проте, не почув. Відвернувся від скиглія й... так наче зашпортнувся, перечепився був об кухонне дзеркало мамине: звідтам, з його обличчя,

дивились Адилові очі – вибалушені, азартно злихоманені, – коли Адил сповідався (чи тільки нахвалявся, шельма?) про насильство над піонеркою.

– Всі ви одним миром мазані! – роздратовано крикнув у дзеркало. Дзеркало йому засміялось...

То ж таке! Нехтувати, зневажати, гребувати – це доступне, це завше напихвати, а проте до певного лишень часу непровіщеного, тобто поки не бомкне дзвін у тобі, дзвін погробу. Що й сталося... (Сука ти бородата, ворон ти каркучий, папапо Хем!) Усе одно сталося: дзвін. От відтепер і відзвідси, від сеї позначки, хрестиком, на долоні – самий лише недоречний, так званий т в е р е з и й глузд, і суходрочка матеріалістичної логіки – так само, і зручність равликового маневрування почувань у межах від і до – так само... так само позаяк ідеться не про мислення як таке, ні й ні, бо відтепер справа завершила до справді у р е ч е в л е н н я думки, коли відчутною й осяжною на будь-чий вибагливий смак стає речовина самого духа. «Дух – горобиний пух», вичитав був Кирило Рубахо в котрогось вітчизняного монтења; з якого приводу зморозив це доморощений наш монтењок, згадати неможливо та й не потрібно, однак допіру воно – як знахідка. З духом, отже, нема чого церемонитись... тож Кирило Рубахо зручніше вхопився за «копитце» ножа... Що виразніше? – Виразнішого не буває... «Не вбивай мене». – І цьому крикові не відмовиш у бездоганності – також.

Мефодій опустив руки і скавулив безгучно. А проте сльози, що спушували до червоні – до покладів чогось живішого – рихлу нездорову оболонку, ті сльози набули вже звучання: мали свій, властивий тільки їм, звук руху по кривизні лиця. (Решта подібних ознак кінетики – додавалася, в міру того, як у Кирила Рубахо виникала в них потреба.)

Тим часом приречений наклав долоні на долівку і – сподіваючись, що робить це непомітно для брата – по-горячачи, бридко, задасто відрачував до протилежної стіни.

– Не! вбивай! мене!

– Так. Тобі. Буде. Краще. – Зібрався на силі й також рубано відказав Кирило Рубахо... і все.

Авжеж, і все. Геть-чисто все. Фініта!

Нешелесно з плеча заширяла додолу торбинка лляна, подорожня, з гадючками в'яленої дині... з-під ослабілого від судомного вдиху ремінця ковзко, цупко-пихв'яно полинув, поплив у штанині ніж узбецький, широколезий... і все-то те – як уві сні, що посеред сніння того Кирило Рубахо, чудуючись із самого себе, гуркнув обидвома обухами колін обіч ялезних шарикопідшипників.

– Брате!.. Мефодіку... що з тобою пороблено, братику-у-у?!

І застогнав невластивим йому стогоном провінційного трагіка, котрий іще соромиться своєї буцімто панської, буцім нарочитої столичної шекерлявинки, що насправді набута через дочасний парадонтоз.

– У-у-умн! – Довстогнувавсь Кирило Рубахо.

...Лоб до лоба були вже брати, тісно, що хрящі в носях хрумкотіли. Мефодій намагавсь (а марно!) визволитися з обіймів, утихав, тремтячи рештками тіла

могучого, красивого, і сторожко вичікував, чи не викине якогось коника брагусь непередречуваний; Кирило читав це ясно, тим-то, щадячи його, ховав палахці очі, тішився, що не дозволяє братові хоч цим; окрім того, душу йому, коли стуляв повіки, менше розятрювала лиховісна чвертність, що чітко була окреслена в людині на ймення Мефодій... – адже той, убивчо графічний, обчерк унаочнювався ще й чудним запахом, якого густо прудила сама каліч. А власне, з чого дивуватися? запахи нещастя таки існують, особливо – за давнених нещастя. Сліпі он... монастирщиною пахнуть, папером ветхим... а так: папером! папером і цвіллю стін, папером і восковим скапом! – затвірницьким тліном, тліном самовидця – ось чим пахнуть сліпі ... А – каліки від народження? О-о-о... ці пахнуть спустошеним під весну селянським погребом: тут і ніжний трунок відпліснявілої своє, через недбалство господаря, шкурки кроля, тут і ароматець роговим гребінцем вичесаної на газетку дупи, тут і війкий душок болиголова сирого, а надто ж – тендітна, оцтово-мигдалева пахтінь до живого м'яся скусаних нігтиків на чистюніх пальчиках, – о-о-о-о... то вічний запах, ба вічний двигун ненависті до всіх і всього на світі! О, то вам не куражне в хірургічній палаті обурення щойно вкорочених, де обрубки кінцівок уже, уже – попри стан ума і серця людського, зачатково промінять пахощі майбутніх милиць горіхових! милиць – але й жаги вижити достойно... милиць – але й не підозрювану досі, в бруді й блуді марнотної буденщини, тобто незатребувану подосі готовність позмагатися з властивою кожному слинявістю! (Усе правильно, майнуло Кирилові Рубахо, всяке нещастя смердить по-своєму... А що брат відгонив йому усіма класифікаційними трунками зразу, то він мало не захлинувся був від передозування.)

Мефодієві зрештою вталанило вив'юнитися з братових лещат, одкотився до рятівної стіни – потилицею пестив її, як трутяться об спину коханої, щасливо втомленої, а рота йому перехнябило так, наче на довічне; все, я згоден, промовляли його очі, що незмигну слідкували за ножем на долівці...

– Що з тобою... ю-у-у!.. поробле-е... но-о... о-о-о! – Проз жмакане тісто губів уволався був Кирило Рубахо, а так – начебто голосили тут найняті, доважком до псалтиря, сміховинно поважні жалібниці.

І враз, підхопивши на руки вгодованого брата Мефодія, він крекнув ствердно і з грубуватою, робочою вправністю няньки поніс його до світлиці отчого дому.

– А не так було, все не так! – нагримав Фукідід на чаркувальників обіч себе. – Він прийшов і вчинив те, що вчинив! Просто ніхто й не здогадався, що він смертельно втомлений! Причина тільки в утомі, й більш ані в чому, світ його натовив, кажу! Гей, а хто там і що варняка, хто патяка мені навсупереч? «Як було, як було?» ...А так і було, от! Один пита: маєш тару? Другий: яку?... що?... Та склотару, ду-рак! Порожню! То маш чи не маш? Другий ума рішається: навіщо?! Той стільці ламає: дурак ти, каже, побіжу, здам посуд, каже, куплю флакона, каже, та відзначимо нашу, каже, зустрічу на Ельбі... Ось як було насправді! І ніякої тобі поножовщини! Тільки-но: тару давай! А цей, значить, одквасює губу: пхе, каже, на кий чорт склотара, і за флаконом нема чого, каже, там у мене в барі цього добра-а... Віллі, своло-то, припини

дудлити водяру, я все бачу! Нам ще в Сіракузи нині, забув? То я нагадаю! Хто тебе за язика смикав, га, нащо було Касіяну нахвалятися, що сьогодні ж і навідаєшся під храм Геракла? Чи тобі не все одно, як там левів розставлено, га?! От-от! А тепер мушу пхатися з тобою чортзна-куди! за кусок кишки сім верст пішки, тьху! Віллі, дк кому це я кажу? не пий на коня, бо заблещеся в дорозі, о!.. А ти, Барзику, пий... пий, голубе, тобі можна, цербере ти наш... а нумо, дай я тебе почоломкаю... Ммму! ммма!.. кураторчику ти наш!

Барзик захоплено скочив на ноги, крикнув, що вихилить за Фукідідове здоров'ячко по-гусарськи; Барзик приклав собі під серце праву долоню, на зовнішній бік утаковив чималого фужера з шампанським і хвацько, за одним замахом виляв у горлянку; звідусіль заплодували, кричучи «браво!», а Фукідід зненацька зревнув ануфрієвським голосом бременських музик: «Ох, р-ррано... встайот охра-а-на!».

– Не чудуйте з учителя, прошу, – манірно облизавши вмаченого копчиною пальця, гукнув Віллі в бік Худякова.

Той лиш брівкою хвицнув, ловка така брівка на значущому, майже президентському обличчі.

– Кажу!.. – Віллі мусив перехилятися впоперек романіста Іллянені, що, нахабника такий, під маркою добре піддатого гостювача, без усякого дозволу-запрошення втиснувся був на ослоні межи них з Худяковим. – Кажу: Фукідід іще в трансі, в нього екстраполярний сеанс... яснобачення... ну й таке інше. Дрібниці загалом! не зважайте. Скоро Фукідід буде серед нас!.. і як умовлено, займеться вашими проблемами.

Брівка лягла горизонтально: Худякова задовольнило пояснення, Худяков згоджувався почекати ще. Скільки потрібно для... Але в межах пристойності, асистенте Віллі!

«...ми зарядим пушку!» –

вилунював з Фукідідової пащі похмелений алкаш... ну, викапаний Ануфрієв.

– Ху-дя-а... От глушман який. – Худя, ку-ку! – передужував рейвах рожевий, ясночолый Барзик і найкоси спотойбіч столу робив Худякову «козу». – Ме... е, е, е! І ти в цьому притоні, Худя? Ай-ай-ай, брат!

– Пішов ти к чорту! – самими губами відказав Худяков і (для розрядки душі, не інакше) зволив урешті зреагувати на улазливу торочню письменника. – Так, так, секретарка передала мені ваш роман, дякую, і за автограф спасибі, так, прочитав, дужже, знаєте, дужж-жже.

Ілляненя знав, що той бреше, не читав, а все одно тьохкало десь нижче стравоходу, що гостює за одним столом з секретарем обкому, – може «на прямию» почаркуватися з ним, а може вдати з себе п'янішого, ніж є насправді, й полізти до секретаря з обіймами, з тривіальним: «Ні-і, скажи! Ти мене поваж-жаєш, а-а?», і Худяков навряд чи осмикнув би його, горілчаного брата з примхи випадку, напевно б не осмикнув, а проте й на менше застільне зухвальство битого письменника не ставало, натомість марнів з лица, скисав, зіщулювався... і дощулися до ганебного стану, що його він соромивсь палко і якого, щойно той збутною водою відхлинав з душі, Ілляненя жартома називав

«Тайною вечерею самоїда»; згадав аж позаторішний Першотравень, коли він до полудня хлющився під упертою мжичкою на «урядовій» трибуні (Спілці письменників заведено було виділяти декілька запрошень-перепусток, і братія за них чубилась) і так намерзся, що не витримав солідарності з трудящими всіх країн і з червінцем ушився був до імпровізованого, між Леніним і вічноживими кущами туї, буфету з алкогольними напоями, на той час перебудови все ще даваними з-під поли; витерпелився ріденьку чергу до шинквасу, хоркаючи на сійке не по-травневому небо, налаштувався «прийняти на груди», а йому на «коньяк» сказали «нема»; як то нема, з якої речі нема? коли он товариш допірочку і спожив? А так і нема! следуючий! ...Ілляня хотів уже – ладен був – скоцюрбитися на ембріона, іще змалішати росточком від сорому! й піти собі геть! аж тут Худяков... авжеж-бо, с а м... що поблизу донищував бутерброда з ікрою, атож! з паюсною – Ілляня до смерті не забуде: секретар обкому усе спирхував, здмухував був ікринку з губи, нарешті здихавсь, а вона, клята, такенькою от кокетливою крапкою, ну геть як дамська «мушка» повоєнних років, ікринка натомість учепилася за секретарське підборіддя... так от, Худяков сказав тоді буфетниці: «Налий йому, не валяй дурака, Зін!» Іллянені миттю посміхнулись, Іллянені справно налили. ...Це секретарське заступництво, з одного боку, Зінчина чарівна метаморфоза, з іншого, принизили письменника більше, ніж коли б його зараз роздягли до трусів і виставили б на посміховисько п'яним демонстрантам! Він запрагнув умерти, негайно, на місці, але смерть досі ні разу не приходила, коли він благав її поцілувати йому вічно передінфарктне серце, тим-то він хлєбтав, дрібно всьорбував нерозпущений коньяк, безперечно коньяк, «Дойна», а мрілось, що – власну урину, коли в такий варварський спосіб цілителька тьоть Аня нараяла була «відрихтувати вашу печень»; щойно до вдавлювався напоєм і з чітким бажанням якось помститися звів стражденні очі долу, ненависного Худякова поруч не було, а Зінка ненависна вже іншим пошукачам щастя проказувала «нема»... Ілляня заметушився, його розпирало від розпачу. Чого б то? Худякова не стало, от що, саме Худякова! щезнув!.. майнув, як би летюча зірка на далекому видноколі, та й згаснув, пропав без вороття – доступний хіба що лишень для спогадувань... хіба це чесно?! А-а-ах... (Чи полегшало тоді, в тилу трибун, Ілляня й подосі не вміє згадати. Але в данну мить...) У данну мить він сидить опліч того самого Худякова, вбраного в барвисту майку-самов'язку просто на тіло, взутого в розношені (це й під столом видко!) демократичні сандалі фабрики Воровського; п'є до Худякова розкішне шабське вино, можливо, це суміш лідії з піно, ну не суть важливо, підсовує Худякову, по-свійські підсовує тарілку з найдками, якої, з архітектури видно, ніхто ще не торгав; навзаєм і Худяков поводиться цілком по-товариськи, ба навіть приязно; дужже, дужже вам удячний, ронить зінколи Худяков. Ну, до якої міри Худяков щирий у поводженні, кмітував Ілляня, діло десяте на киселі, головне, що секретар обкому не гидує сусідством з простим радянським письменником, як дехто з уладців і дрібнішого калібру.

– Худя! Ху-дя, – наполягав Барзик, – ти що ж це, спеціально в народ подався? Так це тепер – і пізно, і марно! В народ ходити, хі-хі... Гей, а скажи-но

мені, навіщо ти в биндюжника перебрався? Худя! ти ж не принц якийсь, аби мав перебратись, ідучи вивідувати думку твоїх підданців про тебе? А не принц! Навіть не халіф на годину, ні, ти жлоб, Худя, фраер... Худя, ти оглух?

І засміянно – так, наче залюблено – задивився був на Худякова.

Неприємно Худякову, досадно. Іч! майже дослівно вгадав куратор Барзик: коли Худяков повідомив, що в невідкладній справі має поїхати на одну хитру дачку, дружина не перечила, тільки здивувалась: у такому, мовляв, вигляді? а він віджартувався: часом і царі допитливі не гребували вдягачкою простолюддя!..

Він так і повів дружині: навіть царі; й ось тобі, маєш, Барзик майже процитував! Випадковість? чи вони що, і моїй домовіці «жучка» прилаштували? Ну, сволота, своло-о-та...

Крім як незатишно, Худякову гидко. Спальню пригадав. Ночі. Як просить жінку, підбуває на урізноманітнення, гм, сексу, вона ж, клята лялька, не всякраз поступлива: то хихоче, удавано відмагаючись, а то справжню істерику сколотить... а в цей час (уявив!) який-небудь затрюханий підслуховувач в операторських навушниках бридко кривиться й зважає, записати «компру» на магнітну стрічку, чи ну його, цього Худякова, на хрен? ..В роті начеб ескадрон заночував, так гидко, кепсько Худякову.

Та ще й екстрасен! треба ж такому збігу, ну... лика не в'яже!

– Навіщо ти в цьому вертепі, – напосідався Барзик, – невже вовка смаленого учув? ...Та Худя ж! Я тебе питаю! ... Хіба що, і в тебе земля горить під ногами? Ха! Виходить, і тобі ворожити вже знадобились? Ай-ай-яй! Де ж це бачено? Ум, честь і совість – і раптом така зворушлива злука з дрімучим шаманством!

– Ану, припиніть блазенство, – нагримав на куратора письменник. – Не бачите, що ми з товаришем розмовляємо? Не заважайте людям! Ясно?

Бе-е... бе-бе-бе-е-е... – відразно дражнив Барзик, тоді як ріденьке його, охайне волоссячко на світляному огромі черепа лежало так плескато, наче був то покладений на перепочинок німб. – Бе-е!

– Сам такий! – не лишився в боргу Іллянення. – Баран!

Із щемом у серці він склав собі раду, що тим самим набивається на сучикку з куратором Барзиком, куратором від кадебе на чимось, чи куратором над кадебе від чогось; якщо конфлікт, то нехай і конфлікт, я не з полохливих, умовляв себе Іллянення, краєм ока при цьому гордо поглядаючи на підопічного Худякова.

– Пішов ти к чорту, – не знати кому сказав Худяков і зацікавлено – задивився до яскравого рота Фукідідові, що той, за всіма ознаками з утоми й почасті нудьги, виводив-таки свою «охрану» на фінішну пряму.

Наспівався? давно б отак! – Худяков, як би транспаранта якогось, розгорнув перше скуляні було плечі й ошатним по-коли-вуван-ням долоньки повітав загулялого «сенса» й уводнораз так наче дорікнув за згааний час; Фукідід, своїм робом, угледів те, посміхнувся навзаєм, але при цьому задивився був на Худякова так журно, ніби зараз з Худякова живцем здирали шкіру.

– Чи не обіцяв я вам? Ходімте, – запідморгував Худякову Віллі, – учитель жде нас.

І вони тяженько вийнялися з тісняви при столі, здужали вистромити свої голови понад людські голови спершу на півголови, потім Худякову до пояса, далі постали над урізноюбій здійняті чарки, фужери, келихи, понад небезпечні високі сплески виделок із нахромленою на них закуссю, коротко казати, до знесилля втримувалися над збуреною поверхнею чогось, чому й імення скласти несила, але чогось такого, що воно неодмінно, варто лишень припинити боротьбу, засмокче в себе, потягне на дно; приречено виміряли очима відстань до скельного Фукідіда й ризикнули рушити до нього наввимашки. Аж тут навперейми, як би лискучі дельфіни під потопельника, солодко й високо грянула мальовнича трійця в незнімних картузах та чорних окулярах «Реп».

Са-а-кварліс сапла-а-авс ведзедбі-і-і...

Вер внахе... дака-а-аргум... іко-о-о-о!

То почали знемагати в «Суліко» суворі грузини, чи хто вони ще, і Віллі жєстами показав, що зараз їм з Худяковим прорватися до Фукідіда геть не випадає; а що пісня-візитка була знакомитою не менше, анїж інші катюші з підмосковними вечорами, чи всякі там гандзі-любки з розпрямиженими кіньми на додачу, то в гультяїській світлиці й утихав, і стихнув, і до ноги вимер гамір застілля. Настала мить істини, чи то пак – мить подушного утаємничення в процес розпізнавання знаків розрізнення: ми такі от, а вони – он такі... Принагідно казати, впали роси на покоси, сонечко зійде багряне! Худяков лишень губу бридливо відкопирив, така-бо недоречність, зате Барзик... але ж і Барзик! – повний відпад: утикнув собі в зуби мельхіорового столового ножа й ну шкварити лезгинку! позаяк же простору – начеб у вулику, то мусив таньчити лезгинку самими лиш руками, ну й черепушкою підпомагав, онімбленою, так; імітація вдалася настільки гарною, що дивно похнюплений від замилювання Віллі неусвідомлено оберся ліктем об тверду голову Іллянені, котрий як романіст, що скрізь і завжди романіст, перебував у натхненному стані замислення, а тому попервах якось не зважив на тиск на голову іззовні; коли ж, одначе, Віллі зажурився був на його тім'ї на добрячий пуд важче, Іллянення схуліганив – різко вийнявся з-під костюмашного ліктя, хоч і наражався на небезпеку, що без точки опертя Віллі поточиться, впаде і заб'є йому груди; на щастя, острахи виявились марними: навіть утративши несподівано підпірку, Віллі продовжував перехняблено висіти в повітрі (Худяков несхвально зиркнув на них: баловство, хлоп'яцтво); за іншої ситуації, в разі Ілляненню не доймав був отак хмільний біс натхнення, він би не проминув спроворити нищівну метафорку щодо консольної пози Віллі, наприклад... але пробі! не до елегантних прикладів, адже поруч – секретар обкому; коли ще така лафа трапиться? Видавництво, папір, план редпідготовки – ге? Заручитися підтримкою, застовпити ділянку в його свідомості, а там хоч трава не росте.

Но-но-но, – застережно насварив його пальцем усюдипроникний Віллі.

Ти ба, яка фігура замовчування! – злегковажив попередженням Іллянення.

Грузини все ще знемагали в «Суліко», то мусив на вухо Худякову загорлати, наставивши долоню хаткою:

– Вілене Максимовичу! в моєму новому романі я... об'язково! – І злякавсь, шойно від несподіванки сусуда шарпнувсь убік і перекинув чужу горілку.

Слово не горобець, відступати було нікуди, й Іллянення, напропале імпровізуючи, забожився:

– Обов'язково! клянусь... от побачите! побачите... Я виліплю образ лідера, що залюбки співає українських пісень!

– ...Якого ще лідера?

– Таж партійного, Вілене Максимовичу, якого ж іще, партійного! В голві роман уже склавсь, я бачу його, як оце вас, до найменших подробиць, розділ за розділом... п'ятьсот двадцять сторінок! – Чому саме такий обсяг назвав, Іллянення не вмів сказати, а проте він боживсь і сам вірив, що новий твір лишилося лише передрукувати в двох примірниках, через інтервали. – А який роман без лідера? Без такого, щоб... такого! Во!

– Наш письменник уже й на прикметі декого має, – докинув своє вагоме слово Віллі, втім, належно не поціноване сусідами.

– А-а, – поблажливо мовив Худяков. – Держайте.

– І дерзну! – несподіванно образивсь Іллянення. – А хіба що? Та хоч би й зараз стану до праці! Працювать, працювати і в праці сконать!

Худяков вирячився на знесамовитілого карлика.

– Худя, налий придворному – нехай стулить свого писка! – наказав оддаєки й грозливо помахав кулаком Барзик; а проте й цього разу вони з Ілляненняю чи то недочули, чи то вдали ділових співрозмовників, що обопільно зацікавлені в укладанні певного контракту, тоді як Худяков насправді давно вже втратив усякий інтерес до тутешнього вавилону. Він розлабився, він крізь вії знечів'я обстежував задимлену світлицю, передпогромний стіл, п'яні мордяки, це не додавало ентузіазму; старий маразматик, подумки вилаяв господаря, дебелого череваня, качконосого комірника «Торгмортрансу» – що він красиме там, у землі обітованій?! Там своїх таких професорів повно! таж ні: куди кінь з копитом, туди, бач, і рак з клешнею, тьху ти, тамбовський вовк, називається! Піддавсь на вмовляння Регіночки! А де ж бо вона сама?... А-а, он де, при кавказі мліє... Гм-гм, а нівроку кобилка! справна... і молода ще: цицьки он... сказитись можна! Да-а, губа не дура в нашого тамбовця! Наприкінці травня й виїдуть... І то не до Ізраїлю, як пустила Регіна поголос, а в Італію! Там покрутяться в таборі для пересильних осіб, потруться в музеях, траторіях і ватіканах різних, і листівку-поштівку на прокляту батьківщину колишню пошлють: ах-ах, мовляв, які красоти, мовляв, у Римі, але наші римські канікули закінчуються і ми невдовзі переходимо до суворих буднів і праці в кібуці десь на голанських висотах, аби грязні араби ніколи вже не змогли зазіхнути на нашу Палестину, це мовляв, наше призначення від Бога, наше покликання й ідея! А самі, замість таруватися в пустелі, сядуть на «Боїнг» і в Лос-Анжелес, де Регіна має рідну тітку, дядька в третій, а ще однокласника Ізю – Ізяслава Вячеславовича Саца, власника мережі бензоколонок, спортсмена, культуриста та запеклого холостяка. Але ж не довічно йому парубкувати, на екс-комірникові стільки сала, що будь-якої хвилини може статись апоплексичний удар абощо, ну, Регіна постарается... А ви кажете: ах, ісход на прабатьківщину! в кібуцу, в кібуцу! в ім'я подальшого процвітання

батьківщини! Ет, не смішіть людей: у Штати Регіна потягне свого рогоносця – Худяков зна-а-є, він все про всіх знає! Хоч особисто сам не пробував, а знає, що Регіна класно дає, ну, не щоб усім, але вчорашнього лише вдівця їй замало, любить це діло, поважає, кажуть, анальний секс... Гидота яка, бр-р-р! ...Від уявленого Худякова пересмикнуло й він міцно склепив очі, що барвисті кола замаячили. Бр-р... Мовби в забутті, в рожевому мреві, в зелені якихось дерев побачив себе, підлітка, закоханого в красуню мальовану, в Настусю, майже даму вісімнадцятилітню, завжди гарно й дорого вбрану, бо тато її працював асенізатором на кілька приміських сіл; закохання було настільки палке, несамовите, чимсь навіть жертвне, що Настуся зглянулася над стражданнями юного мавра й якось дозволила йому наблизитися до себе... але він не наважився поцілувати дівчину, бо боявся, що від неї смердітиме – раптом! – бочкою тата-золотаря... Настуся, пригадується, була украй вражена, що він утік від неї за поблизький куц жасминовий і там його жорстоко вивернуло... А ви кажете: аналі!..

– Вілене Максимовичу, ідея: беру у вас інтерв'ю! Фолк, співи в стилі кантрі! Негайно інтерв'ю, – до краю вже розпалився Іллянення. – 3 наших, Вілене Максимовичу, вам яка – найчастіше на язиці?

– Що? – здивувався секретар обкому.

– Запитання стоїть не коректно: це в корови дещо на язиці! І не пісня, борзописцю ти наш, а молоко. – То Барзик раптом. Як би підкрався був до них! Перехилився оно, черевом по-пластунськи поповз – мало не через увесь стіл і люто процідив крізь зуби: – Марно стараєшся, писако, не того типа обрав собі за прототипа! Твоєму Худякову в дитинстві ведмідь на вухо наступив і забувся з нього зійти.

– Що ти собі дозволяєш, паршивцю? – обурено (фістулою) зойкнув Іллянення й захлинувся, адже слізка жури забриніла. – Не втручайся, га? Ну... прошу тебе, прошу!

Ілляненію, – в разі хтось і не зозла, ненароком навіть, недооцінював його творчі задуми чи, боронь Боже, сумнівався в митецькій спроможності, – слеза легко наверталась на очі, наливаючи їх блискучою червоною барвою, що помалу якось жалісно пригасала. Але то ніколи не була червіль кролячих вічок, о ні, то закипала кров роз'яреного бика! Маленьке, незграбне тіло карлика сталевилося, оберталося на згусток шаленої енергії й Іллянення кидався в рукопашну на всякого, будь він хоч удесятеро каратист, обидчика! І рідко хто витримував цей шквал ярості.

– Прощу тебе, – твердо сказав Іллянення. – Попереджаю.

Куратор або не знав про лиху вдачу, або злегковажив словами й тоном, що їх було мовлено, бо правив своє пересмішництво далі:

– Я ж по ширості попередити хочу, товаришу письменник! Не варто обмануватися нащот Худякова, чес-с-сло! Він не знає напам'ять жодної пісні, жодної! Української тим більше, бо ж остереігається, щоб я не пришив йому бурж-нац-ізм! Худяков годен співати лише «Інтернаціонала», та й то не від початку до кінця, а тільки-но приспів уміє... Худя, та скажи ж йому, скажи правду, нехай митець не плакає ілюзій щодо тебе, пожалій чоловіка! Ху-дя, ти йому ані в чім не допоможеш, палець об пальця не вдариш, хіба брешу? А я от допомоги – можу...

Зміг же Барзик, натомість, ловко перехопити фужера, що його влучно пожбував Іллянення, й, обнюхавши, поставити його на цілу ніжку та байдуже здвинути плечима, мовляв, як собі хочеш, романісте, я ж од щирого серця...

Худяков не зронив ані слова й так наче нічого не видів окіл.

Грузини ж, тим часом, докраювали собі серця й ніяк, ну ніяк не могли сконати:

Сала хар чемо-о... Су-у... лі-і-і... ко-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о

На видихові це, на бісеринках журливого поту з-під картузів. Ах! за такої, як запала була, тиші гарно полювати на комара. Шкода, що не сезон.

– Браво! – заволав Барзик і здійняв угору щойно кинутого в нього, а тепер швиденько кимсь наповненого шампанським фужера. – За такий спів можна пробачити будь-які мандаринові художества, браво! Гаумарджос тавісупал Сакартвелос!

Співаки заперезирались, а проте – на мить лишень.

– Мадлобт, батоне... – рвійно потяглися чарками до Барзика, – мадлобт! Дід хане іцоцхле, мегобаро!

– Шо він сказав, що вони йому сказали? – метушився в загальному збуреному галасі романіст Іллянення.

Віллі похмуро розтлумачив:

– Хай живе вільна Грузія, проголосив. Дякуємо, друже, живи довго, відказали йому. Алаверді!

– Ви знаєте мову? – ревниво спитав Іллянення.

– Я знаю людей, – заспокоїв Віллі.

– Сада хар чемо, Суліко? – похитував головою із стоячим німбом Барзик.

– Я теж знаю людей! – з апломбом почав був Іллянення.

– На здоров'я, – поспішив його спекатись Віллі: чудернацтво, казна-що, неприродна якась сентиментальщина змагала куратора Барзика. О, то було рідкісне видовище.

– Ех, Худя-а... – гірко крикнув куратор чи то від, чи то над кадебе і стоїчно зарипів зубами, так начеб його, завше такого моцака, але допіру, сила солону ломе, чомусь збезпораднілого, на очах усього товариства повільно збещещують гвалтівники (принаймні такого психологічного діагноза радісно встановив романіст). – Нам би так, Худя!.. Хоч раз на віку!

А розчулений Фукідід плакав обличчям в молоді огірочки. ...Що тут за шум учинився був довкола: води, води, передайте сюди «куяльника», води, Фукідіду зле! повітря, відчиніть вікно, свіжого повітря! а хе-ра, вікно законопачене! то ліктем у шибку! шибку, ти що, глухонімий? висади шибку! та на фіга йому воздух, дайте коньяку, оклемається. Шура-бура за столом. Аж заки – як шило кризь пух – проз оклики розбиваного вікна, квохтання жіноти й чоловіцьке «наливай» – проштрикнулось невтримне, ще гаряченьке, без жодного облою вістрячисько:

– І-й-і-і.. лала!-І-і-і-і... лело! ...К'ха-е-е-ей!

– Не можу, це нестерпно, – невітшно ридав Фукідід, – нестерпно, благаю, залийте мені вухі смальцем.

– К'хо-о-оувв... Лелоло-а-увв. – На басах це! на басах – до морозу по спинах!

– Уйміть їх.. – кволо взойкнув хтось (чи не сама господиня, бач).

Ага, діждеш! – целулоїдно гнучкими долонями вибиваючи шпаркиї темпо-ритм, а горлянками шкваркочучи аж, улещена загальним перестрахом трійця випробувала на міцність кришталь чеської люстри:

– К'ха... ла! Кха... ла! – запрошенням на танок. – К'ха... ла!!!

Так нової, авжеж, завели темпераментні картузи.

Господи. Краю всьому цьому не видно було. – Худяков підвівся, вийшов і хряснув дверима цього притулку для божевільних. Психушка... так, божевільня! дарма що господиня, проводжаючи, зреагувала на порожню веранду цілком адекватно, тобто вклала йому в долоню свою ліву, це щоб сердечніше, грудь. Іншим разом, моя люба! (А пішла б ти...) Авто чекало за рогом великофонтанської вулички, крученої, помірно гамірної: святковий вечір тільки-но збирався на силі; усе йшло належним чином, навіть вітер-низовик нагнав з моря завсідного на Першотравень дощuku, впала слюдяна заволока, туманцем війнуло, що якийсь бузувір сп'яну, мабуть, увімкнув застережного ревуна, хоч то всього-навсього паркиї дощик, радісний... «Га! будемо з хлібом, товариші!» – згадалось принагідне його, в обкомівських кулуарах, панібратське вітання з командирами сільськогосподарського виробництва, на що ті запопадливо відказували: авжеж, мовляв, один дощик у маю – й агронома по хлюю! народна мудрість, мовляв... Хліб, який там, к лихий годині, хліб нині? Невизначеність усущіль, саме лиш пліткарство, чутки якісь та шушукання на двох: третім підходиш – умить губу на гачок, або ж анекдота черстого зверзуть; що не кажіть, а щось не те колотиться в їхнім едемі... гай-гай, темна вода во облацех, ой темна! буде вам хліб, буде вам і пісня, як обіцяв незабутній малоземелець. Ну, плітки-пересуди – то ще півбіді: хай собі; Худякова ж особливо дратує значущий вираз обізнаності на вгодованих мордяках обкомівської дрібноти, шістьор усяких, на панелі підібраних; із грязі в князі, а ти ба: так начеб і справді хтось із клерків у щось утаємничений, і те щось – державної ваги... У-у, потолоч, ярився Худяков, плазуни нещасні! Стоп, стоп, адже не виключено: через те що вони плазуни, навіть виродки з-межи плазунів, вони й паруються без огляду на стать, труться шкура до поганської шкури, аби так змовитись і вив'юнити один одного геть із едему, що понебезпечнішав. Ні на кого не можна покластись, ані на кого! Касіян от... гріх лихословити, надійний мужик, а й той... ще відколи п'ятами наживав! Ох, щуряче плем'я та з приреченого корабля... Зрештою, може, перемелеться все, якось воно та залагодиться? адже чого тільки не скоювалося в історії рідного отечества – і нівроку! вилазили з ямів... Е-е, ні, то дурень нехай думкою багатіє, він же нюх має, славетний худяковський нюх: нутробою чує, шкурою на голові, гемороєм чує, апендиксом видаленим, язиком, ерекцією підупалою – чує, чує... чує непевність усезагального становища. Він доступно висловивсь, грамотно? Все-загаль-но-го. Певна річ: воно б і начхати на загал, коли б однедавня не зависла була над ним загроза – замашна така, невідворотна загроза цеглопаду; це відчуття тривоги напевно ж не від помисливості, цього бабства зроду не мав, та й на сидячу перевтому грішити не можна, на службі взагалі комар носа не підточить, і все ж... так наче облягли здовкола не щільно, не навч, а

проте зафлажкували ретельно, мовби сіроманця того: чого варте, наприклад, «узяття» до витверезника Касіяна! хто-хто, а в органах кожен собака натасканий, що фірмач – протеже Худякова, а й пальцем торкати не вільно, і маєш: пов'язали. Що то є – самодіяльність якогось запопадливця з новачків, чиста випадковість? Гірше, коли прямий виклик на прю: ще доведеться попінтіти, встановлюючи, чий то виклик. То шукай, роз'ятрював себе Худяков, нащо тобі умець дано? ним усе перемацати, ним, а не дерьмо на зуб пробувати!

А славний дощець, славний, не панікувати, небоже, наказав собі ген позад дачної хвіртки (озираючись), ані для депресії, ані для паніки немає підстав, отож, як процитував би товариш романіст, гетьте, думи сумні, невеселі... да-а, заблювався наш інтелектуал! – Іллянення поливав заасфальтовану від веранди доріжку; звідки мав знати Худяков, що той умисно гайнув навздогін, аби, з п'яного розуму, мстиво справити малу нужду на його сліди на землі, ну й справив, а коли цього здалося йому не задосить, то поклав собі загнітити ще й худяковський дух – по-вовчому відригнутим харчем і вином; а що блювота на замовлення майже ніколи не вдавалась, то від безсилля, надривно гегекаючи, плакав... так гірко, як узавтра, витверезілий, гірко й палко каратиметься за вкоєне непотребство. – Худяков мусив одвернутись від письменника, що страждав, бо й самому йому забриніла позивна жилка в животі, під серцем. Бідолаха, подумалось про Іллянення, такий-бо жалюгідний... як мавпенця приручене... Але годі!

Він умів захищатися, Худяков, навчений був відвіювати полову, непомильно в м'ясі вмацувати хребець явища, ну й, певна річ, узгоджено моделювати стратегію-тактику, свою позицію та поведінку на щодень, дарма що мова його формулювань була настільки відмінною від мови живої, що не всяк пересічний читач годен був уторопати її спохвату. Оце в прип'єтмі зупинившись, подумки він і втяв був дещось таке. В світлі відомих ускладнень в новоогарьовському процесі конфіденціальна інформація депеш, останнім часом якими з Старої площі постачають тільки й виключно нашого Першого, може свідчити про: а) розбіжність позицій у верхах і пошуки носіїв тієї чи іншої позиції прихильників; б) секретні депеші покликані справити враження поруки й одночасно вони ставлять і нашого Першого в ряд тих керівників на місцях, що їм в) як певній низовій силі, верхи не сповна довіряють; г) їх випробовують на схильність до сепаратних обгородок і, нарешті, д) верхи не вірять в конкретно їхню спроможність відконтролювати ситуацію на місцях в разі певних крутих поворотів або надзвичайних обставин. А звідси, підвів ризику Худяков, особисто для мене це означає, принаймні, що належить ужити запобіжних заходів (демонструвати непорозуміння з Касіяном, хоча, відверто кажучи, він як особа не вартий такого зосередження сил, але ж принципи! передовсім не поступитися принципами), по-друге, і то негайно, на ґрунті засад взаємної підстраховки зблизитися, з метою добуття сікрет, ах-ах, інформейшн, і водночас для інших дистанціюватися від Першого. Все подальше – деталі, подробиці вишивання гладдю, хай та метода нікого не обходить. Худяков скинув угору великого пальця, засміявся дзвінко, молодечо: га! темна вода во облацех? – то для парвеню, схибнутих на міцно-тримайся-крісла, то для

знеможених від постійного передристу, ми не з таковських... тьху ти! (Худяков силкувався забути, дорого б заплатив, аби насправді не було того, що він, як забобонна баба, ходив на прощу до святого Фукідіда, до рота йому зазирає, до мурашок на шкурі очікуючи на золоте його слово!) ...Він поблажливо глипнув на засноване, м'якушкове небо й увостанне дозволив собі розкуто, по-дитячи навіть, утішитися з малої малини: що встигне причепуритись і що пристане до тісної компанії правдиво поважних людей якраз учасно, тобто з прийнятним запізненням владця з більших. Га! там білі дівушки Маруся, Роза, Рая, і з ними Костя, Кос-тя-шмаровоз... Повний ажур! А те, що схляв був у двобої з спокусою й удався до екстрасенса, річ вибачна: нерви; але й карб який: іншим разом за кволості не дасть собі й дрібнішого попугаю! ..Рівно ступав, статечно; коротко сказати, мужчина в розквіті сил, другий секретар, а хазяїн життя – з перших. Озирнувся: романіст, завстиджений, припишклий, змагається з хвірткою: там клямка хитра, спершу «бородявку» належить уколупнути, бо інакше аніруш. Коли б не засмерджений такий, можна було б із собою прихопити письменника до чванькуватого товариства. А хіба що? Екстравагантна істота, ну не циганський ведмідь, ясна річ, а все ж бо хоч якась різноманітність була б у розвагах; але ні, пізно: наш квазімордо подужав хвіртку й подався вуличкою... оно, хить-хилить.

Розлючена дружина жаротно смикалась за кермом її власної (а не його, зважте) «Мазди» з разком ієрогліфів на дверцятах.

– Упорався нарешті! Чого так довго? Зла не вистачає...

«Мазда» – з правобічним кермом авто, не вельми зручно, часто про це забуває Худяков і має взайве обходити радіатора; близько нахилився до жінчиного, такого немолодого сьгодні лица: га! а не Регіна, не Регіна, далеко куцо́му до зайця, цікаво, чого дружині бракує? за родоводом аристократка, працею не зморена, харчування збалансоване й на усяке інше гріх нарікати... а не Регіна з її принадними ознаками виродження, чи вони й вироджуються по-різному – жидівочки й руські князівни?

– Не сопи мені в серезку, Вілене! Ну, і що суттєвого, чого ти не знав досі, повів хвалений екстрасенс?

– Посунься від керма.

– То ти, значить, і не пив там? Дива... І пістолета з собою не взяв.

– Пістолета?

– Та вже ж не ложку! Що з тобою, Віль? Як сам не свій. Коли ми збирались їхати на цю підозрілу дачу, я тобі сказала, що газового покладу в бардачок, пригадуєш? Ти ще кивнув мені на знак згоди! Аж оце заглянула, а він там і лежить.

– Газовий?

– А ти гадав, що я туди запхну цілого карабіна? Дива мені з тобою, дружок... То що він тобі сказав, ясновидець ваш?

– Сказав, що ти в мене абсолютна дура! Пістолета вона мені поклала... Геть від керма!

У жінок то дар Божий – шовковіти. Ображена засвітла, удень, вона змовчить, поступиться чоловікові... принаймні до ночі: щоб у сокровенну мить

пестоців холодним презирством помщатися за справді заподіяні і за вигадані кривди. Благословен, хто має тверду шкуру чи солдатську невтомність.

«Мазда» верткий апарат, одначе, розвертаючись на вузині, та якщо дратує праве кермо, всякраз можна не розрахувати.

– Ти що, навмисне це робиш? Вілька! Ти ж ієрогліфи дряпаєш.

– А бодай би вони тобі обсипались. Якого чорта? Хлопці підновлять твою ієрогліфню!

– У вашому гаражі самі криворучки!

– Га! значить, на нову тачку полюватимеш! хіба вовк у лісі здохне, то не вимудриш нову тачку. – Дарма він так: не заслужила тих докорів; ощадлива, і зайвого під себе не гребе. – Ієрогліфи, бач!.. Чому б самій було не розвернути належно?

– Тебе не спитала!

– І то правда, – примирливо буркнув Худяков, натискуючи на газ, оскільки вони вив'юнили з колінець на майже прямий асфальт, що до нього низько, мальовничо перевисало бахмате віття верб. – Не сердься, це тобі шкодить, люба.

– Ох, Вілько...

– Га! маю доповісти вам, шановна Юліє Юрівно, що з нагоди свята я приготував вам інтересного сюрприза, невдовзі ви відпливаєте в турне по Середземному. Сама! Каюта люкс. Валюта на кишенькові витрати.

– За віщо така ласка?

– А-а-а!.., ч-чорт!

Юлія Юрівна затулилась долонями й устигла важким хрущем прогугти «Божжжж...же!»

Ну дурна, просто дурна історія, коли не повезе, то варто чомусь одному розладнатись, як незалагоджується усе упідряд; га! ланцюгову реакцію мотоцикліст спроворив, як з-під землі вродивсь попереду, та по осьовій пре, блядь така, та фару на дальнє світло врубує... то що мав чинити Худяков? а те! – пла-а-вно з осьової узяв праворуч, що вербовиння об лобове скло хльось-хльось, ні хрена не видно, аж тут підліток якийсь – і під колеса «Мазді», ну, гальмонув, звісно, що юзом пронесло, «Фари», – заверещала жінка й сама, дотягнувшись, повимикала вогні, всі, припишкли обое, впритул сидять, «Ніна Річчі» джерелить од Юлії Юрівни... голову від солодкого відвернеш, а в дзеркальці заднього огляду мотоцикліст, що допіру кренделями прохурчав був повз них, боком маячить на підгірку, кепські справи; – та й манячів їздун непроханий, замислився так, наче намагався спостерегти в миттю погашеній «Мазді», в чоловікові та жінці, що пригорнулись, у верховинні, а може, й у самій першотравневій мряці прийнятний смисл і сюжет, а проте невдовзі це йому наскучило абощо, бо й собі прибрав світло й так наче навшпіньяках забрався своєю дорогою.

– Ві...ля... – Зуби їй металічно клацали, живі-здорові зуби. – Ми його вбили...

Мусив переждати, поки відбринить, згасне в животі, під серцем, іще одна, неприємно чужа жилка, що та всякраз оживає за небепеки чи в разі

загрози такої; інколи Худякову фізично чулось, що в ньому напхотом напханот різних уповноважених і відповідальних жилок; а не марно, ой не марно: значливо, провидчо, й так наче по-людськи ще й попередити хотів, – он як нещодавно дививсь був на нього Фукідід... невже й справді екстрасенс відав і видів навч, яке нещастя от-от мало спостигнути Худякова на його простій дорозі до рідної шафи з костюмами, до ложки оливкової олійки задля вполірування шлунку перед усеношною пиятикою, до сигарет тільки хатнього, не на людях, ужитку «Кемел», до блюдця на кухні з недоїденим ним абрикосовим варенням, до Солженіцина з закладкою на сто вісімдесят другій сторінці та невимкнутої через поспіх від їзду до Фукідіда настільної лампи, хоча стривайте-но! лампі він, здається, так і не надав був, ласуючи читанням, коштовного її, смарагдового сіяння, ну не суть важливо... – то чи міг, отже, Фукідід непомильно передбачити наїзд на підлітка, чи міг він знати, він?? а що знаємо ми, що ми взагалі здатні знати? ми, прості смертні, ми, ми, з погляду всесвіту, дрібні істотки, ми, ми, ми розумування, мова, вчинки, а головнот прагнення – то суцільна неясна річ, смачна якась нерозбірливщина, все одно як пояснювати світобудову, жууючи повним ротом; га! фатум, хвалькувате безголов'я, що найслабшого просвітку... а тут іще й Юлька з своїм амебним здоровим глуздом... об чім-бо вона? за чим побивається? Віль, отямся, любий, термосила йому ліктя, тобі не здається, що ми його збили насмерть? Худяков зачудовано подивися на дружину: йому б і на думку не спало скласти настільки реалістичне запитання.

Так, уже за більшої тями, Худяков увімкнув освітлення в салоні й зацікавлено, не як завжди – прихильно ковзнув двома поглядами читця коректури по її знекровілих тіпких устах: а вона дужча за мене, Юлька... не перевелася на пси кость князів чернігівських, а не перевелась!

Клишоного вийняв себе з «Мазди», так ест: ум'ятина на правому крилі, могла вона бути давньою чи навряд? Юлька водить, як переважно всі жінки, з хвацькою обережністю; Худяков протяжно зітхнув і поволік ноги туди, де, приблизно, мав конати той ночоброд. Гарно уволожена жорства дзуменіла під сандалями м'яко й таке що скучливо, як і дощець сіявсь; у лискуче найжаченому хутрі трави лежало нерухоме тіло: випростано, горілиць, руки складено на животі, штани обсмикано, геть як за окрему платню попротрацювали над ним майстри омиття й чепуріння спочилих. Ця охайність перетворювала трагедію на абсурд. Худяков громіздко присів навпочіпки, ховаючи виїдені стидом очі, навмання пошукав пульса, ні, начебто не промацувавсь, тоді він сорочку розстігнув і, злегка гидууючи, приклався вухом до грудей, іще теплих, одначе й там не билось; вража жилка знову забриніла в черевизні, що Худяков уже без малої надії заглянув у лице потерпілого й сам обернувся на потерпілого, зазнав якоїсь певної шкоди, хоча справжню ціну збиткові не вмів і не прагнув скласти, бо то був Іллянення. Ах ти, дурню-дурню, рило твоє невимване... І неусвідомленим жестом прибрав з романістового чола крапку листка м'яти.

– Дк усе не так було, собутильнички! – неждано звів голову, обч господареві голови на столі, Фукідід. – Ви собі маракаєте, буцім воно просто так діється? Е-е, ні, неспроста все... Бог шельму мітить! Горбатову Бог на лобі

розписавсь, а його ратники зсередини червиві, щоб не так видко було, хто вони, коли вони візьмуться народ ошчасливлювати. Гей ви, кендюхи римські! чи знаєте ви хоч, які на вас помпеї чигають? Дк я скажу...

Але його не слухали, нікому було дослухатися до будь-чєї мови, крім як до власної торочні, що мрїлась їм змістовною над інші по-сусідству; власне, підживити загальну увагу могла хїба що скабреза, натяк, показування пальцем на замкнені двері до сусідньої кімнати, де усамітнілись і довго Барзик з володаркою цього гостинного дурдому милуються вивізною колекцією поштових марок серії «Золоте кільце Росії», проте й на таке обичайство гультяїв не стало, навіть чемпіонський кавказ утомився кружати підряд і похнюпивсь.

– Віллі, нас тут не розуміють, ходімо з цього гадюшника, нам пора в Сіракузи.

– Сам вїйся, – огризнувсь вірний учень, – мені й тут добре.

Худяков повернувся до дружини, що вона з великої самовідданості захопила місце водія, вчепилася в кермо – пальців не вивернути, Худяков і не замірявся був застосовувати силу абощо, нахилився до Юлії Юрївни, мовив беручко:

– Подивись-но в багажнику, чи не знайдеться котроїсь ряднинки.

– Ми повеземо?

– Маєш інакшу раду? Ворушись; і краще, якщо клейонка.

– Стільки... крові? – сполотніла.

– У тїм-то й справа, що ні. Але його може вивернути, я його знаю, це Іллянена.

– Письменник Іллянення? Господи, лише цього бракувало, ми ще письменників не збивали! Чого ти стовбичиш, Вілене, мерщїй до Антона Антоновича, неси, тільки обережно, він такий крихкий завше! Тобі щось не зрозуміло?

– Я ж тільки... щоб не запацьорити.

– Боже мїй, перейматись якимись нікчемними, мерзенними чохлами, ти мене потрясеш, Худяков!

– Спробуй тобі догодити, – буркнув чоловік і так, наче килимковою дорїжкою свого секретарського поверху, рушив по Антона, виявляється, Антоновича.

...При першому ж таксофонї Худяков зупинив авто, зв'язався з черговим в обкомї, узнав номер травматологїї, зателефонував тамтому недотепї, що ніяк не годен був уторопати, який саме Худяков домагається головного спеціалїста; немає на місці, доповів зрештою, нині в нього відгул за графіком, плюс Первомай... ах, так?! викликати, з-під землі хоч! а в разї зволїкатиме, перекажи гївнюкові, що голови йому не зносить, ясно? так точно, відкозиряв недотепа, все ж уточнювати почав: що може знадобитися товаришеві Худякову? Операційна, мать твою!.. бригада реанїматорів, і щоб усі тверезї як стьоклишко, мать-мать-мать!..

Два санїтари з ношами виглядали їх при входї до лікарнї, ждали, оточенї, стусанї розтелесованим юрмовиськом чи то циганів, чи то кавказцїв. Де-не-де в стовковищі мужеськи зблискували над головами ножї, навіть щось жарке луснуло було, схоже на пістолет. «Мазда» з нетямним тїлом

колінками догори, сигналячи клаксоном і фарами, була запроштовхувалася крізь людноту, стала, Худяков вибравсь прожогом, га! роззірнувся бридливо, що за віче новгородське? Напирали з боків, вадили відчинити задні дверці к Іллянені. Гарикнув: «Ану, тихо мені! стояти! Санітари, до мене! дорогу санітарам! А тобі що, блядь, окреме запрошення? дай пройти санітарам! Дивина, а проте Худякову вдалося. Вправні хлопаки дровинякою висмикнули з авто романіста, побоюючись за нього, Худяков супроводжував ноші; що це за бардак тут у вас, спитав санітарів, а ті, веселенько так, пояснили, що нічого особливого, житейська справа, просто ще одного азера підрізали, то друзяки й назбіглись, грозять: якщо нашого не порятуєте, ми виріжемо усіх ваших упідряд, і лікарів і хворих; ерунда, пуста похвальба; а що воно за таке – азер? таж азербайджанець, товаришу Худяков! мафія одеська... Так відразу й мафія, пхекнув Худяков, а проте дружину в «Мазді» лишати самотною не наважився, щоправда, трохи перегода вони пішли до приймального покою. Юрба перед ними з якоюсь обачною зненавидістю розступалась, глitala в себе, трудно, звідусюд обдавала сморідним диханням, глухо ремствувала навздогін. Стільці в кабінеті головлікаря, куди допровадила високих гостей перепуджена медсестра, жажливо рипіли під ними; схоже, ми тут засіли як на бюро, буркотав Худяков, Юлію ж Юрівну змагав розпач, зате живив наштадир, що вона кволо дякувала сестричці за вгадане, – ждати вісток, утім, довелось напрочуд недовго, засмиканий лікарець, поставою бесарабський стригальовець, а за голосом – той самий недотепа телефонний, попробсив у пань дозволу закурити й смачно попустив кільце з узькогубого рота.

– Не сотайте жили, – не витримала Юлія Юрівна, – кажіть зразу, як там... Антон Антонович?

Стригаль, як би спересердя, струсив попіл просто на сяйний лінолеум під дуб.

– Не розумію! – звернувся до Худякова. – Я так і не зрозумів, навіщо – ви привезли його до нас.

– Треба було відразу в морт? Пор-р-рядочки! Він хоч у реанімації?

– Навіщо? Не було сенсу. – А що Юлія Юрівна скрикнула й похлинулась, як би в ядусі, то він зненацька вибухнув: – У нас тут роботи по зав'язку! На цю годину прооперували вже сімох, з рубаними, колотими, різаними, стріляними ранами, і це ще не кінець! У мене на столі нещасний азер з перетягою горлянкою – кров'ю спливе, тоді банда знадвору піде на приступ! я знаю... І ніхто нас не спасе!

– Спокійно! Обое. – Худяков узявся телефонувати. – Не прудь в штани, парубче, твоєму лихові можна зарадити, зараз тут буде повно міліції.

– Вибачте...

По уривчастій розмові з черговою частиною Управління внутрішніх справ Худяков хмуро побарабанив пальцями об настільне скло.

– Як тебе звати, доктор?

– Миколою... Микола Рошкован.

– Рошкован. – Одхилився в єдиному кріслі, трохи начеб як полегшало.

– А по-батькові?

- Іванович.
- То ж то бачу: схожі. Брат чи син Івана Івановича?
- Син, – невідь-чому знітився Микола.
- Ну-ну, це нічого... – Заспокоїв радніше себе самого, ніж сина знаного жука Рошкова. – Отже, ближче до тіла. Дуже?.. Що?..
- Абсолютно нічого.
- Ти мені дезу не гони, сопляк, – визвірився Худяков, – доповідай, рїж правду-матку! І без утайки.
- Тут медичний казус, товаришу Худяков, рїч незбагненна... Кажете, збив автомобіль? І це все, більше нічого з ним не трапилось?
- Звідки мені знати, може, його ще й котком проутюжило!
- Вілен Максимович, – докорила дружина.
- Гм, дивно... – гостренько зиркнув на неї Микола Іванович. – Отже, всього-на-всього шляхово-транспортна пригода, а результат такий, як ніби маємо справу з... гм!
- Молодий чоловіче, що ти тут консиліум улаштуєш! Чи ви там що, іще й не ставали до роботи – відразу на нього махнули рукою?
- Ні-ні, збав Боже, ні, ні, негайно поклали на стіл! – відхрещувався довгопалими долонями. – Обстежив, бачу: при повній свідомості ... лежить, адекватно реагує на звук, світло, усе розуміє і... сам цілий, ну жодної подряпинки! Ото вже правдиво: п'яного Бог береже! Одна лиш і незадача, що мовчить ваш найда.
- Тобто, як це він мовчить? Чому?.. Не бажав з вами бесідувати, чи взагалі мову відібрало?
- Важко сказати, товаришу Худяков... Шок, очевидно; шок може проявитись у такій формі. Крім того, апаратура зареєструвала струс мозку, правда, легкий. Але те й те в кожному разі минеться без подальших ускладнень, товаришу Худяков, і то незабаром. Принаймні я з повною відповідальністю можу заявити, що як пацієнт він у нас тут недоречний: це здорова людина.
- Бути такого не може!
- Так є.
- Ну ти мене діста-ав... Та-ак! От і підбирай надалі писак, Юліє Юрівно, вболівай за класиків обласної літератури, – гора з пліч Худякову! Тож паном таким озвався, керівним самодуром, але чие серце також не камінь: – Отже, вчинимо в такий спосібець, докторе! Оскільки здоров'ю ніщо не загрожує, то розпорядись, аби цього класика відвезли додому.
- Не маємо транспорту, – з крихтою зловтіхи, що спливла-таки над поверхню поштивості, мовив вдалий син свого батька. – А по-друге, потерпілий наполягає, щоб додому відвозили його ви. Ось, на папірчику написав...
- Ми?! – заскочено заперезирались Худякови (оце так поворотець! де ж упин тортурам, скільки можна випробовувати незалізні душі?): вона миттєво змарніла, лице видовжилось, йому ж тенькнула приспана було жилка.
- Інтересно, – за звичкою Худяков настановив брову хаткою, – дужжже... Чула, моя люба, тут з мене візника роблять!
- Вілен Максимович, – зграбно підіграла дружина, – не слід забувати, що Антон Антонович надзвичайно делікатна, навіть церемонна людина, тож

якщо вже він... Просить. Зробити послугу. Я не бачу перепон. Чому б нам. Не задовольнити прохання.

Ось у такий простацький спосіб і було стерто грань між ультиматумом і просьбою. Принаймні Юлія Юрівна щиро була певна цього. До такої ж думки схилився і Вілен Максимович. Але того не скажеш про Миколу Івановича.

– Умовила! – як наче де наше не пропадало, ляснув собі по коліні. – Що тільки не вчиниш, аби догодити капризам... – Не став уточнювати, чиїм, а малося розуміти: письменниковим. – А збігай-но, шановний, е-е, Миколо Івановичу, нехай свою адресу намалює. Та й несить уже вашого мовчальника до машини!

– Дякую, – негаразд утулив Рошкован. – Але й носити його немає потреби, сам годен, ну хіба що з санітаром під ручку. ...До побачення, прощайте, – гукав навздогін.

Юрба надворі не поменшала, навпаки – додалося жіноти, і не лишень оливкової, було та й було тут хохлацької, довгоногої, викрашеної під блонд, яріючої курвоти; ці небезпечніші: в разі чого, крім як галасувати, їм не штука вхопить дрюка. Худякови мимоволі зупинились на сходах лікарні, зважали; кроку не встигли ступнути, аж їм навстріч, а так наче навперейми ловити, метнувся опасистий амбал у золотому нашійнику, може, заводіяка:

– И-и! Шито-нібуд знаїш?

Худяков стрів його поглядом, що знекуражив би й скаженого вовкодава; юрбі ж ясно показав свого годинника на зап'ястку:

– Через дві найбільше хвилини тут буде міліцейська рота. Тому раджу згорнути оце ваше народне гуляння й розійтися без ексцесів.

Стиха говорив, а – почули...

– На пушку бір'юш, кент?!

– Ні, не беру, то я наказав підняти міліцію в руж'йо. Я, секретар обкому.

– У-у-у-у! Ф-ф-фі-і-іс-с-сь! Улю-лю-у! – А реготняви, а свисту, а саркастичного вихрипу з отверзих пащек!.. одне слово – натовп: нема на нього управи.

Бідна, бідна Юлія Юрівна! ніколи перше не випадало їй потрапляти в такі тарапати, як оце – в осердя розбурханої маси вороже, вороже, вороже настренчаних людей: учепилась чоловікові в лікоть, жижки їй трусились, стільки-бо неруських (а згадати Пушкіна – безглузких і жорстоких) бунтарських облич довкола, що коліно їй підвихнулось... а-а-а-ах...

– Не дрейф, княгинюшко! проти лома немає прийому, – подихом залоскотав їй сержку: то в них гра така була: ваблення. – Партія – то велика сила, все ще велика.

– Ф-ф-фі-іс-с-з-з-з-зь! – Не вгавали солов'ї-розбійники.

...І все ж бо, все-таки: нічний Баку їм, січевий, розбурханий, захилий крихту свободи Баку спогадавсь був абощо? гусениці штурмових танків Радянської Армії тамтого м'ясорубного передрання? нескінченний похорон удень на Алеї Шехидів? чудна епітафія на одній з могилок: «Убит слепым штыком»? Як знати! Як знати... – Чарівною рідною мовою сиплючи, певно, чортами, ординці тичбою враз кинулись до воріт травматології, проз які вже (овва) ускакували з вулиці жовто-сині ридвани правничих

громадського порядку, що Іллянення як не мружився з горішньої сходинки, як не силкувався, а все одно не годен був до пуття роздивитись, що воно там удалині робиться.

Про подобиці читайте в завтрашніх газетах, подумки загадав собі романіст – завжди романіст, а проте сардонічного загалом дотепа він не встигнув розібрати до кісточок, аби виставити за нього щонайбільше «трійку» з натяжкою, – власне, Іллянення й не пристав був до сеї звичної, мазохістськи солодкої роботи: прийняття чи відхилення всякої всячини, що вона постійно снується в голові, а також чигання на – рідкісну думку, перлинну, що блискавично спаде на ум і здебільшого пропадає в зарутинених надрах. Адже зір йому тоді скаламутнів був на калюжку, таки так: недобачав Іллянення, – з коловерті людей, машин і їхніх тіней таки не спромагався вичленити окремого репнутого лица, розпанаханої міні-спіднички, сухих браслетами рук, а тим паче – диригентські сплески гумових кийків. Але ж... чути! ніщо не заважало чути какофонію впокорювання товпи, про яке на завтрашніх шпальтах не знайдеш ані слова! Ет, марно говорити... цього не сталося, Іллянення злегковажив нагодою збагатитись іще на один дослід... (І вже згодом, аналізуючи спостиглу його на лікарняних сходах чудасію, вражався більше з бистроти, з якою все те коїлось, аніж з власне перебігу та сутності метаморфоз.) Одначе вернімося до наших баранів. Отже, не спромігся був Іллянення поцінувати свою хохму належним чином, оскільки його свідомість, замість і надалі лишатися відкритою для звуків побойща, замість чутисе осібною, замість узагалі бути вільною в виборах, Ілляненину свідомість опанував натомість... інший огром – дивовижний, незбагнений, як би нетутешній навіть, а проте жодною мірою від того не менш реальний.

Господи, що ж воно?..

Так, за лічені секунди, на прах обертається Спітак, так западаються гори, так урагани, лід, моровиця, потопи настають і минають, і так, вище потворних усіх, дотеперішніх стихійних руйнацтв, змикаються води й над поверхнею яріє далеке, як в перевернутий бінокль, інакосяюче сонце; й так само – рівнозначно т а к! – ширяючи між пласкінню вод і точковим ярилом, уповає летюча душа на клапоть Арарату, на твердь, на піщану косу чи бодай мілководдя зацвіле, щоб хоч раз на спочив приземлитись і, на взір вислогузого гусака, за інерцією ще пробігтись на онімлених з неробства ногах, ще прохля-потіти крильми й заломити набакир шию, вдаючи з себе красеня лебедя.

...Тобто, він злетів, цілком уявляєте собі? Він злетів, хиренний Іллянення А.А., одна тисяча дев'ятсот тридцятого року народження, Житомирської області, з селян, українець, одружений, безпартійний, двічі ув'язнюваний, член Спілки письменників та Літфонду СРСР, нагороджений медаллю «Ветеран праці», почесними грамотами Чорноморського пароплавства та Одеського військового округу за активну шефську діяльність, морально стійкий, політично освічений, автор книжок прози загальним тиражем, урахувуючи й перевидання, понад сімсот тисяч! Він злетів, а злетівши, летів, зосереджено міркуючи, що так не буває, щоб ото взяти й полетіти, а якщо ж і буває, то хіба що вві сні... чи хоріючи з мареннями, чи як ума рішишся – хіба тоді.

Однаке що б воно там не було іп concreto, він щасливо згадав, що всілякі льоти-перельоти доходять кінця, й птах Іллянення (не будь дурнем набитим) заздалегідь облюбував спершу чималий острів, потім охайну ділянку пляжу, на ній – усамітненого чоловіка. На всяк випадок покружеляв над островом, пляжем і чоловіком, багнучи придивитись ліпше, але тут пальне, чи що воно там було в ньому, видно, закінчилось до пня, бо птах Іллянення несамохіть круто шугонув додолю й ударив закаблуками об твердь: таки далеченько від вибраного об'єкта. Як і розумілось, за інерцією ще продріботів був урозвальки кроків отак з вісім, од сили десять, і ще вчув позаспинню такий шум, що мусив озирнутись, але ніяких крил із себе не встеріг; отже, задоволено відзначив, літання в мене не від безумства. Як на те, коли вивихував був шию позад себе, нагледів іще одного, зайвого чоловіка – в чорному строї й чорному ж циліндрі, що спиною сидів на розкладному стільчику й чимсь інтимним, що те застив собою, займався. Точніше – переймався. Ні, щоб геть правдиво, то сей третій-зайвий жив, жив тим, що ховалося поза широкоплечим, шварценегерівським фраком. Іллянення не любив несподіванок, як і збочувати на манівці, а тому рушив до з високості вибраного чоловіка, задрапірованого так наче в простираadlo, біле, ляне, з пурпуровою смугою, що возлежав на плетеному як би з лози килимку. А проте не пурпур чи лоза внепокоювали Іллянню: що ближче приступав до вибраного брата по розуму, то виразніше бачив, що того індивіда поміщено всередину так наче риштування, с'яйного, розлогого, складеного з велетенських слонових, здогадно, бивних, націлених загнутими гостряками до уявлюваної стелі. Наблизившись мало не впритул, Іллянення добачив, що ті бездоганно лекальні палі риштування були майже прозорими на просвіт, але ще світлішим було ткання, що запинало прогалини між нечастими ребрами жорсткості сеї чудної конструкції. Щось вона йому нагадувала! Музейне. Палеонтологічне... Птах Іллянення замислено хмукнув і надовго зловив собі підборіддя. Евріка! За декотрими деталями та хребцевими зчленуваннями можна було припустити, що брат по розуму трапезує всередині кістяка гігантського кашалота. Агов, Іове!.. Що вибраний – химерник, і розважається харчуванням, наш літун не мав сумніву: по самі ручки в піску стояли там більші й менші амфори, чаші, таці з усякою всячиною... з виноградами, наприклад: он «дамські пальчики», вгадав, і шасла... Літуна вже давно мордувала спрага, тому делікатно кахикнув, коли ж анітелень на прохання, наважився простромити руку проз кашалотове міжребер'я. Господи, що тут учинилось! – Пальці натикнулись як би на крицю банківського сейфа, їх уразило чимсь на взір електричного розряду, а на довершення просто з-під ніг вихорно здійнялася курявка найдрібнішого піску – і це за цілковитого безвітря! Доки птах Іллянення виймав очі на білий світ, прокліпувався – і чоловік у кістяку, і самий кістяк риби зникли геть, як не було їх зроду-віку!.. Оце так почвара, сторопів літун і так, наче за роз'ясненням, озирнувся був на фрака поодаль – чорнів, як і перше... Поволі, дуже повільно, не швидше, ніж перші бубки на проявлюваному в слабкому розчині фотопапері, просто перед самого носа Іллянені відновилося було й недавнє костюмашся морської тварі, й сибарит поза ним. Ха! буцімто нічого не сталось... А тим часом пити – як

жити! М'явсь, кахикав, нудивсь світом. Урешті тінь від птаха Іллянені впала чоловікові в кістяку на здійнятю жменю з піском, що вона вдало зображала плин часу за піщаним годинником; чоловік довший час розглядав прибульця, по тому приречено зітхнув і, порожньою вже, долонею вчинив красномовного жеста, мовляв, увиходь, які вже тепер церемонії? в разі приперся, то заходь до хати, нема чого застувати сонце. Еге, зараз! найшов придурка! – і зліпив дулю. Чоловік у кістяку зняковів, ляснув себе по лобі, і згодом, по котрійсь маніпуляції господаря, птах Іллянення вільно пройшов між ребринами й натомлено впав навколішки побіч імпровізованого стола.

Господар цього, сказати б, рибальського куреня надпив з поблизької чаші й устеріг судомний здвиг чужого адамового яблука.

– Винуват, – мовив люб'язно. – Вам налити?

– Так, так.

– Вина?

– Саме так, кислячку б...

– Не знаю такого. Це ж – просто вино, грецьке, настояне на смолах.

– На смолах?

– Авжеж, на деревних смолах. Он вода для нього, призволяйтеся, будь ласка. Дозволите розпустити вам вино?

– Не утруднюйтесь, я вже й так.. Мені звичніше без води.

– О?.. – тільки й сказав господар.

Поцікавивсь, відкіля прибув гість, на що той відказав обережно.

– А-а, – мовив господар. – То ви є варвар.

– Це вас засмучує?

– Ні. Хіба я схожий на такого, що здатний засмутитися? Ні, я не засмучений, що ви варвар. І вам не раджу журитися, з будь-якого приводу.

– Будьмо, – проголосив варвар Іллянення. – А вони нехай виздыхають!

Тільки грецька ввічливість не дозволила господареві застерегти непроханого гостя від панібратського тону.

– Нехай.. – І згідливо підняв свою чашу з розпущеним вином.

«Конформіст, – за незбутньою звичкою добрав діагноза письменник, птах, варвар Іллянення, – клінічна форма догідництва...»

І вже нецеремонніше задивився був на самітника. А хіба що? – таж нівроку сей грек! як на око – ровесник... і хирлявий так само... і малорослий теж, і з вислими щоками також... а зате сивувате кучерявке волосся на голові – щільно лежить: шоломом; а зате ніс породистий, на двох Дантів стане; а зате очі сині-сині, волошкові... зате всі до єдиного зуба власні, зате вояцьке звання аж стратег, ну й ім'я нічогеньке: Нікій... – то чому б і не затоваришувати? Два чоботи до пари.

Говорили – пили – балакали – підживлялись – бесідували знов – освоїли брудершафт... отже, говорили-балакали; Іллянення на вус мотав, поклавши собі, дослівно все, завчити напам'ять; Ілляненю лихоманило: він, простий український радянський письменник, як з рівним розмовляє з афінським полководцем Нікієм, який іще до нової ери... страшно й уваяти – в дохристову епоху: щойно по времені спорудження Другого храму ерусалимського!..

уславився чи, радніше, поганьбив своє ім'я невдалою експедицією на Сіракузи, так, той самий Нікій, бранець, що з власної волі звів порахунки зі своїм життям! ...Учадіти можна; перекажи про це будь-кому – не повірять, і розумно вчинить. ...Але ж які думки мече Нікій, якими перлами пересипає, а світогляд який, культура! – одне слово: античний грек, афінянин, афінянин від волосинки з ніздрі до рожевої п'ятки... А що ж до подробиць усяких, деталей або спостережень, то з цього боку Нікієвим свідченням не скласти ціни. Тож і не дивина, що варвар Іллянення запопадливо, з такенною жадобою дослухався до кожного слова, дбаючи про запас, і жалкував, що не владає етилом, пергаментом і навичками стенографії на додачу, однак усе-то те ніц не варте, позаяк вільні чарунки його мозку поглинали відомості геть-чисто й надовічне; подумки варвар Іллянення захоплено уявляв тамті бесіди тільки в вигляді рукопису книжки «Мої діалоги з Нікієм». Так, звісно: назва дещо претензійна; так, прояв особистої нескромності, елемент одноосібництва на колгоспному тлі української літератури, все це так, так, але ж... випадок який! нагода яка. ...Ха-ха, тут Ілляненіна вічна самоприниженість мусить поступитися більшій самоповазі! Ризиковано? Тоді ось вам контр-аргумент, уточнювальний: ризиковано – стосовно порушення яких саме моральних засад?.. Отож і постулюйте ваші писки, нездара заздрто! Ризиковано – це коли свідомо нехтувати принципом Паскалевої безодні. Він же, письменник Іллянення, сумлінно, належним чином осмислить почуте, творчо опрацює, та що там сирітське «опрацює» – огранословить, ні, озолотословить усяку їхню з Нікієм думку, вислів або, річ певна, живильний підтекст! О, о, то має бути вікопомна книга, бестселер... визнання... Нобелівська премія... через Спільку можна буде нарешті купити «Волгу»... дружині...

А проте, що далі точилися розмови з афінянином, то більше, з подивом помічав Іллянення, більше й солоніше прив'ядала ейфорія – так, наче коростявіли трояндові корені в овечім степу, – і натомість опосів письменника-реаліста спершу сумнів, а відтак обпалив сором.. Це ж треба такенне йолопство: намірюватись оприлюднити буцімто документальні «Діалоги з Нікієм»! Варто бодай заікнути, а не показати видавцям, колегам (або й Худякову) – засміють, до психушки запроторять, із черги на поліпшення житлових умов викреслять, недоброзичливці тільки й чигають на нагоду, аби безкарно вчинити йому капость! І згнітивши недуже серце, Іллянення відмовився від шовкового заміру добирати матеріала для нетлінного... Досить і того талану, що просто має цікавого співрозмовника, марнуючи час у чеканні якихось перемін в своєму чудному, післяполітному становищі – теж, хвалити Бога, чималий набуток... Відтоді він лишень підтримував теревені з так зле, як і сам, винудьгованим афінянином; то були невибагливі, часом тривіальні, зрідка й вульгарні чоловіцькі баляси двох братів по розуму, що вони з примхи долі опинилися під одним ковпаком і яким нема чого робити. Тож і лежать, долілиць, опліч, мають перед очима вибільшені, через близькість, ядра піску сіцилійського, муравля на ньому, руденького такого, бігає туди-сюди без усякого сенсу... нудьга-а! Нудьга, Іллянення визнав чин свій меншовартісним, а тому почав викати, нудьга, стратегів те до лампочки (він так і ляпнув: «До лампи!... – от

що то є вплив! Не дав Бог дійти до скабрезоти тюркського походження, чи пак до м о с к о в щ и н и, як щиро вважав Іллянєня), нудьга-а-а... нудьгота! Відтак і «діалоги» з Нікієм не красніші. Було:

– То, ти кажеш, маєш спеціальну машинку для друкування літер?

– Авжеж, у мене чудовий «Рейнметал», корпус, розумієте, металевий, а не пластиковий, відтак жодних проблем у напханих електричках... А хіба що?

– Очевидно, вельми зручно. Знай, варваре, ти накинув мені думку зайнятися творчістю. Я буду писати містерію. Я куплю друкарську машинку й ретельно опишу геть усе, що вони скоїли зі мною.

– Сіракузяни?

– Ні, вчинки сіракузян мають чітку мотивацію, вони ясні й логічні: причина – наслідок, і жодного сифілісу ума... Ні, клянусь Зевсом, на містерію ваять рідненькі народні збори – он де карколомний абсурд, он де войовничез безголов'я. Викапані мерзотники.

– Ну, не знаю, чи цього достатньо для містерії; вашого афінського парламенту я не спостерігав по телебаченню, тож не знаю. – І, зрештою, хто вам сказав що народний депутат мусить бути розумним? З нього досить того, що він народний.

– Ти не в гуморі, варваре, постогнуєш навіть... Як згадати тодішні народні збори, то вони забрали в мене часточку мозку.

– Заспокойтеся, багато негідників мають повну голову сірої речовини... але все з них, як з гуски вода.

– Я так цього не полишу. Тобі дійсно зле, варваре?

– У мене виникають сумніви щодо найпростіших речей, від цього нерстерпно болить голова.

– Може, хініну?.. Вибач, пусте мовлю. Вина?

– Заливсь уже, не помагає. О-о-о.

– Опиши свої приступи.

– Так погано мені ще ніколи не було. Я відчуваю біль за болем, але щоразу інакший, відмінний від попереднього.

– Існують два рівноправні способи не завдавати собі болю. Перший: не брати на себе непосильної ноші, тобто не мислити, варваре.

– Та не діставайте мене такими примітивними балачками, Нікію. Це принаймні ошуканство, я летів і гадав, що розмовлятиму з Богом, а замість – маю з вами.

– Я не запрошував... А другий спосіб такий. Ось, беремо соковиту устрицю, скроплюємо вином, ось так, і кладемо до рота, таж не так, не так, варваре, спершу язиком притисни устрицю к піднебінню, хай соку дасть, о, тепер правильно. То як, смакує?

– Принаймні незвично.

– Що й належало довести. Золоте правило: не сушити голову над нерозв'язним і вживати соковитих устриць.

– Моя б дружина померла від сміху, коли б довідалась, як я сам собі готую слизнятину під винним соусом.

– Така вона реготуха без причини?

– Та ви що, боронь Боже, вона в мене прокурорська дама.

– Твою жону настановлено прокуратором? О... Співчуваю, то вельми суворі люди, я знався з одним прокуратором, на ім'я Пілат...

– Пробі, таке вигадали. Вона просто служить в установі, тямите? За певну. Грошову винагороду. Сидить. В певній державній інституції. Моя Тамара Клімівна рядова слідча, клерк, і прошу не приплітати до неї ніякого вашого Пілата, вона вмиває руки лише куховарячи, а не як віддавши Варавву на хреста.

– Не бачу причин розпалюватися. Це ж так очевидно: ти сказав, що твоя жона прокураторська дама, я – згадав про свого знайомого Пілата, що від певного часу раптово припинив загостини до мене, а звідси походить моє співчуття тобі, приреченому на щоденне спілкування з...

Божечку мій, яка струнка логіка, ха-ха, скільки упорядкованості.

Тільки грецька ввічливість не дозволяє мені показати тобі на двері. Так, я полюбляю порядок, і сповідую порядок.

– Воно й видно. Слухайте, від цього вашого порядку тільки нудота.

– Не перестарайся, варваре.

– І ви також.

І вони ненадовго замовкали, набурмосені. Недвигий серцем Іллянення, перегода вже, на Нікієве звертання «варвар» незмінно ронив очі долу-впивався, зволоженими, в сіракузького муравля (що той нікуди так і не дівався був з-перед них) і гірко притакував на «варвара» жалісним: моголи! моголи! золотого Тамерлана онучата голі.

Отаке верзли проміж себе, й іншим вибалакувались, і геть на інакшому помаленьку з'їдали зуби.

Тож було й таке, що не пасувало б до «Діалогів з Нікієм».

Наприклад:

– Що сталось, варваре?

– Хотів з вами поговорити.

– Задля поговорити можна б і не переривати мій сон. Отже?

– Я вжахнувся, що все в минулому.

– Дурниці, ніщо не минає. Ти смієшся? Це трохи засмучує мене, ти недосконалий. Ну гаразд, я спущу тебе з неба на землю... Не ускладнюй. Життя йде – от і все. Чому ти хихочеш?

– Я подумав, що вже ніколи не засяду за нову книжку.

– На все твоя воля. Але чому?

– Хто хоче жити, не сміє займатися мистецтвом. Писання книг... а головне, видавання книжок – це знищення за гроші.

– Можливо. І про що ж, варваре, мало йтися в твоїй книзі?

– Марно говорити. Ну... про наше життя в моїй батьківщині, Нікію. Втім, одним реченням неможливо окреслити концепцію й тему твору.

Не знаю, не знаю... В усякому разі в мене таке відчуття, що роман не міг би обійтися без Горбатого як дійової особи.

– Що за горбать у вас такий? І припини мені хихотіти, це неввічливо... Розкажи-но, що він за знаменитість така, Горбачов?... Ага, ага, вождь, значить? О. Так, ясно. Та-ак... Як це, перепрошую? Ого! Нівроку зав'язалось... Хочеш знати

мою думку, варваре? З огляду на твої слова, той ваш Горбачов – викапаній я, нещасний Нікій, політик, якого не послухався його власний народ.

– Я політикою не цікавлюсь.

– Ти мене вдруге засмучуєш, варваре. Як можна не цікавитися тим, що складає основу життя. Ну, чого ти носа вернеш; чому ти такий упертий?

– Найбільше я боюся серйозних людей, особливо тих, хто навіть надимаючись на унітазі, серйозно мислить про, наприклад, державний устрій. Це ж чистісінька облуда, чи не так, любий мій стратег?

– Не приймаю такого закиду. Сила політика в його недоліках. І ще, на розвиток теми... коли політик лицемірний, тоді він найбільше щирий.

– Не тисніть на мене, Нікію, це нічого не змінить у моєму задумі, тобто... коли б я все-таки писав, я б Горбачова передовсім зобразив просто людиною, ну побут, Горбачов у родинному інтер'єрі, як він снідає, читає Жванецького, відвозить онучку до балетної студії, пише листа мамі, спостерігає горобину ніч з кремлівського вікна, лягає під бік дружини Раї, коротко казати – живе, живе-живе й не здогадується, що його, так ніби жертвовного півня якимись дикунами – до вчорашнього дня ще закоханими в нього співвітчизниками, вже приречено на прижиттєве зганыблення.

– Те-те-те-те. Хто за тобою доглядав у дитинстві – іспанська дуенья, кривавий яничарин чи цілий піонерський загін тімуровців? А то поганыблення його, бачте, вколело... Ну й що з того дива, що стратегів, як правило, паплюжать або прирікають на вигнання? Знав-бо, мусив би знати, чим важить, беручи під руку цілу державу.

– Ви ж он... не знесли неслави, на власного меча кинулись.

– Так то ж я, варваре. Я, може, й жити втомивсь, і боротися з нерозумним моїм народом. Але моя драма жодною мірою не має означати, що й ваш керманіч опісля своєї поразки неодмінно припинить боротьбу, чи що він там насправді провадить, а тим паче вкоротить собі віку.

– Час, історія покажуть...

– Прощу тебе, припинімо балачку на сю тему. Ти вже втретє змусив мене засмутитись.

– Винуват. Охоче.

– Приймаю твоє вибачення, любий мій друже варвар. І... облич займатися твоїм постійним самоконтролем, тоді як тобі потрібно захотіти трохи пожити, знайти щось собі до смаку. Тож ось воно, перед тобою. Насолоджуйся сонцем, милуйся моїм островом, Сіцилія краща над усі острови, де ступала моя нога, він достойний бути підніжком гори Олімп, правити за заміську віллу самого Зевса. Ти знов усміхаєшся, шанувальнику протиріч і шукаче парадоксів... І що ж тобі не до шмиги тепер?

– Я не наважуюся потурбувати.

– Запитуй.

– Цей острів, кажете, ваш; ну?.. принаймні хоч оця ділянка пляжу – беззастережно ваша? Гаразд. Однак онде... чорний чоловік якийсь...

Що ж воно таке?

– Не дивуйся. В цю чарівну глуху місцину час від часу наїздять розбагатілі бандити, вашим нарідчям – мафіозі. Не виняток і твій чорний, що збив капітала

на постачанні будинкам розпусти дівчаток з вашої Східної Європи, втім, не суть важливо. Так от, цей чоловік або добрячий дивак, або геть рішився розуму: сидить з вудочкою на березі моря, а сам ловить золоту рибку в спеціально привезеному акваріумі... Передбачаю твоє запитання. Звісно, це трохи діє мені на нерви. Набридливо, знаєш... Об чім річ, ясно, я б його запросто міг шугонуги звідси, що й кісток би не позбирав. Однак мені не вільно втручатись, овва, за всіма приписами космогонії мені відмовлено корегувати будь-що, що воно є живим у фізичному плані. А цей рибалка не просто живий, поглянь, варваре, з нього так і пре всіляка фізіологічна гидота: він упріває, йому сверблять пахви, що чухається, сам уразливий, бо над ним немає захисної сфери, як оце наша... Он, он, він поглянув у наш бік, он... Але, присягаюся Зевсом, ми для нього невидимі.

– Ч-чому?

– Бо ми в паралельному світі, в тоншому, а він – у своєму..

– А я?

– Я, принаймні, точно в паралельному. Ти ж, варваре, потрапив сюди через якийсь непорозуміння. Як там у вас приказують? Ага, так: не в свої сани сів.

– З ума зійти. Отже, паралельний світ – це... інші розумні істоти? інша цивілізація? більш розвинена, аніж моя? з НЛО й таке всяке?

– НЛО? Ну й це також. Але заспокойся, прошу тебе, адже то природна річ – паралельні світи. Зараз я тобі поясню. Для більшої наочності на піску накреслю, хочеш? Ось, припустімо, лінія, що розмежовує живих, як вони про те гадають, людей і нас з тобою; вони в своєму світі господарі, ми – в паралельному. А тепер нарисуймо ще одну лінію, й теж паралельну першій; цього разу вона є покордонною між нами з тобою й іще паралельнішим світом – отим самим, де згадані тобою НЛО й решта прецікавих усячин. Утямив, любий мій друже? Паралельні світи на планеті співіснують мирно, в усякому разі поки що.

Я не наважуюся скласти дійсне число їх. Але за непрямыми прикметами, міркую, паралельних світів не три й не чотири, а значно більше.

– Оце так історія. Ото вже кульбід, ну й обертаси, ге? З ума зійти можна.

– Вагома причина, не перечу.

– Облудна, скажу вам, історія, нічого не держиться купи.

– Хіба? Он той рибалка – доконаний факт, і крити тобі нічим. А щодо історії, варваре, то бійся не її – бійся самих істориків: ті несумлінники такого бува понавигадують, що хоч стій хоч падай... от як про мої срібляні копальні, наприклад, що про них я буцімто дбав більше, ніж переймався державними справами. Про домисли ж істориків щодо моєї ганебної поведінки при Сіракузах і згадувати гидко... Охо-хо.

– Не журітеся, Нікію, мені прикро, що ненароком уразив ваші старі рани. Вибачайте мій недорозум... А знаєте, вдома я маю друга, його звать Фукідідом, він багацько прихильного розказував про вас у Сіракузах.

– Фукідід? Тобі розповідав, варваре, тобі? Присягаюся усіма богами, я таки ревную. Але ж і промітник, наш Фукідід, ото вже потайний швендяйло. ...Хе, хе, стривай-но, а який він з себе, Фукідід, ну той, що друг тобі?

– Оградний такий, череватий, очі маненькі.

- А-а, це той... Знаю, про кого мова. Він смішний.
- Чим?
- Заноситься, нібито все на світі знає, а сам гіркий п'яничка, весь час ноує в ваших витверезниках.
- Хай так, а проте він для мене ціла загадка... А скажіть-но, мій друг Фукідід з тутешніх, тобто з паралельного мені, колишньому, світу?
- Не знаю. Може быть... Однак я допіру покмітував і підозрюю, що він з ваших. І шарлатан, який самоназвався Фукідідом і дурить таких марновірників, як ти. Ні, ні. Гріх обмовляти. Може. Може, щось-таки він справді знає, щось уміє, наприклад, передбачати... може, й до левітації здатний абощо... Гей, а зажди-но, варваре, твій друг дійсно вештається туди-сюди. Як я міг забути? Таж не довше, ніж перед твоїм прильотом, вони тут з учнем на ім'я Вільям такого п'яного дебоса вчинили, що нещасні місцеві карабінери з ніг збилися, ганяючись за ними на джипах-усюдиходах.
- Але цього не може бути...
- Не кричи, будь ласка. Ти зволив правдиве зауважити: так, цього б не мало бути. Але так є. На жаль... Світ тісний, госте мій...
- Ви мене налякали до смерті.
- І марно. Замість ошукуватись, звернися до правдивого Фукідіда, до речі, він мені близький сусід, таборує он за тим мисом, можу зазнайомити при нагоді, хочеш? А втім, краще здобувати насолоду віч-на-віч із його творами, в спілкуванні він жахливо нудний. Як почне читати свої нотації та заднім числом оббріхувати Сократа...
- Господи, якого Сократа?
- Того самого, філософа. Сократ, на його думку, гордував усякими юнаками, навіть красенями з-межи розумних. Де таке чувано? А проте, попри те, всі ви маєте пильно завдячувати Фукідідові...
- За віщо? За оббріхування, що ними Фукідід ваш, сам того не бажаючи, уберіг для наших мізків моральну чистоту Сократа?
- Але ж і варварська, далєбі, софістика. Прошу: твоїм невіглаством не обертай мене на доконечно зажуреного. Помирімося на тому, що Фукідід належить усім нам, то скарб неоціненний. О, так, від його першого написаного речення початкує загальна історія.
- Дякую за підказку. Ви гадаєте, я дурак?
- Дивне, нічим не спровоковане запитання. Чи нерозумний ти? Гм, я не знаю тебе достатньо. Однак, принаймні, спалахуєш ти легко й найчастіше марно. Що ж, вада знана, це трапляється з такими вразливими натурами, як ти... Тобі багато доводилося страждати?
- Я не вмію відповісти. Що ви розумієте під стражданнями?
- Найперше – позбавлення волі.
- А-а, так... Доводилось, я двічі сидів у таборах. Я поясню: це те ж саме, що в'язниця, тільки вона просто неба чи в котловані.
- Зрозуміло. І хто це вчинив?
- Спершу німці, мене чомусь мали за малолітнього партизана. По тому, коли нас звільнили американці, я сидів за те, що звільнили американці, в себе на батьківщині, власне, на Колимі.

- Що воно Колима?
- Сибір.
- А-а, чув про таку країну. Дивовижної краси, Геродот казав мені, той Сибір... Улучити б вільну часину та гайнути б туди на мандрюхи, давно прагну. Став би мені за провадатора, варваре?
- А чого ж, будь ласка, тільки не забарися, щоб я на той час не розжився на нову ходку в зону.
- Ходка? А-а, так, я втямив: ув'язнення... До речі, як довго тривали попередні?
- У німців три, у наших – дев'ять років.
- Ненароком я змусив тебе повторно страждати, згадуючи. Даруй.
- Байдуже, стратег. Я не потрапив був на третю відсидку, вже й за це спасибі долі. Хоча, признатись, я не надто й потерпав, передчуваючи таку можливість. Знаєте, Нікій, ув'язнення – то як за давненький шлюб.
- Не бачу спорідненості.
- Коли ти одружений аж, скажімо, десять років, неминуче настає відчуття, що тобі важко: завжди якийсь ти втомлений, усе тобі наперед відомо, приємні несподіванки перелічити на пальцях, але й вони врешті-решт тільки довиснажують.
- Пречудово тебе розумію: чоловік завжди лягає першим, аби чимскорше заснути. Краще спати в обнімку зі смертю, ніж з іншою жоною.
- Господи, я ж не про секс чи подружні стосунки мову вів.
- Хіба? Тоді про віщо ж?
- Паралельне мислення, товаришу Нікій. ...Від мене ви ненастанно вимагаєте синтезу думок, а самі? Любенько ковзаєте по поверхні ества речей.
- Лишень моя грецька ввічливість...
- Ай. Дайте спокій вашій гречності.
- По-моєму, ти напрошуєшся на неприємності.
- Гей. Гей... Агов, а куди це ви лаштуєтесь?
- Нині двадцять шосте число місяця карнея. Хіба ти забув?
- Ну двадцять шосте. І карнея, тобто по-нашому вересня... Хоча насправді, до вашого відому, зараз перше травня.
- Ні, двадцять шосте карнея, мій день. Таж і сутеніє вже. Видиш: пісок з моєї жмені показує на чверть по сьомій годині вечора. Часу якраз дістатися до моєї в'язниці в Сіракузах і заподіяти собі смерть. Ти зачекай, це хутко: нахромлюся на меча, мене викинуть за міську браму, з тиждень трупом полежу на сонечку, а потім я повернусь і ми продовжимо наші бесіди під оцим переносним шатром.
- Як це переносним?
- А так, варваре. Силове поле, що вколю мене, від мене невіднімне.
- Тобто?.. А чи не хочете ви сказати, що кидаєте мене на цьому смердючому березі голого, без усякого захисту, напризволяще?
- Це ж очевидно. Все моє ношу на собі, як равлик хатку.
- Господи. Не ходіть. Благаю, не ходіть.

– Пощо так лементувати? Негарно. Мужайся... Ну хочеш, я тобі zostавлю сей кістяк риби? Це справжній і путній кістяк, матимеш розраду: коли здіймається вітер, ребра співають..

– Любчику, голубчику, не ходіть. Дядечку, не треба.

– Іч, як тебе корчами бере... Вельми шкодую, а проте нічим тобі зарадити не можу, доведеться зачекати просто неба. Що тут незвичного? Ти ж письменник, якийсь час побудеш на самоті, це корисно. А в разі знудиш самотністю, підеш оно до твого сусіди по Двадцятому сторіччю. Може, на пару з тим рибалкою щось і виловите з акваріума.

– Та будь ласочка-а-а. Та благаю-ю-у. Та не ході-і-іть.

– Знов за рибу гроші. Фе. Мені не вільно не піти, варваре, неухильний обов'язок маю: по самогубстві, коли за брамою відлежусь, а галич мені очі вип'є, маю головувати на зборах.

– Господи. На яких ще зборах?

– На наших, варваре, на загальних зборах афінських вояків, що в лютий січі при річці Асінара полягли смертю хоробрих. Слава героям.

– Навіженство, божевілля. Скрізь дурдом. І тут профспілкові збори. Скільки можна-а?

– Стільки, скільки необхідно, тож зачекай на мене, варваре. Ти мені до серця припав... то зачекай. – Значливо, як жодного разу досі, афінський стратег помахав ручкою українському радянському письменникові й, статечно віддаляючись, спершу контурно наклався, а потому справно й розчинився був у киплячій опоці сонця, що сідало за пруг Сіракуз о верхшку телевежі поодаль.

Повіяло вітром, навзаєм органно ремигнула кашалотова пустотіла кость, море відригнуло мідієвим йодом, нафтою, покидьками на плаву, колектором очисних споруд (а в разі, якби сноб якийсь забаг би чого-небудь старожитнішого, то в тамтій одрижці ситого моря запросто можна було б уношити сечу заскочених бурею або ж конопляний дух корабельних аварій), а проте Іллянені не смакувало ніяке дегустування, бо щойно підступний Нікій до пня здимів у доменній печі заходу, як отой невірник, безперечно хрещений батько цілої родини мафіози, тамтой рибалка в чорному неждано заволав дурним голосом: «Є! б! Золотенька!» Не змогла влягтись Іллянені брижка гусяча шкіра поза вушми на шії, а вже сусіда по Двадцятому віці зіп'явся на весь зріст: орангутанг, і годі! й переможно затряс над головою впольованою рибкою – справді золотою, аж кривавою проти сонця, але завбільшки з тюльку. Затим ловець розвернувся до Іллянені й показав йому в усій красі луте від природи, щасливе, луте, щасливе, щасливе лице. Ото вже сусідик! – Іллянення підскочив як ошпарений, об кость кашалотову набив собі гулю на кості тіменній, сійнув зорепад, очі, щойно їм розвиднилося, зашастали в пошуках сховку, прихистку, ямки, тіні від тіні. Де там: місячний ландшафт! та й пізно. – Добувач золотих рибок, кривлячи губи, эле, гіпнотично підманював Ілляненю пальцем о діаманті: мовляв, а ходи-но сюди, зараз я тобі, падло, покажу рибку... Гей, то що мав учинити? Кинувсь у протилежний бік, та навтьоки, та драла, ззаду чулись лаковані штиблети погоні, відпереду, навстріч, дедалі шпаркіше, набігав утрамбований пісок при урізі води, серце булькало, в ушах тріск, але що ближче гучало позаспинне: «стій! ти рибку не

подивився, фраєре! стій, кому кажу? стань, бо кишки випущу!», то хутчій і хутчіше мчав поїдніж пісок (геть як би то смуга злітна була, розгінна), доки не перстав був ураз дудніти йому в п'яти, тобто доки не відринувся пісок поштовхово, штурхом, не поплив, йшов був униз – із таким ото креном до лівої пахви – спершу пляж... узбережжя... а потому й острів Сіцилія, всуціль якось затемнений, радніше густоліловий, із фосфоричним свічінням на ньому кістяка великої риби.

– То що, вхопив облизня, недоноску, – долілиць загорлав був із верхотури птах Іллянення. – Що мені прицююватий сусіда по сторіччю – світ ловив мене, та не піймав! ...Летимо ж ми, гей!

Бідний ви, бідний, пане-брате Григорію Савовичу, скільки-бо на вашім карку недвигих ледачим розумом українців-чухраїнців паняють до раю... Всякий маєєт свій ум голова, еге ж?

І тут Ілляненю вжахнула згадка, що пальне, чи що воно там було в ньому й живило лет, давним-давно вичерпалось, до краплі, чому й на острів гепнувся був... і допіру сухі баки з-під обидвох пахов – а хоч відстрілюй через непотрібність.

У нежданому листі Шогаїб, інакше званий Перелесником, докладно розписав про час і місце зустрічі, припрошував не чинитись – аніяких смокінгів, вигідніше полотняні джинси та шлунок наготові, Аллах-бо милостивий і дозволить їм хильнути по склянці «доброго олд скоч віскі», однак окремим рядком Шогаїб запобігав: «Нечестивцю! приходи сам, без Ненсі, з нами йй буде нудно. Салам!».

Паштова офіра ні до чого не тулилась, чорт візьми, тягати борошно до млина, хіба ні? Позаяк бісів Перелесник роздобув точну адресу, то не склало б труду прознати й телефона, замість удаватися до старомодного епістолярного звалювання на голову.

– Що ти з цього приводу міркуеш, Майкле?

Ненсі лаштувала снідання на двох, бо синулю спроваджено до бабусі з дідом іще відучора: коли вже старигані зажадали побавитись з ним цілу неділю, то нехай сповна найдяться цим несамовитим крейзі та бешкетуном.

– Адже ти напевне щось удумав, мусульманине?

– Нічогісінько, моя любя. – Він пригорнув дружину й кольнув конячою бородою голіське підгруддя, що вона взойкнула. – Поквапся, Ненсі, бо виголоднів, як після шлюбної ночі.

– Ах ти ж, невиправний сластик! У вас по Сибірах усі такі?

– Які?

– Чорні, колючі, спрагли. Всі?

– Через одного.

Майкл заходився вивчати готельового фірмового конверта; нівроку: зупинився Перелесник в одному з розкішник готелів над Затокою, там чи не кожен номер розташований на двох поверхах, опоряджений ліфтом, охорона за бажанням; Шогаїб, очевидно, послуговується своїм почтом.

– Майкле! Ти геть не торкнувся грінок.

– Бо мені більше смакував би кусень сала з цибулею, – благодушно відказав і заходився до білої кави.

– Тебе щось непокоїть? Не приховуй, будь ласка, Майкл! І що то за один – Шогаїб? Ти мені ніколи не розповідав про нього.

– Ти намірялася за покупками. Дуже шкодую, тобі доведеться взяти твого малолітражку.

– О, певно. – Ненсі вміла приховувати незадоволення. – «Мерседес» презентабельніший. Не намисли собі, що наполягаю, але хто цей Шогаїб? Серед згадуваних тобою імен такого я не чула.

– Польовий командир, його спритники захопили мене в полон. Я б не проти щось випити, Ненсі.

– З льодом?

– Ні, дякую. Просто випити.

Метка вона, вправна: горілка, крапля содової, грейп...

– Сподіваюся, Шогаїб не був надто жорстоким до тебе?

– Не дуже. Налий іще, чистої. Шогаїб навернув мене в їхню віру й тим уберег життя. Багато хто з наших відмовлялися, декотрі зважувалися на втечу, проте жоден з тих одчайдушів так і не здобув собі волі, Лос-Анджелеса й пухнастої ірландочки Ненсі – в жони. Ти належно сплатила столяреві за опорядження мансарди? Піт – із тих промітників, що з одного вола дві шкури деруть.

– Можеш мене похвалити, я вклася в твої параметри, любий мій скупійчику!.. Отже, поїдеш до свого жадливого благодійника?

– Атож, але десь пополудні. До того часу маю залагодити пильну справу з Ізяславом.

– Дозволь сказати: цей твій Сац мені не подобається.

– Нічим не годең зарадити, він земляк мені, а по-друге, конкурувати з російськими горлохватами – певні збитки чи, щонайменше, підступні несподіванки.

– Авжеж, дарма твого землячка звуть Паном перебіжи-дорогу...

– Правдиво так. Славко з-перед мого носа перекупив вигідну заправку на Північному шляху! Ну що ж, доведеться укласти з ним конвенцію дітей лейтенанта Шмідта.

– Як-як?

– Довго пояснювати. Е, Ненсі! Про вовка примовка, могу заприсягти, Ненсі, що телефон розривається від Саца, візьми трубку і мене немає, я щойно поїхав до нього в офіс. Спекайся як хочеш.

Помились. То приятелька жінчина. Мило защебетали про перукарню, фестиваль співу кантрі, спільну сучу (сучу – сучу) кравчиню, дійшли до феодалів-чоловіків, які тримають їх обидвох наложницями, під замком, навіть такого чудовного ранку, як нинішній; Ненсі, щоб не додражнювати «мого хтивоного мусульманина», безсоромно заковувала очі й із удаваною скорботою плела казна-що: «О, Джое... ти, як завжди, маєш рацію, мій справді гіперсексуальний і вправ би цілий гарем», що Майкл указав їй на двері, й Нансі подалася дожити бабські цвіріньчики ген у спальні. Майкл зітхнув із полегкістю; та Джоя – схибнула на сексі, а сміхотуха Ненсі користає з цього й усякраз зводить їхні балачки на гаремні манівці. Ні, так не можна, треба буде покласти цьому край, хіба Джоя винна, що в її патичковому тільці такі поклади невтоленості?

Майкл укорте, доскіпливіш уже, переглянув листа, але й на просвіт не вивив нічого. Ну – анічого, що мало б зворушити... чи навпаки – багатозначно б натякало нащось тяжко приналежне до подій майже восьмирічної давності. Лист як лист. А все ж бо дражливо зіжмакав і вкинув до смітт'ярки. Він збганув, що Перелесник може розсердити його дуже швидко, а головне – просто. Варто згадати лишень їхні... бесіди нерівних... у печері, що правила за тюрму.

– Тебе! Ти вгадав, Майкле, це твій Сац. – Ненсі затискала трубку долонею. – Він просто нестерпний!

– Мене немає вдома. Я втік на блядки, повісився в клозеті. Нема.

– Я йому говорила, але він звідкись знає, що ти снідаєш.

Ненсі відслонила швиденько слухавку й простягла апарата чоловікові.

– Майкл? Хай!

– Хай, Ізяславе.

– Мене все ще звуть Айзом. Дуже прошу! Маєш проблеми, Майкле?

– Звідки ти взяв, Айзе?

– Облиш одеські штучки – запитанням на запитання. То маєш?

– Жодної проблеми, Айз! Натщесерце я п'ю апельсиновий сік. І тобі раджу.

У трубіці благодушно заворкотав сміх.

– Радий таке чути, Майкле! А то в мене виникла була думка, що ти не-вдовзі, чи навіть сьогодні ще, зажадаєш охороня. Я тобі телефоную, щоб підтвердити, що в разі чого ти можеш на мене розраховувати.

– Дякую, Айзе. Але не маю потреби, Айзе. Я в повному порядку. Ей?

– Дай-то Боже нашому теляті та вовка з'їсти, – з банальною іронією, а головне, що по-російськи (таке з ним лучалося надзвичайно рідко) мовив Сац. І ненастанно, через кому, через «увел»: – А то тут декотрі промітні хлоп'ята сильно журяться, що такий собі Майкл Касс зазіхає на їхню територію.

– Плюнь їм межі очі.

– Я неодмінно так і вчиню. Але вони патякають, буцім отой Майкл Касс планує втелюшити власну автозаправку на дорозі до Фріско.

А-а, он воно що! от він до чого веде, жидовин; але добре, то є слухний збіг, адже з приводу саме ділянки на федеральній автостраді Майкл і намірявся був учинити переговори з ним – частим, якщо не вічним, перебігачем стежок; і статись мало це – рівно о дванадцятій, сьогодні, в Сацовій конторі, за шахами, а не по телефону навприсядки! Ох, Ізьо, Ізьо, що попустилось у тісній твоїй головоньці, що забракло тобі терпцю, засмикався і знеобачки сам напрошуєшся на маленький урок? Мав би вже знати, що всякий тиск заохочує справжнього мужчину змагати до великої мети.

– Хелло, Майкл! Ти відключивсь?

– Ніяк ні, пане перебіжи-дорогу.

– Вважаймо, ти мені влестив! То я продовжу, Майкле? Вони, звісно, селюки – ці тутешні хлоп'ята, але доволі круті селюки, й вони дійшли рішенця, що в однім ряду з моєю автозаправкою твоїй аж ніяк не бути. Пробач, але так вони домовилися між собою.

– І їм стало глузду самостійно вирішити таке?

Не вмію відповісти напевне, Майкле. Мізки в них справді конопляні, однак, якщо вже пристануть до чогось, не звернуть нізащо... Отже, хлоп'ята навперзли стільки й такого, що воно не держиться купи.

– Не утруднюйся впорядковувати їхні велеречиві розмірковування. Вердикт, очевидно, такий: моя бензинка на битім шляху буде зайва.

– Не тільки зайва, але й небезпечна з погляду екології... Ну, щось у цьому дусі, Майкле!

– Навіть так? О'кей. ...Ну, і звідкіля ти проповідуєш, Айзе?

– Та відсіль і дзвоню, з дороги на Фріско (далі російською), мат'ї розтуди! (А відтак удався до звичної, розхитаної мови екшн-фільму). Тут уколо мене зібрався цілий гурт хлоп'ят, і вони просять переказати, цитую: щоб Майкл облишив намір займатися розбоєм на їхній дорозі, вони цього не потерплять.

– А ти нагадай їм, що Майкл Касс – добромисний громадянин Сполучених Штатів, який діяв, діє й надалі діятиме згідно чинного законодавства штату Каліфорнія. Виключно так! І, перекажи, я не поступлюсь, їм на угоду, жодним із моїх прав, чим би твої хлоп'ята мені не погрожували. Так їм і зацитуєш, Айзе!

– Та ти що, Майкле? Пустий номер! Я вже й так, я й сяк, уперлися, хоч ти їх ріж, окаянних.

– Ти мене знаєш, я простачок, Айзе, але в моїх рукавах не сидить по дурневі. Або ти їм переказуєш, або мовчиш.

– Це твоє останнє слово, Майкле, чи воно на даний момент?

– Назавжди, Айзе. І воно тверде. З понеділка починаю рити котлован.

– В тому разі, боюся, ти вже покійник.

Майкла тішило, що співрозмовник не годен побачити його глузливої посмішки, учиненої лишень татаркуватими вусми: а нумо, нумо, свате-брате?!

– Ти правильно вирішив, Майкле, ну, з котлованом: одразу бика за яйця! Проте сам ти їх не подужаєш... Ні, закон на твоєму боці, твої папери в бездоганному порядку! Одначе самого лише цього – замало... Майкле, підтвердь, що зараз ти кивнув головою. Кивнув?

– Авжеж, як японський болванчик.

– Твій гумор недоречний, Майкле. Пуста фішка – змагатися сам-на-сам. От якби ми хоч би в дечому об'єднали наші можливості, тоді б... може. Мо-о-же!

– Розумні речі. – Майкл уместив босі ноги на стола; негарно примруживсь, бучно, що куці борозенки від ніздрин до вусів запалали шаленою білиною.

Він зволікав, ось уже близько року зволікав, він мусив зволікати, він будь-що мав виграти ту порубіжну годину й тамтого останнього дюйма опору, відколи та відпоки знедосяжніє як для сватів, так і для вимагачів крупнішого, набагато крупнішого калібру; він знав, як ніхто, справжню ціну витривалості; а понад уласноруч збитий та взятий за Ненсі капітал, вірив у свою щасливу зорю та відвагу.

– Майкле, то як щодо моєї пропозиції?

– Я думав, – поважно (як полюбляє чути Сац) наголосив Майкл, – і не перестаю думати про неї.

– Певна річ, Майкле! Таку радикальну штуку не завадить обмізкувати зусібіч. Я й на думці не мав квапити тебе, сподіваюся, ти мені віриш, Майкле.

- Як самому собі.
- Не перебільшуй!

– Гаразд. Я тобі вірю не менш, як моему персональному комп'ютеру. Допіру Сац затнувся, якийсь час кмітував на дорозі на Фріско, якщо він справді там перебував...

Чому цей занадто замєриканізований гой, і то не просто занадто – дочасно замєриканізований (набагато швидше, ніж він, Ізя Сац, емігрант зі стажем і за сприяння могутньої общини, примудрився був почутися в Штатах м а й ж е с в о і м!)... отже, за яким чортом оцей Майкл нявкнув, не проминув в'якнути про комп'ютер? і яку проти нього, Айза, «рибку» вивудив він з банківської, чи ще котроїсь, від-ки знати, мережі? Гай-гай, начуватись!..

- Ей, Айзе! Маєш до мене що-небудь іще?

– Слухай-но, земляче, вони тут по-руськи ні в зуб ногою, можемо порадитися не криючись. Як ти вважаєш, Михайле, що я мушу від твого імені вклепати цим ідіотам, аби вони справді вгмонились.

- На твій розсуд, Славко. Вважайся моїм уповноваженим.
- Ні, це занадто, Мишко!

– То загарантуй під твоє слово честі, що в понеділок я завітаю до їхнього вонючого кубла в атлетичному клубі й залагоджу справу миром. Андерстедю, Айз? Могорич... так би мовити – могорич, за мною не заіржавіє, одначе в розумних габаритах.

- Гадаю, вони зажадають усе зразу й готівкою.

– Слухай сюди, земляче! Я згоден укинути певну кількість дзвінких до їхньої бляшаної карнавки, але зваж: до моїх планів не входить заснування благодійницького фонду для тупоголових атлетів! І це належить переказати дослівно. Втім, якщо тобі не стає духу, передай телефона будь-кому з тих розумників.

– Ти преш на рожен, Майкле. Ти чокнутий, ти справді крейзі-афганець! Однак, якщо наполягаєш, я розтлумачу хлоп'ятам, і дослівно.

– Зроби ласку. А в разі заартачаться, я знаю спосіб управляти козам роги. І не один.

– Як собі знаєш, – в'яло підвів ризику Айз, ні, радніше – Ізяслав Вячеславович Сац, єврей від Бога. – Ти вчора пропонував, то чому б нам сьогодні не пообідати разом? Я маю на оці одну пристойну кнайпу.

– Соррі, Айз. Я маю ділову зустріч, тож обідати навряд... Але як ти дивишся на вечерю в мене вдома? Ненсі встигне приготувати фаршировану рибу спеціально для тебе, я попрошу.

– Справді? Чорт забирай! Але вечір розписано на хвилини. Мені страшенно жаль... Як ся має твоя чарівна Ненсі?

- Як завжди – чудово! Дякую.

– Ще б пак, за таким парубком!.. Гей, Мишко, ти мені більше нічого не хочеш повісти?

- Нібито про все перемовилися. Либонь, що нічого, Славо! Хоча...

- Прошу?

- Ні, то я так, знічев'я одна дещиця майнула.

- Не крути!
- Слухай-но, ти... горо м'яса! Ти й подосі вмієш і любиш кулаками, чи вони в тебе для краси тепер?
- Ображаєш!.. А відмагався, що не потребуєш охоронця.
- Ну, за себе я ще постою, Славко. Але може виникнути ситуація, коли не гріх мати свідка.
- Або партнера?
- Або партнера! В разі доведеться розім'яти старечі кості.
- Діло! Оце по мені, друзяко!
- Охолонь; як на таку, здогадно, публіку, я не можу пообіцяти тобі суто розважальної програми.
- Скільки їх, Михайле?
- Один. Принаймні, хочу сподіватись, один.
- І ти мені торочиш про гарантії? Посоромився б, Мишко! Коли?
- Нині, відразу по тринадцятій.
- Устигну домчати, ще прірва часу. Де? І чи можна поблизу запаркувати мого дредноута?
- Нема проблем, Славко!
- І без довшого вагання, враз терпнучи пучками пальців, Майкл Касс назвав готель, що в ньому зупинився нещезник і чудний невмирака Перелесник.
- Ти не зробиш цього, – скрикнула Ненсі, заскочивши в підвальному гаражі чоловіка за лаштуванням у путь.
- Ставний, дуже рукастий, уперто круглоголовий... зараз він крисатого білого стенсона насуне на міцні надброви – й ніщо, а головно, ніхто не зупинить його.
- Ти не посмієш учинити це, Майкле!
- Він кивнув, він ухлав ззаду під пояс улюбленого свого куцого браунінга й охайно поплескав її млосно-білу щоку.
- Пусте, Ненсі. Можу заприсягтись твоїм Ісусом або моїм Аллахом, що навмисне не заподію Шогоайбові ніякої шкоди, хіба матиму захищатись. Принеси мені куртку, довшу.
- Майкл! Я довго терпіла, довше мовчала, ніж вимагала пристойність, я сподівалась, що вгомонишся. Бачу, ні! Терпець мені урвався, Майкле.
- Не завадить прогулятись, аби вгамувала нерви.
- Подивися на мене, Майкле, ні, ти як слід подивись! Знаєш, хто перед тобою? Ти бачиш удову! Щоразу, коли таким ідеш ти з дому, я біжу розібратися догола й під нашою ковдрою спішу захопити рештки твого запаху, бо я вже вдова, молода, руда, дурна вдова! Коли б ти відав, яка то бридота – самохіть почуватись удовицею.
- Ненсі, зроби таку ласку...
- Невже й на нігтика не жалієш? Ха-ха, можеш не жаліти мене, чорти не вхоплять, але не забувай, прошу, що маю маленького Пола!
- І то твій син, Майкле, викапаний ти, ані конопатники від ірландців... і це драгує мого тага, чи знаєш? Мені все одно, Майкле, ну хочеш – зватиму Пола так, як наполягаєш ти, любий? Я згодна! Хау ту сей іт ін рашн? О, так:

Па-а-в-елл. Павелл! І ще твоє вилюблене слівце: кау-зак... ні, коузак, козак Павел! Я доладно вимовила?

Майкл перед неї zostавався незворушний, хіба сигарета в кутку лица видимим бікфордом бігла присмалити кінський волос бороди.

– Я боюся, я спроста ганебно боюся, Майкле, – видихувалась уже Ненсі. – Нам би замешкати десь інде, в котрійсь маленькій, тихій, острівній країні, Майкл...

– Наприклад, в Ольстері, моя люба.

– Мені страшно тут, як ти не розумієш цього!

– Пусте, Ненсі. І щонайменше дивно, Ненсі. Ти, що народилась і виховалась в Америці, не маєш будь-чого боятися. На відміну від... усяких заброд.

– Не рівняй, – знову вибухнула Ненсі, душно бліднучи. – Ти прибув сюди з більшого пекла! О, ти не рівняйся до нещасних іммігрантів!

– Стули свого писка, ірландко! – Його незграбний сміх мало чим різнився від спросонного гавкоту чималого пса. – Мені на збиток, я страшенно тебе кохаю, Ненсі, колись, одначе, твої істерики мені остогиднуть, отоді начувайся, небого!

Наразі вона бурхливо, так наче повинь од підірваної греблі, заясніла властовиненим обличчям, а пробуджений стан усеоружно, вдало змагався з тиснуватими штанями й кохтиною «До впаду танцюймо ламбаду!»

– І що з того буде, Майкле?

– Нарешті тебе відлупцюю, та й край. У нас на Сході побутує золотий припис: жєнщину, знай твоє місце!

– Клятий, клятий мусульманин. Я тебе ненавиджу!

І з вистрибом-вихилясом, як би на щоранкових управах із аеробіки, добулась до кнопки в світній панельці – розсувати двері їхнього затишного гаражика на двоє авт. – Обідати не жди, Ненсі.

Гукнула й вона, що тільки рада, що вони з Джоєю любенько розважаться в ресторації «Серед хлопчиків одна дівчинка», що там повно голлівудських нудьгарів, але тамтої ересі Майкл Касс розважливо недочув, а чи й справді вітром її знесло, бо його сталепрокатної барви «Мерседес» рвівно вихопився поза ворота садибки й газонув (із лівим заворотом, повз інші крихтіні обійстя, крамнички, пошту, повз шпиталик для невротиків у глибині реліктового гайочка й, урешті, мимо поліційного теремка, що жєвріє червоною цеглою майже перед останнім поворотом сєлицної вулиці до «клевера» шляхової розв'язки на Північній автостраді), вимчав на соковито-зелений підвишок, на бєлєбєнь, а звідтам авто, плавно клюнувши затужавіле повітря трипаолою зіркокою на радіаторі, ринуло донизу – на хмарочоси в бєзковій імлавіці, на Затоку, шулік і чайок Лос-Анджелеса.

«Сучий Шог, сучий работорговець, – подумки, затято, й за набутою звичкою вкорочувати імена, лаявся наш автогонщик. – Якщо він явився порядкувати моїм життям і тут, розчереплю його дурну башку! Хрін йому на рило! Хай він тричі звитяжець джихаду, затє я давно вже не сєржант Радянської Армії Михайло Касян!»

Ця, й подальша, брудна лайка була чи не кращою ілюстрацією до нетривкості людських почувань, а надто такого простенького з них, як звичайна вдячність.

Адже в останнім бою, коли йому не сфортунило тяжче, аніж будь-кому зі своїх, у тому незміслимому бою, що його провадив Шогаїб до карикатурності точно за радянськими підручниками з тактики, за тамтої, швидше, різанини сонних необачників – учаділий з крові Шогаїб міг би на місці, згярячу або ж і для повного числа взводу десантників, скарати його на горло; міг би, а проте чомусь не зробив цього, незважаючи й на те, що збурений страхом перед розплатою сержант до останку чинив шалений опір розпеченим, уже без набоїв, АК-74, отим єдиним «калашником», що здобувся на відсіч професійно...

І в печерному зиндані, замість заохочувати до місцевої мови та терпляче повертати на їхню віру, Шогаїбові, за щовечірнього підсумовування гірких утрат, ніщо не завжало (як то лучалося з іншими) з горя шукати собі розради, чи й просто розважатися на допитах з катуванням. Одначе й до таких милих подробиць жодного разу не вдався був перебірливий щодо Михайла Перелесник...

Зрештою, не приневолював бранця, кому наспілої днини надана була можливість вибирати мусульманське ім'я (до речі, Михайло на власний розсуд перебрав собі ймення Муслим, яке за Кораном означало *п о к р н и й*), не змагав був оженитися на котрійсь пуштунській замурзаній дівчинонці з табору біженців у Пешеварі. Хоча таке одруження, казати строго, було б цілком природною ланкою в розвії видозмін: якщо вже зробився правовірним, одружуйся й землеробствуй, а не вмієш, то берися до звичнішого «калашника»! ...Таж ні й ні: не змагав Шогаїб знедоленого, не прагнув учорашнього шураві обернути на пересічного винищувача тих шураві...

А чудернацький же, видать, із вивихом у мозковині був отой зверхник, яросний провадатор цілої тьми моджахедів: ухайдаканий, як поглянути, порубаний-постріляний, живого місця катма, а все бігав під огнедишні, царгородські стіни Кабула, наробляв там шереху й усякраз, а завсідно – живий із неймовірних тарapatів!.. гай-гай, такий собі заворожений невмирака. Невмирака з мертвими очима. Мертвими, може, тому, що тільки ними двома лиш і вглядався в харківські танки, тільки цими, видючими, й вимагав священного мордерства увесь його, Шогаїба, до ноги винищений древній таджицький рід орачів і волопасів. ...Якось він запитав: Муслиме, а чи бував ти на моїй прапрабатьківщині, в Таджикистані? Ні, пане, досі не випадало. Зненацька Шогаїб розлютився, таким його доти не бачено, завдячуї Аллахові, кричав і тупотів ногами, що ти не осквернив іще й тамтої землі! й Боже тебе збав потикнутись туди будь-коли в майбутньому!.. Муслим, як допіру згадати, торопів не так від нападу хазієнового шалу, скільки від згадування про якесь там майбуття. А втім, що було з моджахеда взяти! – Одне слово, Перелесник, чокнутий, ет...

Ет, Перелесник не зробив много чого неприйнятного, ба просто неприємного для Муслимового сумління, тоді як міг робити; мав робити, власне мусив робити – за беззастережним правом володаря вполоненого ворожого

солдата, за святим обов'язком речника, ким Шогаїб став для новонаверненого в істинну віру, а понад усе – за незнищеним, юним інстинктом невідворотної помсти за сплюндрованих родичів, отчизну й іслам. (Іслам передовсім! бо ж замах на мечеть – то замах уже на Пророка... а Муслим, коли був ще гяуром, із своїми забровами палив заложників с а м е в мечеті...)

Та й на зброю, що було традицією, поміняв його Шогаїб без великого для себе зиску, подекують, буцім усього за пару «стрінгерів». Але чи так воно? Хтозна. ...Наприостанку вже, коли на курній уличці Пешевара чигав на Муслима джип із двома морськими піхотинцями супроводу, він чи то з дурної цікавості, або ж і від бравади нетямця, чий розум затемнило щастя, Муслим таки запитав: то скільки ж уторгували за мене, містере Шогаїб? Той не зважив на «містера», незворушно признався, що напевне продешевив, одначе назвати кількість портативних ракетних установок не побажав (очевидячки, такі відомості й для правовірного з колишніх радянських мали складати жахливу військову таємницю!).

...А дістався екс-сержант Радянської Армії шатїї скучних американських підстарків у цивільному строї, що вони в Пакистані знудили, мабуть, усим на світі, а надто – рутинною морочитися з російськими ведмедями, котрі, правда, за роки брану добряче зшолудивились і радніше нагадували недорозвинених звіриків якогось нез'ясованого виду, аніж пахолків імперії зла.

Сидячи було від їхнього стола на відстані гігієни (а так наче перед столом доскпливої мандатної комісії), звірята тримались незмінної пози: коліна стулені, долони на чашечках, плечі так скулені, що з-від тих оплічок однаковісінько довгошию хробачиться голівка о благальних, зрідка ненавидячих, але переважно гидко нашорошених очиях: що? що? що?.. – Так, ніби зараз ці америкашки його гвалтуватимуть, їй-право, по черзі. Та й у всьому, що торкалося прагматичнішого вивороту справи, викуплені з полону поводитися також одноманітно, себто згідливо. Більшого винятку не склав і Муслим. Йому повіли, що в Союзі до влади став шеф КДБ Андропов, отже, до висновків доходить сам, парубче. Про свого президента, а все ж Президента, з великої літери, вони також не проминули втулити зневажливе «кіно-ковбой», а проте (ззначили), хоч який там недоросль у великій політиці наш Президент, «обстоєє права людини, горою за демократію!» Просвітницька частина цим обмежилась, і йому запропонували: вибирай: або на Луб'янці гниєш, або в ю-ес-ей одержуєш статус політичного біженця з усіма вигодами, що походять від нього. Маєш дві години на роздуми... сер! ...Перепрошую, а замість Америки, в Париж можна? жаль! гаразд, я згоден на Штати – віддавайте мене до застінків ЦРУ, чи куди в таких випадках заведено пхати нашого брата, хай виварюють з мене воду. Але попереджаю заздалегідь: антирадянських відозв підписувати не буду, батьківщину через «Голос Америки» паплюжити не згоджуся, на шпигуна вчитися не піду! В разі не пристаєте на такі мої умови, вертайте мене взад, оженюся на чурці!

«А хто тобі пропонує це? Таку честь спершу належить заслужити!» – Старі пердуни посміялися з надто моторного парубка й умили руки... Літаком перекинули на той бік океану, влаштували в чорта на рогах на відлюдному

ранчу, більше схожому, проте, до пансіонату закритого типу, аніж до жданої жилосотальні; ну, поназипитувалися до всирачки, понудьгували з ним над усілякими тестами на розумові здібності, до детектора абощо – й справа не дійшла: бідолашні аналітики журно познизували плечиськами відставних атлетів, мовляв, а на який біс нам таке всеохопне н і щ о? – й Муслима випхали за ворота богадільні, забезпечивши новітнім ім'ям, кількомастами доларами на кишенькові витрати й рекомендаційним листом на прискорені курси вивчення чергової рідної мови. Серед нудотних удовблювачів усіляких там ред-кет-бед і не менше відразних натаскувачів на закони й місцеві звичаї, хвалити Бога, в тій бурсі найшлась яскраво-руда студентка університету з отих, що не гребують підробітком... Така собі лисичка, живчик і довершена пересмішниця: є бед бой! крейзі!.. ну, й таке інше. З нею вони навдивовижу швидко порозумілись, а що було далі, то не цікаво. Звали тамту наставницю з трущобного сленгу панянкою Ненсі. Чи не доволі з вас?..

Такі от справи, підсумував за кермом «Мерседеса» Майкл Касс: нормальні справи, жодних проблем, о'кей? Майкл Касс домігся, чого домігся, сам. Тобто переважно сам, інакше-бо тут неможливо вижити... Зрештою, життя вибігло на рівну доріжку! Хіба ні? То маєш шануватися. Адже за будь-якої гонитви, тим паче за гонів-перегонів, належить пильнувати, аби від бігу не витряслося з голови золоте правило благі сподівання на краще тільки тоді дійсно чогось варті, якщо вони справджуються не лишень аж під старість – Хоуп із є гуд ланч, бат є бед саппер, хіба ні? Надія справді кепська вечера! Тож він і подбав, аби доля й життя втворювали спільне, на двох одне русло; тож Майк не прогавить, щоб тим руслом текло тільки належне й тільки належним чином: бізнес, родина, борня з конкурентами, знову родина, вічно родина, сім'я... головню ж, є задля кого горбачити – росте козарлюга син! підростає, кат його не руш, спадкоємець і чинних, і запланованих лишень статків.

Аж на тобі – Перелесника, д у ш м а н а кривавого, Шогаїба лиха година принесла! та за яким чортом, питається? чи боржник я йому?

– А не боржник! – у голос лютував за кермом старий новий американець і, може, патріот. – За мене він ракети взяв! Хіба мало? Потиняється з вимагацтвом, хай начувається, сучий потрох: тут Америка, а не його феодальна глухомань!

Якийсь ідіот на жахливій, без жодного крила й дверцяти, тарантайці обігнав його сталевопрокатнобарвний снаряд, а на додачу ідіотова подружка, обаніж ставши на сидіння, показала Майклу гарненьку попку.

– Ййо-хо-хо! – на штиб кіношного ковбоя, чи плейбоя, зверескнув Майкл й собі азартно вчепився в «Мерседес»; а про те, що педаль газу втопилась була до упора, сподіваюся, й уточнювати сором.

Орієнтація тварин у магнітному полі досліджується, понуро дочитав буклетика до заключного речення Майкл Касс і буркнув: а цікаво б узнати... Але той пошукач спільноти, кому це мало адресуватись (експансивний, жахливо дошкогрудий іспанець, або й геть чіко-ладіно з біліших екземплярів), уже був ушився до вірніших симпатиків його теорії провісництва, гм, у контексті погодних, сейсмічних умов, а також магнітних бурь. Поволі Майкл указівним пальцем одслонив вище криси свого білого капелюха: в готельовому вестибюлі

роїлося безліч таких самих пришелепків і з тим самим буклетом у руках (очевидно, автор провісництва плідно сполучав теорію з надійнішою практикою імпресаріо), вони навстоячки збуджено нищили сандвічі, хапливо вихилили зі шклянок, перегукувались як в лісі. Самого ж гишпанця між них угледіти не вдалося, бо саме в розгардіяш явив себе гарно школений розпорядник, що негучно й доволі критично виголосив: «Автобуси до нашого центру в Сан-Андреасі подано. Ті панове, що бажають відвідати бодай одну з восьмисот американських станцій спостереження, ласкаво просимо до авт». Господи, якою галасливою тичбою, скіль неповажно ринули вони на вихід! Майкл вернув на місце капелюха й м'яко заплющив очі, йому було хороше від ураз запалої воркітливої тиші респекту, що нею завсіди славляться такі поважні готелі, як цей. У якому зупинився душман.

Учувши енергійні кроки, Майкл скоро звів голову, але то всього-на-всього був Айз Сац, що нісся від ліфтів. Майкл мимовільно замилювався: Айз був із тих грізних, упакованих, патлатих дивоглядів, од яких за версту тхне наркотиками й повіями. Чи в безпечнішому плані – пляжним задиракою: даю бажаним в піку.

Айз просто шубовснув у глибину м'якого фотелю обіч Майкла.

– Тут яєсь збіговисько плюгавців. Ні?

– Авжеж. Міжнародний конгрес біосейсмологів. Он буклетка...

– Цупка підтертьсь! Дурощі. Ні? Не мають люди що робити! – Поглянув на годинника. – Чверть по тринадцятій, тобі пора. Слухай, а тобі не здається, що поводимося дещо невідповідно? Всякі там запобіжні заходи, твоя пукавка, мої розвідини на поверсі! Ні?

– На розвідку ти сам набився.

– Хіба? Коло тебе я й сам роблюся ненормальним... Щось ми перед твоїм гостем аж занадто припадаємо на передні ноги, Майкле! Така моя думка.

– Бо не по твою душу прийшов той, що свого часу добряче нагрів був на тобі руки, а тепер вирішив, що він трохи продешевив, і жадає компенсації. Дуже було б цікаво поглянути, що б ти учинив, опинися в моїй ситуації!

– Я б? Удерся в номер і застрелив работорговця. – Розреготавсь і схвально штрикнув Майкла в груди. – Хтозна, крейзі-афганцю! Може, твоя завбачливість якраз і доречна. Але до діла! Твій Шог замешкав не в двоповерховому номері, твого клієнта вистачило на дві кімнатчини всього. Охорони немає. Принаймні в коридорах і десь інде не вештається жодної «мавпи», гарантую, «мавп» я чую тельбухами!

– Охоче вірю.

– Ще б тобі не вірити. То як чинитимемо далі – за попереднім планом? – Айз стурбовано задумався.

– Ти помилився, друже, – стиха мовив Майкл. – У тамтому крилі готелю, де Шогаїб, номери щонайменше трикімнатні. Не переживай, із ким не буває? (Айз був видимо сторопілий). Далі: Шог не такий дурень, аби влаштувати засідку п е р е д дверима свого помешкання.

– Звідки знаєш про номер?

– Портъє. За п'ять баксів він тебе й висповідає на додачу. – Майкл вийнявся з прірвового крісла й згори терпляче завивчав був напарника. – Наглядай

за вестибюлем, Айз. Як тільки ми з Шогом увійдемо до бару, приєднуйся й ти, але не відразу.

– Я з насолодою зроблю це, Майкле. За умови, якщо тобі вдасться зволотки на діл твого клієнта.

– Удасться! А в разі тут унизу зчиниться переполох, це означатиме, ми з Шогаїбом не залагодили. Бачиш от того дибіла, що вивчає таблицю множення на своїх пальцях? Він із готельної служби безпеки. Щойно цей Лобачевський полізе собі під пахву, хапай ноги в руки й чеши звідси, бо як свідок мені вже не знадобишся.

– Я не дозволю, щоб тебе уколошкав якийсь смердючий араб!

– Давай-но без патетики, Айзе. І потім, я не думаю, що тебе встигли полюбити наші держиморди по розслідуванню вбивств. Айз! Я дуже ціную твоє бажання посприяти, проте з афганцем (наголосив) у мене особисті порахунки. Хоп! – Ляснув пучками пальців об чужу долоню й рушив до ліфта, по-шерифськи загрибаючи літніми чобітками.

Шогаїб підвівся назустріч і повів рукою в бік столика, видимо сервірованого на три особи. Можливо, зашироко повів. І шампанське в відерці було надміром. Здається, він привітався. Але так зжовано, що Майкл не вгадав мови, тому-то не знайшов нічого ліпшого, ніж удатись до давніш уживаного «салам алейкум»... На що Перелесник, як би йому дозолено було, недбало подрижав г о л и м, до сизоти вискобленим підборіддям і... мабуть, що уздоровив Майкла на полегшений до батарейства лад: «Хай, сучий сину! Ти в порядку?» Майкл, одначе, не був цього певен, Шогаїб і досі мав повен рот якогось лайна, нарешті, він ніколи не тримався на короткій нозі з бранцем. Столика довелось скуповувати відразу. Що ти зволив би випити, Майкле? Чудово, наші уподобання збігаються. Тобі з тоніком? Я звелів був відкрити шампанське, тепер жалкую, вивітрилась, Ненсі, очевидно, трохи затримається?... Вимовляя слова Шогаїб дуже спокійно. І повільно. Багато повільніше, ніж у давні часи. Помовчали. Перші ковточки були здійснені. Снаги це не додало. Шогаїб устав по сигарети неподалік. Сутулувату спину йому, жилавкі стегна й відсутнє сідало зграбно облягав костюм від гарного кравця. Навернув до Майкла й без бороди пишне, в завсіднім усеозброєнні обличчя й стисло, якось протокольно всміхнувся.

– Ти пристойно виглядаєш, Майкле. Дієта? Спорт?

Лише комплімента від Перелесника бракувало! Майкл змовчав. Не втокмачувати ж оцьому душогубові, що рум'яна здорова шкіра не стільки від праці на свіжому повітрі, скільки від того, що час йому вимірюється тут інакше – не рік за п'ять, як у полоні.

– Так, я запізно додумався, що тобі може бути неприємно, Майкле.

Майкл утнув жеста, що припрошував Перелесника не надавати сьому ваги.

– Але водночас я подумав, що не спробувати зустрітись з тобою було б свинством із мого боку. – І доки Майкл не встиг удатися до великодушного жестикуювання, виголосив найнепослідовнішу з-межи сентенцій, що ними частував Майкла в подальшому: – Аллах учинив мужчин такими, що вони запам'ятовують більше з того, що вони насправді зазнали протягом життя. Ти дотримуєшся намазів, нечестивцю?

– Авжеж, але не регулярно, – розпечатав урешті вуста. Власний голос був йому неприємний, ніби Майкл чує його збоку вві сні. – Бізнес потребує не молитов!

Розумнішого придумати було годі, й Майкл із почуттям зробив добрячого преміального ковтка. Бідолашний Айз! скільки йому ще пантрувати на сухе горло.

– Звичайно. То справа твоєї совісті. – І Шогаїб осмикнув собі рукави кольору матового металу зброї.

Він раптом здався Майклові багато молодшим свого віку й дурнішим. Здається, він знітився, бо не чекав сміху.

– Ви чудово розмовляєте по-російському, Шогаїб.

– Не потрібно викати, Майкле, й моє ім'я Рустам. Тільки Рустам... пожалуйте.

– Гаразд. Ти чудово січеш російською, Рустаме!

– Не дивно. Я навчався в Москві, Амін послав до академії. Налий і мені, нечестивцю, – нібито журно мовив Шогаїб, і вуса йому криво зступилися над ротом, як учбовий бруствер.

– Я й не знав...

– Я також.

– Прошу?

– Облишмо. Боюсь, ти не зрозумієш.

– Ти, як і перше, тільки себе вважаєш джерелом премудрості. – Мовлене виразно балансувало між запитанням і насмішкою.

– Премудрості? (Мовчання.) Ні. (Мовчання.) Просто я завжди був добрим таджиком, кому не чужа завбачливість. А отже, генетично-путящим афганцем. (Мовчання й безрух.) І коли щойно казав тобі, що я також не все знав про Москву, це була чистісінька правда, Майкле. Правда вибору, а не краса. (Мовчання. Накрапування віскі до обидвох шклянок. Гірке, чи лишень схоже до гіркоти, заирання Майклові до очей.) Вони належать до різних етичних шкал поцінування.

– Вони?

– Краса і правда. ...Гадаю, ти погодишся, що не було ні тієї, ані тієї, коли мене спершу рекомендували до військової академії в Сандгерсті. – Й умовк собі, грався запальничкою, нудився... так наче від згадки про якийсь ідіотський Сандгерст його пояснення зробилося вичерпним. Та-а-ак! Або в Шогаїба появилася нова манера говорити, або він таку вибрав спеціально для Майкла. Обривав фразу після коми, паузу тримав де й скільки хотів. Це дратувало! Такої курвської манери, відповідати не відповідаючи, навіть терті політики набувають не за один рік. Отже, бавимось в Бейкера? Ну-ну! Я зажду. Хоч цікаво б узнати, коли ти зрештою приступиш до суті справи? Ра-ра-ра, жебрак може а хоч розспівуватися перед кишеньковим злодієм!

Майкл одхилився в кріслі нижче й умиротворено, жваким куприком, учув твердь браунінга. Злидар таки може розспівуватись!..

– Я дисципліновано відвідав був Сандгерст, Майкле.

– Де це?

– В Англії. Подививсь; умови чудові, рівень викладання високий. Однак подумав: а що це мені дасть? Якщо прагматично, їхні знання становили для афганців учорашній день. Адже в кінцевому результаті ми завжди змагали британців.

– І ти віддав перевагу Москві, – продовжував запитально-насмішкувате балансування Майкл.

– Достоту так. Історія вчить, що високий рівень цивілізованості не завше здатен переважити варварські потреби дня поточного. Бачиш, я достатньо самокритичний. І може, саме тому мій вибір мені вдался.

– Правда видимо передужала красу.

– Приблизно так. Я опанував суворовську науку перемагати і, як тобі відомо, розгромив хвальних росіян ушент.

– Сучий ти син, Рустаме!

– Є дрібка. – Посміхнувся. – Вип'ємо?

– Вип'єм! А що ти поробляєш у нас, в Лос-Анджелесі?

– Комерція, Майкле. Попутно трохи комерції! Але то швидше бутафорія полковника Шогаїба.

– Полковник? О, вітаю. А що не попутно, полковнику?

– Збав оберти, Майкле, перед тобою всього навсього вічний курсант. З осені знову гризтиму граніт науки.

– Маркетинг, облік, біржа? Хоча що я запитую! по війні у вас будь-що піде на вагу золота. Охоче вип'ю за таке навчання, Рустаме!

– Мене зараховано до Вест-Пойнта.

– Вест-Пойнт? – мало не похлинувся Майкл. – Але ж той заклад для привілейованих! Як мені видавалося, тільки для американців!

– Тільки? Можливо. Значить, я маю й привілеї.

– Ясно... – похмуро відставив шклянку. – Тепер готуватимешся до чергового джихаду, цього разу з Америкою. ...Ти пресучий син, Рустаме! Це тобі я кажу, я.

– Мушу признатись, – по звичній уже паузі мовив Шогаїб, – навчання в Вест-Пойнті також один з елементів моєї бутафорії.

Очі Майклові Кассу полізли на лоба. Лише перегода він оговтався:

– То що ж, у таких разі, те справжнє, заради чого ти вперся до моєї країни – скуштувати принад рівних можливостей, утішитися свободою, напхатися достойним мужчини харчуванням, питвом, розрадитися комфортом, сексом урешті-решт?

– Не те, не те! Це виглядало б як гендлярські пошуки компенсації, а я не правлю найменшої за всі мої багаторічні злигодні, Майкле. Тут інше...

Розказує! Он воно – компенсація, – ...ждане слово пролунало, й Майкл... Авжеж, Майкл ненароком виказав себе, що злаштований до відсічі, а не торгів. Принаймні афганець поважки звівся на ноги й подався до великого, на всю стіну, вікна видивляти краєвид. Невдовзі він хрипко мовив, що тут гарно й що він не дарма завітав сюди.

– Припускаю, ти навіть щасливий, що в Лос-Анджелесі!

Якби Майкл більше дбав про спостережливість, а не підлягав зшалінню, була б не штука завважити драгкі вибухи жовен, однокротний здвиг кадика, лихоцькі іскри в чоловічках очей. Адже на біжучу мить перед Майкла

поставав був колишній-таки, непроникний Шогаїб-Перелесник: і ворог, і месник, і речник. Одначе ярость присипляє. До того ж, обачний афганець не надав йому шанса довше справляти витрішки – стояв сутулою каменюкою, рівнодишно викурював смердючу свою, либонь, турецьку сигарету. Що їх цілим блоком куплено про запас бозна-де по дорозі до Америки! Чи й у самих Штатах, де марновірникам (або прихильникам дешевизни) запросто можуть усучити й цілішого канцерогена. Кожна свиня знаходить своє болото, жовчно подумав про нього Майкл і відхилився від спинки крісла рівно стільки, щоб руці було вільніше метнутися під куртку, котрої він не скинув. Так само, як і білого ковбойського капелюха.

– Слухай-но, Рустаме! Ти вмієш викладати все відразу, а не розтягувати по чайній ложці три рази на день?

– Можу, – кивнув. – А що?

– Ти завів мову про компенсацію! Й затнувся.

– Нецікава тема. Але будь ласка. Я не жадав її вдома, не шукаю й тут. Особливо – вдома...

Голос йому зробився глухий. Як на неупередженого слухача, навіть зажурений. Але Майкл був настільки повен упередженості, що це межувало з розперізанням.

– На війні всі ми були брати, кожен мав за честь накласти власною головою за життя побратима, і це було щастя. Але людина в щасті менш обачлива й пильна. Ми забули, що всяка війна таїть у собі не лише перемогу чи поразку. Якщо до золота щільно притиснути свинець, він проникає в золото, й воно втрачає чистоту. Від стикання з англійцями ми набрались одних мерзот, від радянчиків – інших. О, так, особливої зарази ми підчепили від вас, Майкле! ...І тепер, щойно ми нарешті перемогли, почався розбрат і чвари. Великий воїн Хекматьяр гризеться з не меншим генералом Дусгумом! Імовірно, ти нічого про них не чув. Але, можу заприсягти, то святі люди, лицарі ісламу... Спільниками були! Тобі цього не зрозуміти. А нині вони стріляють один в другого російськими ракетами, ніяк не можуть поділити влади. – Дихання йому вочевидь перехопило. Помовчав.

– Я не хочу й не можу брати в цьому участі. Може, то від слабини, можливо... я нікому про це не проказував уголос. Майкле, ти перший, кому складаю зізнання: так, я втомився, я смертельно втомивсь... Як від безнастанної війни до переможного кінця, так і від нинішнього мерзенного миру. Чи дезертирував я? Скоріше так, аніж ні: я забрався геть, полишив батьківщину на поталу вчорашнім соратникам... і що б я не просторікував про здобуття американської освіти, насправді ж – у глибині душі – під приводом Вест-Пойнта я зловмислив собі загубитись у вашому вонючому мурашнику, знепомітнішати, залагати на дно, й урешті відіспатися за всі дні й ночі змагання з гяурами. ...Хіба втомлена людина не має на це бодай тимчасового права?

– Як на мене, то таке право ти маєш.

– Он як? Я не питався твоєї думки, та все одно дякую. – Він приборав обличчя, помовчав до закінчення. – В Лос-Анджелес я, можна сказати, знічев'я прибув, на запросини кількох афганців за походженням. В їхньому товаристві

геть нудно, Майкле, вони звиродніли, що немає бодай крихти від широго афганця. Очевидно, так спрацьовує бетономішалка Америка... не об тім річ! На вічірці від одного з них я випадково почув про тебе.

– О так, зовсім випадково, Шог! Найшов сокирку під лавкою. І хто ж отой інформатор?

– Поліцейський лейтенант. Коп, по-вашому... Він сусіда тобі.

– Прізвище?

– Фарджані. Тед Фарджані, Майкле.

– Знаю, – й розслабився. – Живе такий на нашому хуторі.

– Я втішився, коли остаточно утвердився на думці, що ти – це ти. Не приховую, Майкле, я страшенно зрадів. І мені захотілось побачити, яким і ким став той, кому я подарував спершу життя, а потім волю.

– Не забувай: ти продав мене за «стрінгери», Шог!

Шогаїб стенув плечима.

– Я замовив пляшку шампанського й запросив гостей. Щоправда, я не проминув удатися до іспитового виверту щодо тебе, мусульманина не зроду. Власне, це стосувалося твоєї дружини... жінчини, взагалі – нечистої.

– Це щоб Ненсі не було зі мною, так?

– Так. У разі ти прийшов би з нею, я б...

– Ти б її вигнав?

– Я поцілував би її руку, бо має честь мати достойного мужа... Ти шокований, моджахеддин прикладається до дамської ручки? І надаремно, Майкле... Я – жадав, я давно так палко нічого в житті не жадав, аби ти завітав до мене неодмінно з дружиною! У супереч остереженню – саме й тільки з дружиною, Майкле! Адже такий твій непослух, єдино він, міг неспростовно засвідчити, що пощадженого мною раба пощаджено не намарне, що у вільному суспільстві він правдиво й сповна зробився свобідною людиною... Аллах акбар! У кому хоч піщинка сумніву в оці, той не має спокушати долю, чи переробляти стан речей. – Промовляв і промовляв до завіконня.

Можна було здогадатись, що він огладив неіснуючу бороду. Мовчав.

– Укоотре я переконався в марноті благих моїх сподівань і замірів. Принаймні в марноті багатьох із них... Прикро визнавати, Майкле, ти виявився не тим, за кого я тебе мав відпершу.

– Ну й за кого ти мене «мав»?

– За хороброго сержанта Михаїла.

– Е, коли це було! Не бачу підстав для зажури, Рустаме. Чи ти, може, бажаєш, аби зараз я покликав Ненсі?

– Як не кинь, ти в ж е прийшов сам. І я не журюсь, Аллах не в'ярмив мене схильністю до великої скорботи. Тож і годі про це, Майкле! Ти прийшов с а м. Якщо, звісно, не прихопив якихось урвritelів на запомогу.

– Що ти маєш на увазі, Шог?

– Конкретно нічого, Майкл. Я не провидець. Облишмо! – Притиснув чоло до шиби, мурмотів нерозбірливе, далі – захоплено: – Чарівно! ні, просто чудо якесь... А ходи-но сюди, нечестивцю!

Нехотя приступив до Шогаїба.

- Ну, й од чого тут ейфорія?
– Океан, Майкле!
– Ну – океан. І що?
– Таж безмір який, товстошкірий ти нечестивцю! Стільки розмаїття, протиріч і... всякої всячини. Так наче в людині, ге?
– Не знаю. Хай буде по-твому.
Шогаїб похитав головою. Незворушно глянув до віч:
– Майкл!
– Ау?
– Я не сподівався від тебе нічого, крім толерантності, розумієш?
– Ні.
– Тобто, за мою щирість я не розраховував закупити цілу скриньку твоєї приязні, щоб її, витрачаючи ошадливо, вистачило мені на все життя. За щирість немає іншої винагороди, крім науки смирення, Майкле. Тож уповання на твою приязнь – це було б занадто. З мене було б предоволі самого лише твого слова вдячності. А проте ти йшов до мене в гості, не будучи здатним і на таку мізерію... Помилився я в тобі, Майкле.
– Пусте, Шоґ! – Ішлося уже мало не до розчулення. – Ти мене, нинішнього, до пуття ще не знаєш?
– Ти певен цього? Ні, я тебе знаю, – заперечливо похитав головою. – Ти, до того ж, або знеобачнів, або розгубив давніші навички.
– Не крути, чого ти від мене хочеш? Я нізащо не повірю, що ти прикликав задля того лише, щоб вилляти мені на голову відро твоїх рефлексій невдатника!
– Шкода чути... Агресивність тобі не личить також.
Решта скоїлась як у поганеньких детективах: Шогаїб ловко, на змит ока, висникнув зброю з-за Майклового пояса, а самого за одним ударом ребра долоні влучно відкинув назад, у крісло. По всьому підняв з синтетичного перського килима недоладно ковбойську капелюшину, оглянув браунінга, що його Майкл очевидно тримав напoxваті; знятим із запобіжника.
– З мене тобі не багато пуття буде, га, Шогаїб?
– От я і зважую: викликати поліцію чи пристрелити самому? – Браунінг повільно зійшов Майклові межі очі.
– Я знаю свої права, Шоґ! А тобі в будь-якому разі доведеться давати пояснення.
– Достоту так, доведеться. До мене вдерся незнайомиць. Напевно, з метою пограбування. Захищаючись, я обеззброював його й ненароком убив.
Майкл почув, як по спині йому струменить огидний піт.
– Не питаюся, за віщо ти міг би мене стрелити... важливо не це – журить інше, Майкле. Тобі випадала нелегка доля й суворе життя, але вони нічому тебе не навчили. Не ворущись, інакше проковтнеш кулю, не дослухавши... А тобі доведеться вислухати геть-чисто все! Хоч би під дулом, ти сам призвів до цього. То я продовжу? Ти не реалізувався, Майкле. Ти не гідний твоєї нелегкої долі бранця, Муслиме! Ти не викоренив із себе боягузливого пристосуванця, Михайл! Бо ти і в останньому бою поводився хоробро лише від страху – тепер я це бачу, тепер... а відтак, це означає, що ти був і лишився рабом, Михайл!

– Я хотів би випити якоїсь води, – видихнув Майкл Касс.
– Налий шампанського, це бабське пійло краще пасує твоєму станві.
– Ми ще побачимо, який у мене стан! – Руки йому вже не ходили ходором.
– На що ти розраховував, облуднику, йдучи до мене зі зброєю? Не можу цього осягнути. Чи ви, європейчики, всі такі недовершені через вашу недосконалу віру? Чи на вас упало прокляття вашого ж грошоробства?

– Ах-ах, скільки запитань... справді...

Шогаїб надовго замисливсь.

– Мені незрозуміло також, чому ти не вдома, Майкле, що ти робиш тут? Чому ти не вдома, якщо назвався вільною людиною, Михаїл? Де твій батько, хто твоя матір, Михаїл?

– Я Майкл...

– Мушу тебе засмутити. Хоч би скільки разів ти міняв собі імена, в підсумку маєш тільки й лишень одне. Хоч би де тебе не носило, все одно повернешся додому, принаймні щоб умерти там. Бо навіть у боягуза батьківщина тільки одна. Ні, в боягуза вона тим паче одна, Михаїл, аби мав кому виплакати в спідницю.. Боже милостивий! не пітній ти так, прошу, тобі страшно, знаю, але не пітній так, чоловіче!

Навіть оддалеки було помітно, що Перелесника справді нудить; і чи не від того він злостивіше цілив був зброєю?

– Не знаю, як тобі моя проповідь, а мені самому вона набридла. Час покінчити з усим. Я не втомлюся повторювати, що помилився в тобі. Однак, як це не дивно, й ти помилився в мені, не пітній, будь ласка, вже скоро... отже, й ти ошуканий!.. Одна лиш утіха: помилки ніколи не бувають небезпечними, допоки в них не встряєш, як в ситуацію. Гей, ти мене ще чуєш?

Майкл, тим часом, незмигтно дививсь на дірочку, в глибині котрої душа йому підказувала масну kwasолину.

– Ти не той, повторюю, геть не той хвацький парубок, за котрого видаєш себе й нині. Здавалось би, ну й що з того? Не велика втрата для полковника Шогаїба... Іди геть, я не заподію тобі нічого лихого, тобто нічого лихішого за те, що маєш. Іди геть! Від тебе смердить розпустою. Забирайся!

Майкл поволі звівся. В ногах, як виявив, черідкою гуляли зашпори. Йти немога. Його затримку Шогаїб, одначе, витлумачив інакше.

– А-а, це! – здогадавсь і ретельно вилуштив набої просто під ноги. – Лайно, а не зброя. Але навіть отакий пугач – не для тебе, Майкле Касс, бо ти х у й о в е ц ь к и й солдат. А все ж... нехай, знадобиться тобі бодай горіхи колоти. Тримай!

За дуло Майкл упіймав випатраного браунінга й... отетерів: адже в кишені запас патронів!

– Іди геть. І борони тебе Боже коли-небудь, із патріотичного дуру чи за гроші, записатися рейджером на Афганістан! Наступного разу я тебе залюбки пристрелю, вже як американця. – І на тім слові Шогаїб не о б а ч н о відвернувся до милішого його серцю горянина Тихого океану.

І цим поганьблений! і цим... Із підпливлими кров'ю очима, Майкл вишкандибав за білі, з золотом, двері – й ніс до носа стикнувся з непосидючим

Айзом – Айзом, що по дорозі сюди научав себе не забути чудового речення, аби потім його не звинуватили в непослідовності:

– Хай, Майкле! Я занепокоївся ждучи, вирішив діяти самочинно. Ну, то як тут?

– Ніяк.

– Вичерпна відповідь!

– Ми трохи випили...

– Маєш із ним проблеми? – поцікавився в ліфті, де вони й там були все ще самоті.

– Жодної! ...Він просто божевільний, Айзе.

І неспогадано, люто, кулаками зачав був гатити в стопроцентно горіхове дерево кабіни:

– Божевільний, божевільний, божевільний!

– Не руйнуй ліфта, Майкле, я волів би з'їхати живим.

– Божевільний афганець, що не тямить, як скористатися з перемоги в війні!

– То нехай би не перемагав...

– Помовч!

Айз охоче кивнув на знак згоди, а проте допитливого погляда не прибрав із Майклогового чола; він силкувався прочитати його думки, що їх не було.

– А хотів би я, хотів афгана твого побачити!

– Бачити – це не те саме, що почувати, – накривав на нього Майкл.

– По-моєму, тобі не завадить допити. Ні?

– Не завадить – нам! Я вгощаю, Айзе! А потім, якщо не заперечуєш, ухвалимо взаємно прийнятні умови... щодо наших сраних автозаправок на Північному шляху! Годиться?

– Годиться.

Ліфта ніхто не переймав.

– Годиться, – по хвилі повторив Айз. – Але я схилиюся до випивки за гамбурзьким рахунком.

– Ти закомплексований бовдур, Айзе! – передужав нехить і дружньо пригорнув кам'яне плече. – Коли ти нарешті звикнеш бути вільним із ласки Божої, а не вільновідпущеником, і користати життя на власний розсуд?

Айз зважив і підхопив ризикового жарта:

– З понеділка й почну!

Приязно розсміялись один другому в обличчя, ліфт одчинивсь, і вони пліч-о-пліч минули Лобачевського з готельної служби безпеки, що в вестибюлі сонно видивляв лівійських (щонайменше) терористів.

То був старий бевзь, розчулений власними потугами облагодіяти прочина з Сходу, що той уважливо прислухавсь до його мови, рясно пересипаної наголосами старечого менторства. Гер доктор Казимир Сокульські більшість у реченні слів вимовляв із таким пафосом, що прикметники, а іноді навіть займенники, слід би вважати написаними з великої літери. А що верз бевзь каліченою польською з «діялектом заходовим», то виглядало це непотребство приблизно так: «Ми відпускаєм нашу Занудну секретарку,

абись не бліскала Під наші Носи трусиками, А самі, прошу пана, закропилося вином. Чи пристає Пан На таку пропозицію Розслабитися по Шостій годині вечору?» ...І не вгавав, правив теревені далі, що з того пан прочанин (власне, Павло Касянович Касян), уже знудьгований, ба витомлений цілоденною напругою, з трудом утримувався од утечі під слухним приводом. А з іншого боку, пана Павла вшановано приватною бесідою з верховодою тутешнього бізнесу, то мусив сидіти, аякже; мав удавати з себе мудрого, незалежного співрозмовника; хоча, доправди, бесіди як такої не склалося, швидше то був ностальгічний монолог львів'янина за місцем народження. Панові Казімежу навчч перехоплювало тендітну дихалку, коли повідав був, як тисячу літ тому босоніж гасав «у Підзамчу, як і всі поляце зі львувчикув, альбо часами дражнілем під кошьцьолем старчих...».

– Але доста згадувань о нерозумні вчинки дїтвака, – випростувався у твердому, схожому на трон кріслі. – Чи смакує панові токай?

– О так, дякую, – дивився на просвіт. – Тіло вина просто розкішне.

– Як Бога кохам! Пан знається на тілі вина? Втішений чути. З усіх винів я надаю перевагу саме угорському токайському; властиво, Сорокових лят закладзення вина до льоху.

Касян накладав носа над глибоченну чару й делікатно нюхав жовтувате срібло на денці. Так належало чинити дегустаторам і біднякам.

– Але на чім я ся спинив? О так, очевисьче...

Касян кивав головою й шанобливо skleплював очі. Зараз би, на своїй території, потрясти холодильника, бо щось таки zostавалося на підобідок! І зателефонувати додому. Власне, з Наталією вже переговорено, – зайві гроші на дорозі не валяються. Однак не завадить іще раз перебалакати зі своїми; ні, Рошкован не годиться; мабуть, що знову доведеться вилловлювати цього запопадливця, шофера Сашка. Ото вже курвий син! Йому що було наказано перед відльотом до Москви? А наглядати, лише, й то по змозі, при нагоді; наглядати за тими трьома приятелями, сучкарями, що через них він під Першотравень загудів був до витверезника, – тільки н а г л я д а т и ! А він що вчинив, безголовець такий?! ...Коли зателефонував був ізвідси, вночі – щоб упіймати, Сашка просто-таки роздимало від радості, щастя спілкування з шефом. А на безневинне запитання «Як там у нас вдома?» не знайшов нічого ліпшого, ніж на весь світ зарепетувати, що один з трьох, Павле Касяновичу, «отой бугор, ну ви знаєте, про кого мова! пішов на червоне світло і його збила якась машина, що вона з місця шляхово-транспортної пригоди моментально зникла, ані номера, ані марки ніхто не встеріг, а невдаха «бугра» другу добу реанімують у медінституті, хоча що там оживляти, коли башку йому як той кавун!.. Стули хлєбтало, визвірився, урвав Сашка Касян, хто тебе просить марнувати мій час і мої гроші на переповідини одеських пліток? бовдур ти, бовдур!.. Що? що ви кажете? бомби?! які бомби? – вдав із себе недоумка Сашко – в Одесі, хвалити Бога, бомби ще не підкладають конкурентам! ...Помовч, ярився Касян, голову скручу! маєш доручення: підеш до Рошкована (і він на ходу вигадав якусь непосутню дрібницю). Відкинув слухавку й аж по тому відчув, що його знудило. Бог свідок, він не прагнув нічиєї смерті.

– Цілком з вами солідарний, – умить, од невагомого чужого погляду, розплющився Касіян, лизнув токайського.

– Єсьте дивний ви нарід, прошу пана, – бавився тонкими пальчатами й довжив, довжив-довжив своє.

... дивний ви нарід, я би відважився потракувати вас як присмеркову націю. Прошу? Не, н-не! Кеди я мувил «присмеркова», не мав на оці «гинучу» альбо «приречену до звиродніння та скнійне вимирання» націю. Ви, українці, є діти присмерків у добовому розумінні. Ви втішаєтеся зі світаночків, кохаєтеся в вечороньках, аби лишень тихі були, аби місяченько, зорі були, соловейки... хрущі над вишнями гудуть – ото заціні вартощі! а решта вас не обходить. Дайте нам спокій, кажете ви. А доки й для чого вам тен спокій? Бо я думку думаю, пишається навзаєм українець. От! він думку думає! А про що його тая дума, нікому не скаже. Гай-гай, або не має чого казати, або, може, то від скромности перед Ойцем Небесним, творцем нашим. ...То є так: ви, українці, щирі індивідуалісти, одначе романтичні щирі індивідуалісти. Прошу? А так, так е! Ви любите й умієте подовгу розмірковувати над будь-якою проблемою, що вас опосідає вона й невдовзі дойме до живого. І тамті кмїти ви огортаєте чудернацьким флером сентиментальности, пшепрашам пана, еслі ненароком уразіл гонор пана Павла, ви купаєтеся у самім процесі думання, – аж усі ваші міркування тривають так напропаще довго, що, коли нарешті ви доходите до якогось рішенця, то або рішенець виявиться запізнїлим, абфам проблема перестане бути проблемою. Тож українці завше запізнюються, ловлять гав, не встигають з козами на торг, анічогісінько не доводять до кінця! А відтак безпідставно почувають себе скривдженими... Звідси й походять усі ваші нарікання на недолю, несприятливі історичні чи погодні умови, на лихих сусідів-ляхів, альбо татарових, альбо московитів, гейби ближче були китайці, то щирий українець причиною його злигоднів убачив би в підступах і китайця. От як Бога кохам! А від почуття скривджености, від ремствування побутового прямий шлях до пекла озлоблености! Прошу, прошу бардзо? Не, пан Павел недотепне витлумачив, н-не, то не інсинуація – то є канвоє правило з розвою психологічного! Прошу? для чого недоброзичливіці мають українця за бидло? Хм! очевисьче, пан має рацію... Але, прошу пана, вшисткі Стіксі витікають із пекла озлоблености. Так собі мислю. Тож саме для того ваші насторожені сусіди мають українців за дурнів – еті глупіє хахли, й упереджено вважають вас нездарниками, підступниками, зрадниками. Що не поліцай у літературі, що не тупоголовий старшина – то всякраз українець. ...Але ж то не так є, прошу пана, цілий нарід не ворог собі! Не може цілий нарід не дбати про ліпшу собі будуччину! Не, то є справа доконаної ментальности: пересічний українець – то присмерковий індивід, сентиментальний тугодум, пісняр, перейнятий споживанням соловейного співу, він радше себе дозволить забити мордерцям, аніж відмовиться від оцих розкошів, які натщесерце замінують йому і його самого, і сенс буття, і навіть віру в Ойця Небесного. Добже це, чи зле, чи ніяк, але ж українець – такий, а не інакший, і ніщо й ніхто його не переробить на свій розсуд... От хїба що війна, геройське змагання з ворогом; але, знов-таки, з ворогом його солов'їнства! Прошу пана не гніватися, то є правда. А як не

сама правда, то правдиво моє розуміння нації, до ктурей пан Павел має честь і має щастя приналежати крєвне. О, так, честь і щастя! це стверджую я, Казімеж Сокульській, поляк, уродзоний в Підзамчу, що гадає себе земляком пана Павла – до певної міри, властиво. Тим-то за правом майже земляка (прошу пана особливо звернути увагу на потракту «майже»), а не визискувача, я дозволяю собі допровадити монольога до крапки. ...Ви – вечорова нація. Нація, що нарешті добулася незалежности, тобто майже добулася; і так само майже заволоділа інтегруватися до Європи; і так само майже... Але доста. Пшепрашам пана, у вас в Україні геть усе належить альбо вкладається в поняття «майже». Багато чого розпочато, нічого не вивершено до кроков, а з неба хвища... Навіть у разі ваша нація продукує ділового чоловіка, комерсанта тощо, то це переважно напівфабрикат: бізнесовець із ваших – бізнесовець із натяжкою, м а й ж е бізнесовець... От як Бога кохам! Ваш м а й ж е н ч и к сповідує віджилі закони власності, гидкі методи й аморальні правила поведінки: взяти, урвати, не дотримати слова, ошукати, вижебрати врешті-решт і – нічого не дати навзаєм... головно набити капшука, і по змозі негайно, зараз, а там хоч трава не росте! Справжні нові кровожерні акули капіталізму? Шоправда, капіталізму репгильного, дикого, на що увесь світ перехорював був іще во врем'я оно. Довірена особа пана Павла, такий собі... е-е, Рошкован? чи вірно я по пам'яті вимовляю? дякую, так от, сей Рошкован – викапаний дикун із пущі, котрий уперше живцем уздрів два злотих одразу... руки йому аж горять украсти обидва! Прошу? чому я такої думки? Овва! мав циганське щастя бесідувати мимохідь, а відмагатись – уперто від сумнівних оборудок і пропозицій tego лотра Рошкована! Нех пан Павел дарує, але з такими х а п у г а м и пан лише зазнаватиме компрометації пановиж справ бізнесових. Одначе ні слова далей! То все належить до компетенції пана Павла, хіба ні?.. Я би хотів, аби моє потрактування пайового довірника не могло бути витлумачене як утручання до ланового приватного життя. Боронь Боже! Зрештою, з-поміж українців-бізнесовців лучаються приємні винятки. І саме за такого вважаю пана Касіяна щиросердно, позаяк до незграбних компліментів не вдаюся аніколи... Коли ми на директораті вивчили цікаву записку пана Павла, а потім запропонували зробити коротеньку доповідь, я був перший на поважному зібранні, хто заплодував розмахові, головно ж – реалістичності ідей і намірів пана Павла. Ми на директораті були правдиво щиро здивовані, позаяк у нашій практиці вперше візитер із Радянського Союзу не змагав нашого товару за знижкою чи й навіть задурно, як жертва Чорнобилю, а навпаки – пропонував співпрацю на паритеті: спорудити в Одесі напочатку складальний цех, а в перспективі й цілий комбінат по складанню європейських – саме європейських, тільки європейських, а не південнокорейських або ж японських – комп'ютерів.

– Хто-хто, а велетен «Сіменс» цього вам не забуде. Як не забудемо й ми, дочірні відвійки сього велета... Ви неабиякий прогнозувальник, пане Павло! І хоча до втілення тих ідей іще далеко, пан мудро вчинив, що звернувся саме до нас.

І стільки викоханої грєчності тайло в собі прихильне, коротке – так наче метеликове всідання пучок його пальців на широкий зап'ясток

співрозмовника, що небезпечно йому розім'якала душа, й Касіян мав сило-мця навертати себе до більшої пильності, не підлягати під чари цього над-уяську міру земляцького гера доктора.

Тобув похилый австріяка з уродженою засмагою ескімоса...

Хоч би як учечевлено він змальовував переваги комп'ютеризованого біз-несу, особливо на стадії стихійної капіталізації посттоталітарних суспільств у країнах Східної Європи, а хоч би скількома легенькими пахощами якісного люлькового тютюну, парфумів після гоління, добротної шкіри взуття, токаю та цитрин віяло від пана Казімежа, все-таки через пласкі вилиці, заширокий куций ніс і товстенні повіки, що здушували очі до флегматичних прощилин із милими кисличками в кутках, загальне враження якоїсь, сказати б – душевно виваженої, ескімоскості було невитравним. Він був чужим, неприродним у власному кабінеті з електронним начинням та безліччю іншого казна-чого задля чортзна-якого-батька. І тим чудніше було невдовзі почути з його вуст грозливі остороги, аби пан Павел не клеїв дурня й не тішив себе перебіль-шеними надоями на сприяння віденьських (зосібна!) фінансових магнатів, промисловців, ба навіть ласих до смаженини політиканів. Від нас альтруїзму не жди! Тут зі Сходу, прошу пана, не виглядають із напоготовними обій-мами анікогісінко! Власних клопотів, а радше – конкурентів, європейцям предоволі... Політика, певна річ, політикою: хоч би як ми раді, що «холодну війну» виграла й вернула собі східну (для початку) Німеччину... хоч би як ця перемога живила нарциссанського комплексу самозакоханого Заходу, а проте гору беруть мотиви переважно економічні: тут і побоювання влас-ної кризи, і достеменний страх перед навалою мігрантів і біженців, перед неминучим од цього безладом, а то й розквітом на наших теренах суто схід-няцької, варварської злочинності...

Прощу, цо пан мувіл? А так, так є, пан має рацію! Америка он... Америка, як тільки могла, знаджувала совіцьку людність на еміграцію, виборювала собі чи не щокожного єврея, дисидента завалюючого й різних там ходячих мізків; а допіру від усього того набутку не має куди подітись Америка! Бізнесовці з совіцьких найнещадніші в здирництві, шахраї – найвинахідливіші, а ган-гестери своєю жорстокістю перевершили брутальних пуерторіканців і, як Бога кохам, уславлених італійських мафійчиків! Е-е, де там... «Росіяни ідуть!» – привиділось було Алленові й, бідолаха, виплигнув із вікна хмарочоса. Але ось росіяни справді прийшли, цілим ординством, і таки правдиво заповонили Америку. Що тепер? А на гвалт, а пробі! Хе-хе, така от розплата за побідне змагання в «холодній війні», такий ото приз за вашу, неспроста, г л а с н о с т ь, і за вашого хитрого лиса, данайця Горбі... Тож ні й удесітеро ні! тільки без-верхі дурні в Європі здатні розтуляти вам обійми. Тим-то довірливий пан Павел, як Бога кохам, не має ошукуватися щодо тутешньої уважливости чи доброзичливости – то є зовнішнє чинство та брак справдешньої щирости... а радніше – витрати від гарного виховання. В Європі нікого, насамперед з України, не ждуть. І нічого, крім хіба сировини. Та, може, дешевої робочої сили, та й то – за спеціальним контрактом. Так собі мислю... Бо й що воно за почвара така – Україна на сьогодні? так собі, братська колонія, одна з

п'ятнадцятьох... не серйозно! От коли аж уся імперія розвалиться (Прошу? як то «нічого схожого»? Чи пан Павел ніц не видить, що коїться в его ойчизне?... Принаймні, дивно чути!), розвалиться, відтак Україна раптом і державою самоназветься... ну тоді... можливо!.. Не виключаю, що в такім разі Європа схитнеться до зацікавлености в Україні, передовим як у буферові, чи хоч якийсь противазі Москві... Та й то проблематично! Нех пан mocno затямить і на такого кшталту майбутне, що навіть за щасливого для України розвитку подій Європа ніколи не приставить їй стільця до обіднього столу.

– Той, хто має право на вищість, не має права на рівність, – із видимою двозначністю мовив ураз опечалілий гер доктор.

– Моторошнувато звучить, далєбі. Жорсткість у дусі Макиавеллі!

– Анітрохи. То з Вігольда Гомбровича. Кохаюся в ньому, гейби ревний католик у Письмі святому. Чи натовив пана дуже? В тім разе ось вам іще з Гомбровича; звісно, по пам'яті. ...Опиняючись поряд з Польщею, поляк стає манірим і неприродним, що від нього люди зі здоровим глуздом сахаються, як від прокаженного. Ми, поляци, теж вельми закомплексований нарід, прошу пана Павла! Але далєй за Гомбровичем: оскільки саме Польща зробила нас такими, які ми є, то, щоб бути справжнім поляком, слід перестати носитися зі своєю «польськістю», й стати, нарешті, самим собою.

– Що поляк, що той українець, – махнув рукою Касіян, – однакова дяка: цвай дупи до купи – дідьку образки! Не бачу між ними різниці, то пара слов'янських чобіт.

Радий чути. Пан перебрав од мене журну необхідність означити, що й українцеві слід би пригнітити свою «українськість», а надто ж – оту «солов'їність». Панові Павлові, українському бізнесовцю, коли він правдиво хце здобувань право рівного серед вищих, завчасу слід налаштуватися на ненастанну, може, столітню борню з пшеклентим Заходзем. Тутай пан українець пощади не матиме нігди! – Гер доктор присилував повіки відтулитись якомога широко, в очах яскріли непогамовні блищики веселощів. – Але не такий жаскотний дідько, як виглядає на мальовидлі! Просто слід закарбувати на довічне: любити нас потрібно не до казу, а боятися – не до паніки. Тож і вся наука, хе-хе... Зрештою, на вечерю з дияволом, як і з праведником, треба запастись довгою ложкою – щоб не замузратись об дзябла і не сханджуватися від праведника.

Шойно допіру Касіянові тягар (або тільки-но втома) спав з душі, і він розкуто, повногрудо розсміявся:

– А ловкенький афоризм! Про ложку... Також із Гомбровича?

– Прозіт! Прошу пана, прост! Не пам'ентам, хто тен афоризм склепал. Але напевне не Гомбрович, може, немец, ктурему спать не дала слава реготуна з кораблю дурнів; прозїт, прошу пана, файний токай!

Закропились токайським. Утішилися благоговійним мовчанням смакувальників. От гер доктор і каже:

– Тутай і ми, европейчики, теж ума страчаємось, але на свій, уластиво, кшталт. Панові не завадило би на це казіння подивитися зсередини.

– На жаль, такої можливості я не маю.

– То є легко виправне, – посадив йому свої «метелики» на руку. – Виправне і передбачене. Ласкаво прошу пана. – І подав цупкого конверта з видрукваною на ньому вгорі, праворуч, ейнштейнівською формулою залякування невігласів $E=MC^2$.

– Що то є? – звикліше, польською спитав Касіян.

– Запрошення, прошу пана, на баль, – недбало мовив господар. – Узавтра, в клубі достойників. Пан не пожалкує, баль має провадитися в чарівній місцині! Зрештою, там усе зазначено.

– Дякую. Бал у Пратері, либонь?

– Для чого в Пратеру! – забобонно замахав обіруч. – То є бруталне, ваш Пратер! Нічим не краший од совіцьких парків культури та відпочинку! Не, вечірка відбудеться в старім замку, то не близько... Але міркую собі: відвезти пана Павла мені самому чи вирядити на таксі?

– Пане Казимире, – докірливо похитав головою гість, – маю ж авто з водієм добово.

– Властиво! Я й забув. Отже, чекам пана взавтра, е-е... Раджу панові запросити з собою єго секретарку.

– Маєте на увазі перекладачку?

– Перепрошую. Так. Знам пані Ліз Оттобурш як пекну кобіту і... – поклацав пальцями, добираючи необразливого знака, – і як кобіту без манірности.

– Дякую. Вчиню так, як ви радите, певна річ, якщо вона погодиться. Маю сумнів, що пані Ліз прихильно сприйме мою пропозицію.

– Пані Ліз згодна.

Касіян примруживсь, аби виразними очима не виказати поглузу зі свого запопадливого опікуна.

– Альбо згодиться врешті. – Гер доктор дивився на нього з вельми зверхнього погляду: це совіцький, та й годі! – Пані Ліз у певнім часі штудіювала марксизм у московськім університеті Лумумбовім, а вдома в Мюнхені пристала до боївок «червоних бригад». Цось там у неї не залятвілось, і пані Ліз одбула на цивільне замешкання обивательське до нашої тихоцької Австрії. Тутай ми всі є добже обізнані про кримінальне минуле пані Ліз, але то не позостало на заваді стосункам бізнесовим. Єслі фройляйн Оттобурш має відмінні від моїх переконання, то – її приватна справа, нех собі кохається в червоних прапорах, абись лишень справно пильнувала обов'язки службові.

– Будь я попередньо поінформований про т а к у пані Ліз, не певен, що не відмовився б від її послуг. Мені, бачте, потрібна перекладачка, а не терористка, хоч би там як змінились її переконання.

– І намарне! Пані Ліз є файна перекладачка.

– Ну, не тільки, – вперто відказав Касіян.

– А так, пан має рацію! Пані Ліз із тих жіночок, що не позбавлені пікантної жвавости крові. Саме така пані, що пасує до клубу достойників!

– Гей, а хіба то не якийсь закритий – не клуб лише для чоловіків?

– Матка Бозка, – вщebetався сміхом пан Казімеж. – То казна-що, а не клуб обраних! Власне, пан усе зобачить сам. Але, як Бога кохам, нех пан не чудує лишень із товариства, бо то цілий абсурд, а не поважне товариство.

Проте ж абсурд нешкідливий – пан сам уздріє! То є стерпне позбавлення мізків їхніх брутальних функцій. – О, то буде на користь панові: нігди так не розтуляються можники світу цього, як за розваг абсурдових... Але доброно! вельми був утішений, же спіткав добру розмову з беручким паном... із України, з майже земляком, добраноц!

Се було вчора, лишень учора, а так наче відтоді душа йому запалась і третина землі згоріла – *tertia pars terrae combusta est*, – гарний вислів, охайний, на сон грядущий вичитаний у романі Умберто Еко «Наймення троянди» про капості ченців і засвоєний механічно, а навіщо?.. чи пристане на поміч чужорідна латинь? – озвучувана малоприслужним для неї язиком і спухлими гландами, і піднебінням, і ще чим завгодно, але не душею – тільки не душею опробувана латинь!.. і тим-то не дивина, що від нахабного цього школярства виходила, як на слух, якась манірна музикознавча жуйка: терція, терція... напрошувалась і чути від Наталії квінта; чом би ні? квінта теж гарно звучить... а на верхечку знака «фортіссімо» латинське слово *к о м б у с т а* геть упоріднюється з хазанівською кулінарно-технікумівською *к а п у с т о ю*... а це вже не лізло в жодні ворота, це – як горбатого до стіни ліпити! кепкувати ж негарно: латина все-таки, мова божественного – кажуть, сам не читав – Данта, також мова християнської, дарма що нерідної, релігії, шанувати належить кожну, бо хоч який пан Казимир католик, а чоловік по-своєму добрий, і раціональне зерно в його просторікуваннях у наявності мається, то з якої речі перекучувати їхню пам'яткову, як усяка руїна, латину? не варто, ліпше повернутися до наших баранів; отже, чи здатний був уподобаний вислів, чи могла тамта чужорідна шаманистика бодай дотичково вдовольнити як істеричне волення «Хто висповідає мене, дасть полегкість і розгрішення?», так і самого волення, насправді не зістерованого, а лишень злегка, допустимо знервованого? та нізачо в світі!!! то, питається, задля чого він визубрив апокаліптичне *терція парс терре комбуста ест?..* А чорти його батька знають, в ім'я чого Касіян таку й подібну всячину копичив, висмикував, стягував, звідки лишень випадало – з книжок, газет і навіть із украй дурної телевізії! Проробляв він це, не замислюючись. Як би за інстинктом запасливого хом'яка. То становило, а швидше, то – так наче *н а з и в а н о* було його другою натурою, а проте не тією, що про неї всяк може досхочу розп'ятуватися, а тією другою натурою, котру старанно ховано не лише від сторонніх очей, а почасти й від самого себе. То, власне, був резервний гумус, такий собі таємний, незадекларований перед суспільством лан, що на ньому, крім споживачами все одно жданих доброзлаків, при потребі мали зійти драконячі зуби відсічі зазіхачам. А також виправдання їх у власних очах... А втім, такі пани павли не балують світ однозначністю. Тож не виключено, може бути, що дзвінку латинську фразу Касіян возлюбив за принципом контрасту з нерадощами побуту українського діловара на закордонні, що самотній через приписи моралі, а на додачу ще й занедужалий: бридко горло дере, липового б чаю, та з медом, а катма, взагалі все кувирдь, навиворіт, накурена хмарка нічничка в узголів'ї більше застить, аніж догоджає мозкові, ще й безгоміння звідусюди, ні ліжко не рипне, ані миша не шерехне,

і знадвору не долине бодай п'яне зойкання, так начеб і не існує тамтого н а д в о р у, звідси й дитяче відчуття загубленості в цілому світі, й безсторонні здогадки про Власну діяльність, а може, й про все життя загалом, що вони марнота марнот є, ну й солов'їнська журба через усе-то те... – хоч і не надовго, а мимохить опосі дають однуко душу, що й сама вона зрезоновує дисгармонійним скреготом – як би штучний алмаз по шибці знадвору, алмаз грабіжника, зазіхача... А певно ж! у такі хвилини розбрату з собою геть-чисто все набуває значності, навч крупнішає, або ж і свідомо перебільшується, надто – невдачі. Хто жилавкіший духом, у кого жила воляча, вчасно схаменеться, не понизиться до солодшого самоїдства – лишень пожаліє себе мимохідь, і заспокоїть абичим... Тож і Касіян, занедужавши так недоречно, і приголубив себе, і вколисав був домотканою примовкою «ще не той вечір, аби коней міняти на переправі». Таки не той! це сповна відповідало дійсності: правдиво нічого не втрачено; не багато набуто, але втрачено менше, значно менше, ніж набуто: жінка – ягідка, фірма – не прогорає, перспективи нівроку – світло вже ось де, а не в кінці тунелю... то якого тобі ще рожна, Павле Касяновичу? – на ентузіазмі проказав був уголос, проказав і повторив; але вловив у власних словах піднесення Сергія Мироновича Кірова на останньому в його житті партійному з'їзді переможців. Нахмаривсь. Адже тут цікаві не стільки щирі інтонації мови, скільки фальш ситуації; й як розумний чоловік Касіян це гаразд усвідомлював... Тож і вхопився за читання, буцімто на сон грядущий; «Наймения троянди» він придбав «по случаю» тут, гарно виданий томик, і російською, і недорого... І за текстом оповіді в романі, й інтуїтивно легко в уподобаному вислові вгадав євангельське пророкування про кінець світу. Згадка про третину землі, що згоріла, дойняла його до живого. Ні, не так: спершу вірш апокаліпсиса здивував суголосністю з уласними передчуттями грядущих негараздів удома, на батьківщині, а вже потім – і дойняв, і допік... *tertia pars terrae combusta est*, – склепив повіки й кількакратно повторив уголос: *терція парс терре...* Так імлавого досвітня сонце не сходить, а тиче в небеса бруднувату колоду променя. Так сель у горах пускає пробного каменя. Ком-бус-та, ком-буста... *комбуста ест!* ...Але пробі! яке там, з біса, комбуста, яке там з г о р і л о, матері вашій ковінька! Таж анічогісінько ще не відлягло ані вогневі, ані сурмам прокурорським, просто Рошкован, жук такий, песиголовець, у телефона розпятакався, коли не просять! Ідіот!.. Але ж натяк який, натяк! сама прозорість, копіечка до цілого мільйона...

От і все, жодних загадок, нічого від ілюстрацій до посібника з психології.

Касіян – аби радістю поділитись, застояну кров ужжавити – пізно ввечері зателефонував був Рошкованові додому, так, мовляв, і так, Іване, акції наші пішли вгору, в принципі домовленість про складальний цех є, тож, Іване, коваль клепле поки тепле: піджени там наших архаровців, нехай обчислять наш варіант кошторису й негайно сюди мені – кур'єром, чортом-бісом, але щоб бікіцер, одна нога там, друга тут!.. Ділова розмова, хіба ж ні? А що – навзаєм утнув Іван-хитрован?

У нас тут холоїмес і чиста розкрутка пішла, Касяновичу, декотрі чинодрали з ніг позбивалися, копаючи, хто та хто наказав до смерті переїхати депутата

міськаради. Як то «хто вмер», хіба ти знать не знаєш, Касяновичу? Одав Богові душу такий собі... скажімо бугор на рівнім місці! Земля йому пером, звісно, бо така халепа: нещасний випадок!.. Але де там! зчинився базар і холоймес! один твій друг особистий, ну, це не телефонна розмова, прізвищ називати не будемо., так от, цей товариш Копун на бюро, кажуть, поклявся, що кров з носа знайде й підведе під «вишку» не лише виконавця, а насамперед ініціатора цього безперечно політичного вбивства, ти чуєш? політичного!

Матюкнути б Рошкована, так не ладен – поперек горла йому брутальщина. Тільки й того, що с у х о перепинив логорею свого комерційного та, прощаючись, загадав подбати про кошториса. Шануйся там, Іване, до мого повернення, сказав, ти все ще за хазяїна... Поки що, тобто.

Товариш Копун – ясніш ясного – Худяков. Кому ж іще зі шкіри вискакувати? Такі стрибунці з власної шкіри страшніші за фатум. Але – це ми ще побачимо! Сліпий казав: побачимо...

Ох уже й Рошкован! і хто йому за балакалку смакає, щоб отаке на все горло: «бугор», «бугор»! Воробйов, Колька Воробйов той бугор, і нема чого туману напускати, конспіратор недороблений! Бог свідок, нема його вини в смерті Кольки Воробйова. Ох, Рошкован... сам на руку нечистий, то й на інших наклепи зводить! несусвітство всіяке... Ох, Рошковане... іван ти, покиван. А відтак, *de hoc satis* – і доволі про це, – як латиною начертано в тому-таки «Найменні троянди». І Касян поклав собі на відчай душі відвести від себе смерть Миколи Воробйова, депутата, комерсанта й трохи рекетира – за сумісництвом покликань.

Усе-то те було вчора. Вчора. Як і аудієнція в пана фінансиста, непростой, видать, штучки. А сьогодні – це сьогодні. Нині музика інша, кін інакший.

Прокинувся за пару хвилин до вібрування будильника на зап'ястку: під душ, голитися, зарядку й до справ, до справ! Усміхаючись, осадив жвавість: не та музика, не той кін.

Довго вилежувався, по тому нечепурою вештався в апартаментах; дедалі робилося нудніше, навіть якось задушливо; роззявив вершу: гланди стирчали сливами – тільки хмикнув спересердя й обмінявся з дзеркалом порозумілим поглядом мавпи.

Неважко уявити собі, що спричиняло задуху: скрізь відчувався Рошкован. Просто наслання якесь! Скрізь був Рошкован! Його жалький одекolon «Консул», оцет, часник і ваніль – оці неміряні присмаки до уподобаних його пельменів, холодцю з півня та свинячих ніжок, здобних булочок до кави, кави неодмінно з молоком, а ще краще з вершками, щоб геть уже було «по-віденськи»; повсюди в помешканні синтетичний дух його шарпеток «Адідас», яким нібито немає зносу, цупкий, солдатський пах його сигарет «Лакі Страйк» і тонка пахтінь коштовної шкіргалантереї: валізи на роликах, портмоне з тисненням, оленячого футляру для окулярів; «Цейс», зі скельцями «хамелеон», плюс 0,75... які він накладає на нервового, гачкуватого носа лише на поважних переговорах, а ще, певно, наодинці, коли милується підписами сторін і печатками на вдальній обладці-угоді... чи, в отчестві ж любім, запопадаючи надурняк валютну хівру в ресторані «Красний», – він любив, Рошкован, аж умирав, аби все надурняк

було, чи за півціни, або наборг, а чи під заставу чесного слова, – і все-то те не від скнарства абощо, ні, тільки від азарту гравецького, тільки задля спортивного інтересу: замакітри, обмахорити, пошити в дурні будь-якого контрагента; тому-то рошкованів дух, замах, сморідець відчувалися так явно, так вони присутні були скрізь, що, коли б гарненько попошукати, то десь би, в несподіваному чи потаємнішому місці, наприклад, на полотняному звороті картини Петера Хазе «Брігітта танцює» чи зісподу мармурової настільної лампи, сеї зграбної копії з церкви Карла Барромея, чи будь-де ще неодмінно найшовся би вчинений фломастером або ж нашкрябаний ножичком самовдоволений напис туриста – «Тут був Рошкован!» ...Від самої сеї думки Касіян злостиво був усміхнувся, проте виявляти рошкованівську мітку не став, оскільки цим старовинним готелем «Тірольський півень» (старожитнім лише іззовні, а всередині по-хілтонівськи респектабельно опорядженим), його тьмаво-килимовими й присмерково-панельними коридорами, де звиклих до слов'янського простору людей душило зобабіч і згори, мовби в склепі, – цим «Тірольським півнем» Рошкован не п е в н о ж і не походжав був ніколи! Хіба що до бару – велетенського та мрочного, як підземний гараж, – хіба сюди засакакував був Рошкован, аби напустити туманцю хіврі з тутешніх. Або й не австріячком; а, як сам не раз похвалявся був, щоб «із одного пострілу завалити навкарачки руську ведмедицю». Непогано розмовляючи по-німецькому, Рошкован іноді вдавав із себе місцевого боніввана й жуїра, і щойно йому випадав у Відні вільний час, рушав на лови туристок із Союзу, що в масі своїй ладні були віддатися майже за безцінь – за якісь нещасні шиллінги, що покривали вартість семи панталонів-тижденьок. І Рошкован, по-купецьки вередливо перебираючи крамом, брав їх, туристок, брав – ненавидячи, брав із презирством, брутално, брав по-всякому, схиляв і до орального способу: «Ням-ням, сьорб-сьорб! – розказував був удома ласим до подробиць підстаркам. – І не давиться ж, стерво таке! Мав з того мстиву якусь, спеціальну втіху. Не обходилося, однак, і без прикроців. Якось найшла була коса на камінь. Наскочив на жарку одеситку з кордебалету; зляглась охоче, показала вищий пілотаж, у чім-чім, в в цьому їй не відмовиш: ударниця секс-дзоб! А по всіх костоломних любощах зажадала платні – вдесятеро... в іншому-бо разі, зашантажувала землячка, видать, обізнана курва, в іншому разі матимеш удома, гер і хер Рошкован, «бледний від і конскую улыбку». Мусив заплатити! Як миленький... Але відтоді Рошкован іще завзятіше і з більшим правом як такого, що зазнав збитків, уже до дня дозненавиджував радянських за кордонам: «Совки! Не мають нічого святого! – горів праведним гнівом і сарказмом Рошкован у товаристві любих діловарів, тому любих серцю, що вони поки належали до нижчої касті невиїзних. Утім, якщо широко, незлюбив їх, співвітчизників за Дунаєм, і сам Касіян. Відражала жебракувата всякчас метушня, лакизна готовність принизитися, котра дивним чином поєднувалася з непередаваним, якимсь троглодитовим нахабством; не менше дозволяв. Касіяну й їхній сирітський гендель у бічних вулицях, одразу поза обидвох кілець бульварів, часто й на самому бульварі Гюртель, або ж просто неподалік від річкового вокзалу, де вони ледве чи не покотом ночували в каютах якогось ізмаїльського свиновоза; і вже геть дратував і невідь-чого непокоїв їхній не-

сприт у стосунках з поліцією, з якою жодних стосунків і не належало мати, а тим паче – намагатись дати хабаря... і так далі, й таке інше, і Господи прости, скільки всього того різноманітного вітчизняного недорозуму й убозтва! Тому й унікав Касіян спілкуватися з ними. Хоч удома, мабуть, охоче погомонів би з декотрим туристом. Із тим, наприклад, видимо інженером, що ледь не плавав од задрощів абощо, гортаючи на ярмарку-виставці в Шпорт-халлі розкішного проспекта з електронного устаткування контролю на цукроварнях. – «Бідний ти наш Кулібін! – поспівчував був йому по-думки Касіян і... забув про нього. – Але справжню гіркоту, змішану на незбираний ненависті, збуджували в ньому радянські туристи-нுவориші, ті, що з грязі в князі, – кидали гроші на вітер: купали блідих австрійських «гретхен» у ванні з шампанського, за попереднє відшкодування збитків трошили шинкваси в замських барах, жертвували на лігу захисту тварин, – словом, улаштовували свій бенкет... і був то коли не бенкет під час чуми, то принамні в передчутті котроїсь чуми-таки. Тож Касіян мав собі за краще не здибатись у Відні зі своїми, не стикатися з радянчиками на поверхні віденської водоверті. Досягти цього не складало труднощів, оскільки бракувало часу. Та й не мав потреби справляти витрішки по супермаркетах, узагалі – будь-де вишвиндювати без діла.

Нині, щоправда, згідно програми перебування, до самого вечора випадав абсолютно вільний, смерденський вільний час, і Касіян од такого фарту навіть розгубився був спершу: чим-бо загатити сю прірву?

Пошастав по телевізійних каналах. Передавались або цілодобові новини від Сі-ен-ен, або спортивні шоу, чи ще котрась ахінея, музика-танці, перемежовані геть-таки дуроломною рекламою наїдків для киць і песиків, а що ті песики були в попонках кольорів австрійського прапора, це дратувало більше, аніж детектив із бульдозомордим Шварценеггером, що його, фільмуху тобто, Касіян іще вдома пробував і не подужав до кінця додивитися по видюшнику.

Понад телевізійний занепад, і в холодильнику, опріч двох бляшанок «кестлера», нічого путящого не знайшлося. Не марно кажуть: від пива ходиш криво. Пива не хотілось, як не хотілось й замовляти по телефону будь-що з вишивки в номер. Дзеркальним ліфтом з'їхав додолу. Бар дійсно нагадував гараж. Було грохкітно від окуття власних туфель і стукоту серця: таке з Касіаном вряди-годи лучалося по чужих містах, коли по закінченню робочого дня відрядження не міг собі увявити, куди прихилитись; тому й зараз удався був до першого, що спало на думку: просто біля шинквасу, навстоячки, жбурнув до горла рідненької «столичної», рідненька ж сього разу навіть гландам не зарадила, тільки роздрочила, що набурмосився; лихий на себе за блазнювання з допінгуванням, гримнув підківками й сягнутою ходою незалежника вийнявся на поверхню та велелюддя, молодь цілувалась як навіжена, солоплячи полуничні язики. Поліцей – у білому наверхші на голові, сам рудий і так наче не при собі парубок – усе стромляв і виймав, і стромляв знову штрафного папірчика за цвіркунову лапку «двірника» порожнього автомобіля, що його не там або не так припарковано було тутешньою мрійницею. Жовтими нетямцями продибуляли босі брамини, монотонно мурмочучи своє рама-рама. Чи – брама (Касіян так і не второпав). Скрізь жили. А що далі йому? День удався

рідкісним для Відня сеї пори. Хоча власне рідкісності Касіян і не годен був поцінувати належним чином, адже гість, новоприбулий.

Стояло на дивовижній прозорині, що вона для Відня в травні була майже неприродна. Саме той випадок, коли знавецьки мовити «повітря прозоре» – то все одно, що не сказати нічого. Повітря було уречевлене! Воно плавало, між доминами й вище, на взір якихось одполірованих брил. Або, коли ваша ласка, на взір мноства вознесених і зведених упритик аеростатів загородження, що бути прозорими на просвіт. Отака чудасія. Проте й того мало: всередині тих «аеростатів» було вміщено ніжне й також, своєю чергою, рухливе мревко лише трохи темнішої за саму оболонку барви; й оце заточене, тугіше мревко (видовжене – як сливка? як лінза?) нітрохи не спотворювало, а навпаки до-виразнювало бачені крізь нього предмети настільки різко, чітко, що... що... Що білий голуб на шпилі ратуші яскравів, стікаючи по готичній крутизні, мов крапля ртуті! ...Касіян покепкував зі свого порівняння голуба до металу, а проте невідь-чого збадьорився, гоголем, таким собі канди-бобером роззирнувся: а хіба що? та ми нівроку!. вже й горло нібито не так свиньски дерло, несамохіть придбав у газетярки карту міста, знічев'я (так: знічев'я, а не на зло панові Казимиру) рішив податися до Пратера. Неодмінно сам, рішив, неодмінно без конвою Ліз Оттобурш, хоч і милої. ...Зашпацірувати аж на той бік «Дунайського каналу» щоби посидіти десь на відлюдді, під яскраво-зеленим нагіллям чогось схожого до татових вільх. І він здійснив намір. Але стало накрапати, косоплавом війнув дощинський, що мусив ударитися підбіжки, так жваво, так молодо-молодечо нагорнувши сторчма комір білого плаща, котрого, на відміну від орендowanego «Вольво», узяв був із собою завбачно.

Пратер, із-за дощу, будня абощо, був нелюдний і хутко дозnelюднювався...

А Пратер – то такий острів, єдиний, мабуть, поміж усіх річкових островів Європи, на якому передовсім і над усе, чи приймає душа, чи знемігся ти від переситу, хіть-не-хіть – а мусиш, мусиш їсти, за всіх обставин мусиш їсти, їсти, їсти, їсти. Опріч суто німчизни: неподобно пахких сосисок під різноманітними капустами, солодкавою гірчичною, опріч кнедлів і гамбургерів о семи-восьми поверхах, опріч хрумкої картопельки, шинок, зельців, зелені, прокопчених язиків телячих, ягнячих, тушкованої білоптиці, опріч краснорибичі, нашпигованих м'ясець різної твердини й солонцю, опріч усього названого й не названого розмаїття, котрим спокушали Касіяна числені гріль-бари, кав'ярні, корчемки, кондитерські або ж пересувні, дешевші, паби на колесах, – було й іще дещо на вибагливі смаки в цьому Пратері! а було... І всі-то ті поживки нечисленим, але дисциплінованим людом їлося, гамалося, наминалось. І все-то те – під пиво, та ще й услякі пива: темні та світлі пива бурштинової слізки й пива чумацького дьогтю, пива-джмелики, пива-головоскрути й геть легкі, оксамитового поковзу пива, ай...

О Пратер... то всеєвропейська харчевна, корчма з над корчем, то втілений вибрик фантазії хворого на сухоти священника-нуждаря: шкура та кості, падре Рабле, письменника Рабле!

Довший час Касіян успішно відбивав атаки зваб, а проте й він змушений був викинути білого прапора (чи пак – валюту) перед нечуваним наїдком: к е ц а л ь к о а т л ь .

Штуковина виявилась звичайним, хоч і величеським, смаженим піріжком із кукурудзяної муки; коли б іще не надмір у начинці часнику, перцю, лавровишні, прянощів і коли б «мало місце» недовкладання м'яса, голландського тертого сиру та посіченого крутого яйця, то сей пирожисько було б незле прийняти за ялтінського чебурека на замовлення в тамтешнього Тенгіза-кішколова.

І скочив же Касіян – до першої-ліпшої забігайлівки, убезпечитися від мокви, влестити гланди келишком коньяку до кави; ха, не так склалось, як гадалося: замість обмежитися джентльменським набором, лихий попутав Касіяна спокуситись усім меню, йменням страви зокрема.

Варахло, а не їстивок для здоровецького мужика! Шкода грошей.

«Варум... – охайно добираючи німецьке, сікався до кухаря, бармена і мийника посуду в одній особі, – чому саме кецалькоатль?»

Юний бовдур (у ластовинні впоперек щік; як на літа – школярік) люб'язно забулькав горлом, що воно йому не боліло, як декому, кожне слово втокмачував іноземцеві по складах, зацікавлено з-над Касіянового плеча зазираючи в подлубану виделкою, а проте не спожиту п... пироговину! З хлопчачої шварготні випливало таке ось: ацтеки... бог-людина Кецалькоатль... із білим обличчям бог... і довгою бородою...

– Ви мене за дурня маєте? – вдавсь до ніжного запитання Касіян. – Припустімо, це так. Але який зв'язок між богом ацтеків і цим австрійським поживком? – Як же, як же! (Уже драгуючись, експансивніше почав розводитися торговець). Виготовлено за мексиканським рецептом! Засекречений ритуальний рецепт, добутий за цупкі гроші, спеціально з Америки, ноу-хау!

Касіян подякував за інформацію і зажурився. А бодай би вас об землю так било, журився Касіян, як ви з гівна кулю ллете!

З неба хлющило; йдучи дощем, на той бік Дунаю, пішки – щоб озлішатися, Касіян нажурувався й далі: кулю, бачся, роблять! і задибають гріш!.. а ми – щире золото в лайно переводим... А не будуть цьому далі!

Касіян ухилився. Був сам як патик, то й ухилився. Дякую, не треба сказав. У роздратуванні, з яким те було мовлено, переважала все-таки нудьга. Я тобі відповів данке, бовдуре? і ти ферштейн? то якого тобі ще лайна на трісочці треба, майне лібе фройнд? а киш!.. Але причепа в рогатому ковпаку з зубонцями й на думці не мав звільняти йому путь за всіма ген. Часто кліпав чистими повіками, зате нафарбовані губи скривджено тіпались. Одне слово, досадував чоловік у ковпаку. Ну?– нетерпеливився Касіян; вас іст лос? Ковпак занервував, ударив себе промовисто в груди: іх! По тому вказав на Касіяна: ду! Й зачекав, яке враження справить оце знайомче мумбо-юмбо. «Іх», передражнив Касіян, іх – як з кожаха бліх! а далі що? Причепа на сей раз уже прокричав був свою коронну фразу: я дам тобі поміряти залізну корону; з рота йому тхнуло шнапсом. Авжеж! налігалась свиня мулу. І Касіян, своїм непередаваним звичаєм, сильно відтрусив алкаша з-перед себе. Однак якраз цього й не слід було робити, тут видимо сповідувались інші норми, бо негайно з-від смолоскипа в мурі сього недоладного підземелля до них рушив середньовічний кат у червоних шатах і при каптурі з прорізками для очей. Дуже прошу пана чужоземця не кривдити нашого королівського блазня, мовив кат у тональності дешевенького кишень-

кового диктофона. Касіян спідлоба оцінив ситуацію: не стільки знаряддя праці – нормальна сокирка в закасаній руці, скільки ненормально порожнявий погляд чи то сомнамбули, чи то наркомана справив сильне враження не-гри. Раджу чужоземцеві поспілкуватися з блазнем, підтримати світську бесіду... Об чім?... Я дам тобі поміряти Залізну корону!.. З інтонації Касіяна зрозумів, що залізна пишеться з великої літери, та й годі, решта похована мороком. Чули, пане чужоземцю? незворушно спитав кат, то прокажуть вашу репліку та й ходіть собі з Богом. Яку ще репліку, майне лібе герен! боюсь, я недостатньо володію німецькою мовою... чи й ще д е ч и м (Наприклад! закричав блазень, що за натяк «іще дечим», гер Касіян! наприклад? цум байшпіль?), так, іще дечим із р о з л а д і в у яви, щоб я міг дозволити собі без шкоди для власної гідності продовжити спілкування з вами в запропонованому вами дусі. Синтаксично речення було складене чисто, дарма що хибувало на певну смичлову неточність. О, Касіян мав пишатися з розмовної мови такого рівня! Кат і блазень перезирнулися (А-а, то ви, песиголовці, забрали собі в дурні голови, що на раут селяка репаного запросили?!), кат знизив плечем і вернувся на свій пост під смолоскипа. Перепрошую, знічено мовив блазень, то в нас гра така, вікторина, ми проводим її щорічно, гер Касіян, але, може, вона справді не зовсім коректна щодо новачків, іще раз перепрошую! Пусте, не приймайте близько до серця! Втішений, що порозумілись, і... поквапмося – треба наздоганяти своїх, інакше доведеться нам заночувати в очих катакомбах. Якось було мені трапилось, і досі гадаю про те з радістю. Очевидно, в товаристві з гарненькою жіночкою, гм? А зробіть ласку, побудьте за суфлера: тож яку репліку належало мені проказати на вашу загадкову корону? Блазень оживився, так би дитина зраділа несподіваному подарункові: о, данке шон, гер Касіян! ви мали б запитати, про яку корону йдеться! Касіян засміявся: ну, й про яку мова? Блазень: а про ту саму корону, що зберігається в Мюнці! про одну з трьох – про Залізну корону, що нею настановляли на царство імператорів Священної Римської імперії! А по тому, спитав Касіян, що ви проказали б дали? Та нічого, любий мій пане, абсолютно нічого! тема вичерпала себе... Да-а, не густо в них із фантазією, подумки поглузував Касіян. Йому знову робилося нудно, все нудотніше... Не розраяло, що блазень урешті представився; ім'я було знане: транспорт і зв'язок, оцінюється близько чотирьох мільйонів; Касіян зизо позирнув на супутника: нонсенс, ні? птаха такого польоту, а забавляється казна-чим у «клубі»... Тунелем вони прискорили ходу на сигнальне маєво смолоскипів – мовчазні... нараз демаркаційно звідчуженілі, й усяк досягав успіхів у цій справі згідно власного розуміння, майстерності та поняття міри. Касіян, наприклад, бушував: то ви, німчики, загордилися, що зробили мені честь, запросивши на ваші гопки з перевдяганням? а викусіть: то я вам велику честь зробив! Утім, він хутко присоромив себе: невже потрапивши до Європи, й у мені оживає мерзенний, совковий, з репаними п'ятами заздрісник? Невже й мені підгинаються коліна стільки, що годен плазувати лишень тому, що плазувати перед Європою належить! ...Та й що ми знаємо про їхній забугор, що вони, зі свого забугор'я, відають про нас н а п е в н о? По суті, нічого вірного. Живучи по наших тьмутараканях, ми не знаємо ні справжнього в Європі стану речей, ані

способу мислення, сповна не уявляємо правдивої картини, – ми лише можемо здогадуватись, і то здогадуватися з більшою або меншою точністю попадання в імовірність. А з більшою чи меншою – це прямо залежить від нашої, слов'ян, порядності при виборі мети, завдання, що з ними ми беремося за вгадування. Це повною мірою стосується й європейців; і не виключено, що їм триматись об'єктивності в поцінуванні нас – навіть важче... якщо не забувати про фактор певної історичної пихи та зрозумілої зверхності в ставленні європейців до нас, зубожілих духом і штаньми; що? перепрошую, ви щось сказали? ...Кажу, негарно вийшло з короною, гер Касян: так начеб я зловмисно заганяв вас на слизке... проте я гадав, що Ліз Оттобурш, як часта гостя на наших збіговиськах, мала б утаємничити вас у ритуали. Я також сподівався, моя перекладачка запевнила, що все буде гаразд і що вона справиться з роллю гіда; але, на жаль, щойно заступили поріг цієї музейної пишноти, пані Ліз і пропала. Он як? принаймні це дивно, гер Касян. Я згоден з вами: мудра се річ – поміж людьми звичайного зросту загубитися такій версті коломєнській! Як-як? о, дотепно, не завадить запам'ятати! так, справді, пані Ліз висока жінка, коректно мовив блазень вартістю близько чотирьох мільйонів, але скільки вона висока, стільки й сумлінна, а отже, відсутність фройляйн Оттобурш просто кимсь зрежисована. Он як, і ким же? Ну-у-у, геть по простацьки розвів руками, мастаків на подібні вихватки тут предоволі! А все ж бо? Ну, за правом поручителя міг то Сокульськи бути, адже це він рекомендував вас сюди? а якщо не Сокульськи, то могла утнути «дружина» моя. Ви тут разом із дружиною? – не вловив лапок Касян. Співрозмовник на те делікатно, метеликово посадив свої пальці на Касянів рукав (це що в них – «клубна» мода така, мода на педерастичні доторки?): ну-у, так би мовити, дійова особа на нинішній вечір... Але ми вже дісталися виходу з лабіринта! Вибачайте, гер Касян, я залишаю вас на самоті, маю зняти грим і переобмундируватися в цивільне; до скорого побачення; кате, допровадь нашого почесного гостя до тронної зали! ...Кат клацнув закаблуками, гарикнув «яволь!» і з жорсткуватою вправністю, мовби ворожому, а не умовно-ворожому «язикові», зав'язав Касяну очі хустинкою чорного шовку. Якщо тобі заманеться вставляти кляпа, похмуро проказав людоловові, в нагрудній кишені маю чистого носовичка. Не нада, доволі стерпною російською відповів кат, ви проходите в нас за полегшеною програмою, вас навіть не допитуватимуть. То тут і допити провадяться? ого! і коли хтось не розколюється, застосовуються й тортури? Нечевю зря розговаривать розговори, гер Касян. Думаю, вас легко било би допрашивать. І за руку повів Касяна нагору.

Тронну залу було перетворено на правдиво притон бомжів і повій, куди через якесь непорозуміння затесалося кілька пар, убраних дамами й кавалерами. Вештался, сиділи чи напівлежали мальовничі лахмітники на килимовій дорозі й просто на паркеті. Пляшки й наїдки також містилися переважно на долівці, коли не рахувати довжелезного «шведського» стола попідстінню. Горіли свічі, виключно свічі, мноство свіч: на возовому колесі під стелею, на підставних, столиках, на підлозі, в стінових нішах – при залізних ногах ридарських обладунків, на крилатих їхніх плечах і заборолах шоломів. У різних краях зали, і посередині неї, і в групці людей поза тронном, – скрізь малися

свої магнітофони, що звідусюди линула обособлена негучна музика. Вряди-годи люди дружно переставали їсти-пити, замовкали самі й до комарика знегучнювали свої магнітофони, капельмейстер торохкав своїм берлом об діл – і тоді, над усі дотеперішні звуки життя й травлення, громовим голосом хто-небудь проказував якусь нісенітницю на взір: «Вікно затопила темрява і я вирішив!» – Очевидно, це було знаком до колективних дій, але не лише жданим, а й примусовим сигналом, позаяк декотрі з публіки буркотіли, устаючи на розминку, швендяли мов сонні мухи, а промацні, розвідкові прелюди до загальної перебалачки – просто ігнорували; маскарадні бомжі-повії й типажі галантнішого прошарку громади звертались один до другого – кому як заманеться: й у згідності з чином-статусом, і будь-як: уперехрест, як би на перехресному допиті в поліції, або монологово – до самого себе; кожен промовець, що виголошував свою порцію слів, виховано зазирає до очей тому, кому ця порція адресувалась, а проте (й це Касіян уловив одразу) насправді ніхто нікого не слухав – ніхто не підхоплював, розвиваючи, репліку свого попередника, бо, власне, за таке справді трепетне чудо, що ним є доречне слово в діалозі, годі було сприйняти будь-чию мову; зрештою, сей спалах неадекватної комунікабельності без наслідків – загаснув сам по собі, бо ж і берло не било; масова балачка втиналася на чийсь, часто проказаний до половини, однак видимо ключовій фразі, так, балачка вмирала на придику розділового знака, на комі, наприклад, як на сльозі... на відрижці... або ж на правдивому спаданню серця, котрому раптово ставало недобре. Касіяна дивувало: наприкінці загальної говорильні декому з них, переважно панянкам, робилося так кепсько, що вони ладні були повмлівати. Вже по тому, себто по хвилині над міру шанобливої тиші, десь у таємничих глибинах замку вдаряв кілька виразно танцювальних акордів орган, далі вилунило так ніби церковне поспів'я хору хлопчиків – і в тронній залі хтось негайно заходився штучно-цинічним реготом, за мефістофельством якого геть увесь притон однова, рефлекторно хапався кружати вино, наслухати різночинну музику та сласно, мовби підглядування за чужими любощами, чигати на скрик чергового нетямця з дозрілих до парольної нісенітничі на зразок «вікно затопила темрява». Видивляючи на все-то те злихоманені жаром очі, Касіян мучився в догадках, що воно мало б означати, тобто який в цьому вищий був смисл, або просто смисл? Адже в усьому, звик, мав бути сенс!.. Проте ні до чого він не рішився був пристати, крім як журно притакнути, що не лишень йому, сіромі радянському, але й цим випещеникам добробуту й цивілізації також терція парс терре комбуста ест. Покинутий напризволяще, чи пак на власну волю, никав він тронною залою, зрідка, може, лише двічі-тричі наштрикнувшись на зацікавлений чийсь погляд. Освоївсь, однак. Притерся. Чувся упевненіше. Ні, можна було жити! Найшлась і пропажка, Ліз Оттобурш, явно підпила, вшарпана, зі слідами чужої помади близько губ і високо на вилиці. Касіяна ж якраз знеможував черговий напад болю в горлянці, й він при шведському столі, сирота сиротою, принижено (голь-голь-голь) уполощував гланди дряпким, як свиняча щетина, болгарським коньяком і пускав сльозу, коли пані Ліз метеликово (Господи! й ця туди ж із своїм копитом...) уласкавила йому плече. Від несподіванки, що

його заскочено за лікувальною процедурою, Касіян мало не похлинувся був. Відразне пійло смішно роздимало йому щоки.

– Павле, – мовила перекладачка, – не будете проти, якщо ми розмовлятимемо надалі тільки російською? Бракує чогось живого!

Сплюнув коньяк до чарки й вилив у полоскальницю для рук.

– Мені байдуже, – сказав.

Від тривалого мовчання голос йому встигнув захрипнути на Висоцького.

– У вас нездоровий вигляд, Павле. Температура? – Показала, що хоче, поторкати лоба, проте Касіян різко відхилився. – У вас таки жар, Павле! Гадаю, вам треба як слід випити.

– Я не п'ю! – геть по-дурному ляпнув Касіян. Вона жалісно зглитнула камінчика.

– Павле, повірте, я вас не зраджувала. Мене змусили...

– Авжеж!

– Ходімо звідсіля, Павле, нічого цікавого тут уже не відбуватиметься. Цей ідіотизм триватиме до самого ранку. Суцільне глупство з перервами на римські оргії!

– Що воно за таке?

– Матимете бажання, побачите, – пані Ліз так ніби засоромилась. – Або й участь візьмете... Ходімо, я покажу вам замок, це справжній шедевр! А на прикметі маю й одне... дуже затишне місце.

– Для кого затишне, – за інерцією продовжував сікатися Касіян, – чи для чого затишне?

– Не беріть зайвого в голову: для людей, чий здоровий глузд не вражено бацилами буржуазного розпаду. Павле, чом би вам не налити мені чогось? О так, тільки не шампанського: ноги в'януть, а в голові стерильність трупарні! Горілка? Дякую. Вип'єте зі мною, Павле?

– На брудершафт?

– Не обов'язково, Павле. Павле! – Перекладачці видимо подобалось вимовляти його ім'я. – Не обов'язково, Павле.

– В такому разі охоче.

– А ви злюка, Павле.

– Зовсім ні. Прозіт!

– Будьмо! Усе-таки я ваш гід: краще пізно, ніж ніколи. Ходіть зі мною, ходіть і ви не пожалкуєте, Павле.

– Ні. Хочу послухати їх, – кивнув. – Бачу, заварюється добра каша. А ви не зникнете, поки я там? Одному незатишно! І взагалі...

– Ідіть собі, куди хочете, Павле, й будьте певні: цілковита безпека вам гарантована. – І з поковзом, знизу вгору, приклала долоню під звабну, хоч і маленьку грудь. – Президентська охорона, порівняти зі мною, діти малі.

– Спасибі, Лізо, довіку не забуду, – пирхнув Касіян.

В незайманого фужера для швепсу налила, до половини, російською горілку, накривкою прилаштувала бутерброда з шинкою, рожевою пелюсткою помідора й кропом, і назирці за Касіяном рушила до пупки людей, що (за її висловом би) тусувалися поблизу трону й жваво чи то розмову заплітали навпомацки, чи то пересварку.

В одному з кавалерів насилу Касіян признав був підземельного блазня, на кому всіма пишними гронами свого тіла висіла «дійова особа» на вечір – як на бите око, дівиця з професійних масажисток; обидвоє були під шафе, якщо, звісно, не від інакшого вони сяяли кайфу; на них, кричучи, кропив слиною затрапезній гультіпака з обличчям імператора Франца-Йосифа.

– При поганенькому освітленні ноги здаються виснаженими, старечими, тоді як якраз на кухнях і заощаджуємо на освітленні!

– Мої ноги навіть у цілковитій темряві повненькі й тугенькі, – так наче щойно згадала про це блазнева дружина, й Касіян міг забожитися, що так воно й є: литки свіжого сала...

– Слушне вона зволила зауважити, – гречно вклонився блазневі Франц-Йосиф. – То я вас питаю всієї чому брязкіт металевого посуду, що його миє завжди готова до лубощів юна провінціалка, нагадує брязкіт зброї?

– Татусику, твоєї крихітці пора в ліжечко! – захихотіла собі до жменьки блазнюкова дружина, але сам він жодним чином не зреагував був на прозорі запросини, крім як поклацав язиком (а словами долучив: «Дзень-дзелень!»).

– О, так, варто заплющитись, як чути збройовий брязкіт посуду! Нестерпно, нестерпно... Виделка – як зведення курка! Хіба це смішки? – прив'ядав до трагічного шепоту Франц-Йосиф. – Завжди одне й те саме!

– Ну-у-у, – глибокодумно заперечив йому блазень і підморгнув – живіськи, т у т е ш н ь о підморгнув Касіяну. – Що означає «завжди»? Не завжди воно завжди, добродію! Будь-що підлягає поясненню. Усе, що спритним підприємцем робиться тишком-нишком, – не обов'язково по-зловмисницьки, але переважно без свідків, – переходить у категорію аморальності лише тоді, коли Богові набридне дивитись на все те самому й Бог виставить його перед людські очі задрісників і невдах.

– Не давайте їм такої втіхи, з них уже пісок сиплеться, – пискляво гукнула в нікуди блазнюкова пасія й забубоніла, затовкла, так наче то урока затверджує недоумкувата зубрійка: – Я ніколи не сплю з чоловіками, старшими за...

– Це я, я ніколи не сплю з чоловіками, старшими за мене! – то Ліз Оттобурш... і собі, значить, ума рішалась.

З одвертими рухами тіла, ба з непередаваним апломбом мисливиці, що принаймні по бічній лінії була в спорідненні з самою Артемідіою, й водночас так благально, на жебри заобстоювала вона свою, може, більшу з чеснот, що, подосі тихо занурений у свої переживання про брязкіт посуду, Франц-Йосиф притьмом опритомнів, ясно зобразив, як урубє повне освітлення, й поглянув на жінку зі щирим інтересом професіонала; Ліз Оттобурш зневажливо на це фиркнула, показала йому спину й розрядною ходою манекенниці, тобто ступою «від бедра»; закрокувала геть, лишаячись, однак, на місці.

– Військово-промисловий комплекс... – зачувся був чийсь рипучий голос, але його тут же нерозбірливою латинню присадив Франц-Йосиф.

Ліше сліпий міг прогавити штучки Франца-Йосифа й Ліз Оттобурш, а відтак котримсь боком і Касіяну довелось би виказати своє ставлення до цієї парної пантоміми – бодай переміною виразу на своєму обличчі; але, на щастя, тут нагодився був ще один балакунчик: і шанувальник він античних міфів, і сперечальник він за покликанням, але й замирювач сторін із бозна-яких мотивів:

– Не плачмо над юною цнотливицею Європою, що її викрадено биком! Не побиваймося, бо не маємо за чим і жалкувати. Де кримінал? Таж ані в чому немає злочинства, позаяк існують одні пристрасті, самі лише пристрасті! Ви й досі твердите: пристрасть ушляхетнює мозок? Овва, горе вам; є пристрасті, що гірші за брудне скотолозтво, гірші за всяку розпусту!

Частокіл окличних знаків оглушував Касіяна, що несамохить подумував про почесну ретираду.

– З нами сили небесні, – пасторськи здійняв пальця Франц-Йосиф, – а з ними тільки груба сила, та жмакання, та ялозіння, та встромляння відростка прями́сенько в дух.

Авжеж, а й справді, – громогласно накинувся на нього міфолоб, – Отвори, в усьому єсть отвір! Озонова діра моралі!

Нарешті до них долучив свого авторитетного, рипучого голоса перебраний у бомжа добродій із монетою в очниці на взір монокля:

– Військово-промисловий комплекс Тринідад-і-Тобаго не схоче бути нічим іншим, крім як військово-промисловим комплексом Тринідад-і-Тобаго.

– Блискуче, феноменально, – заплодував усім трьом блазень.

– Я просто до сліз зворушений аргументом на підтримку моїх міркувань! О так, безперечно, різна пристрасть і різна розпуста, однак їхні сутності багатимірні! «Бик украв Європу», й ви ахкаєте; «Леду трахнув лебідь», – а від цього ви впадаєте в протрацію... Так-бо вам ти, погвалтованих жалко. Але – буцімто погвалтованих, буцімто зведених жіночок! Бо хто довів, що не обманним шляхом Європа с а м а посіла спину ссавця? Та чи не сама Леда, за посередництва цілого арсеналу жіноцьких хитроців, схилила птаха до злягання з нею? Прошу до уваги: в першому випадку брано в роботу п р о с т о ссавця, в другому – п р о с т о птаха, і жодного разу не олімпійського патріарха! Бо ж многомудрий Зевс, що, хитруючи, перекинувся на бика, сам себе перехитрував, адже втрачав божественну критичність, а відтак і думав, і почував і діяв тільки як самичкою роздрочений бугай! Невже не ясно? А ви рюмсаєте, легкосльозі, над інтригою міфіві. О часи, о звичаї. О верхоглядство чоловіцького лицарського шмаркатога гуманізму! Таж за благородною патиною, як дещо живеньке-м'якеньке в пазусі, ворущкається, двигкоче, п'янить і жадає чужих очей та рук оте ховане справжнє, що воно часто-густо робить міфа значно об'єктивнішим, аніж dokonаний факт! Бо хіба не з надрів міфу, того чи того, доджерелив у наше сьогодніня прагматичний сказ: учаровуй свого супротивника з протилежної статі, заворожуй його, заколилуй, здобувай довіру, розчини йому серце для сексу, для хіті... саме так: для тваринного пожадання! – задури йому голову, аби самохить перекинувся з бога на бугая чи лебеда, на верни його мозок до виправдання ханжеської моралі, а не до безконечних думань, що тримаються припису взаємної меншовартості нещирих...

Касіян збивався з ліку словесних дивовиж, не встигав за шпаркою мовою, що пані Ліз, презирливо кривлячись на торохтія, мусила помагати радянському другові синхронним перекладом, а радніше – немилосердно спрощувати текст.

– Він плеще, – з-за спини нашіптувала Касіяну до вуха, – що перекинчики з однієї подоби до іншої не мають шансу на повагу з боку цілісно сталих натур.

– Консервативних?

– Не зовсім, Павле.

– Ми прищепили своїм дітям стільки зневіри, – похитав перед Касіяном головою блазень, – і стільки нігілізму, що віддопіру, хоч би як ми навертали їх на кращі варіанти поведінки в суспільничому театрі...

Блазень удався був до, певно, виграшної для себе паузи, тож із неї негайно скористав Касіян:

– Я не врубався, Лізо, до чого тут поведінка. Ви хоч зрозуміли, про який театр ідеться? Мова про суспільство в цілому, так?

– Господи!.. Краще випийте, Павле. Ось. Я й закусь прихопила.

– Сумлінніше виконували б обов'язки перекладачки, Лізо! – Але випив. І вкусив – із її руки. Мов птах дзьобнув.

– Отже, хоч би скільки щиро ми навертали своїх нащадків на кращі зразки, – муркотав блазень, – із цього вже не вийде нічого путнього, позаяк ми, добродії, збивали для них стартовий капітал, ошадячи гріш до гроша на освітленні душ, а також кухонь.

«Дружина» звиснула від захоплення й почоломкала свого дбайка.

– Хм! – Касіян стіпнув усям тілом, як той пес мокрий на березі. – Нічого не розумію! Де тут логіка, пані Лізо?

Той, із монетою в оці, забарно пожував пуншевіми губиськами до Касіяна й утаємниченим, оракульським тоном повів:

– Бачите, річ ось у чім. Військово-промисловий комплекс Тринідад-і-Тобаго як держави першорядної, можна, сказати – великої держави...

Касіян вирячився на нього: почвара! кретин, що носить на одну-однісінькою прищелепкуватою фразою! товариство ним гребує!.. – тож і сам не зацеремонився:

– Чого ви лізете з вашим Тринідадом? Велика держава! Та навіть мою країну дражнять Верхньою Вольтою з ядерним арсеналом, чули, ви? То відчепіться, дайте мені спокій з вашим тринідадським ве-пе-ка: з лайна куля, з банану ружжо!

Але зненацька Касіян виявив, що опинився в порожнечі – навіть Ліз дистанціювалась, – а на додачу ще й тиша запала, з отих, яка вилягає довкола хворого на божій постелі. Почвара з належною безпорадністю розводив руками...

– Любий друже, – стиха докорила Ліз Оттобурш, – ви зіпсували їм акт.

– Який акт, Лізо?

– Четвертий, п'ятий, може, сьомий. Звідки маю знати, котрий він за ліком? Але ви, Павле, наплювали їм в борщ! Тут не заведено реагувати в буквальному розумінні на будь-чий слова, а тим більше – оцінювати оприлюднені думки. Останнє – то не ваш клопіт, Павле, тим переймається спеціальна, непитуща сьогодні особа – магістр. Для нього записуються на магнітну стрічку всі розмови в цьому залі, під ранок магістр визначить, чия промова чого варта й роздасть зароблені фішки. Той з учасників, хто не набере мінімуму, відшкодує нестачу з власної кишені: за одну фішку сто

доларів. То дуже струнка, продумана система, а ви, даруйте, вперлися до чужого монастиря зі своїм уставом.

– Ви чудово знаєте, що це мені не було відомо.

– Істотно! Але тепер я не певна, чи вам подарують таку зухвалість, Павле, – й Ліз Оттобурш під схвальними поглядами товариства, належно розчарованого, манекенницьким кроком «від бедра» подалася геть – до шведського столу, по нову, може, порцію оковитої.

Компанійка мовчунів презиралась і видимо не годна була домовитися про спільне рішення щодо Касіяна, що ганив і самого себе за прихід на ці вечорниці, і жарінь у голові й усьому тілі, що дедалі нестерпніше його змелювала на порохно. То якого дідька маю зносити?.. Врешті-решт, царственно прийшов йому на виручку, хоч як то дивно, Франц-Йосиф, а не, приміром, давніший знайомець блазень.

– Вас занепокоїв театр, гер Касіян? Нема нічого простішого! Наш королівський блазень, цей відомий начитанець, акцентуючи на театрі, хотів був сказати, що історія – то є політика, звернена в минуле. А ще гер блазень хотів довести, проте не подужав, що звернена ця політика в минуле – з негідними цілями. Чи дохідливо переповідаю? Дякую. Від себе додаю: звернена вона загалом або переважно зі шкурними інтересам!

– Гаразд! Е-е, перепрошую... Чи можна мені дещо уточнити?

– Будь ласка.

– Даймо поки-що спокій політиці щодо минулого. Але що ж таке, по-вашому, політика, спрямована в майбутнє?

– Вона? Просто-напросто міраж. У крашій разі вона красивенька брехня, а в гіршому – шаманство, афера, насилання масового психозу.

– Масовий психоз, як лікування людей цілими стадіонами? Овва! – посміхнувся ожилый Касіян. – А куди ви, шановний, поділи планування економіки? Не кажучи, нарешті, про соціальне вдосконалення та державницьку розбудову!

– Я не перечив би вам, гер Касіян, – утрутивсь і блазень. – Дійсно ваша так звана політика, що буцімто звернена в завтрашній день, переймається й цим – і плануванням. Однак опікується вона цим, я сказав би, за обов'язком служби, швидше з егоїстичних мотивів виживання, ніж...

– ...аніж за велінням душі! – глузливо долучив Франц-Йосиф. – О, даруйте за втручання.

– Пусте. Ми й так уже напорувалися правил, любий колего. – А до Касіяна звертався жорсткіш: – Абсолютно солідарний з вами: політика на майбутнє, річ певна, мусить дбати і про розвій економіки, і про соціальний комфорт. Але хто наважиться стверджувати, що вона має за наріжні камені лише ці, тільки й виключно ці благородні задачі? І що всяким іншим паскудством вона гордо нехтує? Га? Ви, наприклад, можете зарахувати себе до таких відчайдушних сміливців, гер Касіян?

– Чом ні?

– Павле, благаю вас! Не приставайте до бесід, навіщо? Адже ви не підготовлені! Зрештою, це просто необачно, Павле!

– Та не лізьте ви в чоловічу розмову, Лізо! Горілку принесли? Й на тім спасибі. – Весело, зневажаючи присмерк у розпеченій голові, ковтнув якоїсь гідоти (то була масна грецька мастика), а закусив – кректанням.

– Браво, – поплескав долонями зворушений міфолуб.

– Безумству хробрих поймо ми песню, – хмарно запитувала пані Ліз.

– Я ніколи не сплю з чоловіками!..

– Помовч, моя люба, – цикнув на дружину блазень. – Дозволю також зауважити, гер Касіян, що супряга «політика – майбутнє» містить в собі значно більше складників, ніж їх оприлюднено на голос. Є в такій політиці дещось і негідне... підтасовницьке, нечистоплотне, суто гендлярське, навіть мафіозне, зрештою – підступне...

– Розкішний список! Одначе жодний перелік не може спотворити гармонійної логіки, власне, звичайнісної логіки. Принаймні, як на мою приземлену думку, що ми політично сплануємо на завтра, те зватра й матимемо! З певним люфтом ліворуч-праворуч, звісно.

– Любий мій ідеалісте! Заковика в тому, що персонально ми з вами до нами змодельованого майбутнього не доживем, і яким насправді воно буде – нам ніколи не взнати. Ми лише можемо дозволити собі таку розкіш, як уявити майбутнє, вгадати навпомацки!.. що геть не втішає, принаймні особисто мене. Щоправда, ми можемо своїми змаганнями й мислями про майбуття поділитися з нашими невдячними з недорозуму дітьми. Але з плином часу вони спершу просто підзабудуть наші старечі одкровення, по тому, мимохідь, якусь дещицю й від себе додадуть – як то справіку ведеться, наприклад, із фольклоними пісеньками, – в підсумку ж, отже, нашу з вами, гер Касіян, політику, звернену в майбутнє, витлумачать вони невірно, більше того – скалічать, ні, спотворять її до повного невпізнання!

– Павле, ходімо звідси..

– Не заважай, ластівко моя, – крізь зуби проказав пані Ліз. – Я йому зараз вріжу!

– Коли ж у свій час – зрілий, «дорослий» час – нащадки, тобто наші діти при кермі влади, рятуючись, найдуть причину замислитися над нами людьми минулого віку, та привід зааналізувати наші намагання, то на суто нашу з вами історію, гер Касіян, чи не звернуть вони власне їхню новітню політику, цілі й потреби котрої також будуть назагал або пере важно не-гід-ні?

– Павле!

– І нарешті, чи не творитимуть вони власну історію виключно з почуття мстивої до нас, родителів, злості?

Блазень сумирно-печальним зором приспав Касіянову пильність, аби неждано, по-солдафонськи гучно хряскнути закаблуками й таким собі пів нем розпітися перед компанійкою, що – ждала.

– До дупи наших діток, панове! А хоч би враз вони поставали геніями – до дупи. Ви втямили, любий друже з моноклем, що я пропоную?

Той поважно кивнув:

– Авжеж!

І рипучо вирік:

– Військово-промисловий комплекс Тринідад-і-Тобаго...

А блазнева дружина – підголоском, навздогін:

– Я ніколи не сплю з чоловіками, старшими за мене.

– Безперечно! Але ж Леда трахнула лебедя! Бідолашний, дурний гусак...

– Дочекалися? Гайда звідси. – Ліз Оттобурш силувано сміялась. – Бачите: вони щасливо повернулися до грання своєї п'єси абсурду...

Повела його крізь інші купки людей до шведського столу.

– Навіщо це їм, Лізо?

– Бо жирні вони коти! Буржуа... Просто жирні, жирні коти, що в такий спосіб розмагнічуються! їм, бачся, тяжко живеться... На дорогу прихопимо пляшку?

– Ну, якщо це зручно.

– Зручно!

При довжелезному столі парочка – бомж і дама в старосвітському криноліні – цілувались язиками.

– Ради собі не складу, – блимнув на них Касян, – задля чого мене допущено в оцей бардак.

– Чого не знаю, Павле, того не знаю. Вибачите відвертість? Користі з вас – як з бика молока, ви для них... ніщо. Не образилися? О, данке! Сюди запрошують котів з певними статками й ще більшими перспективами. Тож я не можу належно оцінити справді царського жеста, що на нього здобувся гер директор.

– До речі, де ж отой... пан Казимир?

– Не знаю; в залі його не видно було.

– Чи він магістр?

– Навряд чи, Павле. На магістра котрогось із новачків призначають, і то з котів середньої вгодованості. Цей коньяк беремо чи смирновську?

– На ваш розсуд, Лізо.

– Як чарівно звучить моє ім'я на російський лад.

– Я українець... Лізонько!

– Все одно! Отже, так, беремо «Столичну». Закуску? До цієї сервети. А тепер кілька слів щодо гера Сокульськи. До них тут якась поважна персона зводила прибути, чи не з італійських Сіракуз, і вони...

– Із Сіракуз?

– Не дивуйте, Павле, вони всі між собою пов'язані одним мотузочком, тут що сіракузький котяра, що віденський – однакова дяка: капіталісти. Не відлущюєте мене, Павле? Вони, в разі потенцією впадете їм в око, припнуть до себе й вас.

– Таки що віддухопелю вас, язиката!

– А не побоїтеся? Не міг же старий базіка не наплескати, що я пройшла повний вишкіл у румунському таборі для терористів?

– У Румунії?

– Ой!.. Не викрюгуйте очі, Павле, й не обурюйтеся, буцімто жодна соціякраїна не допустить, аби на її території тренувалися «червоні бригади».

– Ви не закінчили своєї думки про пана Казимира. Де він? І де той сіракузький гість?

– З вас абиякий був би шпигун, Павле, – в її сміхові виразно чулося жіноцьке презирство. – Гадаю, вони з такими самими старперами, – зі смаком

вимовляла се слово, – зачинилися в бібліотеці й базлають про глобальні проблеми недосконалого світу. Годі з вас?

– Годі, я хотів попроситися з Сокульськи, від'їжджаючи до готелю.

– Боже милостивий, Павле! Так вам і дозволили б утекти завчасу... Усі двері позамикані! Хіба вікно висадити, та на вірвовці ...по-альпіністськи ви здатні, Павле? Нічого, нічого, Павле, тут повно кімнат для снання, забарикадуєтесь і перебудете до ранку. Що з вами, Павле? Обіпріться на мене і, будь ласка, не соромтесь, ви справді хворі, друже!

– Та ні, Лізо, просто горло... зранку ще... матері його!

– А ви лайтесь, лайтесь! – завсміхалася. – Російський мат такий переконливий!

– Я не вмю.

– Що-о? Ферфлюхтен! Він не вміє лаятися, – сплеснула руками. – Це правда?

– Ну... правда. Куди веде ця анфілада?

– До ваших апартаментів, Павле... Касяновичу! – З цікавістю позирала на понурого, з крапельками поту на чолі, важкоступного красеня, красивого, проте, мужицькою вродою. – Може, ковтнете з г о р л а?

– Як для ангіни, то пізнавато, все ж не відмовлюся.

Випили по черзі «столичної», лицем до лица, подих до подиху; Лізо, покликав, Лизавето... помовчіть, Павле, відказала, зараз я вам цигарку звиню, хочете?... сигарети маю, заплющував очі, навіщо вам утруднюватися?... так треба, Павле, вам покращає від моєї цигарки... потім, потім, Лизавето, сказав і рушив навмання вперед; замкові закапелки, сходи, переходи, роздоріжжя й бозна-що іще опосіла тиша, повсюдно тут владарювали музейні трунки й припітьма; зрештою, коли заплющити несамохіть очі, що тебе з головою накриває вода.

Бідний Касян, бідний-бідний... присмерковий Касян.

– Клинца клином вибивають, я правильно відтворила приказку, Павле? Клинца клином!

Спершу було повільне кружеляння. Мовби карусель зрушила вколо добре змашеної вісі. Легіт омив йому ліву щоку, солодко, мов у дитинстві, йокнуло під ложечкою... по тому ноги йому вчули м'якого тягарця, так наче вони спізнали приємної томи; а проте тяжина більшала й більшала, й ось уже, мовби сторонніми руками лапаючи, перелапуючи від щиколоток до колін, і до пояса, й попід пахви, тяжина тягла Касяна донизу, пришвидшуючи давнішу кружінь... кружінь! кружінь!.. і аж коли до розверзтого рота вкладено було йому, як у птаський жовтокрай дзьобик, хробачка страху, – тоді аж, тоді збагнув, що його знято з життя простою водовертю!

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Дмитрий Яковлевич (р. 1970) – кандидат исторических наук, политолог-международник, автор публикаций по истории и политике, истории Украины сер. XIX – нач. XX в.

Голубовский Евгений Михайлович (р. 1936) – журналист, краевед, библиофил. Печатается с 1960 г. Автор публикаций по литературной и художественной жизни Одессы XX в. Составитель библиофильской серии книг одесских поэтов нач. XX в.

Губарь Олег Иосифович (р. 1953) – журналист, краевед, историк. Автор книг и публикаций по истории и архитектуре Одессы XIX в.

Заярная Татьяна Ивановна – научный сотрудник ОЛМ, автор публикаций о литературной жизни Одессы и украинской литературе второй половины XX в. Сотрудник музея с 1978 г.

Каракина Елена Александровна – ученый секретарь ОЛМ. Автор книг и публикаций об одесской литературной школе 1920-х гг. Сотрудник музея с 1982 г.

Катчук Анатолий Николаевич (р. 1943) – библиофил, участник правозащитного движения 1960-80-х гг.

Липтуга Татьяна Ивановна – директор ОЛМ, создатель экспозиции, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1920-1970-х гг. Сотрудник музея с 1978 г.

Лущик Сергей Зенонович (р. 1925) – краевед, библиофил, автор книг и публикаций о литературной и художественной жизни Одессы нач. XX в. Член научной секции книги Одесского дома ученых.

Мельниченко Лилия Алексеевна – ведущий специалист ОЛМ, автор публикаций о литературной жизни Одессы 1940-1980-х гг. Сотрудник музея с 1984 г. Создатель экспозиции филиала ОЛМ – музея С. Олейника в с. Левадовка (2008).

Нирша Алла Михайловна – заведующая филиалом ОЛМ – мемориальным музеем А.С. Пушкина, автор публикаций по истории Одессы первой половины XIX в. Сотрудник музея с 1994 г.

Оржеховский Сергей Венедиктович (р. 1946) – сотрудник ОЛМ, историк, краевед, автор публикаций по археологии Северного Причерноморья. Одна из тем исследований – Отечественная война 1812 г.

Панасенко Наталья Николаевна – краевед, автор книг и публикаций о литературной жизни Одессы конца XIX – первой половины XX в. Член научной секции книги Одесского дома ученых.

Панков Александр Анатольевич (р. 1962) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ОНУ им. И.И. Мечникова. Автор публикаций по философии, истории, богословию.

Полторацкая Анна Николаевна – заведующая отделом научно-просветительской работы ОЛМ, создатель экспозиции музея. Автор публикаций по зарубежной литературе и русскому зарубежью. Сотрудник музея с 1978 г. Создатель экспозиции филиала ОЛМ – музея Х. Ботева в с. Задунаевка (2008).

Семыкина Галина Георгиевна – заведующая научно-экспозиционным отделом ОЛМ, создатель экспозиции музея, автор публикаций о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. Сотрудник музея с 1978 г.

Федорков Иван Михайлович (1915-1990) – краевед, библиофил, коллекционер. Член научной секции книги Одесского дома ученых.

Фельдман Виктор Семенович (1915-2008) – краевед, библиофил, в течение многих лет главный библиограф НБ ОГУ (ОНУ) им. И.И. Мечникова. Автор публикаций по книговедению и библиофильству. Член научной секции книги Одесского дома ученых.

Хивренко Лариса Станиславовна – научный сотрудник ОЛМ, создатель экспозиции, автор публикаций о литературной жизни Одессы первой половины XIX в. Сотрудник музея с 1979 г.

Яворская Алена Леонидовна – заместитель директора ОЛМ по научной работе, автор книг и публикаций об одесской литературной школе 1920-х гг. и украинской литературе 1920-х гг. Сотрудник музея с 1984 г.

ИЗДАНИЯ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Одесский государственный литературный музей: Путеводитель. – Одесса: Маяк, 1986. – 144 с.: ил. – Тираж 50000 экз.

Атлас Доротея. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Сост.: Л.В. Майборода, Г.В. Закипная. – М.: Ласми, 1992. – 208 с.: ил. – Тираж 30000 экз.

Книжкові обкладинки художника Михайла Жука: Кат. вист. / Сост.: О. Лагутенко, С. Лущик. – Одеса: ОДЛМ, 1995. – 56 с.: ілюстр. – Тираж 100 прим.

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 1. – Одесса: Афина, 1997. – 240 с.: ил. – Тираж не указ.

Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину / Сост.: А. Яворская, Л. Алескерова. – Одесса: ОКФА, 1998. – 160 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Крандиевская-Толстая Наталия. Свет уединенный / Сост.: Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 1999. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с *Всемирным клубом одесситов.*

Одесса – А. Пушкину: 200-летию А.С. Пушкина посвящается: Сб. ст. / Сост. Р.И. Бродаво. – Одесса: Принт Мастер, 1999. – 160 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Инбер Вера. Цветы на асфальте / Сост.: Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса: Друк, 2000. – 92 с.: ил. – Тираж 150 экз. – Совм. с *Всемирным клубом одесситов.*

Фиолетов Анатолий. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. – Одесса: Друк, 2000. – 96 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с *Всемирным клубом одесситов.*

Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. – Вып. 2. – Одесса: Друк, 2001. – 336 с.: ил. – Тираж 700 экз.

Где обрывается Россия... / Сост.: А. Таубеншлак, А. Яворская. – Одесса: Оптимум, 2002. – 492 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с *обществом «Мемориал».*

- Рассказы о музее*: Сб. очерков. – Одесса: Пласке, 2002. – 200 с.: ил. – Тираж 1000 экз.
- Ильф Ильа*. Путешествие в Одессу / Сост. А.И. Ильф. – Одесса: Оптимум, 2002. – 206 с.: ил. – Тираж 300 экз.
- Путешествие в Одессу*: Ильф А.И. Ильа Ильф в Одессе. 1897–1922; Ильф И.А. Рассказы и фельетоны / Сост. А.И. Ильф. – Одесса: Пласке, 2004. – 368 с.: ил. – Тираж 2000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».
- Бабаджан Вениамин*. Из творческого наследия: В 2 т. / Сост.: С.З. Лущик, А.Л. Яворская. – Одесса: Оптимум, 2004. – 584 с.: ил. – Тираж 300 экз.
- Фоогд-Стоянова Т.* Вспоминая Владимира Алексеевича Пяста; Пяст В. Девятнадцать писем / Сост.: А. Полторацкая, Е. Мальцева. – Одесса: Друк, 2004. – 120 с.: ил. – Тираж 300 экз.
- Дом князя Гагарина*: Сб. ст. и публ. – Вып. 3. – Одесса: ЗАО «Пласке», 2004. – Ч. 1. – 264 с.: ил.; Ч. 2. – 368 с.: ил. – Тираж 1000 экз.
- Каракина Е., Самойлова Т., Ищенко А.* Прогулка по Одессе: Путеводитель. – Киев: Балтия-Друк, 2004. – 144 с.: ил.
- Славетный друкар Одеси*: Кат. укр. видань одес. видавця Є.І. Фесенка / Уклад.: Г. Закіпна, Т. Максим'юк. – Одеса: КП «Одес. міська друкарня», 2005. – 48 с.: ілюстр. – Тираж 500 прим.
- Каракина Е., Мисюк А., Розенбойм А.* Путеводитель по еврейской Одессе. – Одесса: Мигдаль, 2006. – 88 с.: ил. – Тираж 300 экз.
- Каракина Е.* По следам Юго-Запада. – Новосибирск: «Свиньин и сыновья», 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 1000 экз.
- Одесская старина*: Очерки одесских краеведов XIX века / Сост.: Т. Щурова, А. Яворская. – Одесса: Оптимум, 2006. – 232 с.: ил. – Тираж 500 экз.
- Вигель Ф.* Записки / Сост. А. Полторацкая. – Одесса: Оптимум, 2006. – 176 с.: ил. – Тираж 500 экз.
- «Свою Україну любіть»: Каталог Шевченкініани / Упоряд.: Г. Закіпна, Л. Майборода. – К.: Мистецтво, 2004. – 52 с.: ілюстр. – Тираж 300 экз.
- Яворская А.* Забытые и знаменитые. – Одесса: Оптимум, 2006. – 236 с.: ил. – Тираж 300 экз.
- Музейщики смеются*: К тридцатилетию Одесского литературного музея / Сост.: Л. Алескерова, Т. Липтуга. – Одесса: Зодиак, 2007. – 224 с.: ил. – Тираж 1000 экз.
- Кирсанов до Кирсанова* / Сост.: А. Яворская, Е. Голубовский. – Одесса: Зодиак, 2007. – 176 с.: ил. – Тираж 100 экз. – Совм. с Всемирным клубом одесситов.
- Дом князя Гагарина*: Сб. ст. и публ. – Вып. 4. – Одесса: Моряк, 2007. – 416 с.: ил. – Тираж 1000 экз.
- Яворская А.* Осколки. – Одесса: Оптимум, 2008. – 182 с.: ил. – Тираж 300 экз.
- Фазини. 1893–1944* / Сост. А. Ильф; Авт. ст.: А. Яворская, А. Ильф, И. Кричевский. – Москва: «РепроЦЕНТР М», 2008. – 280 с.: ил. – Тираж 350 экз.
- Семейный альбом одесского издателя Е.И. Фесенко* / Сост.: Г.В. Закипная, Л.В. Майборода. – Одесса: Гор. типогр., 2008. – 316 с.: ил. – Тираж 500 экз.
- Каракина Е.* Гуляем по Одессе. – Одесса: Оптимум, 2009. – 318 с.: ил. – Тираж 2000 экз.

Каталоги, календари

Сандро Фазини – к 110-летию со дня рождения: Кат. вист. / Одес. лит. музей; Сост. А. Яворская. – Одесса, 2003. – 8 с.: ил. – Тираж 50 экз.

Василь Ковальчук. (1945-2005): Живопись, графіка: Кат. вист. / До 30-річчя Одес. літ. музею; Упоряд.: Н. Кореновська, Л. Хивренко. – Одесса; Київ: «Софія-А», 2007. – 56 с.: ілюстр. – Тираж 500 прим.

Художник и муза: Живопись, графика, скульптура: Кат. вист. 6-25 марта; Сост.: Н. Кореновская, Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 30 с.: илл. Тираж не указ.

«Приятно ли жить в Одессе»: Календарь на 2003-2004 год / Сост. Н. Рымарь. – Одесса, 2003. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Литературная Одесса: Календарь на 2004-2005 год / Сост.: Г. Закипная, Н. Рымарь. – Одесса, 2004. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Сад скульптур: Календарь на 2005-2006 год / Сост.: О. Губарь, Т. Липтуга. – Одесса, 2005. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Города-побратимы: Календарь на 2006-2007 год / Сост. Л. Мельниченко. – Одесса, 2006. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Ланжероновская: История одной улицы: Календарь на 2007-2008 год / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Ланжероновская: История одной улицы: [Буклет] / Сост. Л. Майборода. – Одесса, 2007. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Улица Гоголя. История одной улицы: Календарь на 2008-2009 год / Сост. Л. Хивренко. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Улица Гоголя: История одной улицы: [Буклет] / Сост.: Л. Хивренко, Н. Кореновская. – Одесса, 2008. – 28 с.: ил. – Тираж 1000 экз. – Совм. с ЗАО «Пласке».

Одесский литературный музей:

ул. Ланжероновская, 2, Одесса, 65026, Украина;

тел.: +38 (048) 722-00-02, 722-33-70;

тел./факс: +38 (048) 731-46-85, (048) 725-01-73

e-mail: litmuseum@yandex.ru

<http://www./museum-literature.odessa.ua>

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 5

Українською та російською мовами

Відповідальний редактор

Т.І. Ліптуга

Упорядники

О.Л. Яворська, Г.Г. Семикіна

Редактор

О.М. Барковська

Оригінал-макет

Н.С. Луцик

Підписано до друку 08.04.09. Формат 60x84/16.
Гарнітура MinionC. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 24,03. Обл. вид. арк. 19,2. Тираж 800 прим.

Віддруковано з готового оригінал-макета

Видавнича організація «ПЛАСКЕ» ЗАТ
Свідоцтво суб'єкту видавничої діяльності: Серія ДК №2149 від 08.04.05
Україна, 65001, Одеса, вул. Академіка Заболотного, 12
тел.: +38 (048) 7 385 385